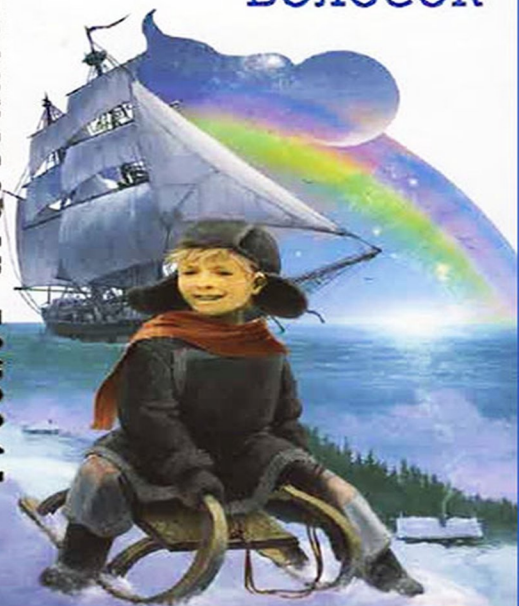
Владислав

КРАПИВИН

СТАЛЬНОЙ ВОЛОСОК

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО



Стальной волосок

Владислав Петрович Крапивин

Аннотация
Владислав КРАПИВИН. «Стальной волосок»
СТАЛЬНОЙ ВОЛОСОК. Книга в двух романах
Роман первый. БРИГ «АРТЕМИДА». Сказка о дальнем плавании
Часть I. КАРТА АМБРУАЗА ТАРДЬЕ
СНЕЖНАЯ ПЫЛЬ
ТУМАННЫЕ КАРТИНЫ
КОМАНДИР «АРТЕМИДЫ»
ДОРОГИ
БРИГ
«ДЫХАНИЕ ОКЕАНА»
В КАЮТ-КОМПАНИИ
ПАРИЖСКАЯ НАХОДКА
Часть II. ОСТРОВА
РАКОВИНА
ТРЮМАШ́И И КНОПЫ
ОБМАН
РЕШЕНИЕ
СТИХИЯ
«КОРИЧНЕВЫЙ БЫК»
Часть III. БРАТИШКА

ЛОЦМАН
РИВЬЕР-САЛЕ
КАРТИНКИ
КАРТИНКИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ
ДОРОГА К ДОМУ
В ТУРЕНИ
ЭПИЛОГ. ВЕСЕННИЕ КОРАБЛИКИ
Роман второй. ГВАДЕЛОРКА. Сказка о детях старого города
Часть I. САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ
ПОМИДОРЫ
ДАВНИЕ ВРЕМЕНА
ПОЛУДЕННЫЙ ВЫСТРЕЛ
ТРУБАЧИ И НИКЕЛЬ
ОРУДИЕ ПО НАСЛЕДСТВУ
БЛИК НА ЗВЕЗДНОМ ГЛОБУСЕ
МУЗЫКА ИЗ ПРОШЛОГО
Часть II. ПОВИЛИКА
ГРАФ
РЕМКА
ЛЕГЕНДЫ О КАПИТАНЕ БУЛАТОВЕ
ВОДА, СОЛНЦЕ И ФАНТАЗИИ
ХУДОЖНИК СУКОНЦЕВ
ПОВИЛИКА
СНОВА ПОВИЛИКА
ЗОЛОТИСТЫЙ БРОД

РАКОВИНА
КЛЮЧ
Часть III. ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ
СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ
САША ЮХМАНОВ
КРАСНЫЕ КАПЕЛЬКИ
ДИВЕРСИЯ
КРУГ ДРУЗЕЙ
ПРОЩАНИЕ. ВУЛКАН МАТУБА И ЧЕХОВ
НЕСКОЛЬКО ПОСЛЕСЛОВИЙ
Первое. СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ АВГУСТА
Второе. ДИПЛОМ
Третье. О РАДУГАХ
ТЮМЕНСКИЙ КРАТОКРАФАН

Аннотация

Перед вами — сборник новых произведений классика русской фантастики и лауреата множества литературных премий, тюменского автора Владислава Крапивина.

Фантастическая сказка, давшая название сборнику, рассказывает о далеких временах Крымской войны. Бриг «Артемида» отправляется в секретный рейс из Санкт-Петербурга в Гавану, чтобы доставить документы, могущие повлиять на исход войны…

Продолжение этой истории вы узнаете в романе «Гваделорка», который рассказывает о современных школьниках, разгадывающих сложные и запутанные тайны прошлого.

Содержание:

Владислав Крапивин. Бриг «Артемида» (роман), стр. 5-243

Владислав Крапивин. Гваделорка (роман), стр. 244-528

Владислав Крапивин. Тюменский Кратокрафан (Краткий толкователь крапивинской фантастики), стр. 529-542

Владислав

КРАПИВИН

СТАЛЬНОЙ ВОЛОСОК

ЭКСМО
Москва
2009

Владислав КРАПИВИН
«Стальной волосок»

СТАЛЬНОЙ ВОЛОСОК
Книга в двух романах

Разговор с внуком в августе 2007 года.
— Дед, ты что сейчас делаешь?
— Работаю.
Через полчаса:
— Дед, а сейчас что делаешь?
— Я уже говорил: работаю...
— Ну что это за работа! Сидеть на диване, глядеть перед собой и не двигаться!..
А дед в это время придумывал книгу, которую теперь посвящает своему внуку Петьке — барабанщику и подшкиперу парусной флотилии «Каравелла».

Роман первый
БРИГ «АРТЕМИДА»
Сказка о дальнем плавании
Часть I
КАРТА АМБРУАЗА ТАРДЬЕ

Оппонент, профессор А. Б. Иванов:
— Но, молодой человек! В вашем… э-э… сочинении нет никакой документальной основы!
Пятикурсник Иван Повилика:
— Ну и что?

Диалог на защите дипломной работы.

СНЕЖНАЯ ПЫЛЬ

1

Санки у Гриши были знаменитые. Про них знали не только мальчишки и девчонки Ляминской улицы и окрестных переулков, знала и ребятня с того берега Городищенского лога. Сделал санки Кондрат Алексеевич Луков («мастер по всем

деревянным премудростям», как он сам про себя говорил) — сосед и приятель купца Максарова. Он и максаровским дочкам смастерил сани, но не такие, как для Гриши, а одни на всех — чтобы вместе было не страшно и весело. А Грише сказал:

— Ты ведь ямщицкого корня, надобно тебе салазки быстрые и лихие, чтобы слушались, как верная твоя лошадка…

Они такие и получились — легкие, поворотливые, с чудо какими скользкими полозьями. Впереди полозья широко загибались вверх и назад. На их концах Кондрат Алексеич вырезал прищуренно глядящие вперед конские головки — с прижатыми ушами и откинутыми, будто встречным воздухом, гривами.

Прокатиться на таких — всякому охота. Вот и приставали:

— Гришуня, можно съехать разочек?

— Булат, дай скатиться на твоих коняшках!

Гриша давал, потому что просили по-доброму, без наскоков. Иногда, правда, отвечал:

— Обождите ради Христа. Ежели всякому не отказывать, сам-то я когда кататься стану?

Ну, тогда отступались на время, народ был понятливый…

Катались в самом начале Ляминской, там, где

улица прижималась к логу. С одной стороны — заборы и ворота с накладными узорами, дома и домики с крылечками и кружевными дымниками на заснеженных крышах, с другой — крутой откос, под которым широкое дно лога, где в сугробах спит застывшая речка Туренка. Вот с откоса и скатывались — кто на больших и малых санках, кто на самодельных лыжах из бочковых клепок, а кто и на рогожках. Визгу и смеха здесь хватало всю зиму — и под солнцем, и под луной.

Нынче зима была уже на исходе, давно миновало Крещенье и недавно — Сретенье, впереди маячила Масленица, а за ней Великий пост — время строгое, когда, по словам взрослых, много веселиться грешно. Да и какое веселье, какие санки весной, в распутицу! Но пока еще стояли февральские холода, и о недалекой весне говорило лишь то, что закаты стали не такими ранними. Послесолнечная розовость дольше, чем прежде, висела над низкими крышами и черными елями Городища, а в заре повадился купаться тощий месяц, над которым дрожала переливчатая звезда. Месяц был похож на серебряную подковку (уж не от Гришиных ли санных лошадок?).

Девочки на своих розвальнях катались сами по себе, лишь изредка окликали Гришу. Он им в

ответ махал овчинной рукавицей. Максаровских дочек было четыре: самая большая, на год старше Гриши, — Аглая, потом его ровесница Оля, после еще с разницей в год и два — Танюшка и Катенька. Была и пятая — Лизавета — но ее пока в такие игры не брали: больно мала, третий год…

Скользящий путь с высокого края улицы до Туренки стремителен и недолог: полминуты встречного снежного свиста — и вот уже подлетаешь к заиндевелым кустам, что съежились вдоль берега. А иногда, если разгон получился хорош, можно через кусты, по застругам и наледям, вылететь на другой бережок (его сразу и не разглядишь среди сугробов). Опасности тут никакой, в Туренке поблизости нету ни одной проруби. Да ежели бы и была, то самая большая беда — замочишь валенки и подол шубейки, потому что глубина здесь «курице по пузо».

От скорого полета на санках обмирает душа. Но это в первые разы, пока не привыкнешь, а потом хочется *еще чего-то такого, новенького*. Вот и стараешься то с разгона увеличить быстроту, то взлететь повыше на ухабе, то с хохотом напугать столкновением дружка-приятеля, то…

Гриша придумал такую забаву. Уже внизу, на полпути от ската к речке, он пяткой валенка

замедлял скорость санок с одного бока, те делали резкий поворот и уносили хозяина с накатанных мест в рыхлость нетронутого снега. Там Гриша опрокидывался на спину, взмахивал рукавицами, а снег взлетал над ним пуховой тучей, в которой начинали дрожать тысячи крохотных искр. Это месяц и большая звезда, и отблески заката рассеивали в снежной пыли свой сказочный свет.

Отсюда, снизу, крыши были уже не видны, только острые макушки елей чернели над кромкой откоса. Но месяц и звезда никуда не девались. Наоборот, в легкой снежной завесе они сделались ближе и крупнее, нависали почти что над лицом — протяни руку, и дотронешься до светящейся теплоты. Гриша не протягивал, чтобы не обмануться в сказке…

Когда розовый закат почти угас, а месяц разгорелся, Гриша (в который уже раз!) выбрался наверх. Было по-прежнему шумно и многолюдно. Гриша завертел головой: где они, сестры-то? Но сестер не разглядел, а со стороны услышал несмелый голосок:

— Гриша, можно я прокачусь?

Это был семилетний Агейка, сын сторожа ближней, Михаило-Архангельской церкви. В сумерках и под большим треухом лица Агейкиного было

не видать, но Гриша и так знал, сколько на нем крупных конопушек. Агейку за конопушки не дразнили, нрава он был покладистого и тихого, и потому никто его не обижал. Агейка редко обращался к кому-нибудь с просьбами, ну а если попросит, как такому откажешь…

Гриша сунул Агейке в рукавицу веревку от санок.

— Ладно, езжай…

— Не… Можно с тобой?

— Да одному-то ловчее!

— Не… Одному боязно…

— Горюшко ты мое… — сказал Гриша, точно как кухарка Арина, когда он или девчонки что-то роняли или разбивали на кухне.

Он подтянул санки к краю, усадил Агейку перед собой.

— Ну, Агей — не робей!..

— Ага… — отозвался тот с радостной готовностью.

И понеслись!

Агейка раза два взвизгнул, но понятно, что не от испуга, а от радости. И одно только в этой радости было плохо — быстро кончилась.

Вдвоем повезли санки вверх — длинной, косо идущей по склону тропинкой. Склон густо синел

в сумерках, а месяц бросал на его неровности пятна зеленоватого света. От Агейки помощи было ни на грош, путался только сбоку, но сказать «не мешай, я сам» было совестно. Агейка же, наверно, думал, что его старательность понравится Грише и тот прокатит его еще…

Может, оно так бы и случилось, но, когда оказались на кромке, Гриша сразу увидел среди мелкой ребятни высокую, закутанную в шаль Арину. И она его увидела.

— Где это вас носит нечистая сила (прости, Господи)! С обеда ушли и пропали. Тетичка Полина Федоровна вся извелась, «иди, — говорит, — Арина, сыщи неслухов». А мне только и заботы, что бегать за вами, на кухне к ужину ничего еще не готово, беда одна…

— Ежели не готово, чего нас раньше сроку домой тащить? — рассудил Гриша.

— А того, что Платон Филиппыч приехали, спрашивают, где дети. «Почему, — говорит, — одна только Лизонька на мне висит?»

— Папенька приехал! — наперебой завизжали сестры, которые невесть откуда оказались рядом.

А еще рядом оказался Ефимка Грач, сын приказчика из скобяной лавки торговца Густова. Сказал

с легкостью:

— Ты, Булат, щас домой пойдешь? Оставь мне своих «коняшек» покататься полчасика, я свои сани на кочке хрустнул.

Просьба была довольно нахальная, поскольку в близких приятелях у Гриши Ефимка не числился. И решил уже Гриша ответить: «Свои добил, а теперь мои захотел?» Но глянул на притихшего неподалеку Агейку и ответил нежданно для себя:

— Ладно, бери. Только не один катайся, а вот с ним, — и кивнул на маленького. — Да не обижай…

— Зачем обижать-то? — честно удивился Ефимка. — Будет, как ты сказал…

— Потом поставь санки у нашей калитки, звякни в колоколец. Кто-нибудь выйдет, заберет…

Девочки той порой весело уговаривали Арину сесть в сани. Мол, домчим до дому за то, что принесла добрую весть о папеньке. Ухватили даже и со смехом старались усадить в легонькие розвальни.

— Да отпустите вы меня, оглашенные! Чё люди-то скажут! Взрослую дурёху малолетки везут! Обсмеют на весь свет!.

— А мы скажем, что к Масленице готовимся! Репетиция такая! — нашелся Гриша.

— Какая еще ри…ты… пица? Грех один…

— Репетиция! Ну, подготовка будто к домашнему театру на Рождество! Помнишь?

— Ты, Гришка, угомонился бы! Больно шустрый стал. Вот скажу Платону Филиппычу… у меня есть чего про тебя сказать. Он тебя отдерет за милую душу!

Гриша смеялся (а девчонки упрямо усаживали Арину). Ничего она про него не скажет, хотя и есть что. И никто его не отдерет. Сроду такого не бывало!

…Правда, один раз, прошлою весной, чуть оно не случилось. Гриша гонялся по комнатам за маленькой резвой Катенькой и запустил ей вслед тугой вышитой подушечкой — одной из тех, что лежали по креслам. Катька — вот ловкая! — животом упала на половицы, подушка пролетела сверху и угодила в тонконогий перламутровый столик у дивана. А на столике красовалась лампа со стеклянным абажуром из розоватого стекла (называется «венецианское»). Лампа — на пол, абажур — вдребезги, Катька — в рёв, хотя она-то здесь ни при чём! Шум, люди… Среди всех сбежавшихся — высокая, ставшая сразу будто деревянной, тетичка Полина Федоровна.

— Это что же такое! Сколько раз тебе, Григорий,

говорилось: веди себя в доме пристойно, не шали сверх меры. А ты опять… Такая лампа была! Да не в лампе дело, а в твоем непослушании… Дуся!

Появилась вертлявая кухарка Дуся (взятая временно, в помощь Арине).

— Дуся, принеси-ка вицу!

Девица хихикнула и ускользнула. И сразу появилась опять — с длинным черным прутом (будто он был припасен заранее). Хихикнула снова — видать, ей было любопытно. А прут показался Грише похожим на голый хвост великанской крысы из его давнего страшного сна. Гриша обмяк и онемел — ни словечка вымолвить, ни пискнуть даже. И будто вата в ушах… Сквозь вату он услыхал:

— Помоги-ка, Дуся, этому сорванцу расстегнуть, что надобно…

Дуся придвинулась. От ее фартука пахло рыбьими кишками — наверно, она только что потрошила на кухне осетра…

Гриша беспомощно попятился — мелкими шажочками… Неужели это и вправду? Вот сейчас! Здесь!.. Боли он не боялся, даже и не подумал про нее, но *эта жуть*… при всех, при девочках… Одно дело, когда вместе купались у запруды на Туренке — и мальчишки, и девчонки со всей округи — там

никто и не думал про всякое такое, не глядел друг на дружку, только визг да брызги… А тут ведь *совсем другое* … Гриша метнулся по сторонам сырыми глазами, зацепился за взгляд Полины Федоровны. Та вдруг мигнула, глянула иначе.

— Ладно… Дуся, оставь… — И Грише: — А ты ступай… и подумай про свои излишние шалости. Большой мальчик, десять лет скоро… Обещаешь впредь быть разумнее?

Гриша часто закивал (отчего с ресниц срывались капли), и каждый кивок был, как мелкая ступенька в темное укрытие. В сумраке этого укрытия были перемешаны и стыд, и великое облегчение…

Потом Гриша всхлипывал на своей постели, спрятавши лицо в подушке, а разумные Оленька и Аглая утешали его, говоря, что ничего, мол, страшного. Тетичка просто припугнула Гришу, который стал в последнее время чересчур прыгучим. А по правде-то *ничего такого* делать не собиралась.

Может, и правда не собиралась. А может, в последний момент увидала его глаза и пожалела мальчишку. Вспомнила, что сирота…

Четыре сестры тоже были сиротами, но все же не полными, при родном батюшке. А он — и без

маменьки, и без отца. Потому и не Максаров, а Булатов.

2

Гришиного отца уважали, как известного знатока лошадей. Несколько лет он служил ямщиком, потом стал шорником. Родом был из Бухарской слободы, что за рекою. Там жили те, кто обитал в этих местах еще в давние времена — до той поры, когда казаки поставили крепость Турень на месте запустелой столицы обширного ханства. Как появилась крепость, люди здешней крови перебрались за реку. Туда же стали съезжаться и торговцы из Бухары. Жили рядом с русскими без больших споров и кровавых стычек, потому что худой мир лучше доброй войны. За рекой места было немерено. Стройся, живи, занимайся ремеслами, рыбачь, разводи огороды, торгуй. Казаки и русские поселенцы обид бухарскому поселению не чинили, те тоже хотели согласия. И нарушалось оно нечасто. Хотя изредка случались всякие стычки, потому что на разных берегах — разные веры. У русских — православная, у бухарцев — магометанская. Ну и ладно, веруй в Господа каждый по-своему, другим не мешай. Так оно в общем-то и было, но за редкими случаями. И такой вот слу-

чай выпал заречному шорнику Амиру Булатову и дочке приказчика Егора Савина с пристанских торговых складов. Приглянулись друг другу. Ну и ладно бы — он парень видный, она тоже хороша, да родители Аннушки Савиной только руками развели: как отдавать дочку за нехристя? Даже и помыслить о таком нет возможности. Вот и отец Пантелеймон из Спасской церкви сказал то же самое:

— Не в том запрет, что кровь иная, а в том, что вера чужая. Как пойдешь супротив Божьих правил… Вот когда бы окрестился он…

Амир и Аннушка при тайной встрече обсудили все и порешили: Господь — он все равно един в целом мире, и если он сотворил так, что у двух людей с разной верою родилась неудержная любовь, не будет греха, когда один примет веру другого. Тем более что и магометане очень даже почитают Христа…

Вот и стал Амир Василием. И свадьбу сыграли вскоре. И была бы у молодых жизнь на загляденье, да только соседи Булатова про веру думали не так, как Василий и Аннушка. Взгляды стали недобрые, слова сквозь зубы, а однажды заполыхала конюшня — еле успели вывести на двор купленных недавно Гнедого да Красотку.

Понял Василий, что не будет жизни в слободе. Ну и ладно. Перебрались на правый, высокий, берег. Там дошел до него слух, что купцу Максарову надобен хороший конюх и кучер и вообще помощник по всяким хозяйственным делом, потому что нанятые прежде работники с делами этими не управляются. И пошел наниматься. Понравились друг другу. Потому как Платон Филиппыч держался без лишней гордости, барина из себя не строил, а плату предложил подходящую. Василий же купцу Максарову пришелся по душе деловитостью, знанием всего, что касается лошадей, и (это Платон Филиппыч усмотрел сразу) спокойной смелостью. С таким не страшно будет и в дальних дорогах, которые выпадали купцу Максарову нередко…

Так оно и получилось. Скоро сделался Василий Булатов не просто максаровским помощником, а, можно сказать, другом-приятелем. Доверенным человеком. Кое-кто из прислуги завидовал ему, но причин для того не было: в главные управители Василий не метил, с каждым держал себя по-доброму и каждому готов был помочь в работе…

Максаров выделил Булатовым на своем широком дворе флигель с двумя комнатами. Это чтобы Василий всегда был поблизости и чтобы Аннуш-

ка не оставалась без помощи, когда хозяин и его помощник отправлялись в поездки.

Жили Василий и Аннушка душа в душу, через год родился Гришенька. И все ладно было до той поры, как случилась беда. Максаров поехал в Тобольск по своим торговым делам, Василий — ясное дело — с ним. Время было зимнее, начало февраля. Отправились не на почтовых, а на своих лошадях. Дорога-то не столь уж и длинная. Управились в Тобольске за два дня, а на обратном пути, в сотне верст от Турени, накрыла ездоков небывалая по густоте снега и напору метель.

Ну, что там было, в точности Гриша не знал — Платон Филиппович рассказывал про тот случай неохотно, а другие — по-разному. В общем, двое суток купец Максаров и его верный охранитель провели в розвальнях, укрытые тулупами, согревались глотками из штофа да жевали остатки засохшего каравая. И мерзли, несмотря на тулупы. Василий, как мог, укутывал, берег хозяина, хотя тот и спорил. Ехать было нельзя-чуть сдвинешься в сторону от заметенного тракта и вовсе потеряешь дорогу. Да и лошади двигаться не могли.

Потом пурга ослабела, легло вокруг ровное, в глубоком снегу, поле. И по этому полю пришла

другая беда — волчья стая. Вытащили новенькие английские ружья — не те, что заряжаются с дула, а с патронами. На какое-то время отпугнули зверей, да те, видать, поняли, что зарядов у людей немного, стали подступать сызнова. И выли, мерзавцы. Тут опять подкрались сумерки. Платон Филиппыч и Василий сожгли всю солому из розвальней, да волков это не шибко напугало. Голодные были, а голод — он сильнее страха. Люди поняли, что выход один — отдать зверям лошадей. Василий, стреляя с левого локтя, правой рукой вынул тяжелый, как меч, нож, отчаянными взмахами обрубил постромки. Лошади, набравши от ужаса последнюю силу, рванули через глубокий снег. Волки за ними. И… не вернулись. Видать, хватило хищникам конской добычи. А Максаров и Василий съежились в розвальнях, под тулупами, моля Бога, чтобы не оставил их Своей милостью.

Он не оставил… К ночи пробилась по занесенному тракту почтовая тройка из Тобольска, подобрала полузамерзших путешественников, отогрели их на ближней станции, что по старому обычаю именовалась «яма»…

После того случая оба сильно хворали — и Платон Филиппович, и Василий. С жаром, с на-

тужным кашлем. Ну, потом поднялись все же. Только купец поднялся окончательно, будто не бывало простуды, а у помощника его в груди затаилась болезнь и весною показала себя снова. Максаров немало потратился на лучших докторов, да, видно, такая судьба была у Василия — в мае схоронили. Платон Филиппович ходил сам не свой, а про Аннушку и говорить нечего — месяц была в беспамятстве. Потом отошла, конечно — жить-то надо. Одна у нее осталась радость, одно утешение — годовалый Гришенька. Но оказалось, что это утешение — не окончательное лекарство. Стала Аннушка чахнуть и через год скончалась от той же болезни, что и муж… Перед смертью Христом Богом просила хозяина не оставить Гришеньку. Платон Филиппович сказал с деланой суровостью:

— Ты, Анна, обожди раньше срока накликать на себя кончину, грех это… А ежели что, помни: Гриша для меня — родной. Я и перед мужем твоим в том крест целовал…

Гриша и в самом деле жил в семье именитого купца как свой, как Максаров. Правда, оставался Булатовым, но разницы в том не видел. Разве что порой мальчишки окликали его по сделанному из фамилии прозвищу — Булат. Да порой и дя-

дичка Платон, покачивая головой на излишнюю резвость приемыша, вздыхал:

— Булат ты и есть, лихой татарчонок бухарский…

Но, по правде сказать, в Грише не было заметно татарской крови. Весь он оказался в мать — русый, светлоглазый, нос сапожком. Впрочем, и среди бухарцев немало встречалось таких… Лишь изредка, в сердитые минуты, серые с карими пятнашками глаза его щурились и бросали колючие проблески, будто у какого-нибудь лучника из племени Кучума.

Но сердился он редко, нрава был покладистого, а если порой и баловался, то ведь так оно и положено по мальчишеской природе. С четырьмя девочками жил в согласии, будто с настоящими сестрами. А когда появилась пятая, — Лизавета-красавица — возился с ней не меньше, чем Аглая, Оленька, Танюшка и Катенька.

Здесь пора сказать, что Лизавета была не родная сестра четырем старшим, а сводная.

Сперва Платон Максаров (в ту пору молодой и, случалось, решительный без оглядки) женился на Елене Константиновне Гарцуновой, с которой познакомился в бытность свою в Петербурге. Что там было, в столице, Гриша не знал, да и девочки

не знали — не детского ума это дело. Ясно только, что любовь была горячая, а кончилось все чуть ли не похищением и скорой скачкой за Урал. Оно и понятно. Максаров — он хотя и с немалым капиталом, а все же купеческого сословия (а дед его, и вовсе сказать, — из саратовских крепостных). А Гарцуновы хотя и без капиталов, с одним заложенным поместьицем, а «голубая кровь», дворянство. Родня — в основном офицеры: гвардейцы да моряки. Разве можно, чтобы любимая сестра пошла за «торгаша»! Та, однако, братьев и тетушек не спросила, а родителей не было.

Ну, до проклятий, до полного разрыва с родней дело не дошло, но и связей почти не осталось. Никто беглянку не навещал, а коротенькие письма с именинными поздравлениями приходили раз в году. Елена поначалу плакала украдкой, но радости в жизни было у нее не в пример больше. Потерявшая дворянство Елена Константиновна Максарова нашла эту радость в любви к мужу, в дочерях и в своем добром доме, где жизнь текла без обид и невзгод. Понимала она, правда, что у мужа в душе прячется досада: одна за другой появляются дочери, а так хочется наследника-мальчишку. Ну, да это уж как Господь рассудил, грех роптать…

Но не обошла беда и этот дом. Когда пришел час появиться на свет Катеньке, Елена Константиновна не выдержала трудных родов. Малышку спасли, но с первого дня оказалась она сиротой. Случилось это вскоре после смерти Аннушки Булатовой.

Горевал Платон Филиппович сильно, ну да что поделаешь. И самому без жены, и дочкам без матери, с одними только няньками да кормилицами, — какая жизнь! И через четыре года после рождения Катеньки женился сызнова. На племяннице Никиты Данилыча Суровцева, что служил главным секретарем в Туренском пароходстве и владел там немалой долей акций (как, впрочем, и Максаров). Полина Федоровна хотя и не была дворянских кровей, но ста́тью и пригожим лицом не уступала прежней жене Платона Филипповича. И характером была спокойна и ласкова. Девочки сразу привязались к ней, да и Гриша тянулся порой быть поближе, приткнуться под локоть в добрую минутку. Случай с лампой, он был единственный, когда тетичка Полина напугала Гришу до слез, ну да чего про то вспоминать…

Конечно, купец Максаров, взявши вторую жену, мечтал, что уж она-то подарит ему наследни-

ка. А появилась Лизонька. Платон Филиппович вздохнул про себя, но вслух горького слова не сказал, потому что грех Бога гневить. Тем более что Лизавета-солнышко обещала стать красавицей, в мать.

Так вот и жили. В восемь лет отдали Гришу в двухгодичное городское училище, но через год он его оставил. Потому что делать там было нечего: все науки, что давались в училище, Гриша без труда и за малое время освоил вместе с девочками, которые обучались у домашних наставников. А читать научился сам собой, даже раньше Аглаи. Книг в доме водилось немало, Платон Филиппович и сам был до них охотник. Заказывал и по почте, и привозил при всяком случае, когда ездил в иные города по торговым делам.

У Гриши были две самые любимые книжки. Это сшитые из старых журналов под одним переплетом «Картины природы» и «Конек-Горбунок», сочиненный Петром Павловичем Ершовым, про которого говорили, что служит он инспектором в Тобольской гимназии — той, куда на будущий год собирались отправить Гришу. В гимназию и хотелось (новое в жизни всегда завлекательно!), и страшновато было оторваться от привычного дома. Ну да ладно, до будущей осени времени еще

немерено…

А пока что — синие зимние вечера да серебряный месяц в искрящейся снежной пыли…

ТУМАННЫЕ КАРТИНЫ

1

Арину все-таки усадили в сани и с хохотом повезли вниз по Ляминской — к маленькой площади среди заметенных снегом заборов и спящих в куржаке берез. Сюда сходились три улицы: кроме Ляминской, еще Архангельская и Полицейская, которая тянулась через город от реки.

Надо сказать, что обязательных уличных названий, записанных в документах городской управы, в ту пору в Турени еще не было. Не названия, а так — скорее, прозвища. Полицейская — оттого, что в начале ее, у реки, дом полицейской управы. Архангельская — это понятно, из-за церкви. А Ляминская — потому что рядом, у ближнего перекрестка, неширокое, но длинное озерцо. А по правде сказать — невысыхающая лужа. У озерца этого — невесть откуда взявшееся имя, Ляминское. Вот и улица с тем же названием…

Но если кто-то присылал Платону Филиппови-

чу или Полине Федоровне письмо, то на конверте такого названия не было, а стоял адрес: «Г-ну Максарову (или г-же Максаровой), в собственный дом, что у Городищенского лога, неподалеку от Михаило-Архангельской церкви, г. Турень». А один раз даже написали: «…что у Ляминского озера».

«Озеро» — глубиной по колено. Однако же и от него была польза. Зимою, когда оно замерзало, лед расчищали, и можно было гонять на коньках. Коньки мастерил ребятишкам все тот же Кондрат Алексеич Луков. В аккуратные деревянные колодки с дырами для веревок вставлял он железные полоски от обручей, натачивал их — и катайся на здоровье. У Гриши, кстати, были и настоящие коньки, дядичка Платон привез откуда-то в подарок. Но Гриша на них катался нечасто, больше ему нравились санки…

Сейчас доносились от озера мальчишечьи вскрики и смех. Гриша мельком подумал, что, наверно, не на коньках там нынче носятся, а играют в «буру́». Это когда находят гладкий, застывший на морозе катыш конского помета и гоняют его по льду пимами, стараясь попасть по ногам друг дружке. Это ладно, когда по ногам, а бывает, что и по носу или по губам. Несладко, но

все равно смех…

У входа в двухэтажный трактир Фомы Колокольцева горел пузатый фонарь. Да и без фонаря было светло. Месяц набрал силу и сиял теперь в позеленевшем небе, как горячая полная луна. Белая колокольня Михаила-Архангела впитывала его лучи и будто светилась изнутри. Тонкий крест отражал лунное золото, маковка под ним горела так, будто от месяца отскочил осколок и застрял там, разгораясь со своей собственной силой. Сказка, да и только…

Гриша остановился на полминутки, чтобы вобрать в себя такую сказку, потом кинулся догонять сани. С этого места, недалеко от лестницы, ведущей к переправе через лог, Ляминская поворачивала вправо и становилась уже настоящей улицей — не односторонкой, как прежде. Это потому, что лог заворачивал еще правее, как бы отодвигал Городище от главной части Турени… В ставнях светились щели. Вообще-то не было большой нужды запирать на ночь окна ставнями: не случалось в этих местах больших краж со взломами (хотя городищенские порой пошаливали). Но как-то прочнее ощущаешь себя, если стекла закрыты дощатыми створками, а те перехвачены железной полосою, запертой изнутри на

длинный шкворень и болт. Будто в крепости…

Окна Максаровых тоже были за ставнями, тоже тепло светились тонкими щелками. С улицы максаровский дом казался небольшим. Всего три окна под двускатной крышей да сбоку пристрой с крыльцом. Окна, правда, высокие, с хитрой резьбой по наличникам и карнизам (понятно, что работа Кондрата Лукова), навес над крыльцом — с подпорками из кованого кружева, водосточные трубы — с жестяными теремками на верхушках. Те же теремки — на столбах ворот, а сами ворота — в накладных деревянных узорах с птицами-павлинами. Но размеры дома ничуть не больше, чем у всех других на Ляминской. Посторонний человек глянет и не догадается, что за забором дом тянется далеко в глубину двора, лепит к себе пристройки, нарастает вверх просторным мезонином. А вокруг — навесы, сараи и конюшни, за которыми разросся сад с яблонями, черемухой и сиренью. Этот сад задним своим краем выходит прямо к началу Спасского бульвара, который насадили недавно для прогулок и развлечений городской публики…

Арине помогли выбраться из саней у калитки. («Ох, греховодники, вот скажу Платону Филиппычу, он вам задаст…») Со двора толпой ввалились

в холодные сени, где пахло стылыми досками, рогожей и мерзлой капустой из приткнувшейся в углу бочки. Потом — в теплые, где запахи свежих пирогов и керосина от лампы мешались с еле уловимым, но всюду проникающим ароматом духов Полины Федоровны. Разматывали шарфы и шали, вытряхивали из валенок не успевшие растаять комки снега. Девчонки — те сразу в гостиную. А Гриша — сперва в свою «камóру», где стол с тетрадями и чернильницами, старинный шкаф с любимыми книжками и всякими вещицами (в коем немалый беспорядок), кровать с медными шишками на витых железных спинках и печная изразцовая стенка в углу (дверца от печи — в другой комнате). Охватившее со всех сторон тепло разбудило в теле запоздалый озноб — короткий и сладковатый. Гриша тряхнул слипшимися локонами и потянулся. Толстые чулки пахли отсыревшей шерстью, Гриша стянул их, прыгая то на одной, то на другой ноге, кинул на приступок у печки. Сунул голые ступни в домашние шубенки. Подтянул штаны, одернул вышитую косоворотку, поправил поясок и пошел здороваться с дядичкой.

Сестры, повизгивая, вертелись вокруг отца, что-то говорили, не слушая друг друга. Лизавета

сидела на папенькином плече. Гриша сказал сдержанно:

— С приездом, дядичка Платон. Добрый вечер…

Платон Филиппович сразу весь обратился к Грише. Широкий, густобровый, с улыбкой, пробившейся сквозь курчавую бородку.

— И тебе добрый вечер, Гришуня! Как тут жил-существовал? Смотрел ли за нашими красными девицами? У них ведь только хиханьки-хаханьки в голове, нужен строгий глаз, а ты здесь, когда меня нет, один из мужского племени…

— Смотрел, сколь хватало сил, — полушутя соврал Гриша. Потому что по правде-то смотрела за девчонками (и за Гришей заодно) старшая сестра — деловитая и рассудительная Аглая.

«А любопытно, чего он мне привез?» — сама собой щекотала его мысль. Не был Гриша попрошайкой и жадиной, но ведь не бывало и случая, чтобы дядичка вернулся из поездки без подарков для каждого из домашних.

На сей раз, однако, Платон Филиппович привез один подарок для всех детей. В большой гостиной, где стоячие часы и фортепьяно, возвышался на круглом столе ящик красного дерева с глазастым выпуклым стеклом. Сверху ящика была крышка с костяным шариком, сбоку — медное колесо

размером с блюдце.

— Туманные картины… — таинственным шепотом сказала Грише Оленька.

Гриша кивнул. Про туманные картины он знал. Однажды в училище лысоватый щуплый наставник Иван Елисеич взялся показывать такие картины первому классу. Объяснил, что будут виды Петербурга и Москвы. Но свет из ящика был слабый, лучи увязали и запутывались в жиденьких клубах пара, который поднимался над разогретым двумя лампами медным тазиком. Смутные очертания каких-то домов и башен (не разберешь, где Москва, а где Петербург) колыхались, таяли, пропадали. Мальчишкам это надоело, стали шуметь и плевать друг в дружку жеваными бумажками. Иван Елисеич торопливо сказал, что на этот раз представление окончено, а потом будет снова, когда аппарат приведут в порядок. Но никакого «потом» не случилось (или случилось, когда Гриша уже покинул училище).

Но теперь он понимал, что никакой неудачи и непонятности не будет. Потому что ящик (называется «волшебный фонарь») был не в пример больше и красивее того, что в училище. А устройством пара занималась тетичка Полина. А уж она-то, если за что берется, все делает в лучшем

виде. На перламутровом столике (на том, с которого Гриша когда-то сшиб лампу) она расставила длинные ванночки с горелками под ними, зажгла фитильки. В ванночках зафырчало, стал частыми струйками подниматься прозрачный парок. Скоро он сделался гуще, слился в одно облако, заколыхался, будто вздернутая ветром скатерть.

Аглая вполголоса рассказала Грише, что папенька купил эту хитрую вещь в Ирбите, где в нынешние дни шумела-кипела известная на всю нашу Империю ярмарка. Туда привозили товары не только из российских губерний, но бывало даже, что из иных стран. Аппарат был немецкой фирмы и назывался мудреным словом «Рау-хенбильд-верк» или что-то вроде того (девчонки рядом уважительно хихикнули) и что к нему прилагаются три дюжины стеклянных картинок, из которых и получаются в тумане большие картины. Почти как натуральные виды…

Грише страсть как хотелось сунуться поближе к удивительному ящику, но он себя сдерживал. Над аппаратом колдовал сам Платон Филиппыч, который сказал:

— Уважаемую публику прошу не толкаться у меня под руками. Сначала все налажу, покажу первый раз, а дальше ломайте, как хотите…

Впрочем, скоро он сам позвал Гришу:

— Свет-Григорий, иди-ка, помоги… Вот смотри: в эти рамки надо вставлять картинки вверх ногами…

— Отчего же вверх ногами? — поразился Гриша.

— По закону науки оптики… Потом поправляешь этот отражатель, чтобы огонек точно был посередине…

Перед вогнутым зеркалом размером с тарелку горел в ящике яркий огонек медной лампочки. Свет как бы протыкал стеклянную картинку в жестяной рамке впереди. Остальные рамки ждали своих картинок и были похожи все вместе на страницы широко распахнутой книжки. Гриша, сопя от волнения и слегка обжигаясь о лампочку, стал вставлять стеклышки, которые подавал дядичка. Рамки сами поворачивались под пальцы, потому что дядичка тихонько вертел колесо. Наконец вся вертушка из двенадцати рамок была заполнена. Платон Филиппович усилил огонек. Подошла Полина Федоровна, глянула на оставленные картинки, покачала головой:

— Ох, мужчины! Вы не знаете порядка. Надо было ставить по номерам, иначе все станет непонятно… Вот, на бумаге есть список…

Упрек был, конечно, прежде всего мужу, и Гриша храбро заступился за дядичку:

— Ничего! Если беспорядок, это даже интереснее!

— Ну, безусловно… кое для кого, — суховато сказала тётичка. Наверно, вспомнила Гришин шкаф. Но больше не спорила.

— Почтенную публику просят занять места! — возгласил Платон Филиппович. Девочки со стуком и возней расположились на стульях. У двери шумно дышали Арина и приказчик Сергей Фомич, заглянувший к хозяину по какому-то делу да так и застрявший у порога. Гриша остался рядом с дядичкой, у волшебного фонаря. Здесь же была и Полина Федоровна — она держала лист бумаги в свете, падавшем из бокового оконца ящика.

— Ну-с, приступим, — важно, однако с некоторой опаской проговорил Платон Филиппович. И двинул в ящике вверх черную заслонку.

Широкий светлый конус ударил из аппарата в полутьму комнаты.

2

Сперва было тихо, потом Арина у двери шепнула:

— Батюшки-светы…

А Оленька (Гришина ровесница) выдохнула:

— И-зу-ми-тельно…

В светлых клубах, как в прозрачном облаке, встало видение города. С острыми крышами, тонкими узорчатыми башнями, флюгерами, колокольнями и мачтами кораблей, что прижимались к высоким каменным причалам. Реяли вымпела и флаги. Круглый дым висел пред стволом пушки, которая, кажется, только что выпалила в честь прибывшего судна… Все это было в неярких, но теплых полукрасках — оранжевая черепица, желтоватые фестоны парусов, бледное небо с волокнами облаков, серый камень…

— Картина номер четыре, — слегка торжественно сообщила Полина Федоровна. — Портовый город Амстердам в Голландии… Платон Филиппыч, тебе не кажется, друг мой, что слегка мутновато?…

— Сейчас, сейчас… — Дядичка Платон двинул ободок переднего стекла, и контуры города обрели удивительную четкость. Он стал будто настоящий. Вот сделай пару шагов — и окажешься там, у горбатого моста через канал, под вывеской лавки, на которой нарисован корабль с круглыми, как пузыри, парусами…

Вода в ванночках булькала, струи пара колыхались. Казалось бы, и город должен был колыхаться с ними, но он стоял прочно, неколебимо. И в то же время сказочно… Вот бы оказаться там хотя бы на полчасика, глянуть на иноземные чудеса!

Платон Филиппович шевельнул колесико. Картинка сменилась, будто от взмаха крыла.

— Ай! — разом сказали Катенька и Танюшка, а храбрая Лизавета обрадованно засмеялась.

Сквозь переплетение разлапистых листьев и висячих растений смотрела на людей громадная тигриная морда. С черными разводами на оранжевой шерсти, с беспощадно-белыми великанскими клыками, с точками света в прозрачных желтых глазах. Совершенно живых…

Гриша и раньше видел похожего тигра. В старом журнале «Картины природы» было напечатано изображение размером в целый лист. Такая же голова среди зарослей. Но там была гравюра, без красок. Тонкие линии сплетались в выразительный рисунок, но… рисунок, да и только. А здесь — будто зверь-великан оказался прямо в комнате. И смотрел на всех… не то чтобы кровожадно, однако по-хозяйски. «Что захочу, то с вами и сделаю…»

— Страх какой… — выдохнула Арина. И Грише, по правде говоря, тоже стало страшновато, хотя ясно ведь, что ничего здесь нету, кроме света и пара… А Полина Федоровна, любившая порядок, прочитала:

— Номер двадцать два. Царь уссурийских джунглей тигр…

— Хоть какой там номер, а в зубы ему не попадайся… — бормотнул у дверей Сергей Фомич.

— Ну, побоялись? — спросил Платон Филиппович со снисходительной важностью (будто это он сам изловил и привел в дом тигра). — Поехали дальше…

Дальше появилась картина номер четырнадцать — египетский сфинкс и пирамиды. Это Гриша тоже видел в журнале. И по правде говоря, больше пирамид и каменного сфинкса с отбитым носом его интересовали шагавшие на первом плане верблюды. Что там у них в полосатых тюках? Какие восточные товары?…

— Говорят, что сфинксу отбили нос наполеоновские солдаты во время своего неудачного египетского похода, — разъяснила Полина Федоровна.

— Зачем? — удивилась любопытная Танюшка.

— Потому что безобразники. Их плохо воспи-

тывали…

Гриша ощутил какую-то виноватинку, хотя к нему эти слова не имели касательства. Едва ли тётичка помнила сейчас про лампу.

— Если хочешь, попробуй сам… — шепнул Грише Платон Филиппович, показывая на колесо волшебного фонаря. Меняй, мол, картинки…

— Ага, хочу… Ой, нет. Лучше я после… — показалось вдруг, что прямое прикосновение к аппарату разрушит волшебность происходящего…

— Ну, как знаешь… — понял его дядичка и послал в облако пара новое видение.

Это была буря на море. Такая, что казалось, будто и впрямь дохнуло на всех ветром и брызгами. Зеленые волны с гребнями вздымались в немыслимую высь, пробившееся солнце заполняло небо беспощадным оранжевым светом. Не было в солнце радости и ласки… На громадном обломке мачты лепились друг к дружке измученные люди, один вскинул в руке красную тряпицу — видать, сигнал о помощи. А от кого ее ждать? Ожидалось иное: грозная водяная гора с тучей пены на гребне надвигалась на несчастных и готова была смять их, поглотить, сделать так, словно никогда не было на свете этих людей…

— Номер двадцать девять. Копия новой карти-

ны знаменитого морского живописца Айвазовского «Девятый вал»… — стала объяснять Полина Федоровна. — Я читала в журнале толкование, что девятый по счету вал в череде ураганных волн — самый грозный, он несет тем, кто терпит бедствие, гибель. И все же не совсем неминуемую. Вал может и помиловать несчастных. Это уж какая у кого судьба…

«А у *этих* какая судьба?… — застонала под сердцем у Гриши тревога. — Спасутся ли? Сохрани их, Господь…»

А разноцветной буре не было дела до крохотных людей. Может, поглотит в пучине, а может, и помилует, но это так — не обратив внимания…

— …такие удивительные краски, — опять донесся голос тётички Полины. — Конечно, здесь они не так различимы, как в натуре, да и перенести их в точности на маленький кусочек стекла невозможно. И все же какое грозное впечатление, не правда ли?

В колыхании клубов пара волны казались подвижными (не то что башни Амстердама) — медленно вырастали, надвигались…

— …Я первый раз вижу это известное полотно в красках, раньше смотрела только на гравюрах… Кстати, оно не столь уж новое, написано три года

назад…

— Ну, так ведь и стеклянная картинка могла быть изготовлена тогда же. И объяснение к ней, — осторожно заметил Платон Филиппович. — И пока это дошло до нас…

Гриша почуял, что дядичке Платону (как и ему, Грише) не очень-то по душе нравоучительные нотки, которые пробивались в речи Полины Федоровны. Такие же, как в голосе приходящей три раза в неделю учительницы Натальи Евграфовны, которая обучала девочек и Гришу чтению, письму и арифметике… Та была вдовою известного врача Ермилова и очень ученой женщиной. Полине Федоровне тайно хотелось быть такой же…

— Ах, но мы увлеклись. Детям не следует так долго впитывать столь сильное впечатление, особенно незадолго до сна… Что там у нас дальше?

Дальше были венецианские каналы и гондолы, горы Гималаи, портрет знаменитого баснописца дедушки Крылова, схватка с горцами на Кавказе, несколько видов с парками во Франции (они не очень различимы были в поредевших клубах пара)… И вот возник вдруг корабль!

Он двигался из неспокойного облака прямо на Гришу — летучий, стройный, с тугими от попут-

ного ветра парусами. Пена крыльями отлетала от острых скул корабельного корпуса. Узкий треугольный парус изогнулся полумесяцем над передней, наклоненной над водою мачтой, которая (Гриша помнил!) называется «бугшприт»…

В корабле было движение! Стремительность! Слияние с ветром! И не беда, что пар уже поредел и рисунок стал размытым (не поймешь даже, сколько у корабля мачт). В этой размытости была лишь добавочная тайна, манящая недосказанность, зов пространства…

— Картина номер восемь. Парусное судно в Атлантическом океане… Ну, вот и все, дорогие мои. Остальное — завтра. Пора ужинать.

— Ну, ма-а-аменька!.. Ну, тётичка Полина! Еще чуть-чуть! Этот корабль!..

— Всё-всё-всё… Чувствуете, как пахнет пирогом с кухни?

Пахло и правда так, что засосало в желудке. К тому же долго спорить со взрослыми было не принято. Можно, конечно, слегка поканючить и поупрямиться, но не сверх меры.

Платон Филиппович погасил лампочку волшебного фонаря, Арина внесла большую лампу.

— Гриша, там какой-то мальчик с санками позвонил у ворот, спрашивает тебя…

— А, это Грач! Я же говорил ему, пусть оставит у калитки!

— А он хочет что-то сказать тебе. Я впустила…

«Поломал небось», — мелькнула сердитая мысль. Гриша выскочил в студеные сени, где горела в жестяном фонаре свечка. Холод цапнул его за голые лодыжки.

Ефимка смотрел насупленно, однако без боязни. И санки, кажется, были целы.

— Ну, чего? Накатались? — неловко сказал Гриша.

— Ага…

— Агейку не забижал?

— С чего бы это забижать мало́го? Мы с ним ладо́м… А я чего зашел-то! Агейка просил тебе отдать вот это. Вроде как подарок… — Ефимка Грач выдернул из рукавицы ладонь, разжал пальцы. На вспотевшей ладошке Гриша увидел треугольный осколок, в котором отразилась свеча.

— Это чё?

— Стеклышко зеленое. Если днем глянешь в него вокруг, сразу будто не зима, а лето… Ну, для тебя это небось мусор, а для него целый клад. Он тебе его и послал. Как спасибо за санки, значит… Ты не выбрасывай…

Гриша с непонятным смущением взял оско-

лок. Глянул сквозь него на фонарь. Огонек свечи стал похожим на свежий березовый листик. И запахло, будто не капустой из кадки, а молодой травою…

— И впрямь как лето, — неизвестно чего стесняясь, проговорил Гриша. — Зачем это я стану выбрасывать, скажешь тоже… В него ежели почаще глядеть, то и впрямь тепло придет поскорее…

— Впрямь… — серьезно подтвердил Ефимка.

Гриша без прежней досады скользнул по нему глазами — от лохматой шапки до растоптанных пимов.

— А ты… это. Если хочешь, раздевайся, да айда к нам ужинать. Арина пирог сготовила с нельмой. И чаю с медом напьемся.

Гриша знал, что за столом Ефимку примут по-доброму. Не было еще случая, чтобы в доме у Максаровых косо смотрели на приведенного с улицы гостя.

Грач ответил степенно:

— Благодарствую. Только домой надо сию минуту, а то ох как достанется, что поздно. Бабка уши надерет. У нее пальцы костяные, как у Бабки-Яшки… Ну, бывай…

— Бывай… — сказал Гриша в спину Ефимке. А вернее — морозному облаку, что влетело в сени,

когда Ефимка пропал за дверью…

Гриша снова поглядел через стеклышко на свечу. «Листик…» А рядом будто задышал еле слышно конопатый Агейка.

— Гриша, где ты там? — окликали его из комнат. — Простынешь ведь!..

…После ужина потянуло в сон. Оно и понятно — вон как намотались в логу среди снега, а после — сказочные картины да горячий чай с медом и калачом…

Но девочкам казалось, что спать еще не пора. Кто же ложится, если нет даже девяти часов!

— Гриша, почитай книжку, — пристали Танюшка и Катенька.

— Сами разве не умеете?

— У тебя лучше получается, — приластилась Катенька.

— Да какую вам книжку, неуемные?

— А какую сам читаешь…

— Я про рыцаря Дона-Кишота читаю, вам неинтересно…

— А ты прочитай про Конька-Горбунка, — надоумила Оленька.

— Вы же про него тыщу раз слышали!

— Ну дак и чего такого, — сказала Танюшка. — Можно и две тыщи…

— Беда с вами…

Они пошли в большую комнату, где стояли кровати девочек. Расселись на широкой постели Аглаи, каждый сунул под себя подушку.

— Гриша, а книжка-то где? — напомнила Катенька.

— Ему зачем… — усмехнулась Оленька. — У него же память и-зу-ми-тельная…

И вправду, «Конька» Гриша знал наизусть. Он прикрыл глаза и заговорил чуть монотонно и привычно:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина…

Слова говорились сами собой, для сопящих рядом сестер, а для себя Гриша думал про другое. Про тот корабль, что совсем недавно видел он в облаках пара — будто в настоящих облаках, клубящихся над океаном. Есть же на белом свете счастливые люди, которым довелось в жизни ходить под парусами, видеть дальние моря и

страны!..

Он, конечно, не знал в тот момент, что с ним случится такое же через недолгое время…

КОМАНДИР «АРТЕМИДЫ»

1

Синева была и-зу-ми-тельная. Так сказала бы Оленька Максарова (Гришина ровесница). А старшая из сестер, Аглая, тут же отыскала бы в этой синеве разные оттенки. Она любила рисовать и знала множество красок. Назвала бы «аквамарин», «бирюзу», «ультрамарин», «индиго»… Все эти краски сейчас переливались и смешивались в громадной синеве, которая к тому же казалась подсвеченной изнутри. Словно кто-то расположил под толщей воды великанские серебряные зеркала. Они отбрасывали пробившие водную толщу лучи, и отражения их местами ложились на склоны волн зеленоватыми пятнами.

Волны двигались слева и навстречу и ощутимо качали бриг, но с высоты марсовой площадки казались небольшими. Кое-где они были оторочены пенными щетками…

Капитан второго ранга Николай Констан-

тинович Гарцунов, командир «Артемиды», не позволял Грише подыматься по вантам выше фор-марса и грот-марса. «На нижние площадки — так и быть, а на салинги — ни-ни...» Гриша и не помышлял нарушить запрет. На военном судне порядки крепкие. Да и с марса (высота до которого шесть саженей) простор открывался небывалый. Дух захватывало. Не от страха захватывало, конечно. Уж чего-чего, а высоты Гриша Булатов не боялся сроду. Бывало, что робел перед дракой, ежился в темных комнатах, порой опасался признаваться в проказах, но на самые высокие березы забирался без опаски, с крутых ступеней на старой пристани нырял очертя голову. И когда Агейкин отец, дядя Игнат, пустил мальчишек на колокольню Михаила-Архангела, Гриша сразу вскочил на приступок широченного полукруглого проема рядом с колоколом — чтобы оглядеть всю Турень и заречные дали. Его перепуганно ухватили за подол рубахи...

И сейчас, на фор-марсе, у стыка мачтовой колонны и стеньги, Гриша ощущал себя уверенно, как птаха с крыльями. Стоял на брусьях решетки, настеленной на краспицы и лонга-салинги, затылком прислонялся к лакированной поверхности толстенной фор-стеньги, а для удобства

и прочности держался за начищенное медное кольцо — рым. Зачем этот рым привинтили здесь, ниже эзельгофта, было непонятно. Никакая снасть сквозь него не проходила. Может, иногда поднимали сюда на фале фонарь, надобный при ночных срочных работах? Гриша не знал. Во всех рангоутных и такелажных мудростях и тонкостях не разберешься и за год…

Снизу долетал иногда негромкий, но бодрый звон колокола. Каждые полчаса вахтенный отбивал «склянки». Сверкающий колокол с надписью «Артемида» висел над форштевнем. В его язык был ввязан короткий плетеный «конец» — рында-булинь. Впрочем, отсюда, сверху, его было не видать…

Редкие облака в голубизне были похожи на клочки белой кудели. Солнце горячо светило в левую щеку. Ветер остужал эту горячесть и взъерошивал растрепанные локоны. Прижимал к животу подол широкой холщовой рубашки.

От рыма пахло нагретой медью. От стеньги — сухим деревом и лаком. Это было похоже на запах «волшебного фонаря». У того ящика медью пахло боковое колесо для поворота стеклянных картинок, а горячим лакированным деревом — согретые лампою стенки… Где это всё теперь?

Полутемная комната, притихшие девочки, проблеск месяца в щели ставен, лопотанье Лизаветы-красавицы на коленях тетички Полины, голос Арины из кухни: «Ужинать-то скоро ли будете, люди добрые…»

Господи, где это всё теперь? И есть ли оно на самом деле? Или по правде ничего нету, кроме этой всеохватывающей синевы, которая называется «Атлантика»?

2

Как вообще всё это могло приключиться с мальчиком Гришей Булатовым из далекого от всех морей города Турени?

А вот так приключилось… Вскоре после того вечера, когда появился волшебный фонарь, пришло из Петербурга письмо от дядюшки четырех сестер Максаровых. То есть от родного брата их покойной маменьки, Николая Константиновича Гарцунова. Письмо было неожиданностью. Гарцуновы писали крайне редко, а чтобы вот так подробно, на нескольких листах — такого никогда не бывало. Дядичка и тетичка долго обсуждали это послание. От детей секрета не делали, и потому сестрам и Грише стали известны подробности. Николай Константинович писал с неожиданной

душевностью, что прежние размолвки были досадными и ненужными. Что «порождены они нелепыми предрассудками», которые непонятно зачем разделили людей, связанных родственными нитями. Годы идут, возраст уже немолодой, и все яснее делается понимание прошлых заблуждений. Досадно, что он, моряк, побывавший в разных странах света, не был ни разу в российском городе, где жила свои последние годы его любимая сестра, не посетил ее могилу и незнаком со своими четырьмя племянницами… Если бы, писал морской капитан Гарцунов, Платон Филиппович и его супруга Полина Федоровна проявили краткое гостеприимство и позволили ему появиться у них на несколько дней, он был бы им душевно благодарен. Тем более что весною он, командир специального судна, отправляется в ответственное плавание и когда получит новую возможность для приезда, сказать пока невозможно…

Ни Платон Филиппович, ни Полина Федоровна не видели никаких препятствий для такого визита. Напротив! Давняя размолвка между Гарцуновыми и Максаровыми всегда была темным облачком над жизнью Платона Филипповича (а значит, и над жизнью всего семейства) — даже

после кончины Елены Константиновны. Девочки не раз шепотом беседовали о своих столичных родственниках (вслух говорить про это было не принято). Понятно, что они запрыгали!

А Гриша ощутил тихий восторг, похожий на тайное предчувствие. Память о паруснике с «туманной картины» все эти дни не оставляла его, и ожидание, что он увидит «настоящего морского капитана», стало ожиданием неведомого ранее праздника.

Оказалось, что письмо сильно задержалось в пути, и гость появился следом за ним буквально через три дня: рискнул отправиться в путь, не дождавшись ответа из Турени.

Да, это в самом деле был *настоящий капитан*. Не чета армейским капитанам, которых Гриша не раз видел во главе здешнего пехотного полка на городских праздниках. Его черный, с золотыми пуговицами и якорями на вороте, сюртук, густые эполеты с тремя звездами на каждом, сабля с медной витой рукоятью и в кожаных с позолотой ножнах — все это было из другого мира…

Лицо гостя, правда, показалось Грише сперва чересчур обыкновенным. Не боевое, не овеянное океанскими ветрами, а вроде как у знакомого доктора Евгения Алексеевича Шелковникова

— с мягкими щеками, светлыми желтоватыми глазами, с припухлостью улыбчивых губ. («На маменьку похож», — шепнула Грише Аглая, которая хорошо помнила Елену Константиновну; Гриша чуть не брякнул, что у маменьки небось не было маленьких пушистых бакенбард, но вовремя прищемил язык.)

Встретили гостя как родного, хотя и не ждали столь раннего приезда.

Конечно же, Николай Константинович привез подарки. Что там для взрослых — Гриша не разобрал (не подглядывать же!), а девочкам достались большущие куклы в немыслимых столичных платьях. В том числе и Лизавете-красавице, хотя она и не была племянницей капитана. Только на Гришу капитан Гарцунов глянул с растерянностью. Он не ведал, что у его сибирского зятя есть воспитанник. Но он быстро нашелся в сложных обстоятельствах.

— А ты, значит, Гриша? Рад знакомству… Я полагаю, не дарить же мальчику игрушку, как для девочек, потому — вот… — Он извлек бумажник с медными уголками и вынул блестящий серебряный рубль. — Получай. Пусть это будет началом твоего собственного капитала… Смотри, рубль этот особенный…

Гриша, сопя от радостного смущенья, смотрел. Конечно, рубль был замечательный, большущий, с разлапистым коронованным орлом, немножко старинный даже… но что в нем *самое* особенное?

— А ты взгляни, какого он года…

Гриша взглянул: 1814… Чем же он знаменит?

— В том году русские взяли Париж, закончивши нашу войну с Бонапартом, — сказал Николай Константинович. — Дата знаменитая… Правда, нынче новый Наполеон, под номером третьим, снова точит на Россию зубы, но о том уже особый разговор…

Рубль — деньги были немалые, можно корову купить. Но Грише зачем корова! Он затолкал рубль в карман нарядных плисовых штанов и обещал себе не терять его и не разменивать никогда в жизни. Монета в кармане дружелюбно звякнула об Агейкино стеклышко — словно поздоровалась…

Вечером было застолье — с пирогами, с водочкой и наливками для взрослых, с ягодными соками для детей… Девчонки настояли, чтобы в соседней комнате показать дядичке Коле «туманные картины». Полина Федоровна цыкнула было на неугомонных сестриц: не время выходить из-

за стола, но Николай Константинович не захотел обижать племянниц.

— Что за беда, оторвемся на полчасика…

Теперь с волшебным фонарем хлопот было меньше. Недавно сделали открытие: вовсе не обязательно устраивать завесу из пара. Световые картины прекрасно отпечатывались на стене. А если натянуть простыню — получались они и вовсе прекрасно. Правда, Грише картины в тумане нравились больше — там была особая волшебная зыбкость. Но с простыней зато — быстрее. Кроме того, Платон Филиппович показал в аппарате еще одну хитрость. Можно было не вертеть колесо рукою, а ключиком завести в ящике пружину, и механизм сам поворачивал рамки с картинками — примерно четыре за одну минуту. При этом скрытые металлические планки и колокольчики играли мелодию простенького вальса…

(Старшая из сестер, Аглая, под эту музыку потом не раз напевала слова — они, видать, сложились у нее сами собой:

Ближе и ближе волшебный лесок.
В чащу лесную зовет голосок.
Кто там живет?
Кто там поет…

Грише нехитрый этот мотив и Аглаины слова запали в голову и не раз потом звучали в памяти…)

Николай Константинович просмотрел все картины с должным терпением. Про город Амстердам заметил, что бывал там неоднократно и он в точности такой и есть. В Венеции ему тоже приходилось быть. Египетских пирамид, правда, не видел, тигра же наблюдал, но только в лондонском зоосаде, а не в диких джунглях (и слава Богу!).

А про парусный корабль, который нравился Грише пуще всех других картин, капитан Гарцунов сказал, что, судя по всему, это голландское судно. Не военное, коммерческое, но быстроходное.

— Обратите внимание на боковые паруса. Это лиселя́. Видите, они как крылья. Придают кораблю дополнительную скорость.

Потом сестер и Гришу решительно отправили спать (и никаких книжек — время позднее!), а Платон Филиппович, Полина Федоровна и гость вернулись за стол…

На следующий день Николай Константинович с Платоном Филипповичем и старшей из сестер — Аглаей — съездили на Затуренское кладбище,

что на северной окраине города. Там была похоронена Елена Константиновна, сестра гостя. После все отстояли в память о ней в ближней, Михаило-Архангельской церкви панихиду…

Затем прошли еще несколько дней: в беседах, в рассказах гостя о его путешествиях и корабельной службе, о хитростях нынешней политики, о столичной жизни и о разных родственниках, про которых Максаровы до сей поры ничего и не знали. Было и катанье в розвальнях по городу, и встречи со знакомыми Платона Филипповича… И опять разговоры… Одни беседы велись при детях, а иные — по вечерам и про то, что маленьким слышать необязательно.

3

Один такой разговор, подробности которого Гриша узнал много времени спустя, случился между купцом Максаровым и капитаном Гарцуновым за три дня до отъезда Николая Константиновича. Один на один, за бутылкой дорогого французского вина, привезенного гостем.

Разговорились откровенно, «без женских ушей», про жизнь, про семейные дела. Гость спросил про мальчика Гришу: откуда он и кто он такой в семье Максаровых. Платон Филиппович

рассказал про все, что было. И добавил, что Гришу здесь любят и никогда не оставят своими заботами. Может, был бы даже смысл ему, Платону Филипповичу, усыновить мальчика и сделать главным наследником, раз уж судьба шлет ему одних лишь дочерей, которых впереди все равно ожидает замужество и перемена фамилий. Но теплится все же надежда, что Господь смилостивится и пришлет Максаровым наследника по крови, мальчишку. Ведь они — Платон и Полина — еще в тех годах, когда можно ждать прибавления семейства…

Дворянин и человек тонкого воспитания, Николай Константинович в тот вечер как-то расчувствовался (чему способствовала смесь французского вина и сибирской водочки) и чистосердечно поведал зятю о своих семейных горестях. Горести были похожие на те, что у Максарова. Жена родила двух дочерей («Замечательные девочки, Платоша, умницы, но… какие же из них моряки…»), а затем к мужу по причинам, понятным лишь женскому разуму, охладела, и теперь они живут по отдельности, хотя до законного развода дело не доходит и едва ли дойдет, поскольку все это не одобряется морским начальством и дворянскими понятиями

морали…

Теперь невозможно узнать ход мыслей двух мужчин в затянувшейся беседе того позднего вечера. Понятно только, что к ночи созрела идея, которая изначально родилась, разумеется, у капитана второго ранга Гарцунова. Отчего бы Грише Булатову (мальчику славному и развитому не по годам) не поехать с Николаем Константиновичем в Санкт-Петербург, чтобы затем отправиться с ним в дальнее плавание на бриге «Артемида», командиром которого назначен он, капитан Гарцунов. Если мальчик проявит склонность к морской службе и любовь к корабельным наукам, его можно будет по возвращении определить в Морской корпус, который дал отечеству немало славных флотоводцев. Правда, здесь есть определенные тонкости и сложности. В корпус берут детей дворянского сословия. Но он, капитан Гарцунов, мог бы взять на себя хлопоты по усыновлению Гриши с тем, чтобы дать ему свою фамилию. При связях и знакомствах Гарцуновых с людьми, имеющими в столице власть, сей процесс не был бы слишком затруднителен. А склонность мальчика к флотской профессии он, Николай Константинович, усмотрел еще в первый день знакомства, когда Гриша с горящими глазами спрашивал о морях и

парусах. Он, капитан Гарцунов, по правде говоря, ощущает некоторую виноватость перед семейством Максаровых и для ее заглаживания готов оказать помощь в устройстве судьбы ее приемного ребенка. Понятно, что его судьба и без того не будет горькой, но, может быть, в этом случае она проявит себя особенно благоприятно.

— Если, конечно, у тебя, Платон Филиппыч, не будет на то больших возражений…

Платон Филиппович скреб бородку. Больших возражений не было. Наоборот, неожиданное предложение зятя помогало решить деликатный семейный вопрос. Платон Филиппович был умен и чуток и понимал, что супруга его, Полина Федоровна, при всей ласковости к мальчику, видит в нем некоторую опасность посягательства на капиталы мужа и, следовательно, на будущее достояние дочерей. В первую очередь — на достояние родной ее дочери Лизоньки.

— Однако же, — в меру трезво рассудил Платон Филиппович, — надобно спросить и самого Григория. И не хотелось бы, чтобы у его отца, у Василия, царство ему небесное, — (Максаров перекрестился), — ежели он смотрит на нас *оттуда*, появилось мнение, будто я хочу избавиться от мальчонки. Он же мне и правда как родной…

Неизвестно, как отнесся к этим планам Василий Булатов, смотревший *оттуда*, а Гришиному восторгу не было меры. Чудо небывалое! Все моря и океаны враз открылись перед ним! И жизнь с заморскими странами и приключениями, про которую читал он раньше лишь в книжках и о которой не помышлял всерьез, придвинулась вплотную.

…Так было в первый день. На второй пришли сомнения. Нет, о том, чтобы отказаться от поездки, и мысли не было, но… как разом оставить все родное, привычное? Дом, в котором вырос, людей, к которым привязан сердцем? Друзей-приятелей с улицы Ляминской, с которыми случались иногда и потасовки, но доброго товарищества всегда было больше?

…С приятелями прощание получилось коротким. Те и не верили в предстоящее путешествие Булата, и… как не поверить, ежели своими глазами видели его на улице с дядюшкой в морской фуражке и черной шинели с золотыми пуговицами…

— А может, он тебе дурит бóшку, твой дяденька, — сказал в меру вредный и рассудительный Яшка Пим. — Глядишь, довезет до Москвы али Петербурга да и скажет: «А теперь мотай домой,

покатался, и будя…»

— Может, и так, — согласился Гриша. — Кто же его знает… Ну так что теперь? Не отказываться же…

То, что Гриша не спорит и не хвастается, нравилось приятелям. Начали они давать наставления, чтобы все запоминал покрепче и, как вернется, обстоятельно рассказал про все, что видел в дальних краях. Гриша обещал. Про то, что может вернуться очень не скоро, потому что после плавания не исключена возможность оказаться в Корпусе, говорить он не стал. Все-таки вернется же когда-нибудь! Быть может, на какие-нибудь каникулы…

Конопатый Агейка, в отличие от других, с вопросами не приставал, стоял чуть поодаль и смотрел с нерешительной полуулыбкой. Гриша подошел к нему сам. Вынул зеленое стеклышко.

— Вот… твое. Где-нибудь далеко гляну скрозь него и сразу вспомню про всех, кто тут… И как с тобой на санках… А тебе из тех краев привезу что-нибудь заморское…

Агейка заулыбался пошире, закивал…

О прощании с домашними что говорить! Хорошо хоть, что времени до отъезда оставалось всего ничего и предчувствие горького расставания

оказалось не длинным. Были, конечно, и слезы, и объятия, и обещания писать с дороги. Каждый понимает, каковó это надолго покидать родное гнездо. Особенно тому, кто раньше уезжал из своего города не дольше, чем на неделю, и не дальше Тобольска…

Платон Федорович рассудил мудро и твердо:

— Долгие проводы — лишние слезы. Нечего нам для провожания ехать на станцию, помашем от ворот, и хватит того…

Так и сделали. Впереди всех, на дорогу, выскочила Танюшка (по правде говоря, самая для Гриши любимая) и, сбросив рукавичку, дольше всех махала голой ладошкой…

И вот не видно уже из розвальней никого, и улицы Ляминской не видно, и даже колокольни Михаила-Архангела. И даже домов на других улицах, которые бегут и бегут безвозвратно назад… Как и что увидишь, когда слезы повисают льдинками, вмиг застывая на последнем февральском морозе…

Вот и почтовая станция на краю Турени. Кучер Еремей (последний из «своих») потрепал Гришу по шапке:

— Ну, счастливой тебе дороги, Григорий Васильич. Шибко не горюй. Передам от тебя домаш-

ним поклон… — И укатил в санях, запряженных резвой кобылкой Феней (тоже «своей», родной такой — прямо взять бы да прижаться к ее морде и не отпускать… но уже не догонишь).

А может, еще не поздно? Может, рвануть в своей легкой шубейке и новеньких пимах по Полевой, по Ямской? Если без остановки — дома окажешься через полчаса!..

Но из суеты почтовой станции, из толкотни лошадей и незнакомых людей возникли носильщики в замызганных фартуках, подхватили со снега баулы офицера и мальчика.

— Пожалуйте, ваше сиятельство. Вам отправляться без промедления, лошади ждут…

В широкой кибитке, кроме капитана и Гриши, оказалось трое мужчин (похоже, что чиновники). Гриша глянул на них мельком, забыл поздороваться и стал глядеть в мутноватое оконце. То ли от слез мутноватое, то ли само по себе. За оконцем бежали назад снежные обочины Московского тракта с редкими полосатыми столбами. Сквозь серую пелену пробивалось солнце, летали над березами вороны. В горле сидел занозистый деревянный комок — не проглотить.

Гарцунов тронул Гришу за плечо.

— Я понимаю… Ни у кого не обходится без слез,

когда первый раз уезжаешь из дома. Помню по себе… Однако же подумай, сколько нового увидишь впереди. Мало кому из мальчиков твоих лет доводится такое…

Гриша все же сглотнул комок и кивнул, не обернувшись. Потом вспомнил — расстегнул шубейку, из кармана курточки вынул Агейкино стеклышко. Глянул на пробегавшую мимо кибитки зиму. Та сразу сделалась зеленой. «Хоть чего бы ни случилось, а все равно наступит лето», — подумал Гриша. И от этой мысли сделалось легче.

ДОРОГИ

1

До чего же громадной оказалась земля! Путь до Москвы занял больше двух недель. Старались успеть в столицу по зимнему пути. И успели! Правда, под конец уже часто встречались проталины, а снег сделался рыхлым и липучим. Отражал солнце особым весенним блеском, от которого в глазах долго держались разноцветные пятна.

Да и все воспоминание о дороге похоже было потом на такие перепутанные пятна. Сёла и горо-

да, в которых шумела Масленица. Круглая луна над снегами. Фонари. Трактиры на почтовых станциях — с низкими потолками, самоварами, блинами и шумным народом… Тесные номера, в которых останавливались на ночь. Сон приходил неохотно, донимали клопы. Подушки пахли свалявшимся пухом и плохо простиранным полотном. В эти подушки Гриша не раз пускал слезинки, вспоминая Турень и всех, кто там остался.

В дороге казалось ему иногда, что привязанность к дому на Ляминской, к прежней жизни похожа на длинную пружину, которая не рвется, а лишь растягивается от растущего расстояния и все сильнее тянет назад. Не всегда так было, но часто. Потом пружина будто лопнула, стало легче. Солнце сделалось ярче.

Долгое однообразие дороги скрашивал Николай Константинович. Не раз он в кибитке доставал из баула твердую тетрадь и свинцовым карандашом рисовал в ней фигурки парусников и отдельные корабельные части. Объяснял, что такое бриг, а что фрегат и линейный корабль, как называются разные мачты и паруса, что такое морская миля, скорость в узлах, широта и долгота. Гриша забывал о печалях, впитывал эти уроки и запоминал

накрепко… А порой капитан Гарцунов говорил о своих плаваниях, вспоминал штормы и шквалы и пояснял, что главное при них — всегда выполнять свое дело и не терять головы…

— Более всего люди в море гибнут от страха. А пока ум сильнее ужаса, есть надежда…

Гриша вспомнил картину «Девятый вал» и спросил, как думает Николай Константинович: спасутся ли те люди на обломке мачты. Капитан Гарцунов ответил кратко:

— Нет сомнения.

Вообще-то капитан был немногословен, лишних слов не говорил, каждое — в точку. Но в этом не было резкости или недовольства, была лишь деловитость, потребная всякому настоящему моряку. А смотрел он своими желтоватыми глазами всегда мягко, порой даже ласково. И Гриша в конце пути стал уже ощущать привязанность к дядюшке своих пусть и не родных, но любимых сестер. И порой хотелось назвать его не по имени-отчеству, а «дядичка Николай», но Гриша не смел без разрешенья. А Гарцунов не предлагал такого…

Москва встретила приезжих печальными колоколами Великого поста. Остановились в небогатых номерах Тишкина в переулке за

Тверской. В ресторанном зале Николай Константинович заказал на обед мясные щи и жареную рыбу. Гриша опасливо вскинул глаза:

— Пост же…

Капитан сказал понимающе:

— Морякам в пути дозволено. Есть на то разрешение церковного начальства. Надобно беречь силы и здоровье…

Москву видели мало. Успели проехать через Кремль, поставили свечки в церкви у Никитских ворот (там когда-то венчался Александр Сергеевич Пушкин, сочинивший «Руслана и Людмилу»), заглянули ненадолго к знакомым Николая Константиновича (Гриша их не запомнил) и к ночи отправились на новый, еще не достроенный Николаевский вокзал. Путь до Петербурга предстоял по чугунной дороге, с паровой тягловой машиной. Про такое чудо Гриша слыхал, конечно, только не верилось как-то, что может это быть по правде. Другое дело пароходы, которые видел он в Турени много раз (и однажды плавал даже на таком с дядичкой в Тобольск), но чтобы пар тащил дома́ на колесах посуху… Будет что рассказать мальчишкам.

Впрочем, все оказалось не столь удивительным. Внутри было почти как в кибитке, только

просторнее. Жидким желтым светом горели свечи в фонаре, который равномерно качался у потолка. Тяжелое стуканье колес вскоре сделалось привычным. Гриша съежился на обитом сукном диванчике и провалился в сон. Умотался, бедняга…

Петербург оказался совсем иным, чем Москва — пестрая и шумная даже в пост. Он был спокойным, просторным, со строгой красотою каменных дворцов над застывшим простором Невы. Нева — она не в пример шире родной Гришиной реки в Турени, даже сравнивать смешно. Низкие кружевные мосты тяжело висели над бегущими по крепкому еще льду тройками, над вмерзшими у набережных корабликами. Небо розовато-табачного цвета устало гасло над крышами и куполами, и цепи фонарей повисали вдоль холодных берегов.

Сухопутная часть путешествия в Петербурге еще не кончилась. Оказалось, что бриг «Артемида» стоит не здесь и не в Кронштадте, а в Архангельске, где надежные люди готовят его к дальнему плаванию.

Гриша спросил — отчего так.

Капитан Гарцунов объяснил коротко и не очень охотно, что таково распоряжение начальства. Из

Архангельска уходить спокойнее. Еще прошлой осенью предвиделись осложнения с Францией и Англией, которые поддерживали турок в их споре с Россиею из-за Святых мест в Иерусалиме. И, ожидая блокаду Кронштадта, Финского залива и всей Балтики неприятельским флотом, Морской штаб распорядился, чтобы судно для исполнения важного задания снаряжали подальше от неприятельских глаз.

Какое задание, командир «Артемиды» подробно не объяснял. Гриша знал только, что предстоит плавание к Антильским островам, среди которых самый большой — остров Куба. Край, где лежат Антильские острова, — тропический. Почти у самого экватора. О тропиках Гриша знал немало и думал о встрече с ними с таким волнением, что даже останавливалось дыхание и забывался на время дом в Турени. Но пока до тропиков было далеко, и даже не верилось, что где-то есть они на самом деле.

2

В Петербурге стало ясно, что капитану второго ранга Гарцунову теперь вовсе не до мальчишки. Он долгими часами пропадал то в Морском штабе, то в министерстве, то в каких-то канцеляриях.

И сидеть бы Грише целыми днями в унылом гостиничном номере, но нашелся счастливый выход. Николай Константинович познакомил мальчика (которого называл для всех «моим неожиданным племянником») с доктором Петром Афанасьевичем. Доктор этот (он и врач, и ученый, называвшийся длинным словом «ес-тество-испы-татель») тоже собирался в плавание на «Артемиде». Для каких-то научных исследований в тропическом мире. Петр Афанасьевич отнесся к будущему юному попутчику с живым вниманием и заботою.

Доктор был человек уже в годах, но бодрый и неутомимый. Этакий жизнерадостный холостяк, украшенный аккуратной лысинкой, похожими на клочки пакли бакенбардами и голубыми глазками, близко сидящими у круглого пористого носа. А перед глазками блестели маленькие продолговатые очки — вроде тех, какие Гриша видел на портрете Петра Павловича Ершова, автора «Конька-Горбунка».

Петр Афанасьевич решительно переселил Гришу из гостиницы в свою квартиру, полную пестрых птичьих чучел и развешенных по стенам карт. В этой холостяцкой квартире командовала громкоголосая и костлявая кухарка Агриппи-

на (доктор ее малость побаивался). Затем Петр Афанасьевич несколько раз катался с Гришей по столице, показывая то Медного всадника, то Петропавловскую крепость, то дом, в котором жил и умер после дуэли с подлым иностранцем Дантесом Пушкин. Сводил его в Кунсткамеру, где было немало всяческих редкостей и вещей из тропических стран. Была там и восковая фигура императора Петра Великого, про которую Гриша слышал давно еще, что она совсем как живой царь. Однако живою фигура ему не показалась и была даже неприятна. Сидит, таращится стеклянными глазами, топорщит усы. Сразу видно, что кукла…

Во время этих поездок доктор поведал Грише то, о чем избегал говорить командир брига. Видимо, Петр Афанасьевич сразу понял, что Гриша Булатов — человек надежный и никаких секретов никому не разболтает.

Доктор объяснил, что есть такое торговое общество — Российско-Американская компания (сокращенно называется РАК). Создана она давно, чуть не сотню лет назад, знаменитым купцом и путешественником Григорием Шелиховым. Владения Компании весьма обширны, они лежат и на Камчатке, и на островах в камчатских и

американских водах, и на полуострове Аляска, и даже на западном побережье Северной Америки — есть там русская крепость под названием Росс. Богатств у Компании немало, торговый оборот весьма широк — по разным странам. Но немало и трудностей. Не секрет, что император Николай Павлович до последнего времени не очень-то жаловал РАК, и были тому серьезные причины. Среди мятежников, которые в двадцать пятом году выступили на Сенатской площади («Помнишь, мы были там вчера») против государя и с тех пор поминаются под именем «декабристы», оказались и люди из дирекции Компании. В том числе известный поэт Кондратий Рылеев… Какой резон был Николаю Павловичу любить этих торговцев бобровыми шкурами, не так ли? (Гриша насупленно кивнул.)

— Однако же времена меняются… Государь на то и самодержец всея Руси, чтобы думать не только про обиды, но и помышлять об интересах отечества… Ты ведь помнишь карты мира и глобус, который разглядывал вчера? — (Гриша на ходу кивнул опять; шли вдоль решетки Летнего сада.) — Обратил внимание, конечно, что две Америки — Северная и Южная — соединены тоненьким перешейком. В самом узком месте он

всего-то полсотни верст. С давних времен разные ученые умы выступают с планами прорыть этот перешеек каналом, чтобы моряки могли попадать из Атлантического океана в Тихий и обратно коротким путем, а не вокруг мыса Горн, где каждый год бури губят немало кораблей…

— А мы мимо того мыса не пойдем? — не удержался Гриша. — Вы не думайте, что я боюсь, но… просто любопытно.

— Нам к Капгорну пока не надобно. Наш путь в Караибское море, к острову Кубе… На этом острове, коим нынче владеет Испания, небывалые богатства сахара и табака. И вот смотри: ежели бы прорыли канал, у РАКа открылся бы совсем недалекий путь на Кубу и новые возможности торговых дел. Да и сами работы по строительству канала сулят немалые выгоды. Для таких дел создаются особые компании, которые выпускают ценные бумаги — называются «акции». Умелые обороты с акциями могут принести владельцам новые капиталы. А значит, и государству…

Гриша кивнул очередной раз. Про акции и обороты он краем уха слышал не раз от дядички Платона Филиппыча; правда, не испытывал тогда к тем разговорам интереса…

— …А значит — будет и выгода всему государ-

ству, — продолжал доктор. — Правители Кубы наверняка тоже имеют к тем делам интерес, вот и везет им наш Николай Константинович правительственные бумаги. А с другой стороны, должен туда добраться представитель РАКа. Сперва сухим путем, через Мексику. А затем — по Мексиканскому заливу…

— А нынешняя война — не помеха этому предприятию? — со взрослой солидностью спросил Гриша.

Он знал уже, что британская королева Виктория и французский император Наполеон (племянник того, давнего Наполеона) в середине марта объявили России войну. Флот английского адмирала Непира вступил в пределы Балтики. Правда, льды в заливах не давали ему возможности сунуться ни к Риге, ни к Гельсингфорсу, не говоря уже о Кронштадте, но ведь Пасха уже близится, а за ней придет лето (Гриша мельком вспомнил Агейкино стеклышко).

— Война войною, да она не на все времена, — обстоятельно рассудил Петр Афанасьевич. — Государь и правительство помышляют и о более дальних интересах… А к тому же… как знать, возможно, в бумагах, которые везет на Кубу «Артемида», говорится и о каких-то российских

военных интересах в Антильских водах. — И добавил то ли шутя, то ли всерьез: — Вдруг государю пришел в голову план обзавестись русской эскадрой в Караибском море?... Но в точности про это не знает и наш капитан. У него задача простая: передать документы. Кроме того, в пути, в определенных местах и в назначенное время, он будет вскрывать пакеты с предписаниями: как поступать в разных случаях. Есть такое правило у военных моряков...

Гриша же, спрашивая про войну, думал не о государственных интересах, а о себе и о бриге. «Вот как прищучат нас где-нибудь в океане британские или французские фрегаты, будет „Артемиде“ на орехи...» Впрочем, беспокойство царапалось не сильно — слишком уж ненастоящей казалась опасность. Больше было в душе любопытства и этакого азарта — как при забавах в туренском логе, когда играли в разбойников...

А у Николая Константиновича Гарцунова тревоги были, конечно же, настоящие. Впрочем, сейчас, по прошествии более чем полутора веков, мы можем лишь смутно догадываться о них. Командир «Артемиды», не зная даже в подробностях целей своего поручения, понимал его серьезность. Недаром же военное судно, несмотря на

объявленную кампанию, отрывали от флота и посылали в дальние воды. Да к тому же командиру его недавно присвоили до срока звание капитана второго ранга, хотя бригами обычно командовали капитан-лейтенанты, а то и просто лейтенанты…

Не могли не тревожить его и соображения о своем воспитаннике. Пока не была объявлена война, плавание мальчика не казалось чем-то необыкновенным (изредка случались такие дела и раньше). Но теперь… Может быть, не раз Николай Константинович размышлял: не отправить ли мальчика обратно, найдя для него подходящих попутчиков? Что его удержало от такого решения? Надежда, что опасность невелика и шансы встретить противника в громадном океане ничтожны? Или боязнь поранить душу мальчика разбившимися мечтами? Или… ожидание, что при благополучном исходе плавания в Морском корпусе появится юный кадет с фамилией Гарцунов? Пусть и не родной, а приемный, но все-таки — свой… У кого из флотских офицеров нет мечты продолжить среди будущих моряков свою фамилию?

Про все эти размышления мы тоже можем лишь гадать…

Как и про то: получил ли капитан второго ранга позволение у начальства взять с собой мальчика или сделал это на свой страх и лишь после отхода внес его в судовую роль? Если так, то он немалым рисковал, но… опять же, что мы можем знать о причинах его поступков?

Понятно, что и Гриша ничего этого не знал. Он жил в нервном ожидании, в смеси радости и беспокойства, которые смягчались лишь беседами с доктором. Гриша скоро привык к Петру Афанасьевичу, и тот стал ему казаться даже больше «своим», чем Гарцунов.

Здесь, в Петербурге, догнали Гришу и Николая Константиновича письма из Турени. В них говорилось, что дома все благополучно, что весточки, отправленные Гришей с пути, получены и что все по нему скучают (Гриша неловко покряхтел, глотая комок и пряча от доктора глаза). И все расписались, даже кухарка Арина крупно нацарапала свое имя. А Лизавета-красавица приложила к листу ладошку, которую старшие девочки обвели чернильной линией…

Письмо пришло к Пасхе. А в середине пасхальной недели командир «Артемиды», доктор и Гриша по тракту с раскисающим снегом отправились в Архангельск. Там офицеры и команда

брига (люди, по словам капитана, отменно надежные) давно уже готовили судно к плаванию.

3

В Архангельске пахло отсыревшим деревом. Весь город был деревянный, не то что Петербург. Это напомнило Грише Турень.

На дорогах сверкали лужи, сугробы рыхло оседали у заборов, и зеленая (как Агейкино стеклышко) трава смело пробивалась в проталинах. Гавань, однако же, была наглухо скована белым, отражающим солнечное сияние льдом, и в этот лед там и тут вмерзли торговые суда. А среди них, у самого причала, и бриг «Артемида».

По сравнению с другими судами «Артемида» казалась вовсе даже не большой. Издалека глянешь — этакая игрушка с двумя мачтами. Но когда Гриша оказался на палубе — он задрал голову и уронил шапку. Понятно стало, что грот-мачта — не ниже колокольни Михаило-Архангельской церкви, которая рядом с Ляминской улицей в Турени. Да и передняя — фок-мачта — немногим меньше. Матросы перекатывали бочки и разбирали тюки, сложенные между небольших чугунных пушек (Гриша впервые так близко увидел настоящие пушки и уважительно погладил

холодный металл).

Гриша еще в прошлом году прочитал книгу с мифами Древней Греции, и в названии брига для него не было загадки. Одна из богинь Эллады, Артемида-охотница… Ее фигура, вырезанная из коричневого дерева, была укреплена под бушпритом брига — небольшая, ростом с Гришу. От пояса до пяток закутанная в хитон со складками. Левой рукой она прижимала к боку лук с пучком стрел, а правой обнимала за шею прильнувшего к ней оленя. По правде говоря, богиня эта не очень понравилась Грише. «Деревяшка, вот и все», — подумал он. Олень — и тот казался более живым… Ну да ладно! Все равно *настоящая корабельная фигура*!

Поселились в гостинице главного постоялого двора — большущего бревенчатого здания с хитрой резьбой (Гриша сразу вспомнил соседа Кондрата Алексеича Лукова — тот свои деревянные узоры готовил не хуже здешних мастеров). В номерах и на лестницах, как и повсюду в городе, пахло деревом.

Потянулись дни ожидания. Солнечная теплая погода сменялась неожиданными сырыми метелями. Гулять по городу было неинтересно, смотреть особо нечего. Капитан с рассвета до

темноты был занят на бриге (а дни становились все длиннее, миновало равноденствие). Доктор что-то писал все время в своей комнате, хотя порой и тратил время на беседы с Гришей. Он принес мальчику откуда-то растрепанную книжку «Путешествие на бриге „Рюрик“ флота капитан-лейтенанта Отто Коцебу», и Гриша читал часами, улегшись животом на гостиничное одеяло.

Он выяснил что «Рюрик» и «Артемида» — похожие суда. Только «Рюрик» даже чуть поменьше. Длиною не достигал сотни футов, а осадкою был чуть больше сажени. Команда у него была меньше сорока человек, а на «Артемиде» — полсотни… А вообще-то — Гриша это знал — на военных бригах полагалось по полному счету служить не менее, чем ста человекам. Больше сотни было, например, на героическом бриге «Меркурий», который на Черном море вздумали захватить два громадных турецких корабля, да получили от русских крепкого перцу… Ну да в плаваниях, где опасности военных схваток почти нет, много народу ни к чему, только лишний расход на провиант…

А правда ли, опасности не было? Приходили известия, что Непир блокировал заливы и на подходе еще и французы. Правда, у Белого моря

противника пока не наблюдали. Видимо, враг думал, что лед еще не скоро пустит его к Архангельску, а русских держит там крепче пушек…

Здесь автор повести должен сделать оговорку. Прежде всего напомнить, что это сказка. Или «почти сказка». Правда, без драконов, принцесс, эльфов и магов, но все-таки… И на основе этой сказочности автор вправе сделать некоторые допущения. Без них невозможно объяснить, как в первые дни мая из архангельского порта смогло выйти и пересечь Белое море маленькое парусное судно. Обычно в эту пору там стоят ледяные поля. В нынешние времена с ними легко разделываются ледоколы и порт работает круглый год. А весной 1854 года… Друзья автора, опытные моряки, говорили ему, что это невозможно… Ну, разве что небывало теплая весна или какие-то отклонения в природе… В общем, то ли теплые ветры двинули льды и образовали в них разводья, то ли течение Гольфштрем (идя навстречу решению российского государя) заплеснуло к Архангельску свою струю, но появились в ледяных полях проходы. И по этим проходам, на буксире у тяжелых гребных вельботов, отодвигая великанскими своими веслами (были и такие!) подступающие льдины, бриг «Артемида» выбрался на чистую

воду, где Гольфштрем уже являл свою силу и не давал царствовать льдам…

Поставили нижние паруса, марсели и стакселя. Судно взяло ветер… А Гриша Булатов, не успев порадоваться началу плавания, свалился с непонятной хворью.

БРИГ

1

Маленький бриг — это ведь не трехдечный линейный корабль с просторными каютами для офицеров и большущей кают-компанией. Каютки на «Артемиде» были тесные. Даже капитанское жилье — такое, что еле повернешься. «Курятники», — говорил семнадцатилетний гардемарин Митя Невзоров, назначенный на «Артемиду» в практическое плавание.

Митя был недоволен назначением. Многих товарищей распределили на корабли, которым, возможно, придется встретиться с неприятелем. А Дмитрия Невзорова (отнюдь не самого худшего по успехам на выпускном курсе!) определили для плавания в тропические воды! В иное время это могло бы порадовать, но сейчас, когда отечеству

грозят военные беды!..

Выражать вслух недовольство он себе не позволял, но показывал его всей печально-сдержанной манерой поведения и сухим немногословием при разговорах. Один раз лишь неудовольствие прорвалось — когда сказал о каютах — «курятники». Но это в разговоре с доктором, а не с офицерами.

Хотя Мите-то с корабельным жильем повезло больше других. Сначала его назначили в плавание вдвоем с товарищем, но тому случилось заболеть перед отъездом (и теперь он, после поправки, скорее всего, счастливо готовился к боевым подвигам на каком-нибудь фрегате). А Митя оказался один в гардемаринской каютке, рассчитанной на двоих.

Туда-то и решено было поместить капитанского племянника, который через день после отплытия вдруг ослабел, стал валиться с ног от головокружений и тошноты, покрываться пóтом и временами впадать в неодолимую сонливость.

Можно представить, сколько раз в душе проклял себя капитан второго ранга Гарцунов за легкомысленную идею взять с собой мальчишку! Впрочем, вслух не сказал ничего *такого*, с Гришей разговаривал заботливо.

Понятно, что от юного растерявшегося гардема-

рина заболевшему мальчику не было никакого прока. Тогда доктор Петр Афанасьевич поменялся с Митей каютами («На время, голубчик…») и поселился с Гришей, дабы тот все время был под медицинским оком.

Впрочем, выполняя судовые правила, сначала вызвали к мальчику фельдшера (в унтер-офицерском чине), пожилого Ивана Фомича Южкина. Пахнущий табаком и какими-то растворами Иван Фомич оказался бессилен определить причины непонятной детской хвори. Он привык лечить взрослых матросов от обычных простуд, желудочных недомоганий и от похмелья после стоянок в иностранных гаванях. А здесь… Он поскреб между курчавыми бачками бритый подбородок, посопел, велел чаще проветривать каюту, но при этом укрывать мальчика плотнее, чтобы не случилось от сквозняка воспалений. Дал какие-то порошки и, виновато глянув на Петра Афанасьевича, удалился.

Доктор первым делом убрал подальше порошки. Он не казался слишком озабоченным. Заглянувшему в каюту Николаю Константиновичу объяснил:

— Я полагаю, нет особых причин для беспокойства. Просто дело в том, что в один сосуд нельзя

влить жидкости более того, на сколько он рассчитан…

— Не понимаю, Петр Афанасьич… Разве он пил что-то лишнее?

— Я выражаюсь иносказательно, простите. Дело в том, что за долгую дорогу мальчик оказался переполнен впечатлениями, нервными ожиданиями и незаметной для него самого усталостью. Излишки пошли через край, наступила реакция. Болезненная, но не столь опасная, как может показаться. Следует отлежаться, и молодая натура возьмет свое. Восстановятся и силы, и свойственное отроческому возрасту любопытство к жизни. А пока… — и доктор развел руками: следует, мол, подождать…

Надо признаться, прежнего любопытства к жизни Гриша теперь не ощущал. Окошко в каюте было крохотное, свет проникал в застекленный люк, врезанный вверху, между палубными бимсами. Гриша подолгу смотрел вверх через стекло. Чаще всего он видел серые зябкие облака, синева пробивалась лишь изредка. Порой в косом полете пересекали стеклянный квадрат чайки — такие быстрые, что не разглядишь.

Гриша не скучал. Но и радостей не испытывал. Вспоминал дом, приятелей с Ляминской улицы,

вечера с «туманными картинами». Думал: как там встретили Пасху?... Дорогу от Турени до Архангельска вспоминал реже: видимо, для этого еще не пришел черед...

Он слышал, как в обшивку бьется волна. Бриг часто качало-то коротко и резко, то размашисто и плавно. Случалось, что валко перекладывало с борта на борт. Это не мешало Грише, забавляло даже. Он покрепче брался за вертикальную стойку и упирался ногами в коечную спинку — вот и все. Тошнота, случившаяся с ним вначале от слабости, больше не возвращалась, а морской болезни он оказался вовсе не подвержен. Кстати, как и доктор.

Петр Афанасьевич держался бодро. Развлекал Гришу историями своих путешествий по Китаю и Амуру, рассказами про кругосветные плавания и про пиратов, которые в прежние времена хозяйничали у Антильских островов, куда сейчас держал путь бриг «Артемида». Говорил и о тех местах, через которые бриг проходил нынче.

Однажды он взял из гнезда на полке маленький фаянсовый глобус. Ногтем показал на блестящей поверхности синего океана курс «Артемиды». Линия оказалась не столь уж длинной и почти прямой. Войдя в теплое течение Гольфштрем,

бриг резво обошел северную оконечность Скандинавии — Нордкап — и теперь держал курс зюйд-вест, спускаясь к южным широтам.

Несколько раз доктор заставлял Гришу одеться поплотнее и помогал выйти на палубу.

— Вон там, голубчик, по левому борту, остались берега Норвегии. К сожалению, далеко, не разглядишь. А то увидел бы, сколь причудливо изрезаны заливами-фиордами ее берега… Зато вон другое, не менее любопытное зрелище! — Он показал, как над серыми невысокими валами вздымаются крутые фонтаны. — Киты! Целое стадо…

Среди волн, под изогнуто падающими струями, мелькали блестящие черные бугры — китовьи спины.

— Ух ты! — сказал Гриша, и прежний интерес к жизни на некоторое время вернулся к нему.

В другой раз Петр Афанасьевич вытащил Гришу наверх, когда тот был сонный и выходить не хотел.

— Пойдем, пойдем! Хватит киснуть! Сейчас увидишь такое, что запомнится навеки!

И Гриша увидел… Да, он слышал и читал, конечно, раньше про такие плавучие ледяные горы. Но не хватало воображения представить их громадность и скрытую в ледяных толщах силу.

А сейчас…

До ледяного острова было, наверно, с полверсты, но и на таком расстоянии он казался придвинувшимся вплотную — всей своей необъятностью. Чтобы понять, на какой высоте его верхний гребень, следовало представить несколько «Артемид», мачтами стоявших друг на дружке…

Бриг бежал резво. Ледяной великан незаметно отодвигался, оставаясь слева и позади. Лучи низкого солнца вдруг веером, вполнеба, разлетелись из-под сизой тучи. Изломались в прозрачных гранях айсберга, расцветили его белизну и голубые тени искрящимися бликами и ломкими радугами…

Батюшки мои, на каких «туманных картинах» увидишь этакое чудо! Гриша перестал дышать.

А офицеры, стоя неподалеку на юте, говорили меж собой:

— Вот нежданное явление. Севернее, где обычно их немало, почему-то на сей раз не встретились ни единожды. А здесь таким гостям вроде бы уже не место…

— Да отчего же? Им всюду случается место. Есть свидетельства, что порой они достигают и тропиков. Не часто, правда…

Гриша вдруг спохватился. Отогнул полу сте-

ганой суконной куртки, выхватил из кармана штанов гладкий зеленый осколок. Глянул… Краски ледяной горы вмиг попали в плен к зеленой прозрачности. Они остались разными, но словно превратились в чащи и заросли неведомого великанского леса, в котором искрились и носились в воздухе сотни блестящих жуков с изумрудными крылышками…

Туча надвинулась на солнце, погасила сказку. Ледяной остров стал белесым и туманным, волны и небо — серыми. Стоило ждать, что подступят прежние вялость и скука. Но… Гриша сжал стеклышко в ладони и ощутил, что скуки больше не будет. Гудел в снастях и парусине бодрый ветер. Славный такой ветер, с зюйд-оста. Совсем не холодный. Он был какой-то знакомый, слегка напоминал о доме, потому что (хотите — верьте, хотите — нет) в нем ощущался запах, похожий на запах пустых бочек из-под соленой рыбы, которые пирамидами высились на краю речной пристани в городе Турени.

Гриша передернул плечами от запоздалого приятного озноба — от такого, какой случается, когда ты накатаешься на санках в морозных вихрях, прибежишь домой, сбросишь на пол шубейку и впитаешь телом густую ласковость

натопленных печек…

Это коснулось Гриши первое дыхание теплых широт.

…Назавтра Гриша ощутил себя бодрым и удивительно голодным. А еще через день Петр Афанасьевич сообщил командиру, что мальчик окончательно здоров.

И Гриша начал стремительно проникать в корабельную жизнь.

2

Теперь все ему было интересно. Он пристал к Николаю Константиновичу с вопросом, отчего бриг держит на гафеле не андреевский флаг и даже не флаг Российско-Американской компании (на который тоже имел право), а почему-то — голландский. Капитан терпеливо объяснил, что это — предосторожность. Пока есть опасность встречи с британскими или французскими военными судами, лучше не показывать свою принадлежность к России.

Гриша не удержался от осторожного вопроса:

— Но разве же… это хорошо?

— По правде говоря, не очень… — признался капитан второго ранга Гарцунов. — Такая хитрость не считается у моряков доблестью. Однако

же и не осуждается однозначно. К ней в военное время прибегают суда разных стран — и чтобы обмануть противника, готовясь к атаке, и для разведки, и чтобы ускользнуть от врага… Что поделаешь, наши пушки мало годятся для морских баталий…

Гриша и сам это понимал. Не надо было сильно разбираться в военном искусстве, чтобы сообразить: восемь мелких карронад брига (про них говорили «двенадцатифунтовые») — невелика сила против многопалубных громад, на которых каждое орудие удачным выстрелом способно разнести скорлупку «Артемиду» надвое. Чугунные карронады при ближнем рассмотрении выглядели грозно, однако… лучше бы им вот так и «выглядеть», без боя…

Впрочем, и без боя эти совсем небольшие орудия рявкали оглушительно. Во время артиллерийских учений. Учениями командовали лейтенант Новосельский и канонир Архип Дровянников. По приказу командира брига.

Однажды, когда ветер на короткое время притих, легли в дрейф, спустили на воду скрещенные брусья с рейчатой рамой, на которую натянут был кусок парусины. На шлюпке оттащили эту конструкцию на кабельтов от судна. Одни мат-

росы из рук в руки передавали из трюма серые мешочки с порохом и маленькие черные ядра, другие заряжали карронады правого борта. Затем сбоку от каждой пушки стал комендор.

— Наводи! — велел унтер-офицер Дровянников. Матросы завертели винты под стволами.

— Слева по одному! Пали! — скомандовал лейтенант.

Левая карронада ахнула с такой неожиданной мощью, что Гриша, стоявший у грот-мачты, прижал к ушам ладони. Неподалеку от парусиновой мишени поднялся на зыби всплеск. Гриша увидел это из-за круглого синего дыма, который вырос перед стволом. Карронада подскочила и откатилась почти к самой грот-мачте (и к Грише! Он шарахнулся). Грохнула вторая карронада. Парусина дернулась, от левого края рамы отлетели щепки. Кажется, матросы заорали «ура». Но это можно было понять по их раскрытым ртам, а услышать… Чего тут услышишь, когда уши забило, будто деревянными пробками — несмотря на прижатые ладони…

Гардемарин Митя Невзоров мягко взял Гришины запястья и опустил его руки. Негоже, мол, морскому человеку пугаться орудийной пальбы. Гриша стремительно устыдился и притиснул

растопыренные пальцы к бедрам — чтобы не оскандалиться снова. Третья пушка ахнула с еще большей силой (уши-то уже не были закрыты!). Гришу шатнуло, но ладони, прижатые к штанам, он не оторвал. В парусине появилась аккуратная дырка. Матросы опять в крике «ура» широко раскрыли круглые рты.

И снова — бабах!

В парусине появилось еще одно отверстие (круглое, как матросский рот)…

Потом кто-то снова взял Гришу за плечо. Оказалось — канонир Дровянников.

— А ну-ка, малёк, попробуй! Их высокоблагородие сказали, что надобно тебе привыкать. Это вроде корабельного крещенья…

Что?! Он?! *Сам* должен стрелять?!

Гриша беспомощно глянул на ют, где стоял капитан второго ранга и другие офицеры. Но с перепугу не разглядел, кто где…

— Дядя Архип, я… — И сам себя не услышал. Дровянников с усмешкой подтолкнул его в спину. Матросы лихо чистили стволы банниками и заряжали карронады по второму разу. Гриша оказался у четвертой по счету.

— А ну, глянь, точная ли наводка… — услышал он сквозь тугую вату в ушах. Беспомощно глянул

из орудийного люка поверх черного блестящего ствола. Где-то далеко разглядел скачущее белое пятнышко. Кивнул наугад (скорей бы все это кончилось!).

Архип отодвинул его:

— Сбоку стоять положено, а то шибанет в лепешку… На-кось… — И сунул ему в ладонь толстый шнур с плетеным шариком на конце.

На казенной части пушек были привинчены замки от кремневых пистолетов. Удобная штука. Не надо соваться с горящим фитилем к запальному отверстию, дернул — и готово! Только дергать ух до чего жутко… Но кто-то гаркнул у Гриши над головой: «Пали!» — и Гриша дернул шнур, и дернулся сам, всем телом назад…

Показалось, что выпалила не одна карронада, а все вместе. Орудие дернулось и быстро откатилось, чуть не ударившись о борт укрепленного посреди палубы вельбота. Хорошо, что Гришу поставили в стороне!

…Уже после Гриша узнал, что ядро его в цель не попало, но зарылось в воду недалеко от парусины. «На первый раз неплохо», — снисходительно заметил Митя. Но в те первые полминуты Гриша ни о чем таком не думал. Старался только унять дрожь в коленях. Потом охнул: «Неужели?…»

Перепуганно глянул вниз на штаны. Однако позорного сырого пятна между ног не было… Ох, вот счастье! А то ведь оставалось бы одно — головой через фальшборт!..

Эти артиллерийские учения случились где-то на десятый день плавания, когда бриг уже ушел из северных широт. Теперь над океаном дышало лето. Днем жарило солнце, нагревало палубные доски. Дул уверенный спокойный ост-зюйд-ост. Судно бежало резво — бывало, что лаг показывал четырнадцать узлов. Для брига — совсем не мало. Митя разъяснил, что у «Артемиды» очень удачная конструкция. Хотя бриг строили в финском городе Або, корпус у него похож на корпуса быстрых американских шхун — с малой осадкой и почти плоским днищем, благодаря которому судно легко взбегает на волну и как бы «стрижет» на них гребешки. Такие шхуны теперь называют иногда «клиперами», то есть «стригунами»[1].

Боковой ветер, при котором курс называется «галфвинд», для легкого брига очень даже подходящий…

В ту же пору, когда случились учения, бриг перестал скрываться под голландским флагом

---

[1] Примечания: 1

Всезнающих и въедливых читателей просят не путать эти шхуны с большими клиперами более поздней постройки.

и каждое утро поднимал свой — андреевский. Теперь почти не было риска встретить военные корабли вражеских стран. Раньше по утрам, когда команда выстраивалась во фрунт на палубе между баком и ютом, просто читали молитвы. Вслед за хорошо знавшим службу матросом Ильей Веретягиным повторяли сперва «Богородице Дево, радуйся…», а потом «О странствующих и путешествующих». А теперь перед молитвами отдавалась строгая команда: «На флаг смирно! Флаг поднять!» Матросы сдергивали шапки, офицеры подносили пальцы к козырькам…

Гриша робко становился в конце шеренги правого борта. И не просто в конце, а даже чуть в сторонке.

Потому что непонятно было: кто он на бриге? Ну, не матрос же! Может быть, юнга? Но на то не было от командира никакого приказа, а заговаривать про это сам Гриша не решался. Значит, просто племянник командира, «пассажир» (оказывается, было такое специальное слово для гостей на судне).

Но быть пассажиром Гриша не хотел!

Его не просили, не заставляли участвовать в каких-то обязательных делах (только Митя занимался с ним арифметикой и немного фран-

цузским языком, да обещал еще вскоре заняться и английским — столь необходимым для флотских людей, — но это же не морская служба!). И Гриша сам старался помогать матросам: скатывать палубу на утренних приборках, драить разные медяшки (до полной ослепительности!), конопатить лежавшую на баке шлюпку, в которой при постановке на воду мишени обнаружилась досадная течь…

Матросы сшили ему широкие холщовые штаны и такую же рубашку, нашли подходящую по размеру шапку, и теперь он по виду отличался от них только ростом.

Вскоре после своей болезни Гриша, знакомясь с судном, оказался в матросском кубрике, под палубой. Пахло здесь табаком и потом, тесно было, на верхних балках — бимсах — висели фонари. Днем свет падал в решетчатые люки. Когда приходило время обеда, из-под потолка спускали подвесные дощатые столы. Койки тоже были подвесные. Днем они, свернутые в маленькие тугие тюки, лежали у фальшбортов, под пушечными люками, к ночи матросы их несли в кубрик.

— Хочешь, и тебе такую приспособим, — предложил Илья Веретягин (тот, который хорошо знал молитвы). Наверно, он шутя предложил, но

Гриша воскликнул:

— Да! Я хочу!

И в тот же день попросил у Николая Константиновича позволения поселиться с матросами.

Командир «Артемиды» не возражал.

— Что же, познавай матросское житье-бытье, пригодится…

Ночевать в кубрике, несмотря на духоту и тесноту, было любопытно. И койка тесная, как холщовый мешок, и болтается она при качке, а все равно здорово! От того, что рядом с тобой так же качаются и спокойно дышат крепкие, уверенные в себе люди, появлялось ощущение надежности и безопасности. Гриша был там не просто мальчик, а частичка экипажа…

Перед сном велись в кубрике всякие разговоры, немало было историй о прежних плаваниях. Молодых матросов в экипаже набралось немного, больше — такие, кто успел поплавать по морям и океанам. Троим довелось даже побывать в кругосветных рейсах.

А еще рассказывали сказки. И такие, которые Гриша знал с малолетства, и неслыханные раньше: про подводного царя, морских принцесс и русалок с коралловых островов, где зарыты пиратские клады.

Однажды спросили Гришу:

— А что, матросик, наверно, и ты всякие сказки знаешь? Небось книжки читал…

Гриша посопел, помялся и признался наконец, что кое-какие сказки знает. Может, например, прочитать про Конька-Горбунка.

— Только эта сказка в стихах написана. Интересно ли будет слушать-то?…

Гришу уверили, что будет интересно. И подивились:

— Неужто всю помнишь наизусть?

— Вроде помню… А если собьюсь маленько, не корите…

Он читал «Конька-Горбунка» два вечера подряд, не сбивался. И казалось иногда, что он не в кубрике, а в доме на Ляминской и который раз декламирует знакомые строчки для пятерых сестер Максаровых (вот-вот заглянет тетичка Полина: «А спать не пора ли, голубушки?»). Слушали его с отменным вниманием и не раз говорили потом спасибо… И все же дня через три к Николаю Константиновичу обратился боцман Дмитрич:

— Ваше высокоблагородие, мальчонка в кубрике — это одна радость, конечно. Только ребята спрашивают: нельзя ли его все же поселить в отдельности, как раньше. Потому что у матросов,

сами знаете, какие бывают разговоры. Случается, что и крепкое словцо вылетит или, значит, что-то про женские дела там… Не для мальчишкиных ушей…

Гриша вновь оказался в двухместной каютке. Доктор Петр Афанасьевич перебрался к себе, а Гришиным соседом сделался Митя…

«ДЫХАНИЕ ОКЕАНА»

1

Офицеры брига «Артемида» были молоды. Грише-то они казались мужчинами в годах — этакие дяденьки с усами (а некоторые и с бакенбардами), но на самом деле… Командиру едва перевалило за тридцать. Остальные — и того моложе. Мичману Сезарову вообще чуть больше двадцати. Почти у всех, правда, уже были жены и дети (о которых господа офицеры грустили в дальнем пути), но все равно — возраст, далекий от старости…

Исключение по возрасту составлял только пожилой штурман Иван Данилович Евдохов. Но он, если точно говорить, и не был флотским офицером, а имел сухопутный чин поручика. По сравнению с морскими званиями это что-то

вроде мичмана. Да и вид у Ивана Даниловича был совсем не офицерский. Скорее, тот напоминал наставника городского училища. К подъему флага штурман выходил в мешковатом форменном сюртуке, а в остальное время, испросив позволение у командира, носил просторную парусиновую тужурку без всяких военных знаков. Характер Ивана Даниловича отличался мягкостью и деликатностью, однако в офицерских беседах штурман участвовал редко. Больше он общался с доктором Петром Афанасьевичем — они любили поговорить о гравюрах давних мастеров, о редких навигационных картах и старинных мореходных инструментах…

А вот уж кто вовсе не был взрослым, так это гардемарин Дмитрий Невзоров. Конечно, его, как будущего мичмана, офицеры сразу приняли в свой круг и считали полноправным членом кают-компании. И офицерские вахты Митя нес наравне с офицерами (правда, только в дневное время). Но взрослости это ему не добавляло. Оно и понятно! Чтобы ощущать себя взрослым, надо иметь в запасе хоть немного зрелой жизни. А у него, у Мити, что было за плечами? Только деревенское детство в убогом именьице под Калугой да несколько лет в Корпусе, где все товарищи —

кадеты и гардемарины — такие же мальчишки… Поэтому сосед по каюте — Гриша Булатов — пришелся Мите очень даже по душе. Хотя и младше на шесть лет, а все равно свой и понятный. Не то что офицеры, при которых постоянно следует помнить о солидности и этикете.

Сперва Гриша говорил гардемарину «вы», но скоро они стали держаться совсем на равных. И целыми вечерами болтали обо всем на свете. Гриша рассказывал о Турени, о таинственных подземных ходах под речными обрывами, о зимних и летних играх в логу, о своих любимых санках, о друзьях-приятелях, о сестрах Максаровых, о волшебном фонаре, о любимых книжках…

Митя тоже любил говорить о книжках. А еще — о своей деревне Ермилово, о родителях, о бабушке Евдокии Савельевне, которая во внуке души не чаяла и старательно нагадывала ему на любимых старинных картах счастливую судьбу. А еще — о Корпусе. О веселых проказах воспитанников, о строгих преподавателях (попробуй что-то не выучить!), внушающих кадетам сложные понятия навигации и корабельного устройства; о воздвигнутой в обеденном зале громадной (в половину натуральной величины!) модели корвета «Наварин».

— На ней можно заниматься, как на правдашном корабле! Даже на реи лазать! Вот окажешься в Корпусе — сам все увидишь…

Гриша не был уверен до конца, что когда-то окажется в Морском корпусе. Казалось это очень уж несбыточным. А если и «сбыточным», то в каком-то далеком будущем. Но все же от ожиданий сладко и боязливо сжималось сердце…

Митя стал между делом учить Гришу французской речи (которую, правда, сам знал «пока что не так уж»). За неделю много не выучишь, но все же три десятка слов и несколько простых фраз Гриша затвердил.

— Французы — хорошая нация. Только одно непонятно: чего они на нас, на русских, то и дело зубы точат? — подосадовал однажды Митя.

— Ну дак ведь не все они, а ихние императоры, — заступился за французскую нацию Гриша. — Что поделаешь, раз такие дураки…

Митя дурашливо округлил карие блестящие глаза:

— Тс-с… Про императоров так не говорят.

Гриша так же дурашливо испугался:

— Я больше не буду… Но ведь я же не про нашего, а про тех… А новый их Наполеон даже и не настоящий какой-то… — Это Гриша вспомнил

офицерские разговоры в кают-компании. Там говорили, что наш царь не признал полных прав Наполеона Третьего на французский престол. То есть, с одной стороны, как бы и признал, но не полностью. И это, мол, одна из причин нынешней войны…

Впрочем, Гришу не сильно заботили дела нынешнего Наполеона (да и нашего царя-тоже). Главным ощущением Гришиной жизни было сейчас то, что он называл про себя двумя словами: «Дыхание океана».

Когда Гриша забирался на марс, он видел синеву и волны с гребешками — иногда крупные, иногда не очень. А под этими волнами, под взъерошенной морской поверхностью, ощущались почти незаметные, очень пологие, но в то же время громадные, длиною в полверсты, неспешные валы. Этакие подымания и опускания океанской массы. Океан *дышал*. Дышал в любую погоду — даже если день стоял совсем безоблачный и ветер был ничуть не сильный, а так, ветерок…

Впрочем, «Артемиде» везло в этом пути. Дуло хорошо и ровно, без переходов к шторму. В основном с зюйд-оста. Бриг резво спускался к южным широтам, над океаном стояло уже настоящее лето. Порою ветер делался таким, будто дохнуло

из печки. Правда, вскоре потоки воздуха снова становились прохладными — но ничуть не зябкими. Они — когда Гриша был на марсе — дергали его широкую рубаху, трепали отросшие локоны, шумели в ушах и вокруг головы.

Иногда вокруг брига летали крупные белые чайки с черными головами. Порой они останавливались в струях ветра и неподвижно повисали почти рядом с Гришей. Будто хотели что-то сказать, но не умели. Гриша удивлялся: откуда здесь птицы, если поблизости нет никакой земли? Но спросить об этом кого-нибудь не решался: словно этот вопрос как-то мог повредить чайкам…

Свободного времени у Гриши было много. Это несмотря на то, что и матросам помогал, и с Петром Афанасьевичем иногда занимался письмом и счетом, и книжки, взятые у доктора, читал (например, про доблестного рыцаря Иванхое, писателя Уолтера Скотта), и с Митей вел долгие игры в шахматы, которые нашлись в кают-компании. (Сперва Митя его расщелкивал за несколько ходов, но скоро Гриша поднаторел в шахматных хитростях.)

Николай Константинович Гарцунов теперь не часто обращал внимание на Гришу. Может, считал, что пусть мальчик привыкает к самосто-

ятельности, и долгими разговорами не докучал. Правда, однажды позвал к себе в каюту, спросил:

— Всё ли у тебя хорошо, голубчик? Как она, корабельная жизнь?

Гриша бодро отрапортовал, что всё отменно и что привыкает он изо всех сил.

— В первые дни боялся, что будет укачивать, а оказалось, что вот ни настолечко…

— Это славно… А теперь возьми знакомую тебе вещицу… — Гарцунов протянул тяжелую тетрадь в кожаных корках — ту, в которой он во время сухопутного путешествия рисовал для Гриши парусные корабли и оснастку. — Здесь еще много чистых листов. Записывай, что увидишь в плавании интересного, потом пригодится… Вот и стило свинцовое.

— Спасибо, Николай Константинович… — выговорил Гриша, сделав подходящее лицо. Но, видимо, на лице все же не проступило особой радости: ясно, что всякими писаниями заниматься мальчишке не хотелось. Хватит с него уроков с доктором.

Капитан понятливо разъяснил:

— Ты не старайся писать много строчек. Иногда ведь довольно одного слова, чтобы потом вспомнился какой-нибудь случай или картина.

Гриша с благодарностью воспринял этот совет. И стал иногда записывать в тетрадь: «Киты с фонтанами… Чайка смотрела, как человек… Медузы у борта… Штиль, а потом порывы… Выиграл у Мити… Встретилось торговое шведское судно… Задний парус иногда именуют контр-бизанью, но это по привычке, а по правде он — грота-трисель…»

Запись о парусе была, пожалуй, самая длинная в тетрадке. И надо сказать, грота-трисель — косой нижний парус под гафелем задней мачты-того заслуживал. Скоро он, глухо взятый на все рифы, оказал бригу немалую помощь…

2

Про это событие в Гришиной тетрадке написано оказалось лишь одно слово: «Шквал». Но ой-ей-ей сколько вспоминалось потом, когда на слово это натыкался взгляд!

Кончалась вторая неделя плавания. Лейтенант Илья Порфирьевич Новосельский заметил в кают-компании во время обеда:

— Миновали широту Франции, господа. Только в большом отдалении от сей державы.

— И слава Богу, что в отдалении, — подал голос первый лейтенант Александр Гаврилович

Стужин. — Не хватало нам еще встречи с их эскадрой…

— Ну, едва ли доблестные галлы болтаются сейчас в океанских водах в надежде на случайную добычу, они заняты блокадами, — вступил в разговор мичман Сезаров. — А нам более грозят природные силы. Что-то за все плавание пока не было ни одной трепки. Как бы вскоре не аукнулось…

— Тьфу-тьфу-тьфу на вас, Владимир Игоревич! — рассердился вопреки обычному добродушию штурман Иван Данилович. — Что вы дразните Нептуна! Хотите накликать неприятности? — И он костяшкой пальца постучал по деревянной изнанке обеденного стола. Следом то же сделали и остальные. И даже Гриша, скромно сидевший на самом уголке (он тоже знал морские обычаи).

Впрочем, страха Гриша не испытал. Очень уж обыкновенными и ровными были качание океана и брига (они стали уже частью Гришиной жизни). Ласковой была синева. Добрым показался упругий, но ничуть не сердитый ветер, когда Гриша стал взбираться на марс. Веревочные ступеньки-выбленки резали босые ступни, но это было терпимо, потому что недолго. А вот Митя

рассказывал, что провинившихся матросов ставят на выбленки босыми ногами на несколько часов. Нестерпимо, наверно. Впрочем, на «Артемиде» такого не случалось. Гриша вообще не видел, чтобы кого-то как-то наказывали. Разве что сиплый и волосатый боцман Дмитрич покажет какому-нибудь растяпе веснушчатый здоровенный кулак…

Гриша забрался, встал на теплую деревянную решетку, привычно прислонился затылком к основанию стеньги. От медного рыма, как всегда, пахло начищенным самоваром. Гриша улыбнулся этому домашнему запаху… и вдруг заметил, что ветер ощутимо слабеет. Бриг потерял обычную упругую силу, и теперь его качание стало неловким и каким-то растерянным.

Гриша с тревогой оглядел горизонт. Легкие белые облака были такими, как всегда. Но впереди и справа, у самого горизонта (Гриша увидел это из-под обмякшей нижней шкаторины фор-марселя) заметным стало еще одно облачко — похожее на комок серой пакли…

Гриша не раз — и от матросов, и от Мити — слышал, каковы они, признаки неожиданных океанских шквалов. Сердце у него ёкнуло и упало в живот. Он будто со стороны услыхал свой

тонкий вопль:

— Справа по курсу, на весте, облако! Шквал!..

И сразу-топот на палубе, крики офицеров и боцмана:

— Куда вахтенные глядят… твою… Вашбродь, аврал?!

— Все паруса долой, кроме контр-бизани! Контр-бизань на все рифы!.. Право руль!.. — Это вахтенный офицер, лейтенант Стужин.

Матросы лезли по вантам, словно кто-то нанизывал горошины на нитки. Паруса стремительно подтягивались к реям, исчезали, словно таяли в синеве. Ветер угас совсем, бриг тихо двигался по инерции. Он разворачивался свободным от кливера и стакселей бушпритом к темнеющему серому облачку. Вернее, уже облаку…

— Все концы крепить намертво!.. Александр Гаврилович, двух человек в помощь рулевому!.. Григорий, марш в каюту! — крикнул появившийся на юте командир. Крикнул и сразу забыл про Гришу.

Тот и не подумал прятаться в каюте. Он успел скатиться с фор-марса еще до того, как наверх кинулись матросы, и теперь стоял, вцепившись в брусья кофель-нагельного ограждения фок-мачты. Уйти с палубы не давали нарастающий страх

и… жутковатое любопытство.

«Господи, пронеси…»

Облако стремительно росло, оно занимало уже треть неба — кудлатое, клубящееся… живое и злобное. Из-под него рванул наконец ветер. Совсем не тот, что недавно подгонял бриг, а встречный… Прежние, привычно бегущие с зюйд-оста волны с маху столкнулись с новыми, накатившимися от веста. Громадными фонтанами взлетела, заслонив последнее солнце, вода, в небо улетели клочья пены. Гребни перемахнули бак, захлестнули людей. Ветер взревел, надавил, попытался оттянуть мокрого Гришу от мачты. Тот вцепился в точеные головки кофель-нагелей, на которые были намотаны снасти.

Зарифленный грота-трисель, будто громадный флюгер, удерживал бриг носом к взбесившемуся ветру.

Летящий навстречу, перемешанный с пеной и мокрой солью воздух стал серым, вода — мутно-зеленой. Как все смогло перемениться, перемешаться со свистом, ревом, громадно выросшими волнами и страхом! Бриг вздыбило и стало валить на левый борт.

Сквозь штормовой рев долетел опять голос командира:

— Все лишние в кубрик! Быстро! Чтобы не смыло к чертовой матери!..

Откуда-то возник рядом с Гришей гардемарин Митя. Тоже мокрый и очень злой.

— Ты не слышал, что велел командир? Марш в каюту! — И по скользким наклонным доскам палубы, между вельботом и пушками, поволок Гришу к переборке юта. Грише не смог сопротивляться. Они своими телами открыли дверь, влетели в тесный коридорчик. Новый резкий крен швырнул Митю и Гришу к их собственной каюте, и они ввалились в нее — на Митину, прибитую к поперечной переборке койку. Грянулись затылками. Вцепились в стойки-пиллерсы. Митя посидел, дыша разинутым ртом, и грозно крикнул Грише:

— Сиди здесь! И держись крепко! — А сам метнулся к двери. Обратно в этот ад!

А ему, Грише, что? Сидеть одному в этом ужасе и одному идти ко дну? (В том, что это вот-вот случится, не было сомнения.) За смотревшим на палубу оконцем свистела и металась мгла. Через стекла люка (его забыли задраить глухой крышкой!) перекатывалась водяная зелень… Гриша дождался секундной остановки между размахами судна, спиной оттолкнулся от пиллерса и

кинулся наружу…

Боже ж ты мой, что творилось на судне, в океане и на всем белом свете! Ревущая смесь упавших на палубу облаков, каскадов брызг, свистящего воздуха, летящих в этом воздухе каких-то обрывков и обломков, соленой пены! И никакой опоры под ногами (Гриша отчаянно вцепился в дверной косяк). Было непонятно, как люди могут удерживаться на встающей торчком палубе. А они — несколько отчаянных матросов — не только удерживались. Они пытались *что-то делат*ь! А в дверях переборки, отделяющей надстройку бака от палубы, стоял раскорячившийся боцман Дмитрич, кричал непонятное и махал веснушчатым блестящим кулаком…

Беспорядочно и часто трезвонил корабельный колокол: матросы забыли подвязать рында-булинь…

Гриша не мог видеть юта — со штурвалом и с офицерами, которые наверняка находились на капитанском мостике. Ют был у него за спиной и наверху. Но Гриша вдруг почувствовал, что там, несмотря на конец света, паники нет. Что матросы мертво вцепились в шпаги рулевого колеса, а командир и лейтенанты, и мичман (и, наверно, Митя) думают не о погибели, а о спасении брига!

Значит… для спасения надо было стать частью этой надежды, этой уверенности. Гриша закусил губу и снова глянул перед собой. Три матроса, пригибаясь под хлесткими гребнями, крепили у мачтовых кофель-планок ходовые концы такелажа (те рвались из рук). Но… они не видели другой опасности!

Накануне, по приказу лейтенанта Стужина, из-под палубы матросы вынесли наверх для просушки весла брига. Это — могучие лесины в четыре сажени длиною, с толстенными валиками у рукоятей и похожими на гигантские перья лопастями. Их положили на орудийные стволы (четыре по правому борту, четыре по левому), увязали меж собой кусками тросов, а концы тросов закрепили на запасных кофель-нагелях у фальшборта — рядом с теми, на которые задавали отведенные от реев шкоты и брасы… Теперь от страшной качки, от метаний брига, один трос раздался, его выхлестнуло из-под весел и мотало по воздуху. А весла разъехались веером, взмахивали лопастями и готовы были сокрушить все, что попадет под них. И матросов…

Гриша обмер на миг, а дальше действовал как заведенный. Страх не то чтобы пропал, а будто отлетел в сторону, стал отдельным от мальчиш-

ки. А в Грише включился строгий, ни от кого не зависящий механизм — вроде того, который перевертывал картинки в волшебном фонаре.

Гриша ухватил мокрый и твердый конец троса. Конечно, он даже при тихой погоде не смог бы собрать и поднять неимоверно тяжелые весла. Но сейчас ему помогло штормовое неистовство. Бриг резко накренило влево, весла сами вскинулись и забросили лопасти на ствол карронады. Гриша рывком протянул трос над шейками лопастей, метнулся к фальшборту, изогнулся по-змеиному, снизу и сверху — восьмеркой — обмотал разбухший пеньковый конец вокруг дубового аршинного нагеля. Кофель-нагель — этакая дубинка с круглым «хвостом» и точеной рукоятью, торчащая из отверстия в прикрученной ниже планширя балке — аж застонал, когда бриг ушел в правый крен и весла снова захотели размахнуться веером между пушками и вельботом. Трос не пустил весла, хотя петли поползли по круглому дереву «дубинки». Гриша отчаянно потянул трос на себя, помогая ему удержать груз. А потом опять повалило налево, весла на миг смирились. Гриша угадал момент, распустил на кофель-нагеле восьмерку и тут же задал ее снова, уже двумя шлагами. А затем еще и на соседнем.

Продернул конец в петлю, она тут же затянулась. Гриша уцепился сгибом локтя за рукоять нагеля, потому что увидел, что валится сверху, загибаясь гребнем, серо-зеленый вал.

«Удержаться бы…»

Он не удержался. Вал слизнул его с весел, как рыбешку, бросил между орудийным станком и кильблоком вельбота, потоки поволокли дерзкого мальчишку по скользким доскам (к нему уже бежали, но тоже скользили и падали). В локоть ударила колючая боль (аж вспыхнуло в голове!). Тут же кто-то ухватил Гришу за ворот и за штаны, поволок, бросил в дверь. Оказалось — Митя. Оба свалились: Гриша на койку, Митя на него. В этом положении гардемарин Невзоров ухитрился врезать юному приятелю крепкого леща между лопаток.

— Дурья башка! Кому было велено: не совать носа!

Всё лицо — в соленой сырости. Не разберешь, где вода, где слезы. И в локте такая боль!

Из позиции, в которую поставил его новый крен, Гриша боднул гардемарина головой в живот. Закричал:

— Чего дерешься! Большой, да? Почти мичман, да?! Щас как вломлю по зубам! — (Вот она память

о схватках с городищенскими недругами в туренском логу! А страха уже и не было совсем…)

Митя завалился на спину.

— Теленок бестолковый! Вот подожди, командир тебя вздрючит за дурацкое геройство!

— Ну и пусть вздрючит!.. А если бы весла разнесло?! Ноги поломало бы и вельбот пробило!

Митя мигнул, помолчал секунду.

— Ч-черт… — выдохнул он. — А ведь и правда… — И этим как бы подвел черту под спором.

Теперь они были каждый на своей койке, и мотало по-прежнему, а дверь отчаянно хлопала, у нее сорвало задвижку.

Митя вдруг качнулся вперед.

— Что с рукой-то? — Он перескочил к Грише, вздернул до плеча его набухший красной сыростью холщовый рукав. — Маменька моя…

Гриша скосил глаза. И правда «маменька». Наверно, о киль-блок, на палубе… Митя, уловив секундное затишье, метнулся к настенному рундучку, выхватил из него очень белый платок, разодрал на три полосы.

— Ну-ка давай…

Гриша подставил локоть и вдруг удивился:

— А чего так глухо в ушах? Меня головой стукнуло, да?

Но Митю он расслышал хорошо.

— Да стихло все, — сказал Митя. И добавил тоном бывалого морехода: — такие шквалы, они ведь ненадолго…

В КАЮТ-КОМПАНИИ

1

Через час все в океане было как прежде. Правда, не угасла еще толчея волн, однако ветер установился прежний — ровный и теплый зюйд-ост!

Матросы наводили порядок на палубах и в такелаже, заново крепили шлюпки.

Митя отвел Гришу к Петру Афанасьевичу. Тот наложил на локоть новую повязку. Сказал при этом:

— Рана уж-жасная, но есть некоторая надежда, что пациент останется жив… если не будет соваться в новые подвиги… Или будешь?

— Не знаю… — пробормотал Гриша. Воспоминания о шквале, об этом беспощадном реве воздуха и вздыбленных волнах возвращались к нему новым страхом. Но Гриша не подавал виду. Никто из офицеров не заговаривал с ним о случившемся. А боцман Дмитрич могучей лапой

перемешал его вихры и спросил:

— Как тебя сподобило так ладно с веслами управиться?

— Ты же сам учил меня задавать концы…

— Видать, не без пользы учил, — крякнул Дмитрич. — А для нас — наука. Недоглядели…

Объяснение с начальством случилось перед ужином, в кают-компании.

Обычно Гриша ходил босиком, в просторной рубашке на голом теле, в таких же холщовых штанах, подвернутых до колен. Однако в кают-компанию полагалось являться в более пристойном виде. Гриша надевал парусиновые башмаки на плетеных подошвах (подарок матросов), раскручивал штаны донизу, подпоясывал рубаху витым шнурком и с трудом расчесывал перепутанные ветром космы.

Так он поступил и на этот раз. Однако раньше он не испытывал робости перед офицерами, а сейчас шел к ним с боязнью: что скажут про случай с веслами?

Остановился в дверях. Были уже сумерки, качалась под бимсом лампа. Гриша встал в дверях — пятки вместе, руки прижаты к бедрам.

— Позвольте войти? — Это все как всегда. Только смотрят на него нынче как-то по-особому.

Был среди всех и капитан второго ранга Гарцунов.

Обычно командир завтракал, обедал и ужинал в своей каюте. Морской этикет позволял ему появляться в кают-компании только после приглашения офицеров. А вообще-то здесь был главным первый лейтенант. Но сейчас, видимо, Николаю Константиновичу последовала просьба быть среди всех. Ох, неспроста…

— Входите, сударь, — ровным голосом разрешил лейтенант Стужин. — Голодными у нас не оставляют никого, даже арестантов.

«Значит, я — арестант?» — ахнул Гриша. Но к своему месту на углу стола подошел ровным шагом.

— Позвольте сесть?

— Подожди, — вдруг сказал командир «Артемиды». — Сначала ответь нам на несколько вопросов. — Лицо Гарцунова было непонятным. Не сердитым, но каким-то излишне равнодушным, что ли… И смотрел он мимо своего воспитанника. И Гриша понял: Николай Константинович нарочно не стал разговаривать с ним один на один. Пусть все видят, что он не делает из мальчишки любимчика и не хочет для него поблажек. В желтоватых глазах точками отражалась лампа.

Гриша уронил голову. Но успел из-под волос взглядом обежать тех, кто за столом. Кроме мичмана Сезарова, стоявшего вахту, все были здесь. Оба лейтенанта, штурман Иван Данилович, доктор… И Митя (с которым они чуть не подрались в каюте). И, конечно, командир, который терпеливо, но неумолимо ждал Гришиного ответа.

— Я… готов отвечать… — выдавил Гриша и зачем-то одернул подол рубахи.

— Отрадно слышать… Скажи, как ты тогда посмел нарушить приказ? Мною было велено твердо: сидеть в каюте. Ну?

У Гриши мелькнуло: можно притвориться гордым и смелым. Соврать. Я, мол, никогда не видел шквала и не сдержал любопытства. Или сказать с некоторой даже дерзостью: «А кто бы тогда увязал на пушках весла? Они бы наломали на палубе дров!» Гриша потрогал забинтованный локоть, лизнул верхнюю губу… и заплакал.

— Ну вот… — беспомощно выговорил Николай Константинович. — Уже и началось… То геройство, то слезы. Однако же, голубчик, слезы — это не ответ…

Гриша всхлипнул и дал ответ. Тихий и честный:

— Я… перепугался…

— Вот те на! Чего же? — весело воскликнул большущий и рыжий лейтенант Новосельский. Гриша сквозь искры на ресницах глянул на него с надеждой.

— Я подумал… вдруг будем тонуть… тогда… как в закрытой каюте одному? А на палубе хоть какая-то надежда…

— И… какая же? — спросил Николай Константинович. — В тоне его проклюнулось любопытство. Гриша снова посмотрел на командира.

— Ну… помните картину «Девятый вал»? Там люди на обломке. Хоть и буря кругом, но они, может, спасутся… А если бы оказались взаперти…

— Однако аргумент! — обрадованно воскликнул Новосельский. Наверно, он любил живопись. — Ты вправду в тот момент вспомнил Айвазовского?

Гриша всхлипнул и опять сказал честно:

— Ничего я не вспомнил… Это я сейчас… А тогда… ну, просто почувствовалось такое…

Командир «Артемиды» помотал головой и выговорил как-то по-домашнему:

— Вот забота на мою голову… И что теперь прикажешь с тобой делать?

В голосе его ощутилось такое, что Гриша понял: ничего страшного не сделают. А может быть, и

вообще *ничего*. От этого понимания шевельнулась в душе тайная смешинка, и он предложил — всерьез, но и чуточку дурашливо:

— Посадите меня в канатный ящик. На хлеб и воду. Хоть до самой Кубы… Только, если опять будет шквал, не забудьте выпустить… пожалуйста… — У него снова царапнулось в горле.

Наступило смущенное молчание. Потом первый лейтенант, Стужин, сообщил:

— Лучше поступить по-иному… — Он был темноволос, носат, его лицо с «пушкинскими» бакенбардами выглядело суровым. — Полезнее сделать так, чтобы виноватому стало на какое-то время неудобно сидеть и в канатном ящике, и в других местах. Помню притчу о римском мальчишке, который удрал на войну и отличился там всякими подвигами. По возвращении он был увенчан за храбрость лавровым венком, после чего ликтор развязал пучок с прутьями и всыпал герою за нарушение дисциплины…

— Право же, ваши исторические параллели, Александр Гаврилович, здесь не к месту! — звонко возмутился гардемарин Невзоров. — У Гриши и так рука поранена…

— …К тому же у нас нет венка, — закончил за Митю командир. — Поэтому предложение Алек-

сандра Гавриловича невыполнимо…

— Господа, по-моему, наши строгости к мальчику чрезмерны, — вступил добродушный штурман. — Ведь на палубе он вел себя крайне смело, мы как-то забыли про это, увлекшись лишь рассуждениями о дисциплине…

— А без нее — куда? — вставил вопрос лейтенант Стужин.

— Без нее никуда, — согласился доктор Петр Афанасьевич. — Но позвольте мне, человеку отнюдь не военному, высказать здесь свое суждение. Мальчик, хотя и признавшийся в своем понятном страхе, на палубе не потерял головы, а проявил взрослую находчивость. Я смотрел потом на эти весла и думал: на сколько матросских ног пришлось бы мне накладывать лубки и шины, если бы Гриша не завязал трос на этих… кофель-магелях…

— Нагелях, — сказал гардемарин Невзоров.

— Да-да, разумеется… И мне кажется, что, сделавши ребенку необходимое внушение, мы должны отметить наконец и его достойное поведение в главном…

— Вы правы, — кивнул командир. — В самом деле… Слезы лучше всего осушаются шампанским. Александр Гаврилович, прикажите вестовому

подать к ужину бутылку… Петр Афанасьевич, мальчику не повредит маленький глоток?

— Если вот столько… — доктор развел пальцы на полвершка.

— Отлично! Полагаю, никто не откажется поднять бокал в честь нашего юнги… Думаю, что считать Гришу Булатова законным юнгой «Артемиды» мы теперь вправе…

Гриша пробовал вино впервые в жизни. От шипучего шампанского защекотало в носу, сильнее прежнего задрожали на ресницах влажные искры. Гриша сморщил нос и неловко засмеялся.

2

Пили стоя, а теперь стали шумно рассаживаться, и большущий лейтенант Новосельский, как обычно, не сразу поместился за столом, неловко задвигал стулом. Зацепил гардемарина. Митя сказал с приятной улыбкой:

— Право же, Илья Порфирьевич, я давно замечаю, что вам крайне тесно на бриге. Вашим размерам надобен линейный корабль.

Новесельский ответил, принюхиваясь к тушеной курятине:

— Я и сам не прочь был бы оказаться на одном из них. У Севастополя или Кронштадта. Не ради

своих размеров, а потому, что там начинаются настоящие дела. Товарищи наши готовятся к сражениям, а мы…

— А мы направляемся в благодатные тропики! — звонко добавил, не сдержавшись, гардемарин Невзоров. И тут же уткнулся носом в тарелку под взглядом командира.

Пожилой штурман глянул на Митю через стол.

— Благодатность тропиков вам еще предстоит познать, юноша. При первом же урагане, которые там не редкость. Уверяю вас, в них требуется храбрости не меньше, чем в артиллерийской дуэли с вражеским кораблем. И сегодняшний плевок ветра покажется нам тогда шутливой улыбкой океана…

Гриша перестал жевать и тихо обмер. Страх опять вернулся и засел где-то под желудком ледяным комком. «Эх ты, герой… а еще юнга», — сказал он себе.

Капитан обвел всех своими спокойными, табачного цвета глазами.

— Иван Данилович прав. А кроме того, нам, людям военным, следует не предаваться беспочвенным сожалениям, а неукоснительно исполнять предписания начальства, не так ли, господа? Мне, как и всем нам, огорчительно

сознавать, что мы остались в стороне от предстоящей кампании. Однако же у наших начальников и у самого государя были, видимо, веские причины отправить нас в этот вояж. Уверен, что в них заключен государственный интерес, хотя и не знаю, что именно содержат доверенные нам документы. Наше дело — передать их…

Новосельский, разом сжевав и проглотив курятину, сказал, что он не подвергал сомнению обоснованность решений государя.

— Досадно только греться на солнышке, когда пропадают втуне твои навыки корабельного артиллериста…

Доктор Петр Афанасьевич почесал черенком вилки подбородок и спросил:

— Илья Порфирьевич, вам никогда не говорили, что вы похожи на маршала Нея?

— Отчего же никогда? — невозмутимо отозвался тот. — Слышал такое неоднократно…

— Простите, если невольно обидел…

— Ничуть не обидели! Мишель Ней был благородный и честнейший воин. Он сделал лишь одну ошибку в жизни: выбрал в кумиры не того человека…

— Вы имеете в виду Наполеона? — ершисто спросил Митя.

— Ну, а кого же еще! Бонапарт не заслуживал такой преданности.

— Преданность Нея была не столь уж безоговорочна, — возразил Петр Афанасьевич. — В конце войны он разошелся с Бонапартом. Когда тот снова высадился во Франции, Ней даже предлагал Людовику схватить бывшего императора и доставить его в Париж в железной клетке. Король, однако, Нею не поверил. А маршал, когда увидел, что армия и народ на стороне Наполеона, вновь встал на его сторону…

— Я не знал таких подробностей, — сказал похожий на маршала Нея лейтенант. — В Корпусе недостаточно уделяли внимания исторической науке. Я был уверен, что Ней всегда оставался бок о бок с любимым императором, за что и был расстрелян роялистами.

— Вообще-то казнь Нея, равно как и Мюрата, была необдуманной жестокостью, — вмешался вдруг капитан Гарцунов (он, видимо, знал историю). — Тем более что остальных маршалов Бонапарта вскоре простили…

— Если кто и заслуживал расстрела, то прежде всего сам Бонапарт, — с неожиданной жестокостью заявил доктор. — А то и виселицы… И зря кое-кто из молодых людей видит в нем романти-

ческого героя…

— Вы напрасно смотрите на меня, доктор, — опять взвинтился Митя. — Я не поклонник узурпатора. Кстати, мой дед погиб под Малоярославцем!

— Да упаси Господи, Митенька, я не имел в виду именно вас. Но многие среди молодежи… Взять даже замечательного поэта Лермонтова. Помните его «Воздушный корабль»? Какая печаль о низвергнутом владыке! И это у стихотворца, написавшего «Бородино»!

Гриша был весь внимание. «Бородино» он знал наизусть, как и «Конька-Горбунка». Страх его понемногу растаял (может, и не будет никакого урагана…).

— Михаила Юрьевича тем не менее можно понять, — сдержанно заспорил Митя. — Наполеон, конечно, враг России, но все же он великий человек!

— Он великий негодяй! — непохоже на себя вознегодовал доктор. — Кровожадное чудовище! Ради необузданного стремления к славе он погубил тысячи и тысячи людей во многих странах! А то и миллионы! Еще задолго до нападения на нас он совершил столько преступлений, что следовало его предать анафеме во всех церквах планеты!..

Взять хотя бы убийство герцога Энгуэнского…

Все как-то виновато примолкли на полминуты, и Гриша не удержался, поднял руку с зажатой вилкой:

— Позвольте спросить. А кто был этот герцог?

— Великолепнейший человек, — вздохнул доктор. — Молодой красавец, блестяще образованный, удивительно храбрый… Последний представитель фамилии Бурбонов по линии Кондэ. Бонапарту показалось, что герцог Энгуэнский может послужить препятствием для его, наполеоновского, восхождения на престол, и он сломал все мыслимые законы и понятия чести. Герцог жил в независимом государстве, Бадене, и Бонапарт без объявления войны послал туда своих драгун. Те похитили ни в чем не повинного герцога, и он был расстрелян во рву Венсенского замка, как пойманный на дороге разбойник…

— Насколько я помню, даже полицейский министр Наполеона, Фуше, по поводу убийства герцога высказался так: «Это было хуже, чем преступление, это была ошибка»… — опять вмешался командир «Артемиды».

— Совершенно верно. Для хитроумного министра ошибка в политике страшнее преступления… — энергично покивал доктор. — А сверг-

нутый император, когда обитал уже на острове Святой Елены и предавался воспоминаниям, самодовольно заметил однажды: «Возможно, это было преступлением, но никак не было ошибкой…»

— Его племянник, нынешний самозваный император с номером три, кажется, тоже не прочь наделать ошибок, — неожиданно вступил в разговор молчаливый лейтенант Стужин. — На мой взгляд, прежний вполне был достоин гильотины. И нынешний тоже…

Поскольку опять стало тихо, Гриша решился на новый вопрос:

— Позвольте… а что это… гиль…тень…

— О-о! — как-то злорадно отозвался Стужин. — Великое изобретение французских республиканцев. Устройство для механического лишения человека его головы. Два столба на помосте, треугольный нож на высоте, колода с дырой для зажимания головы… Легонько дергают за шнурок… Никаких усилий…

— Александр Гаврилович, надо ли про такое знать мальчику… — осторожно сказал добродушный штурман.

Лейтенант поднял плечи к бакенбардам.

— Мальчики быстро делаются взрослыми. И от

кровавых сторон жизни их не заслонишь… К тому же и в Корпусе, куда мальчик стремится, будут обучать не игре на скрипке, а военному делу…

— Но не палаческому же! — запальчиво воскликнул Митя.

— Жизнь далеко не всегда ставит различия, — сумрачно разъяснил Стужин. — Те двенадцать стрелков, которые в Венсенском рву стреляли в герцога Энгуэнского, они были солдаты или палачи?

— Они выполняли приказ… — неуверенно сказал Митя.

— Ну да, ну да… — очень серьезно кивнул штурман. — Так обычно и говорят…

— И к тому же они не пользовались гильотиной! — не сдался Митя.

— Существенное уточнение, — заметил лейтенант Новосельский.

— Однако в других случаях эта машина при Бонапарте не стояла без применения, — слегка брезгливо проговорил доктор. — Особенно в тех местах, куда мы направляемся сейчас.

— Что вы имеете в виду? — удивился капитан Гарцунов.

— Антильские острова.

Митя сказал слегка недовольно:

— Разве Наполеон бывал в Америке?

Доктор хмыкнул:

— Сам не бывал, но гильотина царствовала отменно. Особенно в начале его правления. Это время было страшным для жителей Антил… Мне пришлось кое-что читать про те дела, хотя, призна́юсь, интерес к этой теме вначале возник случайно. Благодаря одной карте…

Все притихли снова, ожидая, видимо, услышать какую-то историю. И доктор кивнул:

— Если угодно, я расскажу…

ПАРИЖСКАЯ НАХОДКА

1

Ужин закончился, вестовые убирали посуду. Все пересели на диванчики у кормовой и бортовой стен кают-компании. Гриша устроился рядом с доктором («Позвольте встать из-за стола… Петр Афанасьевич, можно, я с вами?» — «Конечно, голубчик…»).

Привычно качало. Поскрипывало, потрескивало, шелестело. Слышно было, как у бортов с размаха плещет в обшивку волна. Эти звуки были частью корабельной тишины и вечернего покоя.

Снаружи доносилась песня — на баке отдыхали матросы. Высокий протяжный голос выводил:

Как над лугом да над скошенным
Желтый месяц, будто лодочка.
Что же ты, моя хорошая,
Не выходишь за околицу?..

— Однако же, прямо итальянский тенор у этого… как его… — небрежно заметил Митя.

— Семеном зовут этого матроса, — сказал старший офицер. — Право же, господин гардемарин, можно было за такой срок уже запомнить имена нижних чинов.

Митя не обиделся на выговор.

— Да знаю я, что это Семен. Только до сих пор не уразумел: «Вялый» — это его фамилия или просто кличка?

— Фамилия его Корытов, — сказал Стужин. — А «Вялый» он по причине своей медлительности, за которую боцман Дмитрич не раз чистил ему зубы. Это не помогало. У Вялого небывалый страх перед высотой. Пришлось его убрать из марсовых и поставить на кливер-шкот. А то, не приведи Господь, улетит с рея к акулам — забот не оберешься рапóрты писать…

— Тем не менее у каждого свои таланты, — заме-

тил доктор. — Поет этот Вяленый… или Вялый… совсем не вяло.

— Одна беда: у нас здесь не опера, — хмуро подвел итог старший офицер «Артемиды». И, смутившись собственной мрачностью тона, сменил разговор: — Вы хотели рассказать о карте, Петр Афанасьевич.

— А… да. Разумеется…

Масляная лампа со стеклянным шаром ходила под потолком туда-сюда. Ее отражения желтыми бабочками летали по кормовым окнам кают-компании — по мелким стеклам в частых переплетах. За стеклами чернело небо, кое-где запятнанное большими звездами. По гладкому столу, с которого сняли скатерть, ездила от края до края коробка с сигарами, которую для общего угощения выложил командир. Но никто пока не закуривал: видно, и без того было уютно. И все ждали рассказа.

Доктор за плечо придвинул к себе Гришу (осторожно так, чтобы не задеть забинтованный локоть).

— Я, господа, рассказывал уже кое-кому… Ивану Даниловичу и вот, Грише… что два года назад посетил Париж. Бытовало мнение, что каждому образованному человеку следует посетить этот

город…

— Нынче это было бы затруднительно, — заметил Митя. — Разве что в роли военнопленного…

— Вы правы, Митенька… но я успел. Впрочем, причиною было не упомянутое выше мнение, а определенная цель. Мне хотелось поближе познакомиться с новым искусством, которое до недавней поры именовалось дагерротипией. Сейчас его все чаще называют словом «фотография». То есть «светопись». Оно дает возможность делать на металлических и стеклянных пластинах и даже на бумаге точные портреты, картины природы, виды городов… Я вам позже продемонстрирую аппарат для изготовления таких картин. Это нечто вроде камеры-обскуры, только более сложное устройство… Впрочем, я отвлекся. Речь пойдет об иных картинах…

— О гравюрах? — шепнул кое-что знавший Гриша.

— Именно. Никакая фотография не отменит, разумеется, другое искусство — давнее и высокое: гравюру. Мое увлечение собиранием гравюр началось еще в молодости и не оставило меня до сих пор. В коллекции моей немало любопытных оттисков… Будем в Петербурге — милости прошу… Есть старинные экземпляры: Дюрер,

Рембрандт. Есть работы петровских времен, изумительные… Есть и современные. Например, мне удалось приобрести альбом «Подвиги Геркулеса» молодого мастера Гюстава Доре. Эти гравюры Доре выпустил, когда был совсем еще мальчиком, пятнадцати лет… Но прежде всего я в Париже искал иллюстрации к роману Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», перед этим я прочел его во французском издании, выпущенном со множеством гравюр. Они сделаны по рисункам Бриона, Виоле-ле-Дюка, де Лему, Добиньи… Ходили слухи, что оттиски этих гравюр были не только включены в книги, но продавались и отдельными листами… Надо сказать, мне повезло. Несколько иллюстраций Добиньи и Бриона мне удалось приобрести у букинистов на берегу Сены… Ох, простите меня великодушно: как всякий излишне увлеченный человек, я углубляюсь в дебри, другим неинтересные… Но все же хочу сказать: книжные развалы и лавки на набережных Сены — это удивительный, особый мир, в который погружаешься, как… как в особую вселенную. Вообще-то французская столица не произвела на меня того восторженного впечатления, о котором пишут многие путешественники (дело вкуса, как говорится). И только Нотр-Дам и

вот эти ряды букинистов остались в памяти как нечто необыкновенное… Итак, я сделал несколько интереснейших приобретений и с большой картонной папкой направлялся уже в гостиницу, как, проходя мимо крайнего продавца, зацепил краем глаза лежащий на лотке лист. Что касается такого товара, глаз у меня безошибочный (говорю это без хвастовства), и я немедленно остановился. Так и есть! Среди других рисунков и карт лежала гравированная карта какого-то острова…

— Наверняка с зарытыми сокровищами карибских флибустьеров, — не сдержался Митя.

— Нет-с, господа… Но она сама была сокровищем. По крайней мере, для знатоков вроде меня. Я сразу определил по своеобразию и тонкости резца, что эта работа принадлежит руке известного Амбруаза Тардье. Надо сказать, что Тардье — целая династия французских граверов, Амбруаз же — один из самых знаменитых среди них. Кстати, в какой-то степени ваш коллега, господа, поскольку имеет отношение к флоту и навигации. Он в свое время состоял гравером при французском морском депо и немало работал над картами для плаваний… К сожалению, этот прекрасный художник скончался несколько лет назад… Я взял этот небольшой лист. Ветер трепал

его, но я без труда прочитал:

CARTE GENERALE
DE LA GUADELUPE
Deslinee et Gravee
Pav
AMBROISE TARDIEU

То есть генеральная карта Гваделупы, которую рисовал и гравировал Амбруаз Тардье! Я не ошибся!

Надо сказать, что старые географические карты привлекают меня не меньше гравюр с различными видами и сюжетами, в них есть особая поэзия дальних странствий… Эта карта не была очень старой, но мастер исполнил ее в традициях давних портуланов — без привычной меркаторской сетки, а с компасной проекцией, когда из одной точки на листе расходятся румбы-лучи…

— На небольших картах это применяется и в наши дни, — вставил штурман.

— Возможно, возможно… Тем не менее авторство мастера и его манера делали для меня карту весьма привлекательной… Продавец же, видимо, не усматривал в ней ценности и уступил ее за весьма скромную цену. Я торопливо уложил покупку в папку, чтобы в гостинице насладиться

неспешным и внимательным рассматриванием… Ветер дул крепко, крышки папки не слушались, завязки путались, я досадливо спешил… Тут произошел случай, на первый взгляд пустяковый, но мне почему-то запомнившийся накрепко, словно он имел какое-то особое значение…

Когда я прошел от Сены вверх по переулку с полсотни шагов, сзади раздался частый стук подошв и послышались тонкие вскрики: «Месье!.. Месье!..» Меня догоняли трое мальчиков, и один был впереди остальных. Небольшие такие ребята, уличные дети Парижа, которых полно на улицах и рынках. Чуть помладше Гриши… Тот, что впереди, махал сложенным листом, в котором я тотчас узнал карту Гваделупы. До сих пор не могу понять, как она ухитрилась выскользнуть из папки!

«Месье, вы потеряли!»

Маленький оборвыш был весьма живописен. В каких-то немыслимых, похожих на два мешка штанах, в разбитых башмаках, в драном расстегнутом жакете (похоже, что женском). На голове его красовалась мятая шапка — нечто вроде треуголки, но с большущим сломанным козырьком. Под шапкой я увидел круглую перемазанную мордашку с глазами, похожими на громадные

черные смородины. Глаза весело блестели.

«Месье, это ваша бумага?!»

Я обрадовался донельзя! Не хватало потерять работу Тардье!..

В изысканных, как у французского романиста, выражениях я поблагодарил маленького парижанина и дал ему большой серебряный франк. Мальчик изумился. Если он и ждал какой-то награды, то наверняка пару мелких су (а может быть, и вообще не ждал, просто рад был оказать услугу, добрая душа!). Он крутнулся на каблуке и показал франк приятелям (одетым, кстати, столь же оригинально, как и он сам). Те быстро заговорили, щупая монету и поглядывая на меня. Я упаковал (на сей раз весьма тщательно) карту и, собираясь уйти, помахал мальчикам ладонью. Они охотно помахали в ответ, а тот, что спас карту, вдруг встал навытяжку и по-военному поднес два пальца к козырьку. Заулыбался…

Вот таким он и запомнился мне, этот юный житель Парижа — на фоне серой, взъерошенной ветром реки и косо летящих сухих листьев платана. И вот странно: теперь, когда бы я ни разворачивал карту, этот мальчик обязательно встает передо мной. Словно хочет о чем-то напомнить или хитровато так зовет куда-то… Думаю,

что одной из многих причин, толкнувших меня напроситься в нынешнее плавание, был именно этот мальчуган, словно подсказывающий: «Отчего бы вам, доктор, не побывать на Гваделупе?»… Академия не хотела отпускать меня, но я настоял.

— К сожалению, мы не будем на Гваделупе, — напомнил командир брига.

— Я знаю. Но Куба тоже принадлежит к Антильской гряде, хотя и к другому ее краю. Все-таки какое-то… касание… А карту я старательно изучил и нашел на ней любопытную отметку. Мелкую надпись: *«Campagne de 1802. Tome 2e»*. То есть «Кампания тысяча восемьсот второго года, том два».

Я понял, что карта вынута из географического атласа, который, очевидно, был составлен в добавление к какому-то историческому сочинению о событиях начала этого века в Караибском море… Я не люблю, когда экспонаты моей коллекции существуют сами по себе, в отрыве от сюжетов и событий, которые на них отражены. И вот, вернувшись в Петербург, я стал раскапывать подробности о той войне, про которую раньше знал совсем немного…

2

— Главной фигурой и злым гением тех событий был некий Викто́р Юг. Не путайте с Виктором Юго́ замечательным поэтом и романистом. Юг был комиссар Конвента, посланный на Малые Антильские острова Робеспьером для установления там республиканских порядков. Острова принадлежали Франции, а Робеспьер по прозвищу «Неподкупный»… ну, вы слышали об этой зловещей личности…

— Слышали, — сказал Митя. — Однако при чем здесь Бонапарт? Он пришел к власти позднее…

— Честное слово, гардемарин, вы сегодня несносны, — сказал старший офицер Стужин.

— Прошу прощения. Но… в чем же моя несносность, господин лейтенант?

— В том, что часто перебиваете… Доктор наверняка знает последовательность своей истории.

— Ох уж «часто», — буркнул Митя. Но еле слышно.

Доктор сказал примирительно:

— Митя прав, Бонапарт захватил трон позже. Но он тоже замешан в этих делах… А Юг… о, этот неистовый республиканец, бесконечно преданный Робеспьеру, был безусловно талантливым

человеком. Он успешно воевал с англичанами, которые одно время претендовали на острова. Там были и каперская война, и боевые действия на суше… Гваделупа состоит из двух островов, каждый примерно по сотне верст в поперечнике, они соединены перешейком верст пять шириною. Перешеек рассекает узкая и мелкая протока, которую жители именуют Соленой рекой. «Ривьер-Салé». Так вот, этот заросший мангровыми джунглями канал на долгое время стал кровавым рубежом между армиями двух стран. Англичане засели на острове Бас-Тер, французы сделали своей базой остров Гранд-Тер и палили друг в друга из орудий, уничтожая не только солдат, но и мирных жителей…

Ну, Виктор Юг одержал громкую победу, завладел обоими островами и стал насаждать республиканские нравы. Первым делом отменил рабство…

Гардемарин Невзоров нервно шевельнулся, словно хотел спросить: «Что же здесь плохого?» Но смолчал. Доктор понимающе глянул на него.

— В самом этом факте нет ничего худого. Однако же надо знать, какая там была жизнь. Небольшое количество белых богатых плантаторов, а основное население-толпы невежественных,

крайне бедных, измученных непосильной работой людей разных рас. Множество привезенных из Африки для рабского труда негров. Остатки племен индейцев-караибов. Выходцы из Индии. Всякие авантюристы из Европы… Юг торжественно объявил гражданами республиканской Франции всех, кроме сторонников монархии и священников — республиканцы, как вы знаете, тогда отвергли религию…

Конечно, вся нищая масса с восторгом приняла известие о свалившейся на них свободе. Стали формироваться негритянские полки. Бывшие рабовладельцы искали случая бежать с острова. Их ловили. Начались расправы и пожары в поместьях… Ну и все прочее.

Видите, господа, свобода свободой, но ведь ею одною сыт не будешь, нужен хлеб. Нужно, чтобы кто-то по-прежнему возделывал и убирал поля, выращивал сахарный тростник и бананы. А бывшие рабы заявляли, что они теперь люди свободные и работать на плантациях не обязаны. Так происходило повсеместно…

«Ах, не обязаны? — сказал комиссар Юг. — Месье Ансу, приготовьте вашу машину…»

— Вот здесь, как это ни печально, я не могу обойти тему гильотины, — вздохнул Петр Афа-

насьевич и слегка отодвинулся от Гриши. — Это зловещее сооружение прибыло на Антильские острова вместе с комиссаром Югом. Когда его эскадра подходила к архипелагу, эта — собранная заранее — машина стояла на носовой палубе флагманского корабля и угрожающе чернела на очень синем небе (так пишут очевидцы). Она как бы давала понять, какие именно времена скоро наступят на Антилах… И они наступили.

У Виктора Юга был верный помощник. Именно он заведовал, если можно так сказать, гильотиной. Чудовищная и странная личность. О нем встречаются разные сведения, и упоминается он под разными именами. Но я для краткости остановлюсь на одном — месье Ансу. Мулат, уроженец Гваделупы, он каким-то образом в детстве попал в Париж, получил недурное воспитание. Его иногда именовали даже «шевалье Ансу», как бы намекая на его принадлежность к благородным сословиям… Говорят, он восхищался искусством, собирал коллекции тропических бабочек, кораллов, причудливых корней. Недурно играл на скрипке и похоже, что одно время даже выступал с концертами. Любил порассуждать на философские темы… Был месье Ансу изящен в манерах и обходителен с жертвами. Есть анекдот, будто бы

одной даме, приговоренной к отсечению головы, он перед этой процедурой предложил станцевать с ним менуэт. Дама влепила палачу оплеуху. Он раскланялся…

К рычагу гильотины он привязал длинный шнур и, перед тем как дернуть, отходил подальше, чтобы брызги из-под ножа не испачкали его блестящие светлые чулки… Брызги были досадным неудобством, но, несмотря на это, Ансу любил свою «машину» как живое существо. Берег ее и лелеял. Однажды он поссорился с Югом из-за того, что комиссар заставил гильотину работать с чрезмерной нагрузкой. Захвативши остров Бас-Тер, Юг взял в плен около тысячи английских солдат. То есть это оказались даже не англичане, а французы, ненавидевшие республику и потому вставшие под британские знамена. С точки зрения комиссара они были изменники! Он всех приговорил к казни. Но гильотина в назначенные сроки — одна ночь! — не могла справиться с такой толпою жертв. В конце концов пленных пришлось расстрелять, а месье Ансу с негодованием объяснял Югу, что «машина» не может работать в таком ритме. Это деликатный инструмент, и ритм ее должен быть сдержанным и музыкальным. «Вы же не стали бы рубить вио-

лончелью дрова, гражданин комиссар!»

«Нормальная» работа гильотины и ее хозяина была — несколько человек в день. Сначала казнили сторонников монархии, участников всяких заговоров против республики, священников, а затем стали расправляться и с личностями помельче: с не желавшими работать неграми, со всякими несчастными, арестованными по соседскому доносу; с теми, кто при свидетелях сказал неосторожное слово. Виноватые находились по всему острову. Месье Ансу «работал» не только в городах — в Пуэнт-а-Питре и Бас-Тере — но и в разных поселках. Он ездил по Гваделупе, будто с гастролями, и его сопровождали несколько человек с громадными барабанами. Вообще, казни порой напоминали ярмарочные представления… Что поделаешь, господа, толпа есть толпа, она жаждет развлечений. И когда человек толпы знает, что нож гильотины грозит не ему, а кому-то совсем другому, он готов видеть в этом забаву, он готов плясать с приятелями, пить ром и прятать за весельем подкравшийся страх… Барабаны ухали, несчастные покорно подымались по ступеням, толпа орала и пела, по краям площади шла торговля фруктами, жареным мясом, выпивкой, безделушками…

Кстати, сделав свое дело, месье Ансу любил пройтись по лавкам в поисках изящных вещиц, которые были конфискованы в богатых поместьях или привезены из Европы. С ним, конечно, не торговались… Кстати, среди мелкого товара в лавках стали появляться новомодные игрушки — маленькие гильотины. Ими удобно было обрубать кончики сигар. Суровые мамаши и папаши пугали детишек: «Будешь баловаться — суну туда твой палец!» Детей тоже не обошла эта забава. Мальчишки мастерили самодельные гильотины и пробовали их на кошках…

Увы, господа, среди детей, как бы ни были они милы, тоже встречаются случаи злодейства. Возможно, это следствие детского недомыслия, а возможно, и проявление склонностей, которые потом превращают взрослого человека в «Ансу»…

Гриша беспокойно шевельнулся:

— Петр Афанасьевич, можно я скажу?

— Да, голубчик?

— Прошлым летом у нас в Турени городищенские мальчишки, с ихним атаманом Сёмкой Хряком, поймали бесприютного пса и хотели повесить на краю лога. Мы… то есть Илюшка Маков, я, Ефимка Грач, Саня Пашенцев и еще несколько

загнали их в речку и перемазали глиной от макушки до пяток, чтоб неповадно было… А собаку взял Илюшка, она и сейчас у него живет…

— Совершенно правильно сделали, — серьезно сказал Петр Афанасьевич. — Кстати, и на Гваделупе не все дети одобряли жестокие забавы. Был случай, когда месье Ансу, приятно улыбаясь, начал помогать уличным сорванцам правильно наладить маленькую гильотину. В это время со стороны какой-то мальчик выпалил в него из громадного пистолета. Сшиб с палача шляпу. Не знаю, что стало с мальчиком. Надеюсь, ему удалось скрыться. И я ничуть не осуждаю этого ребенка за такой выстрел…

— Жаль, что не попал, — сказал Митя.

— И, кстати, когда я читал про этого храброго стрелка, — продолжал доктор, — я вспомнил парижского мальчика, отдавшего мне карту. Его лицо, его глаза. Уверен, что этот мальчик никогда бы не стал причинять страдания беззащитному существу… Я вообще уверен, что детей с добрыми сердцами на свете больше, чем злых… — И вдруг шепотом спросил у Гриши: — Как локоть? Не болит?

— Не-а…

— Ну а при чем здесь все-таки Бонапарт? —

слегка капризно напомнил Митя.

— Сейчас, сейчас… Я привык все излагать по порядку, простите меня…

Офицеры уже курили. Их лица за синим дымом были спокойны и доброжелательны. Никто не собирался упрекать доктора за неторопливость. Запах сигар был сладковатым, и Грише думалось, что так, наверно, пахнут цветущие заросли на Гваделупе. Но…виделось и нехорошее. Будто в зарослях прячется тощий человек в розовом атласном камзоле, с тонкой улыбкой под черными усиками и стальными глазами. И ждет, когда Гриша подойдет поближе.

Может, и хорошо, что не будем заходить на Гваделупу, подумал Гриша.

3

— Времена менялись, — сказал Петр Афанасьевич. — Как известно, беззаветный борец за республику Робеспьер сам в конце концов попал под нож гильотины. Революция безостановочно уничтожала тех, кто ее породил. Виктор Юг был потрясен страшной судьбой своего кумира. Но… в конце концов он заявил: «Я политик и солдат. Я буду делать все, что от меня требует моя страна. Раз Робеспьер оказался плох, я буду бороться с его

сторонниками…»

Во Франции возникли новые веяния, возрождалась вера в Бога. Перестали разрушать церкви и разрешили службы. И Юг на Гваделупе стал защищать священников. Не потому, что стал верующим, а потому, что «значит, так надо»… Затем его вызвали во Францию, и многие думали: тут-то ему и конец! Ответит за прежние злодейства. Но Юг вернулся на Гваделупу в новом высоком звании и с новыми полномочиями. Теперь он был уже не республиканцем, а сторонником Бонапарта.

Бонапарт, как известно, произвел переворот и еще до того, как объявил себя императором, он сделался диктатором Франции — ее генеральным консулом. Он не был уже республиканским генералом. Новая роль требовала нового поведения. Бонапарту стало известно, что белые плантаторы на Гваделупе и других островах архипелага страдают от бесчинств негритянской армии, от освободившихся рабов, от невозможности нормально вести хозяйство, и он вполне логично (со своей точки зрения) решил: все должно стать как прежде.

«Я политик и солдат, — говорил бывший комиссар Конвента Виктор Юг. — Я делаю то, что

от меня требует моя страна». Страна в лице Бонапарта требовала возродить рабство, и Юг начал возрождать его на всех Малых Антилах. Сил для этого хватало. Бонапарт послал туда эскадру под командой своего тестя адмирала ле Клерка.

Не так давно в этих же местах Юг на площадях городов и поселков громко читал конституцию республики и указы об уничтожении рабства. Раздавал всем трехцветные кокарды и клялся в своей преданности идеалам свободы. Теперь с той же энергией он оглашал декларации, что бывшие рабы обязаны-под угрозой смерти — вернуться к прежним хозяевам и повиноваться им беспрекословно. Черные батальоны во главе с офицерами — неграми и мулатами — приготовились к отпору. Бывшие рабы толпами уходили в джунгли… Это можно назвать по-всякому: мятежом, борьбой за свободу, гражданской войной. Историки называют это «Кампания тысяча восемьсот второго года».

Юг залил кровью острова, в том числе и Гваделупу. Там погибло около десяти тысяч человек. Французским солдатам, приплывшим с ле Клерком из Франции, не было дела до судьбы туземцев, они выполняли свою миссию. Солдаты Гваделупы сопротивлялись как могли. Я читал, как

недалеко от города Бас-Тер солдаты ле Клерка осадили в одном форте республиканцев. Тех было около трехсот человек. Они держались, сколько могли, потом впустили осаждавших в ворота, а командир форта, полковник-мулат Луи Дельгре, крикнул «да здравствует свобода!» и приказал взорвать пороховые запасы. Погибли все… Видимо, это был один из последних актов той кампании… Рабство было восстановлено, и отменили его лишь в сорок восьмом году. Еще почти полвека мучений…

— Бывает и хуже, — бесцветным голосом заметил лейтенант Новосельский. — Есть места, где рабство не отменили до сей поры.

— Что вы имеете в виду? — спросил сквозь сигаретный дым лейтенант Стужин.

— Я, собственно говоря, имел в виду Кубу. А вы, очевидно, решили, Александр Гаврилович, что Российскую империю?

— Я рад, что *не ее*, — сухо отозвался Стужин. — Ибо нет ничего общего между системой, основанной на безраздельном всевластии и чудовищных издевательствах над чернокожими, и сложившейся исторически крепостной взаимосвязью в нашей стране. Эта взаимосвязь в основе своей содержит отеческое попечение дворянством гро-

мадной и пока еще не просвещенной, не готовой к самостоятельной жизни массы…

— Это звучит весьма академично, — подал голос лейтенант Новосельский. — Однако такие суждения кое у кого могут вызвать разные несогласия…

— Каковые и привели к выступлению на Сенатской площади три десятка лет назад, — вставил Митя.

— Вас, гардемарин, в ту пору не было на свете, — раздраженно сказал Стужин. — Не думаю, что у вас есть право судить о тех событиях.

— А я и не сужу, господин лейтенант. Я кон-стати-рую… Мы ведь говорим об истории вообще, и я привел один из известных примеров…

— Господа, у моряков есть обычай держаться подальше от политики, — мягко напомнил командир «Артемиды». — Мы люди военные…

— Однако же, Николай Константинович, и военным порой приходится делать выбор, — возразил Новосельский. — Вроде тех солдат в форте. Как умереть и во имя чего…

Старший офицер Стужин сказал угрюмо:

— Едва ли они делали выбор. Скорее всего, их чернокожий полковник, фанатик, швырнул в пороховой погреб факел, не думая о судьбах

нескольких сотен человек. И обрек их гибели — бессмысленной, поскольку война все равно была проиграна. Не думаю, что он попал в царство небесное, поскольку пренебрег заповедью «Не убий»…

И вдруг заговорил штурман:

— Однако же, Александр Гаврилович, в одной из недавних бесед вы осуждали другого офицера за поступок, противоположный тому, о котором говорим. Я вспоминаю о капитане второго ранга Стройникове, который не стал взрывать свой фрегат «Рафаил», оказавшийся в безнадежном окружении турок…

— Это совершенно разные вещи! Стройников просто струсил!

— Полноте, Александр Гаврилович, — усмехнулся похожий на маршала Нея лейтенант Новосельский. — Боевой офицер, не раз бывавший в сражениях, награжденный «Георгием» и золотым оружием, «просто струсил». Он объяснял, что послушался матросов, которые не хотели подвергать себя бессмысленной гибели…

— Может, он тоже вспомнил о царстве небесном, а? — добавил штурман.

Стужин сел прямо.

— Извините, Иван Данилович, но, не будучи в

полной мере морским офицером, вы, видимо, не можете разобраться в тонкостях кодекса…

— Александр Гаврилович! — возвысил голос командир. — Иван Данилович ходил в кругосветное плавание с капитаном Гагемейстером в те времена, когда мы с вами еще не начали просиживать штаны в Корпусе. При чем здесь эполеты!

Стужин сказал деревянным голосом:

— Иван Данилович, примите мои извинения.

— Ох, да Бог с вами Александр Гаврилович!.. Мы говорим о том, как тяжко брать на себя решения, когда речь идет не о тебе одном, а о множестве других… Не приведи Господь. Лучше уж отвечать за секстаны и хронометры, хотя и с ними непросто. У меня к вам, Николай Константинович, есть про это разговор…

— Извольте, Иван Данилович.

— Чуть позже, если позволите… А пока, Петр Афанасьевич, отчего бы вам не показать здесь всем карту, о которой шла речь. Право, она стоит того…

— В самом деле! — Доктор резво скрылся за дверью и почти сразу вернулся. Небольшая, в два фута шириною, карта пошла по рукам. Гриша вытянул шею, глядя издалека.

Двойной остров, оттиснутый тонкими штриха-

ми на серой бумаге, был похож… даже непонятно, на что похож. Пожалуй, на причудливую рыбу с торчащим плавником, с острым, как у ската, хвостом и большущей головой с разинутой пастью.

Гриша сунулся поближе, под Митин локоть.

— Петр Афанасьевич… это что? Такое озеро? Или лагуна?

Посреди левого острова светлело овальное пустое место, перечеркнутое мелкой французской надписью.

— Это, голубчик, не озеро, а неисследованная часть острова Бас-Тер. Его покрытый горами и джунглями центр. Именно сюда уходили негритянские повстанцы. Они-то знали там секретные места и тропы, а ученые-географы туда пока не добрались. В полном смысле — белое пятно…

«Тут вообще-то нужно увеличительное стекло, — подумал Гриша. — Вон какие бисерные надписи». Но такого стекла не было. Лежало в кармане штанов только Агейкино стеклышко. Гриша не удержал желания — застеснялся, но все же вынул осколок и глянул сквозь него на карту. Остров стал густо-зеленым, будто и правда его прямо здесь, на бумаге, покрыли непроходимые джунгли.

Карту разглядывали внимательно и со знанием

дела. Митя заметил:

— Однако же для навигации она не очень-то полезна. Здесь нет ни обозначения глубин и опасностей, ни береговых ориентиров…

— Естественно, — слегка обиженно отозвался доктор. — Амбруаз Тардье изготовил ее для исторического труда, а не для плаваний… Но я все же взял карту с собой… Знаете, господа, появилось этакое ребяческое желание: пусть карта побывает невдалеке от мест, которые она изображает…

— Можно я спрошу? — Гриша дотянулся мизинцем до перешейка между двумя частями Гваделупы. — Это и есть тот самый проход, который Соленая река?

Перешеек был пересечен тонкой, почти прямой щелкой.

— Она и есть, — кивнул доктор. — К сожалению, протока эта почти бесполезна для плаваний. Географы пишут, что Ривьер-Сале доступна лишь для мелких рыбачьих лодок. Это жаль. Будь река поглубже, она помогала бы быстрому сообщению между разными городами и поселками на острове…

— Нам-то не все ли равно, — скучновато заметил лейтенант Стужин. — Наш путь в Гавану…

— Доктор просто сообщил нам любопытную по-

дробность, — сказал капитан Гарцунов. Кажется, он прятал досаду на старшего офицера. — Любое знание никому не вредит… Кстати, доктор, у вас не было желания запечатлеть своей камерой жизнь брига и наши портреты. Так сказать, в память потомству?

— К сожалению, на судне это невозможно, Николай Константинович. Чтобы изображение отпечаталось на пластине, камера с полминуты должна стоять неподвижно. А здесь какая неподвижность… Вот когда окажемся на суше…

— Кстати, о суше, Николай Константинович, — осторожно сказал штурман. — Я хотел об этом чуть позже, но раз уж пришлось к слову… После шквала оказалось, что хронометры требуют сверки. Дело в том, что они были доставлены на бриг перед самым рейсом и не прошли необходимые испытания. Теперь я обнаружил разнобой. И главному секстану была бы полезна регулировка. Но это надо делать на твердой земле…

— Иван Данилович, дорогой мой! Да где же я вам возьму твердую землю! — как-то по-ребячьи удивился командир «Артемиды». — Вы знаете курс лучше меня! Открытый океан!

— Я имел в виду Азорские острова…

— Но помилуйте! Это же какое отклонение при-

шлось бы делать. Они же гораздо левее курса!

— Ну, не столь уж левее… Взять немного к зюйду и, так сказать, «чиркнуть» левым бортом по самому правому острову архипелага, по Флорешу. Стоянка займет не более полусуток…

— Вполне достаточно, чтобы нас там прищучил французский или британский капер, — с хищной ноткой произнес Новосельский и потер ладони.

— Большие суда не подходят к Флорешу, — объяснил штурман. — Для них там нет подходящих стоянок. Да и делать нечего. Торговли никакой, одни рыбачьи поселки… А если мы не проверим инструменты, то, не ровен час, окажемся вместо Кубы где-нибудь в Мексике… — Он скрасил свое сообщение шутливой интонацией, но все поняли, что дело серьезное.

— Вам виднее, Иван Данилович, — озабоченно сказал командир. — Давайте смотреть курс…

Часть II
ОСТРОВА
РАКОВИНА

1

В подаренную Николаем Константиновичем

тетрадку Гриша вписывал отдельные слова и короткие фразы: «Большущие звезды» (они сияли в черном небе, как яркие свечи), «Океан пахнет огурцами» (и правда, вода порой отдавала запахом огуречного рассола), «Черепаха» (выловили громадную морскую черепаху; доктор удивился — такие черепахи в этих широтах большая редкость; он зарисовал ее и, посмотрев на страдающего от жалости Гришу, велел отпустить беднягу. А страдать было отчего — черепаха смотрела несчастными человеческими глазами). «Про людоедов» (пожилой веселый матрос Артамоныч рассказывал, как пять лет назад его на берегу Новой Гвинеи поймали и чуть не съели разрисованные с ног до головы туземцы; врал небось, но все равно было интересно). «Рыбы как ласточки». (Все чаще вырывались из воды и мчались над волнами рыбки с полупрозрачными крыльями. Гриша каждый раз вспоминал бумажных ласточек, которых он с Илюшкой Маковым и Саней Пашенцовым пускал с обрывов над логом. На ласточек расходовали старые, исписанные в училище тетрадки… Теперь, глядя на летучих рыб, он думал о доме и о приятелях.)

А еще — такое: «Будто кто-то ходит…»

Посторонний ничего не понял бы в этих словах.

Да Гриша сперва и не хотел их писать. Но надо было как-то освободить себя от тревоги. Показалось, что напишешь — и выбросишь из себя страх…

Страх копился понемногу. Вернее, их было несколько, этих страхов, но они смешивались в один. И он, смешанный, — иногда не сильно, почти незаметно, а порой ощутимо точил, точил оказавшегося в океане мальчишку…

Сначала это была просто тревога: как там дома-то? Все ли здоровы? Не случилось ли чего худого? Потом добавилось опасение: а не налетит ли вдруг новый сокрушительный шквал, а то и настоящий ураган, о которых немало он слышал от матросов? Да, во время того, первого шквала Гриша показал изрядную храбрость, но ведь и перепугался немало (даже и не скрывал этого). Раньше он, забравшись на марс, без всякой боязни смотрел на бегущие синие валы, чувствовал себя свободной птицей. Но вот океан показал свой нрав, и Гриша вдруг ощутил, какая он букашка среди этого грозного мира и какая скорлупка бриг «Артемида». Сокрушительные волны и превратившийся в чудовище ветер на деле показали, что им ничего не стоит скомкать и слизнуть с океанской поверхности эту скорлупку. Проглотят и не заметят…

Гриша стыдился этого страха, давил его в себе и, может быть, задавил бы накрепко, но тут возникал в памяти гваделупский «господин Ансу» и словно оживал. Сладко и зловеще улыбался Грише, манил худым пальцем с блестящим перстнем и, выгнув тонкую талию, протягивал руки. «Давай мы сначала станцуем с тобой под скрипку, а потом…»

Ну, он-то чего привязался? Чем он мог быть опасен? Какой-то давно сгинувший человек из другого времени, из другого мира! Но Грише он казался похожим на разбойников и злодеев, которые в младенчестве лезли в его сны после обещаний няньки или кухарки: «Вот не будешь спать, *они* придут, мало не покажется…» Ансу был из тех, которые *они*…

Стыд какой! Большой мальчишка, одиннадцать лет исполнилось перед отплытием! Узнали бы ребята — со свету сжили бы дразнилками. Вроде тех дразнилок, когда кто-нибудь робел перед темными зарослями в вечернем логу или не решался прыгнуть с мостков в воду вниз башкой:

Кукаяла-забояла —
Напустил под одеяло…

Но нет, здесь дело было не в пустых вечерних

страхах, которые вроде игры. Палач Ансу грозил чем-то всерьез. Он как бы включал в себя все другие боязни и опасности и готов был выплеснуть их на Гришу с утроенной силой.

Гриша поймал себя на том, что если он один, то все время хочет оглянуться: нет ли за спиной у него *кого-то*? И летучие рыбы не развлекали. И на марс не хотелось. И набухающая над зыбкой поверхностью луна — громадная, раскатавшая по волнам серебряную дорогу — сперва обрадовала своей красотой, но скоро и она стала тревожной…

Однажды вечером Гриша стоял между карронадами, прижавшись грудью к планширю фальшборта, и смотрел, как нарастает лунное свечение. Сзади подошел доктор (Гриша вздрогнул). Петр Афанасьевич, который, кажется, оказался рядом не случайно, постоял и сказал:

— Смотрю я, друг мой, ты в последние дни что-то загрустил. Заскучал небось по дому?

Гриша не стал молчать. Повел плечом, выговорил неловко:

— И это тоже…

— Ну… а что, кроме этого?

Держать в себе страх — дело нелегкое. И мало его выплеснуть двумя словами на бумагу. Луч-

ше признаться кому-то. Стыдно, конечно, зато облегчение…

— Петр Афанасьевич… Боязно чего-то…

— Да что такое, голубчик?… А! Натерпелся, когда увязывал весла? Это пройдет. Даже будущие адмиралы, попав первый раз в переделку, ужасались морской стихии. А потом крепнет привычка… «Артемида» наша — судно крепкое, хотя и небольшое. Оно в океане — как дома. И командиры надежные, и матросы…

— Я знаю… вот вы тогда рассказали про этого… про Ансу. Он… как-то застрял в голове и… будто все время рядом. Как дурная примета… Может, я опять захворал?

— О-о! Я старый бестолковый болтун! Пришло же в голову рассказывать такое при мальчике!.. А ведь никакого Ансу, скорее всего, и не было. Он — выдумка всяких рассказчиков и писак, любящих приукрашивать историю небылицами… Еще в тот раз я собирался сказать об этом, да отвлек Иван Данилович своим беспокойством о хронометрах…

— А… как же не было? Кто же тогда был? С этой… с машиной…

— Не знаю… Какие-нибудь обыкновенные мерзавцы… Но не такие изящные злодеи, которые

украшают кровожадность цветочками… А история про Ансу, видимо, сочинилась местными жителями из-за другого человека…

— Из-за какого?

— Он тоже был мулат. Сын губернатора Гваделупы и черной служанки. Губернатор его любил. С острова они уехали во Францию, мальчик получил в Париже блестящее образование, был принят даже во дворце… Его звали шевалье Сент-Джордж де Болон. Он стал знаменит в Европе своими успехами в двух искусствах. Был блестящий фехтовальщик, победитель многих турниров, и великолепный музыкант. Писал музыку, выступал с концертами, слава его была велика… Но когда началась во Франции революция, де Болон сказал себе, что надо восстанавливать справедливость на родине, и с Виктором Югом отправился на Гваделупу. Там помогал комиссару искоренять рабство, создавал из негров и мулатов армию освободителей, воевал с англичанами… Похоже, что он не всегда одобрял действия Юга. Через какое-то время он уехал во Францию, опять занялся музыкой, но вскоре умер. Вернуться на Гваделупу ему не пришлось. Наверно, это и хорошо: он не увидел, как его бывший друг изменил себе и свободе, стал

возрождать на Антилах прежнее рабовладение.

— А то бы вызвал Юга на дуэль?

— Гм… не исключено… А человеческая молва… Люди не раз видели Юга и де Болона вместе и, возможно, стали приписывать злодейства первого второму. Шевалье был видной фигурой: изящный, с дворянскими манерами, часто со скрипкой в руках, его запоминали. А к тому, кто на виду, клеят и хорошее, и дурное… Молва, она, друг мой, беспощадна. Пример тому — другой замечательный музыкант, Сальери. Кто-то пустил слух, что он из зависти отравил великого Моцарта, и этому слуху поддался даже наш Александр Сергеич Пушкин, написавший известную драму. Ты не читал?

— Не… — осторожно сказал Гриша. — Я читал «Руслана и Людмилу», другие сказки. И про Дубровского…

— Ну, прочтешь еще, у тебя все впереди. Помни, однако, что Сальери не виноват… Впрочем, и Пушкин не виноват, просто доверился досужим слухам…

Фигура злодея Ансу как бы отодвинулась от Гриши, стала неясной и почти не страшной. А луна вновь сделалась красивой. Просто волшебной.

— Петр Афанасьевич, а когда будем на остро-

ве?

— На острове Флореш? Иван Данилович обещал, что через сутки…

2

Вельбот обошел невысокую красноватую скалу и с размаха въехал носом на плоский берег. Заскрипел окованным килем по песку. Песок был темный, почти черный. («Вулканический», — вспомнил Гриша рассказы Петра Афанасьевича.) Местами песок был перемешан с крупной серой галькой. Из гальки подымались округлые блестящие камни, они похожи были на дельфиньи спины.

Кое-где из воды и на берегу торчали скалы. Вода в бухте была спокойная — изгибы скалистого берега защищали бухту с юга и востока от ветров…

Недалеко от воды виден был поселок. Серые каменные дома под низкими черепичными крышами, а над ними — церковная башня с прямым тонким крестом. В широком проеме башни мотался на балке маленький колокол, слышен был жиденький звон. Звонили то ли по поводу какого-то праздника, то ли в честь редчайшего события — захода в эту бухту иностранного судна.

И бухта, и рыбачий поселок на берегу называ-

лись одинаково — Понта Дельгада.

Матросы прыгали с борта на берег, принимали у штурмана футляры с приборами («Осторожнее, осторожнее, братцы, это предметы хрупкие...»). Приняли у доктора ящик красного дерева — слегка похожий на волшебный фонарь, что остался в ужасно далеком отсюда доме на Ляминской улице...

Гриша тоже храбро прыгнул на песок и... упал на колени. Земля качнулась под ним, упруго поддала снизу в ступни. Что такое?..

Он поднялся. Сделал шаг. Земля качалась. Гриша взмахнул руками. Веселый матрос Тимофей Прялкин прихватил его сзади за плечи.

— Держись, Гришуня. Теперь долго качать будет, отвык от твердой земли-то. Оно обязательно так поначалу, когда сходишь на берег.

Да! Всегда качавшаяся палуба стала постепенно в плавании казаться привычной, как неподвижная земля. А настоящая земля (наверно, в отместку за морскую привычку) теперь дурашливо ходила под ногами.

Но это было не страшно! Забавно даже! Гриша засмеялся и, балансируя, как на тонкой доске, сделал несколько шагов.

Так мальчик Гриша Булатов из неведомого

здесь города Турени ступил на Азорские острова. Точнее, на их самый западный остров, который называется Флореш. На его северную оконечность.

По словам Ивана Даниловича, из всех Азорских островов Флореш был самый малолюдный и даже заброшенный. «Забытый Богом и людьми…» А поселок Понта Дельгада — самый неприметный на этом острове. Как раз то, что и надо было русским морякам в их секретном рейсе.

Место было не самое лучшее для приближения к берегу. В старой английской лоции, которая хранилась у Ивана Даниловича, отмечалось, что глубины на подходе к Флорешу вполне подходящие, но немало подводных скал. Поэтому ночью, завидев слабенький маяк на мысе Дельгада, легли в дрейф, дождались рассвета и только тогда начали придвигаться к скалистой махине острова. К счастью, ветер был слабый и ровный, вахтенные смотрели во все глаза, самый опытный рулевой — Максим Сверяев — был наготове. Все кончилось благополучно. В миле от берега отдали якорь.

Почти сразу пошла от острова к бригу лодка. На борт поднялся старшина поселка (на здешнем языке — «кабеза де сидаде»). Высокий сухой

старик с белой бородкой, в похожем на длинно-полый мундир одеянии и соломенной шляпе.

Бриг снаружи не казался военным судном. Артиллерийские люки в фальшбортах были задраены и сливались с обшивкой. Под гафелем полоскал флаг Российско-Американской компании. Он был похож на российский торговый (а про андреевский здесь могли даже и не знать).

Командир встретил «кабезу» по всем правилам флотского этикета.

Оказалось, что староста — сеньор Жоао Кавендиш, здешний уроженец и старый моряк — о России слыхал, но русское судно видит впервые. Про войну в Европе ему было известно из газет, привезенных с Сан-Мигеля, но подробностей он не знает. «И это прекрасно, сеньор капитан. Наш остров, слава Деве Марии, ни с кем не собирается воевать и нет для этого никаких причин. Рыбы в океане хватает, люди не голодают, дети растут здоровыми, что еще нужно для этой жизни под небом?» А русским морякам будет оказано всяческое гостеприимство, насколько это позволяют скромные возможности жителей Понта Дельгада…

Пользуясь указаниями дона Жоао, бриг подвели к берегу еще на полмили.

Сейчас, с берега бухты, бриг казался совсем маленьким. Еле заметной куколкой виделась под бушпритом фигурка богини Артемиды. Были различимы на вантах и марсах оставшиеся на судне матросы — они смотрели на счастливцев, которым довелось первыми ступить на сушу.

Счастливцы, за исключением двух часовых при вельботе и двух помощников штурмана, во главе с боцманом Дмитричем отправились в недалекую таверну — единственную в поселке.

— Ну, Дмитрич, смотри у меня, — сказал командир Гарцунов. И даже показал кулак.

— Не извольте беспокоиться, вашескобродь, все будет в соответствии, — заверил Дмитрич.

Мите было предписано командиром «пасти юнгу», не спускать с него глаз, ежели тот возымеет желание познакомиться с окрестностями. Митя надулся. Он рассчитывал принять участие в регулировке хронометров, поднабраться штурманского опыта, а тут извольте быть нянькой!

— От меня ни шагу! — сказал он юнге и, в точности как Николай Константинович боцману, продемонстрировал кулак.

— Бе-е… — сказал Гриша и строптиво показал будущему мичману язык.

Впрочем, сначала все шло гладко. Гриша и Ми-

тя помогли Ивану Даниловичу выбрать недалеко от места высадки подходящую площадку. Там нашелся плоский, как стол, камень — будто специально для приборов. Штурман стал открывать футляры. И началось непонятное действо с хронометрами и секстаном. Митя смотрел, разинув рот и задавая иногда почтительные вопросы. Гриша заскучал.

— Я погуляю…

— Тебе что было велено?

— Это *тебе* было велено: не отходить от меня. Да ладно, сиди, я тут недалеко…

И пошел вдоль берега. Берег продолжал качаться под ногами, и это веселило Гришу. Он, взмахивая руками, то прыгал с камня на камень, то увязал босыми ногами в рыхлом песке.

Да, песок был черный. Это на минуту встревожило Гришу (будто опять примета какая-то!), но он отмахнулся от тревоги. Здесь, на незнакомом берегу, не было ничего, что имело бы к нему, к Грише, близкое отношение. Значит, и никакие приметы не считались.

Тем более что здешнее солнце было добрым, жарило через рубашку плечи.

Тропинка вильнула, повела через окраину поселка, вдоль крепких каменных заборов, ми-

мо лежащих у заборов лодок и растянутых на кольях сетей. Было безлюдно. Только ходили в невысоких, с причудливыми листьями, кустах куры. Совсем такие же, как в Турени. И петух был, как разноцветный Филька, живущий во дворе у Илюшки Макова.

— Цыпа-цыпа, — сказал ему Гриша, как знакомому.

— К-коо, — благосклонно отозвался азорский Филька.

Тропинка среди круглых камней и травы с колючками снова повернула к воде. Море слегка плескало, вода с оторочками пены разбегалась по черному песку. Гриша оглянулся направо. Там, среди торчащих на берегу маленьких скал, видны были штурман, доктор, два матроса и Митя. Иван Данилович и Петр Афанасьевич занимались своими приборами, матросы скучали, Митя обеспокоенно вертел головой. Поодаль стояли несколько мужчин и женщин, наблюдали, но не подходили. Местные жители были деликатны и не хотели мешать гостям.

Гриша помахал рукой Мите. Тот обрадовался и снова показал кулак: не вздумай, мол, уходить еще дальше. Но Митя тут же перестал смотреть на гардемарина. Потому что с другой стороны,

из-за большущего, как слон в кунсткамере, камня, появились четверо мальчишек.

3

Двое были ростом с Гришу, третий поменьше, вроде Агейки, четвертый совсем малой, лет четырех. Они подходили неспешно, осторожно даже. В их движениях и лицах Гриша не увидел никакой задиристости и вражды. Только вежливое любопытство и вроде бы желание сказать: если мы тебе мешаем, то уйдем… Тогда он улыбнулся им навстречу.

И они улыбнулись ему, хорошо так. И пошли быстрее. И стали в двух шагах. Младшие были смуглые, а те, что постарше, — светлые, чуть рыжеватые, круглолицые (совсем, как туренские пацаны). Похоже, что братья. Все четверо в мешковатых подвернутых штанах и с голыми загорелыми плечами. Один из старших что-то негромко проговорил и показал на стоявший в трех кабельтовых от берега бриг. Конечно, он спрашивал: «Ты оттуда?» Гриша закивал. И, вспомнив про «международный этикет» (о нем недавно говорил доктор), показал большим пальцем себе на грудь. Отчетливо произнес:

— Гри-ша…

Все четверо заулыбались шире и тоже закивали. Один из старших показал на себя:

— То-маш… — И на другого: — Жо-ао… («Как староста», — мелькнуло у Гриши.)

Тот, что поменьше, застеснялся и неразборчиво назвал свое имя. Малыш тоже назвал себя сам — солидно и так же неразборчиво, с важной хрипловатостью.

Потом все замолчали. Переминались и не знали, что делать дальше. Но Томаш почти сразу нашел выход. Быстро заговорил, показывая через плечо на воду, замахал руками, делая частые гребки: айда, мол, купаться. И в подтверждение этих слов одним движением сбросил на черный песок штаны. И трое других тоже. Грише что делать-то, если зовут? Он тоже стряхнул свои матросские штаны, скинул через голову рубаху. Опять оглянулся на «своих», на Митю. Но тех теперь не было видно за камнями. Ну и ладно! Пока Митя преодолеет лень и, чертыхаясь, доберется сюда, Гриша сумеет побултыхаться, поплавать с ребятами…

Искупаться очень хотелось!

Ведь он купался в море всего один раз. Когда наступили жаркие дни и случилось однажды короткое безветрие, лейтенант Стужин приказал

спустить на воду запасной марсель, привязав к шкаторинам несколько балластин. Получилась этакая купальня с небольшой глубиною. И Гриша вместе с матросами плескался там от души. Можно было не опасаться ни океанской глубины, ни акул, чьи треугольные плавники иногда были различимы с палубы брига… А потом еще случалось, что обливали друг друга на палубе из парусиновых ведер, и Гриша вполне узнал вкус морской соли. Но вот такого, чтобы с берега и прямо в океан, — еще не было…

Гриша сам не заметил, как оказался среди невысокой крутой ряби с гребешками, в шелковистой прохладе. Маленькие волны, дурачась, подталкивали его, отрывали от дна, несколько раз плеснули в рот. Вода несильно, шутя, щипала царапины и щекотала в ноздрях. В брызгах загорались радужные искры. То отталкиваясь ступнями от дна, то пробивая головой волну, Гриша беспорядочными гребками толкал через воду свое тело, стараясь держаться рядом с ребятами. Он умел плавать и нырять неплохо, у себя в Турени — на реке или у запруды в логу — ничуть не отставал от приятелей. Правда, там не было таких вот дурашливых волн с гребешками, но здесь Гриша к ним привык очень быстро.

Здешние мальчишки плавали здорово, прямо как дельфины. Даже малыш был ничуть не хуже остальных. Он даже попытался рвануть подальше от берега, но один из старших (то ли Жоао, то ли Томаш) догнал его, развернул и добродушным подзатыльником отправил обратно.

Да, радость была не в дальних заплывах, а в игре. В том, как хлопками срываешь с волн гребешки и швыряешь их в соседа. В том, как со смехом забираешься к кому-нибудь на скользкие плечи и бултыхаешься вниз головой в глубину (а в этой зеленовато-прозрачной глубине — качание водорослей, юркие тела рыб, большущий, удирающий от твоей разлапистой зыбкой тени краб…). В том, как наперегонки устремляешься к торчащему из воды камню, на который опустились две серые узкокрылые птицы… В мгновенно возникающей дружеской привязанности каждого к каждому. И в радости от того, что ты есть на свете, что есть эти ребята, море, небо, птицы, жаркие лучи…

Под этими лучами они, веселые и порядком уставшие, выбрались на берег, и Гриша предвкушал, как плюхнется животом на теплый песок. Но… Жоао что-то смешливо вскрикнул и показал вдоль берега.

По песку и гальке шла к ним босая девочка с длинными волосами. В обтрепанной юбке до колен, в коротенькой расстегнутой безрукавке. Прямая такая, тоненькая, деловитая. Видать, того же возраста, что Гриша и старшие мальчишки. Она несла плоский бумажный сверток.

Томаш что-то сказал, остальные обрадованно закивали. Все смотрели, как она подходит, и Гриша смотрел, и ему было хорошо, словно вдруг здесь, на берегу, появилась одна из сестер Максаровых (лучше всего, если Танюшка). И он не сразу охнул от испуга. Но охнул наконец (про себя, но с колючим ознобом!): батюшки, он, как купался, так и стоит сейчас — без единой ниточки на себе, только с прилипшей к животу прядкой водоросли. Что же теперь? С разбега прыгать в воду или с отчаянной поспешностью натягивать штаны? И то, и другое было бы еще смешнее и хуже, чем стоять вот так, на виду у всего солнечного мира. Лучше уж стоять. Ведь и мальчишки вели себя так, будто ничего не случилось. И девчонка…

Ну что ж, если здесь такие порядки… Да ведь и в Турени порядки были похожие. Год назад в логу у запруды Гриша и другие мальчишки и девчонки бултыхались все вместе, не думая о всякой там ерунде. А здесь что? «Международный этикет»?

Больно надо…

Девочка, видимо, думала так же. Подошла, глянула на Гришу с любопытством (незнакомый же), но быстро, потом что-то сказала остальным. Томаш нетерпеливо ответил и протянул руку к ее бумаге (кажется, это были потрепанные газеты). Девочка хлопнула его свертком по руке — не торопись, мол. Потом что-то спросила и снова посмотрела на Гришу. Глаза у нее были карие с желтыми (будто солнечными) точками, а волосы — пепельными, с лежащими на плечах прядками. А пухлые губы — в трещинках.

— Гри-ша, — разъяснил ей Томаш и старательно показал на него, а потом на стоящий в бухте бриг. Девочка понятливо закивала. И вдруг засмеялась, сунула Грише в руки свернутые газеты. Быстро заговорила, показывая то на мальчишек, то себе за спину. И Грише показалось, будто он знает, про что девочка говорит: не отдавай, мол, бумагу этим бестолковым людям, пока я не приду снова…

Гриша смеялся в ответ. Он держал газеты перед собой, в опущенных руках, и чувствовал себя теперь уверенней.

Девочка повернулась, побежала за камень, все смотрели ей вслед. Почти сразу она выскочила

из-за камня, уже без одежды, как золотистая рыбка. Мелькнула, прыгнула головой в гребешки, замахала тонкими руками.

Малыш запрыгал, закричал-подожди, мол, я тоже хочу, я не наплавался! — и бросился за ней.

Жоао покачал головой (вот неугомонные!) и протянул к газетам руку. Гриша, конечно, отдал. Мальчишки круглым окатышем придавили сложенные листы к песку. Кроме одной газеты. Ее они развернули на плоском камне. Бумага была желтая, с латинскими буквами разной величины, хрупкая от старости. Ребята стали зачем-то разрывать ее на прямоугольники, а она рвалась не там, где надо, непослушно…

— Подождите! — крикнул Гриша. Сбегал к своим брошенным штанам, вернулся с ними к камню. Нашарил в кармане складной самодельный ножичек с жестяной ручкой (подарок матроса дяди Арсентия). Сунул штаны под мышку, а ножичек раскрыл. И — вот, смотрите: надо не рвать, а складывать и потом резать по сгибу.

Это дело сразу одобрили, Жоао попросил ножик и начал аккуратно резать газету на прямоугольники…

Гриша будто между делом (мол, не бросать же их снова) натянул штаны и теперь чувствовал

себя совсем великолепно. С интересом следил за ребятами. Он был уверен, что из кусков бумаги ребята станут мастерить кораблики. Может, и ему дадут листик, он умеет…

Но оказалось — не кораблики. Жоао и Томаш разом сделали бумажные стрелы. Ну, простые такие — с острыми носами и узкими крыльями, которые расширяются к хвосту. Разом махнули руками. Стрелы взметнулись, ветерок понес их над песком и камнями в сторону поселка. Ребята догнали, принесли их слегка горделиво — полет и в самом деле был неплох. Младший (ростом с Агейку) мальчик тоже смастерил стрелу. Тоже пустил. Ему не повезло. Стрела взлетела невысоко и почти сразу уткнулась в черные крупные песчинки. Мальчик виновато оглянулся на Гришу.

— Подожди-ка… — сказал Гриша. — Иди сюда…

Тот понял и подошел. Гриша сел на корточки перед камнем с бумагой. Согнул один листок по диагонали, потом еще — андреевским крестом. Сложил в треугольник. Торчащую из-под него полоску отогнул и отрезал ножиком, который оставил на камне Жоао.

Ребята, одинаково приоткрыв рты, наблюдали за Гришей.

Он из двух острых угольников на листе привыч-

но сложил «клюв». Потом вставил пригодившуюся для «хвоста» полоску под газетную головку с клювом, согнул ее по всей длине, расправил острые крылышки…

В Турени таких птичек называли «ласточки». Они были довольно капризны. Некоторые охотно взмывали в высоту и подолгу ходили кругами над заборами, над уличным бурьяном и лопухами, над берегом лога. А другие, только успев подняться, клевали воздух и, кувыркаясь, падали в траву. Это зависело от того, кто как умел их делать… Гриша умел. И надеялся, что умение это не потерял в долгой дороге. То есть не потеряли его пальцы. Они, будто сами по себе, гнули и складывали сухой бумажный лист.

Гриша взял птичку большим и указательным пальцами. Теперь для удачи надо было прошептать считалку-заклиналку. Гриша прошептал:

Раз-два-три-четыре-пять,
Надо в небо улетать.
Подымися в высоту,
Мчися целую версту… —

и толкнул пташку навстречу ветерку.

Ласточка (хотя и не из русской бумаги) туренскую заклиналку поняла. Пошла, пошла вверх,

а затем саженях в трех над камнями и черным песком, описала широкий и плавный круг. И еще один. И еще… И наконец легко опустилась к ногам Томаша.

Тот вполголоса сказал что-то по-своему (то ли «аваха», то ли «виваха»), осторожно-осторожно поднял ласточку, покачал на ладони. Глянул на Гришу блестящими глазами — благодарно и вопросительно.

Гриша понял:

— Сейчас покажу…

На камне он развернул птичку и медленно сложил опять. Затем из другого куска газеты сложил еще одну — учитесь, мол, как надо. И мальчишки из поселка Понта Дельгада начали старательно учиться у мальчишки из Турени. Складывали и рвали бумагу, расправляли острые крылышки, поглядывали через плечо на Гришу: правильно? Он кивал: молодцы…

Они и правда оказались молодцы! Сделали все точно, и у каждого ласточка совершила над берегом долгие круговые полеты. А лучше всех — у младшего. Правда, подхваченная ветерком, его птичка улетела от берега и села на торчащий из воды камень. И мальчонка прямо в штанах кинулся в мелкие волны и вынес на сушу свое

сокровище. Они все трое, кстати, пока мастерили ласточек, успели натянуть штаны — возможно, из уважения к иностранцам. Не только к Грише, но и к гардемарину Невзорову. Митя некоторое время назад появился поблизости и стоял в нескольких шагах, ни во что не вмешиваясь. С этаким взрослым снисходительным видом. Гриша покосился и отвернулся, чтобы показать ребятам: этот парень здесь просто так, случайно, а вовсе не караулит его, Гришу…

Все еще несколько раз запустили ласточек. И все полеты были удачны. Все мальчишки (и Гриша) прыгали и вопили. Азорские ребята — что-то вроде «вива!», а Гриша — «ура!».

Из-за дальнего камня показались малыш и девочка. Она — в безрукавке и юбке, а он — голый и блестящий. Наверно, оттуда, из воды, они видели, как летали бумажные птахи. И теперь смотрели на них с понятным восхищением и ожиданием: «Мы тоже хотим таких…»

Гриша сразу отдал свою ласточку девочке. А для малыша тут же, за полминуты, смастерил новую. Тот запрыгал от счастья…

И снова кружились над берегом газетные ласточки. А у девочки блестели карие глаза, и она то и дело поглядывала на Гришу… А выше бумаж-

ных птичек, над берегом и бухтой, проносились иногда живые острокрылые птицы — небольшие, серые, быстрые.

— Азоритош… — с быстрой улыбкой сказала девочка, когда снова на миг оказалась рядом с Гришей (от нее пахло солью и водорослями — от волос, которые были мокрые и отяжелевшие; она мотнула головой, и кончики волос задели Гришу по голому плечу).

Гриша догадался, что этим словом здешние рябята называют маленьких ястребов, которые водятся на островах. Вообще-то ястреб по-португальски — «азор». Отсюда и название островов — «Азорские» (доктор недавно рассказывал об этом)… Интересно, девочка так про настоящих птиц сказала или про «ласточек»?… Ай, да не все ли равно! Сказала, улыбнулась — и хорошо. Вообще, здесь хорошо! Всё!..

— Жоао! — окликнул Гриша.

Жоао подбежал — с ласточкой в пальцах, с искрами в глазах. Гриша аккуратно ткнул его пальцем в грудь:

— Жоао… — Потом ткнул себя: — Гри-ша… — Затем показал на Томаша:-то-маш… — И поочередно вытягивая палец к остальным, спросил: — А он? А он? А… она?

Жоао понятливо закивал:

— Энрике, — сказал он про того, что ростом с Агейку. Потом про малыша: — Кри-сто-баль… — И наконец (с чуть лукавой улыбкой) про девочку: — Анна…

Та услышала свое имя. Подошла (тоже с птичкой в руках). Встала перед Гришей, чуть наклонив к плечу голову. Будто о чем-то спрашивала глазами. Что-то сказала вполголоса. Гриша виновато засопел и опустил глаза. И зачем Господь придумал, чтобы у людей были разные языки? Говорят, захотел перессорить каких-то дерзких строителей, которые вздумали выстроить высоченную башню и забраться на небо… И вот теперь из-за этих дураков должны страдать Анна и Гриша!..

Она сказала еще что-то, вдруг повернулась и побежала прочь. Гриша невольно качнулся за ней. Похожие друг на друга Томаш и Жоао что-то наперебой заговорили — быстро и успокоительно. Гриша понял: не бойся, скоро вернется…

Митя (он сидел теперь на песке, прислонившись к камню, достал из кармашка у пояса часы-луковицу и выразительно помахал ими).

— Успеешь, — сумрачно сказал Гриша.

— Петр Афанасьевич ждет. Он хочет своим ящиком запечатлеть нас для потомков. На Азорских

островах. Берег и бухту острова он уже запечатлел… Зови своих приятелей, их тоже можно будет с-фо-то-гар… тьфу! Запечатлеть.

Эта была замечательная мысль! Такая останется память! Но…

— Подожди…

Он стеснялся сказать, что ждать надо девочку. Анну! Что без нее картинка получится неполной. Даже какой-то… обидно пустой…

— Некогда ждать, у нас все рассчитано, доктор спешит…

— Ну, сходи тогда к нему, скажи, чтобы пришел с ящиком сюда!

— Юнга Булатов, вы невоспитанный мальчишка! Пожилой человек, член академии, должен ради вас тащиться сюда с тяжеленным сундуком?

— Ну, матросы же помогут!

— Они ушли в кабак.

— Ну, сам помоги! Или тоже спешишь в кабак?

— Сейчас надеру тебе уши!

— Нельзя устраивать ссоры на иностранном берегу! Забыл, что говорил капитан?

— Надеру в каюте, когда вернемся…

— К тому времени ты поумнеешь.

— Кажется, мое терпение сейчас лопнет…

Но оно не лопнуло, потому что снова появилась Анна.

Она несла в двух ладонях большущую завитую раковину — бугристо-серую снаружи и удивительно розовую внутри. Все притихли.

Анна подошла к замершему Грише. С полуулыбкой протянула раковину ему. Он вмиг понял — это подарок. Тихонько сказал:

— Ой…

Анна улыбнулась чуть смелее: бери, мол. И он принял раковину в ладони — тяжелую, с розовым светом в глубине.

Придвинул ее — твердую, колючую — к груди.

Анна тонкими пальцами, которые сплелись с Гришиными, приподняла ее, прислонила к мальчишкиному уху. Гул океана мягко и упруго толкнулся внутри раковины… Гриша и раньше знал про такое свойство морских раковин, однако слышал этот шум впервые. Перестал дышать. А через несколько толчков сердца выговорил шепотом:

— Ой… спасибо… — Потом вспомнил уроки французского (а португальский чуть-чуть похож на французский): — Мерси… — И вдруг сообразил, как благодарят по-испански (доктор рассказывал и говорил, что испанский язык *очень* похож на

португальский): — Грасиас… Анна…

Все обрадованно удивились. Анна же смутилась, опустила лицо, быстро кивнула два раза.

«Но ведь надо же что-то подарить в ответ!»- толкнулась догадка.

А что? Ну, не жестяной же ножик!

В карманах были только два ценных предмета: в правом — серебряный рубль (подарок Николая Константиновича), в левом — зеленый осколок, Агейкино стеклышко. Гришина душа заметалась в сомненьях: «Что отдать? Что?» Он зажал раковину под мышкой и… будто разрывая нити липкой смолы, потянулся к левому карману.

Почему не отдал рубль? Пожалел такую красивую, увесистую монету из чистого серебра?

Да нет же, нет! Дело в том, что она была именно *монета*. И могло показаться, что он *платит* за подарок. А это было бы обидно. А зеленое стеклышко… оно было, конечно, пустяком по сравнению с серебряной «деньгой». Но пустяком лишь на первый взгляд. Анна подарила Грише *звук* моря, а он подарит ей «*цвет* туренского лета».

Он вынул осколок, поднес его к лицу Анны, к ее коричневому с искорками глазу. Ничего не сказал. И так все было ясно. Он представил, как и

бухта, и берег, и небо, и птицы окрасились в изумрудные тона. И даже солнце стало зеленоватым — таким, каким оно кажется, когда ныряешь и смотришь на него через толщу воды…

Анна тихонько дышала, зажав стеклышко двумя пальцами.

…Никто не счел подарок Гриши мелочью или мусором. По очереди смотрели сквозь стекло, быстро переговаривались, кивали, словно увидели что-то знакомое и хорошее. Быстро и благодарно оглядывались на Гришу. А он в это время смастерил из оставшейся газеты треугольную шапку и нахлобучил на малыша Кристобаля. А ножик подарил Энрике (ростом своим похожему на Агейку).

— Господа, я вижу, здесь у вас замечательная компания! — вдруг услышали все.

Это появился доктор. Тащить лакированный сундук ему помогали два местных жителя — мужчины со щетинистыми щеками, в обвисших шляпах и вязаных безрукавках. Еще несколько мужчин и женщин шли чуть в отдалении. Они были молчаливы и любопытны без навязчивости. Улыбались чуть виновато. Мол, простите, что глазеем, но очень уж интересно.

— Гриша! Приглашай своих друзей для съемки!

Пусть примут непринужденные позы! И надо им объяснить, что с минуту придется сохранять неподвижность…

Здесь автор этой повести (или сказки, если хотите) должен сделать отступление. Неизвестно, получился ли снимок. Если и получился, отпечатки, видимо, не дожили до наших дней… Но три года назад автор приехал (не первый уже раз) в свой любимый город Севастополь и пошел там на «Горку» — место, где торгуют иностранными и древними монетами, осколками эллинской посуды, потрепанными лоциями, старинными открытками и фотографиями. И увидел там твердый, серо-коричневый, с обломанными углами и царапинами снимок.

На берегу среди темных и светлых камней, за которыми блестит море с двухмачтовым судном без парусов, расположились ребятишки. Впереди — мальчик и длинноволосая девочка. Девочка держит у лица, пониже глаза, что-то маленькое-камешек или осколок. А мальчик прижимает к голой груди раковину. Рядом — еще несколько мальчишек, в руках у них что-то белеет. Приглядишься — и похоже, что бумажные голубк?. Выше всех, на двухметровый камень, забрался самый маленький — пацаненок лет четырех.

Этакая фигурка для фонтана! Совсем голый, если не считать треугольной газетной шапки. Очень серьезный…

На исцарапанном обороте снимка было написано карандашом: «Дети крымской деревни. 19 векъ».

Автор пригляделся. Крым ли это? Почему такой темный (даже черный) песок? И почему буквы на газетной шапке малыша — иностранные. Присмотришься, и видно: PORTUG… JOU…

Не ошибся ли давний коллекционер, делавший надпись?

А впрочем, иностранные газеты в Крыму даже в те времена — разве редкость? Могли, например, завезти союзники, осаждавшие Севастополь… А черный песок — просто дефект съемки…

Автор в то время уже знал про бриг «Артемиду» и Гришу Булатова. Он купил снимок — с надеждой и всякими догадками. Но, когда он возвращался домой, на Урал, портфель с купленными в Крыму сувенирами у него украли в вагоне — прямо из-под подушки. И что было делать? Проклинать всех воров на свете. Автор так и делал (и порой делает это до сих пор). Но…

А может, еще и найдется такая карточка…

Попрощались быстро. Гришу окликнули от

вельбота, и он побежал, оборачиваясь и махая рукой с зажатой раковиной. И ему махали вслед. Малыш — растрепавшейся на ветру треуголкой. Анна смотрела сквозь стеклышко. Гриша был рад, что все происходит так спешно. Потому что… ну, если по правде говорить, то мог бы и разреветься.

Вельбот удалялся быстро. С него Гриша махал еще, но Анна и мальчишки на берегу делались все меньше, и наконец он перестал смотреть на берег.

Гриша думал, что всё — распрощался он с островом Флореш и вряд ли когда-нибудь в жизни еще ступит на берег бухты Понта Дельгада. Если даже и вправду станет моряком, то едва ли океанские пути снова приведут его в этот крохотный рыбачий порт…

А еще подумал он: кто-нибудь будет помнить, что делать бумажных «азоритош» научил здешних ребят мальчик с русского брига? Если и будут, то, наверно, недолго. Дольше других — может быть, Анна.

ТРЮМАШи́ И КНОПЫ

1

Гриша ошибся, подумав, что больше не ступит на остров Флореш.

Оказалось, что вечером — ужин у старосты.

Командир брига побывал в гостях у дона Жоао днем и теперь остался на вахте — вместе с половиной команды, которая уже отгуляла свое в поселковой таверне. Другая половина все еще опустошала погреба этого скромного заведения, которое не помнило такого нашествия гостей. А все господа офицеры и господин гардемарин отправились к старосте, в его большущий приземистый дом, в котором уютно светились окна.

И Гриша отправился. Он был не офицер и даже не матрос, а всего лишь юнга, но в то же время — воспитанник капитана, значит, принадлежал к «сословию кают-компании». Надо было соблюдать этикет. Пришлось натягивать белую рубашку с черным галстуком-косынкой, тесную курточку с хлястиками, узкие длинные штаны и кожаные башмаки. Гриша давно отвык от всего от этого, а тут — нате вам!

Идти не хотелось, клонило в сон. К тому же Гриша догадывался, что там, у «кабеза де сидаде», будет скукотища. Так оно и случилось. Взрослые за длинным столом со свечами поднимали тосты, о чем-то шумно говорили на смеси французского, испанского и английского (хозяин понемногу знал все эти языки: видать, бывал в разных странах, когда служил во флоте). Грише тоже дали вина — сильно разбавленного водой, а потом — какого-то сладкого сока. Он глотал жидкости, жевал жареную рыбу, приправленную незнакомыми плодами и сильно пахнувшими травами. Потом — такое же пахучее мясо. Скоро у него совсем стали слипаться глаза, и он шепотом спросил у сидевшего рядом доктора:

— Можно я выйду на крыльцо? А то сейчас усну…

— Конечно, конечно, голубчик… — Доктор сам проводил его до двери, что-то негромко сказав старосте (тот понимающе покивал).

Гриша сел на теплую каменную ступень. Прилетел ветерок, отогнал сонливость. В зеленоватом небе с большими звездами висела над бухтой раздутая луна (сразу видно, что шар!). От нее размоталась к берегу широкая золотистая полоса. Вот, садись на Конька-Горбунка и скачи в

сказочные страны… Хотя ведь и здесь сказочная страна. «Заморская». Одна из тех, о которых Гриша мечтал в Турени. И столько уже всего было! И паруса, и океан, и налетевшая буря, и радужный айсберг, и киты с дельфинами, и летучие рыбы… И встреча с островитянами (такими славными!), и даже… не то русалка, не то морская принцесса, подарившая чудесную раковину. Ну и что же, что босая и без жемчугов? Все равно принцесса…

Когда он собирался на ужин, то надеялся: вдруг снова встретит Анну на берегу. Хотя бы на минутку. Чтобы просто улыбнуться ей. Но никто из ребят не встретился…

А может, вдруг подойдет и сядет рядом?

Ну, а если и так, то зачем? Все равно утром он уйдет на «Артемиде» в дальние края.

Было тихо, только из дома доносились голоса, да где-то гавкала собака (совсем как в Турени). Да еще стрекотали какие-то кузнечики или сверчки. Наверно, громадные — вон как громко стрекочут! И незнакомо пахло здешними, «азорскими», травами. А еще — теплыми камнями и океанской солью. И… было грустно.

И если бы просто грустно! А то ведь еще и тревожно…

Причин у тревоги было много. Это и прежние

(«А как там дома?», «А что, если опять случится такой сокрушительный шквал?», «А вдруг опять привяжется этот проклятый призрак Ансу? Хотя и не было его на свете, а все равно помнится...»). И еще какое-то непонятное сосание под сердцем — наверно, от неизвестности: что будет впереди?) А была и новая, вполне четкая причина: «Зачем я отдал стеклышко?»

Нет, он не жалел зеленый осколок. Но теперь казалось, что он обидел Агейку: отказался от его подарка ради чужой, незнакомой Агейке, девочки. Она — хорошая, но ведь Агейка-то... он — как одна из ниточек, которые связывали Гришу с родными местами. А теперь Гриша эту ниточку будто оборвал.

Но здесь пришла к нему спасительная мысль: «Я не оборвал! Я... подарю ему раковину! Ту самую. Я успею наиграться ей, пока плаваю, а когда вернусь, отдам Агейке. Пусть он слушает океанский шум и смотрит в розовую глубину! А я буду рассказывать ему про все, что видел. И про ребят, и про Анну...»

Теперь, когда раковина как бы сделалась уже Агейкиной, совесть перестала царапать Гришу. И этот дурак Ансу убрался из мыслей. И печаль поулеглась. Гриша улыбнулся и стал смотреть на

луну. На ней четко рисовались пятна пепельного цвета. Правое пятно было похоже на громадного кузнечика. Может быть, это он стрекотал над бухтой — вместе с теми, что жили в травах острова Флореш?

В каюте Гриша, проталкиваясь сквозь сонливость, стащил с себя парадную одежду и бросил на стул, привязанный спинкой к пиллерсу койки.

— Сложи платье как следует, ты на военном судне, а не в дядюшкином доме, — ворчливо сказал гардемарин Невзоров.

Гриша так устал, что не было сил отругиваться. Он сложил. А сверху бросил старые штаны, которые валялись возле койки. Из кармана упал и звякнул тяжелый белый рубль, сверкнул в свете каютного фонаря. Гриша поднял. И беспокойство царапнулось опять: «Надо, наверно, было и его подарить. Кому-нибудь из мальчиков… Тогда бы не думалось так прилипчиво, что пожалел…»

И вправду, надо было. Это избавило бы Гришу от многих горестей. Но ведь никто не знает, *что* его ждет впереди…

2

Через три дня бриг «Артемида» был уже в таких

широтах, где его встретила настоящая южная погода — во всем ее тропическом блеске. Гриша, как и раньше, подолгу стоял на фор-марсе, оглядывая горизонты. Ветер был — «ну прямо подарок от батюшки Нептуна», как говорили пожилые матросы. Бриг бежал на зюйд-вест курсом крутой бакштаг левого галса, догоняя гребни синей шипучей зыби — нестрашной, привычной. Все теперь снова стало привычным: и качка вместо неуклюжей неподвижности суши, и летучие рыбы, и стаи дельфинов, и размеренная жизнь судна, и ровный шелест ветра в такелаже…

А в ночной тропической тьме (ночь наступала рано) часто светилось море. Огненные зигзаги разбегались от брига до горизонта, беззвучное фосфорическое пламя заливало вселенную. Ущербная, постаревшая луна стыдливо пряталась в волокнистых облаках, поскольку соперничать с морским свечением была не в силах…

Доктор объяснял, что это светится в воде неисчислимое количество крохотных морских организмов. Они называются «планктон». Днем Петр Афанасьевич вылавливал планктон из-за борта узкими стеклянными стаканчиками, привязанными к шнуркам. Он, кстати говоря, и отправился в плавание главным образом для изу-

чения планктона. Несколько раз у себя в каюте доктор показывал Грише крохотных планктонных существ в маленький микроскоп. От разнообразия этих живых организмов кружилась голова. Малюсенькие крабы, рыбешки, креветки, какие-то шевелящиеся многоножки, глазастые головастики и совсем непонятные создания. Иной, неведомый мир…

Но и чудеса моря скоро стали привычными.

В этой привычности тревоги оставили Гришу. Не совсем, правда, но днем почти не задевали. А по вечерам он проводил время с матросами. Все матросы теперь ночевали на палубе, раскидывали койки на баке и на шкафуте — между пушками и вельботом. А перед тем, как улечься, подолгу сидели на носовой палубе, у перевернутой шлюпки. Курили у кадушки с водой, пели иногда, а чаще вели разговоры: то о доме, то о прежних плаваниях, то о морских и корабельных тайнах. Наслушался Гриша и про Летучего голландца, и про дельфинов-лоцманов, и про громадных птиц-альбатросов, которые водятся южнее здешних мест, за экватором, и про морских чудищ, что порой высовывают из волн громадные плоские головы со змеиными глазами… Слава Богу, сам он таких не видел. А то ведь кое-кто говорил,

что дракону этому (или змею) ничего не стоит обхватить бриг-малютку чешуйчатым телом в два кольца…

Чаще всего Гриша устраивался неподалеку от пожилого матроса Арсентия. Тот прихватывал его пахнувшей табаком ручищей, придвигал ближе. Гриша однажды признался:

— Дядя Арсентий, я твой ножик подарил одному мальчику, на Флореше. Он славный такой, маленький еще…

— Ну и ладно. Доброе дело. Я тебе другой склепаю…

На пятый вечер после стоянки у Флореша разговор на баке пошел про всякие корабельные приметы и про тех, кто водится на судах.

Лихой марсовый матрос Трофим Елькин (не старый, но уже много чего повидавший в морях) рассказал о рыжем коте.

— Было это, братцы, в учебном плавании на корвете «Согласном». Командовал «Согласным» Лев Григорьич Елагин. Справедливый мужик, ничего не скажешь, не было случая, чтобы вмазал кому-то по зубам или послал под линьки. А старшим офицером был у него капитан-лейтенант Закольский. Юрий Евграфыч. Маленький такой, плюгавый, а по злости агромадная зверюга. Но не

простая, а чистоплюйная. Ежели кого наградит по морде, тут же пальцы вытирает платочком… Ну, ладно, пошли мы. И в начале плавания, в Фальмуте, объявился на корвете большущий кот. Видать, обитал он в порту, забрел на наше судно, и понравилось там бродяге. Припрятался где-то, а в открытом море объявил себя народу. Вот, мол, я, любите и жалуйте… Рыжий весь, как твоя корова Зорька на вечернем солнышке. А хвост на кончике черный, будто в деготь обмакнутый. И хотя здоровенная такая животина, но приветливая. Ни зашипит ни на кого, ни царапнет, когда начнут гладить или по рукам таскать. Только трется усатой мордой и мурлычет. Ну, а матросской душе чего надо, когда вдали от дома? Чтобы хоть какая-то ласка… Неделю так было. Везде он с нами находился: и на работах, и в кубрике. Прозвали его Уголек — за кончик хвоста, значит… Скоро повадился Уголек шастать по вантам на марсовую площадку (вроде как наш Гришуня), наблюдать оттуда за чайками. Бывало, старался даже зацепить лапой птицу на лету, смех один… Вот на вантах-то и углядел его однажды Закольский. Старший офицер… До той поры как-то обходилось, не попадался кот на глаза этому злыдню, а тут… Закольский аж

побелел лицом. Говорит со свистом:

«Боцман… Это что?»

А Уголек, доверчивая душа, с выбленки прыг и к боцману. Трется мордой о штанину.

Закольский опять:

«Это что за дрянь, я спрашиваю?»

Боцман Елисеич… на нашего Дмитрича, кстати, похожий, встал во фрунт.

«Изволите видеть, вашескобродь, кот это… В Фальмуте приблудился, куда же теперь? Он чистый, никаких от него хлопот. Наоборот… Говорят, примета добрая, ежели кошка на судне объявится…»

А тот:

«Кто позволил?»

Елисеич ему:

«Дак сам он пришел, вашескобродь, без позволения. Куда ж девать было?»

«За борт», — велел Закольский. Сквозь зубы так. Мол, и говорить противно…

Елисеич взмолился:

«Вашескобродь! Но ведь живая душа, как можно! И матросикам от него одна радость!»

А Закольский щекой дернул:

«Радости, боцман, будете получать с женами, если вернетесь домой. Или в портах с бабами.

А здесь военное судно. Служба!.. За борт, я сказал…»

И смотрит стеклянными гляделками, «пинсенец» называются… А матросы стоят вокруг, обмерли.

Елисеичу чего делать-то? Ведь и вправду служба, подневольная. Супротивишься — сгноят вусмерть… А кота все равно не спасешь… Взял Елисеич Уголька (а у самого капли в глазах) поцеловал его между ушей, перекрестился, шагнул к борту и кинул… А Закольский опять дернул щекой и пошел со шкафута, Пальцами зашевелил, нехристь, будто опять платком вытереть захотел…

Елисеич потом три дня ни на кого не смотрел, слова не говорил, хотя никто его не упрекал. Как упрекать-то, если доля такая. Наоборот, жалели…

И думаете что? На том и закончилось? А вот и нет… Утром во время приборки Закольский прохаживался по палубе, глядел своим пинсенецом, где какой непорядок, и вдруг как завопит! Не своим даже, а бабьим голосом: «Боцман! Это что?! Шкуру спущу, мерзавец!» Все глядят, а на орудийном станке, у левой цапфы, сидит рыжий котяра с зелеными глазами, с хвостом, в деготь обмакнутым. И умывается, будто так оно и надо…

Закольский еще что-то крикнул, неразборчивое уже, сипло так. И гляделки стеклянные уронил, подхватил на лету.

И тут как раз идет наш капитан. Закольский к нему:

«Лев Григорьевич! Я не могу исполнять обязанности на судне, где команда ни в грош не ставит старшего офицера!»

Тот конечно:

«Что с вами, голубчик Юрий Евграфыч?»

«Извольте сами видеть! Я приказал выкинуть эту тварь за борт, а она тут как тут!»

«Какая тварь, Юрий Евграфыч? Что с вами?»

«Да вот же!»

А на пушке — никакого кота. Будто и не было!

Закольский заморгал, пинсенец опять уронил в ладошку, заоглядывался… и вдруг:

«Да вот же эта нечисть!»

Глядь, Уголек идет по планширю (качки-то почти не было), аккуратно так лапками ступает. А глаза, как зеленые фонарики.

«Вот, смотрите!»

«Да Бог с вами, Юрий Евграфыч… Вам отдохнуть надобно…» — Потому что кота вмиг не стало на планшире.

«Пойдемте, Юрий Евграфыч, у меня есть к вам

разговор…» — И взял капитан старшего офицера под ручку…

А Уголек с той поры стал объявляться в разных местах. То в тени под шпилем, то из-под шлюпки глянет, то сверху, с краспицы, голову свесит, то в кубрик заглянет из люка… Где ел, где пил, непонятно. И ни к кому не подходил теперь, только однажды к Елисеичу подошел, потерся, как прежде, о штанину, муркнул даже: я, мол, на тебя не в обиде. Елисеич даже засветился весь, глаза начал тереть. Мы его ни о чем не спрашивали, но пошла меж матросов догадка, будто Елисеич, когда кидал Уголька, изловчился и бросил не в воду, а на руслень. Тот, видать, и отсиделся за юферсами, а потом — обратно. И, как мы потом поняли, прижился внизу, у трюмашей… У них с кошками есть в натурах что-то похожее… А Закольский с той поры ходил по судну с оглядкой, вздрагивал часто, по зубам бить матросов почти перестал. А когда пришли в Батавию, в южные воды, списался там с корвета по причине душевной болезни, ушел назад в Европу на аглицком торговом судне… А Уголек, похоже, так и остался там, с трюмашами да с разным другим подпалубным племенем… Может, и сейчас живет с ихним народом…

Помолчали все, обдумывая услышанную исто-

рию. Видать, приняли всерьез.

Гриша спросил шепотом:

— Дядя Елькин, а кто такие трюмаши?

— О-о… — значительно сказал Трофим Елькин. — Не слыхал, значит? Это, брат, такие корабельные жители, что обитают внизу, среди балласта и грузов. Там их постоянное место. Наверху появляются так редко, что почти никто их не встречает…

— Опасаются людского племени… — подал кто-то голос.

— Да не опасаются, а такая у их природа, — возразил Елькин. — А опасаться им чего? Для их судно — дом родной, больше, чем для людей. Они на ём хозяева поважнее, чем капитан и боцман. Только показывают это редко…

Кто-то заспорил («ну уж скажешь: поважнее, чем капитан!»). Кто-то поддержал Трофима. И пошел разговор, из которого Гриша узнал про трюмашей разные чудеса.

Оказалось, что это вроде корабельных домовых. Этакие косматые-бородатые человечки ростом фута в полтора, но с большими головами, крепкие и ловкие. В робах из парусины, со всякими ожерельями из раковин, акульих зубов и крабьих клешней.

— Некоторые и трубки курят небось, как у боцмана, — подал голос кто-то из молодых (наверно, чтобы подмазаться к Дмитричу).

— Дурья ты голова! — рассердился Дмитрич. — Это какой же трюмаш станет огнем баловаться внутри корабля! Там же грузы горючие и крюйткамера рядом! А у трюмашей главная задача на роду — беречь судно от всяческой напасти. Они и кнопов для этого дела мастерят — чтобы те лазали по всем закуткам и щелям и глядели: нет ли где тления или искры или, наоборот, протекания в обшивке…

Гриша узнал, что кнопы — это вроде домашних животных у трюмашей. Или, вернее, их маленькие помощники. Известно, что кноп — это шарик, сплетенный на конце какого-нибудь троса — чтобы тот не проскакивал в отверстие. Ну вот, трюмаши плетут такие шарики из обрывков пеньковых канатов, приделывают к ним ручки-ножки, вставляют глаза из бусин, оживляют кнопов колдовскими заклинаниями. И те расселяются во всяких самых дальних закоулках под палубами. Несут свою вахту и делают разную мелкую работу по ремонту.

3

Грише и верилось, и не верилось. Но… больше все-таки верилось. Потому что все располагало к сказке. И мерное качание, и большие звезды, и ущербная, но все еще яркая луна, от которой хитро переплетались палубные тени (море в тот раз не светилось). И хрипловатые, слегка таинственные голоса, и ощущение океана, в котором жило немыслимое число тайн…

С той же таинственностью в голосе (с замиранием даже) Гриша прошептал:

— А у нас… на «Артемиде»… есть трюмаши?

— Ежели и есть, то, скорее всего, один, — с некоторой важностью в голосе разъяснил Елькин. — Потому как бриг наш судно небольшое, на таких они водятся по одному… Да только он, как ушли из Архангельска, ни разу еще не объявлял своих признаков. Может, и нет его на «Артемиде»… Или, может, Дмитрич по своей должности чегой-то знает да не сказывает. Трюмаши, они с боцманами-то первые знакомцы…

Дмитрич кашлянул, крякнул и отмолчался. Понимайте, мол, как знаете…

Молодой матросик Степа сказал из-под шлюпки чистым своим голосом:

— Как я понимаю, нету у нас на бриге трюмаша…

— Это с чего ты так понимаешь? — недовольно отозвался боцман. — В первом плавании, а уже понимание выказываешь. Из молодых, да ранний…

Почтительно, однако без робости, Степа разъяснил:

— Тут ведь, Дмитрич, не во мне дело, какой я молодой, а в бриге. Я слыхал в нашей школе кантонистов, что трюмаши не любят несоответствия…

Еще недовольнее, чем прежде, Дмитрич вопросил:

— И какое же ты несоответствие, кантонист безусый, усмотрел в нашем бриге?

— В названии, — по-прежнему смело (не я, мол, придумал это название) разъяснил Степа. — Потому как «бриг» мужеского рода, «Артемида» же, наоборот, женского. Может, оно и не увязывается в голове у трюмашей. Одно дело, когда бриг «Меркурий» или корвет «Согласный», а другое… Трюмашам неувязка не по нутру, и от того у кораблей бывают всякие несчастия…

— Как ни на есть, сам ты сущая неувязка, — всерьез рассердился Дмитрич. — У адмирала

Нахимова на Черном море флагманский корабль был «Императрица Мария», а какое изничтожение Павел Степаныч учинил туркам в Синопе! Слыхали в вашей школе?

Степа не сробел и на этот раз. Сказал, что слыхали. Но синопская победа, мол, вышла адмиралу боком, потому как начальство было ею недовольно: зачем сунулся к Синопу и устроил этот разгром? От него у англичан и французов случилось громадное неудовольствие, которое и привело к нынешней войне.

Тут со Степой заспорили со всех сторон. В том смысле, что названия корабельные ни при чем. Вспомнили, что у кругосветного мореплавателя Ивана Федоровича Крузенштерна был шлюп, а назывался «Надежда». А у его друга Юрия Федоровича Лисянского — шлюп «Нева»…

Степа, однако, и впрямь был кое-чему научен в морской истории. И сказал, что в той экспедиции хватало неприятностей. Например, провалилось посольство в Японию… И опять заспорили, вспоминая разное…

Гриша в разговор больше не встревал, слушал только. Достал из кармана серебряный рубль, поставил ребром на палубную доску и пальцем катал перед собой. С одной стороны монеты

по доске катался аккуратный лунный зайчик, с другой — продолговатая черная тень. Рубль отбрасывал белые искры. Потом он скользнул из-под пальца, звякнул о доску, сверкнув пуще прежнего.

— Ты не балуй с деньгой-то, — заметил дядя Арсентий, — не вводи трюмаша в соблазн. А то руку из-под палубы высунет, да и хвать… Сказывают, они, трюмаши-то, серебро страсть как любят…

Это он шутки ради или по правде — не поймешь. Да, конечно же, шутя, только у Гриши под рубахой — сразу холодок.

Гриша сказал с веселой храбростью:

— Не высунет! Как же он сумеет, если в палубе ни щелочки?

Трофим Елькин повозился, подсел поближе, объяснил с усмешкою:

— А им щели-то и ни к чему. Они могут по-иному… Вот так… — И прихлопнул монету ладонью. Тут же поднял руку, и рубля не оказалось ни на палубе, ни на ладони. Гриша ощутил легкую тревогу, но виду не подал, спросил:

— А дальше что?

— А дальше вот… — Елькин опять хлопнул по палубе, и монета лунно засверкала на доске…

— Ловко, — заметил дядя Арсентий. Но, кажет-

ся, без одобрения.

— Фокус… — хмыкнул Гриша.

— То-то, что фокус, — хмыкнул и Елькин. — А теперь посуди: ежели человек на такие фокусы способен, то трюмашу это еще проще, они же колдовством владеют… Только уж, когда деньгу сцапают, обратно ни в жисть не отдадут, такая у них натура.

— Да зачем им серебро-то? — спросил Гриша разом и у Елькина и у дяди Арсентия. — Они же в лавки не ходят.

— Тебе же говорят: натура такая, — отозвался Елькин. Гриша подумал и спрятал рубль в карман.

И тут подал голос Семен Вялый. Он вообще-то говорил редко, рот открывал, лишь когда дело доходило до песен. Чуял, что его недолюбливают в обычном времени и только, если начинает петь, отношение к нему делается другое. Сейчас он сидел в тени от перевернутой шлюпки, прижимался затылком к борту и будто дремал, прикрыв глаза. Но вдруг шевельнулся, выговорил:

— Серебро им для накопления силы.

— Это какой же силы? Против жизненной вялости, как у тебя, что ли? — съязвил кто-то из матросов.

Вялый объяснил, глядя перед собой:

— Не той силы, какая тебе нужна, когда к бабам идешь на берегу. Другой. Вроде как электрической. Слыхали небось про электричество? Это которое искру дает для подрывания мин, спрятанных в отдалении, новая такая военная хитрость… И которое в грозе. Там, в грозе-то, вон какая силища. На весь океан может себя раскинуть, раскрутить ураганы где захочет…

Гриша вспомнил, что Вялого зовут Семеном, спросил:

— Семен, а трюмашам-то эта сила зачем? Им какой от нее прок?

Вялый оживился:

— А ты, Гришуня, посуди! Каждому охота себя в жизни как-то проявить. Кому богатством, кому господством над людьми, а кому — над волнами да над бурями… Есть всякие трюмаши. Одни знай себе живут под палубами, кнопов мастерят, чтобы с ними веселее было, да о корабле имеют постоянную заботу. А есть, которые копят в себе досаду на несостоявшееся счастье. Особенно на тех судах, где несоответствие. Вроде того, про которое Степан вспоминал нынче… Вот они досадуют, копят злость-то, а потом соединяют свою электрическую силу с той, которая снаружи, в

ветрах да в тучах, и говорят что-нибудь такое:

Ой вы ветры-ураганы,
Раскачайте океаны…

У Гриши — опять холодок по спине. Ну, чего этого Вялого потянуло за язык, будто хочет накликать беду… А может, Вялый догадался про страх, который поселился в Гришиной душе после того шквала, да так и не уходит окончательно? Кажется, Гриша шевельнулся чересчур озабоченно, дядя Арсентий снова придвинул его к себе ладонью, а Вялому сказал:

— Мастер ты бабьи сказки-то врать, Семен…

— Может, и сказки, — покладисто отозвался Вялый. — А вот у нас в экипаже были два матроса — Матвей Гвоздёв да Артем по прозвищу Клюква — они одинаково рассказывали, как ублажали трюмашей. Это в плавании с капитан-лейтенантом Вилингсом на шлюпе «Соединение»… Тоже вот нестыковка: шлюп — это «он», а «Соединение» — «оно»… И главный трюмаш там был с норовом…

— Да как ублажали-то? — спросил Гриша с небрежным таким зевком.

— Сказывают, что несколько раз совали в разные щелки-под планширем да у кофель-планок

— серебряные гривенники. Расход немалый, а зато от Камчатки до Макао, это которое в Китае, значит, прошли как по озеру, хотя в тех краях ураганы бывают страшенные, называются «тифоны»…

Чем-то не понравился рассказ Вялого матросам (или сам Семен им не нравился). Отозвались без одобрения:

— Видать, некуда было больше гривенники девать…

— Лучше бы в Китае бусы купили своим бабам…

А Трофим Елькин опять сказал свое мнение:

— Не трюмаша они ублажали, а собственную боязливость… Ты, Вяленый, тоже гривенник сунул бы под грот-мачту, чтобы штаны не намочить, если старшой тебя снова на брам-рей пошлет…

Вялый отозвался опять без ощетиненности:

— Старшой не пошлет, у его высокоблагородия есть понимание… Он же знает, что я высоты боюсь не по своей вине, а потому что это в крови… Мой прадед, Архип Семеныч Корытов, сто лет назад на башне, в имении графа Оскольцева, крышу чинил да сорвался. Башня была высоченная, будто в заморском дворце, прадед как грохнулся

оземь, так потом до конца дней ходить не мог, спину отбил. А у деда, а потом у отца моего и у братьев поселилось с той поры внутри опасение высоты. Что ж теперь делать-то?

Гриша, сроду не боявшийся высоты, пожалел Вялого:

— Чего вы все зря на Семена-то? Он же не виноват, что такой случай… А в других матросских делах разве он хуже других? И на кливер-шкоте, и на всяких других работах…

— Гришуня дело говорит, — увесисто произнес боцман Дмитрич. — У мальчонки соображения больше, чем у иных… Вялый, ты бы спел что-нибудь, а то давно у нас добрых песен не было, треп один…

Вялый помолчал, прижимаясь к шлюпке затылком. Кашлянул. И вдруг вывел тонко, почти по-мальчишечьи:

Убегу я и́з дому от отца, от маменьки,

В бурлаки наймуся я, чтоб ходить по берегу,

Там, где Волга-матушка широко раскинулась,

Там, где воля-вольная в синем небе светится…

Песня была вроде бы впервые слышанная и в то же время знакомая. Притихли все, даже луна поубавила свет. Вроде и она прислушивалась.

И трюмаш под палубой (если был он на «Артемиде»), наверно, тоже прислушивался.

«Интересно, какой он? Добрый или сердитый? — думал Гриша сквозь дремоту. — И живут ли рядом с ним кнопы?...»

ОБМАН

1

Гриша досадовал на себя (порой чуть ли не до слез). Досадовал из-за тоскливого беспокойства, которое не оставляло его. Порой оно пряталось, было незаметным, но иногда заполняло всю душу, стонало внутри. Не было у него названия. Потому что сплеталось это беспокойство из разных боязней и тревог.

Нет, палач с изящными манерами, любитель музыки Ансу больше не докучал Грише (тем более что и не бывало никогда никакого Ансу на белом свете!). И все же казалось изредка, будто он издалека поглядывает на мальчишку с выжидательной ухмылкой. Ну, да в общем-то наплевать

на него («наср… ему на макушку», как сказали бы простодушные приятели с Ляминской). Не в Ансу было дело, а в том, что другие печали и страхи никуда не девались. Со щемящей грустью вспоминался дом. Не только те, кто жил в нем (и любил его, Гришу), а сам дом — с его запахами старого дерева и теплых печек, с поскрипыванием бревен и ступеней, с громкими окликами Арины, зовущей к обеду… И не один лишь дом, а вся Ляминская улица — с полынным запахом откосов, с белой колокольней над крышами, с родными такими голосами друзей-приятелей — Илюшки Макова, Сани Пашенцева, Ефимки Грача, маленького Агейки…

Вспоминалась песенка Аглаи (под ту музыку, что играл волшебный фонарь):

Ближе и ближе волшебный лесок.

В чащу лесную зовет голосок…

От песенки становилось легче, но грусть не уходила.

А к этой грусти приплеталась неизвестность. Непонятно было, когда он опять окажется в Турени. И что его вообще ждет? Новые страны? Какие, сколько, когда? Петербург и Корпус? Опять же — когда? И *как* будет там? И получится ли побывать

прежде Корпуса дома?

И… получится ли вообще увидеть землю? Вдруг новая буря, да такая, из которой уже не будет спасения?

Нет, в этой мысли не было обычной трусливости. Был, скорее, этакий разумный взгляд на вещи, на обстоятельства. Ощущение непрочности (океан — громаден, бриг — скорлупка), появившееся после первого шквала, не покидало Гришу. Несколько раз очень крепкий ветер задувал снова, и опять приходилось убирать паруса, и «Артемиду» валило с борта на борт, но Гришин страх не делался сильнее. Но и меньше не делался. Он был неуступчивым и постоянным. И не то страшно, что погибнешь в пучине (на все Божья воля), а то, что больше никогда не увидишь родного дома, родных мест. И Аглаю, Олю, Танюшку, Катеньку, Лизавету-красавицу… Вот заревут небось, когда узнают. (Впору сейчас зареветь самому.)

Было еще одно чувство, про которое Гриша думал двумя словами: «Потерялось время». Оно в самом деле куда-то подевалось — а Гриша как бы растворился в этой его потерянности.

Ведь, если прикинуть, не так уж долго он был в пути. Покинул Турень в середине марта, а сейчас

кончался май. А само плавание пока что заняло всего лишь месяц. Порой Грише казалось, что он был дома еще на той неделе. Но вдруг это «еще» неохватно распахивалось, вбирая в себя тысячи верст, множество встреч, невиданные раньше города, бескрайность Атлантики… И среди всей этой громадности Гриша оставался в одиночестве.

Ну да, в одиночестве… Он сам укорял себя за такую мысль, говорил себе, что во всей этой громадной дороге никогда не был один — и в пути до Петербурга, и в Архангельске, и на бриге… Особенно здесь, на «Артемиде». Любой матрос, повстречавшись на палубе, не пройдет просто так-подмигнет, или растреплет волосы, или скажет ласковое слово. С Митей каждый вечер в каюте всякие разговоры, а то и дурачества. В кают-компании офицеры позволяют встревать мальчишке в их взрослые беседы… Но это все как-то мимоходом. Глянут на Гришу между делом и тут же начинают думать про свои заботы. Даже Митя, поболтав и помахав подушкой, отворачивается к переборке и замолкает: вспоминает небось кудрявую Зиночку, сестру своего приятеля, гардемарина Казанцева, или гадает, скоро ли дадут ему мичманский чин…

Лучше всего Грише со штурманом Иваном Даниловичем и с доктором. Штурман не раз показывал Грише мореходные инструменты, объяснял про секстан. Ну, чтобы по-настоящему работать с секстаном — это надо не один год учиться (Митя и тот путается), но «сажать солнце на горизонт» с помощью секстановских зеркал Гриша почти научился… А доктор показывал на маленьком глобусе пройденный путь, рассуждал про всякие острова и страны, а однажды дал посмотреть в большую подзорную трубу на Луну. Это когда стояли на рейде у Флореша и палуба была неподвижной. Гриша ахнул, разглядев громадные серые равнины и кольцевые горы. До той поры не верилось, что Луна почти такая же, как Земля, планета, а тут — вот она… Доктор так занимательно рассказывал про кометы и созвездия, показывал такие звездные карты, что Гриша думал: «Если не получится стать моряком, сделаюсь астрономом…»

Но штурман был все время занят своими делами, с Гришей говорил не часто. А доктор… Он ведь идет на «Артемиде» только до Кубы, а потом его путь обратно в Россию, на каком-нибудь торговом судне. А Гриша останется здесь. А куда пойдет «Артемида», не знает даже командир брига ка-

питан Гарцунов. Потому что предписания лежат в запечатанных конвертах, вскрыть которые не пришла еще пора…

Николаю Константиновичу Гарцунову следовало бы, конечно, более других интересоваться юнгой Булатовым. Ну… он вроде бы и вправду интересовался. Дня не проходило, чтобы не останавливал, не спрашивал, как дела, не хворает ли и чему успел научиться в морских делах. Гриша стоял навытяжку, смотрел прямо, отвечал старательно подобранными словами, робость прятал поглубже… А была она, робость-то. Хоть и ехали вместе от самой Турени, хоть и много говорили про всякое, хоть и учил капитан мальчика морским премудростям, а все равно таилось в Грише опасение. Вернее, непонимание: зачем понадобилось капитану второго ранга Гарцунову брать в плавание почти незнакомого Гришу Булатова? Зачем взваливать себе на плечи риск и заботы?

Ну, понятно, если бы привязался к мальчишке, как к сыну, не захотел разорвать эти нити, решил бы, что пусть будет рядом родная душа. А то ведь…

Нет, он всегда был хорош с Гришей. Ни разу не повысил голоса, не сердился, если тот проявлял бестолковость в занятиях, старательно объяснял

непонятное. Только была в его ровном отношении этакая холодноватость. К доктору, например, можно было даже прижаться щекой, признаться в каком-нибудь страхе, а с капитаном разве решишься на такое!..

Гарцунов всегда смотрел спокойными желтовато-серыми глазами, в которых было непонятно что. Или неведомое Грише размышление, или печаль какая-то, или скрытая от всех забота. А то и тайная досада…

Такими вот глазами глянул командир на Гришу и в тот раз, когда через матроса неожиданно позвал к себе в каюту.

Гриша с неясной тревогой стукнул костяшками в дверь, встал на комингсе.

— Николай Константинович, юнга Булатов… Позвольте войти?

Гарцунов сказал ровно:

— Войди, конечно… И ответь мне, Григорий, откуда у матроса Семена Корытова твой рубль?

2

— Я… не знаю, Николай Константинович. — Гриша уперся глазами в свои босые ступни. Он и правда не знал, но сразу колыхнулась смутная догадка. Не то чтобы страшно стало, но тошно

как-то.

— Как же не знаешь? — Командир брига неотрывно смотрел на опущенную Гришину голову. Лохматую и виноватую.

— Ну… не знаю, — выговорил Гриша снова и затеребил подол рубахи.

— Однако же у тебя этого рубля нынче нет? Не так ли? — по-прежнему спокойно спросил Гарцунов.

Гриша мелко закивал. И каждый кивок был, как мелкий шажок навстречу беде.

— И куда же ты его девал? Не бойся и говори прямо.

Гриша на миг вскинул глаза и снова уперся ими в пальцы ног. Пальцы сами собой быстро шевелились. Гриша выдавил:

— Я не знаю… Николай Константинович. Наверно, потерял…

— Вот как… А Вялый… Корытов то есть… выходит, нашел? Но это же не что иное, как воровство. Про твой рубль знают все матросы, ты этой монетой то и дело играл на палубе. И Корытов знал. Отчего же не вернул?

— Не знаю… — опять выговорил Гриша. — Может, не догадался, что мой…

— Если и не догадался, должен был спросить у

всех: чья потеря… Нас на бриге не столь уж много, не проспект в Петербурге…

Казалось бы, следовало сказать невиноватым голосом: «Николай Константинович, но я-то при чем? Вялого надобно спрашивать…» Но мысли путались, перемешивались со страхом. И страх был не за себя, а почему-то за Вялого (хотя и за себя тоже).

Вдруг показалось, что нашелся выход!

— Николай Константинович, я вспомнил!.. Простите… Я отдал этот рубль Вялому за кнопа. Ну, купил у него игрушку… Вот… — Гриша суетливо вытащил из кармана штанов мягкий шарик величиной с маленькое яблоко.

Шарик был сплетен из пеньковых прядок (называются «шкимушгары»). На нем, как на головке, блестели стеклянные глазки-бусинки и улыбался широкий рот из красных шнурков. Снизу болтались веревочные ручки-ножки с ладошками и ступнями из затвердевшей смолы.

Гарцунов шевельнул бровями.

— Что это?

— Это кноп… Матросы плетут таких для забавы…

— И за такую безделицу матрос Корытов стребовал с тебя целый рубль?

— Ну… он и не требовал. Я сам сказал «возьми». Других-то денег у меня нету…

Гриша обреченно засопел. Было ясно, что Николай Константинович распознал его вранье.

Тот кивнул:

— Может, я и поверил бы тебе. Дети не всегда ясно представляют денежную ценность, и бывает, что игрушка им дороже сокровищ… Да только Семен уже признался. Нынче утром, в жилой палубе, рубль этот выкатился у него из кармана, матросы сразу и узнали. На монете зазубринка есть заметная. Тут же и прижали… Вялого: говори, где взял. Кликнули боцмана. Потому как известно, что Вялый этот и раньше случался нечист на руку. Он сперва поотпирался, как водится, потом — на колени: простите, братцы, лукавый попутал… Если бы случилось такое просто меж матросами, проучили бы сами, не доводя до начальства. А тут рассудили, что обокрасть ребенка — дело совершенно бессовестное. А раз так, то пусть все будет по закону. И решили, чтобы боцман сообщил офицерам… Вялый-то во всем открылся, а ты хитришь. Будто виноват не меньше его…

— Да в чем же виноват? — выговорил Гриша уже со слезинкой. — Я же ничего не крал…

— Виноват в том, что не говоришь правды, изворачиваешься. Может, хочешь выгородить Вялого, жалеешь его? Не за что… Да и смысла нет, поскольку все открылось. Отчего же ты теперь-то не желаешь объяснить, как все вышло? Почему рубль оказался в щели за кофель-планкой?

Гриша молчал, наливаясь стыдом, как тяжелой водой.

— Молчанье, оно ведь иногда как вранье, — прежним спокойным тоном разъяснил Гарцунов. — Скверно, когда один человек врет другому. Вдвое хуже, когда мальчик врет взрослому человеку, который желает ему только добра и отвечает за его воспитание. И в десять раз безобразнее, когда корабельный юнга врет командиру. Такое во флоте непростительно. За это можно получить наказание. Но дело даже не в наказании, а в совести. С ней-то как быть?

Гриша всхлипнул.

Гарцунов сказал осторожно:

— Ну что же ты… Разве ты сделал что-то худое?

— Я… не сделал. Только… совестно говорить…

— Молчать бывает еще хуже. И, кроме того, мы здесь всего лишь вдвоем… Подойди ближе.

Гриша сделал несколько шагов. Сидевший у стола Гарцунов притянул Гришу, поставил со-

всем рядом, обнял за плечо.

— Ну?

Гриша всхлипнул опять.

— Николай Константинович… я боялся…

— Да чего же, голубчик?

— Ну… много чего… Что опять случится буря. Вроде как тогда…

— Но ты же вел себя храбро!

— А потом все равно… страх как приклеился… Мы одни в океане на таком кораблике… А матросы рассказывали, что трюмаши́ могут заговаривать океан… погоду… чтобы не было сильных бурь… Только надо трюмашу заплатить серебром, чтобы он… стал добрый…

— Постой… кому заплатить?

— Да трюмашу же… который живет под палубой. Трюмаши умеют колдовать…

Гарцунов убрал руку с Гришиного плеча. Слегка отодвинулся. Мелко (и, кажется, не по-настоящему) засмеялся:

— Вот не ожидал… Ты же неглупый мальчик, учился, книжки читал. С доктором рассуждал о науках. Неужели ты веришь в такие сказки?

— А чего… — угрюмо сказал Гриша. — Многие верят… Вон лейтенант Новосельский, когда случился штиль, пальцем грот-мачту чесал, чтобы

появился ветер. И он задул…

— Ну… лейтенант… это он так, от досады… И традиция такая. Именно традиция, а не суеверие… А ты… Выходит, поверил, что есть у нас под палубой… этот… трюмаш, и решил купить у него за рубль спокойствие в океане?

Гриша опять закивал. Чего теперь отпираться? Тем более что и сейчас он верил, будто трюмаш — есть. Ну, или по крайней мере, что он *может быть*. Потому что жил же у них в доме на Лямин-ской, за кухонной печью, старый добродушный домовой Панкрат. Уж в него-то верили все, даже дядичка Платон Филиппыч. Правда, сам Гриша Панкрата близко не видал (только иногда замечал в углу темное копошение), но Аглая видела, и дядичка видел не раз, а старательная Арина каждый вечер ставила за печь блюдце с молоком, и наутро молока уже не было, хотя в доме не водилось ни одного кота (тетичка Полина их не терпела)…

— Горюшко ты мое, — вдруг сказал капитан Гарцунов так, будто был он не командир судна, а уставшая тетушка, вроде Арины. И от этой неожиданной ласки в Грише словно лопнула тугая тесемка, и он стал взахлеб рассказывать, как несколько вечеров искал на судне укромное

место, чтобы засунуть рубль для трюмаша. И как нашел чуть приметную щель на фальшборте между обшивкой и тяжелой кофель-планкой, на которую во время шквала крепил распустившуюся найтовку весел…

И как однажды во время этих поисков повстречал на палубе, между карронад, Вялого. Тот улыбчиво обрадовался:

— А, Гришуня! Глянь-ка, кого я тебе смастерил. Ты небось скучаешь иногда, вот пусть будет у тебя дружок… — И протянул того самого кнопа.

У Гриши затеплело внутри. Кноп был славный, добрый такой и веселый. И, главное, из тех подпалубных жителей, что трюмаши. Конечно, не совсем настоящий, не живой, но *будто живой*. И это показалось такой доброй приметой…

— Ой, Вя… Семен! Спаси тебя Бог, — от всей души вымолвил Гриша. — Какой хороший-то. Я всегда его с собой носить буду, как амулет.

Про амулеты Гриша читал в книжках об индейцах. Вялый же такого слова, наверно, не слыхал, но все равно заулыбался в ответ:

— Носи, носи. Может, удача тебе будет от него…

Тут Гриша вспомнил про свои поиски, про свое желание удачи, про трюмаша. Самое время было

кое-что узнать.

— Семен, а вот те два матроса… ну, которые трюмашей ублажали на «Соединении», ты рассказывал… Они почему узнали, что трюмаши приняли их гривенники? Может, шлюпу просто повезло в тот раз с погодой?

— Да нет же, не просто! Гривенники-то в тех местах, где спрятаны были, вскоре пропадали, будто таяли. А никто ведь, кроме Гвоздёва да Клюквы, не знал про эти места. Только они, да еще и трюмаши, которым все ведомо. Они-то серебро и прибирали…

Как теперь узнать: от души ли подарил Вялый мальчишке кнопа или тогда уже следил за Гришей, догадавшись про его планы?… И выследил, и ночью вынул спрятанную монету из щели… И не урони он в кубрике этот рубль, ничего бы и не случилось. Думал бы Гриша, что трюмаш, обитавший на «Артемиде», принял его подарок. И что можно отныне надеяться на благополучное плавание.

А теперь надеяться было нельзя. Гриша с отвращением, как дохлого цыпленка, затолкал кнопа в обвисший карман. Все оказалось неправдой. И этот кноп, и сказка про трюмашей, и надежда на добрый путь. И прежнее тоскливое беспокойство

никогда уже не оставит Гришу. Даже еще более сильное, чем прежде, потому что…

— Николай Константинович, а с Вялым что будет?

— Что заслужил, то и будет, — неохотно сказал Гарцунов.

— Николай Константинович, не надо… его наказывать. Пусть считается, что этот рубль я ему подарил.

— Ты, Григорий, добрая душа. Да не всякая доброта на пользу. Ни один человек на «Артемиде» не поймет, если *такое* останется безнаказанным. Ты сам сейчас говорил, что мы одни на маленьком кораблике в громадном океане. Значит, крепко должны держаться вместе и верить друг другу. А если завелся такой, кто веру эту нарушил, разве возможно тут снисхождение?

— Можно ведь и простить… — шепотом выговорил Гриша.

— С какой это стати? — отчужденно сказал Гарцунов.

— Но… ведь рубль-то мой… и если я сам решил, чтобы он стал его… Вялого…

— Разве в рубле дело? Дело в том, что матрос Семен Корытов нарушил многие правила. И корабельный устав, и закон товарищества, и понятие

о совести… А ты просишь о нем… Ступай…

РЕШЕНИЕ

1

Следующим утром, сразу после приборки и до подъема флага, команда выстроилась во фрунт по двум бортам. Никто ничего не говорил, все было объявлено накануне. Гриша стоял в конце строя — с тяжестью в голове и с почти остановившимся сердцем. В глухом молчании все смотрели, как квартирмейстер Федорук и фельдшер Южкин вывели за локти из баковой надстройки Вялого. Он был в обвисшей рубахе, на тонких белых ногах. Ноги подгибались, голова висела. Вялого по невысокому трапу завели на бак, там фельдшер и квартирмейстер аккуратно, почти бережно, уложили его животом поперек перевернутой шлюпки, на окованный киль кормовой части. Фельдшер закинул на Вялом до лопаток рубаху. В руке у квартирмейстера появился очень длинный черный прут. «Неужели *такое* специально берут в плавание?» — мелькнуло у Гриши. (Много позже он узнал, что это был не растительный прут, а специально вырезанный из китового уса

шпицрутен.) Квартирмейстер Федорук махнул, Вялый по-детски вскрикнул… Гриша рванулся, убежал к кормовой надстройке, перегнулся через планширь…

Его никогда не укачивало на бриге. При любой волне он не ведал, что такое тошнота. А сейчас его выворачивала сухая хриплая рвота. Он дергался, стонал от боли в груди и животе, от нестерпимого отвращения ко всему, что было вокруг…

Сколько тянулось это страдание, он не знал. Наконец стало легче. Сквозь мутную полумглу снова просочился синий свет. Но он был не нужен Грише. Ничего не нужно. Гриша зажмурился, его снова скрутила рвотная судорога…

Кто-то подошел сзади, взял за плечо. Оказалось, доктор…

— Гришенька… Что с тобой, мальчик мой?

Его тряхнуло рыданием без слез:

— Зачем они так… живодеры…

— Успокойся… Просто ты еще многого не видел на свете. Не живодерство это, а… такая вот она, жизнь… Идем, тебе надо лечь.

Гриша не спорил. Лечь и правда было необходимо, ноги не держали. В каюте он упал на койку, лицом к переборке, зажмурился. Качало. И теперь в этой качке колыхалась тяжелая тошнота. Док-

тор посидел рядом, погладил Гришин затылок.

— Вот, глотни-ка лекарство, станет легче… Открой рот…

Гриша, не перестав жмуриться, повернулся, разомкнул губы. Доктор толкнул ему между зубов пилюлю. Она сразу растаяла в слюне, рот заполнился мятным запахом. Стало легче дышать. И Гриша вздохнул несколько раз — медленно и глубоко. Потянуло в сон…

— Полежи, успокойся… — сказал Петр Афанасьевич. — Все пройдет… — И вышел.

«Пройдет, как же…» — горько отозвалось в Грише сквозь нарастающую дремоту. И он почти уснул, но тут появился в каюте гардемарин Невзоров.

— Ты, юнга, чего раскис? Не видал, как учат уму-разуму всякое жулье? Правильно учат… А без этого — как? Разворуют всю Россию…

— Лучше бы уж линьками… — выдавил Гриша. Ему казалось, что, если боцманскими линьками, по спине, это больно, однако без такого позора. Вроде пытки, которую можно гордо перенести, сцепив зубы. А тут… будто размазали человека, как рыбьи потроха…

Митя назидательно сказал:

— Линьки дают за нерадение в службе. Вот если

бы этот Вялый опять отказался на мачту лезть или от какой-то работы отлынивал, в этом случае — да. А за обман, за воровство да за нечестности всякие — так, как нынче…

— Так нельзя… никого…

— Да отчего нельзя-то? — искренне удивился Митя. — Так повсюду. Если хочешь знать, даже наследников престола учат уму-разуму тем же путем. А в Корпус попадешь — думаешь, там иначе? Никто не дотянет до выпуска без того, чтобы не получить свою дозу…

— Ты, видать, немало получал, — буркнул Гриша, не оборачиваясь.

— Сколько надо… Не думай, что тебе перепадет меньше. Боишься заранее, да?

— Дурак, — сказал Гриша. Гардемарин Невзоров ничего не понимал…

Митя хмыкнул и ушел.

Гриша все же заснул. И проснулся, когда вестовой лейтенанта Стужина потрогал его за плечо.

— Их выскобродие спрашивают, отчего не идете обедать. Опаздывать, мол, не положено…

— Я не пойду. Скажи, что захворал… — Мысль о еде была тошнотворна.

Матрос исчез.

Было душно, однако подняться и пойти на па-

лубу не хватало сил. И не хотелось никого видеть, стыдно…

Так прошли еще полдня. Гриша крадучись сходил в гальюн и опять лег. Он порой снова засыпал, а иногда лежал просто так и думал… О доме думал, о Луне с кольцевыми горами, о китах с фонтанами над черными тушами, об острове Флореш и девочке Анне… Мелькнула мысль, что, если он, Гриша Булатов, умрет среди океана, все-таки хоть что-то останется от него на свете: бумажные ласточки, мастерить которых научил он мальчишек на острове…

Иногда всплывала мелодия вальса из волшебного фонаря. И сами собой складывались новые слова:

Тронет пружинку стальной волосок,
Снова проснется негромкий вальсок.
Дальний мой дом…
Снег за окном…

Здесь, в духоте тропиков, очень хотелось ощутить на лице и ладонях касание снежинок… А «стальной волосок» — это была выдумка одной из сестер Максаровых, Гришиной ровесницы Оленьки. Она рассказала остальным детям, что в механизме волшебного фонаря спрятана упругая

стальная проволочка. Ключ, когда его поворачивают в скважине, касается этой проволочки, а она задевает пружинку, и та уже раскручивает звонкую музыку… Может, и не было того стального волоска, но Грише нравилось думать, что он есть. Живой такой, чуткий. От него делалась живой и мелодия, и весь аппарат с его туманными картинами…

2

К спуску флага Гриша не вышел, и его не звали.

Он то замирал на койке, то начинал ворочаться. И когда ворочался, ощущал, как что-то мешает в кармане. Дотянулся наконец, сунул руку, нащупал… Вытащил… Это был подаренный Вялым кноп. Плетеный шарик, твердые ступни и ладошки на коротких веревочках.

Гриша сел. Поднял кнопа за голову.

— Врун, — шепотом сказал он. — Изменщик…

То ли кнопу сказал, то ли Вялому. Веревочный «головастик» слабо качнул ножкой. Что с ним было делать? После всего, что случилось, Гриша не смог бы его видеть. Оставалось одно — за борт.

Гриша выбрался на палубу. Очень быстро сгущалась темнота, звезды были похожи на дро-

жащих серебряных жуков. Старый, очень тонкий месяц готовился утонуть в океане. Он был похож на кораблик медно-красного цвета. Не такой он был, как над Туренью, а совсем запрокинутый на спину — оба рога одинаково торчали вверх…

Гриша пошел на то место, откуда утром увел его доктор. Рядом не было никого. Светил над входом в кормовую надстройку слабый фонарь. Гриша вытащил из кармана кнопа. Вот сейчас — взять да и кинуть, и одной тяжестью на душе станет меньше… Стеклянные глаза-бусинки по-живому сверкнули в желтом свете. Ручки-ножки задрыгались: «Не надо… Я же ни при чем…»

Он ведь и правда был ни при чем. Не виноват в том, что смастерил его именно Семен Вялый. Он, этот кноп, был сам по себе и… может быть, он и правда был живой. По-своему… Тоже что-то чувствовал, чего-то хотел, чего-то боялся…

— Не бойся… — хмуро сказал Гриша. — Не брошу…

Он решил, что завтра поднимется на марс и привяжет кнопа под решетчатым настилом. Никто его, маленького, там и не заметит. Пусть живет плетеный головастик на высоте, смотрит оттуда на океан. Это будет его судьба…

Месяц почти утонул, светились только два

медных кончика. Будто сами по себе жили в темноте.

Кто-то подошел, стал рядом с Гришей.

— Я посылал за тобой матроса, да он не сыскал, — сказал Николай Константинович Гарцунов. — Я уж затревожился: не случилось ли чего.

«А вы его, матроса-то, отхлещите, как Вялого…»-чуть не вырвалось у Гриши. Но он только повел плечом.

— Что ты здесь делаешь? — помолчав, спросил Гарцунов.

— Стою…

— Да… Я вижу, у тебя несладко на душе, не так ли?

Гриша опять повел плечом. Гарцунов сказал с задавленным недовольством:

— Ты все-таки ответь… когда спрашивает командир.

— Я не знаю, что отвечать… Ну да, несладко… — и чуть не добавил: «Ну и что дальше?»

— Не знал я, что у тебя столь чувствительная натура… Видимо, я виноват: взявши в плавание, не уделял тебе должного внимания, мало беседовал с тобой… — скомканно выговорил Гарцунов. — Учту на будущее…

— Не надо… Николай Константинович… — Се-

кунду назад Гриша не думал говорить такое, и вдруг вырвалось само собой.

— Что… не надо, Гриша?

— Учитывать это… будущее… Я ведь все равно не пойду в Корпус.

— Вот как? — помолчав, сказал командир брига.

Гриша то ли выдохнул «да», то ли просто вздохнул. Во рту с утра оставался еще слабый запах мяты.

— А позволь узнать, отчего такое решение? — вполголоса спросил Гарцунов.

— Я… не знаю, как сразу объяснить. От многого…

— Понимаю… Это многое накопилось и теперь превратилось в опасение. Ты признался вчера, что у тебя после шквала явился страх перед океаном… Но ведь это преодолимо. Сперва такое случается иногда и со взрослыми моряками, а потом приходит привычка. Главное в море — делать свое дело, и страх пропадает. И у тебя будет так же. Ты же не трус…

— Я про тот страх теперь и не думаю. Не в нем дело…

— Так в чем же?

— В том… что было сегодня, — через силу ска-

зал Гриша.

Капитан помолчал, стараясь (или делая вид, что старается) со всей серьезностью проникнуть в Гришины слова. Наконец сказал:

— Ну… а что такого случилось сегодня? Наказали матроса, который совершил воровство. Это было необходимо. Кстати, заступились как раз за тебя. Ведь именно ты пострадал от этого шельмеца…

— Но я же просил не делать этого! Я не хотел… чтобы из-за меня…

— Мало ли что ты просил, голубчик. Дело не только в тебе… Не знаю, поймешь ли ты меня, но попробуй… Есть законы, которые регулируют отношения в разных сообществах. И в нашем, корабельном, тоже. А ежели прощать человеческие подлости, сообщество рассыплется…

— А вот так… с человеком поступать…

— Что? Говори…

— Тоже подлость… — выговорил Гриша, понимая, что может обрушить на себя командирский гнев.

Гнева не было. Гарцунов помолчал и сказал с печалью:

— С такими убеждениями, Булатов, вам следовало записаться в декабристы. Но вы опоздали

почти на тридцать лет…

Гриша молчал, с натугой вспоминая, кто такие декабристы. Гарцунов проговорил уже иным тоном:

— Мне кажется, дело тут в другом. Гардемарин Невзоров недавно рассказал мне о вашем споре. Он объяснил тебе, что в Корпусе к кадетам применяют иногда те же меры воспитания, и ты будто бы испугался…

Гриша не сдержался, хмыкнул со злостью.

Гарцунов продолжал:

— Бояться не следует. При должном прилежании и поведении ты никогда не подвергнешься таким мерам…

— Невзоров ничего не понял, — устало сказал Гриша. Он смотрел, как медные рожки месяца прячутся за горизонт. Было душно, звезды сделались тусклыми.

— Так чего же не понял Невзоров? — с мягкой настойчивостью подтолкнул разговор капитан.

— Он подумал, что я боюсь за себя… Ну да, я за себя, только… не того, что станут бить… Уж как-нибудь стерпел бы, наплевать… Я испугался иного…

— Чего же?

— Того, что… — Гриша проглотил комок и будто

шагнул за борт. — Что меня там сделают таким же, как вы…

— Я?! — как-то по-мальчишечьи удивился Гарцунов.

— Не вы один, а вообще… господа офицеры…

Он снова был готов к командирскому гневу, и снова гнева не было. Просто Гарцунов опять перешел на казенный тон:

— Чем же, Булатов, не угодили вам офицеры брига «Артемида»?

— Я не про бриг, а про всех… Не хочу, чтобы меня тоже научили… отдавать такие приказы, как сегодня…

— О-о-о… — протянул Николай Константинович. — Это уже глубокие суждения. Целая философия…

Гриша слышал о том, что такое философия. Доктор как-то объяснял в одной из бесед про ученых. Но сейчас Гриша приподнял плечи и сказал:

— Не знаю…

— При такой философии стать офицером во флоте или в армии, конечно же, невозможно. Командиром может быть лишь тот, кто умеет при необходимости подавить в себе жалость к подчиненным. И не только в случае, как сегодня, это как раз пустяк. Иногда приходится посылать на

смерть сотни, а то и тысячи людей. А как иначе?… Иначе — поражение и бесчестие… Ты, по-моему, слышал в кают-компании разговор о командире фрегата «Рафаил»?

Гриша помолчал и кивнул — вспомнил.

— Стройников был блестящий офицер, — сказал Гарцунов. — С немалыми заслугами и отличиями. Но в тот несчастный для себя день, когда фрегат окружила турецкая эскадра и не было пути к спасению, он не проявил должной твердости. Матросы заколебались, и Стройников не посмел отдать приказ, чтобы, сцепившись с вражеским кораблем, взорвать фрегат… За что и лишен был судом и государем наград, званий и дворянства…

Грише стало жаль Стройникова. Почти как Вялого…

— А зачем надо было взрывать-то? Ну сожгли бы себя и сколько-то там турок… Велика ли победа?

— Надо это было ради понятия чести… — твердыми, как деревянные кубики, словами объяснил Гарцунов.

— Ну… да. Но это была бы его честь, Стройникова. А матросы-то, вы говорите, не хотели. А честь… она разве бывает по приказу? Она ведь… когда человек решает сам…

— Матросы давали присягу государю, — сухо напомнил командир брига.

Да, здесь возразить было нечего. Гриша знал, что такое присяга. Дал ее — значит, умирай, но держись. Про это в стольких книжках написано… И нашлось лишь одно возражение.

— Но… — ощетинившись, выговорил Гриша, — я-то пока не давал присяги. И больше не хочу быть ни юнгой, ни кадетом.

— Вот как! И это — твердо?

— Да.

— Однако же… в твоем решении я не вижу смелости. Наоборот…

Гриша опять приподнял плечи: думайте как хотите.

— А впрочем… — раздумчиво сказал Гарцунов, — смелость, возможно, в этом есть. Как посмотреть… Никто тебя, мальчик, не станет неволить… Однако же будет еще время подумать и рассмотреть все неторопливо. Может быть, ты и передумаешь… А пока вот, возьми… — Гарцунов взял Гришу за кисть руки, разжал его пальцы и вложил в них теплую монету. Гриша понял сразу, что это злосчастный рубль…

Ну, почему, почему не отдал он его девочке Анне на острове Флореш? Пожалел — и оттого

все несчастья!.. Да нет же, не пожалел! Побоялся, что отберут у нее монету взрослые, разменяют на мелкие сентаво и сантимы, пустят на хозяйство. У них ведь там, в Понта Дельгада, любые деньги в ходу. Матросы, вернувшись из кабака, рассказывали, будто лавочник принимал не только португальские крузейро, что выдал команде корабельный ревизор, но и русские гривенники, и завалявшиеся в карманах английские пенсы…

«Не изворачивайся, — сказал себе Гриша. — Пожадничал, отделался стеклышком, за это напасти на твою голову…» — «Да не жадничал я! Стеклышко мне было дороже! Если бы я отдал рубль за раковину, получилось бы, что купил ее! А я хотел, чтобы подарок за подарок!»

Так он с минуту спорил с собой, а тяжелый рубль в ладони тяжелел и будто делался горячим…

— Спрячь и больше не теряй, — с неловкостью проговорил Гарцунов.

— Больше уж никогда не потеряю, — устало пообещал Гриша. Размахнулся и кинул монету в темную воду. На миг искоркой отразился в рубле желтый фонарь. Вот и все…

— Ну что ж… — без удивленья отозвался Гарцунов. Будто ожидал чего-то такого. — Ладно,

ступай в каюту, поздно уже…

Гриша не спорил, пошел к двери кормовой надстройки. Капитан — за ним.

— Николай Константинович! — окликнули его. Это был штурман. Гарцунов остановился. Гриша тоже. Не от желания подслушать разговор, а просто от неожиданности.

— Николай Константинович… — в голосе Ивана Даниловича была немалая тревога. — Барометр упал с небывалой скоростью. Даже ртути не видно в трубке. Велите спускать брам-стеньги и стеньги.

— Вахтенный! — тут же возвысил голос Гарцунов.

— Слушаю, Николай Константинович! — немедля отозвался с мостика лейтенант Новосельский.

— Аврал! Паруса долой, брам-стеньги и стеньги вниз! Ставить штормовые триселя. Шлюпки, вельбот и орудия крепить сверх обычного!.. К штурвалу вторую вахту! — Капитан уже не думал о Грише.

Впрочем, нет, думал:

— Григорий, марш в каюту! И не высовывать носа!

СТИХИЯ

1

Во время урагана Гриша не боялся. То есть *почти* не боялся. Страх, конечно, был, но он как бы существовал отдельно, жил в сторонке и скоро сделался привычным, как боль от ушиба, полученного при катании на санках…

Страшнее было *начало*. То есть *ожидание* урагана. Навалившаяся тишина душной ночи, тускнеющие звезды, исчезновение ветра, качание на мертвой зыби, тоскливое желание: уж *скорее бы*… А когда засвистело, завыло, бросило кораблик с борта на борт, грохнуло волнами в обшивку, кинуло «Артемиду» к небу, потом швырнуло в глубину и взметнуло снова, оказалось, что бояться… не имеет смысла. Это, как если бы тебя проглотило громадное чудовище. Ты боялся, что оно проглотит, но вот *это случилось*, и теперь — бойся, не бойся, а изменить ничего нельзя. Остается только цепляться за коечную стойку, чтобы не кидало в каюте из угла в угол, и гадать: а долго ли будет длиться такое? И в гаданье этом пробивалось даже любопытство.

Конечно, долго *это* длиться не могло. Такое существование, когда или ощущаешь, как тебя вместе с судном возносит в черную заоблачность, или теряешь вес от стремительного падения. Или валишься (опять же вместе с бригом) то вправо, то влево — с пониманием, что этот чудовищный крен может быть последним в твоей жизни, но опять же почти без страха, а скорее с каким-то сумрачным весельем…

Да, трудно было понять, сколько времени это длится. Время то замирало, то мчалось. И наконец Грише показалось, что наступила середина ночи.

Он был в каюте один. Гардемарин Невзоров, видимо, нес вахту (хотя какая вахта, когда весь мир катится куда-то вверх тормашками под злорадный рев стремительного воздуха). Устроиться на койке в лежачем положении и постараться заснуть нечего было и думать. К тому же Гриша чувствовал: попытаешься лечь — и вот тогда-то страх навалится на тебя…

Наконец он не выдержал одиночества. Уловив секундную остановку в небывалой раскачке, он рванулся к двери, потом к другой, ведущей из коридорчика на палубу, — и навалился на нее. Дверь не поддавалась — видимо, ее прижимал

встречный бешеный ветер. Но потом качнуло вперед, и дверь ослабла. Гриша вылетел в темень, свист, под рев и хлесткие брызги. Его пронесло по палубе около сажени и прижало грудью к ограждению грот-мачты. Это были крепкие балки. Гриша изогнулся, ухватил балку в объятия, мертво сцепил пальцы и замер так — пытаясь понять, что же творится вокруг.

Высоко над головой дергалось и кажется даже, что стонало, бревно тяжелого гика. Над ним гудела и трепетала черная парусина штормового грота-триселя. Гриша знал, что этот — единственный сейчас на «Артемиде» — парус помогает судну держаться носом к потокам воздуха и волнам. Как деревянное перо, которое поворачивает к ветру детскую вертушку. Стоит бригу повернуться к ураганному напору бортом — и спасения не жди… Да и вообще возможно ли спасение в таком аду?

Додумать такую мысль Гриша не успел: накрыло гребнем. Он вскрикнул, закашлялся, отплевал соленую воду и сквозь мокрые ресницы увидел размазанный свет желтого фонаря и метание теней. Видимо, это были матросы. Кажется, они пытались что-то делать: то ли тянули какие-то снасти, то ли крепили что-то на палубе, а может

быть, просто старались удержаться, чтобы не смыло за борт. Свет фонаря стал вдруг мутно-зеленым — это между ним и Гришей встала стена воды. Гриша различил над ней искорки — это, наверно, фонарный свет рассыпался в пузырях пенного гребня. В следующий миг тяжесть воды навалилась на мальчишку, скомкала его, оторвала от балки, отнесла назад и ударила о дверь. Гриша рванул ее за скобу, ввалился под палубу юта, потом в свою клетушку. Опять вцепился в коечную стойку, которая была теперь самой прочной вещью на свете.

Он был мокрый до ниточки. Парусину штанов сбоку оттягивала какая-то тяжесть. Гриша дотянулся до кармана и… вытянул промокшего кнопа.

«Вот и ему не сладко…» Стеклянные глазки-бусинки кнопа блестели, как слезинки. (Удивительно, что в жестяном, прикрученном к бимсу фонаре до сих пор горела свеча; как она ухитрилась не погаснуть в таком метанье?)

У Гриши совсем не к месту запрыгала мысль: откуда Вялый взял эти бусинки? Может, купил бусы в трактирной лавке на Флореше, а потом порвал нечаянно, рассыпал стеклянные горошины, а после две из них пустил на глаза для кнопа?…

А все же зачем он подарил кнопа Грише? Просто так или чтобы втереться в доверие?... А кому бусы-то покупал? Невесте, матери, сестре? Есть они у него?... Небось не хотел он, Вялый, идти в матросы, покидать свою деревню, да крепостного разве спрашивают?... А может, он и рубль хотел заполучить, чтобы послать домой какой-нибудь подарок? Ведь не может же быть окончательным вором и подлецом человек, который так хорошо поет песни...

Под эти мысли Гриша уже не цеплялся за пиллерс, а делал дело (и удивлялся себе: как еще можно совершать какие-то осмысленные поступки при таком вот конце света?). Он нырнул под койку и выдернул оттуда, из-за опорных брусков, матросский сундучок с имуществом. Вылез из мокрой одежды, швырнул ее в угол и ухитрился натянуть сухие штаны и рубаху. Мало того! Он вытащил из кожаного башмака шнурок и привязал им к пиллерсу несчастного кнопа. Раз уж нельзя сейчас поселить беднягу под марсовой площадкой (сунься-ка туда!), пусть живет пока здесь. «Он же ни в чем не виноват», — опять подумал Гриша.

Освобожденный от подпорок сундучок лихо ездил по каюте. Гриша хотел загнать его снова

под койку, в гнездо между брусков, но в каюту влетел мокрый гардемарин Невзоров. Бухнулся на свою постель. И громко сказал слова, которые говорят матросы и унтеры, если крепко ударят себя по пальцам молотком. Потом посмотрел на Гришу, вспомнил про офицерский этикет и решил извиниться:

— Не сдержался. Прошу прощенья, юнга…

— Я не юнга! — Гриша выкрикнул это сквозь ураганный рев, сотрясающий тонкие стенки каюты.

— Как это так?!

— А вот так! — Гриша тоже бухнулся на койку и поджал ноги, чтобы по ним не въехало сундучком.

— Тебя разжаловали?! За что?!

— Сам себя разжаловал! — с непонятным злорадством сообщил Гриша. — Сказал капитану!

— Ты что, о…л? — Митя опять позволил себе матросское словцо.

— Сам ты!.. И вы все!.. — сказал Гриша.

— Капитан теперь не станет определять тебя в Корпус!

— А мне и не надо!

Митя сел и некоторое время ухитрялся сохранять это положение.

— И кем же ты тогда станешь?! — ехидно выкрикнул он. — Приказчиком у своего дядюшки?

— А ты думаешь, приказчики только в лавках сидят?! И говорят «чего изволите»?! Они с товарами по всему свету ездят, в дальние края! У них приключений не меньше, чем у моряков! Бывает, что с разбойниками схватываются!..

— Ах как занимательно! Прямо роман Викто́ра Юго́!

— А может, я и не буду приказчиком! Буду ямщиком! На дорогах — воля вольная!

— Ямщики скоро повыведутся! Везде проложат чугунные пути!

— Ха! Жди-дожидайся! Россия вон какая, чугуна не хватит! Дорог-то вон сколько!

— Ну и мотайся по своим сухопутным дорогам! А мог бы стать капитаном!

— А я… может, стану еще кое-кем! Не хуже всякого капитана!

— Кем это, любопытно знать?

— Не твое дело! — сказал бывший юнга Булатов гардемарину Невзорову.

— Видишь, не знаешь, что сказать!

— Знаю!

— Ну так скажи!

— Я буду звезды изучать! И планеты! Мне

доктор рассказывал про астрономию. И давал смотреть в трубу! Звезды поинтереснее всяких островов!

— Что в них интересного! Годятся только, чтобы снимать координаты. А доплыть до них все равно нельзя!

— Доктор говорит: когда-нибудь доплывут… долетят!

— Ну и лети… А только где ты научишься астрономии? В Корпусе этому учат профессора, там обсерватория, инструменты. А в вашей Тюму-тара… тьму-турени наверняка ни одного телескопа не сыскать.

— Рядом Тобольск, там знаешь какая гимназия! В ней все есть!

…Может показаться невероятным, что посреди вздыбившейся Атлантики, на краю очень вероятной гибели, внутри деревянной скорлупки двое мальчишек — одиннадцати и семнадцати лет — вели такой отчаянный, по-настоящему ребячий спор. Но, может, этот спор-то как раз и помогал им не поддаться страху, сохранить себя такими, какими они были? Он был — *назло урагану.* Только едва ли Гриша и Митя понимали это.

…Митя, скривив лицо, сказал:

— Тобольск такая же дыра, как твоя… Тур-мур-

турень!

— Ты мою Турень не трогай! Ты в этом городе не бывал!

— Да плевал я на него!

— Вот как?! — взвинтился Гриша. — А я тогда плевал на твой дурацкий Корпус!

— Что-о?! — завалившийся было на койку Митя опять сел, толчком. Пнул подъехавший сундучок. — Ты?! Плевал?! На *Корпус*?! Из которого вышли в свет столько российских адмиралов! Столько кругосветных плавателей!.. Он… наша гордость! А ты… туренский сопляк! Извинись немедленно!

— Во! — держась правой рукой за стойку, мальчик из Турени левой рукой показал гардемарину дулю.

Митя дернулся вперед, оказался рядом. И закатил Грише оплеуху. Брызнули из глаз искры и слезы. И обида — отчаяннее урагана! В ритме очередного корабельного крена Гриша сильно откачнулся назад, а потом рванулся и врезал будущему мичману головой в живот. Мичман повалился на койку снова. А Гриша рванулся к нему, чтобы замолотить кулаками!

Но бриг, выбившись из плавных размахов непредсказуемым толчком, встал на дыбы. Гришу

понесло назад, ногами он зацепился за беспризорный сундучок, а теменем врезался в коечный пиллерс… Он мог бы проломить голову о грань толстой квадратной подпорки. Но у грани этой оказался привязанный шнурком кноп. Плетеный шарик смягчил удар, Гришина голова срикошетила, и лишь на виске оказалась содрана кожа. Впрочем, в глазах все равно потемнело — мягко так, спасительно даже. И Гриша подумал с облегчением: «Ну, кажется, всё…»

2

Видимо, он немалое время был без сознания — не от удара, не от боли, а скорее от всех переживаний, на которых удар этот поставил точку. А потом он просто заснул. Когда открыл глаза, свеча не горела, а за оконцем виднелся мутно-зеленый свет. Похоже, что утро. На голове Гриша ощутил повязку, но боли не было.

Бриг по-прежнему швыряло, мотало и кренило. Ветер, как и ночью, то ревел, то выл, но это было уже как-то привычно и Гришу почти не беспокоило. Тем более что его прикрепляла к койке свернутая жгутом и протянутая поверх груди простыня. Не слетишь, не свалишься!

Невзорова не было, но на его койке, цепляясь

за край, сидел доктор. Гриша сразу узнал его в полумраке каюты.

Петр Афанасьевич устало сказал:

— Живой? Ну и ладно… Экий ты, братец, «везучий»! Как шторм — так с тобой приключение…

Гриша подумал и возразил:

— Это не простой шторм. Это, наверно, настоящий тропический ураган.

— Не исключено…

— А как вы думаете, мы потонем? — Гриша спросил это без боязни, с холодноватым таким любопытством.

— Скорее всего, нет, — серьезно отозвался доктор. — К счастью, центр урагана миновал нас, теперь мы уже где-то на краю. Капитан приказал поставить штормовые стаксели, это дает возможность не болтаться среди волн, а круто к ветру уходить дальше от опасности. Скверно только, что неизвестно, куда нас отнесло и продолжает относить с нужного курса. Ветер зашел к западу и не пускает прямо на Кубу.

Гришу это не волновало. Качка была по-прежнему очень сильной, но казалась более равномерной. Гриша как бы вписался в ее ритм и снова уснул.

Так, в слабости и полудреме, он провел несколь-

ко штормовых дней. Было похоже на ту хворь, которая поймала его в начале плавания. Шторм оставался очень сильным, но уже не был ураганом. Ветер обрел постоянное направление, с веста. Стеньги и брам-стеньги не поднимали (как это сделаешь при такой погоде, да и опасно пока что наращивать рангоут), но поставлены были косые паруса — стакселя и трисели на обеих мачтах. Под ними «Артемида» карабкалась на встречные волны и ухала вниз-Гриша вспоминал катание на санках в туренском логу.

Он иногда выбирался на палубу, к грот-мачте, и, ухватившись за головки кофель-нагелей, подставлял себя шторму. Это были минуты слияния со стихией и какого-то сумрачного азарта. Но сил хватало ненадолго, скоро Гриша опять валился на койку.

Время бежало быстро и без тревог. Главным неудобством при этом была необходимость выбираться наружу по нужде. Если по малой, то можно было в вечерней темноте справить дело на мокрой палубе у фальшборта, прямо в шпигат. А если по-серьезному, приходилось просить какого-нибудь матроса помочь добраться до гальюна под бушпритом (туда, где неслась над волнами невозмутимая деревянная Артемида-охотница).

Вот где требовалась цирковая ловкость! Грише советовали пользоваться жестяным ведром, но он отказался (этого еще не хватало — стыд такой!)… А в офицерский гальюн Гриша тоже не ходил. Он думал, что поссорился с Николаем Константиновичем, и считал, что не имеет права на привилегии капитанского воспитанника.

Впрочем, частой нужды не было, поскольку не было нормальных обедов. Питались сухарями, копченым мясом и купленными на Флореше бананами (пока не съели весь запас).

Иногда появлялся в каюте гардемарин Невзоров, устраивался отдыхать после вахты. Гриша отворачивался к стенке. Оба молчали. И только на третий или четвертый день после ссоры Митя выговорил Грише в спину:

— Ну, ладно… возможно, я был не прав, когда… ударил тебя. Но ты ведь тоже… головой… Думаешь, не больно?

— Я — в ответ, — не повернувшись, сказал Гриша.

— Ну… так что теперь? Если бы ты пошел учиться в Корпус, то, когда выпустился бы офицером, мог бы вызвать меня на поединок. — то ли он неумело шутил, то ли говорил всерьез, поди разбери.

— Больно надо, — сказал Гриша. — Ради этого тянуть кадетскую лямку.

— А без того — никак. Офицерство дает дворянское звание, которое только и позволяет драться на дуэли.

Гриша шевельнулся, но поворачиваться не стал. Сказал в стенку:

— Если хочешь знать, мое дворянство не меньше твоего. Мне дядя Платон Филиппович говорил со слов моего отца, что мой пра… прапрадед был командиром конной тысячи в ханстве Тумэн-Тура. А ханство это было… настоящее царство-государство, не какая-то орда. А тысячник — это по-нынешнему значит полковник. А полковник — это всегда дворянин. Значит, и внуки, и правнуки его… Для дуэли этого хватило бы…

Митя непонятно молчал.

Гриша подумал и сказал:

— А стреляться с тобой или на шпагах биться я бы и не стал. Продырявишь ненароком, а потом совестью мучайся всю жизнь…

— Ну… а тогда что? — спросил Митя, уловив минутное притихание качки.

— Что? — сказал Гриша. И наконец обернулся.

— Тогда… может, помиримся? — Митя смотрел как-то совсем по-ребеночьи.

— Ну… давай, — сказал Гриша и сел.

Митя тоже сел. Они протянули друг другу руки. Но не обменялись рукопожатием, как два отказавшихся от поединка противника, а… вдруг сцепились мизинцами. Будто два мальчишки на краю Городищенского лога, которые решили покончить с глупой ссорой. Качок судна поторопил их — они раздернули руки («мирись — не дерись!»). И рассмеялись.

Потом Митя встал.

— Пойду, гляну, нет ли проблеска в тучах… — И вышел, хватаясь за переборку и карнизы.

Гриша посмотрел ему вслед, потом взглянул на привязанного к пиллерсу кнопа. Глазки у того блестели чисто, но с каким-то вопросом. А над ними Гриша заметил бурое пятнышко. Наверняка — кровь от его, Гришиной, ссадины.

— Теперь деваться некуда, мы с тобой кровные братья, — вздохнул Гриша. — Ты меня спас…

Кноп обрадованно дернул ножками.

3

Штурман Иван Данилович был раздосадован сверх меры. Стал раздражительным и огрызался на вопросы офицеров.

— Господа, я не ангел с крыльями, чтобы возне-

стись с секстаном над облаками и взять высоту светил. И смотреть сквозь тучи, извините-с, пока не обучился…

Да, загроможденные штормовой облачностью небеса были целую неделю непроницаемы. А если не видно ни звезд, ни Луны, ни Солнца, как определишь, где сейчас твое судно?

Определяют иногда «по счислению», то есть измеряя скорость и пройденное расстояние на карте. Но это, когда у судна ровный ход и четко определенный курс. А когда тебя несколько суток носило, как в котле у Вельзевула, какое тут к чертям собачьим счисление! Так объяснил в кают-компании офицерам штурман Иван Данилович (в иное время — человек спокойный и деликатный). Офицеры, а также доктор, Митя и Гриша собрались у стола, чтобы отведать горячего супа, который исхитрились наконец изготовить судовые повара (но надо было еще исхитриться съесть его — тарелки приходилось ловить на лету).

Немного успокоившись, штурман сказал:

— Посудите сами, господа. Под стакселями и триселями мы идем довольно круто к ветру, однако же ветер этот нас крепко отжимает к зюйду, сдвигая с прежнего курса. Боюсь, что прямо на

Кубу мы не вырежемся, и придется идти вдоль Малых и Больших Антил не с севера, а с юга…

Прошли еще сутки, и волны вдруг позеленели, стали ниже, в облаках просветлело. Ветер начал успокаиваться и зашел к норд-весту. Стало гораздо теплее. Грише почудились в этом ветре запахи незнакомых трав.

Капитан решил, однако, не ставить пока стеньги и брам-стеньги — ослабление шторма могло оказаться временным. Но и с укороченными мачтами, под одними лишь косыми парусами бриг резво бежал теперь на вест-тень-норд (знать бы еще поточнее — куда именно). Капитан, кажется, надеялся все-таки вернуться на прежний курс и выйти к Гаване, как и было задумано, с норд-оста. Впрочем, верилось в это слабо.

К сумеркам ветер совсем ослабел, волны превратились в пологую зыбь. Триселя иногда полоскали, но командир не хотел уваливать под ветер. Штурман хмурился, однако пока не высказывал опасений вслух. К ночи стали появляться в тучах разрывы, проглянули звезды. Иван Данилович на юте нервно колдовал с секстаном. Ему помогали мичман Сезаров и Митя. Митя светил фонарем на развернутую в руках карту. Мичман быстро писал в блокноте. Деликатный штурман

опять поминал чертей. Наконец он обратился к командиру:

— Николай Константинович, следует удвоить впередсмотрящих… хотя, конечно, не видно ни дьявола… И все-таки… Необходимо приготовить якоря. Пошлите на бак матроса с лотом, пусть попробует взять глубину. Убавьте парусность вполовину. А еще лучше бы лечь в дрейф…

— Вы полагаете, что близко суша?

— Боюсь, что ближе, чем хотелось бы. Возможно, расчеты пока ошибочны, но… извольте взглянуть на карту…

Капитан при свете фонаря взглянул и… присвистнул (что считалось неприличием и дурной приметой).

— Неужели правда? Это доктор наколдовал… й-ёлки-палки… На баке, быстро мерить глубину! Всем смотреть вперед и по бортам! Канаты крепить к якорям! Триселя долой! Кливера и стаксели — втугую!..

Гриша все это слышал, приткнувшись в закутке рядом с ведущим на ют трапом. На баке началась шумная суета с перекличкой и ругательствами боцмана. Матросы возились у закрепленных на носовой палубе становых якорей — тянули к рымам канаты с коваными скобами…

Ветер сделался совсем тихий и ровный, бриг едва двигался, волны почти улеглись — лишь слегка приподнимали судно, подкатываясь спереди и справа.

— Лот взял глубину! — донесся с бака звонкий и какой-то слишком веселый голос. — Сто двадцать футов! — И почти сразу: — Шестьдесят футов!.. Двадцать футов!..

— Святой Николай Угодник… — сказал кто-то на юте вполголоса. Потом царапнул днище негромкий, но очень страшный скрежет. Будто подводное чудовище провело когтем по медным листам обшивки. Несильно провело, словно предупредило…

— Носом к ветру! — крикнул с мостика Гарцунов. — Долой все паруса, отдать стоп-анкер!

— Глубина двенадцать футов! — донеслось с бака.

— Канат стоп-анкера не травить полностью, одерживай!

Шумно шуршал в клюзе канат маленького кормового якоря. Бриг с полминуты двигался по инерции и наконец остановился. Плескала у бортов вода.

— Правый якорь отдать! — скомандовал Гарцунов. — Не травить много, а то снесет на камни!..

Левый отдать!.. Стоп-анкер выбрать!

Опять после громкого всплеска шумно зашипели канаты. Бриг повело вправо-влево, и он затих, чуть качаясь.

— Справа по борту огонь! — сообщил сигнальщик. — Вроде мигает. Плохо видать…

Гриша пригляделся. В самом деле, сквозь тьму изредка проступало красное пятнышко.

— Боюсь, что это маяк Пуэнт-а-Питр, — послышался голос штурмана.

— Спасибо, Иван Данилыч, приехали, — хмыкнул в ответ лейтенант Новосельский. — Почти Гавана.

— Право же, Илья Порфирьевич, не до шуток, — сухо заметил Гарцунов.

— Прошу прощенья…

— Вахте смотреть и слушать изо всех сил! — громко приказал Гарцунов. — Глубину обмерить с носа, кормы и по бортам. Особо слушать: нет ли касаний о днище! Про все докладывать немедля!..

Потом попросил лейтенанта Стужина:

— Александр Гаврилович, останьтесь на мостике. Остальных прошу в кают-компанию… — И чуть усмехнулся: — Извините, что я без приглашения, сейчас не до этикета…

Грише тоже было не до этикета. И он тоже проник в кают-компанию без приглашения. На него не обратили внимания, только Митя оглянулся и заговорщически подмигнул.

Гриша не понимал, что случилось. Куда принесло «Артемиду» и велика ли опасность. Но похоже, что не маленькая, раз так озабочены офицеры… И еще — это царапанье по днищу…

Карта легла на стол, под спущенную от бимса лампу.

— Паршивая карта, — брезгливо сказал мичман Сезаров. — Английская. Господа энглезы, утерявши владение этими островами, утеряли и всякий интерес к ним, и в начертании здешних карт их адмиралтейство не проявляло старания…

— Так что же, господа, все уверены, что это Гваделупа? — напряженно спросил капитан.

— Похоже на то, Николай Константинович, — отозвался штурман. — Ураган отнес нас к югу, то же делали и последующие ветры, не давая вернуться на курс. Мы приводились как могли, но вот… Хотели миновать малые Антилы с северной стороны, а оказались у них под боком с юга… Судя по всему, это бухта Пти-Кю-де-Сак-Марен, у самого перешейка между островами Бас-Тер и Гранд-Тер. Препоганейшее место, насколько помню лоцию.

Малые глубины, множество коралловых рифов и подводных скал.

— Ну и названьице, — заметил лейтенант Новосельский. — Не знаю, как перевести полностью, но сколько помню из французского, «пти кю» значит «маленькая задница». Именно туда мы и попали…

— Хуже может быть лишь большая, — согласился мичман…

— Господа… — сказал капитан.

Лейтенант и мичман вытянулись и сдвинули каблуки.

— И как выбраться из… этого места, нам придется поломать голову, — вставил гардемарин Невзоров.

— И вы туда же, Митя, — произнес капитан с мягким, совсем не командирским упреком. Стало видно вдруг, что он очень устал.

— Николай Константинович, но я лишь хотел предложить, — стал оправдываться Митя. — Не следует ли нам наладить на палубе кулибинский фонарь? Можно было бы прямо сейчас обозреть округу: нет ли близких опасностей?

Гриша вспомнил, как доктор объяснял про такие фонари — изобретение механика Кулибина. Берется большущее вогнутое зеркало, состоящее

из множества зеркальных кусочков, а перед ним закрепляется свеча. Каждое зеркальце отражает пламя свечи, а поскольку их — сотни, то и сила света увеличивается в сотни раз. Говорят, туземцы на каком-то острове называли такой фонарь «русское солнце»…

(И вспомнилось, кстати, зеркало-отражатель волшебного фонаря.)

Капитан не одобрил идею гардемарина.

— Вы забыли, что здесь владения Франции — державы, с которой мы в состоянии войны? Не хватало нам еще вооруженных стычек…

— …О коих, помнится, так тосковал гардемарин Невзоров, — не удержался от подковырки мичман.

— Ни о чем я не тосковал! — обиделся Митя. — Я… и правда забыл… Да разве же в этой дыре может быть порядочный гарнизон или военные суда?

— В лоции написано, что Пуэнт-а-Питр — настоящий город. Правда, по антильским понятиям, — сообщил штурман. — Хотя известно, что несколько лет назад он был почти весь разрушен землетрясением… Но кто его знает…

— Разрушен или нет, а здесь может оказаться форт с бомбическими орудиями дальнего

прицела, — заметил капитан. — Зачем нам обнаруживать себя раньше срока? Кстати, Илья Порфирьевич, прикажите немедля, чтобы на всякий случай изготовили к бою карронады. И ружья пусть будут наготове.

— Слушаю, Николай Константинович… — Новосельский вышел и через минуту вернулся. — Готовят, и весьма проворно…

— Благодарю… Карта действительно дрянная, не обозначены толком в этой… в Кю… ни глубины, ни опасности…

— Видимо, в бухту вовсе не заходят крупные суда, — заметил штурман. — Или заходят, но с лоцманом.

— Да, только нас занесла нелегкая, — согласился Гарцунов. — Кстати, Петр Афанасьевич! А может быть, ваша карта, которую вы купили в Париже, поможет нам? Нет ли в ней каких-то подробностей?

— Боюсь, что нет, Николай Константинович. Но я принесу сию минуту…

Доктор вернулся с картой, и все склонились над ней, но скоро с огорчением отметили, что пользы от нее нет. Гравер Амбруаз Тардье поработал от души, но уделял внимание суше, а про навигационную обстановку у Гваделупы, видать,

не думал.

— Остается ждать рассвета и уповать на Провидение, — решил командир. — Прошу всех, кроме вахты, отдыхать, господа.

Гриша пришел в каюту и бухнулся животом на койку. Не раздеваясь. Он чувствовал себя вымотанным. Ни в какую опасность не верилось. Что может быть страшнее тропического урагана, который он, Гриша Булатов, пережил в недавние дни?

Следом появился Митя. Тоже упал на постель.

— Все! Усну сейчас, как дубовое бревно…

— И увидишь во сне завтрашнюю битву, — не удержался, поддел Гриша.

— Иди ты знаешь куда…

— В «кю»? — догадался Гриша.

— В большую… — уточнил гардемарин.

«Этому вас учили в Корпусе, да?» — чуть не спросил Гриша. Но сдержался — опасную тему лучше было не трогать. Он зевнул, отвернулся и стремительно уснул.

«КОРИЧНЕВЫЙ БЫК»

1

В наши дни может показаться невероятным случай, когда судно, спешившее на Кубу, оказалось принесенным совсем к другому острову, на полторы тысячи миль от Гаваны. Однако следует учитывать множество обстоятельств. Это сила и коварство урагана, в котором крохотный двухмачтовый парусник оказался игрушкой стихии. И то, что не было не только спутниковой навигации, но даже обычного радио. И то, что не было у «Артемиды» никакого двигателя, а ураганный ветер неуклонно сносил бриг к югу и не пускал вперед. А кроме того… да мало ли бывало в океанах и более удивительных случаев! Стоит вспомнить книгу Жюля Верна, где юный капитан Дик Сэнд на «Пилигриме» промазал мимо мыса Горн и привел свою бригантину не к Южной Америке, а прямехонько к Экваториальной Африке.

Конечно, дотошный читатель может возразить, что это, мол, просто роман, сочиненный для развлечения юношества. Ну а здесь что? Автор «Брига „Артемиды“» предупреждал уже, что эта повесть ни в коей мере не претендует на документальность и вполне может быть отнесена к жанру сказки. То есть хотите — верьте, хотите

— нет. И все-таки факт есть факт: в ночь на 8 июня 1854 года (по старому стилю) российское военное судно «Артемида», чудесным образом избегнув опасностей в виде мелей, подводных и надводных скал и коралловых рифов, оказалось у острова Гваделупа. В бухте с длинным названием, которая была известна своими навигационными опасностями. Этот случай следует признать достоверным, поскольку, во-первых, он был занесен в вахтенный журнал «Артемиды» (который потом, правда, сгорел), а, во-вторых, без признания данного факта невозможно раскручивать дальнейшие события.

События же раскручивались так.

Утро было безветренным и розовым. Эта розовость растворялась в неровных, разной плотности, слоях тумана, который лежал над бухтой Пти-Кю-де-Сак-Марен, постепенно (однако не быстро) редея и открывая окружающий пейзаж.

Примерно в двух милях от брига, на северо-востоке, виднелся на берегу городок. Возможно, в другое время он был белым и уютным, но сейчас его домики с острыми крышами как-то негостеприимно чернели в утреннем небе — за ними поднималось слепящее солнце. С севера городок (видимо, тот самый Пуэнт-а-Питр) был скрыт

невысоким скалистым мысом. За оконечностью мыса торчала колокольня с крестом. Правее, милях в трех, виднелась остроконечная башенка с галереей под крышей (Гриша разглядел ее в трубу, которую дал доктор). Скорее всего, это был маяк, который так мутно и неярко сигналил ночью. На другом берегу бухты, на западе, тоже милях в двух, белели домики крохотной деревушки.

Гладкая вода отливала перламутром. Над ней черными уродами торчали редкие скалы. Вляпайся в такую ночью — и конец плаванию.

Доктор оставил Грише трубу, а сам поднялся к офицерам, на мостик. Гриша же занял место в привычном закутке — у ведущего на ют трапа. Матросы, будто ничего не случилось, занимались утренней приборкой. Только не было слышно привычных веселых разговоров. А разговор офицеров был слышен Грише хорошо.

Смысл разговора сводился к тому, что следует уносить ноги. Смешно было рассчитывать на гостеприимство жителей французских владений, пускай даже владения эти — всего-навсего дальняя колония наполеоновского государства. Может быть, обитатели Гваделупы еще и не слышали о войне их метрополии с Россией, но рисковать не имело смысла. Да и что морякам

«Артемиды» было искать на этом кусочке суши, лежащем в цепи Малых Антильских островов? Им нужны были Большие Антилы — самый крупный остров этого архипелага, Куба.

— Есть два пути, — покашливая, говорил штурман Иван Данилович. — Вдоль восточного берега Бас-Тера спуститься на зюйд, обойти этот остров проливом Сент и затем через все Караибское море проложить курс к западной оконечности Кубы. Оттуда до Гаваны при нормальном ветре — суточный переход. Но в Караибском море интенсивное судоходство, и трудно будет избегнуть нежелательных встреч… Другой путь — вдоль южного берега Гранд-Тера обратно на восток, затем на север — между мысом Шато и островом Дезирад. А после, склоняясь к западу, мы сможем вернуться на прежний курс. Эта дорога более длинная, но более спокойная. А Караибские воды… право же, не знаю. Я здесь раньше не бывал, слышал только, что во все времена здесь хватало всякого рода пиратов.

Это была, кажется, шутка, офицеры коротко посмеялись. Потом капитан сказал, что путь на восток и на север, в обход Гранд-Тера, предпочтительнее во всех отношениях.

— Только бы не засвистело опять. Как вы счи-

таете, Иван Данилович, возможно такое?

— Все возможно… Однако Господь милостив, надо думать, что *так* больше не «засвистит»…

— Тем не менее пока не будем ставить стеньги, — решил капитан. — Большая парусность нам здесь все равно ни к чему. Не бухта, а ловушка. Придется лавировать среди этих каменных клыков.

— Воистину крокодилья пасть, а не бухта, — заметил мичман Сезаров, не чуждый литературных сравнений.

— Одно слово, «кю», — не удержался лейтенант Новосельский. Гардемарин Невзоров хихикнул и закашлялся (наверно, под взглядом командира).

Доктор сказал:

— Кстати, слово, столь полюбившееся Илье Порфирьевичу, имеет и другое значение — «дно мешка». «Сак», как известно, — «мешок». А «марен» или «марин» — это значит «морской». Маленький морской мешок, сачок. Нечто рыболовное…

— Годится, — заметил мичман Сезаров. — Дно сачка, которым французы при желании легко могут выловить мелкую русскую рыбешку…

— Господа, — *очень терпеливо* сказал Гарцунов. — Давайте же не упражняться в остроумии,

а решать, как выбраться из… этого мешка.

— У меня предложение, — деловито сказал лейтенант Стужин. — Не дожидаясь, когда подует какой-то ветер (еще неизвестно какой), воспользоваться веслами. Двигаясь на них и постоянно измеряя глубину, мы при скорости даже всего в один узел к вечеру достигнем изобаты в двадцать пять футов. Смотрите сами… Только надо держать не прямо на зюйд, а чуть к осту… Далее мы получим полную свободу маневра на безопасной глубине…

— Если нам никто не помешает, — вставил лейтенант Новосельский.

— Да кто же! — запальчиво воскликнул гардемарин Невзоров. — Неужто вы думаете, что аборигены, оснастив рыбачьи лодки, бросятся в погоню и возьмут нас на абордаж?!

— Как знать, — сказал Новосельский. — И тогда ваши мечты сбудутся.

— Господа… — опять сказал Гарцунов. — Ну, честное же слово… Иван Данилович, я все время разглядываю на карте перешеек с проливом. Как вы думаете, нельзя ли обогнуть мыс, пройти мимо городка и воспользоваться этой протокой? Мы очень скоро ушли бы из Караибского моря в Атлантику. Каких-то пять миль…

— Мысль эта — первое, что приходит в голову, — согласился штурман. — Однако же такой путь совершенно невозможен. Лоция утверждает, что протока подобна обычной мелководной реке и доступна лишь для рыбачьих лодок. Мелкие приливы гоняют по Ривьер-Сале воду туда-сюда, но ни в какой мере не прибавляют глубины… Да если бы даже и позволяла глубина, соваться туда без лоцмана — немыслимое дело, столько препятствий…

— Странно, что от берега не подходит ни одна лодка, — заметил Стужин. — Неужели здешние жители столь нелюбопытны?

— Возможно, с нашими укороченными мачтами мы издалека напоминаем местную рыбачью шхуну и не вызываем интереса, — предположил доктор.

— Нет худа без добра… — хмыкнул мичман.

— Какие бы ни были сейчас мачты, а флаг под гафель следует поднять, — вдруг сказал капитан. — только… какой, господа? Притворяться иностранцами как-то уже тошно. Да и кого мы обманем, если захотят проверить вблизи? Название с кормы не соскоблишь… Если андреевский — получится, что мы пришли сюда с военными целями. Значит, флаг Российско-Американской

компании? Выполняя ее поручения, мы имеем на него полное право.

— Может, никакой не подымать? — осторожно предложил Стужин. — Пусть, кому охота, ломают головы.

— Это вызовет лишние подозрения у тех, кто разглядывает нас с берега, — сказал капитан. — Кстати, флаг РАКа дет нам основания считать себя не военным, а коммерческим и научным судном…

Скомандовали построение на утреннюю молитву и подъем флага (удары колокола, свист боцманской дудки — все, как обычно; Гриша в строй, конечно, не пошел, только перекрестился несколько раз, слыша молитву издалека). Потом был завтрак (к утру успели приготовить горячую кашу и чай). И наконец последовала команда — готовить весла.

Здесь началось невезение.

Убранные под палубу весла-великаны во время урагана перекосились между бимсами и пиллерсами, кое-где своей тяжестью разворотили крепления и теперь застревали. Вытаскивать их пришлось очень долго. Наконец достали, закрепили на фальшбортах между орудиями — по пять с каждой стороны. К этому времени солнце сто-

яло уже высоко, близился полдень. И, кстати, ни одной лодки так и не появилось рядом с бригом. Лишь вдали, у самого берега, скользили туда-сюда суденышки с белыми треугольниками парусов.

Старший офицер Стужин скомандовал подъем якорей. Но тут обнаружилась новая напасть. Вертикальный барабан главного шпиля на баке — этакая круглая махина выше Гришиного роста, с ребрами для удержания каната и вставленными в верхнюю часть рычагами-вымбовками — отказался поворачиваться. Гриша не понимал, какое там устройство, но догадался: во время урагана что-то сместилось и заело на оси. Стужин сперва сдерживался, а потом начал орать на матросов и один раз даже съездил кулаком по заросшей скуле боцмана Дмитрича. Тот не обиделся — не до того было, — но, кажется, в свою очередь дал кому-то по уху…

На помощь к дюжине матросов, которые обычно вертели шпиль, кликнули еще полдюжины. Те тоже навалились на вымбовки-тогда барабан перекосило, что-то затрещало.

— Отставить! — тонким голосом завопил Стужин.

Начали рычагами приподнимать барабан. Гриша смотрел издалека: понимал, что к разо-

зленным неожиданной бедой морякам лучше не соваться.

Неподалеку стали появляться парусные лодки, но к бригу не подходили и не сигналили. Видимо, опасались чего-то. Из-за мыса появилась и ушла в море двухмачтовая шхуна без флага. Похоже, что Пуэнт-а-Питр, на две трети скрытый мысом, был все-таки приличным городом — с портом и причалами. Но разглядеть это из-за мыса было невозможно…

Со шпилем возились часа два. Пообедали спешно и нервно и опять взялись за работу. Наконец Дмитрич сказал Стужину:

— Кажись, встал как надо, вашбродь…

— Наконец-то… Ты это, Дмитрич, не злись на меня…

— Да чего там, вашбродь…

— Навались!

Навалились. Шпиль заскрипел, начал мотать на барабан канат левого якоря. И почти сразу раздался тревожный крик сигнальщика:

— На зюйд-осте у горизонта трехмачтовое судно!

2

К юго-востоку, примерно в миле от «Артемиды» лежал скалистый островок. Из-за него, видимый вдали, очень тихо выдвигался корабль. Похоже, что он шел лишь под верхними парусами, бомбрамселями, потому что ниже, у воды, воздух был по-прежнему неподвижен. Впрочем, это различимо было все лишь в подзорные трубы, а у Гриши в тот час трубы не было. Он различал вдали, на краю бухты, лишь несколько светлых пятнышек.

Вообще, следует сказать, что дальнейшие события складывались в сознании у Гриши скомканно — из услышанных отрывками разговоров, беспорядочно увиденных картин и лиц, а возможно, и просто из догадок. Лишь впоследствии события эти более или менее выстроились у него в памяти, и стало казаться, что все это он видел и слышал по порядку. В таком порядке и есть смысл продолжать рассказ.

…— Милях в четырех… — сказал кто-то на мостике.

— Флаг виден, господа? — спросил капитан.

— Не виден… Илья Порфирьевич, посмотрите в вашу трубу, она самая сильная…

— Виден, — сказал Новосельский. — Француз…

туда его…

— Фрегат. Пушек сорок, не меньше, — вставил мичман…

— Осадка немалая. Сюда едва ли он сунется, но и нас не выпустит, — сказал капитан.

— Но он тяжел, у «Артемиды» явное преимущество в скорости, — запальчиво возразил Митя Невзоров.

— Прежде, чем мы воспользуемся этим преимуществом, он превратит нас в труху, — разъяснил задорному гардемарину Новосельский. — У него каждое орудие стоит полдюжины наших. И по мощности, и по дальнобойности…

— Стал… — сказал Стужин. — Кажется, отдал якорь.

Капитан Гарцунов произнес неторопливо и увесисто:

— Прежде чем сделать дальнейшие приказания, мне хотелось бы услышать ваше мнение, господа: как нам поступить в этом положении?

По традиции полагалось высказываться, начиная с младшего по званию. Митя Невзоров еще не был офицером, но, кажется, уже привык считать себя таковым.

— Прежде всего, мне кажется, следует зарядить карронады и раздать команде ружья, — заявил

он.

Капитан чуть поморщился:

— Вы забыли, что это уже сделано… Вопрос в том, следует ли нам начать движение к выходу из бухты для попытки прорыва или ждать действий противника?… Мичман?

— Полагаю, что следует ждать, — высказался мичман Сезаров. — Они спустили шлюпку и, судя по всему, желают нанести нам визит… Кто знает, может быть, у них есть сведения об окончании войны?

— Ага, держи карман, — буркнул Новосельский.

— А откуда они здесь вообще знают про войну? — ворчливо спросил доктор. — Скорее всего, мы первое судно, которое пришло сюда из Европы после начала конфликта.

— Ну, не скажите, — возразил капитан. — Пока мы расталкивали веслами архангельские льды, многие европейцы еще в марте наверняка успели отправиться в Америку. Из южных гаваней. Со свежими вестями…

Доктор стоял у самой балюстрады, огораживавшей ют. Гриша поднялся до середины трапа, подергал доктора за брючину.

— Петр Афанасьич, можно вашу трубу? На ми-

нуточку…

— Возьми, голубчик…

В трубу показалось, что шлюпка совсем недалеко. Она была похожа на тяжелого жука, ползущего по ровной поверхности лилового стола — равномерно шевелила веслами-лапками. Можно было разглядеть, что гребцы — матросы в одинаковых синих курточках и шапочках с помпонами. На корме стоял, покачиваясь, офицер в треуголке и эполетах. За ним, при каждом взмахе весел, дергалось на коротком древке полотнище белого флага.

«Белый флаг — это ведь просьба о перемирии, о переговорах, — сообразил Гриша. — А перемирие — оно ведь на короткое время, когда настоящего мира нет. Значит, и правда война…»

Всем казалось, что шлюпка еле ползет. Оно и понятно: четыре мили для гребного суденышка — это около часа хода. Но наконец шлюпка оказалась вблизи, и видно стало: движется она быстро — бурунчики у форштевня.

— Спустить трап, — скомандовал лейтенант Стужин. С борта полетели два каната с вплетенными в них выбленками.

Шлюпка подошла, встала бортом, гребцы вскинули весла вверх лопастями. Офицер (невысокий,

кругловатый, но ловкий) без труда поднялся, почти взбежал, по трапу, прыгнул на палубу, отодвинул в сторонку двух собравшихся было помочь ему матросов. Встал прямо, поднял к треуголке два пальца. Капитан Гарцунов — уже в парадном мундире, с эполетами и при сабле — шагнул навстречу, коснулся пальцами козырька фуражки.

— Лейтенант французского фрегата «Брюн торо» Пьер Рошар, — сказал француз (естественно, по-французски). — Имею честь приветствовать храбрых русских моряков в водах наших владений.

Гарцунов, конечно, понял его, но оказавшийся рядом доктор перевел лейтенанта Рошара — видимо, для пущей солидности. Перевел и название фрегата — «Коричневый бык». Капитан кивнул. И вопросительно молчал. Француз заговорил снова:

— Командир фрегата капитан Мишель Франсуа де Ансу просит командира российского брига и одного из офицеров пожаловать на борт нашего судна. Капитан гарантирует гостям полную безопасность и благополучное возвращение на бриг.

Доктор перевел снова. Наступило молчание.

Гарцунов по очереди посмотрел на офицеров. Потом решил:

— Надо ехать, господа. Негоже демонстрировать боязнь перед лицом неприятельского флота… Да и выхода, похоже, нет…

— Это ловушка, — сумрачно усомнился лейтенант Стужин.

Француз улыбнулся, шевельнул черными усиками и вдруг сказал по-русски:

— Это не есть ловушка, месье. Слово чести.

— Владимир Игоревич, вы отправляетесь со мной, — сообщил Гарцунов мичману Сезарову. — Александр Гаврилович, вы остаетесь за командира. В случае моего невозвращения через три часа берете на себя полную власть и действуете в соображении с обстоятельствами… Лейтенант Рошар, — добавил он по-французски, — мы к вашим услугам…

Гриша слышал разговор, но французских фраз не понимал (уроков с Митей Невзоровым и доктором оказалось явно недостаточно). Однако он разобрал: «Капитан Мишель Франсуа де Ансу»… Ансу!

Изящный, улыбчивый злодей словно оказался рядом… Да, конечно, никакого палача-скрипача Ансу на свете никогда не было, Гриша это пони-

мал! Но одно лишь совпадение имен показалось зловещей приметой. И прежние, давящие душу страхи — более сильные, чем простое ожидание боя, гибели или плена, — опять навалились на Гришу.

...И страхи эти не отпускали его до возвращения капитана. Гриша ушел в каюту, съежился на койке — не было желания смотреть на чужие берега и скалы. Чтобы унять тоскливую тревогу, Гриша стал вспоминать «ту самую» музыку:

Тронет пружинку стальной волосок —
Где-то проснется лесной голосок,
Шелест листвы,
Шорох травы...

Стало полегче, спокойнее, но полностью страх не ушел. И когда снаружи раздались плеск весел и голоса, говорившие о возвращении капитана, Гриша выскочил наружу, вздрагивая от всяких ожиданий.

3

Было не по себе, стыдно, и все же он не удержался — пробрался в кают-компанию, где собрались офицеры (и Митя, и доктор, конечно). Устроился

между спинкой длинного дивана и стенкой с кормовыми окнами. «Если заметят, скажу, что искал потерявшегося кнопа…» Впрочем, едва ли бы его выгнали, понимая, как натянуты нервы мальчишки…

Капитан сказал, усмехаясь:

— Французы и в самом деле весьма галантные люди. Капитан Ансу — не исключение…

Далее Гриша услышал рассказ о пребывании Николая Константиновича на фрегате — рассказ, показавшийся сперва не во всем понятным, но после сложившийся в более или менее связную историю. Вот она…

Капитан фрегата приветствовал русского командира и его спутника с безукоризненной вежливостью, представил своих офицеров. Приказал принести вина («Кстати, прекрасное вино, не правда ли, мичман?»). Поднял тост за счастливый случай, давший возможность принять у себя российских мореходов.

— Но… — сказал он, ставя бокал, — обстоятельства войны вынуждают нас коснуться и неприятной темы. Поскольку мы, волею политиков, оказались нынче в роли противников, необходимо решительно и не роняя достоинства развязать этот узел.

Кстати, по словам Николая Константиновича, капитан Ансу был высок, строен, горбонос, имел бородку клинышком и похожие на стрелки усы. Он все время сдержанно улыбался. С этой улыбкой он и продолжил речь.

Ввиду того, что силы противников несравнимы, сказал Ансу, благоразумнее всего русским было бы сдать бриг французам, которые вправе рассматривать «Артемиду» в качестве приза. Это позволило бы избежать бессмысленного кровопролития.

— Разве вы — капер? — не сдержался Гарцунов.

— Конечно же, нет! Мы — военный фрегат Антильской флотилии, чьей задачей является охрана здешних французских вод… в которые вы столь неосмотрительно вошли. Впрочем, и в нейтральных водах ситуация оказалась бы такой же. Только у вас была бы возможность уйти от преследования. А здесь — увы…

— Если вы не капер, то почему речь идет о призе? Уместнее было бы употребить слово «трофей»…

— Вы правы, я неточен в терминологии. Однако же это не меняет сути.

— В чем-то меняет, — возразил Гарцунов. — Вы

могли заметить, что мы несем флаг Российско-Американской компании, в данном случае мы — коммерческое и экспедиционное судно. В связи с международными правилами, такие суда, в случае военных конфликтов, не подлежат задержке и захвату.

— Ну-у, господин капитан второго ранга, — снисходительно произнес Ансу (мы, мол, прекрасно понимаем друг друга). — Вы в военной форме и при оружии, а смена флага — минутное дело. Стоит ли утомлять друг друга пустыми формальностями…

Гарцунов понимал, что француз прав. И все же возразил снова:

— Наше плавание не содержит никаких военных задач. Мы не вели разведки, не собирались участвовать в баталиях. Доказательством нашей совсем не военной миссии служит и тот факт, что у нас на судне ребенок.

Ансу удивленно приподнял брови, но тут же воскликнул:

— Тем более, господин капитан! Вам было бы просто грешно подвергать ребенка смертельной опасности. И сдача брига при таких обстоятельствах ничуть не уронит вашей чести… Я гарантирую господам офицерам и команде безопасность

и доброе отношение, вы будете доставлены в порт Бас-Тер, где получите возможность на первом же нейтральном судне вернуться на родину, никто не станет держать вас в плену. Офицеры сохранят личное оружие…

— Это очень любезно с вашей стороны, месье, — отозвался Гарцунов. — Однако же у русских офицеров принято сохранять оружие для боя, а не для пустого этикета.

Мичман Сезаров, безукоризненно владеющий французским, на всякий случай перевел эту фразу.

Капитан Ансу впервые проявил раздражение (правда, еле заметное):

— Вы что же, рассчитываете повторить подвиг брига «Меркурий»? Но такая удача выпадает раз в тысячу лет!.. Гораздо разумнее поступил капитан Стройников, когда, окруженный турецкой эскадрой, сдал фрегат противнику.

Видимо, французский капитан неплохо знал морскую историю.

— Решение Стройникова — дело его совести, — раздельно произнес Гарцунов (так внятно, что перевода не требовалось). — Я же и мои офицеры, владея полным боезапасом и четырьмя десятками отнюдь не робких матросов, едва ли сочтем

возможным спустить флаг без боя.

Французский капитан, в свою очередь, не считал возможным упустить добычу, так счастливо для него угодившую в капкан.

— Я мог бы, — сообщил он с доверительной ноткой, — посадить на шлюпки десант и взять ваш кораблик на абордаж. Людей у меня достаточно. Только это привело бы к ненужным потерям… Я мог бы высадить часть людей на сушу, и они, добравшись до Пуэнт-а-Питра, могли бы создать группы захвата из добровольцев, которые атаковали бы бриг на рыбачьих лодках. Но, признаюсь честно, я не очень доверяю местному населению. В основном это негры и мулаты, бродяги и разбойники. Предпочитаю воевать своими силами… Должен предупредить, что уйти под покровом ночи вам не удастся. Я блокирую бухту боевыми группами на шлюпках и буду регулярно жечь фальшфейеры.

— Я не сомневаюсь, что вы искусный командир, — Гарцунов хотел сказать это с язвительной ноткой, но получилось просто печально. — Мне в любом случае необходимо время, чтобы собрать совет офицеров и принять окончательное решение…

— Я охотно дам вам время на размышления. До

завтрашнего утра. Честь имею…

— Честь имею.

— Таковы обстоятельства… — закончил Гарцунов сообщение офицерам. — Ваше мнение, господа?

— Да какое может быть мнение? — воскликнул гардемарин Невзоров. — Будет к вечеру ветер — пойдем под ветром! Заранее только надо поставить стеньги и брам-стеньги. Не будет ветра — пойдем на веслах. Сразу не разглядят, несмотря на фальшфейеры! Приблизимся, дадим залп всем бортом! А там, глядишь, и уйдем! Стоит вырваться на чистую воду…

— На сей раз гардемарин рассуждает здраво, — заметил лейтенант Новосельский.

— Я всегда рассуждаю здраво!.. Виноват, господин лейтенант…

— Шансов — один из десяти, — сказал Стужин.

— Следует расставить всех свободных от парусов матросов с ружьями вдоль борта, — вставил слово мичман.

— А мне дадут ружье? — тонко и громко спросил Гриша.

Он давно уже, не скрываясь, стоял за диваном, его не замечали. Теперь заметили.

— Еще не легче, — сказал штурман Иван Да-

нилович. — С мальчиком-то что делать? Убьют ведь…

Навалилось молчание.

— Видимо, так, — заговорил наконец командир. — Следует спустить шлюпку. Вы, Петр Афанасьевич, съедете с мальчиком на берег, в Пуэнт-а-Питр. Понимаете, что мы идем на смертельное дело… В любом случае — уцелеем или нет — сюда вернуться уже не сможем. Ваше дело будет добраться с Гришей до какой-нибудь гавани, куда заходят нейтральные суда…

Гриша обмер.

— Николай Константинович… — будто через силу сказал доктор.

— Слушаю вас, Петр Афанасьевич.

— Я — врач. Пока я здесь, на судне под российским флагом, я не могу оставить тех, кто пойдет в сражение. Там наверняка понадобится моя помощь. И… не приказывайте мне. У вас — капитанский долг, у меня — врачебный…

Опять стало тихо.

— Тогда… — глядя в стол, выговорил Гарцунов, — я попрошу вас отвезти Гришу на берег и как-то устроить там. С просьбою отыскать возможность отправить мальчика на родину. Глухое место, но не людоеды же здесь. В конце концов,

есть, наверное, священник… Потом — возвращайтесь.

— Нет! — совсем тонко и со всхлипом вскрикнул Гриша. — Нет!.. Ну, пожалуйста… пожалуйста-пожалуйста, не отсылайте меня! Я умею стрелять! Я дома стрелял из ружья на пятьдесят шагов и попадал в бутылки. А французы больше бутылок!..

Лейтенант Новосельский вдруг мелко засмеялся, но вмиг оборвал смех.

— Гриша… — очень мягко сказал Гарцунов. — Сейчас не до споров. Командиры не имеют права подвергать детей смертельному риску. Дети не воюют…

— А как же юнги?! Они воюют, я читал!.. Запишите меня обратно! Хоть на два дня!.. Ну, не бросайте меня!

Все, что было вокруг, теперь казалось таким родным! Расстаться с бригом было страшнее смерти. А самой смерти Гриша сейчас ни капельки не боялся!

Он подумал и проговорил с твердой верой, что сделает, как обещает:

— Если отошлете с брига, я утоплюсь. Честное слово… Вот ей-Богу… — Он перекрестился.

— Гриша, я не вправе… — глухо повторил Гарцунов. — Я отвечаю перед твоими… родными…

— Но… так же нельзя! Вот вы говорите… бриг — российский, доктор — российский… А я ведь тоже… Ну, пусть не юнга, но ведь я же… российский мальчик! За что вы меня так?… — Он заплакал.

Непонятно, какое решение принял бы командир брига. Неясно, что сказали бы офицеры. Но бывает, что в тяжкие моменты приходит на выручку неожиданное счастье. Пусть непрочное, короткое, но все же…

В дверь кают-компании сунул голову Егор Плюхин, вестовой капитана.

— Вашвысокбродь! К борту лодка подошла с берега, там старик какой-то, вроде рыбак. А с ним мальчонка. Старик маячит, что непременно ему надо к капитану…

— Сейчас выйду… Хотя зови сюда, — устало сказал Гарцунов.

Часть III
БРАТИШКА
ЛОЦМАН

1

Гость был высокий, худой и старый. Темноко-

жий. На морщинистых впалых щеках блестела седая щетина. Спутанные крупными кольцами волосы тоже были седыми. И брови. Он глянул из-под бровей неожиданно светлыми глазами — на всех по очереди — склонил и тут же поднял голову. Был он в сизой, выцветшей добела куртке с металлическими пуговицами, мятых холщовых брюках, разбитых башмаках с пряжками. Держался старик очень прямо.

Рядом со стариком стоял (почти прижимался) кудлатый босой мальчик лет семи. Похожий на цыганенка (Гриша видел цыганят в Москве), тощенький и, видимо, испуганный. Поглядывал снизу вверх на старика, брался за его штанину, но тут же, словно спохватившись, ронял голову, опускал руки и начинал дергать коротенькие, выше колен, штаны — их обтрепанные края торчали из-под широкой замызганной рубашонки. Поверх нее на мальчике была рваная безрукавка — такой крупной вязки, что казалась куском рыбачьей сети. Коричневые птичьи ножонки мальчика были в длинных светлых царапинах.

В старике-мулате, несмотря на обтрепанный вид, угадывалось что-то *такое*… офицерское. И командир брига поднялся ему навстречу.

— Чем могу быть полезен… месье?

Старик хрипловато заговорил в ответ. Судя по всему, тоже по-французски, но с каким-то странным акцентом. Тем, кто его не понял, Гарцунов перевел:

— Этот… господин просит у меня аудиенцию. Ссылается на дело крайней важности.

— Николай Константинович, он проткнет вас какой-нибудь здешней отравленной колючкой, — сказал мичман Сезаров. Почти всерьез. Остальные не отозвались, но было видно, что они склонны разделить опасение мичмана.

— Полноте, господа, я же не дитя, — чуть улыбнулся капитан. И кивнул гостю: — Прошу…

Каюта капитана была в двух шагах от кают-компании. Он вышел, оглянулся, жестом приглашая старика. Тот шагнул следом, а мальчик — вместе со стариком (снова уцепился за штанину). И скрылись за капитанской дверью.

Наступила тишина.

— Господа, не нравится мне это, — веско произнес гардемарин Невзоров. Остальные молчали. Но в их молчании Митя не уловил осуждения, скорее — согласие.

А Грише… ему это, пожалуй, нравилось. Почудилось вдруг, что появление старика может изменить события и каким-то образом заставит

командира не убирать Гришу с брига. Надежда была слабая, нелепая даже, но ведь в беде ищешь любую лазейку…

Прошло несколько минут. Дверь в коридорчик была открыта, и через нее офицеры то и дело поглядывали на дверь капитанской каюты. Она вдруг тоже открылась, Гарцунов сказал с порога:

— Петр Афанасьевич, соблаговолите зайти к нам…

Доктор торопливо вышел и скрылся в капитанской каюте.

— Ну вот, — заметил лейтенант Новосельский. — Колючка уже воткнута, понадобился врач…

— Тьфу на вас, Илья Порфирьевич, — в сердцах отозвался штурман. Все вежливо посмеялись.

Капитанская дверь открылась опять, в ней показался доктор, он придерживал за плечо мальчика.

— Гриша, подойди сюда…

Гриша рванулся в коридорчик, словно решалась его судьба.

— Голубчик, у нас просьба, — объяснил Петр Афанасьевич. — Развлеки как-нибудь маленького гостя. Поиграй с ним, пока мы беседуем…

Гриша ошеломленно заморгал. Какие игры!

До того ли ему сейчас! Но доктор вдруг добавил вполголоса:

— Ты не тревожься. Я уверен, что никто тебя не уберет с брига…

Сразу все расцвело вокруг. И замызганный цыганенок показался славным таким и даже знакомым. Будто один из младших приятелей с Ляминской. Он вопросительно улыбнулся, раздвинув потрескавшиеся губы.

— Идем, — сказал Гриша. За руку (тощенькую, невесомую) вывел мальчика на горячую от солнца палубу. Без смущенья взял его за плечи, повернул к себе лицом. Тот все еще осторожно улыбался (и крупные зубы его были очень белыми).

Понятно, что мальчик по-русски «ни бум-бум». А какой у них здесь, на Гваделупе, язык? Французский? Но Гриша по-французски если и «бум-бум», то всего десяток фраз… Ну и ладно! Как-то объяснялся же он с мальчишками и Анной на Флореше, хотя по-португальски — вообще ни слова!

Мальчик перестал улыбаться и теперь смотрел с тревогой. Глаза его оказались неожиданно светлыми, хотя похоже, что была в мальчишке (как и в старике) какая-то доля негритянской крови.

Гриша старательно ткнул себя в грудь указа-

тельным пальцем:

— Я — Гриша. — И повторил: — Гри-ша…

Мальчик понятливо закивал:

— Гри-ша…

— А ты? — с подчеркнуто вопросительной интонацией Гриша указал на грудь малыша. Тот опять закивал, тоже ткнул себя пальцем:

— Поль…

— Поль… это хорошо, — сказал Гриша. Сразу, толчком, вспомнилось поле под Туренью. Вернее, широкая, усыпанная белыми и желтыми ромашками поляна. И… песенка про дрогнувшую от стального волоска пружинку…

— Поль… Это, иначе говоря, Пауль. То есть Павел, да? — Гриша весело перебрал похожие имена из прочитанных когда-то книжек: — Поль, Пауль, Паоло, Павел, Павлик… Пав-лушка… Ты — Павлушка!

Маленький Поль улыбчиво согласился:

— Пав-лушка…

— Вот и хорошо!.. Идем! — Он за руку притащил Павлушку в свою каютку, выхватил из-под подушки подаренную капитаном тетрадь — там было еще немало чистых листов. Гриша выдернул два листа и так же быстро вернулся с Полем на палубу. Тот охотно слушался.

На палубе шла обычная работа. Кто-то драил медные кнехты у фальшборта, кто-то разбирал бухты запасного такелажа, кто-то распутывал снасть на кофель-планках. Словно и не было поблизости врага (а фрегат капитана Ансу по-прежнему маячил на краю бухты Пти-Кю-де-Сак-Марен). Гриша нашел место на палубе в тени правого фальшборта. Потянул Павлушку:

— Садись… Смотри…

Он привычными движениями смастерил бумажную птичку. Павлушка следил за ним, тихонько дыша у плеча. Гриша взял птичку двумя пальцами, толкнул перед собой. Она плавно прошлась над палубными досками, потом взмыла на взмахе ожившего ветерка, облетела грот-мачту и села на выступ ближнего орудийного станка. Поль-Павлушка рассмеялся рассыпчато, будто провели пальцем по висящим в ряд бубенчикам. Потянулся было к вернувшейся пташке, оглянулся на Гришу: «Можно?»

— Бери, бери, — закивал Гриша.

Павлушка взял, оглянулся опять.

— Запускай, — сказал Гриша и подтвердил это взмахом.

Павлушка мягко толкнул птичку в воздух. Она, как и в прошлый раз, пошла по кругу. Несколько

матросов проследили за ней, усмехаясь и одобрительно покачивая головами. Птичка вернулась почти на прежнее место, к катку карронады.

Малыш взял ее, как живую.

— Гри-ша… Хирандель…

Гриша не понял, но кивнул:

— Да, ласточка. — (После оказалось, что он догадался правильно.)

— Смотри, как надо делать, — сказал Гриша и стал разворачивать бумажную птаху. (Павлушка мигал — кажется, встревожился.) — Не бойся, я же просто показываю… Вот, складывай теперь сам… — Он взял тоненькие, с поцарапанными суставами, пальцы Павлушки, вложил в них листок. — Сгибай по готовому…

Павлушка понял — часто задышал и стал старательно сгибать. Он посапывал совсем рядом, его спутанные пряди щекотали Гришино ухо. Показалось вдруг, что они пахнут, как сухие теплые водоросли на острове Флореш. Иногда Павлушка оглядывался: «Правильно?»

— Правильно, правильно… Подожди, теперь вставим хвост… Ну вот, запускай опять…

И Павлушка запустил. На этот раз «хирандель» полетела вдоль палубы, к фок-мачте, и легла прямо под ноги боцману Дмитричу. Павлушка

испуганно прижался к Грише. Да и сам Гриша слегка оробел: не сочтет ли боцман эту игру нарушением корабельного порядка?

Дмитрич крякнул, заскорузлыми пальцами поднял бумажную ласточку, будто живую, принес ребятам, отдал Грише, а Павлушку погладил по космам:

— Эх ты, кроха… — и пошел, косолапя, по своим боцманским делам.

Павлушка сначала сжался, потом осмелел, вопросительно глянул на Гришу и пустил ласточку опять. На этот раз бумажной птахе не повезло. Сначала она взлетела высоко и красиво, однако теплый ветерок подхватил ее и унес за борт. Далеко унес. Там ласточка описала круг (прощальный!) и легла на мелкую зеленоватую зыбь. Мальчики подскочили к фальшборту. Планширь был Грише по плечи, а Павлушке — до подбородка. Павлушка встал на цыпочки, глянул на воду, а потом на Гришу — округлившимися глазами: «Ты не сердишься?»

— Не беда! — утешил Гриша. — Смастерим сейчас другую… Попробуй сам…

Павлушка понял и стал «пробовать». Не очень умело. Гриша помогал ему, и они перепутывались пальцами и смеялись (Павлушка несмело, а

Гриша ободряюще). Наконец новая птичка была готова. Но в этот момент из двери кормовой надстройки послышался голос доктора:

— Гриша! Мальчика зовет его дядюшка! — И добавил что-то по-французски (видимо, для Поля). Тот сразу увял, поднялся с корточек, глянул потерянно. А Гришу резануло: «Этот что же? Сейчас так и расстанемся? Навсегда?»

Казалось бы, *что* ему этот кудлатый, тощий, как цыпленок, малыш. Виделись-то всего полчаса. Однако вот сразу застряла внутри заноза…

Доктор подошел, прихватил Поля (осторожно, как кузнечика) за плечо, чтобы повести с собой. Павлушка оттянул на животе подол, хотел сунуть под него птичку, потом спохватился, глянул с просьбой: «Можно?»

— Возьми, конечно, — сказал Гриша с неожиданным комком в горле. Доктор повел Поля к капитанской каюте, вдвинул в дверь, прикрыл ее за мальчиком. А сам шагнул к кают-компании. Гриша секунду поколебался и нырнул следом.

2

На него не обратили внимания — смотрели на доктора. И Гриша бочком, бочком пробился на прежнее место, за спинку дивана.

Капитан был уже за столом, вместе с офицерами. Сказал, не вставая:

— Объясняю происшедшее, господа. Буду краток, поскольку времени мало. Наш гость сделал неожиданное предложение. На первый взгляд — фантастическое. Он предлагает провести «Артемиду» протокой Ривьер-Сале на другую сторону перешейка, в бухту Гран-Кю-де-Сак-Марен. Чтобы избавить нас от фрегата капитана Ансу… Да, такого еще не случалось, суда нашего размера никогда не ходили этим запутанным, заросшим, полным камней проливом, только рыбачьи лодки. Это отмечено и подчеркнуто в лоции. Но у нас, по сравнению с другими бригами, весьма малая осадка. Узнав, что не более семи футов, полковник сказал: «Иль эст посибль», то есть «это возможно»…

— Полковник? — вырвалось у Мити.

— Да… Он сообщил свое имя — Шарль Шато, — но заметил, что лучше называть его Полковником, так он привык. Судя по всему, он в давние времена был офицером одной из повстанческих армий. Но не в том суть. Он обещает провести нас через Соленую Реку, а затем мимо всех опасностей Большой Кю-де-Сак. Это дает нам шанс… в то время, как восемь наших малюток-карро-

над против сорока пушек «Коричневого быка» шансов почти не дают… Мы, конечно, можем погибнуть со славою, но не надо забывать, что цель не в этом. Она — в выполнении нашей миссии в Гаване… — и капитан почему-то взглянул на гардемарина Невзорова. А тот почему-то порозовел.

— Простите, Николай Константинович, — осторожно вошел в разговор лейтенант Стужин. — Вы понимаете, что неизбежны вопросы… если позволите… — (Капитан кивнул.) — Вы верите этому человеку?

— Да, вопрос… — Гарцунов постучал костяшками о стол. — Скорее верю, чем нет. И Петр Афанасьевич тоже… Я потому и попросил присутствовать при разговоре не Владимира Игоревича с его блестящим французским… — капитан слегка кивнул мичману Сезарову, — а доктора, поскольку медики лучше нас разбираются в человеческих душах… А совсем без переводчика оказалось беседовать затруднительно, хотя поначалу Полковник настаивал, чтобы один на один… У него странный, очевидно, местный выговор, и мы с Петром Афанасьевичем даже вдвоем не всегда сразу понимали собеседника… Но разобрались…

— А не скажет ли Петр Афанасьевич, в чем при-

чина возникшего доверия? — спросил лейтенант Новосельский. Кажется, со спрятанным раздражением (или подозрением).

— Прежде всего, он ненавидит французов, — ответил за доктора капитан. — Говорит, что есть причины…

Мичман Сезаров потер гладко выбритые щеки.

— Но ведь говорить можно что угодно… А если он затащит нас в ловушку, из которой мы ни туда и ни сюда?

— Но мы и так в ловушке, — возразил Гарцунов. — Какой смысл Полковнику жертвовать своей, пускай и совсем старой жизнью, чтобы загнать нас еще глубже? Ведь он отдает себя нам в заложники и понимает, что в случае измены живым не уйдет… Понятно, если бы у него были счеты с русскими, но он видит нас впервые. За что же ему губить нас?

— Чужая душа — потемки, — заметил штурман Иван Данилович. — И путь по Ривьер-Сале-тоже потемки. Еще неизвестно, пройдем ли…

— Если старик честен, то, видимо, пройдем, — вмешался доктор. — А быть нечестным нет у него никакого резона…

— То есть? — спросил лейтенант Новосельский.

— Дело как раз в причине, которая движет им… — проговорил Гарцунов.

Новосельский хмыкнул:

— Он что, много запросил в награду?

Капитан чуть поморщился.

— Доктор, объясните вы… Я же говорю, этот вопрос для знатоков человеческой натуры.

— Какой я знаток… — поморщился доктор. — Да и вопрос не столь уж сложен. Полковник не просит ни денег и… ничего такого. Он сказал: «Спасите ребенка…»

Естественно, все молчали — с удивлением и вопросом. И доктор продолжил:

— Речь идет о мальчике, которого привел старик… За мальчиком охотятся… Помните, я рассказывал о событиях восемьсот второго года, когда триста солдат — негров и мулатов-под командой полковника Луи Дельгре взорвали себя в форте на склоне вулкана Матуба? Часть родных полковника, видимо, погибла, но кое-кто — из тех, кого не было в форте — остались живыми. Не знаю, какая уж там степень родства, но этот мальчик — один из потомков Луи Дельгре. Кажется, единственный из оставшихся в живых…

— И кому он помешал? — недоверчиво спросил мичман Сезаров.

— Трудно это понять из короткого рассказа нашего гостя. Дело, кажется, вот в чем… Многие на Гваделупе чтят погибших в форте — и прежде всего Луи Дельгре — как героев. Но похоже, что это почитание такое… официальное, что ли… А есть люди-то ли секта какая-то, то ли клан, — которым ненавистна память о Луи Дельгре. Они убеждены, что он — виновник гибели трехсот человек. Мол, то ли он вынудил их пойти на самоубийство своим командирским приказом, то ли толкнул на этот шаг каким-то колдовским внушением… Здесь немало намешано фанатизма и суеверий. Люди эти считают, что с той поры виновником всяких бед на острове стал дух Дельгре. Иначе они называют его «Матуба» — по имени вулкана. В ураганах и плохих урожаях, во вражде разных групп и эпидемиях, в неудачной рыбной ловле и несчастных случаях — во всем виноват Матуба. А существует Матуба этот не сам по себе, он воплощен в потомках того злосчастного командира форта. И пока хоть кто-то близкий по крови полковнику Дельгре живет на острове, людей будут преследовать всякие беды. Так утверждают эти «охотники за Матубой»… Это длится уже полвека. Охотники, видимо, не дремали все это время, и «носители Матубы» по-

вывелись. Но всякий клан ищет жертв для своей веры. Если нет настоящих, их придумывают… Едва ли мальчик — настоящий потомок мятежного полковника. Скорее всего, фанатики избрали его случайно — для поддержки, как говорится, угасающего вдохновения… Началась охота по всему острову. Добрые люди прятали ребенка, а изверги выслеживали… Подробностей наш гость не излагал, мало времени. А суть такова. Какое-то время назад мальчик оказался у старика. Полковник — авторитет у местного населения. Пока он жив — для ребенка прямой опасности нет. «Но, — сказал Полковник, — жив я буду уже недолго. И, когда меня не станет, не станет и моей власти над здешними людьми. Их страх перед „охотниками за Матубой“ станет сильнее желания рисковать ради чужого ребенка. В конце концов, кто он такой для них?…»

— Ну а мы-то… чем можем быть полезны этому туземному полковнику и мальчику? — как-то кисло спросил старший офицер Стужин. В голосе его так и слышалось: «Мало того, что вляпались в ловушку, так еще должны заниматься всякой ерундой…»

— Полковник просит, чтобы мы увезли мальчика с Гваделупы, — сказал доктор.

— Куда? — спросил Стужин, сдерживаясь.

— Куда угодно. Подальше от острова. Он думал, что мы пойдем в Европу, и говорил о каком-нибудь монастырском приюте для детей в одной из европейских стран. В Испании, в Италии… А когда узнал, что наш путь на Кубу, обрадовался: «Это не составит для вас труда. Устройте там мальчика в какую-нибудь обитель. Там его не будут искать. Да он и не станет никого интересовать, если покинет остров…»

— Мало нам других забот, — сказал лейтенант Стужин и дернул себя за бакенбарды.

— Но Александр Гаврилович, — тихо сказал штурман. — Ребенок же…

«Сейчас Стужин скажет: „Мало нам хлопот с одним ребенком…“» — мелькнуло у Гриши. Но вмешался капитан:

— Условие не столь уж трудное. И его следует учитывать, если принимать предложение Полковника. Вопрос в ином: следует ли это предложение принимать?

— Думаю, что не следует, — веско произнес лейтенант Новосельский. — Мальчишка может быть просто уловкой, чтобы разжалобить наши чувствительные души. Кончится же тем, что мы въедем в заросшую джунглями протоку, а из

джунглей попрыгают на бриг две сотни размалеванных воинов в банановых юбках, с копьями и этими… тамтамами… Я не хочу быть съеденным живьем. И в жареном виде не хочу…

— Но Илья Порфирьевич… здесь все же не Новая Гвинея, — вмешался доктор. — Все же христианская цивилизация…

— Оно и видно, — сказал мичман Сезаров. — Матуба всякая…

— Ну, дикость встречается везде, — возразил доктор. — Даже у нас на родине.

— Но там меня ни разу не ели, — вспомнил Новосельский.

— Но и здесь пока не ели, — усмехнулся доктор.

— Вот именно, что пока…

— Господа, — сказал Гарцунов. — Давайте к делу, а?

— А мы о деле, Николай Константинович, — тряхнул рыжей шевелюрой Новосельский. — Взвешиваем обстоятельства… Лично у меня не вызывают доверия темнокожие полковники в драных штанах… Этакие аристократы из туземных племен…

— И напрасно, Илья Прокофьевич, — возразил доктор. — Полвека назад освободительные войны

на Антилах подарили истории немало выдающихся личностей с темной кожей. В том числе полковников и генералов. На острове Гаити был даже император-негр, Дессалин. И правил весьма недурно, пока его не убили белые плантаторы…

— Мир праху его, — сумрачно добавил Гарцунов. — Однако же вернемся к нашим делам…

— Да ведь решение-то принимать вам, Николай Константинович, — напомнил мичман.

— Естественно… Однако до того момента мне хотелось бы выслушать ваши здравые суждения… а не анекдоты. Извините, господа… Кстати, сейчас ваши сомнения еще более усилятся. Полковник сказал, что для уменьшения осадки полезно будет сгрузить карронады на туземные лодки, которые пойдут впереди брига…

— А потом уйдут далеко вперед, расставят наши орудия у выхода из пролива и встретят нас салютом. Из картечи, — закончил Стужин. Он уже не прятал раздражения.

— Как они без станков-то… — напомнил штурман.

— Как-нибудь, — разъяснил Новосельский. — Дикари изобретательны… Ну, в самом деле, Николай Константинович! Какие гарантии, что это не западня?

— Никаких, — сказал Гарцунов. — Кроме честного слова старого полковника и его честных глаз. И его тревоги за мальчика, которая показалась мне большой и искренней…

Тревога за мальчика заставляла страдать и Гришу. Тревога за маленького кудлатого Павлушку. И уж он-то, Гриша, ни на миг не усомнился в благородстве полковника Шарля Шато. Поль, конечно же, должен быть спасен! Мало того, у Гриши глубоко внутри царапнулась одна догадка — она тут же скомкалась, забылась, но оставила похожий на солнечное пятнышко след. Стараясь ухватить эту догадку, как желтую бабочку, в ладони, Гриша перестал на минуту слушать офицеров. А потом спохватился, вновь навострил уши.

— …Если кого-то интересует мое мнение, — по-мальчишечьи звонко говорил гардемарин Невзоров, — то я все же предпочел бы сражаться с французами…

Капитан опять постучал пальцами по столу. И наконец выговорил:

— Я тоже… Но при одном условии, гар… дорогой мой Митя… Если вы съедете на берег, купите у рыбаков лодку с парусом, возьмете пакеты, которые мы везем в Гавану, пройдете через Карибское море и доставите документы по месту

назначения… Боитесь, что не получится? И я боюсь… Мы все время забываем о нашей главной задаче, господа. А без ее выполнения все, что мы делаем, теряет смысл…

— Оно так… — после общего недолгого молчания сказал штурман Иван Данилович.

Капитан встал.

— В протоке пойдем, разумеется, на веслах. Александр Гаврилович, готовьте их немедля… Хорошо, что не подняли стеньги, с длинными мачтами там идти невозможно: вверху переплетаются всякие лианы, мангры и прочая… нечисть. На марсовые площадки надо будет посадить матросов с топорами… Подчиненные Полковнику лодки помогут нам буксировкой…

— Помогут они… Хоть бы орудия не утопили… — опять не сдержался Стужин. Капитан медленно посмотрел на него и ничего не сказал.

3

Была уже вторая половина дня. Над бухтой Пти Кю-де-Сак-Марен реял ровный ветер от норд-оста. Он приносил с берега запахи прелых водорослей и соленой рыбы (как на пристани в Турени). Выбрали якоря, подняли оба триселя. Общее мнение было таково, что если с фрегата и наблюдают за

бригом, то едва ли поймут его маневры. Решат, что «Артемида» ищет более безопасное место стоянки. Никуда не денется!..

Бриг, оставляя слева горбатый мыс, осторожно двинулся в бухточку у городка Пуэнт-а-Питр. Курс — на колокольню. Видимо, жители не понимали, что за судно, выжидали: городок будто вымер. Кстати, заметно было, что он и правда изрядно разрушен.

У берега, на якоре и у причалов, перед домами, стояли несколько судов: три шхуны и даже один кораблик с остнасткой фрегата (маленький, правда, не то что «Коричневый бык»). Но и там не было никакого оживления.

Полковник стоял на юте рядом с матросом-рулевым. Иногда отодвигал его и сам брал шпаги штурвала…

Гриша и Поль устроились на баке, у станка носовой пушки. Пушка была не карронада, а другой конструкции, с длинным стволом. Называлась — «погонная» и служила для продольной стрельбы по убегающему противнику. Конечно, ни о каких погонях сейчас речи не было, самим бы ноги унести. Однако пушку, в отличие от карронад, решили не сгружать на лодки. На всякий случай…

Неподалеку от пушки матросы укрепляли на

палубе кулибинский фонарь. Среди матросов был Семен Вялый. Гриша старался не встречаться с ним глазами. Он и раньше при встречах не смотрел на него и, когда мог, держался подальше. Вялый тоже отводил глаза. И сейчас надо было бы встать и уйти куда подальше, но не хотелось тревожить Павлушку. Тот хорошо так, уютно приткнулся к Грише, головой прислонился к его боку. Достал из-под рубашки бумажную ласточку, гладил по крыльям. Но пускать не решался…

Оба молчали, но молчание было не трудным, хорошим таким. Потом Павлушка еще раз погладил крылышки, выговорил вполголоса:

— Хирандель… — И вопросительно глянул снизу вверх, Грише в лицо. Тот с готовностью кивнул:

— Да… Ласточка.

Павлушка дотянулся до колеса орудийного станка. Глянул опять:

— Канон…

— Да. Пушка. Пуш-ка…

Поль засмеялся. Вытянул вверх палец:

— Дойж… — И смотрел вопросительно.

— Па-лец, — сказал Гриша. И показал на фокатрисель (он был виден с ребра и слегка полоскал, потому что шли круто к ветру): — Па-рус…

— Парус?… Вуаль…

Грише понравилась такая игра. Павлушке, видимо, тоже. Лучше, чем просто сидеть и молчать, если даже хорошо друг с дружкой. И они довольно долго развлекались, называя каждый по-своему то, что попадалось на глаза: чайку, матроса, церковь на берегу, пятку на босой ноге, корабельный колокол, сверкающий над форштевнем, облако, закрепленный на кат-балке якорь…

Потом Поль насупился, завозился, глянул виновато.

— Павлушка, ты чего?

— Гри-ша… пи-пи…

Это было тоже ясно без перевода. Наверно, одинаково на всех языках.

— Не беда… — заусмехался Гриша. — Идем…

Гальюн был поблизости. Оказавшись в дощатой клетке под бушпритом, Гриша взял у Поля ласточку, а потом, во время *этого дела,* придерживал малыша за плечи, чтобы тот не угодил головой в слишком широкое очко. Тот оправил рубашку, оглянулся. И вдруг сказал очень серьезно:

— Мерси.

Гриша хотел засмеяться, но почему-то лишь вздохнул:

— Силь ву пле…

Потом опять сидели они у пушки — играли в слова или молчали. Протянулся по правому борту и ушел назад городок.

Двигались медленно (остался лишь парус на фок-мачте и кливер). Иногда коротко увалива-лись под ветер или, наоборот, приводились. Наверно, Полковник искал безопасные проходы среди отмелей.

Наконец оказались в совсем узкой части бухты — шириною кабельтова два. Отдали якорь. В этот момент Гришу окликнул Егор Плюхин, вестовой командира:

— Гришуня, капитан кличет к себе, с мальчиком. Ужинать…

Гриша удивился: обычно он ужинал в кают-компании. Но вошел — и стало понятно. За столом в капитанской каюте сидел Полковник. Поль, конечно, должен был ужинать со стариком, а Гришу позвали, чтобы маленький гость не скучал.

За столом Павлушка вел себя робко, даже съеженно, однако с ложкой, ножом и вилкой управлялся умело. Надо же, такой «дикарёнок» с виду, а ест как городской мальчик. Наверно, Полковник научил…

Полковник ел мало и быстро. Покончил с варе-ными бобами и мясом, пригубил вина и что-то

сказал капитану. Поднялся. Гарцунов кивнул и тоже встал. Полковник шагнул к дверям. Капитан задержался. Вполголоса обратился к Грише:

— Ужинайте не спеша… Спасибо, что занимаешь мальчика. Полковнику некогда, а один малыш затосковал бы…

Гриша опустил глаза. Он вовсе не «занимал» Павлушку. Он… всего лишь *хотел быть рядом с ним.*

Что удивительного? Один истосковавшийся среди взрослых людей мальчик встретил другого — которому тоже было нелегко. Хотя и разные по годам, а все равно потянулись друг к другу. Впрочем, это взрослые дали бы такое разумное объяснение. А ребята, они просто…

— Гри-ша… — Поль глянул чуть лукаво, достал из-под рубашки ласточку, остреньким клювом ткнул ее в разварившееся бобовое зерно: видишь, она тоже ужинает! И оба стали смеяться — все громче и веселее. Взрослых рядом нет, можно поиграть без робости… И забыть на минуту про капитана Ансу и про охотников за Матубой…

РИВЬЕР-САЛЕ

1

Солнце раскраснелось, разбухло и вертикально упало в черные заросли. Сразу стало темнеть. Замигал каким-то рыжим огнем маячок Пуэнт-а-Питр. Может быть, он хитрым способом сигналил фрегату «Коричневый бык» о том, что русские замыслили небывалое? Но вряд ли жители городка догадывались о планах «Артемиды». Знали о них лишь владельцы рыбачьих лодок — в нарастающем сумраке лодки эти — с желтыми фонарями на носу — бесшумно подходили к бригу от западного берега. Видимо, Полковник подал им тайный сигнал. Все делалось молча и слаженно.

Двенадцатифунтовая карронада — малютка по сравнению с орудиями на крупных кораблях. Но и ее вес для человеческих сил — ого-го какой! Почти двадцать пудов. Подними-ка такую пушечку! Приподнимали каждую по шесть человек, обхватив чугунное тело тросами — сзади (на чугунной шишке, называемой «виндгард»), у выступа на дульном срезе и посреди ствола. Через орудийный люк спускали на веревках с блоками

в подошедшую лодку. Лодка сразу оседала, потом отходила, послушная негромким командам Полковника…

Офицеры командовали матросами, но видно было, что делают это неохотно. Новосельский сказал вполголоса (когда рядом не было капитана):

— Такое чувство, будто меня самого, неживого, спускают с борта для похорон…

— Ладно вам. И без того тошно, — отозвался мичман Сезаров.

Карронады, однако, были спущены быстро и без суеты. Капитан приказал ставить весла. Он стоял на юте рядом с Полковником. Звезды над палубой разгорались удивительно ярко — по сравнению с ними лодочные фонари казались желтыми свечками.

Гриша и Павлушка держались у грот-мачты, наблюдая за работой матросов, никому не были помехой. Но гардемарин Невзоров, суетливо проходя мимо, сказал:

— Идите в каюту, не путайтесь под ногами. Один может лечь на мою койку, я спать все равно не буду…

— Какой ты весь из себя командир. Прямо адмирал, — откликнулся Гриша.

В каюту они с Полем не пошли, там было душно.

Гриша вытащил свою постель на палубу и расстелил на привычном месте — у стыка фальшборта с кормовой надстройкой. В трех шагах от них, у прорезанного в фальшборте полуклюза, возились с тяжелым веслом три матроса. Но мальчишки им не мешали. А матросы не мешали мальчишкам. Гриша расстелил пошире постель на досках, места хватило двоим. Лежать не хотелось, сели рядышком, Поль опять притиснулся к Гришиному боку. Будто давний маленький знакомый с Ляминской улицы, вроде Агейки, или даже братишка (которого у Гриши никогда не было). И дышал еле слышно.

Так сидели и молчали они долго, и Гриша почувствовал, что надо бы что-то сказать. Высоко впереди висела большая, ярче других, звезда. Гриша взял за тоненькое запястье Павлушкину руку, вытянул вверх.

— Вон, смотри… Зве-зда.

— Этуаль! — сразу обрадовался Павлушка. Решил, что будет продолжение прежней, дневной, игры. Но что еще показывать в темноте, Гриша не знал. Одни только тени матросов…

С мостика донеслась команда (что-то вроде «навались!»), тени у весла зашевелились пуще прежнего, послышался плеск, голос боцмана («и-

раз…»). И еще… Бриг шевельнулся, стало понятно, что началось движение.

Впереди вдруг вспыхнуло пятно света — это лег на воду широкий луч кулибинского фонаря.

— Поехали… — шепотом объяснил Павлушке Гриша.

— По-е-ха-ли? — не понял тот.

— Ну да… — И Гриша вспомнил подходящее слово: — Эн авант… Вперед…

— Эн авант… — шепотом повторил Павлушка и прижался потеснее. Гриша положил на его косматую голову ладонь.

Так они сидели неизвестно сколько времени. В темноте и равномерности время то ли тянется, то ли сжимается — не поймешь. Под плеск и размеренные команды «и-и… р-раз» набегала дремота. Павлушка — тот вообще уже уснул под боком у Гриши, а сам Гриша то проваливался в полусон, то встряхивался и как бы заново видел впереди очень яркую «этуаль»…

Потом он свернулся калачиком, положил Павлушкину голову себе на локоть и уснул по-настоящему…

Сколько прошло времени? Кто же его знает… Гриша проснулся от того, что случилось непонятное. Тревожное. Тревога эта чувствовалась

во всем, хотя не было ни вскриков, ни суеты. А, вот в чем дело! «Артемида» не двигалась!.. С юта слышались негромкие, неразборчивые слова, а откуда-то сверху — сдержанные ругательства. Гриша понял: это на грот-марсе матросы пытаются обрубить топорами вцепившиеся в мачту плети зарослей.

— Да не махайся ты как оглашенный, башку мне снесешь, — донеслось сквозь нехорошие слова. А на мостике капитан Гарцунов сказал офицерам (теперь разборчиво):

— Этого следовало ожидать. Нельзя было думать, что все пройдет гладко…

Потом послышался голос Полковника — тот хрипло отдавал команды людям на лодках. То ли по-французски, то ли на каком-то здешнем наречии…

Бриг не двигался.

Свет кулибинского фонаря утыкался впереди в глухие черные джунгли и был бессилен перед тьмой. Пахло болотом и какой-то противно-сладкой травой.

Тьма и неподвижность плотно придавили Гришу душными влажными страхами. Это были и все прежние страхи, с тенью ласково-беспощадного Ансу, и новые — с похожим на облако мохнатого

ужаса духом Матуба… Гриша не боялся утонуть, не боялся попасть в плен или погибнуть в перестрелке. Он боялся вот этого, замешенного на неизвестности, на черной удушливости ужаса.

И ужас был не только за себя. Еще и за Павлушку.

Господи, что делать-то?

— Отче наш… — зашептал Гриша единственную молитву, которую сейчас помнил. — Иже еси на небесях…

Павлушка вздрогнул и сел.

— Гри-ша…

Гриша сдавил страх в себе. Изо всех сил. Нельзя было, чтобы эта липкая жуть коснулась и Павлушки. Он часто подышал, взял Павлушкины ладони, сложил их у него перед грудью. Сказал строго:

— Поль, говори со мной. Отче наш…

— От-че?…

Гриша вспомнил те же слова по-иностранному. Из какой-то книги:

— Патер ностер…

— Патер ностер! — обрадовался Павлушка. И зашептал часто и шелестяще. А Гриша снова стал говорить по-русски.

Кончили, вздохнули. Гриша прислушался к

себе: легче ли на душе? Непонятно было… Павлушка вдруг встал на коленки, полез под рубаху, достал что-то. Гриша разглядел при свете звезд, что это — мятая ласточка. Павлушка расправил ее, вдруг сильно размахнулся и послал светящуюся «хирандель» через фальшборт. Она тут же исчезла в темноте. Павлушка съежился, уткнулся носом Грише в колени и замер так, словно чего-то ждал.

Помогла ли молитва двух мальчишек или помогла Павлушкина жертва с бумажными крылышками, а может быть, то и другое — кто знает? Но бриг вдруг шевельнулся, двинул под облегченный тихий говор матросов.

«И-и… р-раз…»

Страх уходил. Павлушка сел рядом, прислонился щекой к Гришиному плечу и посапывал еле слышно. А Гришу вместо страха сейчас кусала досада — от того, что все заняты очень важным делом, а он ничем не помогает «Артемиде».

Ну а что он мог? Никаких «подвигов» (вроде как тогда, во время шквала) не требовалось. Смешно, если бы они с Павлушкой сунулись к матросам и начали помогать ворочать тяжеленные весла. До них и не дотянешься — матросы, и те работали стоя… Сразу было бы сказано: «Не мешайтесь-ка,

ребятки…»

И в этом бездействии (а тревога уже откатилась) оставалось одно: снова лечь на бок, устроить рядом Павлушку и сказать ему: «Спи». И уснуть самому…

Потом было обидно понимать, что он, Гриша Булатов, почти целиком проспал выдающееся в истории мореходства событие: прохождение через таинственный и недоступный пролив Ривьер-Сале морского судна. Не какой-нибудь там лайбы или пироги, а настоящего брига. Такого подвига, говорят, не случалось ни до того, ни после…

«Но все же я кое-что видел, — утешал он себя. — А больше, сколько ни таращи глаза, все равно бы не разглядел и не учуял…»

Потом ему, правда, казалось, что видел он больше, чем запомнилось с первого раза. Вспоминалось (а иногда и снилось), как почти вплотную к бортам подходили укрытые черными джунглями берега, как тянулись эти джунгли щупальцами к мачтам, как скребли по днищу затопленные стволы, как падали сверху обрубленные мангровые плети. Иногда из ночи доносилось короткое хриплое взлаивание (потом доктор объяснил, что это, возможно, еноты — их на Гваделупе ви-

димо-невидимо). Как порой берега расходились, открывая похожие на разливы дегтя плесы, но свернуть туда было нельзя, там таились мели, камни и подводные заросли. Следовало двигаться узким руслом с доступной глубиной. И каким чутьем Полковник угадывал в смоляной воде это русло?

После говорили, что морякам помогло и умение старого лоцмана, и прилив, и вода, которую в добавление к приливу пригнал с океана в Соленую реку северо-восточный ветер. Но Грише хотелось думать, что помогла и торопливая их с Павлушкой молитва, и улетевшая во тьму бумажная птичка…

2

Сама протока Ривьер-Сале длиною не более двух с половиной миль. Ночи хватило на этот переход, хотя двигались еле-еле, часто замирали, ощутив под днищем или впереди опасность. В бухту Гран-Пти-де-Сак-Марен вышли еще в темноте. Полковник сказал капитану, что сейчас надо отдать якорь и постоять до рассвета. Эта бухта еще коварнее протоки — здесь множество коралловых рифов, мелей, подводных камней и торчащих из воды скал. Наехать на одну из них в

конце пути было бы крайне обидно…

Якорь отдали. Матросы повалились спать рядом с орудийными станками. Весла пока не убирали…

Солнце выскочило над низким берегом в одну минуту. Рассыпало по воде блики — сперва малиновые, потом золотые и белые, слепящие. Вода была гладкая, с жемчужным отливом. И сразу стало ясно, почему Полковник не захотел двигаться в темноте. Тут и там торчали над водой черные скалы-клыки.

На скалах сидели белые птицы. То ли чайки, то ли еще какие-то морские создания, поди разберись. Особенно, когда глаза еще слипаются после сна.

Гриша зачерпнул парусиновым ведром воду, поплескал в лицо. Вода была теплая и сильнее, чем всегда, пахла солью… А Павлушка спал в углу, свернувшись калачиком. Гриша не стал будить его. Укрыл тощенькие ноги краем матросского одеяла и стал смотреть вокруг: что же будет дальше?

Дмитрич разбудил матросов свистом боцманской дудки.

— Орудья ставить на места! Шевелись, братцы!

Матросы с трудом разгибали спины. Трофим

Елькин проговорил с остатками веселости:

— А хорошо бы от такой жизни по чарочке сверх очереди… — Без надежды проговорил, так просто, но Дмитрич откликнулся с пониманием:

— Спрошу капитана.

Капитан разрешил. Сказал только:

— Сразу после пушек ставить на места стеньги и брам-стеньги, подымать реи. А то француз очухается, поспешит навстречу.

После «чарочки» работа пошла без задержек. Подняли с лодок и укрепили на станках карронады. Взялись за снасти для подъема стеньг. Бриг начал принимать прежний стройный вид, обрастая высоким рангоутом.

Люди спешили, но и солнце спешило, уже с высоты жарило плечи. К счастью, прохладно задуло с оста.

— Сам Господь помогает… — вполголоса переговаривались матросы.

— С якоря сниматься, фок и стаксели ставить, — приказал капитан.

Под неполными парусами, с небольшим почти попутным ветром, в бакштаг правого галса «Артемида» осторожно пошла на норд-вест. Опасностей и правда было немало. Видны были не только скользящие у бортов скалы, но и груды

ветвистых кораллов — у самой поверхности зеленой воды. Но теперь, при свете дня, вести судно оказалось не в пример легче, а Полковник к тому же знал свое дело. Видимо, раньше он был не только сухопутным офицером, но и хорошим моряком.

Лодки отстали, только одна из них двигалась на буксире за бригом (в ней сидел хозяин — почти такой же старый, как Полковник).

Где-то через час, оставив справа плоский островок («Остров Фаже», — мельком объяснил оказавшийся рядом Митя), бриг привелся к норду, а еще через полчаса лег в дрейф. Впереди был открытый океан.

...А Павлушка все спал, свернувшись в тени у фальшборта. Гарцунов и Полковник подошли к нему. Гриша напрягся от тревожного ожидания. Гарцунов слегка наклонился, глянул на Полковника: «Разбудить?» Полковник покачал головой, что-то сказал. Капитан объяснил Грише:

— Не хочет будить мальчика. Чтобы тот не заплакал при прощании... Они жили вместе не так уж долго, но, кроме Полковника, у мальчика вообще никого не осталось. Последняя ниточка... — Потом он протянул Полковнику руку.

Рукопожатие было молчаливым. Видимо,

командир брига и старый лоцман заранее переговорили обо всем. Теперь капитан показывал своим видом: «Я благодарен вам за помощь. И сделаю все, что обещал». А Полковник: «Я надеюсь на вас…» Потом он посмотрел вниз, через фальшборт. Лодка перешла уже от кормы к борту и покачивалась под грота-русленем. Полковник вдруг совсем не по-стариковски уперся ладонями в планшир, перебросил свое сухое тело на площадку русленя и с нее прыгнул в лодку. Хозяин лодки сразу начал грести. Полковник стоял и смотрел на бриг. Поднял над плечом ладонь. Гарцунов приложил пальцы к козырьку своей белой фуражки. Офицеры на юте сделали то же самое.

Капитан поднялся на мостик. К нему широко и официально шагнул лейтенант Стужин.

— Господин капитан второго ранга. Офицеры просят принять извинения за то, что сомневались в вашем плане, и за… неуместные высказывания.

— Да что за церемонии, господа, — неловко сказал Николай Константинович. — Мы держались на нервах, тем все и объясняется. Слава Богу, план удался, а любезный капитан Ансу остался… при своих интересах. Едва ли догонит теперь…

— Ни в коем случае не догонит, — оживленно

заговорили офицеры.

— Ежели и очухался на рассвете, то что? Пока разберется в случившемся, пока решит, как обходить остров, чтобы перехватить нас. Это же не меньше шестидесяти миль!

— К тому же у нас при таком ветре скорость не меньше десяти узлов, а французы не наберут и шести…

— Они не увидят нас даже на горизонте! — порадовался Митя.

Гарцунов вспомнил:

— Господа, пора подумать о завтраке. Хотя боюсь, что скоро уже обед…

До обеда было далеко, но солнце уже забралось в вышину.

— Гри-ша… — вдруг послышалось из угла. Павлушка сидел и тер глаза. Сперва улыбнулся, но сразу же стал испуганным: что-то почуял.

— Гри-ша… О Колонель?

«Где Полковник?» — понял Гриша. А что он мог сказать? Виновато посмотрел на воду. Лодка была уже далеко. Полковник теперь сидел. Было заметно, как его седая голова серебрится на солнце.

Поль бросился плечами на фальшборт.

— Колонель! Онкл Колонель!

Полковник не оглядывался. Возможно, и не

слышал мальчика.

Павлушка сильно оттолкнулся от планширa, развернулся к Грише. Щеки были мокрые, в глазах — сплошные слезы. Павлушка шагнул к Грише, обхватил его руками-прутиками за бока, лицо уткнул в рубашку (она сразу стала промокать).

Гриша гладил дрожащие острые плечи. Павлушка прижимался все сильнее. Ничего не говорил, но было ясно, что он *мог бы* сказать Грише: «Теперь только ты…»

«Господи, а что же будет в Гаване?» — резануло Гришу. Та надежда-догадка, которая накануне светлым зайчиком шевельнулась у Гриши, теперь казалась пустой…

Ветер по-прежнему был ровным, но стал посильнее и зашел к норду. Пошла небольшая зыбь с гребешками. Поставили грот и оба марселя. Брамсели ставить пока не стали, чтобы не посылать уставших матросов на брам-реи.

Новый андреевский флаг празднично трепетал под грота-гафелем.

Штурман Иван Данилович Евдохов повернулся к Гарцунову.

— Николай Константинович! Нынче летнее солнцестояние. На некоторых судах, где мне при-

ходилось плавать, бытовала традиция: в такой день, по достижении полдня, делать пушечный выстрел. Своего рода салют нашему светилу. Это, конечно, если позволяли условия… Сейчас условия, кажется, позволяют, а? Солнце светит вовсю, полдень через десять минут, носовая пушка заряжена со вчерашнего дня…

— Браво, Иван Данилович! — воскликнул лейтенант Новосельский. И все поддержали его.

Погонная пушка брига «Артемида» грянула над океаном ровно в полдень. Остров Гваделупа уходил назад. Павлушка уже не плакал, только прочно держался за Гришин локоть. При выстреле он не вздрогнул. Ветер сушил его лицо.

КАРТИНКИ

1

Полуденный выстрел «Артемиды» послужил для Гриши Булатова как бы сигналом времени, который делил пополам его путешествие. Появилось ощущение, что середина пути пройдена, а далее — дорога к дому. Отчего это — непонятно. Ведь еще не достигли Гаваны (до нее было около полутора тысяч миль и — при самом благопо-

лучном плавании — не менее недели хода, так сказал штурман Иван Данилович). И что будет дальше, Гриша не ведал: может, сразу домой, в Россию, а может, еще заходы в какие-то гавани. В какие — никто не знал, даже сам капитан. Ему было предписано открыть пакет с инструкциями в Гаване и затем поступать, как велят эти предписания. Почему так? Трудно было понять (по крайней мере, мальчику Грише). Гардемарин Невзоров солидно объяснил, что такие на флоте правила и традиции. Но, кажется, за его солидностью тоже пряталось непонимание…

Один пакет, однако, вскрыли в пути. Так было предписано командиру: распечатать в море, за неделю до предполагаемого прихода на Кубу. Содержавшийся в конверте документ касался как раз гардемарина Невзорова. Там говорилось, что ежели вышеупомянутый гардемарин во время прошедшего в плавании срока проявил надлежащее старание и навыки и не запятнал себя какими-либо неподобающими поступками, объявить ему присвоение мичманского звания, о чем соответствующее решение было принято еще в Санкт-Петербурге…

Офицеры и гардемарин были приглашены в капитанскую каюту. Командир брига, пря-

ча улыбку, спросил лейтенантов, мичмана и штурмана их мнение: проявлял ли гардемарин Невзоров что должно и не запятнал ли себя, чем не должно? Господа офицеры, тоже покусывая губы, с полминуты помолчали и решили наконец, что проявлял и не запятнал.

— Поздравляю мичманом, Невзоров! — торжественно произнес Гарцунов. — Догадываюсь, что мичманские погоны у вас заготовлены заранее, а офицерскую саблю велю достать для вас из оружейной камеры… Ура, господа!

Принесли шампанское…

Погоны у Мити и в самом деле были давно приготовлены. Правда, не было ни мундира, ни кителя офицерского образца, но Митю утешили, что полную форму он сумеет заказать в Гаване — с треуголкой и эполетами. А пока Митя попросил матросов, знакомых с портновским делом, ушить в талии его гардемаринскую блузу, чтобы можно было ее носить без пояса. И пришить новые погоны.

Увидев эти погоны на юном, не бривщемся еще ни разу мичмане, Гриша хмыкнул про себя, но сказал, как и офицеры:

— Поздравляю мичманом, Невзоров… Теперь надо небось обращаться «ваше благородие»?

— Иди ты… — розовея, сказал Митя. — Хочешь, подарю ремень? Смотри, какая кожа, какая бляха.

— Мне зачем? — насупился Гриша. — Думаешь, я не по правде сказал, что не пойду в Корпус?

— Не знаю, — поскучнел и Митя. — Ну… возьми просто так, на память…

— А тебе память о Корпусе, что ли, не нужна?

— Так у меня же еще есть!

— Ладно, давай… Спасибо, — сказал Гриша. Ремень в самом деле был неплох. Можно будет покрасоваться в нем перед мальчишками на Ляминской…

Турень, Ляминская, сестренки Максаровы, дядичка Платон, Арина и даже Полина Федоровна вспоминались постоянно. И не так просто вспоминались, а как бы картинками. Теми, что в волшебном фонаре. Возникнет картинка, постоит перед глазами, потом — раз, щелчок — и меняется на другую. И ощущается запах нагретого лака и дерева, и смеются на диване Аглая, Оленька, Танюшка, Катенька, малышка Лизавета… И будто слышен даже голос Арины: поторапливайтесь за стол, ужин стынет… И опять — щелк, новая картинка: солнце пробивается сквозь веселую косую метель, золотится за снежными взмахами

крест Михаило-Архангельской церкви, бежит от лога, с веревкою санок в руке Агейка, и снежинки тают на улыбчивом конопатом лице…

Гриша поймал себя на том, что и нынешние, связанные с плаваниями, события он теперь видит и запоминает как отдельные картинки. Может быть, потому, что память уже не в силах вместить в себя *столько всего* и отбирает самое важное. Или самое яркое…

Вот они с Павлушкой на фор-марсе… Николай Константинович сперва не позволял, чтобы Павлушка забирался туда с Гришей. Мало ли что — такой малыш!.. Но Гриша упросил капитана, поклялся, что не спустит с Павлушки глаз, неотрывно будет держать за подол… И теперь они, прижимаясь спинами к шпору фор-стеньги, сидят и *вбирают в себя* океан. Так же, как вбирал его в себя Гриша в первые дни плавания… Впереди, над головами, трепещет выгнутая дугою шкаторина фор-марселя. Реют на одной скорости с бригом и потому кажутся неподвижными белые птицы (доктор говорил их названия, да разве упомнишь…). А кругом — до самых границ мира — синева, синева…

Налетающий с зюйда ветер треплет волосы, широкие штаны и рубашки. На Павлушке теперь

такая же одежда, что и на Грише — матросы постарались. Нравится им кудлатый смирный малыш, отвечающий на все слова тихой, чуть виноватой улыбкой (улыбнется, и сразу оглядывается: где Гриша? Без Гриши — никуда…).

— Ишь до чего ласковый цыганенок! Без дружка ни на шаг…

— Прикипел… Как расставаться-то будут?

(«Ох, не на-а-адо про это! Хотя бы сейчас не надо!»)

Матрос дядя Арсентий сделал Грише ножик — вместо того, который Гриша подарил мальчику Энрике на Флореше. Палушка увидел и нерешительно потянулся: «Можно?»

— Не порежься, — сказал Гриша. Павлушка понял, замотал головой: «Не порежусь…» Открыл лезвие, умело провел по нему пальцем, проверил остроту. Оглянулся: на чем бы попробовать? На баке матросы укрепляли шлюпочный киль-блок, готовили брусок-вставку, рядом валялись кубики-обрезки. Гриша принес один Павлушке. Тот неожиданно сильными движениями расщепил кубик пополам и начал быстро-быстро что-то вырезать из одной половинки отточенным кончиком. Посыпалась мелкая стружка. Гриша смотрел с удивлением — такой цыпленок и с

такими крепкими умелыми пальцами!

Чурбачок принял форму вытянутой ушастой головки. Грише она… не понравилась. Лицо у головки было злое, вроде как у африканской маски, которую Гриша видел в одной книге у доктора. Широкий зубастый рот, вертикальные щелки глаз, злые складки на скулах. Не по себе стало Грише. Да и у Павлушки лицо было… недоброе какое-то и в то же время беззащитное. Он повертел куколку-маску перед глазами, поставил на палубу и вдруг сильным ударом лезвия расколол ее от макушки до подбородка.

— Матуба… — вздрагивая, сказал он Грише. Сжал в кулаке оба кусочка «Матубы» и с размаха швырнул через планширь. И сразу обмяк, заулыбался. Видимо, решил, что избавился от злого духа, который мучил его всю жизнь.

Ведь ясно же, что не был маленький мальчик Поль никаким носителем духа Матубы! Он сам страдал от этого чудовища, а те злодеи на Гваделупе сделали из него зайчонка для охоты! (На Гваделупе нет зайцев? Ну не все ли равно!)

Теперь Поль-Павлушка, видимо, перестал бояться. Потому что злой остров был далеко. А близко был Гриша. (В последнее время Павлушка стал говорить почему-то не просто с маленьким

разделением — «Гри-ша», а еще и с запинкой: «Г'ри-ша…».)

— Г'ри-ша… я ищо… — Он уже знал слово «еще». Взял другую деревяшку, начал резать опять, и теперь чуть лукаво поглядывал на Гришу. Появился на свет зверек — ростом с мизинец. Вроде собачонки, но с бакенбардами (похожими — Гриша хихикнул — на бакенбарды лейтенанта Стужина).

— Ратон…

— Енот! — догадался Гриша. Сразу вспомнил слова доктора, что енотов на Гваделупе видимо-невидимо. Уж они-то не были злыми духами! Наверно, наоборот!..

— Жужу… пур жужу… — стеснительно выговорил Павлушка.

Гриша понял опять: «Игрушка для игрушки». Или нет: «Игрушка… для Жужу».

Жужу — такое было теперь имя у кнопа. Гриша подарил плетеного головастика Павлушке еще в тот день, когда ушли из бухты Гран-Кю-де-Сак-Марен. Чтобы Павлушка меньше тосковал. И он, малыш, сразу расцвел, вцепился в кнопа, смотрел недоверчиво: «Жужу… Это мне?»

— Тебе, тебе, — улыбнулся Гриша с облегчением. Потому что наконец-то бесприютный кноп

нашел доброго хозяина. Теперь он стал подарком не от Вялого, а от Гриши. Полностью рассчитался с прошлым. Немножко царапнула совесть: вспомнил Гриша, как, увидав на кнопе бурое пятнышко, он сказал головастику: «Мы с тобой кровные братья». А теперь получается, что отказался от брата? Но потом решил: можно. Пусть будет кноп и Гришин, и Павлушкин. И когда Павлушка окажется далеко, пусть этот Жужу…

«Да нет же! Ну, не на-адо этого!..»

Поль, оглядываясь на Гришу, понес енотика кнопу Жужу. Тот жил теперь на Гришиной постели. Вернее, на общей постели мальчишек — они иногда укладывались вдвоем на койку, а чаще вытаскивали плоский тюфяк и одеяло с подушкой (то есть теперь уже с двумя) на палубу и устраивались там (и реяли над ними среди звезд марсели, брамсели и бом-брамсели). Сейчас кноп Жужу, раскинув веревочные ножки, лежал на одеяле и смотрел стеклянными бусинками на потолок — по доскам пробегали зигзаги солнечной ряби. Павлушка посадил енотика кнопу под мышку. Жужу, кажется, заулыбался. Павлушка лег щекой на одеяло рядом с кнопом и енотиком, виновато глянул на Гришу («Я только чуть-чуть…») и прикрыл глаза. Такое с ним случалось иногда: вдруг

приткнется где-нибудь и уснет в одну секунду. Не надолго, на полчаса, но крепко…

А кноп Жужу по-прежнему беззаботно смотрел на солнечные зигзаги. Может, он теперь и не помнил, кто его сделал. Гриша же… он-то все равно помнил — про все, что случилось тогда. И по-прежнему не смотрел при встречах на Вялого. Жаль его было и стыдно встречаться глазами…

А однажды вечером, когда шли, оставляя к югу большой остров Гаити (тот, где правил полвека назад черный император Дессалин), Гриша услышал песню. Пели, как всегда, на баке. Гриша теперь не ходил по вечерам на бак, и сейчас он устроился с Павлушкой на тюфяке у фальшборта, но песня-то была слышна везде — не только на бриге, а, наверно, на милю вокруг:

Ой да ты кали-и-инушка…

Что ты нынче рано цветешь…

Гриша не поверил себе: пел Семен Вялый! Как он мог петь перед теми, кто сделал с ним *такое*? Как он вообще мог петь, *после того, что было?* Гриша не понимал… А может, как раз в том и дело, что *не понимал?* Может, на самом-то деле ничего страшного не случилось? Надо все передумать заново и… забыть? Но думать заново не

хотелось. Не о том были главные мысли. Главное — это Павлушка. «Пресвятая Богородица, помоги ему и мне. *Нам вместе*...»

И сейчас, над уснувшим Павлушкой, Гриша провел пальцами по его волосам и пошел наружу. Царапало беспокойство: на палубе остался деревянный мусор, надо убрать, а то — непорядок...

В тесном коридорчике кормовой надстройки все двери были закреплены открытыми — от духоты. И теперь Гриша услышал голоса — капитана, доктора и мичмана Сезарова. На судне слова вообще-то всегда разносились звучно — как внутри большущей гитары, — а теперь казались особенно громкими. Может быть, потому, что... про него, про Гришу? Наверняка собеседники думали, что Гриша с Павлушкой где-нибудь на марсе или на палубе, чего им сидеть в тесной клетушке! И не приглушали разговора.

Говорил доктор:

— ...Но Николай Константинович, он же вовсе не трус. Тот случай во время шквала говорит о многом. И в урагане он держался не хуже взрослых. К тому же и не ленив, помогает матросам как может...

— Петр Афанасьевич, вы правы. Но я не ожидал встретить в мальчике этакой... склонности к

меланхолии, что ли… Большинство мальчишек… я помню себя… были бы счастливы без оглядки отправиться через океан, к незнакомым землям. А мой… подопечный… он словно все время оглядывается назад…

— В первом плавании тоскуют порой и взрослые мужчины, — заметил мичман Сезаров.

— Разумеется, — досадливо согласился Гарцунов. — Сам печалился о доме… Но не настолько же, чтобы заявить о нежелании стать моряком!

— На Гришу повлиял тот случай с этим… с Вялым, — напомнил доктор. — Видимо, он поломал взгляд мальчика на морскую романтику…

Досада капитана, кажется, усилилась:

— Вот я и говорю! Откуда у мальчишки такая впечатлительность? Ведь не девица же из модного пансиона… К тому же, я полагал, что, будучи корнями… так сказать, из народных слоев, мой воспитанник не станет демонстрировать излишне тонкую натуру, а наоборот…

— Дело, скорее, не в тонкости, а в некой самолюбивости натуры, — заметил мичман. — Вы, Николай Константинович, как-то упоминали, что в роду у мальчика лихие кучера и ямщики. Это особая порода людей. В Сибири никогда не было крепостных…

— К тому же, — добавил доктор, — половина крови в нем — сибирского коренного народа. Конечно, мальчик воспитан совершенно в рамках русских понятий, но… видимо, порой напоминает о себе прапрадед, командир татарской конной тысячи…

— Какой еще… тысячи? — слабо изумился Гарцунов.

— А он вам не говорил? — усмехнулся доктор.

— Ни словечка…

— Он сообщил об этом гардемарину, чтобы обосновать свое право на дворянство… когда речь пошла о дуэли… Митя недавно проговорился мне…

— Дуэлей еще не хватало… — обессиленно сказал Гарцунов.

— Да не волнуйтесь, Николай Константинович, это минутная мальчишечья ссора…

«Трепло длинноязыкое!»-подумал Гриша о новоиспеченном мичмане. Но мысль эта проскочила мельком-то, что говорилось дальше, было не в пример важнее…

Да, Гриша с малых лет знал, что подслушивать гадко, нечестно, грешно. Однако не раз уже случалось, что подслушивал — когда оказывался случайно рядом с теми, кто вел тревожный и

касающийся его, Гриши, разговор. А теперь — тем более! Потому что капитан сказал, будто плаксиво поморщившись:

— Не думал, что будут в эти дни у меня опасения, кроме боязни встретить суда противника. Впрочем, от них-то уйдем, пользуясь быстротою брига, а куда уйдешь от сложностей с мальчишками? С ними мы еще хлебнем всяких бед. В частности, с этим нашим найденышем. Он и Григорий теперь будто приклеенные друг к другу, не оторвешь. Представляю, сколько будет… душевных драм, когда придет час отдавать юного туземца в приют…

Вот здесь бы Грише и сделать то, о чем думал уже не раз, — ворваться в каюту, встать навытяжку, вскинуть голову и сказать звенящим от отчаянности голосом: «Николай Константинович!.. Господин капитан… Христом Богом молю, сделайте, как я прошу! Ну, пожалуйста!.. Не говорите сразу „нет“, просьба же совсем небольшая!.. Пожалейте нас и ответьте „да“!..»

Не ворвался, не сказал. А через секунду в каюте кто-то сделал шаг к двери, и Гришу будто выдуло из коридора.

Через полчаса, сидя с Павлушкой на марсовой площадке и рассеянно отзываясь на его не всегда

понятные вопросы, Гриша терзался: «Трус!.. Ну, чего испугался? Все равно ведь придется! А может быть, сейчас все было бы уже решено...» И сам же отвечал: «Да не трус я... Разве я за себя боюсь? Просто чую, что еще не время. Надо ждать... до самого упора...»

Павлушка лопотал что-то беззаботно. Однако Гриша знал, что и в нем живет та же тревога...

2

...Еще «картинка». Теперь из более позднего времени — когда уже были в Гаване. Что поделаешь, если в волшебном фонаре Гришиной памяти картинки эти листались не по порядку?..

Не каждый знает, что уже в ту пору на Кубе была железная дорога. Еще меньшему кругу людей известно, что она, построенная в 1837 году, — одна из самых старых на планете, третья по счету — после Англии и Северных Штатов. Кому и зачем понадобилась эта чугунная колея в двадцать верст, между Гаваной и местечком Бехукаль, трудно сказать, если ты не историк. Может, чтобы возить с плантаций в порт сахарный тростник? Так или иначе, мальчишки кубинской столицы — и дети рыбачьей голытьбы и черных невольников, и сынки вполне респектабельных

граждан — были одинаково уверены, что дорога со свистящим, похожим на чугунную печку паровозом — очень полезна для жизни. Прежде всего, чтобы подкладывать под колеса и плющить мелкие монеты — из них получались прекрасные грузила для многокрючковых переметов, которыми при свете вечерних костров прямо с камней городской набережной ловили кальмаров…

Надо ли говорить, что места́ вблизи от рельсового пути (по крайней мере, недалеко от города) были хорошо изучены ребячьим народом!

Тринадцатого июля (по здешнему исчислению) тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года двенадцатилетний Франсиско Мануэль Санчес (а попросту — Па́ко), сын владельца книготорговой лавки, и десятилетняя Росита Линда — удивительно черная и удивительно красивая девочка — взяли сизалевые корзинки с едой и двинулись к вокзалу. Внутрь вокзала и на перрон они, конечно, не пошли, а параллельной улицей выбрались к рельсовой линии и двинулись вдоль нее на юг. Город скоро кончился, начались заросли — кусты и деревья с лианами. Рельсы бежали то по заросшим агавами насыпям, то ныряли в пробитый среди джунглей туннель. Топать по горячим от солнца шпалам было приятно и немного ще-

котно — смолистое дерево прилипало к босым ступням.

Пако дотянулся до высокой ветки, сорвал с нее крупный, похожий на красный колпачок, цветок и аккуратно вставил его в крупные смоляные кудри Роситы Линды. Она приняла подарок как должное, лишь чуть-чуть улыбнулась…

Они прошли около двух миль. Заросли вокруг стали гуще, в них где-то журчал ручей. Впереди показался сложенный из каменных глыб мостик. Не доходя до мостика, Пако и Росита Линда сбежали вниз по насыпи, окунулись по макушку в цветущий кустарник, отыскали в нем еле заметную тропку, и она привела их под арку моста.

Здесь их ждали Грегорьо и Паулито.

Недавно они приплыли в Гавану на маленьком бриге из страны с названием «Руссиа», о которой Пако ничего раньше не слыхал. Причем Грегорьо был из той самой Руссии, а маленький Паулито-тоже с далекого, но известного острова Гваделупа (к которому у Пако Санчеса имелся свой интерес).

Многое в жизни у Грегорьо и Паулито запуталось, и они признались в этом сыну квартирного хозяина и дочке его служанки.

Почему признались? Потому что больше было

некому, а накопилось на душе столько всего, что держать уже в себе было невозможно.

Как признались, на каком языке? А кто его знает! На смеси жестов и отдельных слов из испанского и французского языков. Паулито, к тому же, говорил еще на негритянском наречии, которое было в ходу на Антильских островах, и это наречие понимала Росита Линда…

А кроме того, Павлушка научился уже кое-что понимать по-русски (откроем еще одну воткнувшуюся сюда в беспорядке «картинку»).

На бриге, когда шли от Гваделупы в Гавану, Гриша не раз брал у доктора пухлую книгу: «Иллюстрированный энциклопедическій словарь по вопросамъ исторіи, географіи, естествознанія и словесности». Там были объяснения множеству слов, а главное — тысячи мелких картинок-гравюр — с портретами, животными, кораблями, растениями, разными дворцами и храмами. Можно было подолгу разглядывать и называть. Чтобы Павлушка запоминал слова.

Он, Павлушка-то, вовсе не был дикарем, ни в каком смысле. Оказывается, когда жил у родственников (они потом куда-то подевались) в городе Бас-Тер, то ходил там даже в школу. Почти полгода. Знал и умел складывать французские

буквы. И даже соображал, что такое глобус — не удивился, когда доктор показал маленький синий шар на подставке…

Однажды Гриша, сидя на койке, начал читать вслух «Конька-горбунка». Просто так — вспомнилось и захотелось услышать знакомые строчки. Увлекся и читал несколько минут. А когда спохватился и перестал, Павлушка подергал его за рукав:

— Г'ри-ша… ищо…

— Ты же все равно не понимаешь!

— Ищо… пожалю-ста…

Гриша стал читать дальше. Поглядывал на Павлушку. Тот слушал, приоткрыв рот, и тихонько кивал, как бы отмечая ударения… Может, его завораживал стихотворный ритм? Или стихи эти казались какими-то длинными заклинаниями? А может, улавливал знакомые слова и тихо радовался этому…

А потом, когда Гриша замолчал, Павлушка опять взял его за рукав, прислонился щекой к плечу.

— Г'ри-ша…

— Что? — сказал тот, ощутив новый укол тревоги.

— Мы… ищо лонгтемп… долго будем энсембль…

вместе?

Вот завыть бы прямо здесь, уткнувшись в подушку рядом с кнопом Жужу…

— Лонгтемп… — сипло сказал Гриша.

— Тужур?… Все-гда?

— Ту-жур… — выговорил Гриша. А что он мог еще сказать? А сказав так, будто дал обещание.

Но одно дело дать, а как выполнить?… Снова несколько раз собирался пойти к капитану, но Гарцунов был то занят, то не в духе, то отдыхал. А обратиться с этим при всех, в кают-компании, Гриша считал невозможным. Да и не бывал теперь Гриша в кают-компании. Завтрак, обед и ужин им с Павлушкой вестовой Егор Плюхин приносил в каюту. Потому что, когда с офицерами обедает воспитанник командира, это одно, а если еще и кудлатый приемыш с негритянского острова — это нарушение этикета. И куда его было девать, этого нежданно свалившегося на голову пассажира? Отправлять к матросам? Но как-то неловко — одного-то. Да и не пошел бы он без Гриши…

Уже после Гриша понимал, что правильнее всего было бы поговорить о своих мыслях и планах с доктором. Но там, на бриге, казалось, что, если он обратится к Петру Афанасьевичу раньше, чем

к Гарцунову, это будет нарушением корабельных правил. Разве можно так — в обход командира? Капитан, узнав про это, конечно же, разгневается, и тогда уже не останется надежды…

А пока надежда все-таки была. Потому Гриша и тянул с разговором, чтобы не потерять ее окончательно. Ведь, если услышишь решительное «нет», как тогда жить? И ему, и Павлушке…

С этими надеждами, с неисчезающей тревогой и появился сибирский мальчик Гриша Булатов в бесконечно далекой от Турени Гаване.

КАРТИНКИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

1

В гавани было немало судов. Из разных стран. В том числе корвет под военным флагом Соединенного королевства. Но воевать в территориальных водах нейтрального государства враждующим кораблям запрещали международные законы. Поэтому англичане могли сколько угодно скрипеть зубами, глядя, как бриг под андреевским флагом входит на рейд.

«Артемида» салютовала крепости эль Морро двенадцатью выстрелами. Крепость охотно отве-

тила тем же. Офицеры стали съезжать на берег. После тесных каюток хотелось хоть немного пожить в просторных номерах хорошего отеля и хлебнуть береговой жизни.

Матросам и унтер-офицерам этого тоже хотелось. Конечно, отели были им не по карману, но, получив от начальства положенную сумму испанских песо, моряки предвкушали добрую выпивку в портовых тавернах и знакомство с прелестными мулатками, о которых были наслышаны немало… Так потом они и развлекались: разбившись на три смены и поочередно съезжая на берег.

Заботы о мальчишках взял на себя доктор. Он не поехал с ними в отель, а тут же, на берегу, познакомился с весьма образованным на вид книготорговцем и снял у него комнаты в доме неподалеку от разрушенного замка (тот пострадал во время давних стычек с англичанами).

И замок (вроде того, что в романе Уолтера Скотта «Иванхое»), и город с белыми узорчатыми домами, пальмами и фонтанами, и крепости на берегах, и лавки с множеством фруктов, и веселый народ с веерами и гитарами — все это было чудесно. Было бы… если бы не постоянная заноза внутри.

Одноэтажный дом книготорговца Санчеса был, конечно, не таким роскошным, как особняки в центре, но — просторным, удобным, тихим. Стали обустраиваться, доктор по дороге на квартиру купил для мальчишек новую одежду…

А капитану Гарцунову и старшему офицеру Стужину было не до развлечений. Им предстоял визит в резиденцию испанского губернатора — для вручения документов, обсуждения множества вопросов и встречи с представителем Российско-Американской компании.

«И наверно, будет о Павлушке узнавать: куда его пристроить?» — подумал Гриша и отчаянно пожалел, что до сих пор оттягивал разговор, а теперь поздно — Гарцунов и Стужин в парадных мундирах прямо с пристани уехали во дворец.

«Но, наверно, не сразу они там заговорят о Павлушке, — успокаивал себя Гриша. — Для начала у них есть дела поважнее. А вечером я обязательно…»

Дело в том, что капитан просил всех собраться вечером у него в гостинице. Возможно, приглашение не распространялось на Гришу и тем более на Павлушку, но Гриша решил, что они как-нибудь проберутся. Выражаясь по-лямински — «напротырку». В нем крепла смешанная с отчаянием

решимость.

2

Но все произошло не вечером, а раньше…

Днем, когда доктор и с ним два мальчика — в белых башмаках и брюках, в блузах с черными лентами у ворота и с такими же лентами на широких шляпах — гуляли по центральной улице Прадо, которая упиралась в набережную, они увидели шагающих навстречу капитана Гарцунова и лейтенанта Стужина. Видимо, те торопились к пристани, от которой наемные шлюпки развозили моряков на корабли.

— О… — коротко и слегка неловко сказал Гарцунов. — Удачная встреча… Гриша… я думаю, есть смысл побеседовать о наших делах, поскольку вечером это будет сложнее… Сейчас открылись обстоятельства…

«Вот оно!»-толкнулось в Грише. Он (воспитанный мальчик в белом костюме и шляпе) наклонил голову:

— Да, Николай Константинович…

— Петр Афанасьевич, Александр Гаврилович, вы позволите нам с Гришей немного побыть в отдельности? Для обсуждения некоторых… семейных вопросов?

— С вашего позволения, я прямо сейчас отправлюсь на бриг, — сказал Стужин. — Масса дел… — Он откозырял.

Доктор понимающе улыбнулся и повел Павлушку к недалекой торговой лавке с мороженым и всякими напитками. Павлушка перепуганно оглянулся на Гришу: «А ты?» Доктор сказал ему что-то ласковое: мол, мы будем неподалеку.

— Сядем, — пригласил Гарцунов Гришу. Они сели на длинную скамью напротив бронзового льва, который возвышался на камне посреди аллеи. На льве сидел почти голый коричневый мальчишка и махал деревянной разноцветной вертушкой. «Счастливый…»-подумал Гриша.

— Вот что… голубчик Григорий, — скованно сказал Николай Константинович. — Давай по порядку. Сегодня открылись инструкции, которым я, как командир военного судна, должен следовать неукоснительно. Там сказано, что, если к моменту нашего прихода в Гавану не будет известий об окончании войны, нам не следует возвращаться в Россию, а надо продолжить путь. Известий таких нет, есть иное — в сообщениях, только полученных здесь из Штатов. Союзники… то есть англичане и французы… не успокаиваются, и мира впереди пока не видно.

«Артемида» — крайне малая помощь нашему флоту на Балтике и Черном море, а в водах Российско-Американской компании, у Камчатки и Аляски, бриг может быть полезен — для охраны компанейских судов и поселений в случае вражеского нападения… Нам надлежит в ближайшие дни отправиться туда… С заходом в Рио, затем мимо мыса Горн и через Тихий океан…

— И… мне? — полушепотом спросил Гриша.

Он был уже настроен на дорогу домой, а новое дальнее плавание… И что станет с Павлушкой?

Гарцунов потер бритый подбородок, сказал, глядя в сторону:

— Тебе, Гриша, — нет… Я не имею права брать ребенка в почти кругосветный рейс, который закончится неведомо когда… И зачем? Ты же решил, что выберешь другую… не морскую службу, не так ли? В этом случае для чего тебе столь длительный опыт плаваний?… Но если бы даже ты сказал сейчас, что переменил планы и хочешь в Корпус, я все равно тебя не взял бы. Военные условия… В любом случае тебе надобно вернуться домой, поступить в гимназию, старательно учиться, а после, когда я вернусь, мы снова сможем заговорить о Корпусе. Туда не обязательно поступать в двенадцать лет, позволяется и позже…

Это все были *просто слова.* Чтобы как-то придать расставанию благопристойный вид. Да Гриша сейчас и не думал ни про путь на Камчатку, ни про Корпус…

— А как же я вернусь домой… Николай Константинович?

— Доктор отсюда отправляется в Россию, его оговоренный с академией вояж закончился. Поедете вместе. Вы ведь друзья…

Тогда наконец Гриша сказал с обмиранием:

— Николай Константинович, а Павлушка? То есть Поль?…

Гарцунов положил на колени парадную треуголку и стал смотреть перед собой.

— Ну что Поль… Есть определенные трудности, но полагаю, что удастся его пристроить в приюте при обители святого Франциска. Без крова не останется…

И тогда (вот — еще одна картинка из волшебного фонаря памяти!) наконец Гриша сказал то, что рвалось из него давно. Он встал перед Гарцуновым прямо, как в строю, снял шляпу, надел опять, снова снял и прижал к груди. Солнечные искры на галунах капитанской треуголки расплылись в набежавших слезах.

— Николай Константинович… господин ка-

питан… второго ранга… Пожалуйста… Христом Богом молю… ну, пожалуйста-пожалуйста! Не отдавайте Поля в приют!

Капитан как-то обмяк в плечах (опустились густые эполеты) и, подняв подбородок, непонятно смотрел на Гришу.

— Но… подожди… «Не отдавайте»… А куда его? Не на Камчатку же!

— Зачем на Камчатку! Со мной! В Турень! Мы же… как брат и брат… Как он будет без меня? — («И я без него…» — пронеслось в голове окончание фразы.)

— Гриша, подожди… Да кому он там нужен?

— Как кому?! Мне!!

— Это… ну, допустим… Ты, однако, слишком просто, по-детски смотришь на эти вещи. Я командир военного судна, и есть определенные правила. Поль… он ведь не просто маленький мальчик, он подданный Французского государства. По законам войны он — гражданский пленный. По этим же законам я обязан или держать его на бриге (а это невозможно), или передать властям нейтрального государства — в данном случае испанской провинции Куба… Извини, Гриша, но я… казенный человек и подчиняюсь законам… — Гарцунов встал.

Да, Гарцунов встал. И окликнул доктора:

— Петр Афанасьевич! Я оставляю Гришу вашему попечению! Он… слегка расстроен, но, может быть, вы успокоите его. И объясните, что не все в моих силах…

Он легонько подтолкнул Гришу к доктору и Павлушке, а сам, чуть сутулясь и надевая треуголку, пошел прочь.

«Ты не просто казенный… ты гадкий, злой, подлый!» — думал Гриша ему вслед. А потом не сдержался, выдал сквозь зубы:

— Сволочь… Живодер…

— Гришенька, да что с тобой! — ахнул оказавшийся рядом доктор.

А что с ним? Все выплеснулось…

Гриша уже не сдерживал слез. Если бы не Павлушка, он завыл бы в голос. Но малыш вцепился в его рукав, смотрел отчаянно и, видимо, тоже готов был зарыдать.

— Г’ри-ша!

Доктор кликнул извозчика. Молодой мулат в ярко-полосатых штанах и такой же рубахе с белым галстуком сочувственно смотрел на плачущего (и еще одного «почти плачущего») мальчика. Не удивлялся. Мало ли что могло произойти между почтенным дядюшкой и двумя

племянниками, жизнь — штука сложная… Он подсадил Поля на подножку высокой лаковой коляски. В коляску была впряжена коричневая лошадка в широкой шляпе с дырками для ушей. В другое время — поглядеть бы и посмеяться, но сейчас какой смех… Павлушка вцепился в Гришин локоть и так, молча, просидел всю дорогу. Только смотрел сбоку отчаянными глазами.

Доктор, конечно, начал расспрашивать, и Гриша, всхлипывая, рассказал все.

— Чего-то подобного следовало ожидать, — произнес доктор, глядя мимо кучера, на лошадиную шляпу… — А почему же ты, голубчик, не сказал про все это мне заранее? Я думал, ты со мной откровенен…

— Я… не знаю… Нет, знаю! Он же командир, и я… трусил… — Гриша ударил себя кулаками по коленям. — Я трус! Я… все время чего-то боюсь! И вот добоялся… Петр Афанасьевич! А может быть, вы сумеете его уговорить? — Новая надежда вспыхнула, как кулибинский фонарь!

Но доктор сказал нерешительно:

— Подожди, мальчик… А с чего ты взял, что твои… опекуны, семья Максаровых, захотели бы принять еще одного… сироту? Как снег на голову… К тому же неизвестно, какого роду-племени.

Он даже не знает языка…

— Да он уже многое знает! Он научится!

— Подожди, подожди… Оставь слезы и давай начистоту. Ты должен понимать кое-какие житейские вещи… Ты ведь Булатов, а не Максаров, не так ли?

— Да. Ну и что? — удивился Гриша.

— Максаровы тебя, конечно, любят, считают родным, и Платон Филиппович… правильно я его называю? Платон Филиппович полагал своей обязанностью обеспечить твою будущую жизнь. Ну вот, и появилась такая возможность: Морской корпус, офицерство, даже дворянство. Блестящие перспективы и… можно отцу семейства скинуть с плеч заботы о приемном мальчике. И вдруг — мальчик является снова. Ну ладно, не получилось с Корпусом, всякие тут причины… Но вместо одного мальчишки возникают в доме два — и вдвое больше забот, новые хлопоты. Каково Платону Филиппычу?

— Да не прокормит, что ли? У него денег куры не клюют, — искренне сказал Гриша. И спохватился: — Да вы не думайте, что я хочу быть нахлебником! Не получится с гимназией — научусь ремеслу. Или в ямщики… В Ямской слободе, на конюшнях, всегда есть работа для ребят. И

Павлушка научится. У него и сейчас уже вон какие ловкие пальцы!

— Так-то оно так… Но ты, Гриша, смотришь на все со своей, детской колокольни. И всех сложностей не видишь…

Гришу вдруг словно толкнули холодной ладонью в лоб. Он *понял.* Взрослые люди придумали свой мир, в котором детским горестям нет места. Для взрослых эти горести — случайные слезинки, которые мальчик вытрет со щек и забудет через пять минут. Ну, подумаешь, привязались друг к дружке! Как привязались, так и отвяжутся! Погрустят и перестанут. На свете столько важных дел! Надо воевать, охранять Камчатку, торговать кожами, чугуном, сахарным тростником, пароходами; выбирать женихов для дочерей, выпускать газеты, покупать и продавать акции, свергать и возводить императоров, рыть каналы и строить железные дороги, пороть провинившихся матросов и невольников, рубить головы повстанцам… А тут какой-то Гриша Булатов и какой-то бесприютный Поль, у которого даже неизвестна фамилия… Путаются под ногами…

Ясно стало, что даже такой добрый человек, как доктор, ничем не поможет Грише и Павлушке. Потому что он живет по *взрослым* законам.

Гриша больше ничего не говорил. Они приехали к дому книготорговца Санчеса, Гриша пошел в комнату (белую, прохладную, с желтыми непонятными гравюрами на стенах), лег лицом на пестрое покрывало высокой кровати, даже башмаки не снял. Павлушка придвинул старинный резной стул и сел рядом. Трогать Гришу за плечо или локоть он не смел, чуял его тоску.

— Г'ри-ша…

«А я ведь даже умереть не могу, — подумал Гриша, хотя умереть от такой тоски было бы в самый раз. — Потому что с ним тогда будет *что*?»

— Павлушка… — И Гриша стал ему рассказывать про все. Где-то русскими словами, где-то французскими, где-то просто движениями рук, но понятно. Главное — понятно: «Нас хотят разлучить. Тебя — в здешний монастырь („монастэр"), меня — в Россию…»

Наверно, это было жестоко — объяснять малышу такое. Но ведь и держать его в неизвестности тоже. Павлушка же видел, как что-то рушится в их жизни…

А может быть, вдвоем они что-то придумают?

Господи, но что?…

Семилетний мальчик Поль, сын английского беглого солдата и служанки из города Бас-Тер,

полуфранцуженки, полунегритянки (все это выяснилось позже, после всех невзгод), видимо, и правда хранил в себе каплю крови доблестного полковника Луи Дельгре. В этот горький момент он не ударился в слезы. Он закусил губу, посидел, подошел к двери и позвал:

— Росита Линда!

Оказалось потом, что в тот день он уже успел перекинуться словами с черной девочкой Ситой Линдой, и стало им ясно, что они как-то понимают друг друга: негритянские наречия Гваделупы и Кубы были одних корней.

— Росита Линда… — Поль показал на лежащего вниз лицом Гришу и что-то добавил.

А что могла сделать Росита Линда?

— Пако! — громко сказала она.

И пришел Франсиско Мануэль Санчес.

Казалось бы, любому жителю Кубы надлежало быть темноволосым и смуглым — от вечного солнца и примесей индейской и негритянской кровей. Пако же был белобрыс и белокож, будто в пику своей подружке. Вроде многих городищенских или ляминских парнишек. Этим он сразу показался симпатичным Грише, хотя до той минуты они виделись мельком. А сейчас…

А что он мог сделать сейчас?

Оказалось, что мог…

Потому-то и шагали они с Роситой Линдой к каменному мосту с рельсами, ведущими от Гаваны к Бехукалю. (Это — возвращение к старой картинке.)

3

А перед тем случилось вот что.

Мальчик Пако Санчес посмотрел на Роситу Линду, на Поля, на замершего поверх покрывала Гришу и сел на край кровати. Положил руку ему на спину. Сказал вполголоса:

— Амиго…

«Амиго» — по-испански друг. «Ами» — по-французски. Почти так же — по-португальски (помните остров Флореш?). Возможно, и на других языках похоже. Не требует перевода. Многое другое перевода требовало, но жизнь доказывает, что ребята умеют договориться, если надо помочь друг другу…

Правда, многие разумно мыслящие взрослые (бывает даже, что и читатели) утверждают, будто такого в жизни не случается. С какой стати одни мальчишки и девчонки будут ломать головы, рисковать, тратить силы, чтобы помочь другим

— совсем незнакомым? Посмотрите вокруг!..

Посмотрели. Покивали. Может быть, даже согласились… Но сейчас мы смотрим не «вокруг», а в книгу. Там другие годы. И есть немало свидетельств, что были времена, когда между ребятами, до той минуты не знавшими друг друга, вдруг возникала невидимая, но крепкая связь. Особенно если кто-то из них попадал в беду. Потому что в каждом человеке, пока он не вырос, есть инстинкт содружества. И порою он сильнее — и понятнее! — других чувств. Бывало, что барабанщики враждующих армий вытаскивали из-под пуль и перевязывали друг друга. Мальчишки и девчонки ощетиненного злобой племени отпускали на волю маленьких заложников. Девочка, получившая в подарок небывало дорогую куклу, отдавала ее соседке-нищенке. Незнакомый мальчишка-рыбак менял курс своей лодки, чтобы помочь другому мальчишке отыскать неведомый остров…

Скажете, такое случалось только в сказках? Но автор знает, что — не только. Это во-первых… А во-вторых, обратите внимание: в подзаголовке повести так и написано: «Сказка…» (это на всякий случай)…

Короче говоря, через час-полтора Пако и Росита

Линда уже разобрались, что к чему. Росита Линда требовательно смотрела на Пако.

— Кларо… — сказал тот, что означало: «Дело ясное…» Затем наморщил под белобрысыми прядками лоб, почесал ноздрю и произнес еще несколько испанских слов. Они, судя по всему, означали: «Надо думать, что делать дальше…» Но, похоже, что он все придумал сразу, а говорил так, чтобы окрасить свое решение некоторой солидностью…

Доктор не заходил к ребятам. Похоже, что ему было не до мальчишек. Он вместе с хозяином книжной лавки Диего Гарсия Санчесом разбирал гравюры кубинских мастеров, среди которых были старые и удивительно интересные вещи. Петр Афанасьевич («сеньор Педро») купил несколько работ не торгуясь, чем сразу заслужил у сеньора Санчеса глубокое уважение. Затем доктор попросил служанку сеньора Санчеса тетушку Исабель, мать Роситы Линды, присмотреть за мальчиками, покормить их ужином, а сам отправился в отель на встречу с офицерами и представителем РАКа.

Гриша и Павлушка ужинать не стали. Измученные переживаниями, они уснули на одной постели, облапив друг друга и уткнувшсь рядом носами в громадную, как перина, разноцветную

подушку.

А Пако велел Росите Линде найти заранее плоскую «каха» с лямками (вроде плетеного ранца) для мальчишкиных вещей и две «калабаса», то есть тыквенные фляжки…

Проснулись поздно. Во время завтрака молчали. Потом Гриша — последний раз — встал перед доктором и посмотрел в глаза. С прямым и жестким вопросом. Есть какая-то надежда, или люди, от которых зависит их с Павлушкой судьба, не изменили решения? Доктор посмотрел поверх Гришиной головы и развел руками…

После доктор объяснял, что жест его не означал, будто положение безнадежно. Он, мол, хотел только дать понять, что ничего еще не ясно, следует подождать, потерпеть, поскольку такие вопросы не решаются в один присест. Но Гриша понял по-своему. И Павлушка. И Пако, который наблюдал издалека. И он опять сказал:

— Кларо.

Доктор спросил, не хотят дети погулять, осмотреть старинную крепость ла Кабанья и посетить магазины с весьма любопытными антильскими сувенирами. Гриша ответил, что не хочет.

— Извините, Петр Афанасьевич, я устал. Посижу дома. И Павлушка со мной…

Доктор покачал головой и ушел. То ли в магазины, то ли еще куда-то, неясно. Ясно только, что себе на беду…

Как он потом метался по Гаване, как старался выбить какие-то объяснения у Пако и Роситы Линды (те с честным недоумением на лицах пожимали плечами), как объяснялся с капитаном Гарцуновым, никто не знает. «Волшебный фонарь» не сохранил этих картинок.

Единственный след, который оставили беглецы — письмо. В нем Гриша Булатов писал доктору и капитану, что они с Полем уходят из Гаваны. И что вернутся не раньше, чем бриг «Артемида» и Петр Афанасьевич покинут Кубу. А вернувшись, устроятся помощниками к рыбакам или чистильщиками сапог. Или еще кем-нибудь. Не пропадут они здесь, среди вечного лета. (Гриша так и написал — «среди вечного лета».) Много ли им надо? Построят на берегу среди скал какую-нибудь хибару. Здесь много таких жителей — и больших, и маленьких. Нищих, но свободных. Зато никто их с Павлушкой не разлучит, не растащит по разным краям планеты (Опять же это его, Гришино, выражение — «по разным краям планеты»), потому что они поклялись быть вместе. И потому, что большой Гриша не имеет права оставить

маленького Поля, у которого больше никого нет на свете. («Его и так предавали много раз».)

Еще Гриша писал: «Не считайте, что я совсем безголовый и не думаю, что будет дальше. Я думаю…»

Он сообщал, что в скором времени напишет письмо в Россию, Максаровым, и сообщит, что же с ним случилось. Письмо, конечно, будет идти очень долго, на разных кораблях, но доберется же когда-нибудь до Турени. И пусть Платон Филиппович и Полина Федоровна решают: нужен ли им Гриша Булатов вместе с названым братишкой, или нет. Если нужен, они заработают денег и вернутся домой…

Еще Гриша хотел попросить прощения у доктора и Николая Константиновича за то, что доставляет им хлопоты и беспокойства, и объяснить, что у него просто нет больше никакого выхода. Но Пако нетерпеливо танцевал рядом: доктор мог вернуться в любую минуту. Гриша закончил фразу и поставил подпись: «Григорій Булатовъ» — гусиным пером, коричневыми чернилами на обороте гравюры, которую для этой цели позаимствовал из отцовских запасов Пако. (Гравюра тонкой работы изображала высадку великого Кристобаля Колона на Кубу, и

папаша Санчес потом болезненно мычал и хватался за голову, пытаясь одновременно отвесить подзатыльник любимому наследнику. Пако же клятвенно утверждал, что ничего не знает и что гравюру для письма этот «мучачо русо» утянул с полки без спросу. Кстати, почему Гриша не воспользовался для письма листком из тетради, непонятно. Может быть, там уже не осталось чистых… Доктор выкупил у сеньора Санчеса гравюру с Гришиными строчками за двойную цену, и тот утешился.)

Под мостом было неплохо, уютно даже. Слегка влажно, зато прохладно. Нашелся среди камней широкий уступ, туда натаскали сухой травы и листьев, сделали лежанку. Пако оставил друзьям увеличительное стекло, чтобы разжигать костер. На огне можно было испечь рыбу. Пако в ручье прямо руками поймал две рыбины. (Гриша и Павлушка потом тоже пытались, но не сумели.)

Затем Пако и Росита Линда помахали друзьям руками (белой и удивительно черной), пообещали прийти завтра, посоветовали не скучать и скрылись.

Гриша с Павлушкой и не скучали. То, что с ними произошло, было *приключением,* так и следовало к этому относиться. В конце концов,

ясно же («кларо!»), что ничего плохого не случится. С голода не помрут, от холода-тоже. Друзья не бросят. Письмо, которое отправит Гриша, когда-нибудь дойдет до Турени. Капитан и доктор поищут их — и перестанут. У взрослых свои дела. Может быть, станет искать здешняя полиция? Гриша попытался выяснить это у Пако, и тот сказал «Хы…»: мальчишек, которые неизвестно чьи, в Гаване столько, что ищи хоть до конца света («эль финаль дель мундо»)…

Они разожгли костер, испекли рыбу (не от голода, а ради интереса, потому что еды в плетеном коробе и так хватало). Искупались в ручье — теплом, со щекочущими струйками подводных пузырьков. Вернулись в свое убежище под мост. Здесь произошло то, что Гриша долго вспоминал со стыдом (еще одна «картинка»). В каменной арке, на границе тени и яркого солнца, скользила блестящая черно-зеленая змея. Гриша по-девчоночьи завизжал. Змей он боялся пуще всего на свете. Прижал к щекам ладони и… если бы не Павлушка, то рванул за сто верст, в самую середину острова Куба. А Павлушка… Он согнулся, взял змею посередине и легко зашвырнул на другой берег ручья. Он, житель антильского мира, видимо, знал, что такие змеи безвредны, ничуть

не испугался. Зато испугался за Гришу: не помрет ли тот от страха?

— Г'ри-ша…

Ужас постепенно откатывался, и вместо него в Гришу наливался стыд. Показать себя таким трусом! Павлушка теперь его в грош не будет ставить!

А тот…

— Г'ри-ша… не… бой-ся… — И чуть ли не плакал от того, что Гришу так потрясло это безобидное существо. Он был умница, Павлушка-то. Сразу сообразил, что мальчик из далеких краев не может знать здешней живности и что смеяться над этим бессовестно… Да и как вообще можно было бы смеяться над «Г'ри-шей», который лучше всех на этом свете! Его можно было только защищать и утешать. Павлушка и стал делать это. Поймал еще одну такую же змею, показал издалека, повертел в руках, отбросил. Потом он ловил ящериц — маленьких и больших. К ящерицам Гриша относился спокойнее. Одну из них он, скрутив себя, даже погладил мизинцем по плоской головке. И потом уже не вздрагивал, когда ящерки шуршали в камнях (а ночью — и рядом с постелью).

Простучал, просвистел, прошумел вечерний поезд (ходили поезда два раза в сутки). Гриша

и Павлушка отошли от моста в чащу, чтобы со стороны посмотреть на чудо с колесами. Паровоз испускал клубы пара, сверкал медью, двигал, как великанскими локтями, красными рычагами, тащил за собой вагончик с окошками и несколько открытых платформ. На платформах — большущие тюки и связки каких-то очень толстых стеблей. На тюках лежали и сидели полуголые негры в белых штанах и размочаленных шляпах. Белозубые и, кажется, не очень огорченные своей невольничьей долей. Один даже бренчал на чем-то вроде гитары…

Потом почти сразу пришла темнота. Заранее разжечь костер не успели, а в темноте от стекла какая польза? Оказались во мраке (лишь кое-где горели светляки). Гриша боялся, что вместе с темнотой навалятся всякие страхи. Но их не было. Ну… почти не было. От того, что рядом, под принесенным из дома вместе с едой одеялом, свернулся калачиком и доверчиво дышал Павлушка. Несмотря на случай со змеей, он, конечно же, по-прежнему считал Гришу защитой от всех бед.

Впрочем, теперь было ясно, что и сам гваделупский мальчик Поль — не такое уж боязливое и беспомощное существо. Маленький, но с харак-

тером и ничуть не плакса. Терпеливый. Может быть, даже терпеливее и смелее Гриши… С этой мыслью Гриша и уснул.

Утром появились Пако и Росита Линда. Веселые и бодрые. Объяснили, что дома все в порядке. Ну, то есть как в порядке? Конечно, сеньор Педро волновался, махал письмом, расспрашивал Пако и Роситу Линду, но те отперлись, и доктор куда-то ушел. Причем, похоже, что успокоился… Все это Пако (с помощью Роситы Линды) объяснил почти понятно и беззаботно (Грише показалось даже, что слишком беззаботно). Потом они болтали, смеялись, завтракали — друзья принесли свежие лепешки, половину жареной курицы и бананы. Развели огонек, чтобы согреть в жестянке чай…

Росита Линда сидела, подтянув коленки и смотрела в бесцветное пламя. Платьице у нее сбилось, открыв ноги. По ноге, от коленки к подолу, шел черный блестящий жук, почти неразличимый на девочкиной коже. Гриша смотрел на этого большого усача, убеждая себя, что интересует его именно жук, а не голая девчоночья нога, хотя на нее, такую черную, глядеть тоже было интересно.

Гриша думал, как это глупо и несправедливо: Росита Линда — невольница. То есть *рабыня*.

Если захотят, могут ее продать, а то и загубить до смерти!.. Ну, пока что ей такая участь не грозила, да и мать Роситы Линды, тетушка Исабель, вела себя в доме вдовца Санчеса не как робкая прислуга, а по-хозяйски. Шумно командовала, иногда покрикивала на хозяина, а юному Пако однажды влепила крепкого шлепка… Да, но что будет дальше? Женитьба белого сеньора на рабыне (да и на свободной, но черной девушке) была немыслима. Это не поймут, этого не простят… А Пако и Росита Линда давно уже поклялись друг другу стать мужем и женой, когда вырастут. Иное даже не обсуждалось. И, чтобы им не помешали, решено было — едва подрастут, бежать на остров Гваделупа, где пять лет назад отменили рабство. Их-то, Пако и Роситу Линду, этот остров ничем не пугал, до злобного духа Матубы им не было дела…

Гриша и Павлушка уже знали об этих планах. И очень даже сочувствовали. Понятно же — здесь взрослые равнодушные люди хотели устроить еще одну разлуку для ребят, и надо было сопротивляться!

…Кстати, у автора этой повести есть сведения (правда, не очень точные, «косвенные»), что план Пако и Роситы Линды удался и они жили в Пуэнт-а-Питре долго и счастливо, народив пол-

дюжины ребятишек… А почему бы и нет? Ведь не обязательно же всякая история о ранней любви должна кончаться, как у Ромео с Джульеттой. Бывают счастливые исключения…

Пако предложил искупаться. Гриша заволновался (внутри, конечно). Подумал: а будет ли купаться с ними Росита Линда? Если будет, то не в платье же, конечно… И не то чтобы его одолевало какое-то запретное любопытство, а просто было интересно: она вся такая черная или все же есть места посветлее. Застыдившись самого себя, он стал казаться очень беззаботным… и зря старался. Росита Линда купаться отказалась, пошла наводить порядок в логове бестолковых мальчишек (ла мадригуэра дель мучачос торпес). Стали бултыхаться втроем…

Наконец Пако и Росита Линда ушли, пообещав навестить беглецов завтра. А если случится что-то важное, то и раньше…

4

Видимо, ничего важного не случилось, поскольку в тот день друзья не появились. Гриша старался не беспокоиться (чего волноваться — ведь жизнь шла, как задумано). А Павлушка — тот и вообще был как беззаботная пичуга.

«Г'ри-ша» рядом, солнце светит, никто не грозит пленом и разлукой… К тому же он нашел занятие: приносил из чащи толстые сухие ветки, ломал их на кусочки и вырезал из этих кругляшек разные фигурки: головастых человечков, зверьков непонятной породы — смешных и добродушных, птичек со сложенными крыльями и даже головки длинных, полураспустившихся цветов.

— Г'ри-ша… Смо-три…

— Молодец, — вздыхал Гриша. Павлушка и в самом деле был молодец…

И опять пришла ночь. Еще более темная, чем накануне, без светляков. И душная. А потом грянула гроза.

Ну, надо знать, что такое тропические грозы. Гриша, хотя и хлебнувший урагана, все равно корчился от страха. Даже сквозь лавину ливня видно было из-под моста, как рубят пространство многожильные синие молнии. А грохот стоял такой, будто рушится… нет, не только этот мост, а все мосты на свете…

Они сидели, закутавшись в лоскутное одеяло, и казалось, что Павлушка старается не просто прилепиться к Грише, а как бы слиться с ним воедино — и тогда будет не страшно. Ведь если Гриша и боится безобидных «серпент» (потому

что не знает), то больше-то ничего не боится. Вон как старается прикрыть его, Поля, всем телом от чудовищного грохота проснувшегося Матубы…

Надо было как-то подтвердить эту Павлушкину уверенность, сделать что-то более сильное, чем страх. И Гриша… стал читать «Конька-горбунка».

…Вот въезжают на поляну
Прямо к морю-окияну;
Посреди его лежит
Чудо-юдо рыба-кит…

Похоже, что Матуба опешил от такой дерзости. Или его заворожила ритмика незнакомой русской сказки. Или просто начал выдыхаться. Грохот ослаб, ливень приутих, сверкать стало слабее. И наконец гроза откатилась куда-то за границу ночи…

Гриша замолчал.

— Г’ри-ша… ищо…

— Горюшко ты мое, — сказал он совсем как Арина в доме на Ляминской. — Ну еще так еще…

Утро было сверкающее от миллионов повисших капель. Свистели и картаво кричали какие-то птицы. Утренний поезд уронил с моста в траву клочья тяжелого пара… Пако и Росита

Линда пришли мокрые — пробирались через сырые заросли. Впрочем, скоро солнце высушило и ребят, и ветви…

Новостей друзья не принесли. По их словам, сеньор Педро вел себя спокойно, вопросами не досаждал и надолго уходил из дома. А бриг по-прежнему стоял на рейде.

«Когда же это кончится?» — с растущей досадой думал Гриша.

Кончилось, когда миновали еще трое суток.

Ясным, свистящим сотнями птиц утром Пако разбудил мальчишек раньше обычного. Не толчками, как прежде, а громким криком снаружи, от ручья:

— Грегорьо! Паулито!

Они сунулись наружу, и… Между Пако и Роситой Линдой стоял доктор. Он был похож на путешественника — в твердой шляпе, с футляром подзорной трубы через плечо, в крагах и широком ремне поверх белой куртки. Пако и Росита Линда выглядели слегка виновато, а доктор сказал, блестя очками:

— Выходите, бездельники. Бриг «Артемида» ушел из Гаваны. Никто не станет вас разлучать.

Это была радость. Но смешанная с недоверием.

— А вы? — сказал Гриша издалека.

Доктор сказал в ответ:

— По-твоему, я окончательный злодей?

Нет, Гриша так не думал. И все же…

— А… что теперь будет? — спросил он, делая к доктору несколько шагов.

Тот, видимо, понимал, что важно сразу рассеять все тревоги. И отвечал кратко:

— Через десять дней в Европу пойдет испанский пакетбот. Отправимся на нем. В Германию. Оттуда сушей в Петербург. Но уже сегодня ты напишешь в Турень письмо, оно уйдет завтра с американским пароходом — для того, чтобы мы как можно скорее дождались в Петербурге ответа. Захотят Максаровы принять мальчика — слава Богу. Не захотят — я позабочусь о нем. По крайней мере, все равно будете в одной стране, сможете иногда видеться…

— Петр Афанасьевич!.. — Гриша чуть не крикнул «родненький мой», но сдержался. — Они захотят! Я знаю! Ну, не прогонят же!..

— Муй бьен, как говорят наши друзья… Однако поспешим, «Артемида» еще недалеко, и ты сможешь хотя бы издалека помахать ей рукой. Николай Константинович, кстати, просил передать, что не держит обиды…

Гора с плеч!

— Петр Афанасьич, а как он узнал, где мы? И вы… как узнали?

— Благодаря твоим друзьям. Они выложили секрет в первый же вечер… Не вздумай обвинять их в измене! Пако рассказал про ваши планы лишь тогда, когда я обещал, что не стану стараться разлучать вас, а наоборот… Я поклялся в этом перед испанской гравюрой, изображающей снятие Иисуса с креста…

Гриша и не думал обвинять. Он обнял Пако и, если был бы девчонкой, расцеловал бы! А Павлушка обнял Роситу Линду — конечно, он обо всем догадался! И Росита Линда чмокнула его в щеку…

ДОРОГА К ДОМУ

1

Бриг уходил. Он был уже далеко за маяком крепости эль Морро, но еще не у горизонта. Дуло с берега, и стояли все паруса. Белый с косым синим крестом флаг был различим под гафелем. Не простым глазом, конечно, а в трубу.

Доктор и ребята стояли на каменной площадке набережной и передавали трубу друг другу. Гри-

ша держал ее дольше всех (его не торопили). Он поставил локти на парапет, чтобы изображение не прыгало в объективе. В трубу казалось, что судно совсем недалеко. Можно было даже различить на корме, под окнами надстройки фигурные буквы: «Артемида».

На кормовой палубе, на юте, видны были люди. Один из них — в треуголке. Ясно, что капитан. Он тоже держал трубу. Поднял ее к глазу, глянул назад, на гавань… На берег… Видимо, поймал в объектив каменную площадку. Две трубы как бы столкнулись объективами… Гриша… он не выдержал, робко поднял ладонь, помахал над плечом. Капитан, не опуская трубу, встал очень прямо и помахал треуголкой.

У Гриши в горле застрял комок, в один миг. Он отдал трубу Пако, положил локти на парапет и лег на них щекой.

— Г'ри-ша… ты че-во?

Господи, как же хорошо, что *он есть*…

— Павлушка, все в порядке… Муй бьен…

Гриша еще раз, уже без трубы, глянул на белые пятнышки парусов.

«Вот и все…»

Теперь — признание автора. Он увлекся и слегка приврал. Ну, хотелось сочинить поинтереснее.

На самом же деле Гриша и Павлушка провели под мостом только сутки. На следующее утро, после купания, Пако и Росита Линда привели их обратно в город, на окраину, которая называлась Ведадо. То есть «Запретная». До недавнего времени власти не разрешали строить здесь никаких домов, и лишь недавно город не удержался в прежних границах, они «лопнули». Сейчас на западном краю Гаваны, у моря, рос поселок из рыбачьих домиков и хибар, а кое-где уже вставали респектабельные особняки.

Пако поселил беглецов у знакомого старика, который в силу преклонных лет смотрел на все в жизни без удивления. Устроили гнездо над шатким потолком, под черепичной крышей. Помещение называлось «эль десван», что на русский переводилось очень просто — «чердак». А жить в джунглях, под мостом, было все-таки рискованно. Не всякая змея такая безобидная, как те, которых безбоязненно хватал Павлушка. Да и всякие там «лос бичос мордедорос» (кусачие козявки) и «эскорпионос»…

Здесь они и провели несколько суток, здесь и пережили ночную грозу. Ну а дальше — почти все, как написано прежде. Только доктор появился перед мальчишками не в одежде путешествен-

ника, а в обычном белом костюме. Правда, все же с трубой…

После, уже днем, доктор изложил по порядку все прошлые события.

Он принес письмо Гарцунову, и тот совсем не по-капитански, а как-то по-женски схватился за голову:

— Мне теперь одно: ядро за пазуху — и с борта…

— Да полноте, Николай Константинович. Мальчишки никуда не денутся, они у меня почти что на глазах. Вам надлежит лишь одно. Дать мне бумагу с судовой печатью и примерно таким содержанием. «Я, командир брига „Артемида“, в силу изменившихся обстоятельств поставлен перед необходимостью передать попечительству российского подданного, профессора Санкт-Петербургского университета… и прочая, прочая… своего воспитанника Григория Булатова и уроженца Малых Антильских островов Поля… фамилия неизвестна? Придумаете сами… оказавшегося на судне в силу неожиданных военных обстоятельств…»

Я, в свою очередь, дам вам письменное подтверждение, что беру на себя всю ответственность за мальчиков в дороге и за судьбу Поля, если ему бу-

дет отказано в приеме со стороны Максаровых… Я холостяк, Николай Константинович, и забота о мальчике скрасит мое существование… Не терзайте себя, мой капитан, ваша совесть чиста. Военные обстоятельства оправдывают многое. Вы же сами говорите — корвет…

Британский корвет был не в пример сильнее российского брига, и, сойдись они в море, исход боя не вызывал сомнений. Англичанин спешил уйти первым, чтобы дождаться «Артемиду» в нейтральных водах. Но военный комендант порта оказался хорошо настроен к русским. Он обещал выпустить бриг первым, если он поспешит. А британец будет задержан на сутки, поскольку суда воюющих держав могут покидать нейтральные гавани с интервалом не менее чем в двадцать четыре часа. А через это время легонькую «Артемиду» ищи-свищи…

Такой выход был наиболее разумным. И все же прежде, чем принять решение, капитан Гарцунов сказал со стоном:

— Но как я посмотрю в глаза Платону и Полине, когда вернемся?

— Так и посмотрите. Время все сглаживает и успокаивает. И объясняет… К тому же… давайте начистоту… вернетесь вы не скоро, не так ли?

Бриг «Артемида» не вернулся вообще.

Судьба его не совсем ясна. Известно, что он не успел к берегам Камчатки, чтобы принять участие в обороне Петропавловска, которая развернулась в августе. Когда «Артемида» появилась в Авачинской бухте, все было кончено: проигравшие битву англичане убрались прочь, зализывая раны и латая пробоины. Разгром был полный… Но было понятно и то, что в будущем году, когда британская эскадра появится здесь с возросшими во много раз силами, Петропавловску не выстоять. Военный комендант генерал-майор Замойко принял решение готовить порт и гарнизон к эвакуации в Николаевск-на-Амуре. Видимо, в этих обстоятельствах «Артемиде» там делать было нечего. Капитан принял решение (похоже, что опять на основе каких-то инструкций) идти в Ново-Архангельск, к Аляске, поскольку у него были какие-то обязательства перед Российско-Американской компанией. Возможно, бригу предстояло войти в число судов, занятых охраной российских поселений.

Но и на этот раз «Артемиде» не повезло. Нет официальных известий, но в ту пору промелькнули сообщения, что вблизи Ново-Архангельска на бриге случился пожар и судно сгорело на виду

у других кораблей. Люди спаслись (по крайней мере, о жертвах ничего не говорилось).

Гарцунов объявился в России лишь через несколько лет. С Максаровыми он изредка переписывался, но не встречался. А с Григорием Булатовым, говорят, виделся однажды в Петербурге, но в те времена, когда герой нашей повести стал уже взрослым.

Мелькало в сообщениях о флотской жизни имя капитана первого ранга Дмитрия Невзорова. В семидесятых годах он служил в Севастополе и принимал участие в восстановлении Черноморского флота.

О других моряках брига Григорий Булатов ничего больше не слышал.

…Надо сказать, что судьба «Артемиды» была явно несчастливой. Никаких свершений и полезных дел на счету у брига не оказалось (возможно, поэтому его имя и не найти в судовых списках тех времен). Миссия на Кубу была чьей-то неудачной фантазией, рожденной среди не самых умных чиновников морского ведомства. Канал через Панамский перешеек был открыт лишь через шестьдесят лет и без всякого участия Российско-Американской компании, которая в то время уже не существовала, поскольку Аляску продали

Америке. Никаких отношений между Россией и Кубой тогда завязать тоже не удалось…

Конечно же, немалым достижением в мореплавании было прохождение брига через коварный пролив Ривьер-Сале. Однако событие это осталось неизвестным географической науке, поскольку судовые журналы и документы сгорели при пожаре. А без письменных и заверенных свидетельств — кому какая вера?

Может быть, для науки что-то дали исследования планктона, которые проводил на бриге доктор? Но сам Петр Афанасьевич откровенно говорил, что это была «рутинная работа», которая в естествознании «не сделала погоды».

Возможно, и сами моряки были в чем-то виноваты? Будучи уже взрослым и заново перебирая события в Атлантике, Григорий Булатов признавался себе, что экипаж мог желать лучшего. Наспех подобранные матросы, не служившие раньше друг с другом офицеры… Ну, с матросов какой спрос, а командирский состав… Конечно, сам капитан, да еще пожилой штурман Иван Данилович Евдохов были деловыми и знающими людьми. А остальные… да, безусловно, храбрые и готовые к сражениям и штормам моряки, но их склонность спорить и рассуждать, когда необ-

ходимы немедленные решения… Недаром это свойство сослуживцев вызывало у капитана Гарцунова болезненную досаду…

Ну и все-таки, все-таки! Не будь такого плавания, никогда не оказались бы вместе два мальчика — из сибирского города Турени и с антильского острова Гваделупа. А то, что оказались — это уже полностью оправдывало и постройку брига, и его путешествие, и все затраты, и все трудности. Так, по крайней мере, считал Гриша Булатов — и в детские годы, и когда вырос…

Но об этом — потом. А пока — щелк! — перевернем картинку волшебного ящика назад и снова окажемся в Гаване.

2

Эти десять дней оказались самыми счастливыми в Гришином путешествии. Главное, что Павлушка был рядом. И были рядом хорошие друзья. А вокруг был чудесный белый город — с маяками и бастионами, с похожими на кружевные дворцы зданиями, с фонтанами, громадными цветами среди буйной зелени и густыми запахами тропического лета.

Синело море, звенели гитары, громадные перья пальмовых листьев устилали зеленой тенью мо-

заику тротуаров и мостовых. Солнце нагревало старинные пушки, по которым лазала ребятня — и светлая, и темнокожая. И Гриша с Полем (и Пако с Роситой Линдой, конечно) тоже лазали. А Петр Афанасьевич расставлял треногу лакированного сундука и махал перед объективом кожаной крышкой.

Кто знает, где теперь эти снимки? Кажется, даже Гриша не видел их, потому что, пока были вместе, доктор не управился с проявкой пластин…

Поль радовался жизни не меньше Гриши. И лишь один раз он насупился и глянул на всех тревожно. За старой площадью со старинным громадным собором (где, про слухам, лежал в саркофаге сам Кристофор Колумб), в узкой, как щель, прохладной улице они впятером зашли в лавку с антильскими сувенирами: веерами, вазами из раковин, светильниками из украшенных орнаментом тыкв, какими-то погремушками и масками. Да, масками… На одну из этих масок — с зубастым ртом и злыми вертикальными глазами — Поль посмотрел со страхом и отвращением:

— Матуба… — И, как в первые дни знакомства, боязливо вцепился в Гришин рукав.

— Пошли отсюда, — быстро и понятливо сказал

Гриша. И они пошли. Но Поль не стал веселее. Оглядывался и ежился. Тогда… доктор вернулся в лавку и купил маску. Наверно, она стоила недешево, но они окраинными улицами отнесли ее на берег, стеклом Пако разожгли костер из сухих водорослей и щепок и торжественно обратили «Матубу» в пепел.

— Всё, — сказал доктор, отряхивая от пепла белые брюки. — Конец Матубе. Фин…

— Пур тужур, — добавил Гриша, что означало «навсегда».

— Пур тужур? — переспросил Павлушка недоверчиво, но и радостно.

— Да, — сказал Гриша твердое русское слово, которое уже было известно Павлушке.

На главных улицах и площадях Гаваны было замечательно, красиво, но и на окраинах было интересно: здесь пахло приключениями, пиратами и тайнами. Валялись в тени каменных белых заборов старые лодки, росли кактусы и остроконечные шипастые агавы, сушились на дворах сети, кривые лестницы и галереи перепутывались между домов и вели непонятно куда. У лодок сидели, открыв розовые пасти, клочкастые добродушные псы, махали ребятам хвостами. Рядом с псами безбоязненно дремали тощие

разноцветные кошки. Гриша иногда гладил их, и они, выгибаясь, мяукали — совсем по-русски, как в Турени…

Переулки выводили на заваленный ракушечными глыбами берег. Зеленоватая вода Флоридского пролива набегала, растекалась, пузырилась между глыб. Откатывалась и оставляла всякую морскую мелочь: похожие на полупрозрачные крылышки плавники каких-то рыб, поплавки от сетей, крабьи клешни, маленькие морские звезды, пробки от анкерков… А если нырнуть, поплавать среди скал, можно было найти вещи и поинтересней. Мелкие причудливые ракушки, большие витые раковины — серые и колючие снаружи и нежно-розовые внутри, ветки кораллов, разбитый панцирь морской черепахи, изъеденный морской солью кремневый пистолет, пуговицы от старинных камзолов… И Гриша нырял и находил. И Павлушка вместе с ним — он, оказывается, плавал, как неутомимая рыбешка…

Доктор сперва опасался отпускать ребят к морю без себя. Но Пако заверил, что ничего не случится. Коварные «тибурон» (то есть акулы) здесь не подходят близко к берегу, а потонуть гостям не дадут мальчишки, которые всегда рядом. И доктор наконец уступил. Хотя бывало, что напрашивался к

морю с ребятами и бродил там, выискивая что-то среди заливаемых волною камней…

Приятели Пако (мальчишки всех цветов) были дружелюбные, улыбчивые. Узнав, что Грегорьо и Паулито из далеких краев, они надарили им целую «каха» морских находок. Гриша с удовольствием думал, как будет раздавать ракушки Аглае, Оленьке, Кате, Танюшке и Лизавете-красавице. И приятелям на Ляминской. Еще недавно у него была лишь одна раковина — с острова Флореш — а теперь вон сколько этого добра!

А ту, «азорскую», раковину он завернул в платок и положил в сундучок отдельно — она для Агейки. Особый подарок…

Испанский паровой пакетбот, на котором заказали места, готовился к отплытию. Правда, опасались урагана (они не редкость у берегов Кубы), но ураган смилостивился, миновал те края, и капитан Родриго де Меланеса известил господ пассажиров об отходе.

Прощание с друзьями было, конечно, грустным. Но ясно же, что не таким, каким оно могло бы случиться, если бы Павлушку затолкали в сиротский приют. А теперь что! Никто не оставался в одиночестве. Павлушка — с Гришей, Пако — с Роситой Линдой!

Гриша оставил на память Пако свою шляпу. А Павлушка — Росите Линде. А еще Павлушка подарил им вырезанных из дерева енотиков. И приятелям на берегу-тоже. Пако отдал Грише свое увеличительное стекло. Вот удивительно будет зажигать им в туренском логу костры и объяснять ребятам, откуда эта замечательная линза…

А еще Гриша уговорил доктора купить для Роситы Линды красное коралловое ожерелье. Тот купил не только Росите Линде, но и ее маме, шумной тетушке Исабель. Обе были счастливы.

Книготорговец Диего Гарсия Санчес, подружившийся с «сеньором Педро», вручил тому две гравюры гаванского мастера Базé «Воскрешение Лазаря» и «Въезд в Иерусалим». А доктор преподнес сеньору Санчесу стальное, с серебряной насечкой, перо для чернил — такие в ту пору тогда только входили в моду…

3

Трехмачтовый пароход «Каталония» по сравнению с «Артемидой» был громаден. И каюта из двух отделений — для доктора и для мальчиков — была несравнима с клетушкой, где обитали Гриша и Митя Невзоров. И все представлялось таким внушительным, прочным, надежным… Ко-

нечно, если бы налетел ураган, то и «Каталония» (кстати, не очень быстроходная и скрипучая) оказалась бы скорлупкой. Но ураганов, к счастью, не случалось. Штормило иногда, но порой это было даже на пользу. Если дуло с кормы или с борта, ставили, как на обычном парусном судне, фок и марсели и резво бежали к цели полным курсом. Если ветер был встречный, «Каталония» не унижала себя лавировкой, а разжигала котлы и, демонстрируя технический прогресс, одолевала милю за милей с помощью гребных колес. Ей надлежало, в соответствии с рейсовым графиком, быть в Гамбурге первого сентября, и энергичный капитан де Меланеса каждый раз, приветствуя пассажиров в салоне за обедом, клялся, что так оно и будет, «если только „осеано Атлантико“ не разверзнется и не поглотит наш корабль вместе с близлежащими материками! Но он не поглотит, по крайней мере, на этот раз. Гарантирую вам, сеньоры!»

Капитан был энергичный, жизнерадостный и внимательный к пассажирам сеньор. Но, разумеется, просить у него разрешения слазить на марсовую площадку было бессмысленно. Разве он позволит? Что будет, если все пассажиры попрутся на фор-марс, грот-марс и крюйс-марс, а то

и на салинги?

Впрочем, Гриша и Павлушка все равно не скучали. Тем более что доктор заявил: нечего бездельничать, дети должны учиться. Григория Булатова ждет гимназия, а Полю надлежит осваивать язык (а то он до сих пор говорит на какой-то смеси французского, русского, испанского и антильского). Гриша не возражал — писал диктанты и решал задачки. А Поль — тот вообще всегда был радостно готов ко всему. Слова учить? Муй бьен! Складывать и вычитать! Ха-ра-шо! («Только закончу вырезать дельфина!»)… Он уже не был робким, вздрагивающим мальчонкой, который постоянно цеплялся за Гришин рукав. Проявлял самостоятельность. «Г'ри-ша, я пойду не-мно-жко променэ…» Погуляю то есть. И шел гулять по пароходу. Пассажиры и матросы улыбались кудлатому толстогубому мальчику, гладили по голове… Гриша сперва нервничал: где он там шастает по корабельным закоулкам и трапам? Но ведь не будешь пасти его каждую минуту…

Однажды, когда Павлушка «променэ», доктор выложил перед Гришей на стол карту Гваделупы. Ту самую, работы гравера Амбруаза Тардье.

— Вот, голубчик… Решил сделать подарок. Тогда, в Ривьер-Сале, она не очень пригодилась, но

все равно память о нашем путешествии… А?

Гриша насупился:

— Петр Афанасьевич, он же не любит этот остров. У него там ничего хорошего не было. Зачем ему?

— Кому «ему»? А, ты про Павлика? Да я же не ему хочу подарить, а тебе! А ему, конечно, ни к чему. Опять станет вспоминать про злого Матубу… Хотя, обрати внимание, вулкана Матуба на карте как раз нет. Суфриер есть, а Матубы нет, хотя они рядом. Видимо, Тардье решил не напоминать соотечественникам о трагическом событии…

— Петр Афанасьевич… но это же такой дорогой подарок… — И Гриша неловко высказал то, что скребло его уже давно. — Вы на нас с Павлушкой и так… вон какие деньги тратите… Совестно даже…

— Что за нелепые рассуждения! Ничего я не трачу! Если хочешь знать, Николай Константинович выдал мне для вашего содержания казенную сумму. Под расписку… Ну, а если… чего-то и потратил, что за беда! Вы же мне… ну, не чужие же… Нет, в самом деле, дурень какой…

— Ага… — виновато согласился Гриша, и ему захотелось потереться щекой о рукав доктора, как иногда терся Павлушка о его, Гришин, рукав.

И чтобы сменить разговор, Гриша спросил:

— Петр Афанасьевич, а все-таки как вы тогда сумели догадаться? Так быстро… ну, что мы прячемся недалеко и что Пако нам помогает. Будто всё знали заранее.

— Скажу, так не поверишь… — усмехнулся доктор.

— Скажите…

— Все очень просто. Дело в том, что я когда-то был тоже мальчишкой…

Итак, доктор подарил Грише карту Гваделупы (тот в душе ликовал). А Павлушке сделал не менее ценный подарок: маленький фаянсовый глобус на бронзовой подставке. Подставка была очень красивая. Ее обвивал тонкий металлический стебель с ювелирно выкованными цветочками. На этом глобусе доктор показывал Павлушке, где какие страны, тот радостно кивал и запоминал. Но похоже, что подставка нравилась ему даже больше пестро-синего блестящего шарика. Павлушка осторожно проводил пальцем по колючим бронзовым венчикам и делался странно задумчивым.

— Это старинная голландская работа, — объяснил однажды доктор. — Но цветку я дал русское название: «повилика»… Многие считают, что

повилика — сорное растение, бесполезное. Но ведь оно порой выглядит очень красиво. А красота, братцы мои, бесполезной не бывает… Да и не могу же я считать бесполезным на этом свете самого себя!

Павлушка — тот просто ничего не понял, а Гриша удивленно таращился, услышав такие слова. Доктор хлопнул себя по лбу — так, что чуть не упали маленькие очки (такие же, как у автора «Конька-горбунка»).

— Батюшки мои! Только сейчас сообразил! Вы ведь до сих пор не знаете мою фамилию! Все «Петр Афанасьич» да «доктор»… да «сеньор Педро»… Позвольте представиться… — он привстал с каютного диванчика и наклонил голову: — Член Российской академии, доктор медицины и биологии, профессор Петербургского университета Петр Афанасьевич Повилика. По-ви-ли-ка… Фамилия не совсем обычная, но вполне русская и не хуже других. А?

Гриша почему-то слегка смутился, но тут же обрадованно закивал: хорошая фамилия! Павлушка — тот едва ли во всем разобрался, но главное, видимо, понял. Тоже старательно закивал. И с той поры в веселые минуты звал Петра Афанасьевича «По-вилика» (а то раньше все «доктор»,

да «доктор»)…

А сейчас автор считает возможным перевернуть еще несколько картинок волшебного фонаря. Если описывать в деталях путешествие на «Каталонии», а потом по суше, через несколько европейских городов, получилась бы отдельная книжка. А книжек про такие путешествия — целые библиотеки…

Гамбург и другие города были, конечно, интересны, но не так сказочны и праздничны, как Гавана. Да и усталость давала о себе знать. Просторный деревянный дом на Ляминской, недалеко от Михаило-Архангельской церкви, казался теперь самым желанным местом на планете. Но до него было еще ох как далеко. А к тому же снова стали нарастать опасения: что ответит дядичка Платон на Гришино письмо?

Письмо это Гриша написал в Гаване в первый же день, когда выбрался из убежища и помахал вслед «Артемиде». Он думал, что будет сочинять его долго, старательно, всю ночь, вкладывая в каждую строчку всю душевную убедительность. А выплеснулось быстро (порой — вместе с искрами слезинок). Были там разные фразы, в том числе и такие:

«…Дядичка, ну раз уж так положил Господь, что судьба свела нас вместе, ведь нельзя отрывать друг от друга, когда получается, что мы стали, как два брата. Он один и не сможет жить, да и я без него сделаюсь на всю жизнь не такой, как нынче…» «Много ли на него надо затрат! Если одежда, то возьмет мою старую. А ест он совсем как пичуга, крошки со стола. И места не займет, будем вместе в одной моей каморке. А потом он научится ремеслу, будет сам зарабатывать на хлеб, у него такие умелые пальцы…» «Дядичка Платон, пожалуйста-пожалуйста, не откажите в этой просьбе, молю Христом Богом… А то, что он крещен не по-нашему, то можно ведь окрестить заново, в православную веру. Он и „Отче наш“ знает, только по-своему, „Патер ностер“»…

Доктор взял Гришино письмо, глянул на застыдившегося, моргающего мокрыми ресницами мальчишку, прочитал, молча свернул вчетверо. Стал клеить конверт… Гриша не знал, что в этот конверт Петр Афанасьевич вложил еще и свое письмо. А кроме того — Гришино послание на обороте гравюры-то, которое тот оставил, «ударившись в бега». Пусть там, в Турени, поймут, как оно все было. Почувствуют…

В Петербурге оказались в начале второй неде-

ли сентября (по европейскому календарю; а по нашему — на двенадцать дней раньше). Погода стояла на удивление теплая, совсем еще лето. Стали жить у доктора. Гуляли по столице, сводили Павлушку в Кунсткамеру, съездили на паровом катере в Петергоф… Гриша написал домой еще одно письмо — на тот случай, если отправленное из Гаваны потерялось.

А если и не потерялось, то когда пришло в Турень? И сколько еще ждать ответа?

Ну, почему так устроена жизнь — все время надо чего-то тревожно ждать, томиться в неизвестности?… Митя Невзоров на «Артемиде» говорил как-то, что кое-где есть уже устройства для быстрой пересылки писем: стоят такие мачты с перекладинами на макушках и передают друг дружке буквы особыми знаками. Но когда такие устроят повсеместно?…

Видно, судьба решила, что хватит мучить мальчишку, и ответное письмо пришло раньше, чем ждали. На адрес доктора.

Тот распечатал серый плотный конверт, взял себе один лист, а другой отдал обмершему Грише:

— Это тебе…

Гриша не сразу понял, что почерк не Платона

Филипповича. Писала Полина Федоровна…

Она хорошо, она замечательно писала!

«Гришенька, родной наш путешественник, здравствуй! Платон Филиппович прихворнул, да не сильно, не беспокойся, просто прилег и попросил, чтобы тебе отписала я. Сразу пишу про главное. Конечно, пусть приезжает мальчик Павлушка. Грешно было бы отрывать вас друг от дружки, раз уж сделались, как названые братья. Да и мы полюбим мальчика, пригреть сироту — это Божеское дело. Девочки уже прыгают заранее, ждут, когда будет у нас в доме еще один озорник…»

Ну а дальше много всего, подробности всякие. Это можно уже читать-перечитывать потом. Главное-то в начале…

Уже после, когда обдумывал случившееся неторопливо и по-взрослому, Гриша понял, что не зря дядичка Платон «прихворнул» и поручил письмо жене. Он ведь ощущал, что есть между ней и Гришей чуть заметный холодок. И подумал теперь: пусть решает. Если уж сама скажет «да», потом не будет недовольства и упреков. И она сказала то, что надо. Все-таки умная и добрая женщина. И мать к тому же…

Платон Филиппович был доволен. Тоже доброй

души человек… А кроме того (Гриша думал об этом с улыбчивой догадкой), наверно, дядичка Платон рассудил так: грешно обижать какого бы ни было мальчика, ежели ждешь своего. А Платон Филиппович и Полина Федоровна ждали ребенка. И, конечно же, мечтали, чтобы родился мальчишка, наследник. Можно ли в такое время выглядеть перед судьбой в невыгодном свете?

Забегая вперед, надо сказать, что судьба не обманула Максаровых. К Новому году появился на свет крепыш Илюшка. Будущий совладелец Туренского пароходства, судостроитель, организатор нескольких экспедиций…

А Гриша и Павлушка? Но об этом потом. А пока…

Гриша обнял Павлушку, хлопнул его листком по носу.

— Скоро домой!

— Г’ри-ша… В Ту-рень?

В ТУРЕНИ

1

До Москвы добрались поездом. В Москве как раз был по торговым делам приказчик Максаровых

Иван Осипович Кряжин — знакомый Грише. Он-то и взялся доставить путешественника домой.

Попрощались с доктором. Гриша бодрился. Доктор — тем более. Павлушка всхлипнул, потом улыбнулся сквозь слезинки:

— По-вилика… Мы у-ви-дим-ся, да?

— Вне всякого сомненья!

(Они и правда виделись потом. Доктор дважды приезжал в Турень, чтобы помочь своему хорошему знакомому, директору реального училища, в организации музея. Но это было уже, когда ребята стали большими.)

…В Турени оказались в День Покрова. Все еще было сухо и тепло, хотя в этот праздник полагается, говорят, выпадать первому снегу. Шелестели сухие листья тополей и берез. У заборов кое-где еще доцветали осот и храбрая сурепка.

О радостях, объятьях, заморских подарках чего писать — дело понятное. Да и не в подарках главная радость…

— Девочки, да оставьте же Павлушку, вы его совсем затискали!..

— Арина, вот тебе бусы, называются кораллы. Из города Гаваны…

— Спасибо, солнышко мое… Я по тебе так соскучилась… И мальчики часто приходят, спра-

шивают: правда ли, что Гришуня скоро приедет? Правда, говорю…

Нашлись подарки и для всех приятелей (даже для тех, кто раньше такими уж приятелями вроде и не были): сушеные морские звезды, причудливые ракушки, белые веточки кораллов, страшноватые клешни крабов («Глянь, как цапнет щас…»).

Но нет радостей без печали. Раковина с острова Флореш оказалась не нужна. Маленький конопатый Агейка в мае перекупался в холодной воде у запруды, слег в жару и кашле и через месяц — как сгорел. Не помог и знаменитый доктор Ермилов, которого вызывал к сыну церковного сторожа Платон Филиппович Максаров…

Солнечные листья вмиг сделались серыми…

— Г'ри-ша… ты че-во?

Зачем прятать горе?

— Мальчик тут… жил по соседству. А теперь… нету…

— У-мер?

— Ну да…

Как в прежние дни, Павлушка взял его за рукав, коснулся щекой…

«Может, это я виноват? Может, потому случилось такое, что я отдал его зеленое стеклышко?» К

счастью, эта мысль не стала постоянной, скользнула и ушла. В самом деле, ведь он не забывал Агейку. И подарок привез — один из самых лучших…

Осень все еще стояла сухая и солнечная. И утро, когда собрались на Затуренское кладбище, было такое же. С Гришей пошли несколько человек — показать Грише, где могилка, и навестить Агейку. Илюшка Маков пошел, Ефимка Грач, Саня Пашенцев. Одна из сестер Максаровых, Оленька, тоже пошла. Ну и Павлушка, конечно, — без него никуда. А еще напросилась восьмилетняя Сонюшка Лукова, младшая дочка резчика Кондрата Алексеевича. Оказывается, Агейка и Соня были друзья, часто играли вместе…

Кладбище было не близко, за западной окраиной Турени. Шли около часа.

Агейка похоронен был среди мелких березок, совсем недалеко от места, где лежали старые Максаровы — отец и мать Платона Филипповича, его дед, тетушка… Там был общий памятник, гранитная пирамида, а рядом — чугунные плиты. А над Агейкой стоял тесаный, почти не потемневший еще крест, на котором Кондрат Алексеевич вырезал гирлянду с цветами (похоже, что шиповник).

Постояли, помолчали. Положили на холмик

с увядшей травкой несколько яблочек и глазированный пряник. Гриша у подножья креста пристроил раковину с острова Флореш. Перед этим дал послушать каждому, как гудит в раковине океан.

— Пускай и Агейка слушает…

Сделалось заметно холоднее. Солнце ушло за облако, стали пролетать снежинки. Редкие, отдельные…

— Г'ри-ша… Этуаль…

— Звезда… — шепотом согласился Гриша. — Звездочка… — Это на плечо стеганой кофты, в которую была закутана Соня, села крупная снежинка с отчетливым узором. Павлушка потянул к ней мизинец.

— Не надо, растает… — шепнула Оленька. Соня оглянулась. Конопатая (почти как Агейка, только веснушки пореже), с приоткрытым ртом, в котором чернела дырка от выпавшего зуба. С мокрыми глазами…

Павлушка… он не стал трогать снежинку, а вместо этого медленно взял Соню за озябшие пальцы. Она посмотрела серьезно и пальцы не отняла. Так потом они и шли обратно, держась за руки, — туренская девочка Сонюшка Лукова и мальчик Поль из неведомо каких дальних краев.

И с той поры повелось: «Г'ри-ша, я пойду к Со-нюшка? К Со-нюшке? По-иг-рать…»

— Иди, конечно, — говорил Гриша. Даже с облегчением. Нет, Павлушка ничуть не надоедал ему, и дружба оставалась крепкой, и хорошо им было вместе. Но… нельзя же, в конце концов, чтобы Павлушка навсегда оставался не столько самим собой, сколько частичкой Гриши.

Тем более что у Гриши проявилось немало дел. В гимназию в этом году он уже не успел (И хорошо! Можно еще год быть рядом с Павлушкой постоянно, не ехать в Тобольск!), но учиться-то необходимо. Вот и пришлось заниматься самостоятельно-то со старшими девочками, то одному. Чтобы на будущий год пойти не в первый класс, а куда постарше…

Павлушка тоже учился. Вместе с Танюшкой и Катенькой. Письму, чтению, счету. Наняли еще и учительницу, знающую французский — для всех. И для того, чтобы Павлушка не забывал язык…

Зимой Павлушку окрестили в православную веру. Записали под фамилией Григорьев (Гриша настоял). А крестными стали соседи — Кондрат Алексеевич Луков и его жена Степанида Макаровна. Так вот получилось… У Максаровых, с Гришей, было Павлушке очень даже неплохо. Дружил

со всеми девочками — спокойный, улыбчивый, необидчивый. Но они, даже самые маленькие, смотрели на него, как на младшего. Порой — почти как на куклу, которой нужна их постоянная забота. А Сонюшка Лукова… конопатая, некрасивая, порой насупленная — она была такая, что всегда принимала Павлушку всерьез, понимала его, даже если тот не мог найти нужное слово. Понимала не хуже Гриши. Но Гриша был старший, а она *такая же*, как Павлушка… Он при ней угольком нарисовал на куске мятой бумаги рожу Матубы, и они вдвоем разорвали эту бумагу и пустили по ветру с берега лога. На веки вечные…

А еще… не помнил он матери, жил в Бас-Тере и разных поселках у случайных людей, нигде не задерживаясь надолго. Даже слово «мама» не знал. А тетя Стеша Лукова однажды увидела его перемазанные углем руки (опять рисовал что-то для Сони), повела к рукомойнику, отмыла пальцы, а заодно и лицо, вытерла насухо суровым полотенцем… и вдруг прижала кудлатую голову к цветастому переднику.

— Цыганенок ты мой толстогубый, сиротинушка…

Он не понял слово «сиротинушка» и ничего сиротского не ощутил. Наоборот… Он прижался

к тете Стеше, почуяв неведомое раньше желание сыновней привязанности, ласки, защищенности…

2

А на цыганенка он в общем-то и не был похож. Волосы вовсе не черные, а темно-русые, с рыжеватым отблеском. И глаза светлые — карие с желтыми проблесками («Как у Анны», — вспоминал Гриша). Это раньше он казался смуглым и чернявым, а сейчас — отмытый, ухоженный, не раз извалявшийся в белом пушистом снегу, — потерял последние признаки негритянской крови. Только губы по-прежнему оставались… ну, вроде как у Роситы Линды… И не стали мальчишки прозывать его Цыганенком, как того опасался Гриша. Появилось у Павлушки прозвище Ножик.

С ножиком, который отдал ему Гриша, — тоненьким, острым — Павлушка не расставался. Выреза́л из попавших под руку деревяшек то смешного котенка, то хохлатую пичугу, то куколку в платке, то неведомую зверюшку. Всем вырезал, кто ни попросит… Случалось несколько раз, что городищенские, вечные неприятели ляминских, брали зазевавшегося Ножика в плен, утаскивали через лог, но не думали обижать, а,

обступив, просили:

— Ножик, вырежи чего-нибудь!

— Солдата с ружьем…

— А мне Змея-горыныча!

Резал, присев на чурбак в чьем-нибудь «ненашем» дворе. И забывалась вражда между берегами…

Как-то перед Рождеством, накатавшись с Сонюшкой на санках в логу, Павлушка забежал к Луковым и засиделся там за вечерним чаем. А потом забоялся:

— Полина Фед-доровна рас-сердится…

Оно и понятно: должна была прийти в тот вечер «французская» учительница, а главный ученик неизвестно где. Чтобы сильно не бранили, Кондрат Алексеевич пошел с Павлушкой к Максаровым. Полина Федоровна (округлившаяся, в кофте-колоколе) сказала голосом светской дамы:

— Ты что же, мон шер, гуляешь до ночи, тогда как… Ох, здравствуйте, Кондрат Алексеевич, милости просим… Платоша! У нас гость!.. — А Павлушке погрозила пальцем (тот виновато посопел для порядка; так же для порядка показал ему кулак «Г'ри-ша»).

— Полина Федоровна, ты мальчонку шибко не ругай, — попросил «дядя Луков». — В эти годы

только и порезвиться. А вообще-то он парнишка башковитый… Платон, доброго здоровья. Разговор есть к тебе…

Ушли в другую комнату, и Кондрат — давний сосед и приятель с детской поры — сказал Платону Филипповичу:

— Про Павлушку я. Вы не серчайте, что он часто стал у нас в доме крутиться. И с Сонюшкой подружились, и Стеша его то и дело возьмет да приголубит… а главное — нашел он свою жилку. Приглядывается к моей работе, помочь норовит. Пальцы его к дереву просто чудо какие чуткие. И тяга в душе. Ты его к торговому делу не приохочивай, пускай идет в резчики. Вырастет — меня за пояс заткнет, это я тебе говорю со всей твердостью…

— А я чего… — Максаров поскреб бороду. — Я и не думал неволить. Пускай выбирает в жизни чего душа просит…

— А ежели так, то, может быть, отпустишь жить ко мне? Было бы ему сподручнее учиться мастерству…

— Здесь опять же ему решать, — рассудил Максаров. — Они с Гришуней-то неразлейвода…

И тут-то и родилась у Платона Федоровича мысль: чтобы стали Луковы Павлушкиными

крестными.

— Если Полина (дай Господи) разрешится благополучно, в один день и окрестим — новорожденного и отрока Павла.

Так и случилось вскоре…

Павлушка не переселился к Луковым насовсем. Но случалось так, что жил там подолгу. В общем, оказалось, будто у него сразу два дома. Ну и ладно, чего делить-то! Лишь бы всем было спокойно на душе…

Весною, кроме множества всяких дел, озаботился Платон Филиппович еще одним. Каменные плиты на Затуренском кладбище стали старыми, с трещинами и лишаями, несолидно как-то. И заказал Максаров новые, чугунные, в мастерских судостроительного завода. Гриша, когда узнал об этом, попросил:

— Дядичка Платон, можно еще одну?

— Господь с тобой, это для кого? — испугался Максаров.

— Для Агейки Полынова. Помнишь?… Ему дядя Кондрат крест сделал, да ведь это надолго ли? Деревянный… Агейка дружок был наш…

Грише хотелось добавить, что раз уж не суждена была Агейке долгая жизнь, то пусть хотя бы память останется на многие годы. Но сказать

такое не смог, запершило в горле.

Платон Филиппович, живший тогда в постоянном опасении за родившегося недавно Илюшку, чувствовал, что не следует сердить судьбу, обижая хоть кого-то из мальчиков. Пускай и таких, которые не с нами, а «над нами» (царство им небесное). А еще одна плита — трудное ли дело…

Плиту положили на Агейкин холмик в начале июня. Крест оставили на прежнем месте. Раковина с острова Флореш лежала на прежнем месте. Гриша не решился поднять ее и послушать океанский прибой. Она была теперь полностью *Агейкина*, не надо трогать…

На плите были выпуклые буквы:

Отрокъ Аггей Полыновъ

Скончался 18 іюня 1854 года

восьми лѣтъ отъ роду

Господь да пригрѣетъ его добрую душу

В общем, как полагается. Но ниже, под похожей на снежинку звездочкой, было написано еще:

Агейка, мы тебя помним

Это Гриша настоял. Впрочем, никто и не спорил…

От кладбища пошли пешком, хотя могли бы вернуться на телеге. Зачем трястись, когда такое тепло и солнце. Было их пятеро: Гриша, Павлушка, Соня, Илюшка Маков, Оля… За воротами тянулся луг, по нему разбегались тропинки — к городу, к реке, к ближним деревням. Тропинки были узкие, ребята шли по траве, путаясь ногами в стеблях и листьях. Все мальчишки — босые. Павлушка зацепил голой лодыжкой крапиву.

— У, контажьён пикур…

«Зараза кусачая», — понял Гриша. А Соня, конечно, не поняла, но ощутила Павлушкину сердитость. И утешила:

— Зато красивая. Глянь…

В самом деле, длинный стебель крапивы был обвит другим стеблем — очень тонким, усыпанным крохотными розовыми колокольчиками.

— Повилика, — сказала Оля.

Павлушка перестал тереть ногу, весело удивился:

— По-вилика?!

— Да! — подтвердил Гриша и переглянулся с Павлушкой: мол, мы-то знаем, с чем и с кем это слово связано…

Павлушка оторвал кусочек стебля с несколькими цветами-малютками и понес перед собой

на ладони.

…Туренские дома с деревянной резьбой были знамениты на всю страну. До сих пор и в России, и за границей выходят альбомы и научные труды про это редкое искусство. С фотографиями наличников, карнизов, подоконных досок, крылечек с узорчатыми кронштейнами и столбиками. Это детали старых домов — иногда еще сохранившихся, а чаще — исчезнувших, стертых временем и каменной архитектурой. Еще меньше, чем домов, сохранилось имен мастеров-резчиков. Они для жителей были кто? Художники разве? Так, вроде плотников… Но красота их работ от этого не становилась меньше…

Разные искусствоведы строят догадки и спорят меж собой: откуда в туренской резьбе, в сибирском городе, пальмовые листья, гирлянды южных фруктов, неведомые цветы и хитрые, нездешние какие-то узоры (будто кто-то подсмотрел рисунок на заморских островах). Кое-кто доказывает: это пришло от мастеров, которые резали богатые церковные алтари, покрывая их позолотою. А узорам для алтарей учились они у мастеров Москвы и Киева, к которым это умение пришло из Византии и западных стран… Наверно, так и есть. Но… может быть, не только так. Не приложил

ли к этим узорам руку мальчик с Антильских островов?

Интересно и вот что. Нет-нет, да и промелькнет среди чудом сохранившейся резьбы — на пересохших и покривившихся столбиках дверных и оконных украшений-тонкий деревянный стебель с мелкими хрупкими цветами. Повилика?…

3

А между тем шла война, которую впоследствии назовут Крымской. Отчаянно бился Севастополь. Газеты хотя и приходили с опозданием, но все же приносили вести с героических бастионов. Порой прямо кулаки сжимались. И Гриша… кабы не Павлушка, так взял бы он, Григорий Булатов, и рванул на южные берега посчитаться с нахальными англичанами и с французами, с которыми один раз чуть уже не сошелся носом к носу в настоящем бою. Но Павлушка ведь наверняка рванется следом! А ему-то воевать еще не время. Ему бы подготовиться в городское училище — это важнее всего…

Вот и оставалось одно — вести войну на берегах лога. Городищенские были, конечно, всякими там зуавами, британцами и турками, а ляминские — русскими (хотя городищенская братия считала,

что наоборот). Глинистые, заросшие полынью откосы были не менее крутыми и высокими, чем на Малаховом кургане. Сильные, с пружинами из накрученных веревок и длинными шестами «орудия» ухитрялись перебрасывать через лог начиненные песком и рыбьими головами бомбы. Иногда случались и вылазки — без большой крови, но с громкими «ура» и захватами пленных. Попадал в плен и Павлушка, но его отпускали быстро и со смехом — взявши вместо выкупа несколько деревянных фигурок.

А однажды Гриша, Илюшка Маков и Ефимка Грач смастерили пушку. Из двух тележных колес на оси и мятой самоварной трубы. Одно колесо было больше другого, и пушка, если ее катили, норовила то и дело скрутить поворот. Но тем не менее Ефимка Грач сказал:

— Будто правдашная… Знать бы только, чем стрелять.

Но Гриша с Илюшкой знали. Из набранных у пристани серых комков, которые назывались «селитра», и толченого угля они изготовили пушечное зелье (потом рецепт был утерян, не пытайтесь повторить). Подожгли щепотку — пыхнуло огнем.

— Небось жахнет знатно, — с уважением сказал

Грач. — Городищенские в штаны накладут…

— А это не для них, — объяснил Гриша. — Для иного дела…

— Для какого еще? — удивился Маков, потому что он тоже думал: для войны.

Гриша рассказал, что есть у некоторых моряков такой обычай. В день летнего солнцестояния (самый длинный то есть) ровно в полдень моряки дают выстрел из пушки. Это добрая примета: потом будут случаться удачи весь год, до следующего лета…

Может, и не очень поверили, но отчего не выпалить, если есть причина? Тем более что городищенские все равно струхнут, когда увидят с того берега…

Появился Павлушка, который до того был целые сутки у Луковых. Малость обиделся, что его раньше не позвали, но тут же обижаться перестал, включился в работу. Труба была чахлая, поэтому внутрь засунули старый татарский кувшин из меди, проделав для запала дырку. Начинили…

Выкатили пушку на берег лога. Там, на песчаной проплешине, Гриша заранее начертил полуденную черту — выбрал направление по церковному кресту, чьи концы смотрели на север и на юг. Поставил на линию тонкую палку.

— Вот глядите: когда тень ляжет прямо на отметку, тогда и время палить…

Тень подбиралась неторопливо. Разведчики с той стороны с интересом наблюдали из бурьяна. Гриша взял очень длинный (на всякий случай) фитиль, зажег его стеклом, которое подарил ему Пако.

— Ну-ка, отойдите…

Отошли послушно. Никто не просил фитиль. Павлушка, правда, не отошел, стал вплотную. Гриша, будто случайно, прикрыл его собой от пушки. И поднес к ней огонь.

Жахнуло изрядно! Заорали и разлетелись бродячие куры. Хорошо, что поблизости были только пустыри и огороды. Кувшин выбросило с тыльной стороны ствола, он, испуская дым, покатился в траву.

Правда, городищенские испугались лишь на полминуты. А потом вскочили, заплясали там у себя, замахали руками и завопили. Из воплей следовало, что врага с его «ржавой пукалкой» они не боятся и завтра же сделают себе орудие пострашнее. Правда, не сделали. Чем стрелять-то, они не знали…

Да и не очень-то хотелось делать. Потому что в ответ на угрозы городищенских вдруг выступил

вперед Павлушка. Держась за обвитые повиликой стебли бурьяна, он звонко сказал через лог:

— Ребь-ята… не надо!

— Чего не надо, Ножик? — спросил с того берега один из городищенских вожаков, тощий Штырь. Звали его, кстати, Пашка. Может, поэтому у них с Павлушкой случалось иногда что-то вроде взаимопонимания.

— Вой-евать не надо… сье-водня… И потом. В тот день, когда выстрелит пушка, нье надо вой-евать… и никого объ-ижать…

Это было, кажется, первое самостоятельное суждение Павлушки в делах уличной войны и мира. Раньше в серьезных вопросах он всегда советовался с Гришей. Гриша удивился. Но не испытал досады, наоборот. В Павлушкиных словах было что-то… *такое*. Сильнее привычной вражды.

— А чего… делать-то? — спросил Штырь. Громко, но неуверенно.

— Ну, чье-во… Давайте мельницу построим на Туренке. Из досок!

— Зачем? — спросили сразу несколько голосов.

— Ну, зачь-ем… Будет вертеться коль-есо. И брызги будут… Крась-иво…

Стоявший рядом со Штырем чернявый малень-

кий Николка по позвищу Жук спросил:

— А сделаешь деревянных человечков? Чтобы прыгали на колесе!..

— Конь-ечно!

В тот день и правда не воевали, строили мельницу. Да и после не было уже прежних оголтелых войн. Конечно, случалось всякое-городищенские есть городищенские, ну да Бог с ними… Главное, что соблюден был славный обычай, о котором Гриша Булатов узнал на бриге «Артемида».

ЭПИЛОГ
ВЕСЕННИЕ КОРАБЛИКИ

1

Тайные мечты Гриши — чтобы Павлушка Григорьев, когда вырастет, женился на Лизоньке или Катюшке — не сбылись. Тот с первых дней, раз и навсегда, выбрал для себя конопатую Сонюшку Лукову. Ну, что ж, тоже неплохо. Сестры Максаровы, так или иначе, не остались без женихов. Среди них оказался и Григорий Булатов, женился-таки на Танюшке (Татьяне Платоновне), к которой с детства тянулась душа. Старшие Максаровы не противились, хотя, быть может, главе семейства

и хотелось для Татьяны жениха пообстоятельней и с капиталом. Ладно, как говорят, от добра добра не ищут. По крайней мере, был Григорий человек свой и надежный.

Да, он не стал морским офицером. Но капитаном стал. Правда, не на океанских судах, а на речных пароходах. У автора нет достоверных сведений, где Григорий учился после Тобольской гимназии, чтобы сделаться сначала речным штурманом и помощником капитана, а потом и самому занять капитанский мостик. То ли в Тобольске было в ту пору такое училище, то ли при Туренском судостроительном заводе какие-то курсы, то ли в одном из больших сибирских городов… Так или иначе, капитан Булатов в семидесятых годах девятнадцатого века командовал крупными пароходами на многих реках Западной Сибири и спускался на этих судах по Обской губе до самого океана… Однажды он стал даже известен среди географов и судоводителей тем, что открыл новый путь по одному из протоков в дельте Оби, который раньше считался непроходимым. Об этом писали в журналах…

Сибирские реки в низовьях, особенно в пору разливов, похожи на моря. Там не бывает ураганов, как в тропиках, однако штормы случаются

нешуточные. И не раз капитану и его экипажу (заодно с пассажирами) приходилось попадать в разные переделки. Но Григорий Васильевич об этом не сокрушался — наоборот, вспоминал детство.

О том, что не пошел в моряки, он никогда не жалел. Считал, что нашел *свою* дорогу. Жене, двум дочерям и сыну любил объяснять:

— Я ведь по натуре домосед. В детстве еще понял: отрываться от родных мест — для меня тяжкая мука. А на наших реках я везде, будто дома. Всюду родные края. Знакомые, привычные, впитанные в кровь. Будто все тот же разлив под Туренью, только чуть пошире, чем обычно…

О капитанской службе, да и вообще о взрослой жизни Григория Булатова автору известно мало. Оно и понятно — автор ставил задачу рассказать о первом плавании туренского мальчика Гриши и о том, как тот нашел в заморских краях названого братишку. А дальше — уже другая жизнь, другие сюжеты. Совсем другие «картинки для волшебного фонаря». Их немного…

Известно, например, что, принимая под свое начало новый пароход (скажем, «Ермакъ» или «Тобольскъ»), капитан Булатов обязательно стремился украсить его салон и свою каюту дере-

вянной резьбой известного мастера Григорьева. Говорил, что эти узоры помогают ему еще больше чувствовать себя дома, в каких бы широтах ни оказался. А Павел Кондратьевич Григорьев (фамилия — от Гриши, отчество — от крестного) резал наличники, двери и карнизы для городских домов, иконостасы для храмов, рамы для картин местных художников (кстати, весьма даровитых). Постепенно становился во главе хозяйства стареющего Кондрата Алексеевича и учил мастерству двух своих сыновей, внуков славного мастера.

Вспоминал ли он детство на дальнем острове Гваделупа, Гавану и плавание через Атлантику? Похоже, что вспоминал. Иначе — откуда его причудливые узоры? А кроме того, известно, что иногда он рассказывал подрастающим детишкам сказку про злого колдуна Матубу, которого он вместе с храбрым мальчиком Гришей и такой же храброй девочкой Соней сумели одолеть и навеки прогнать из нынешней жизни…

Сыновья стали мастерами-резчиками, как и Павел Кондратьевич…

У капитана Булатова были две дочери и сын. Про них, однако, почти ничего не известно. Есть сведения, что сын вроде бы участвовал в Гражданской войне, но за красных воевал или

за белых, мы не знаем. Можно только уверенно сказать, что воевал честно, потому что был похож на отца. Так утверждала его сестра, младшая дочь капитана, дожившая до глубокой старости. Она же говорила, что и внук капитана Булатова, северный летчик, был похож на деда…

Эта дочь Григория Васильевича в тридцатых годах двадцатого века пыталась делать записки об отце и о других Булатовых. Но потом она сожгла все бумаги, потому что в любой день (точнее, в любую ночь) могли явиться в дом люди в синих фуражках, изъять документы. А всякая строчка в таких записках могла быть истолкована так, будто твоя родня и ты сама — «враги народа»…

Потому и оказалось, что о капитане Булатове мы знаем так мало.

Однако известен один эпизод — похожий на последнюю картинку волшебного фонаря. Эпизод — во многом тоже неясный, с размытыми подробностями (как на стекле старинного диапозитива), но все же позволяющий как-то выстроить финал этой истории.

2

Лето девятнадцатого года на сибирских реках было пороховым. Война шла нешуточная. Кол-

чаковские войска постепенно отступали под растущим напором красных. Еще недавно казалось, что победа белого движения несомненна, а тут вдруг все начало рушиться. В этой военной неразберихе, в частой смене властей, в кровавой каше на железнодорожных путях, в селах, на реках страдал, как всегда, больше других мирный народ…

Воевали и пароходы. Переходили из рук в руки — от красных к белым и обратно. Об этих корабельных баталиях можно было бы написать книги, не менее увлекательные и суровые, чем про сражения под Гангутом или на Черном море.

Кое-что и написано, а еще больше историй ждет своих авторов, которые разберутся в хитросплетениях событий и документов. У нас же — лишь одна история. Письменных свидетельств о ней не найдено, известна она лишь со слов старой дочери капитана, Ольги Григорьевны Русаковой.

В девятнадцатом году Григорий Васильевич жил с Ольгой Григорьевной в Омске. Шел ему семьдесят седьмой год. Он давно уже не ходил по рекам, но выглядел еще крепким стариком, хотя суматошная жизнь последних лет и постоянная тревога за сына изрядно издергали заслуженного капитана.

Летом того года колчаковцы отбили у красных два парохода — «Иртышъ» и «Ермаковецъ». И решили перегнать их по Иртышу в Тобольск, где вроде бы формировалась белая флотилия. По дороге экипажи взбунтовались, перешли на сторону красных, было там немало стрельбы… На «Иртыше» плыл в Тобольск Григорий Васильевич. Ему нужно было добраться до другой дочери, Елены, которая как раз жила в ту пору в Тобольске. Какие дела у него были с Еленой, что его тревожило, что заставило старика пуститься в этот нелегкий путь — неизвестно. Известно только, что Елену в Тобольске он не застал. Она — неизвестно с кем и неизвестно каким путем — отправилась в Ирбит, к родственникам погибшего в пятнадцатом году мужа. Так сообщили Булатову соседи. Пока Григорий Васильевич гадал, что делать дальше, под Тобольском на пароходах произошла очередная заваруха. В результате ее один капитан, кажется, на старом пароходе «Охотникъ», объявил себя «невоюющей стороной». Он, мол, гражданский капитан, его дело возить пассажиров и грузы, а не участвовать в этой неразберихе, где вчерашние друзья палят друг в друга, а вчерашние враги объединяются, чтобы поднять на общей мачте красный или бело-зеленый флаг.

Кажется, экипажи «Иртыша» и «Ермаковца» решили захватить «Охотникъ» и предать капитана справедливому революционному суду, но потом почему-то заколебались.

Видимо, не было у них там одинакового понимания своей правоты. Тем более что на «Охотнике» стояли по бортам несколько «максимов», которые миролюбивый капитан и поддержавшая его команда на всякий случай оставили при себе.

«Охотникъ» решил уходить вниз по Иртышу, а потом по Оби, чтобы не участвовать в боях. Это решение диктовалось еще и тем, что на нем оказались два десятка пассажиров-беженцев, готовых плыть куда угодно, чтобы только не подставлять свои головы под пули «большевистских злодеев» и «борцов за неделимую Россию». Были там несколько преподавателей гимназии, два артиста тобольского театра, пожилой музыкант-тапер из местного «иллюзиона», автор газетных статей, одинаково виноватый перед Колчаком и перед Блюхером. Ну и, разумеется, их жены и мужья, несколько детей… Капитан «Охотника» (взявший, кстати, с собой жену и дочь) рассудил, что делает благое дело, поскольку спасает не только свою семью, но и еще два десятка мирных людей от возможной гибели…

На что надеялись капитан «Охотника», его матросы и пассажиры? По пути их не раз могли захватить заслоны обеих армий, военные пароходы и партизанские десанты с берегов. А если бы «Охотникъ» добрался до Губы, что дальше?

Капитан знал, *что* дальше. У него было радио, и он сумел связаться с одним из судов Вилькицкого. Экспедиция этого знаменитого гидрографа в ту пору находилась в Карском море по заданию Колчака — адмирал заботился не только о военных делах, но и об освоении Северного морского пути. Гидрографы обещали помочь беженцам, если тем удастся добраться до моря…

Ну а потом? Это уж кому какая выпадет судьба и дорога. Одним — до Архангельска, другим — за границу…

План казался хотя и опасным, но не совсем безнадежным (а другого просто не существовало). Однако командир «Охотника» был не очень опытный капитан, недавний второй помощник. Он опасался, что не сможет найти безопасные проходы в дельте Оби, поскольку там могли дежурить красные канонерки (бывшие буксирные пароходы с трехдюймовками на палубе). О них ходили упорные слухи.

От матросов «Иртыша» капитану стало извест-

но, что сейчас в Тобольске оказался знаменитый Григорий Васильевич Булатов. Ну и что же, что старый! Зато фарватеры знает, как никто другой…

Они встретились.

Конечно, Булатов сперва сказал, что он дряхл и болен, и признался, что его гложет тревога за детей (хотя и взрослые, а все равно дети!).

— На «Охотнике» тоже дети, Григорий Васильевич, — сказал не очень опытный капитан старому и опытному. — И раз так извернулась судьба — *кто, кроме вас*?…

Шли долго и осторожно. Бог миловал, опасности не встречались. Лишь недалеко от Самарова высланная по берегу разведка донесла, что есть впереди заслон. Причем крепкий — с пулеметами и лодками для десанта.

К счастью, сверху дул крепкий ровный ветер.

— Поставьте мачту, — велел Булатов.

На носу укрепили сосновый ствол с перекладиной. Выбрали в трюме брезент.

Был уже сентябрь, северные белые ночи давно кончились, к тому же сумеркам помогли набежавшие с юга тучи. Погасив огни, «Охотникъ» под самодельным парусом бесшумно пошел вдоль черных таежных берегов. Кто на этих берегах мог

заподозрить такую хитрость?

Что-то заподозрили, однако, и дали несколько выстрелов, но с опозданием — вдогонку и наугад. Пули над палубой пробили парусину, а одна, самая низкая, сорвала с мальчика, тихо стоявшего на корме, берет.

Этот мальчик — лет девяти, в синей матросской блузе, в штанах с медными пуговицами у колен, белых чулочках и высоких башмаках с костяными кнопками — был самым младшим пассажиром. Вежливый, рыжеватый и лопоухий. Эту лопоухость не мог скрыть большой берет из синего сукна с красным помпоном. Мальчик плыл с пожилой тетушкой, которой, кажется, был не очень нужен, и почти все время проводил на палубе один.

Еще в начале пути он осторожно поднялся на мостик и спросил капитана Булатова, угадав в нем старшего:

— Вы позволите мне здесь постоять?

— Постой, голубчик… Но, если будет опасность, — мигом вниз.

— Есть, — понятливо сказал мальчик.

После ночного обстрела он спокойно, без хвастовства, гордился дырой в берете и не дал тетушке зашить ее…

Во время всего пути Булатов постоянно помнил о мальчике. Иногда казалось, что даже из-за одного этого «матросика» он решился бы на такой рейс (ясно же, что последний в его капитанской жизни). При мыслях о мальчике вспоминались бриг «Артемида», бухта Пти-Кю-де-Сак-Марен, черный канал среди мангровых зарослей, яркая звезда в разрывах веток…

«Г'ри-ша… этуаль…»

«Да, Павлушка…»

Вспоминался именно тот, похожий на испуганного птенца малыш, а не седой и бородатый Павел Кондратьевич с цепкими прочными пальцами… Хорошо все-таки, что *это было*…

Больше ничего опасного не случилось.

Чтобы не напороться на красные или белые канонерки (хотя не очень верилось в их реальность), капитан Булатов провел пароход «своей» протокой, путь по которой мало кто помнил, кроме него.

Обдорск тихо прошли ночью, оставив город и порт справа, за островами. И даже не знали, кто там: красные или белые…

Капитан «Охотника» боялся, что в Губе станет штормить, но ветер был спокойным, а небо ясным. Чтобы сэкономить остатки угля, снова по-

ставили парус. И под ним шли несколько суток.

Пользуясь данным раз и навсегда позволением, на мостик поднялся мальчик. Постоял рядом, спросил Булатова:

— Скажите, пожалуйста, если бы это был настоящий парусный корабль, как бы на нем назывался такой парус?

— Фок, — охотно отозвался Григорий Васильевич. — Или, возможно, бри-фок…

— Спасибо… А смотрите, там, кажется, настоящий корабль!

Зоркие глаза мальчика раньше, чем у других, разглядели у горизонта высокий рангоут.

Тихо шла навстречу трехмачтовая баркентина.

Теперь, наверно, уже не узнать, что это было за судно — чьей постройки, откуда взялось. Не исключено, что это именно тот парусник, который в прошлом году поджидал пароход с царской семьей — на тот случай, если в результате офицерского заговора Романовым удалось бы спастись из Тобольска. Увы, не удалось… Красные матросы в своих рапортах именовали трехмачтовую баркентину «морской бригантиной». Откуда она появилась теперь, было неясно. Возможно, баркентина была в составе экспедиции Вилькицкого и ее послали навстречу судну с беженцами…

Суда сближались. Наконец парус на «Охотнике» упал. Баркентина легла в дрейф, от нее отошла шлюпка.

Булатов спустился в каюту, чтобы сменить свитер на хотя и очень потертый, но все же капитанский китель. Сменил.

Поискал глазами фуражку. Она висела на бронзовом нагеле, ввинченном в резную кроватную стойку. Прежде чем взяться за козырек, Булатов привычно повел рукой по деревянному узору пиллерса: по обвившему столбик тонкому стеблю с мелкими цветами. Тут качнулась, плавно пошла в сторону палуба. С чего бы это?... Пошла опять, сильнее...

«Ну, как не вовремя...» — сказал себе Булатов. Такое случалось и раньше, но сейчас как-то слишком уж сжало сердце.

Капитан сел.

«Г'ри-ша... ты че-во?»

«Ничего, ничего... Сейчас пройдет...» — Он лег навзничь...

Когда вошли люди, он уже не дышал...

Всех перевезли на баркентину, чтобы вскоре переселить на ледокол.

Пароход «Охотникъ» — старый и к тому же почти лишенный топлива был бы только обузой

для экспедиции.

Хотели перевезти на парусник капитана Булатова, но капитан баркентины сумрачно сказал:

— Зачем…

В пароходе открыли кингстоны, он стал было тонуть, но скоро прекратил погружение. Тогда по нему с баркентины дали выстрел из маленькой пушки. Ниже ватерлинии. «Охотникъ» накренился, а потом в нем что-то взорвалось. Возможно, ящики с забытыми гранатами. Сразу метнулось из каютных окошек пламя. Пароход опять стал тонуть. На этот раз быстро.

Моряки баркентины, экипаж и пассажиры «Охотника» — все молча смотрели на огонь. Корпус и надстройки исчезли под водой, осталась над поверхностью только верхняя часть похожей на голубятню рубки. Огонь метнулся над ней и погас.

Баркентина приспустила флаг — не андреевский и не бело-зеленый, колчаковский, а бело-сине-красный флаг России. Еще раз — прощально — хлопнула пушка.

— Он — как капитан Немо на «Наутилусе», — сказал мальчик стоявшей рядом тетушке. Конечно, он говорил про старого капитана. Тетушка не ответила. Она сказала про другое:

— Надо спуститься. Еще неизвестно, где нас устроят…

Мальчик не стал спорить. Но перед тем, как пойти к трапу, он еще раз взглянул на дымящуюся рубку, стал очень прямо и поднес твердую ладошку к берету…

3

Но не следует, наверно, кончать всю историю этим эпизодом. Хотя бы потому, что она, эта повесть, — не о капитане Булатове, а о мальчиках Грише и Павлушке. Про них и должны быть последние строчки. Повернем вертушку волшебного фонаря на много картинок назад. К марту тысяча восемьсот пятьдесят пятого года.

В эти дни Павлушка стал знаменитым человеком. Из кусков толстой сосновой коры — ее всегда много во дворах, на поленницах — он приноровился вырезать кораблики. Раньше кораблики тоже мастерили, но не часто, а так, между другими играми. И обычно из плотной бумаги или щепок. А про кору догадался именно Павлушка. Может быть, потому, что она похожа была на пробковое дерево южных стран?

Люди старшего поколения еще помнят этот чудесный запах сосновой коры, оструганной

острым лезвием. Он похож был на запах корабельных гаваней…

Посадив на колено маленького Жужу (которого всегда таскал с собой), Павлушка мастерил кораблик за корабликом, а перед ним стояла терпеливая очередь мальчишек с обоих берегов лога.

Кора резалась легко, принимала любую форму. Две минуты — и кораблик готов для всякого, кто попросит. Мачта — лучинка, бумажный клочок — парус, плоская щепочка — руль — и плыви в моря-океаны. По синей воде, по отражениям пухлых весенних облаков… Потом и другие мальчишки наловчились мастерить такие парусники. Но все признавали, что у Павлушки они — самые ладные, самые быстрые.

Сперва устраивали морские сражения: бомбили с разных брегов широких луж «вражеские» эскадры. Но скоро поняли: жаль губить такие хорошие кораблики — корежить борта и палубы, ломать кирпичными обломками мачты, рвать паруса. Лучше, когда они мчатся бок о бок в веселой гонке, по золотым зигзагам солнца. Кто первый?…

В ту пору и родился на туренских улицах обычай: как весна, так мчатся через лужи-озёра стаи

сосновых корабликов с бумажными парусами. Обычай, который держался не менее ста лет, а иногда вспоминается и в наши дни.

1 января — 18 мая 2008 г.

Роман второй
ГВАДЕЛОРКА
Сказка о детях старого города
Часть I
САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ
ПОМИДОРЫ

1

Помидоры сияли на солнце. Горели, как стоп-сигналы, собранные в большую горсть. Они лежали в сумке, сплетенной из капроновой лески, и вместе с ней качались над немощеной дорогой деревянной улицы. Сумку несла пожилая особа с прямой спиной. Она держала сумку в левой руке, а в правой — крепкую трость с узловатыми гладкими суставами.

Особу украшала сверху белая кружевная кепочка, а костюм ее состоял из похожей на мешочный куль кофты и узких клетчатых брюк.

Судя по трости и походке, характер у пожилой дамы был твердый.

За хозяйкой помидоров следовал в десяти шагах герой нашей книги — московский пятикласс-

ник Ваня. Точнее — шестиклассник, поскольку с пятым классом он покончил счеты три недели назад.

В начале июня Ваня приехал сюда на каникулы и теперь не спеша, с осторожным любопытством, знакомился с неведомым раньше городом…

А за решительной дамой Ваня шел просто так, без особых причин. Нравилось Ване смотреть на помидоры, от которых будто бы разлетались алые бабочки. Так ему казалось сначала. А сравнение со стоп-сигналами пришло во вторую очередь, но тоже было интересным…

«Конечно, помидоры — нездешние, — в такт шагам думалось Ване. — Южные какие-то. В этих краях для „томатного урожая“ время придет еще не скоро…»

Стояло позднее июньское утро — жаркое и безоблачное. Нагретая дорожная пыль была тонкой, как серая пудра. Она припорашивала плетеные Ванины башмаки и успевшие подзагореть щиколотки. Извилистая улица тянулась среди утонувших в кленовых зарослях заборов, кривых домиков и сараев. Она была почти пуста (если не считать дамы с помидорами, Вани, рыжего кота в развилке столетнего тополя и кудлатого пса, разморенно дрыхнувшего на обочине). Потом

сзади послышались лихие вскрики и шуршанье колес, появились трое на велосипедах.

Помидорные стоп-сигналы были наездникам не указ. Парни не сбавили скорость. Они со свистом пронеслись справа от Вани, а затем — слева от дамы с тростью. Тот, что впереди, крепко задел Ваню локтем, а задний зацепил педалью капроновую сетку. Сетка порвалась. Помидоры, как сбежавшие от бабки красные колобки, запрыгали в пыли.

Велосипедисты умчались вперед и весело затормозили у древних, украшенных остатками деревянного орнамента ворот. Коротко оглянулись, хохотнули. Заговорили между собой — крикливо и неразборчиво. «Ковбои недострелянные…» — мелькнуло у Вани (задетое твердым локтем плечо побаливало).

Хозяйка помидоров резко нагнулась, потом снова выпрямилась и вскинула подбородок. Теперь она стояла к Ване боком. Поза у женщины была надменная, и все же Ваня сразу увидел, что никакая она не «особа», а растерявшаяся интеллигентная бабушка.

— Хулиганы, — сказала бабушка, но не со злостью, а как-то вопросительно. Подумала и добавила: — Просто шпана какая-то… — И по-

смотрела на Ваню. Наверно, в первый момент решила, что он из той же компании. Но не стоило труда, чтобы понять: явно не из той. Потому что поменьше и без «колес» и вообще не «хулиган» и не «шпана», а обычный мальчишка — вроде тех, что сейчас гоняют мячи на ближней спортплощадке у студенческого общежития.

Конечно, не было у мальчика никаких «столичных признаков», да и быть не могло, поскольку большинство пацанят такого возраста выглядят нынче одинаково на всем белом свете. Слегка растрепанный и непричесанный, но в общем-то «приличный ребенок» — в аккуратных плетенках на босу ногу, в похожей на футбольную форму одежонке из синей хлопковой ткани (недавний подарок бабушки Ларисы Олеговны, маминой мамы). Малость испуганный, но больше — раздосадованный.

Таким Ваня увидел себя как бы со стороны, глазами стоявшей неподалеку старой незнакомки.

Если бы в самом деле существовала футбольная команда с такой вот формой, называлась бы она, скорее всего, «Рыцарь» или «Айвенго». Потому что на рубашке была разноцветная, размером с кулак эмблема — голова в шлеме с поднятым забралом и надпись готическими буквами: «Ivanhoe».

Надо сказать, что этот вышитый знак в какой-то мере влиял на Ванино ощущение жизни. Не сильно влиял, почти незаметно, и все-таки… Посудите сами — одно дело, когда над карманом какой-нибудь Винни Пух или Микки-Маус, а другое-когда такой вот рыцарь. Как говорится, без страха и упрека… И Ваня остался на месте, хотя первое желание было удалиться независимой походкой: я, мол, ни при чем и ввязываться не обязан.

Он не удалился, что и послужило причиной событий, без которых не было бы этой истории…

— Безобразники… — выговорила «помидорная бабушка» со слабеньким таким ожесточением. «Ковбои» хохотнули опять, а самый большой и тощий оглянулся. Сказал назидательно:

— Не надо ходить по дороге, сударыня. На то есть в нашем городе тротуары.

Тротуары и в самом деле были — хлипкие мостки в три доски, тянувшиеся вдоль заборов среди лебеды и сурепки. Ходить по ним — ноги ломать.

Ваня встретился с «сударыней» глазами. Виновато мигнул. Оставалось одно — сказать: «Давайте, я вам помогу…» Он так и сделал. Подобрал из пыли и пушистых одуванчиков сетку, расправил. Дыра оказалась большущая (все помидоры

выкатились). Ванина рубашка была без пуговиц, со шнуровкой на груди. Он выдернул шнурок и крупными витками стянул края капроновой прорехи. Сел на корточки и стал складывать в сетку помидоры. Хозяйка их сказала с высоты роста:

— Спасибо, голубчик… Слава богу, в нашем городе есть еще нормальные дети…

Мальчик Ваня (который был не из «нашего города») застеснялся пуще прежнего, заспешил. Потерял равновесие и встал коленом на коварно подкатившийся помидор. Один их самых крупных. Бр-р, будто придавил медузу…

— Ой, простите, я нечаянно…

— Какие пустяки… Но смотри, ты испачкал ногу.

— Какие пустяки… — бормотнул Ваня. Получилось будто нарочно, в тон собеседнице, и он смутился снова. Быстро встал, протянул нагруженную сетку. — Вот… готово…

— Спасибо, мой хороший…

В этот момент «ковбои» у ворот громко загоготали. Ваня бросил на них короткий, как выстрел, взгляд. Нет, они смеялись, конечно, не над ним и не над хозяйкой помидоров. Они сидели на великах, обернувшись к мальчишке и бабке пестрыми спинами. Старший (который обмолвился

про «тротуары») был ближе всех. Его оттопыренные уши розово светились на солнце, рыжеватая стрижка — ежик искрилась. А крепкая голая шея была… такая соблазнительно — беззащитная.

Внутри у Вани случилась «отключка». Так он называл моменты, когда словно исчезали тормоза. Это случалось редко: например, если боялся, боялся, а потом с размаха перелетел через высоченного «коня» в спортзале; или вдруг возненавидел себя за трусость и сиганул с самой верхотурной площадки в бассейн; или с маху въехал по щекастой роже семиклассника Гути, который измывался над пацаненком из третьего «А» (ух как брызнуло у того из носа! «Елена Аркадьевна, я не понимаю, что с вашим мальчиком! Всегда был такой сдержанный, покладистый и вдруг… Если такое повторится, может встать вопрос о его переводе из гимназии в школу по месту жительства…»).

Вот и теперь… исчезли все звуки, лишь тонко запищало в ушах. Раздавленный наполовину помидор лежал под ногами. Его уцелевший бок по-прежнему горел, как стоп-сигнал. Но не для Вани был этот «стоп», Ваня взял пострадавший «фрукт» на ладонь…

— Простите, а он вам тоже нужен?

— Ох, нет, конечно… А ты что? — услышал Ваня сквозь писк в ушах. — Решил его скушать? Не надо, он же грязный. Если хочешь, возьми целый…

Ваня не хотел его кушать. Он хотел другое и знал, что не промахнется: при «отключках» точность движений вырастала у него во много раз.

Послушный законам баллистики, алый снаряд описал длинную дугу и с чавканьем влепился в шею «ковбойского» предводителя.

Розовые уши дернулись, как осенние листья на ветру.

— И?.. — вопросительно сказал их хозяин. Потом изумленно пропел: — И-и-и…

Медленно развернулся вместе с велосипедом. Вмиг усмотрел виновника своего унижения. Толкаясь ногами о землю, стал подъезжать — неторопливо и неумолимо (а «отключка» у Вани сразу пропала и душа опустилась в холодный желудок). Дружки пострадавшего безмолвно двинулись следом. Драпать было бесполезно — все равно догонят на великах.

Все трое остановились в пяти шагах. Предводитель нагнул к плечу голову. Сказал почти сочувственно:

— Бзя недоразвитая… Ты хоть понимаешь, что с тобой будет?

Так Ваня впервые услышал здешнее словечко «бзя», означавшее всякую никчемность. А что с ним будет, Ваня понимал. Ох как понимал…

«Ковбой» — предводитель растянул в улыбке лягушачий рот. Округлил глаза. Уши его хищно зардели.

— Хорошо-то как. У меня снова появился смысл жизни. Это — ты. Я не изничтожу тебя сразу, а буду делать это постепенно, при каждой встрече. Медленно и с удовольствием. И ты поймешь, ненаглядная лапочка, что такое вечный страх жизни…

«Владеет речью, паразит. Неокончательно тупой, — мелькнуло у Вани. — Но гад окончательный…» — Жидко-зеленые глаза врага подтверждали Ванино суждение. Они были безжалостны, несмотря на улыбку. А два других «ковбоя» были «никакие». Безмолвно лупали веками.

Их предводитель потрогал шею, облизал ладонь и еще на метр катнулся вперед. Наверно, чтобы начать программу «изничтожения».

Но «помидорная бабушка» повела себя совершенно неожиданно. Опустила сумку к ногам, левую ладонь положила на Ванино плечо, а трость мушкетерским жестом выставила перед собой. Сообщила молодым голосом:

— Не советую проявлять агрессивность, молодой человек. Вы получили по заслугам и ступайте своей дорогой. Имейте в виду, что в молодые годы я занималась фехтованием…

«Получивший по заслугам» ухмыльнулся, но спорить не стал. Приложил ко лбу ладонь (так отдают честь американские военные), развернулся с велосипедом и тихо поехал прочь. Дружки — за ним. Такой исход ничуть не успокоил Ваню. Потому что его новый недруг оглянулся, и в болотных глазах было *обещание*.

«Черт меня дернул связываться…» — нарастала у Вани здравая и тоскливая мысль. И все же воспоминание о метком чавкающем ударе оставляло в душе некоторое удовольствие. И на миг представилось даже, что вышитый рыцарь на рубашке улыбается из-под забрала.

— Я тебе очень благодарна, мальчик, — сказала «фехтовальная бабушка» уже не юным, а обычным голосом. — А не мог бы ты оказать мне еще одну услугу?

Чтобы не казаться совсем струсившим, Ваня слабо пошутил:

— Еще в кого-нибудь вляпать помидором?

— Нет, что ты! Просто помоги мне донести сумку до дома… К тому же, тебе все равно надо взять

обратно шнурок.

— Да, конечно! — В том смысле, что «конечно, помогу» и «конечно, надо взять». А в общем-то оба понимали, что смысл в другом: лучше держаться вместе, пока враги на велосипедах неподалеку…

2

Пошли рядом, по краю дороги. Выросшие между дощатым тротуаром и обочиной лопухи шуршали по сумке с помидорами. С другой стороны тротуара, у заборов, подымались травянистые кусты. Высокие, больше Вани. С цветами разных тонов — от бедно-розовых до темно-вишневых. Формой цветы напоминали крупные головки «львиного зева». Их было много на здешних улицах, и Ване они нравились. В Москве ничего похожего не встречалось. «Орхидеи да и только…»

Ваня однажды спросил у бабушки Ларисы Олеговны, как по-настоящему называются эти «орхидеи». Та не знала. «В прежние времена их не было, они стали появляться несколько лет назад, все разрастаются и разрастаются. Прямо… марсианские посланцы какие-то…»

«Марсианские посланцы» — это само по себе было привлекательно. Таинственно даже. И Ваня

тогда впервые подумал, что город Турень, куда его «сослали», не столь уж плох…

Было в городе что-то *такое*… От сказок Андерсена или от мушкетерской поры, или от том-сойеровского Сент-Питерсборо. Деревянная старина перепутывалась с новыми, но тоже похожими на старинные, кварталами. Белая колокольня древней церкви подымалась в облака вместе с башнями и шпилями университетских корпусов. На шпилях красовались узорные железные флаги и корабли. Подождать немного, присмотреться — и появится среди них Карлсон с пропеллером или растрепанная тетка на метле…

Через дворы и улицы тянулся глубоченный заросший овраг (некоторые утверждали, что это бывший крепостной ров). В нем тоже цвели «марсианские посланцы». Таинственно журчала внизу невидимая речка Туренка. Овраг назывался «лог». От лога, мимо покосившихся домов с деревянной резьбой, чугунных решеток и длинных факультетских зданий с полукруглыми окнами уходили к реке широкие мостовые. Река была ничуть не уже, чем в столице. И обрывы над ней напоминали Воробьевы горы…

Конечно, не вся Турень была такая. В современных районах, куда бабушка Лариса Олеговна

возила внука покупать летнюю одежку и обувь, все напоминало Москву. Но потому Ваня и смотрел там вокруг без интереса. Что он, не видал проспектов, супермаркетов с эскалаторами, многоэтажек и площадей с фонтанами?..

Здесь, в районе исторического центра, в который аккуратно вросли новые университетские кварталы, было совсем по-другому. Тоже порой шумели машины, однако слышался и стрекот кузнечиков. И густо летали над подорожниками и клевером коричневые бабочки…

Жаль только, что и в этих местах у Вани появились теперь недруги…

Ваня украдкой оглянулся: не движутся ли недруги следом? Те двигались, но в отдалении. Делали вид, что едут по своим делам. «Ага, по своим… Знаем мы эти дела…»

Идти молча было неловко. Ваня совсем уже решился поинтересоваться: не знает ли его спутница, как называются «марсианские» цветы у заборов? Но вместо этого вдруг спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы правда занимались фехтованием?

Спутница откликнулась охотно:

— Что ты! Нет, конечно! Это я сказала так, для храбрости. Но я в школьные годы очень любила

смотреть фильмы про рыцарей и мушкетеров. Эти кинокартины были тогда черно-белые, иностранные и назывались «трофейные». Попали к нам во время войны с Германией… Ужас, какие давние времена, да?.. А еще я не хуже мальчишек сражалась на палках, когда играли в пиратов и Робин Гуда… А как тебя зовут, юный рыцарь?

«Рыцарь…» Это она из-за вышивки на футболке или из-за того, что отомстил обидчику? (Ох, лучше бы этого не было!)

— Меня зовут Ваня, — сообщил он со вздохом.

— Замечательное имя! А меня Любовь Петровна… А во времена сражений на палках звали меня Люба или даже Любка. Или, бывало, Любка-Синяпка…

— Как? Простите, я не расслышал.

— Си-няп-ка… Потому что девичья фамилия была Грибова. А в ту пору все знали дразнилку-считалку: «Гри́бки-обабки, рыжики, синяпки…»

— Если правильно, то, наверно, синявки, — деликатно уточнил Ваня.

— Если правильно — да. Но кто из нас в те времена обращал внимание на грамматику! — Любовь Петровна шагала широко, постукивала палкой о дорогу и смотрела прямо перед собой. Похоже, что стремительно укатилась памятью в прошлое.

Но через несколько шагов встряхнулась, — А ты, Ваня, откуда появился в этих местах? Раньше я тебя не встречала…

— Я из Москвы. На каникулах у бабушки… которую, кстати, раньше никогда не видел. Так получилось…

— Вот как! — почему-то обрадовалась Любовь Петровна. — Это, наверно, замечательно — жить в столице! А?

— М-м… не знаю. По-моему, обыкновенно. Да я подолгу нигде больше и не жил, сравнивать не с чем…

— Я в прежние годы нередко ездила в Москву, гостила там у друзей. Это было прекрасно… Впрочем, по-всякому… Ну вот, мы и пришли.

Ваня завертел головой (и при этом зацепил глазом притормозивших в отдалении недругов). Куда пришли-то? Рядом — бревенчатая стенка выходящего на улицу сарая, а дальше — очередной забор с торчащими над ним верхушками кленов… Ой, нет! В заборе была дощатая калитка с тяжелым железным кольцом. Любовь Петровна с натугой повернула кольцо, калитка отъехала внутрь.

— Входи, Ванечка. Здесь наша «тихая обитель»…

Двор был просторный, заросший, как и улица. По краям — какие-то будки и хибарки, а посреди двора — длинный кирпичный дом. Трехэтажный, но не высокий. С обвалившейся здесь и там штукатуркой. С крутой железной крышей, где торчала треугольная чердачная будка. К будке вела из лопухов приставная лестница. На ее ступеньках сохли плетеные половики. На самой нижней сидел пестрый петух гордо-обиженного вида.

— Строение столетней давности, — сообщила Любовь Петровна. — Бывший доходный дом купчихи Мелентьевой. Представь себе, памятник старины, хотя ничего знаменательного, кроме возраста, в нем нет. Городские власти там и тут сносят деревянные дома с уникальной резьбой и кружевной жестью, а этого монстра трогать запрещено. А поскольку запрещено, то и жильцов не расселяют. И обитают здесь люди в квартирах с ржавыми трубами и печками начала прошлого века…

— А зачем сносят-то? Деревянные… — осторожно спросил Ваня.

— Чтобы строить офисы и рестораны, разумеется. Во имя ее величества прибыли…

— В общем, как в Москве, — понимающе ото-

звался Ваня.

Впрочем, дом не произвел на него отталкивающего впечатления. Было в нем даже что-то… почти что приключенческое. Будто он из книжки «Кортик» про мальчишек-пионеров давнего времени. И печки там… Ване всегда мечталось о квартире с печью, в которой можно разводить живой огонь…

— Цыпа-цыпа… — тихонько сказал Ваня петуху. Тот глянул с ожиданием: что дальше? Но Ваня не знал, что дальше, и петух обиделся на жизнь еще сильнее.

ДАВНИЕ ВРЕМЕНА

1

Вошли в дощатые сени. Здесь пахло каким-то старьем: похоже, что заплесневелой мешковиной и гнилыми досками. Вверх вели широкие ступени, обрамленные перилами с кривыми точеными столбиками.

— Нам на третий этаж, — сообщила Любовь Петровна. — Как ты понимаешь, лифта нет и никогда не было. Для меня это не большая беда, ноги до сих пор крепкие, я тридцать лет работала

в библиотеках, а библиотекари всю жизнь на ногах, закалка. А вот мой сосед Борис Антонович со своим остеохондрозом и артритом страдает здесь постоянно. Кстати, помидоры я несу ему: его любимое блюдо — яичница с томатами по-испански…

«Словоохотливая бабушка, — отметил по себя Ваня. — Почти как Лариса Олеговна…»

Поднялись. Оказались перед обитой обшарпанным дерматином дверью. Любовь Петровна зашарила в складках кофты.

— Где же он, ключ-то? А, вот он… Дома, конечно, никого, Борис в поликлинике, внучка с утра у родителей… Заходи…

Ваня оказался в темном коридоре (тут же зажглась лампочка). Впереди была еще одна дверь — белая и незапертая, из-за нее ударило солнце и запахло полевой травой.

— Ну вот, это мои апартаменты. Прописана я здесь одна, но чаще живу с внучкой, она то и дело сбегает ко мне из родительского дома…

«Апартаменты» состояли из двух комнаток с цветастыми обоями и тюлем на квадратных окнах. На круглом столе с кружевной скатертью стояли два большущих букета ромашек.

Ваня опустил у порога сетку с помидорами.

— Вот… Любовь Петровна, я пойду…

— Ну что ты, что ты так сразу! Передохни…

— Я не устал…

Он и правда не устал, но… где гарантия, что «ковбои» не крутятся поблизости и не ждут свою жертву?

— Заходи, Ванечка, я заварю чай. У меня еще осталось из прошлых запасов вишневое варенье. Посидим, и ты расскажешь про Москву. Хотя бы немножко…

Ваня зацарапал друг о дружку башмаками-плетенками. Они охотно снялись, оставив на ступнях незагорелый узор от ремешков.

— Ох, да зачем ты разуваешься! У меня все равно не подметено… Ну ладно, проходи… Подожди-ка! Я на улице и не разглядела: ты прямо как из кровавой битвы! Вся нога в красном…

И правда, колено было в подсохшем помидорном соке.

— В коридоре дверца налево, там умывальник. А на полочке бумажные салфетки. Сходи, вымой и вытри. Выключатель снаружи…

В тесной кабинке пахло всякими туалетными снадобьями. Вода из крана ударила неожиданно тугой холодной струей. Ваня подставил губы. Ему нравилось, что в этом городе можно пить

воду прямо из-под крана. Не то что в «матушке-столице». Потом он смыл помидорный сок и прилипшие семечки, вытер колено жесткой бумагой… В этот момент в просторном кармане на бедре зашевелилась, запикала плоская коробочка мобильника. Бабушка Лариса Олеговна волновалась:

— Ванюша, ты где гуляешь? С тобой все в порядке?

Он скривился (здесь-то это можно): терпеть не мог, когда звали его «Ванюша». Но ответил вполне любезно:

— Все хорошо, Лариса Олеговна… — (Они в первый же день знакомства договорились, что ни «бабушкой», ни «бабой Ларой» звать он ее не будет. «Не такая уж я древняя…») — Брожу по переулкам, знакомлюсь с окрестностями. Недалеко от дома. Скоро вернусь. А вы сделаете к обеду окрошку?.. Спасибо!

Он вернулся в комнату. Любовь Петровна мурлыкала простенькую мелодию вальса и расставляла рядом с букетами чашки и вазочки.

— Сейчас все будет готово. Садись к столу…

Ваня боком сел на заскрипевший гнутый стул. Почему-то вдруг застеснялся. Поджал ступни с незагорелым узором, колупнул с колена несмыв-

шееся семечко, глянул за окно. Сквозь тюль смутно видна была тополиная крона. А что еще там на улице — неизвестно.

Мысль о коварных врагах сидела занозой. «Не отступятся ведь, это для них приключение…» Но потом Ваня подумал: «Гляну в щель у калитки; если „ковбои“ там, пойду по двору, поищу, нет ли другого пути — через забор или в щель…» Стало поспокойнее.

2

Любовь Петровна принесла чайники, утвердила их на проволочных подставках. Потом — плетеную корзинку с печеньем.

— Давай, Ванечка, я налью. Какую тебе заварку? Покрепче?

— Средне… — сказал Ваня (вообще-то ему было все равно). — Спасибо…

— Накладывай варенье… А скажи, далеко отсюда живет твоя бабушка?

— Недалеко. В профессорском доме, рядом с математическим факультетом. Это наискосок от католического костела, знаете?

— Ну, разумеется! Я, голубчик, весь город знаю, а здешние места тем более. Они — родные… А что, бабушка работает в университете?

— Дедушка работает… — Ваня был рад, что разговор завязался простой, не надо ломать голову, про что говорить. — Он даже не родной дед, а второй муж моей бабушки. Но они давно поженились, меня тогда еще не было… Они с бабушкой жили в Новосибирске, а год назад Константина Матвеевича, это дедушка, пригласили работать сюда. Предложили всякие там «улучшенные условия» и большущую квартиру… Я до сих пор путаюсь в ней, в комнатах и коридорах… А Константин Матвеевич радуется: «Впервые в жизни у меня нет проблемы с расстановкой книг»…

— Такие квартиры дают, наверно, лишь известным специалистам.

— А он известный… в достаточной степени… Профессор, доктор всяких компьютерных наук. Что-то связано там с искусственным разумом… то есть с ин-тел-лектом…

Он думал, что Любовь Петровна спросит фамилию деда, но та, видимо, постеснялась. И сказала:

— Ох, я ничего не понимаю в этих вопросах.

— Константин Матвеевич однажды сказал, что он сам ничего в них не понимает. Как-то разговорился и выдал такую фразу… Я даже запомнил ее от слова до слова..

— Ну-ка, любопытно…

— «Мы слишком о себе возомнили. На самом деле база наших знаний — это смесь молекулярных теорий, квантовой механики и древних философий, и мы оттуда тянем соки, как трава с твоей фамилией тянет из полезных растений…»

— Батюшки! А что у тебя за фамилия?

— Фамилия редкая, — с тайной горделивостью сообщил Ваня. — Хотя и совсем не иностранная. по-ви-ли-ка… Есть такой вьюнок, который обматывает другие растения и как бы срастается с ними… Родители как-то заспорили. Мама сказала, что это трава — паразит, а папа рассердился: не может быть паразитом такое красивое растение, красота всегда полезна…

— Папа прав… Он случайно не художник?

— Он виолончелист. В симфоническом оркестре «Мелодии света»…

— Как интересно!.. Да ты пей, пей. И не забывай про варенье… Наверно, ты тоже занимаешься музыкой?

— Я занимался… На фортепьяно, потом на флейте. Только… «не обнаружил талантов»… — Ваня хмыкнул. — Но папа до сих пор не теряет надежды затолкать меня в музыкальный кадетский корпус.

— А тебе, я вижу, не очень хочется?

Ваня двинул плечом:

— Не знаю… Детей ведь не спрашивают. Запишут — и куда денешься… «Ребенок все равно должен быть где-то пристроен»… — Это была мамина фраза. И Ваня замолчал. Потому что дальше могли выскочить слова: «Тем более когда разведенным родителям обоим не до сына…» Но это уже тема не для посторонних.

Любовь Петровна что-то почуяла. Помолчала, позвякала в чашке ложечкой. Спросила чуть стесненно:

— А мама… тоже музыкант?

— Нет, она организатор передвижных выставок. Ездит с картинами и художниками по разным городам… Папа тоже часто ездит, с оркестром… Вот меня на лето и устроили сюда…

— И как тебе здесь?

— Пока неплохо, — дипломатично сказал Ваня. И опять подумал о «ковбоях». Но сказал о другом: — Бабушка взяла у деда и дала мне старый ноутбук. Его можно подключать к Интернету…

— Да, нынешние мальчики сплошь и рядом предпочитают компьютеры книгам… — покивала Любовь Петровна.

Ваня вспомнил, что она — старый библио-

текарь. Наверно, ей обидно, что нынче мало читатели. И объяснил:

— Нет, я читаю… Конечно, я не такой уж активный читатель, «Гарри Поттера» одолел всего три тома, но Интернет мне нужен как раз ради книжек. Из него можно выудить то, что нигде больше не найдешь…

— А что именно? — оживилась Любовь Петровна.

— Недавно отыскал редкий роман Жюля Верна «Юные путешественники». Ни в одном собрании сочинений его не встречал…

— Тебе нравится Жюль Верн?

— Очень!

— Но ведь нынешние школьники считают его скучным и старомодным.

— Ну и пусть считают! Мне и в классе говорили, что я «малость того»… — Ваня уже не смущался, он весело крутнул пальцем у виска. — А я все равно… Мне у него нравятся не только самые знаменитые романы, а вообще всё…

— Что же тебя привлекает в этом писателе?

Ваня нервно зашевелил ногами.

— Любовь Петровна, там… время такое. Мне кажется, лучше, чем теперь. Столько всего на свете неоткрытого и в то же время изобретения всякие.

Воздушные шары, первые телефоны, электричество, пароходы… Плохо только, что тогда не было мобильников… Зато люди не те, что нынче. Будто добрее друг к другу… Хотя, конечно, тоже… И еще бывают интересные совпадения…

— Вот как?

— Да… Мама собирается в августе в круиз на Антильские острова, с заходом на остров Гваделупу. А я начал читать «Юных путешественников», и там-тоже Гваделупа. Не такой уж известный остров, и вдруг — в книжке и в жизни…

Он встретился с Любовью Петровной глазами, и показалось, что угадал ее вопрос: «А что же тебя-то мама не берет с собой, на Гваделупу?» Стал смотреть в чашку с недопитым чаем…

— Ты, по-моему, мало ешь варенья. Не стесняйся…

— Нет, я много… Спасибо… Только мне уже пора, бабушка звонила, волнуется…

— Все-таки доешь варенье, это недолго… А я на минутку оставлю тебя, вспомнила, что надо позвонить…

Она вышла, Ваня заскреб ложечкой о стеклянную розетку, и в этот миг в кармане опять ожил телефон.

— Лариса Олеговна, я уже иду! Совсем скоро!

Ой…

В телефоне был совсем не бабушкин голос. Хотя женский и… кажется, даже знакомый:

— Простите, я могу поговорить с Константином Матвеевичем?

— У него сейчас другой номер…

— Извините, а вы его не знаете?

— Знаю. Давайте, продиктую…

— Будьте столь любезны…

— Пожалуйста… Восемь, девятьсот двенадцать, двести сорок четыре…

— Секундочку! Я возьму карандаш… Прошу вас…

Ваня снова начал диктовать. Отчетливо называя число за числом, он поднял глаза и увидел через открытую дверь Любовь Петровну.

Она стояла в коридоре у тумбочки, прижимала к уху телефонную трубку и, согнувшись, писала в блокноте.

— Ой…

Любовь Петровна вскинула глаза.

— Батюшки… Значит, мы беседуем друг с другом? Вот это чудеса!

Ване стало смешно.

— Ну да! А я думаю: чей это знакомый голос? Опять совпадение, почти как у Жюля Верна…

— Выходит, Константин Матвеевич Евграфов — твой дедушка?

— Да! — (снова уточнять, что не родной, не имело смысла). — Значит, вы знакомы?

Любовь Петровна положила трубку на рычаг, вошла, встала у порога. Забавно почесала карандашом висок.

— Знакомы ли… Трудно сказать. Скорее всего, он меня и не помнит. Мы учились не в одном классе, а в параллельных… В том году произошло слияние женских и мужских школ, я из двадцать первой попала в двадцать пятую, не сразу познакомилась со всеми… Но у меня есть старый снимок, на котором мы с твоим будущим дедом почти рядом. На пионерском субботнике в Городском саду. Это там, где нынче Центральный бульвар… Хочешь посмотреть?

— Конечно! — Было и в самом деле интересно: как выглядел пожилой профессор Евграфов полвека назад? Даже больше, чем полвека…

Любовь Петровна вытянула ящик старомодного комода, достала пухлую папку, сразу нашла нужную фотокарточку. Чуть больше открытки…

Выглядел он… несовременно. Как мальчишки в старых фильмах. Как школьник Волька Костыльков в кино про Хоттабыча. Фуражка военного

образца, широченные брюки, блуза с бляхой. Галстук-косынка поверх блузы… А лицо под козырьком толком и не рассмотреть, только чубчик торчит из-под козырька. Пионер Костя Евграфов воткнул лопату в кучу прошлогодних листьев и грудью налег на черенок. А в двух шагах от него стояла тощая девочка с граблями. С насупленными бровями и приоткрытым ртом. Щекой прижималась к длинному черенку. Видимо, Люба Грибова. Она была в платье с черным фартуком и в резиновых сапогах на тонких ногах.

— Шестой класс… — вздохнула Любовь Петровна. — У мальчиков тогда впервые появилась школьная форма, такая вот. Впрочем, ненадолго, скоро ее поменяли на костюмы с пиджачками. А то с первого класса будто солдафоны какие-то…

— Думаете, он вас не помнит? — осторожно сказал Ваня. — Вы же несколько лет были в одной школе…

— Я после седьмого класса уехала в Омск и жила там два года. Вернулась только в десятом. Костя и тогда не смотрел в мою сторону. Было на кого смотреть и без меня… Его в ту пору звали Граф. Е, Вэ, Графов, «его высочество Граф». Был он изящен, резок в суждениях, часто спорил с учителями, но без грубостей, а иронично и вежливо… Девочки

по нему обмирали…

«Граф» — кажется не «высочество», а «сиятельство», — подумал Ваня. Но сказал не то:

— Его и сейчас иногда Графом зовут. Бабушка Лариса Олеговна… А вы хотите с ним увидеться, да?

— Я совсем недавно узнала, что Константин Матвеевич вернулся в Турень. Мне достали его телефон. Сейчас в двадцать пятой школе есть нечто вроде Клуба ветеранов, там встречаются те, кто… еще остались на этом свете и не забыли ученические годы. А профессор, видимо, про это не знает, весь в своих научных проблемах. Вот я и решила его… так сказать, приобщить… Ванечка, будь добр, продиктуй до конца номер телефона.

Ваня продиктовал. Потом подержал еще перед глазами снимок. От старой фотобумаги почему-то пахло не то корицей, не то ванилью.

— Любовь Петровна, я ему… дедушке, расскажу про вас. А теперь я пойду, ладно? Пора…

— Давай я тебя провожу! А то вдруг эти «велосипедные витязи» вертятся поблизости…

— Нет, что вы! Наверняка уже укатили… А если что — удеру, — сказал Ваня весело и без лишнего героизма. — Махну через забор — не догонят…

— Заходи в гости. С тобой интересно беседовать.

Я тебе в нашей библиотеке присмотрю что-нибудь из старых жюль-верновских изданий…

— Спасибо!

ПОЛУДЕННЫЙ ВЫСТРЕЛ

1

Любовь Петровна еще раз сказала «заходи в гости», притворила за Ваней дверь, и он стал спускаться по ступеням. Неторопливо и без всякого желания.

Но полпути ему встретилась девочка лет десяти. Тощенькая, в светлом платьице с матросским галстучком, ничем не приметная. В лестничном полумраке лица и не разглядишь. Ваня заметил только вздернутый нос и очень светлые реденькие волосы, расчесанные на пробор. Посторонился, прижавшись поясницей к перилам. Надо было бы, наверно, сказать «привет» или «здрасте» (небось, внучка Любови Петровны), но он постеснялся. Так, молча и разошлись…

После темной лестницы двор показался очень ярким. Ваня сошел с крыльца и затоптался. Надо было пойти к калитке и выглянуть: нет ли поблизости неприятелей. Но… не хотелось. Может,

лучше сразу в дальний край двора, а там — на поленницу, на забор и в переулок, где его, Ваню, вовсе не ждут?

Он не успел принять решение.

— Подожди! — долетел с крыльца голосок.

Это была девочка. Та самая. Смотрела, тревожно мигая белыми ресницами.

— Ты — Ваня?

— Д… да, — съеженно сказал он и тоже мигнул.

— Вот… Ты забыл у бабушки шнурок. Она велела вернуть…

Девочка держала синий шнурок от футбольной рубашки двумя пальчиками.

— А… да… Спасибо… — Ваня начал неловко продергивать завязку с пластмассовыми кончиками в отверстия на ткани. Старательно так продергивал и смотрел вниз. И разглядел, что на девочке такие же плетенки, как у него. Тоже на босу ногу. Только размером поменьше… Она вся была «поменьше». Где-то на год помладше Вани и ростом ему до уха. Щуплая такая, с колючими поцарапанными локотками.

Ваня продернул шнурок и стал его старательно завязывать. Идти через двор к забору на глазах у девочки было неловко (вдруг догадается о его страхах!). А соваться к калитке — немалый риск.

«Чего она торчит тут, не уходит!..»

Девочка потрогала на виске белобрысую прядку (Ваня заметил, что прядка не совсем белая, а с чуть желтоватым отсветом). Девочка сказала:

— А еще…

— Что? — бормотнул Ваня, завязывая шнурок на третий узел.

— Бабушка попросила… чтобы я тебе показала безопасную дорогу. Потому что тебя на улице караулят хулиганы. Она разглядела в окно…

Когда Любовь Петровна успела это разглядеть и рассказать все внучке? Впрочем, какая разница! У Вани от неловкости зачесались уши. Но… изображать бесстрашного героя было глупо. Во-первых, девчонка все равно все понимала, а во-вторых… если поймают — накостыляют так, что век не забудешь. А могут и мобильник отобрать…

Ваня посопел и небрежно спросил, глядя на девчонкины плетенки:

— Что за дорога-то?

— Пойдем… — Она спрыгнула со ступеньки, оглянулась и зашагала по тропинке среди подорожников. Ване что делать? Пошел следом (петух на лестнице проводил его насмешливым взглядом).

Девочка шла туда, куда собирался и Ваня — к

дальнему забору с поленницей. Но карабкаться на поленницу они не стали, а пролезли в тесный промежуток между дровяным штабелем и досками (девочка — впереди, смущенный и послушный Ваня — следом). Виновато смотрел на ее тонкую шею с белым пушком. Шея была открыта, потому что волосы разделялись на две короткие косички. Девочка отодвинула на заборе доску, скользнула в щель, оглянулась:

— Пролезешь?

Ваня пролез без труда, только слегка зацепился карманом с мобильником.

За щелью открылся длинный проход: слева глухая кирпичная стена, справа — забор. Было видно, что шагов через двадцать проход поворачивает влево. А что дальше — непонятно.

— Дальше — еще одни двор, с огородом, — словно в ответ Ване сказала внучка Любови Петровны. — Его надо проскочить незаметно… А потом будет в кустах тропинка, она приведет на край лога. А там дорожка, между логом и спортплощадкой… Квакер туда не пойдет, не догадается.

— Кто не пойдет?

— Квакер. Тот, кто тебя ищет… Это не имя, а прозвище. Потому что такой вот… лягушачий

портрет. Видел, как он улыбается?

«Квакеры — это вроде бы секта была такая в Америке», — вспомнил Ваня. Но не стал уточнять, хмыкнул:

— Прямо партизанская война с этим Квакером… — Было все-таки стыдно, что приходится убегать и прятаться с помощью девчонки.

— Конечно, война, — согласилась девочка. — Но мы его перехитрим. От спортплощадки всего квартал до твоего дома. Ты не бойся…

«Я и не боюсь», — хотел ответить Ваня и понял, какое это будет глупое вранье. Спросил насупленно:

— А откуда ты знаешь, где мой дом?

— Бабушка сказала. И еще сказала, что с твоим дедушкой училась в школе…

«Когда она успела? — подумал Ваня. — И про адрес, и про деда, и как меня зовут… Видать, я долго топтался на крыльце…» — И вспомнился петух с насмешливым взглядом.

Девочка не спешила. Остановилась и будто прислушивалась. Наконец позвала:

— Ну, идем…

Середина прохода заросла темной травой с узорчатыми листьями, вроде как у полыни. Ростом выше колен. А вдоль забора тянулась

неширокая тропинка. Девочка шагнула на нее. Ване надоело быть все время позади, он решил пойти рядом с девочкой — прямо через травяную чащу. Девочка быстро оглянулась, уперлась ему в грудь ладошками.

— Что ты! Не ходи там!

— Почему?

— Это же татарская крапива! У вас в Москве такой, наверно, нет. Она в сто раз кусачее обыкновенной…

Ваня глянул недоверчиво. Трава казалась безобидной, совсем не похожей на крапиву. Но… спасительницам полагается верить. И он послушно пошел следом, в затылок девочке. Однако любопытство было сильнее страха. Ваня не утерпел, тыльной стороной ладони мазнул по макушке растения… «Ма — амочка моя!» Хорошо, что не вляпался ногами, а то плясал бы теперь, как на костре!

Девочка опять оглянулась.

— Зацепил все-таки?

— Чуть-чуть…

От этого «чуть-чуть» ядовитые иглы прошивали руку аж до локтя.

— Потом обмакнешь в холодную воду. Через часик пройдет…

«Ничего себе — через часик!..» Ваня на ходу лизал руку, как обжегший лапу кот.

Проход сделал поворот, и оказалось, что он упирается в крепкий, в два ребячьих роста, плетень — из толстых прутьев и березовых жердей. Девочка приложила палец к губам, раздвинула прутья.

— Ох… ну, так и есть. Пасется среди грядок…

— Кто?

— Парамоныч. Хозяин огорода. Если увидит нас, будет скандал.

Ваня тоже глянул сквозь плетень. Грузный дядька среди помидорной ботвы был старый и, кажется, хромой. Ваня азартно шепнул:

— Если рванем напрямик, он не догонит… — Хотелось показать девочке хоть какую-то смелость.

Но девочка мотнула косичками.

— Он меня знает. Сразу пойдет ябедничать бабушке.

— И что? Ты ей объяснишь, что спасала меня… Или все равно попадет?

— Да ничуть не попадет. Но он станет мучить ее разговорами про современную молодежь и клянчить взаймы. На четвертинку… Давай подождем немножко…

— Давай… — Ваня снова стал лизать руку.

В кармане опять затрепыхался, запиликал мо-

бильник.

— Ванечка, ты далеко?

— Да недалеко, недалеко! Приду уже скоро! Не волнуйтесь вы, пожалуйста!..

— Я волнуюсь, потому что ты можешь не успеть. Если начнет сильно хлестать, спрячься под навесом на автобусной остановке или в каком-нибудь магазине…

— Что хлестать?

— Да ты разве не видишь? Посмотри на небо!

В самом деле как потемнело! Ваня глянул вверх. Над кромкой кирпичной стены клубилась белесая кайма лиловой тучи. Елки-палки! А он и не обращал внимания на небо во время своего малодушного бегства от Квакера!

У здешней погоды такое свойство: среди жаркого ясного дня вдруг откуда ни возьмись вырастает грозовое облако — треск, ливень, сломанные ветки тополей! А через полчаса опять солнце и благодать…

— Сейчас польет, — деловито сообщила девочка. — Но это даже хорошо. Парамоныч уберется, а мы бегом под дождем… Не размокнем, да?

— Да… — озабоченно сказал Ваня. — Только я боюсь, что намокнет мобильник. У меня уже было так в мае, в Москве. Попал под ливень, и

телефон отказал. Его починили, но он с той поры крякает… как простуженный селезень. Я даже не жалею, что забыл его дома. А этот — дедушкин…

— Если дедушкин, то конечно… Тогда надо отсидеться. — Девочка сказала это с такой серьезностью, что на миг почудилась усмешка.

— Где тут сидеть-то? — буркнул Ваня. Сверху уже падали капли.

— Вон там… — Девочка потянула его за локоть назад, к повороту. В кирпичной толще стены у самой земли виднелась квадратная ниша. Высотой и шириной около метра и чуть поменьше в глубину. Ваня мельком подумал, что, наверно, стена была когда-то противопожарной защитой. Называется «брандмауэр». А в нише в ту пору стояла бочка с запасом воды…

2

В убежище влетели с разбега, завозились, устраиваясь. Девочка угодила Ване коленом в бок, он зашипел. Наконец уселись рядышком.

Сверху хлынуло. Ливень падал отвесно, стена не заслоняла от него землю. Но в углубление струи не попадали, только редкие брызги покусывали ноги. Ваня втянул их поглубже, согнул посильнее, охнул.

— Что? Руку жжет? — посочувствовала девочка.

— Бок… Ты мне врезала коленкой между ребер, она у тебя как деревяшка, — слегка дурашливо объяснил Ваня.

— Да, я костлявая, — печально призналась девочка. Ваня ощутил себя виноватым. Неловко утешил:

— Не костлявая, а… худощавая.

— Нет, костлявая… Всегда натыкаюсь суставами на что попало. Вот и на тебя… Ой! — Это сильно сверкнуло снаружи. И сразу грохнуло так, будто стена раскололась сверху донизу. Девочка вздрогнула и притиснулась к Ване — щуплым своим плечиком к его плечу (рядом с которым была эмблема «Айвенго»). Он высвободил из-под себя руку, обнял девочку за спину, пальцами обхватил другое ее плечо. Без всякого стесненья. До сих пор он был «тем, кого спасала она», а теперь спасал он. Стал смелее и уверенней и как бы отдавал девочке долг.

— Не бойся.

— Ага, «не бойся»… — Она не стала освобождаться из-под руки. — Я грома и молний боюсь пуще всего на свете… Пуще пауков и мокриц…

Ваня тоже побаивался грозы, но в меру. И сей-

час деловито объяснил:

— Сюда молния не влетит. Ей ведь нужно для разгона расстояние, а здесь тесно. А гром — это просто звуковой эффект…

«Звуковой эффект» грянул так, что девочкино плечо под Ваниными пальцами затрепетало, будто подбитое крылышко.

— Да не бойся ты. Здесь безопасно. Даже… хорошо.

Было и правда неплохо. Кто-то расстелил здесь сухую траву, а на нее бросил старый мешок.

— Видать, это обжитое местечко, — сказал Ваня, чтобы отвлечь девочку от страха.

— Ага… Раньше здесь жил беспризорный пес Каштан. А год назад его забрал себе Квакер…

— Значит, Квакер знает это место! — сразу встревожился Ваня.

— Его многие знают. Но Квакер же не знает, что это место знаешь ты, — обстоятельно рассудила девочка. — И не будет искать тебя здесь… Тем более сейчас…

Подтверждая это «сейчас», гроза ударила снова. Правда, уже не так страшно. Шум ливня стал ровнее, хотя и оставался сильным. Лариса Олеговна при таком дожде обязательно говорила: «Разверзлись хляби небесные…» И заводила разговор о

капризах нынешней погоды, о всеобщем потеплении климата, которое на деле оборачивается похолоданием, о бестолковых прогнозах синоптиков, о своей знакомой, которая работала на местной метеостанции и уволилась, потому что поругалась с начальником: он велел объявить, что на выходные ожидается прекрасная погода, хотя по всем данным следовало ждать снежных зарядов… А так же о муже этой знакомой, которому недавно сделали безболезненную операцию на почках, и о его сестре, купившей у какого-то проходимца кольцо с бриллиантом, оказавшимся простой стекляшкой…

Лишь бы не вздумала позвонить сейчас. Пришлось бы тянуться к карману за телефоном, беспокоить девочку.

Она словно угадала Ванину мысль, шевельнулась, будто хотела освободить плечо из-под ладони, но тут гром ударил с новой силой, и она опять прижалась. Надо было успокаивать снова.

— Послушай… Ты про меня столько знаешь: и откуда я, и где живу, и как зовут… А тебя как звать?

— Лариса, — быстро сказала она.

— Как мою бабушку… Но ты же не бабушка. Есть имя покороче?

— Да. Иногда зовут Лора. Или даже Лорка. Это не обидно, мне нравится.

— Конечно, чего обидного… Наоборот, красиво даже. Был такой испанский поэт, Федерико Гарсия Лорка. Его фашисты расстреляли. Очень известный поэт…

— Ты его читал? — шепотом спросила Лорка.

— Нет, — признался Ваня. — Мне мама рассказывала. Она готовила выставку иллюстраций к его стихам. В Обществе российско-испанской дружбы… Я спросил: а что по-испански значит «Лорка». А она говорит: не знаю, посмотри в словаре. Я полез в словарь, но там такого слова нет. Есть только похожее, «лоро»…

— А это что такое?

— Это значит «золотистый». Только не ко всякому существительному относится, а к полю, к хлебам. Например, «золотистая рожь»… Или… — Он запнулся, но сразу храбро сказал: — «Золотистая Лорка».

— А… что это значит?

Он сказал еще храбрее:

— Не ясно разве? Золотистая *ты*.

Лорка засмеялась — не очень весело, но звонко:

— Разве я золотистая? Вся белобрысая. В классе

даже дразнятся иногда: седая…

Ваня не стал говорить, что дразнятся дураки: это было бы слишком просто. Он разъяснил с ученой ноткой:

— Они плохо смотрели. Все зависит от угла зрения. Я вот сегодня глянул на тебя на крыльце и увидел в волосах золотые искорки.

Лорка помолчала и шепнула:

— Правда, что ли?

— Ну подумай, зачем мне врать?

— Никогда не замечала.

— Потому что не смотрела на себя в зеркало при ярком солнце. Ты попробуй…

Лорка ничего не ответила. Повозилась, освободилась из-под Ваниной руки, попыталась натянуть на коленки подол, не сумела, уперлась в них подбородком.

— Ваня, послушай. Дождь потише стал, да?

— Потише…

Гроза кончилась так же стремительно, как началась. Вмиг ослабел и через минуту прекратился ливень. Гром прощально порокотал где-то в отдалении. Солнце окрасило желтизной край уходящей тучи.

— Кажется, отбой, — сообщил Ваня и бодро завозил ногами. — Подождем еще или будем

выбираться?

— Будем, — решила Лорка. — Парамоныч спрятался от дождя, и надо успеть, пока не появился снова.

3

Они успели.

Воздух был сырой, плетень, сквозь который они продрались на огород, — тоже. Широколистная трава, что росла рядом с грядами, цапала ноги мокрыми ладонями (Лорка даже повизгивала). Зато огород миновали за несколько секунд. С натугой раздвинули прутья-палки в другом плетне и выбрались на дощатый тротуарчик — он тянулся по краю лога, огибал могучие кривые тополя. Пахло дождем, тополиной листвою, влажными травами. Миллионы капель в зарослях лога сияли радужными искрами. Ваня хотел постоять, подышать. Но Лорка потянула его за руку:

— Идем скорее… — Кажется, она не до конца доверяла этой прохладной благодати.

И… правильно не доверяла. Когда они свернули с тротуарчика и оказались на тропинке рядом с сетчатой изгородью спортплощадки, навстречу им вышли из-за трансформаторной будки Квакер и его дружки. «Пешком». Велосипеды держали

за рули…

Перехитрили, гады! Переждали где-то грозу, вычислили путь беглецов, перекрыли дорогу. Для них, видать, это была очень важная охота. Интерес, азарт! «Смысл жизни», как выразился при первой встрече Квакер. Сейчас он с откровенной радостью улыбался лягушачьим ртом. Его дружки тоже улыбались, но как-то невыразительно. Лица их были туповато — одинаковые.

— Какая встреча! — Квакер широко развел руки, словно готов был обнять Ваню и Лорку. — Впрочем, ожидаемая. Девочка думала, что она умнее всех, но Квакер тоже не дурак, знает каждую тропинку. И тропинки сошлись…

«Владеет речью, гад…» — опять подумал Ваня.

— Чего надо, Квакер? Большие, крутые, да? — сказала Лорка без боязни, но и без надежды, что все кончится хорошо.

— Ага… — Квакер улыбнулся еще шире. — Ты, девочка, иди домой, там волнуются… А мы поговорим с мальчиком. Нам интересно, откуда он такой. Видно, что не здешний…

— Лорка, иди… — шепотом попросил Ваня. Если бы она ушла, он рванулся бы назад — и головой в заросли лога. Плевать на сырость, ветки-колючки и всякую там татарскую крапиву, это не

смертельно. И «ковбои», небось, не стали бы догонять, с великами-то… Но Лорка никуда не пошла. Стояла бок о бок с Ваней и даже чуть впереди. Мало того, она подняла с тропинки обломленный грозою тополиный сук. Сказала тонко:

— Лучше не подходите.

Квакер и его дружки посмеялись. Не сердито, сочувственно даже. «Ненормальная», — жалобно подумал Ваня. Но сказать: «Уходи, я от них сбегу», — было теперь стыдно. Кстати, большого страха он не чувствовал, только опять жгуче зачесалась ужаленная рука да малость ослабели ноги.

Квакер отдал руль своего велосипеда приятелю, перестал улыбаться и сделал шаг вперед…

В этот момент грохнуло!

Нет, не гром, а что-то вроде взрыва. Тугой и короткий, без раскатистости, удар.

Квакер замер. У него округло приоткрылся широкий рот.

Лорка дернула плечами и шепотом спросила:

— Ваня, какое нынче число?

Более дурацкого вопроса задать не могла!

Но он так же быстро ответил:

— Двадцать второе… А что?

— Ага… — выговорила она с тихо-торжествен-

ной ноткой. И смотрела теперь в упор на Квакера. — Ну, что, Квакер? Будешь продолжать охоту? Забыл закон, да? Может, уже волосы растут между пальчиками? — Она вдруг стряхнула со ступни плетенку и пошевелила над лужицей голыми пальцами. Ехидно так.

Рот у Квакера медленно закрывался. И проступала на лице явная досада.

— Ваше счастье, головастики… — выговорил он.

Один из его дружков сунулся вперед (пухлощекий такой, с розовым следом отлетевшей болячки на подбородке):

— Да чё такого! Давай хоть отвесим пендаля по ж… и башкой в репейники…

— Цыц, — угрюмо сказал Квакер. Он опять перехватил руль, двинул свой велик назад и в сторону и заставил сделать это своих дружков. Освободил проход по тропинке. Хмыкнул.

— Идите, пока я добрый… — И добавил, глядя на Ваню: — Считай, милый мальчик, что судьба подарила тебе еще полсуток жизни.

Лорка отбросила палку, подняла с земли плетенку, взяла Ваню за локоть и храбро повела его мимо «ковбоев». Ваня ничего не понимал. Однако он чувствовал: сейчас его не тронут. Правда,

один из приятелей Квакера (не тот, что с пятном от болячки, а другой, похожий на гусака) слегка замахнулся, но у Вани хватило характера не вздрогнуть.

Тропинка вывела их к белому зданию университетского общежития. Лишь тогда Ваня оглянулся: без боязни, а так, из любопытства. Но «ковбоев» уже не было видно, остались за утлом.

— Сегодня уже не тронут, — успокоила его Лорка.

— Я понял… Но почему не тронут? Лорка, что это за закон? — Ване было почему-то неловко.

— Ты же слышал выстрел. Это самодельная пушка, у здешних мальчишек. Они стреляют из нее раз в году, в самый длинный день лета, называется «солнцестояние». В полдень стреляют. Это обычай такой. После выстрела и до заката нельзя затевать драк и кого-нибудь обижать… В общем, такое правило в здешних местах…

Вот это правило! Ни о чем подобном Ваня раньше не слыхал.

— И его все выполняют?

— Ну… не все, конечно. Для всяких отморозков оно не указ. Например, для Рубика или для Репы. Но Квакер… он, конечно, балда и хулиган, только все же помнит про закон… Это как в книжке про

Маугли. Читал?

— Читал. Только давно, плохо помню… — признался Ваня. — При чем там… волосы какие-то…

Лорка засмеялась:

— Там разные были звери. Волки, с которыми жил Маугли, знали законы джунглей. Они не нападали ради крови, не были слишком жестокими. А их враги, дикие собаки, никаких законов не признавали. И у них между пальцами на лапах росли волосы. У волков их не было, а у собак были. И Маугли дразнил их за это. Прыгнет на дерево и вот так… — Лорка приподняла ступню и опять пошевелила пальцами (она все еще была без плетенки на левой ноге).

Ваня засмеялся. И Лорка засмеялась, стряхнула вторую сандалетку.

— Снимай и ты. А то промочишь, сейчас лужи кругом…

Ваня послушно сбросил плетенки. Стоять босыми ступнями на мокром гравии было непривычно и приятно. Он с удовольствием потоптался. И в это время опять проснулся мобильник.

— Ванечка, где ты? Я вся извелась! Такая гроза…

— Да все со мной в порядке! Мы переждали грозу в сухом укрытии!

— Ванечка, кто «мы»?

Он прямо посмотрел на Лорку, потом на телефон и без хитростей сообщил в трубку:

— Я познакомился с девочкой. Это внучка знакомой Константина Матвеевича. Сейчас я провожу ее и сразу приду.

— Ваня, я не поняла! Какая знакомая? Какая вну…

Телефон пискнул и замер. Кончились деньги.

Ваня покаянно сказал:

— Я дурак. И этот… э-го-ист… У тебя ведь нет мобильника, надо было дать тебе, чтобы позвонила бабушке, а то она, небось, вся испереживалась… А теперь он издох…

— Не-е, она не очень переживает. Она ведь не знает, как я боюсь грозы. Думает, что я вообще ничего не боюсь. И ничего со мной не случится…

— Ты и правда…

— Что? — глянула Лорка сбоку (они рядышком тихо брели вдоль белого корпуса, шлепали по лужицам).

— Ты… и правда героическая личность. Прямо Жанна д'Арк…

— Ага! Как обмирала там, в конуре…

— Ну и что такого! Даже самый героический человек чего-нибудь на свете боится… Петр Первый

боялся тараканов…

Лорка опять глянула искоса. И вдруг спросила:

— А ты?

— Я?.. — Он вздохнул вроде бы и всерьез, и дурашливо. — Если все вспоминать… — И вспомнил один, не самый большой страх: — Боюсь, например, что опять заставят заниматься музыкой.

— А ты не хочешь? Тогда упрись!

— Ну, упрусь… А куда деваться-то? Со взрослыми много не поспоришь.

— А что? Могут отлупить, да? — понимающе сказала она.

— Да при чем тут это… — вздохнул мальчик Ваня, которого не лупили ни разу в жизни. — Просто… у меня характер не такой героический, как у тебя… — Это опять было то ли в шутку, то ли всерьез.

— Ну уж, не героический! Вон как вляпал помидором Квакеру!

— Это просто лопнуло что-то внутри. А потом сразу пожалел, да поздно…

— По-моему… ты не очень пожалел… — серьезно сказала она.

«По-моему, да. Иначе мы бы и не познакомились…» — Но выговорить это вслух он не решился.

Они обогнули общежитие и оказались в сквере недалеко от костела. До Ваниного шестиэтажного, с зеленой крышей дома было рукой подать. Впрочем, и до квартала с Лоркиным домом — недалеко.

Лорка тихо спросила:

— А ты… правда думал меня проводить?

— Если хочешь…

— Ага… пойдем… — вздохнула она.

И они пошлепали по мокрой асфальтовой дорожке. Похлопывали мокрыми сандалетками-подошва о подошву.

— Лорка… А откуда обычай такой? Ну, про выстрел, когда солнцестояние? И что за пушка?

— Ваня, я даже и не знаю точно. Это надо у мальчишек спрашивать…

— У Квакера, что ли? — насупился Ваня.

— Нет, конечно! Это надо у Трубачей. Такое общее прозвище из фамилий: Трубин и Чикишев. Федя и Андрюшка. Ты не бойся, они не такие, как Квакер, крутых из себя не строят… И пушка сейчас у них…

«Больно я нужен Трубачам с пушкой», — подумалось Ване. Но Лорка, словно угадав эту мысль, сказала:

— Тебе полезно с ними познакомиться. А то

ведь у тебя пока нет здесь друзей, да?

— Кроме тебя, — выскочило у Вани. И лишь потом он смутился. Огрел себя мокрой подошвой по колену.

А Лорка не смутилась, понятливо кивнула:

— Да. Но я не смогу защищать тебя от Квакера. А Трубачи… они в драках натренированные. С прошлых лет…

Ваню не очень тянуло на знакомство с тренированными в драках пацанами. Но, с другой стороны, Лорка права. Невозможно все лето жить беззащитным.

Лорка решила:

— Ты проводи меня сейчас, потом иди домой, успокой свою бабушку, а после обеда приходи ко мне снова. Тогда и пойдем к Трубачам…

ТРУБАЧИ И НИКЕЛЬ

1

Федя Трубин и Андрюша Чикишев дрались в течение почти четырех лет. С начала первого до окончания четвертого класса. Без большой жестокости, но деловито и регулярно. Почти каждую неделю. До разбитых носов доходило ред-

ко, однако синяки были делом обыкновенным. Эти синяки и постоянные известия о поединках приводили в отчаяние родителей, учительницу Юлию Васильевну, а также бабушку Андрюшки.

За что Трубин и Чикишев не любили друг друга, что делили между собой, понять не было возможности. Они не соглашались друг с дружкой ни в чем. Как в старой песне: «Если один говорил из них „да“, „нет“ говорил другой». В проигранных футбольных матчах с другими классами Трубин всегда обвинял Чикишева, а тот, естественно, Трубина. Если на уроке Юлия Васильевна просила Федю рассказать о Куликовской битве, следом поднимал руку Андрей и заявлял, что Трубин все переврал. «Самым бестолковым образом!» Если отправлялись в поход на Гилевские луга и Чикишев получал задание разжечь костер, Трубин тут же всех оповещал, что Андрюшка спалит окрестные леса, но зажечь ни одну ветку в костре не сумеет… И, конечно же: «Ну чё, пошли за кусты?» — «Само собой…» И девчоночье повизгиванье: «Ой, ребята, они опять!» И очередные заявления Юлии Васильевны на родительском собрании, что «с учебой у этих двоих нет больших проблем, но своим поведением они постоянно снижают показатели класса по дисциплине». И что «ро-

дителям пора бы принять надлежащие меры». Но у родителей были мягкие характеры и для надлежащих мер не хватало решимости.

Зато однажды ее хватило у Евдокии Леонидовны, Андрюшкиной бабушки. Он шла с рынка и увидела двух вечных неприятелей, которые сцепились прямо на улице, на весенней травке у «чикишевских» ворот. Она оставила корзинку на лавочке, ухватила обоих противников за воротники и отвела в сарайчик, что стоял в глубине двора. Там она скрутила в жгут мешок из-под картошки. Сказала любимому внуку: «Иди сюда». Андрюшка подошел. Он никогда не уклонялся от ответственности за свои дела. Евдокия Леонидовна взяла внука за шкирку и взгрела пыльным жгутом по лопаткам.

Федя мог бы удрать в незапертую дверь, но счел такое бегство унизительным. Слегка запыхавшаяся Евдокия Леонидовна сказала ему:

— А тебя я сейчас отведу к твоей тете Клавдии Кузьминишне и попрошу сделать с тобой то же самое.

Трубин объяснил, что тетя на работе. И мама с папой тоже.

— Лучше сделайте со мной это сами. Чтобы стало справедливо. Мы же дрались одинаково…

— Охотно, — отозвалась еще не остывшая Андрюшкина бабушка. И сделала. Федя не пикнул, как и Андрюшка (подумаешь, мешок!).

Отдышавшись, Евдокия Леонидовна грозно вопросила:

— Будете еще драться?

— Я больше не буду, — привычно пообещал Андрюшка.

— И я не буду…

— То-то же!.. Миритесь немедленно и убирайтесь! И чтобы больше ни разу…

Трубин и Чикишев покладисто кивнули друг другу, покинули сарайчик и деловито закончили драку в саду, под набирающими цвет яблонями…

Неизвестно, сколько бы еще продлилась их затяжная война, если бы не девятиклассник Артур Сенокосов.

Сенокосов тоже был нарушитель дисциплины (часто приставал к девчонкам), а еще — бестолочь и трус. После очередного скандала и разборки в кабинете директора он притихал. Чтобы дать Артуру шанс исправиться, учителя поручали ему какую-нибудь общественную работу. Например, вешать в вестибюле плакаты перед праздниками, следить, чтобы никто не проскакивал в школу без «сменки», или наблюдать за порядком на этаже с

младшими классами. Но ведь известно: «Заставь дурака богу молиться…» И однажды этот дурак усмотрел непорядок в поведении четвероклассника Никитки Кельникова.

Никитка шагал по коридору, улыбался, смотрел перед собой и махал снятым ранцем. Вообще-то он редко ходил так живо, а ранец всегда аккуратно носил за плечами. Но сейчас, видно, было у него какое-то особое настроение.

У Артура тоже было настроение, но не особое, а просто скверное. Когда Никиткин ранец задел брючину Сенокосова, тот паучьим движением ухватил четвероклассника Кельникова за плечо:

— Ты чего махаешся! Чуть ногу не перешиб!

Никитка перестал улыбаться.

— Я нечаянно… Извини, пожалуйста…

— Ха, «нечаянно»! А школьная дисциплина не для тебя? Ну-ка, марш к батарее и — двадцать отжиманий!

Никитка замигал и сказал тихо:

— Мне это нельзя, отжимания… Ни одного…

Ему и правда было нельзя. Тихий, безотказный, добрый ко всем Никитка Кельников с младенчества страдал пороком сердца. Еще в первом классе, на собрании (когда Никитка болел дома) Юлия Васильевна сказала: «Ребята, вы поймите.

У него сердечко, как лампочка из тонкого стекла. Толкнешь неловко — и одни осколки...»

Класс притих. Маленькая курчавая Света Дымкина вдруг всхлипнула...

С той поры знал каждый: обидеть тихого Никитку (с ласковым прозвищем Никель), зацепить неловко или хотя бы просто прикрикнуть на него — совершенно бессовестное дело. Все это понимали, даже самые сорвиголовы, во всех классах. Только Артур Сенокосов, кажется, не знал, не понимал.

Он тряхнул Никитку за плечо:

— Кому сказано! А то сделаю цыпленка табака!

Трубин и Чикишев шли в ту пору из туалета, после небольшой драчки. По разным сторонам коридора. Андрюшка трогал языком припухшую нижнюю губу. Они в один и тот же миг увидели дурака Артура и Никитку.

Они посмотрели друг на друга. Быстро сошлись.

— Ты-под ноги, я — башкой, — быстро сказал Федя.

— Почему это я под ноги, а ты... — привычно возмутился Чикишев. Но тут же понял, что не время для спора. Незаметно шагнул за Артура и прилег позади него на половицы. В ту же се-

кунду Федя с разбега врезал Сенокосову головой в живот.

Длинный Сенокосов отпустил Никеля и загремел через Андрюшку, будто дон Кихот с мельничного ветряка. Только вот не было звона доспехов. Зато были грозные вскрики:

— Это! Что! Такое! Это! Опять! Чикишев и Трубин!.. — Разумеется, на месте происшествия возникла вездесущая и бдительная завуч Карина Эдуардовна. Было бы странно, если бы не возникла. И потому никто не удивился. Хнычущий Сенокосов воздвигся над полом. Андрюшка тоже вскочил. А Никитка Кельников вежливо и безбоязненно разъяснил завучу:

— Карина Эдуардовна, они не виноваты ни капельки. Они просто заступились за меня.

Карина Эдуардовна была крикливой и не очень-то доброй. Но она не была глупой. Ее педагогического опыта хватило, чтобы сразу понять, что к чему.

— Сенокосов! Марш ко мне в кабинет, там поговорим!.. Кельников, ты не пострадал?

— Не успел, — виновато улыбнулся Никитка.

— Чикишев и Трубин… гм… Я не верю глазам. Вы впервые оказались не друг против друга, а плечом к плечу. Это вселяет надежду… Хотя

драться все равно недопустимо… Но я не стану ничего писать в ваши дневники, если вы дадите обещание!

— Какое? — спросил Андрюшка, снова тронув языком губу.

— Вы дадите мне *торжественное* обещание больше никогда не драться друг с другом… А?

— Конечно! — весело отозвался Федя.

— Ага, торжественное, — беззаботно подтвердил Андрюшка.

У того и другого был богатый опыт подобных обещаний.

Карина Эдуардовна глянула с сомнением, но решила поверить и удалилась. Разбираться с дураком Сенокосовым. Трубин и Чикишев тоже пошли, рядом.

— Если бы ты не упал пузом на пол, а встал на коленки, он бы загремел сильнее, — сказал Федя.

— А если бы ты вделал ему покрепче, он бы…

И в эту секунду они ощутили спинами не то легкий укол, не то мягкий толчок. Оглянулись. Никитка Кельников глядел на них то ли с упреком, то ли с виноватой просьбой. Они одинаково засопели, отвернулись и пошли в свой класс молча.

На следующий день (за неделю до летних ка-

никул) уроки закончились раньше обычного, и радостная толпа рванула к дверям. А оставшийся на месте Никель вдруг сказал в спину Трубину:

— Федя…

Негромко сказал, но тот почему-то сразу услышал. Остановился (его толкали).

— Чего?

— Подойди, пожалуйста… Нет, сначала позови Андрюшу…

— Чикишева, что ли? Чего это я буду его звать!

— Ну, пожалуйста, — все так же тихо сказал Никитка. И Федя пошел искать Андрюшку. Догнал.

— Тебя… нас… Никель зачем-то зовет. Идем…

— Чего это я должен… — конечно же, начал Чикишев. И мигнул. И буркнул: — Ну, айда… если зовет.

В классе было уже пусто. Лишь Никитка сидел на прежнем месте. Чуть-чуть улыбнулся навстречу.

— Ну, чего… — нерешительно сказал Чикишев. — Вот я… мы…

— Ага… — проговорил и Трубин. — Вот…

Они были оба коренастые, круглолицые, с лохматыми волосами пеньковой окраски и вздернутыми носами. С глазами цвета чайной заварки. Светлые бровки их были хмуро сведены.

Сидевший Никитка Кельников смотрел на них снизу вверх. Он опять слегка улыбнулся.

— Вы такие… прямо как два брата. Вам бы не драться, а быть все время рядом… друг за дружку…

— Чё, воспитывать надумал? — сумрачно проговорил Федя и стал смотреть на доску с нарисованной теткой (тетка была похожа на завуча Карину Эдуардовну — кто-то успел на бегу). — На фиг надо…

— Да. Не надо, Ник… — мягко сказал Андрюшка.

— Нет, я не воспитывать… Я вам подарить хочу… — Никель выложил на парту два шарика из волокнистого хрусталя. Размером с грецкий орех. В шариках зажглись искры.

Трубин и Чикишев посмотрели друг на друга. Потом на Никеля. Федя подумал, какое у того бледное треугольное лицо и большущие глаза. И тонкая беспомощная шея. Андрюшка, видимо, подумал что-то похожее.

— Да зачем… — пробормотал Федя.

— Ага… зачем… — повторил за ним Андрюшка.

— Ну… вы вчера вон как заступились за меня. Вместе…

— Ну и что? Не ради подарка, — насупился

Трубин.

— Да. Не из-за него ведь… — согласился Чикишев.

Никель шевельнул шарики, щелкнул ими друг о дружку. И, глядя на них, объяснил:

— Ну… я тоже не из-за этого. А так, на память…

Федю и Андрюшку словно кольнуло холодной иглой. Одинаково. (Они потом признались в этом, когда вспоминали тот случай.)

— На какую еще… память? — выговорил Федя. Андрюшка же опасливо промолчал.

Никель опять вскинул глазищи.

— Да, вы ведь не знаете… Завтра меня увезут в Москву. На операцию.

Трубин и Чикишев опять посмотрели друг на друга. Потом на шарики.

— Ни фига себе… — вполголоса сказал Федя.

— Это… на сердце, да? — неуклюже выговорил Андрюшка.

— Ну да… — с ненастоящей беззаботностью отозвался Никель. И стал смотреть в окно.

Федя посильнее свел брови и решил:

— Ты вот что! Ты шарики сейчас не дари, а отдашь нам, когда вернешься.

Никель глянул на них, словно из темного пространства.

— «Вернешься». Вы же сами понимаете… Это же сердце, а не аппендицит. Сколько там шансов?.. Родители не хотели даже, чтобы операция… а я заставил согласиться. Надоело жить, как в клетке… Ребята, вы возьмите… Посмóтрите потом на них и вспомните про меня. А я буду знать про это и думать там о вас…

Тихо-тихо стало. Наконец Федя выговорил:

— Чё про нас думать-то…

Никель лег щекой на локоть.

— А потому что… я и раньше про вас думал. Вы такие… крепкие. Думал: вот бы помирились навсегда, а я бы с вами… подружился. Как мушкетеры… Ну, я никакой не мушкетер, конечно, только все равно… хотелось…

И ясно было Трубину и Чикишеву, что похожий на журавлиного птенца Никель говорит это, потому что боится: вдруг потом не сможет сказать уже никогда… («Еще бы секунда, и я бы заревел», — хмуро признавался потом Феде Андрюшка. Федя на слезы был покрепче, но понятливо сопел.)

Федю вдруг осенило:

— Ты тогда вот что! Возьми это!.. — Он выхватил из брючного кармана деревянный свисток. Простенький, из тонкого тополиного сучка. Такие свистульки туренские мальчишки умели

делать еще в позапрошлом веке, и умение это сохранилось до наших дней. Вот Федя и смастерил недавно (и был выставлен из класса за то, что пробовал свое изделие на уроке; хорошо, что Юлия Васильевна свисток не отобрала).

— Вот! — решительно сказал он. — Это… от нас обоих. Чикиш, на, подержи, чтобы он стал и твой… — (Андрюшка послушно подержал. И даже дунул осторожно.) — Ты, Никель, там, в больнице, спрячь его под подушку. И… ну, если заскучаешь там или что еще, свистни потихоньку… Сразу станет легче…

— Точно, — кивнул Андрюшка.

— Ладно, — довольно твердо пообещал Никитка. Взял свисток, а шарики тихонько катнул Феде и Андрюшке. Те сжали их в кулаках.

— Только вы… не деритесь больше, ладно? Или… хотя бы не очень часто. Ладно?

— Никель, да ты чего… — насупился Федя. — Мы теперь… это… Ты сам-то, главное, держись там…

— И думай только про хорошее, — добавил Андрюшка. — Если думаешь про хорошее, так все и получается.

— Да, — улыбнулся Никитка. — Я буду…

— А чего ты тут сидишь один-то? — вдруг встревожился Андрюшка. — Давай мы тебя проводим

домой!

— Нет, я посижу. За мной сейчас мама придет… А я знаете, как вас называл? Ну, в уме, про себя… «Трубачи». Трубин, Чикишев-Трубачи.

— Ух ты… — прошептал Андрюшка, потому что не нашелся, что еще сказать.

А Федя подумал секунду и кивнул:

— Годится…

В дверь заглянула молодая женщина с тревожным лицом.

— Ник, ты здесь? Пойдем…

— Ник, пока, — шепнул Федя.

— Ага… Держись там, — шепнул и Андрюшка. Они одинаково тронули Никиткино плечо кулаками, в которых были зажаты шарики. И пошли, не оглядываясь. Бормотнули «здрасте» женщине у дверей. В коридоре вдруг услышали долетевшую из класса трель тополиного свистка. И быстро-быстро зашагали на первый этаж, к выходу.

За школьной калиткой Андрюшка разжал кулак, поглядел на шарик.

— У меня с прожилками… А у тебя?

— Вот… Они похожие…

— Давай поменяемся, а?

— С чего это я буду… — привычно взвинтился

Трубин, и… они встретились глазами.

— Давай.

3

С того дня они всегда были вместе. Это «вместе» помогало справляться с печалью и тревогой. Но полностью тревога не исчезала. Занозой сидела в обоих Трубачах. Чтобы унять ее и чтобы восстановить в жизни хоть какую-то справедливость, они в последний день учебного года подкараулили на улице Артура Сенокосова. Встали на пути.

— Ну что, Сенокосилка, доволен? — спросил Федя.

— Конечно, он доволен, сволочь… — сказал Андрюшка. — Налетел тогда… У Ника из-за этого могло быть обострение…

— Да вы, чё, парни… — пробормотал Сенокосов (он был в курсе дела). — Я же не знал тогда. Если бы я знал, я бы… наоборот… Я же это…

«Парни» ему не доставали и до плеча. Наверно, Сенокосов сумел бы раскидать их. Но, возможно, что и не сумел бы. Все-таки Трубачи были крепкие ребята, и к тому же ими двигал тугой, как пружина, праведный гнев. Артур был глуп, но этот гнев ощутил. И сказал спасительную фразу:

— Люди, ну чего теперь-то? Что мне, с моста

головой?

Федя обмяк.

— Ладно, Дрюша, пошли. Ну его в болото…

— Пошли…

Потому что можно было разодраться с дюжиной таких «сенокосилок» и даже измолоть их в крупу, но это никак не помогло бы Никелю. Даже наоборот… Всякая лишняя вражда и боль добавляют злую энергию в общее энергетическое поле Земли. Федя и Андрюшка не могли бы объяснить это словами, но теперь догадывались. Чувствовали одинаково…

И что можно было сделать? Да ничего! Живи и жди… Какая злая сила придумала эту самую подлую пытку — томительную неизвестность? «Как он там теперь?..»

Казалось бы, что им Никита Кельников? Самая незаметная личность в четвертом «Б». Они про него особо и не думали до той стычки с Артуром. Вернее, до разговора, когда шарики и свисток… Кто знал, что так повернется? И сидел теперь в душе постоянный страх («зараза такая!»). И печаль…

А увесистые шарики оттягивали карманы легоньких летних штанов, словно все время подталкивали: «Помни…» И выложить их было

боязно, словно тогда нарушится какое-то заклинание…

Однажды Федин шарик ускользнул из протертого кармана. И не где-нибудь, а на краю лога, когда тащили оттуда кленовую корягу — она была нужна для постройки хижины в Андрюшкином дворе (потому что страхи страхами, а жизнь-то все-таки продолжалась). Федя даже не пытался скрыть отчаянье. Прижал к мокрым щекам ладони, сел на эту самую корягу и ослабел всем телом. Но отчаянье — беде не лекарство. Пришли в себя и кинулись искать — в самую глубину и чащу! Ободрались, как черти. Собрали на себя по два пуда мусора и колючек. Татарская крапива выполнила за счет двух сумасшедших мальчишек весь летний план по издевательствам над ребячьим населением… Но они нашли! Шарик уютно лежал в консервной жестянке, сброшенной в лог со всяким сором.

После счастливой находки два дня подряд казалось, что у Никеля все кончится благополучно. Потом вернулась прежняя тревога.

И вот ведь дурацкое положение! Они даже не знали здешнего адреса Никеля. Некуда было пойти и спросить: как там? Хотя, конечно, могли и узнать, но все равно не решились бы пойти.

Придешь, а тебе скажут… такое…

В середине июня они встретили на улице Юлию Васильевну. Она вела в парк, на карусели, ребят из школьного лагеря.

— Здрасте, мои ненаглядные. Вот уж не думала, что вы гуляете вместе! Чудо чудное… А почему не ходите в лагерь? Там интересно…

— Юлия Васильевна… — сказал Федя.

— Да, Юлия Васильевна, — сказал Андрюша. — Вы, случайно, не знаете?..

— Что?

— Ну… как там с Никелем… с Кельниковым? — выговорил Федя и сжал в кармане шарик. И стал смотреть на одуванчики.

Юлия Васильевна посерьезнела:

— Я… не знаю, ребята. Наверно, еще никак. Там ведь до операции долгий подготовительный период. Так мне его мама говорит. Я ей звонила на днях…

— Повеситься можно… — пробормотал Андрюшка.

Она пригляделась:

— А вы что? Разве такие друзья с Никитой? Вот не думала…

— Ну… друзья, не друзья… — вздохнул Федя.

— А на душе маета, — честно договорил за него

Андрюшка. — Ходишь и не знаешь, что делать…

Она покивала:

— Да… Остается только ждать и надеяться. — И вдруг добавила: — Некоторые люди молятся в таких случаях. Если верующие… — Потом будто встряхнулась: — До свиданья. В лагерь-то заглядывайте, если заскучаете… — И повела за собой вереницу послушных малышей в разноцветных кепчонках и панамках.

А Федя и Андрюшка — до лагеря ли им было?

— Ты верующий? — угрюмо спросил Федя.

— Ну… в общем-то да. Мне бабушка про веру рассказывала. И в церковь водила в прошлом году, на Троицу… А ты?

— Я… наверно, тоже да. Раз крещеный… Я в первом классе крестик носил, только потом шнурок порвался… А ты молитвы какие-нибудь знаешь?

— Одну помню…

— Тогда… идем?

Церковь (которая назвалась Михаило-Архангельская) была недалеко. Возносила белую колокольню и золотые кресты над деревянными кварталами, над крышами и башенками университетских зданий. Стояла она за узорчатой решеткой, среди небольшого сквера. Ко входу вела вымощенная плиткой дорожка. У приоткры-

той двери сидели несколько старух. Над дверью висела застекленная икона со славным таким молодым лицом — наверно, это и был архангел Михаил. Трубачи робко подняли глаза к иконе, а одна из старух сурово сказала:

— Куда это вы такие обтрепанные?

Они были в прошлогодних бриджах с клочками и оборванными хлястиками у колен, в замызганных футболках и в кроссовках, похожих на раздавленные птичьи гнезда. Непричесанные, конечно. Федя, однако, набрался храбрости и заспорил:

— А чего! Это же храм Божий, а не филармония. Сюда можно без нарядов.

— То-то и есть, что храм. А вы как… на сбор металлолома. Хоть бы рубахи надели чистые…

Наверно, их бы все-таки не задержали, поворчали только. Но Андрюшка и Федя — оба одинаково — почувствовали себя так, словно явились незваными на чужой праздник. Андрюшка потянул Федю за рукав. Назад.

— Давай уйдем…

За церковной калиткой он виновато объяснил:

— Наверно, эта тетка правильно сказала. Мы в самом деле такие обормоты… Бабушка моя, когда меня в церковь собирала, оглаживала це-

лый час…

— Небось, полотенцем… — усмехнулся Федя. Вспомнил про весеннее «воспитание» в прошлом году. Андрюшка тоже хмыкнул, но без веселья.

— Дело не в рубашках, — рассудил Федя. — Бабки решили, наверно, что мы просто так, для забавы. Они ведь не знают… Может, им объяснить?

— Не хочется почему-то… — повел плечами Андрюшка. — Федь, знаешь что? Есть одно место…

— Какое?

— Ну… где можно помолиться. И даже внутрь заходить не надо.

— Это где?

— Недалеко.

Они пошли мимо учебного корпуса, мимо длинного профессорского дома и старинного особняка с аптекой. Остановились на перекрестке. Напротив ярко краснел под солнцем небольшой кирпичный костел. С острой башенкой, с колоколом на ней.

— Вот, — сказал Андрюшка. — Смотри, там статуя…

За воротами изгороди, перед входом в костел, подымалась на постаменте небольшая скульптура. Белая, будто из фаянса. Мужчина с маленьким

мальчиком на руках.

— Это Иосиф с маленьким Иисусом. Муж Богородицы. Он всегда заботился об Иисусе, был его земным отцом и поэтому стал святым… Мне бабушка говорила.

— Ну и что? — недоверчиво сказал Федя.

— Перед ними и можно прочитать молитву…

Федя осторожно проговорил:

— Дрюша, костел — это ведь церковь для католиков. А мы же вроде бы православные. Будет, наверно, недействительно…

— Да какая же разница! Иисус Христос один на всем свете! А различия для церквей придумали взрослые, из-за всякой политики! Детям-то не все ли равно?.. Смотри, Иисус тут совсем обыкновенный мальчик. Он, наверно, должен услышать других мальчишек…

Федя вдруг вспомнил большеглазого пацаненка среди тех, кого вела в парк Юлия Васильевна. Один из всех он был без панамки, без кепки, со светлыми кудрями и задумчивый такой…

— Дрюша, идем… — и они, переждав цепочку легковушек, перешли дорогу.

Во дворе костела за изгородью из редких железных копий никого не было. Дверь храма оказалась запертой. Трещали кузнечики. На

улице в эту минуту-тоже никого. И они почти без робости встали перед статуей. Иосиф смотрел озабоченно, а маленький Иисус чуть улыбался.

— А как тут надо креститься? — прошептал Федя. — Если по-нашему, то справа налево. А по-католически, кажется, наоборот…

— Можно так и так. На всякий случай…

И они перекрестились «так и так».

— А молитва? — опять шепнул Федя. — Ты говорил, что помнишь…

— Есть такая. Бабушка часто читает. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя…» «Мя» значит «меня». Но можно ведь и так: «… Помилуй Никеля… то есть Никиту Кельникова»…

— Наверно, можно… Ты говори, а я за тобой…

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий… — негромко сказал Андрюшка, и Федя чуть сбивчиво повторил.

Андрюшка проговорил дальше:

— Помилуй Никиту Кельникова… нашего друга… и помоги ему…

— …И помоги ему, — согласился Федя с таким продолжением молитвы. И даже защипало в глазах.

— Теперь давай еще раз, вместе…

— Давай.

И они повторили молитву дружно, без запинки. Потом перекрестились еще (снова «так и так»), посмотрели с полминуты на скульптуру, словно вбирая в себя мальчишечью улыбку Иисуса. Взяли друг друга за руки и вышли на улицу. Там стояла на краю тротуара высокая старая женщина в кружевной шляпке и просторной, как мешок, кофте. Смотрела на двух мальчиков внимательно и с пониманием. И они даже не смутились. Так, рука в руке, пошли по Перекопской улице на речной обрыв — поглядеть, как там строится внизу, у воды, набережная…

Потом они еще несколько раз приходили на костельный двор — иногда вместе, иногда поодиночке (но все равно будто вместе) и шепотом читали короткую молитву. И на какое-то время становилось спокойнее.

Один раз, в начале июля, снова встретили Юлию Васильевну, и та сказала, что операцию наконец сделали и, кажется, удачно. Однако надо еще ждать и смотреть: не будет ли «негативных» последствий. Можно было вздохнуть поспокойнее, но ведь не все же еще ясно…

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, пусть не будет последствий…»

…А в конце июля Феде и Андрюшке пришло

письмо. На Федин адрес. (Как Никель узнал его?) Большими нетвердыми буквами Никитка писал, что все хорошо. Мол, сначала думали, что не все будет хорошо, но сейчас уже ясно, что операция удалась полностью. Надо только еще лежать, для «укрепления организма». «А вы не забыли, что вы Трубачи?»

И лето наконец расцвело ясно и беззаботно!

Последние недели этого лета Трубачи провели на Андрюшкиной даче, где дважды получали от бабушки Евдокии Леонидовны мешком — за вылазку в соседний сад и за самовольное купанье. Смеху было… Письма теперь приходили на дачу — и было их четыре. В последнем Никель писал, что вернется в сентябре. Вернулся он, правда, лишь в середине октября, но зато совсем не слабый, не болезненный, как ожидалось. Даже наоборот…

Пятый «Б» встретил его с гвалтливой радостью, но долгое время еще все боялись случайно толкнуть его или втянуть в суетливую игру.

А с Трубачами и Ником было так… Да в общем-то никак не было. Просто они посмотрели друг на друга, и сразу стало их трое.

Вот к этим ребятам в день летнего солнцестояния Лорка и повела своего нового друга,

московского мальчика Ваню Повилику.

ОРУДИЕ ПО НАСЛЕДСТВУ

1

После обеда Ваня сообщил бабушке Ларисе Олеговне, что пойдет погулять. С девочкой Лоркой. («То есть с Ларисой, вашей тезкой».)

— Почему ты зовешь ее Лоркой? Это нехорошо!

— Очень даже хорошо! Ей самой нравится!

— Похоже, что у нее хулиганские замашки…

— Лариса Олеговна! Она внучка заслуженной библиотекарши Любови Петровны Грибовой, которая училась с Константином Матвеевичем!.. Я хотел рассказать ему про нее, а его опять нет дома…

— Он на работе. Он снова запутался в своих сетях, и я понимаю, что добром это не кончится. Он…

— В каких сетях?

— Да в нейронных же! Какие-то новые разработки. Он же объяснял тебе, по-моему!

Константин Матвеевич и правда раза два объяснял Ване про свою работу (и тот даже кое-что понимал — так ему казалось). Дед занимался раз-

работкой искусственных нейронных сетей. Ваня еще раньше слышал, что обычные компьютеры запоминают полученные данные в виде электрических зарядов в ячейках своих электронных схем. Но для того, чтобы сделать что-то полезное, им, компьютерам этим, обязательно нужна программа, написанная человеком. Без нее они — обыкновенные железяки.

— А создаваемые нами нынче электронные нейроны по-разному изменяют свое внутреннее состояние и усиливают связи между собой в зависимости от прочитанной информации… — лекционным тоном вещал Граф. Ваня с умным видом кивал.

Граф продолжал, увлекаясь:

— Это дает им возможность не только запоминать и припоминать все, что они узнали, но и делать логические выводы. И принимать самостоятельные решения!..

Ваня снова кивал. А дед, слегка остыв, признавался, что иногда он, руководитель группы, и его сотрудники запутываются в этих сетях, потому что в них очень сложная структура — миллионы искусственных нейронов и миллиарды связей между ними. Потом, опять вдохновившись, профессор Евграфов начинал утверждать, что,

несмотря на все трудности, до создания более или менее полноценного искусственного разума осталось всего несколько лет. И что вскоре этот искусственный разум сможет превысить интеллектуальные способности человека.

— И человеку можно будет не думать ни о каких сложностях? — спросил однажды Ваня.

Дед насупился и ответил раздраженно:

— Думать человек должен всегда! А после создания искусственных мозгов — особенно. Хотя бы для того, чтобы эти самые мозги в свою очередь не придумали то, чего не надо…

…А сейчас Лариса Олеговна объясняла Ване:

— Из-за этих разработок его и перетащили сюда из Новосибирска. Он, может быть, и не поехал бы, но там у него начались всякие сложности с начальством, что немудрено при его характере, а здесь — и новая должность, и кафедра, и зарплата выше в два раза, и возможность работать над своей темой, а там — доктор Мешаев, с которым у них стычки уже двадцать лет подряд, он написал письмо в академию, а на самом деле причина в том, что племянник Мешаева… это который уехал в Канаду, потому что его племянница…

— Чья племянница? Графа?

— Да Мешаева же! Она защищала кандидат-

скую, а Графа сделали оппонентом, и что-то у них там вышло… Не из-за племянника, а из-за распределения тем. А отсюда — приглашение… Костя и сказал: «Помирать, так в родном городе…» Тем более что квартиру пообещали размером со стадион, сам видишь. И возможность самостоятельной разработки ведущей темы… А она заявила вдруг, что уезжает в Канаду, потому что…

— Тема заявила?

— Ты дразнишься, да? Племянница Мешаева заявила…

— Вы же сказали: племянник.

— Племянник — сначала. А она — потом, после защиты, а он…

— Лариса Олеговна, я пойду, ладно?

— Ты меня никогда не слушаешь…

— Я потом дослушаю. А сейчас Лорка ждет!

— Я всегда сама не своя, когда ты уходишь из дому один…

— Я же не один! И что со мной тут может случиться? (Хорошо, что она не знает про Квакера!)

— В «Новостях» то и дело сообщают о всяких маньяках.

— Но они же не здесь!

— Здесь тоже! В прошлом году писали про по-

хищенного мальчика… Правда, потом оказалось, что его не похитили, а он уплыл на лодке вниз по течению и путешествовал по окрестностям, но все равно…

«Небось, от такой вот словоохотливой бабушки сбежал…»

— Я не уплыву! Откуда у меня лодка?

— Долго не гуляй. Имей в виду, я буду звонить…

— У меня мобильник испустил дух. В нем ни гроша.

— Хорошо, что сказал! Я сейчас пойду в магазин, в «Виолетту», там поставили автомат для оплаты. Правда он не всегда выдает чеки, потому что быстро кончается бумага, но продавщица Валя (это та, у которой я всегда покупаю свежие вырезки) сказала, что чеки необязательны, потому что оплата поступает и без них, и я убедилась, что…

— Лариса Олеговна, это хорошо, что без них! Бумага сэкономится! Я побежал!

— Имей в виду, что…

— Буду иметь! Пока!..

Лорка ждала у калитки. Дергала на платьице матросский галстучек. Заулыбалась.

— Пойдем. Это недалеко, через мост на Камышинской…

Камышинская, Кольцовская, Чеховская, Тургеневская… Осевшие в траву деревянные дома с резными кокошниками. Блестящие стекла факультетских корпусов над старыми крышами с узорчатыми дымниками печных труб. Над корпусами — башенки и шпили с корабликами — университетская эмблема. Здешний вуз десять лет назад вторгся в деревянные кварталы, но не осмелился спорить со стариной, а постарался соединиться с ней — притворился, что он тоже из прежних времен. Переплел с причудливостью давнего сибирского городка свои арки, галереи, мансарды, чугунное кружево… А в центре переплетения сияли белизной церковные башни с горящими на солнце крестами…

Солнце жарило, словно старалось извиниться за недавние промозглые дни. Первая половина июня стояла до жути холодная: северный ветер, налетающие дожди и температура не больше плюс десяти. Ваня почти все дни проводил в «бабо-дедовой» квартире. После московского двухкомнатного жилья она казалась похожей на пещеру капитана Немо, где прятался «Наутилус» (вот тебе и «провинция»!). Ваня помер бы от скуки, если бы не книги профессора Евграфова, которые тот «наконец-то, на старости лет, смог расставить

без всякой тесноты». Конечно, книги были главным образом научные, но нашелся там и Марк Твен, и Джек Лондон, и даже старые выпуски Жюля Верна. А главным спасением оказался ноутбук, который Лариса Олеговна выпросила для внука у мужа. Впрочем, что значит «выпросила»? Тот и не возражал. Сказал скучновато:

— Пользуйся этим утилем, не жалко. Только имей в виду, там иногда контакты шалят… А к большой машине без меня не суйся, у нее настройки тонкие…

Ваня благодарно кивал. Константин Матвеевич показал, как подсоединять «утиль» к интернетному кабелю.

— Можешь скачивать, если что надо…

— Спасибо… Я много не буду. Я же понимаю, что это дорого…

Профессор Евграфов поднял клочковатые брови. Хмыкнул:

— Что дорого? *Это*? Не грузись заботами. У меня бесплатная сеть, за счет университета… Ты только не трать много времени на «игрушки», как наши лаборанты. Бездарное занятие…

— Да, я не буду!

«Игрушкам» он отдал дань еще в начале четвертого класса, когда мама и приходивший в

гости отец наконец установили в комнатке у Вани компьютер и подключили модем. Почти месяц крутил всякие «Охоты за субмаринами», «Звездных навигаторов», «Заповедники драконов». Мама пыталась оттащить его от монитора чуть не за уши. «У меня в конце концов лопнет терпение, и я выброшу этот ящик в мусорный бак!» Ванино терпение кончилось раньше. Вдруг пришло понимание, что эти игровые миры — обман. Словно кто-то водит тебя за нос. Как ни ломай голову, сколько ни пробивайся на высшие уровни — все равно это уже предугадано. Только попусту тратишь время.

И он стал тратить время на другое — на путешествия по Интернету просто так, наугад. Набираешь какое-нибудь слово — и пошел… Парусные корабли, Древний Рим, история электричества, загадки подводного мира…

Мама опять страдала и негодовала. Страдала потому, что на это «уходят сумасшедшие деньги». Негодовала потому, что однажды на меню сайта про Жюля Верна увидела снимок полуголой (да чего там «полу…»!) девицы. Та, изогнувшись, заманчиво глядела из-за плеча.

— Какой ужас! Значит, ты *это* выискиваешь в Интернете?! Я немедленно позвоню отцу!

— Ма-а!!! Да ты что! Я на них и не смотрю вовсе! Даже не обращаю внимания!.. Ну, что делать, если *они* лезут на экран каждую минуту!

— Что делать! Не включать эту гадость, а учить уроки! У тебя две тройки по математике!

— У меня по ней всегда тройки!

— Ты мне порассуждай еще! Мало того, что бросил музыку, так еще и превратился в компьютерного маньяка…

Ваня примолк. Спорить со взрослыми бесполезно. Спорить с женщинами (если даже они — мамы) бесполезно вдвойне.

К счастью (для мамы), компьютер забарахлил, и его отдали для ремонта какому-то маминому знакомому. А тот укатил в отпуск на Азорские острова. На месяц! А когда вернулся и починил, Ваня понял, что прежний интерес к Интернету угас. Потому что он, Ваня, записался в хоккейную секцию (вернее, папа записал; недорого устроил — за полтысячи в месяц). Правда, через два месяца Ваню «освободили», деликатно посоветовав поискать другой вид спорта (и не вернув уплаченные вперед деньги), но компьютер уже не тянул к себе, как прежде. Тем более что и правда ведь дорого…

А в Турени Ваня «дорвался до бесплатного»!

Именно здесь он выудил из сети малоизвестный жюль-верновский роман и прочитал с экрана. Роман, где про остров Гваделупу. На который в августе отправится мама. («Хорошо ей!.. А впрочем, и здесь не так уж плохо. Потому что вот Лорка… Идет сбоку, мурлычет полузнакомый мотив»).

— Ты что за песенку напеваешь? Это у вас какая-то… семейная, да? Любовь Петровна сегодня ее тоже: мур-мур, мур-мур…

— Ага, — согласилась Лорка. — Это ее любимая, с детства… У них в школе был драмкружок, там ставили сказку, «Стальной волосок» называлась. Ну, там чудеса всякие, сундук с волшебной книгой, мальчик и девочка, которые ищут книгу… чтобы спасти кого-то… кажется, еще одну девочку, она заболела из-за вредной колдуньи. Ну и песенка эта…

— А какие слова? Помнишь?

— Ну… маленько…

— Спой, — попросил Ваня. Сам не знал, для чего. Или хотел испытать: насколько доверчиво она относится к нему?

— Ох… зачем?

— Так просто…

— Я же не певица…

— А не надо, как певица. Ты как… Лорка.

— Ну… ну вот…

И она пропела тоненько, тихонько, но не сбиваясь:

Ключик-колючик, стальной волосок.
Спрятан сундук в серебристый песок.
Ключ поверни,
Радость верни…

А дальше я не помню… Нет, вот еще:

Тронет пружинку стальной волосок.
Вздрогнет разбуженный звоном лесок…

Там в лесочке стояла избушка, где жила больная девочка… А в замке сундука была пружинка. А на конце у ключика была стальная проволочка, будто упругий нерв. Он должен был задеть пружинку, чтобы та проснулась, открыла замок… А замок заржавел колдовской ржавчиной, не открывался. Мальчик старался, старался и уколол стальным волоском руку. Все думали, что он умрет, а он сбросил с пальца капельку крови, та упала на сундук, и он открылся…

— А кто сочинил эту сказку? Андерсен?

Лорка тоненько (так же, как пела) засмеялась:

— Какой Андерсен! Кто-то из ребят в их круж-

ке…

Ваня искоса посмотрел на ее висок с белобрысыми прядками — в них прятались желтые крохотные искорки.

— Лорка…

— Что? — она глянула чуть испуганно.

— Забавно, да? — Он говорил несмело, но сказать это хотелось.

— Чего забавного-то? Грустная сказка, хоть и хорошо кончается.

— Да не про сказку я… Про нас. Мы только этим утром познакомились. Даже почти днем. А сейчас вот идем рядышком и будто давным-давно знакомы. Ну, по крайней мере, мне так кажется… Тебе-то, наверно, не так…

— Нет, мне тоже так… — без удивления сказала она. — Знаешь почему? Наверно, потому, что твой дедушка и моя бабушка были знакомы в детские годы…

«При чем тут это…»-чуть не сказал Ваня. Но решил, что лучше согласиться.

— Наверно… А еще мне кажется сегодня, что я бывал в этом городе раньше. Только не помню названий у здешних улиц.

— Вот эта, где мы идем, — Герцена. А до революции называлась Ляминская. Вон там, где начи-

нается Камышинская, раньше было маленькое озеро. Бабушка говорит, что она с мальчишками каталась по нему на плоту. Спихнули на воду кусок тротуара из досок и поехали…

— Жалко, что сейчас его нет. Озера…

— Да… А вон там, на Камышинской, мост через лог, а дальше совсем уже близко двор Чикишевых. Трубачи и Никель всегда собираются там, вечно придумывают что-то…

Пока неспешно шагали через мост с чугунными перилами и по заросшему переулку над логом, Лорка успела кое-что рассказать про трех друзей. И когда оказались в заросшем кленами дворе с длинным деревянным домом, навесом и сараем, Ваня с одного взгляда понял — кто есть кто.

2

По крайней мере, ясно было, кто Трубачи, а кто Никель.

Одеждой они не различались. На всех подвернутые трикотажные штаны с отвисшими коленями и замасленные камуфляжные безрукавки «на голое пузо». И такие же бейсболки. Но двое — коренастые и курносые, а третий… Про таких мамина знакомая Эльвира Антоновна говорила: «Этого мальчика хоть в лохмотья

обряди, а все равно будет казаться, что на шее — концертная бабочка». Вообще-то она так про Ваню говорила, но тот слова эти по отношению к себе с возмущением отметал, а сейчас, глянув на третьего мальчишку, вспомнил их сразу…

Они возились с кривой самодельной пушкой на тележных колесах. И не оглянулись на вошедших. Но один из Трубачей (он что-то приколачивал к колесу), не разгибаясь, продекламировал:

— Вот и Лорка пришла…

— И кого-то привела… — закончил другой.

Это было без насмешки, обрадованно даже.

А Никель ничего не сказал, только распрямился. Тонкий, остролицый, большеглазый, с темным крылышком волос под козырьком.

— Я привела Ваню, — бесхитростно сообщила Лорка. — Он приехал на каникулы из Москвы.

— Понятно, — кивнул Трубач с пятном извести на скуле. — Понятно, почему Лорочка не заглядывала к нам целую неделю. Показывала гостю город Турень… — Теперь это уже с легкой подначкой.

— А вот и нет, Феденька. Мы познакомились только сегодня.

— А где пропадала? — спросил другой Трубач (следовательно — Андрюшка).

— Родители дома держали. У нас был ремонт и генеральная уборка перед отъездом на дачу, я помогала. Даже к бабушке редко забегала.

— Бедняжка, — посочувствовал Андрюшка.

— А вот и нет. Я за свою работу получила увольнение от дачи. Мама с папой уедут, а я останусь с бабушкой…

— Все нормальные дети стремятся на дачу, — сказал Федя. — А наша Лорочка…

— Вы ведь тоже не на даче, — заметила она.

— Разве же мы нормальные? — отозвался Андрюшка. — У нас тут всякие сумасшедшие дела.

— С пушкой? — улыбнулась Лорка.

— И с ней тоже, — кивнул Федя. — Слышала, как она сегодня бабахнула?

— Конечно! И главное, что во время бабахнула, — Лорка стала серьезной.

— Еще бы, — согласился Федя чуть хвастливо. — В полдень из секундочки в секундочку.

— Не в том дело, что в секундочку, — обстоятельно разъяснила Лорка. — А в том, что нас тогда поймал у лога Квакер. С двумя с какими-то… я их даже не знаю. У него с Ваней счеты. Но услыхал выстрел и попятился. Все-таки помнит еще закон…

Трубачи и Никель теперь смотрели на Ваню с

одинаковым интересом.

— А что за счеты у Квакера с московским гостем Ваней? — спросил Федя. Без ухмылки и вроде бы даже озабоченно.

Лорка ответила тем же тоном:

— Московский гость Ваня вляпал Квакеру по шее раздавленным помидором. За то, что этот Квакер зацепил мою бабушку велосипедом, порвал ее сумку с помидорами. Да еще хихикал…

Трубачи посмотрели друг на друга и на Никеля. Потом все трое — на Ваню.

Федя посочувствовал:

— Ваня — герой. Но теперь у него будут каникулы, полные приключений…

— Но не сегодня же… — заметила Лорка. — А Ваня, когда услышал выстрел и узнал про пушку, захотел с вами познакомиться.

Тогда подал голос Никита Кельников. До сих пор он молчал, стоял прямой такой, с чуть вытянутой шеей, и смотрел словно бы издалека. А тут вдруг улыбнулся, посветлел глазами, шагнул через пушечное колесо.

— Ну, давайте тогда знакомиться… — голос его оказался неожиданно высоким и ясным. — Ты Ваня, а я Никита. Или Никель… — он протянул руку. И Ваня взял его узкую ладошку.

— Я, значит, Федя… — и протянулась к Ване еще одна рука.

— А я — Андрюшка…

— Или можно «Дрюша», — уточнил Федя.

— Ага, можно, — согласился Чикишев, приоткрыв в улыбке сломанный зуб.

Ваня почувствовал, как ломается прозрачная стенка. До сих пор он был отдельно от них — как бы за незаметным, но ощутимым стеклом. И даже Лорка в эти минуты была отдельно. А теперь стекло, еле слышно звякнув, рассыпалось, и стали они вместе.

— Ты где живешь? — спросил Федя, подтягивая обвисающие штаны.

Ваня слегка замялся. Говорить, что обитает в элитном профессорском доме, было почему-то неловко. И Лорка это вмиг учуяла.

— Между Перекопской и Красина, — небрежно сказала она. — Дом с зеленой крышей и башенкой. Знаете?

— Ого, — с пониманием сказал Федя. И больше никто ни о чем спрашивать не стал. А Дрюша посоветовал по-приятельски:

— Когда будешь к нам ходить, ты не шагай прямо на Камышинскую, к тому мосту, там можно легко напороться на Квакера. Ты лучше иди

малость в обход, вниз по Перекопской, там тоже мост. Перейдешь его, а потом налево, вдоль лога. Прямо здесь и окажешься. К нам Квакер не заглядывает, у него своя компания… — И почему-то все, даже серьезный Никель, коротко посмеялись.

И Ваня понял, что ему хорошо здесь. Хорошо в просторном дворе с кленовой тенью, среди ребят, которых увидел лишь несколько минут назад. И чтобы не упустить ощущение этого «хорошо», надо было завязать какую-то беседу. Хоть о чем. И Ваня спросил про пушку:

— А почему колеса у нее такие? Одинаковых не нашлось, да? Конечно, телеги сейчас редкость…

Колеса были деревянные, от телеги, которую в прежние времена таскала старательная лошадка. Похоже, что одно — заднее, а другое — переднее. Поэтому разного диаметра.

— Дело не в том, что редкость. Просто это традиция, — объяснил Никель. — Катать ее сложновато, виляет, но зато память о прошлом…

— Да, — солидно подтвердил Федя. — Колеса-то можно всякие найти, в логу на свалках что хочешь отыщется. Но лафет у этой гаубицы смастерили в давние времена, не хочется менять старину… Ствол-то заменяли не раз, а колеса… Даже никто не знает, с какой они поры. — И он

погладил большое колесо. Ваня тоже погладил-то, что поменьше. А потом и ствол.

Это была труба длиной около метра, а «калибром» сантиметров десять. С толстыми стенками. Она крепилась проволокой к двум брусьям, которые лежали на колесной оси. С тыльной стороны в трубе сидела плотная деревянная заглушка, укрепленная коваными шкворнями. Пахло от трубы теплым железом, ржавчиной и сгоревшей взрывчаткой.

— А чем стреляете? — деловито спросил Ваня. Я, мол, вроде бы тоже смыслю в этих делах.

— Петардами, — разъяснил Андрюшка. — Китайскими. Их к Новому году продают, у нас запас… Вот сюда, в запальное отверстие, пропускают длинную проволоку, привязывают к ней фитиль петарды и вытягивают его наружу. Зажигай фитиль да отскакивай в сторонку…

— В старые времена, когда петард не продавали, было труднее, — стал рассказывать Федя. — Приходилось делать гремучую смесь или добывать порох. У отцов, которые охотники. А какому отцу это понравится…

«Да уж…»-подумал Ваня.

— Но это было давно, — вмешался Никель (и Ваня опять удивился ясности его голоса). — Да-

же Степа Плотников, который передал Феде и Андрюше пушку по наследству, сам порохом не стрелял, а знает это от других…

— Как это «по наследству»? — опять проявил интерес Ваня.

— Щас расскажем, — пообещал Федя. — Да ты садись… — Он толкнул ногой к Ване березовый кругляк, валявшийся в лебеде. Ваня ловко поставил его торчком и сел. Прикрыл ладонями колени, потому что их сразу начало жарить солнце — отвесными лучами. Мальчишки тоже уселись — кто в траву, кто на пушку, а Лорке подкатили такой же, как у Вани, кругляк, она села с Ваней рядышком.

Мальчишки рассказали про то, что Ваня уже слышал от Лорки. Про обычай давать полуденный выстрел на берегу лога двадцать второго июня. И про то, что после выстрела наступает до заката время общего перемирия…

— И это во всем городе? — с осторожным недоверием спросил Ваня.

— Ну, не во всем, конечно, — объяснил Андрюшка. — Город-то ого-го какой, хотя и не Москва. Главная улица — шестнадцать километров… А обычай с пушкой, он в здешних кварталах, в старых, где раньше стояла крепость. Малое

городище и Большое городище… Здесь самые старожилы, бабки-прабабки, деды-прадеды. От них все и передается…

Ваня вдруг ощутил некоторую неуютность — от того, что он не здешний старожил. И, чтобы прогнать ее, спросил:

— А почему именно в такой день надо стрелять? Потому что самый длинный? Или потому, что в сорок первом году началась в этот день война?

— Мы сперва тоже думали, что из-за войны, — кивнул Федя. — Но Степа… это наш сосед, он в том году уехал в авиационный институт, в Москву… он рассказал, что это началось еще раньше. Будто бы у тех пацанов, которые тут жили во время боев между белыми и красными…

— Но это не из-за боев, а из-за каких-то корабельных плаваний… Будто бы на одном корабле был такой обычай: отмечать летнее солнцестояние… — добавил Андрюшка.

С прежней осторожностью новичка Ваня спросил:

— А при чем тут… корабли? Разве они были в Турени? Море-то далеко…

— От Москвы море тоже далеко, — напомнил Андрюшка. — А про нее говорят, что порт пяти морей…

— Да, верно, — смутился Ваня. — А здесь… скольких морей?

— Здесь выход в Ледовитый океан. Через разные реки, — подал голос Никель. Он лежал животом в траве, в узкой тени от нависающей крыши сарая, и опирался на локти. — Поэтому здесь всегда были корабли. Чуть ли не самое первое в России пароходство. Судостроение. Пароходы для всех сибирских рек. И даже парусные суда. Некоторые ходили в Европу… Вот, говорят, на одной из таких шхун и появился этот обычай — полуденный выстрел… Но, может быть, и не там… Ваня, ты видел городской герб? В центре, на здании, где вся городская власть…

Ваня смущенно признался, что здание, кажется, видел, а на герб не обратил внимания. И подумал, что сейчас ему скажут: «Эх ты…» Не сказали. Никель объяснил:

— На гербе тоже корабль. С мачтой. Вроде тех стругов, на которых пришли сюда ермаковские казаки… В общем, тут многое говорит о плаваниях. И на берегу, у монастырской стены, во-от такой якорь. Как где-нибудь в Севастополе…

Федя сказал чуть ворчливо:

— Ты, Лорка, познакомилась с человеком, а про город ничего толком не рассказала…

— Умник ты, Феденька. Мы познакомились четыре… четыре с половиной часа назад. — Она глянула на крохотные электронные часики. — За полчаса до выстрела. Было время для экскурсий, да? Сперва Квакер, потом бабушки: «Дети, обедать!..»

«С ума сойти! — отозвалось в Ване все „пространство-время“. — Всего четыре часа с небольшим! А кажется — неделя прошла!»

А Лорка добавила:

— И вообще… лучше пусть Никель рассказывает, он знает все на свете. А если чего не знает, узнаёт за пять минут…

— Чего это я узнаю́… Федерико Гарсия… — отозвался Никель. Уже не ясным своим голосом, а бубняще и досадливо.

Но Лорка не смутилась.

— Не скромничай. Ты в больнице был, когда Федя с Андрюшкой это орудие получили, а разобрался лучше них, когда вернулся. Как длину фитиля правильно рассчитывать и как новую затычку сзади сделать…

«Похоже, что она в курсе всех дел», — мелькнуло у Вани. А Лорке, кажется, нравилось поддразнивать Никеля и видеть, как он смущается.

— Ваня, про него даже по школьному радио

говорили. Какой Никита Кельников э-ру-ди-рован-ный…

— Сейчас кому-то оторвут косы, — угрюмо пообещал интеллигентный и воспитанный Никель. И приподнялся на локтях.

— Ай! — Лорка спиной назад кувыркнулась в лебеду, вскинув тощие ноги в плетенках. — Ну, я же правду говорю! Ты даже Марину Рашидовну переспорил!.. Мальчишки, ну, Ване же интересно!

— Мне правда интересно, — вступился за Лорку Ваня. — Марина Рашидовна — это кто? Учительница?

— Естественно… — вздохнул Никель.

— Я ни разу в жизни не мог переспорить ни одну учительницу, — признался Ваня. — Несколько раз пробовал, а результат один: «Завтра приведешь маму!»

— У Никеля по-другому, — объяснил Андрюшка. — У них с Мариной был научный спор. Про французов…

— Как это? — Ваня взглянул на Никеля. Не хотелось ему, чтобы Никель огорчался из-за Лорки. Если даже полушутя — все равно не надо. И Никель — чуткая натура — уловил настроение гостя. Повозился и стал говорить своим прежним

голосом:

— Да ну… такая история… про историю…

3

— Марина у нас в пятом классе начала преподавать этот предмет, — сказал Никель. — Вся решительная такая, ее боялись даже. Марширует по классу, указка у нее, как шпага… Но интересно рассказывала. Про Древний мир… Но главная любимая тема у нее была не про Древнюю Грецию и не про Рим, а про французскую революцию. Вот она поговорит про троянцев, а потом незаметно перескакивает на восемнадцатый век. Марат, Робеспьер, Марсельеза… А мы с Толиком Казанцевым дуемся в морской бой. На расстоянии, через две парты. Я ему на пальцах стал показывать координаты, а Марина заметила.

«Кельников, можно узнать, что означает твоя азбука для глухонемых?»

Я говорю:

«Извините, но это тайна».

Она:

«То есть всякие твои глупые тайны важнее урока?»

Я обиделся: не знает, а говорит, что глупые! И в ответ ей:

«Но сейчас ведь не урок. Вы не по программе рассказываете…»

Вмешался Федя:

— Маринушка аж позеленела. Думала, наверно: за шиворот и за порог. Но потом вспомнила: «мальчик недавно из больницы»…

— Да не думала она, чтобы за шиворот, — возразил Никель. — Она все же не такая… Но разозлилась, конечно…

«Пусть не по программе, — говорит, — но идеи Великой революции, Свобода, Равенство и Братство, не заслуживают такого циничного равнодушия…»

А я в больнице, уже после операции, почитал книжку «Комиссар Конвента». Мне там одна девочка ее дала… Как раз про те французские дела. Вот я и говорю Марине:

«Все эти идеи — сплошное вранье. То есть неправда, извините, пожалуйста…»

— Вот тут она и правда позеленела, — вставил Андрюшка.

— Ну, ее можно понять, — вздохнул Никель. — Только на меня тогда нашло что-то такое… «неуступательное»… Она говорит с таким железным звоном:

«Может быть, ты, Кельников, аргументируешь

свои слова?»

А я ей:

«Там нечего аргументировать. Не было у них никакой свободы и братства. Только равенство. Потому что перед гильотиной все равны. Сперва раскрутили свою революцию, а потом друг дружке поотрубали головы…»

— Там еще про Наполеона у вас было… — напомнил Федя.

— Да… Она говорит:

«Но нельзя отрицать значение этой революции для Франции. Они чтут ее до сих пор. И поют Марсельезу. Идеи революции вдохновляли Наполеона…»

Тут я разозлился не меньше Марины. из-за Наполеона. Смешная причина, а разозлился сильно…

— А почему смешная? — сказал Ваня. — Нисколько.

— Да ты не знаешь. Дело не в истории, а в торте. Родители ждали в гости одну знакомую, купили торт «Наполеон». Открыли, чтобы посмотреть. В кухне тесно, они положили его на табурет. На круглый. И торт круглый, не заметишь сразу. Я зашел и сел с размаха. В новых брюках, кстати… Маме с папой торт жалко, брюки мои жалко, да и

меня тоже… хотя не так сильно… Я, когда спорил с Мариной, вспомнил про это, и сзади будто опять сыро стало… В таких случаях еще больше тянет на спор. Я говорю:

«По-вашему, их величество Наполеон Буонапарте тоже революционер?»

А она:

«Нет, но нельзя отрицать, что он гордость Франции».

Я думаю про торт и говорю:

«Ну, пусть они там у себя и гордятся им. А я не хочу. Потому что… сказал бы, кто он, но это будет… неучтиво. И вы сразу вызовете родителей».

«Считай, что ты уже сказал, — говорит она. — Вызывать я никого не буду, каждый имеет право на свою точку зрения. Но я считаю, что хотя Наполеон и враг России, но знамена его были овеяны ветром революции».

«Ага, — говорю я. — Особенно на Антильских островах».

Она очень удивилась:

«При чем тут Антильские острова? Наполеон никогда на них не был!»

«Правильно, не был. Но он приказал восстановить там рабство, которое отменили при республике. И послал туда эскадру ле Клерка.

Крови стало больше, чем воды…»

Она молчит, смотрит непонятно. Может, думаю, они и не учили про это на своем историческом факультете? Я-то ведь тоже прочитал об этом случайно… Тут она вдруг как-то переменилась.

«Любопытная точка зрения, — говорит. — А не мог бы ты, Кельников, написать на эту тему реферат? И зачитать на школьном историческом обществе? Если он будет удачным, получишь самую высшую оценку…»

«Ага! Или двойку, если вы будете несогласны…» — Я это ляпнул, и получилось, что дал согласие. Хотя вовсе не хотелось!

А она:

«За кого ты меня принимаешь! Я умею уважать чужое мнение… А двойки не будет ни при каком итоге, обещаю…»

Ну и куда деваться-то?.. Да и работа пустяковая. Надергал кое-что из Интернета, вспомнил, что читал в книжке…

— И про торт… — хихикнула Лорка (она опять сидела на чурбаке и безуспешно пыталась прикрыть подолом от солнца коленки).

— И про торт, — согласился Никель. — Пока сочинял, казалось все время, что сижу на нем. Потому и закончил за один вечер… Про все написал.

И про комиссара Виктора Юга. Знаете, какой гад! Сперва кричал, что всей душой за свободу, освобождал негров, а потом этих же негров — обратно в рабство! И не жалел никого. На одной только Гваделупе — десять тысяч отрубленных голов…

— Где? — слабым голосом переспросил Ваня. Как-то ёкнуло внутри…

— На Гваделупе, — сказал Федя. — Это небольшой такой остров в Антильском архипелаге. Про него мало кто знает…

— Почему мало кто? Многие знают, — заспорил Андрюшка. — Даже песня есть такая, «Гваделупа». У Городницкого. Там такие слова:

На палубе ночной постой и помолчи.

Мечтать под сорок лет по меньшей мере глупо.

Над темною водой огни горят в ночи,

Там встретит поутру нас остров Гваделупа…

Недавно по радио передавали…

— Песня-то известная. А про остров кто что знает? Никто, наверно, кроме Никеля, — возразил Федя.

— А я тоже ничего не знаю, что там делается

нынче, — сообщил Никель. — Говорят, курортное место. Не очень знаменитое… Океан, пляжи, водопады… А история, она сейчас вроде бы и не нужна…

— Да, подумаешь, десять тысяч голов… — ровным голосом сказал Андрюшка.

— А что с рефератом-то? — спросил Ваня, чтобы успокоить в себе тревожную струнку. — Чем все кончилось?

— Ну, чем… Пятерку она поставила, а потом начались весенние каникулы…

Федя вдруг сказал:

— Есть еще одна песня про Гваделупу. Не Городницкого. Ее Степа Плотников иногда под гитару пел, вместе с Аликом Ретвизовым, своим другом. Я первые строчки помню:

Есть на свете остров Гваделупа,
Есть на нем соленая река.
Там на берегу стоит халупа
Старого, как мамонт, рыбака.

— Ага! — оживился Андрюшка. — А еще так:

Есть у деда маленькая внучка,
Очень непонятная она.
На песке рисует закорючки,

Чтобы сразу смыла их волна…

— И вот про такое… — вспомнила Лорка:

Остров — он на бабочку похожий,
Если в море поглядеть со звезд…

А дальше не помню, я один раз только слышала. Непонятная такая песня и печальная… Что, мол, будет с девочкой, если бабочка сложит крылья. Наверно, девочка про это и пишет на песке…

— Может быть, — очень серьезно согласился Никель. — А остров и правда похож на бабочку, я смотрел на карте… — И вдруг: — Ваня… а ты чего?

— Чего? — вздрогнул Ваня.

— Сделался какой-то не такой…

В любом другом месте — дома, в классе, в компании на улице, где угодно — он сказал бы: «Нет, все в порядке». Но здесь… даже капелькой неправды не хотелось портить нынешнюю ясность отношений. А еще… может быть, признание уберет тревогу (глупую такую, непонятную!).

— У меня дурацкий характер, — откинув голову и щурясь на солнце, признался Ваня. — Не люблю, когда всякие совпадения…

— Какие? — быстро спросил Никель. Он сразу почуял *что-то.*

— Ну, как сегодня… — выговорил Ваня. — Гваделупа эта. Уже который раз. Сперва вспомнил книжку Жюль Верна, там про этот остров. Потом… про маму. У нее турпоездка за океан, на разные острова, в том числе и на Гваделупу… А сейчас вот снова… И про остров, и песни эти. И как заноза…

Его не стали убеждать, что все это ерунда и нет никакой причины для тревоги. Лорка сказала:

— Я знаю, так бывает. Вроде все хорошо, а внутри что-то грызет, из-за какого-то случайного слова или картинки в голове… Тут одно только лекарство: противовес.

— Какой… противовес? — жалобно сказал Ваня. Но от одних только Лоркиных слов стало спокойнее. А она продолжала:

— Надо придумать что-нибудь, связанное с этой причиной, только наоборот. Чтобы переделать ее… в другую сторону…

— Чегой-то непонятно, — вставил Федя.

— Очень даже понятно, — возразил Никель.

— Не мешайте, сейчас Лорка объяснит, — сказал Андрюшка.

И Лорка объяснила:

— Если, например, привязалась печальная музыка, я ее не пытаюсь прогнать. Все равно

вернется. Я стараюсь этот же мотив превратить в танец. Или в марш. И ты… представь что-то хорошее про Гваделупу.

— Что? — неловко сказал Ваня. Мол, и рад бы, но как?

А Никель вдруг быстро сел в траве.

— Сейчас будет танец и марш…

— С чего ты взял? — удивился Федя. А остальные удивились молча.

— Не знаю… Чувствую… — объяснил Никель. — Подождите…

Стали ждать и ждали недолго. С крыши, которая козырьком нависала над Никелем, донесся бодрый вопль:

— Эй! Ловите меня!

БЛИК НА ЗВЕЗДНОМ ГЛОБУСЕ

1

На высоте двух метров стоял пацаненок лет восьми. Округлый такой, с коротенькой стрижкой медного цвета (вроде как у Квакера) и коричневыми глазами-пуговицами. В трусиках, похожих на мятую набедренную повязку, из рыжего трикотажа и в такой же рыжей майке — очень широкой

и очень короткой. Между майкой и повязкой во весь размер открывался выпуклый животик, середину которого украшал аккуратный, как дверной глазок, пуп. На загорелых коленях белели квадратики пластыря. На лбу-тоже…

— Явление с небес… — проговорил с удовольствием Никель и подвинулся в траве. — Ты как там оказался?

— Я шел по Кольцовскому переулку, а в нем гуси. Я тогда пошел через двор бабки Решеткиной, а в нем еще одни гуси, — обстоятельно разъяснило «явление». — С их подлым фюрером Горынычем… Я тогда — на поленницу, потом на одну крышу, на другую, а потом сюда… Вот… Вы будете ловить меня, й-ёлки-палки, или я так и должен торчать на солнечной раскаленности?

— Подумаешь, раскаленность, — сказала Лорка, — тридцати градусов нет… А прыгнуть-то боишься, да?

— Конечно, боюсь. Я могу хоть с какой высоты прыгать в воду, а на землю мне опасно. У меня повышенная плотность массы, — сообщил пацаненок.

— Это Тростик, — шепотом сказала Ване Лорка.

— Как? — не понял тот.

— Трос-тик. Имя такое.

— Неподходящее, — шепнул Ваня. — Тростик должен быть как тростинка.

— А его так зовут «от наоборот». И к тому же полное имя — Трофим…

Федя, Андрюшка и Никель тем временем встали под краем крыши — ловить «повышенную плотность». Вытянули руки. Но Федя вдруг сказал:

— Никель… ты это…

— Ну чего! — тонко возмутился Никель. — Я же не стеклянный!

— Ну, Никель… — проговорил и Андрюшка. Мягко так и… неумолимо.

— Зануды какие… — буркнул Никель, но послушался: отошел назад.

А Ваня наконец сообразил: прыгнул к сараю, встал рядом с Андрюшкой, тоже поднял растопыренные ладони.

«Плотность массы» у Тростика и правда была изрядная. Тем более что он сиганул с крыши не прямо, а с прискоком — сперва вверх, а потому уже в руки «спасателей». Те охнули и присели. Поставили Тростика, и Федя хлопнул его по голой пояснице.

— Акробат… «й-ёлки-палки». Чуть не раздавил…

Андрюшка спросил:

— Ты почему один, без Лики? Небывалая картина…

— Потому и один, что ищу ее, — сообщил Тростик. И на каждого посмотрел круглыми блестящими глазами. — Она пошла куда-то со своей мамой, а мне сказала, чтобы потом я пришел туда, где она будет на этюдах. И сама не знала где. И дала карточку для автомата, чтобы я позвонил. Автомат карточку, разумеется, сжевал. Вот я и пошел наугад… У вас ее не было?

— Давно уж не было… У нас какие этюды, все сто раз зарисовано… — сказал Федя.

Ваня встретился глазами с Никелем, и тот объяснил:

— Лика Сазонова — это юный гений. Пикассо в юбке…

— Хотя в общем-то чаще в штанах, — уточнил Андрюшка.

— Я в переносном смысле, — сказал Никель. Довольно сухо. Видимо, намекал: «Я обиделся, что не дали ловить Тростика».

Федя и Андрюшка обиду «не заметили». Андрюшка сказал Тростику:

— Можешь ведь позвонить сейчас… Ребята, у кого мобильник с собой?

— У меня! — поспешно сообщил Ваня. — Ой…

надо только посмотреть: заправила ли его ба… Лариса Олеговна. А то было по нолям…

Оказалось, что Лариса Олеговна успела перевести через автомат двести рублей. В самом деле — не оставлять же внука без «поводка»!

Ваня повернулся к Тростику:

— Говори номер, я наберу… Или хочешь сам?

— Лучше ты, у меня мало опыта… А ты кто?

— Это Ваня, — сообщила Лорка. — Он приехал из Москвы на каникулы…

— Привет, — снисходительно отозвался Тростик. — А я Трофим… Я бывал в Москве, только плохо ее помню. Мне было два года…

— Побываешь еще, — утешил Ваня. — Тогда приходи в гости… А какой номер-то?

— Ладно, приду… Нажимай… Восемь, девятьсот шестнадцать, шестьсот десять… — Он говорил четко и без запинки. Видать, помнил номер назубок… Ваня нажал последнюю кнопку, дождался гудка и протянул Тростику трубку. Тот притиснул ее к уху, свел маленькие рыжеватые брови. Облизал губы. И вдруг заговорил, слегка захлебываясь:

— Ну, конечно, я, а кто же по-твоему! Дала какую-то дохлую карточку, а теперь «куда ты пропал»!

Звук в трубке был громкий, слова собеседницы Тростика расслышали все:

— Сейчас-то откуда ты звонишь, несчастье мое?

— Сама несчастье! Я звоню со двора Чикишевых. Здесь Трубачи и Никель, и Лорка… они все удивляются, почему ты куда-то провалилась. А еще Ваня из Москвы. Это он дал мне телефон. А то я не знал, что делать. Измотался весь, пока скакал по крышам…

— Силы небесные! Чего тебя на крыши-то понесло?!

— Не ясно, что ли? На земле гуси!

— И не стыдно? — услышали все. — До сих пор боишься паршивых гусаков, как детсадовский младенец.

— Да! — ничуть не устыдился Тростик. — Знаешь, как цапают! В прошлый раз Горыныч мне вон какую отметину сделал! — Тростик извернулся и показал всем сзади под коленом лиловый след гусиного щипка. Лика видеть синяк, разумеется, не могла, но, судя по всему, знала о нем раньше.

— Дал бы этому Горынычу пинка!

— Ну, ты окончательно несообразительная! — возмутился Тростик. — Разве гуси реагируют на

пинки? Они боятся только палок! Я, конечно, могу врезать по Горынычу дрыном, но вдруг снесу ему башку? Или перебью шею? Бабка Решеткина помрет с горя. И Горыныча все-таки жалко. Он дурак, но живой же все-таки…

— Ты гуманист, — сообщила издалека Лика.

— А чего ты обзываешься?!

— Это не обзывание, а наоборот… Не обижайся, Тростиночка…

Тростик подумал и сообщил:

— Я все-таки обиделся… А куда приходить-то?

— Никуда. Я сама к вам приду. Я недалеко… А чтобы не обижался, принесу подарок.

Обида Тростика испарилась.

— А какой?!

— Какой-какой… С корабликом, конечно. Принесу — увидишь… Жди, я скоро. — И в трубке запикало. Тростик протянул ее Ване.

— Большое спасибо…

— На здоровье, — серьезно сказал Ваня. И вдруг почувствовал, что ему хочется пройтись пятерней по щетинистой стрижке Тростика. Но тот, конечно, рассердился бы: не младенец ведь… Тростик, извернувшись опять, разглядывал гусиный щипок и тер его помусоленным пальцем.

— У Тростика морская коллекция, — объяснила

Лорка. — Он собирает все, что связано с морем. Открытки, пуговицы с якорями, ракушки, кораблики…

— У меня кусочек фрегата «Паллада» есть, — сообщил Тростик. — Поднятый из-под воды. Мне подарил сосед дядя Толя, он раньше на Дальнем Востоке был рыбаком. Он хороший сосед, только пьет часто… Мама поэтому не стала выходить за него…

Откровенность Тростика встретила молчаливое понимание. А он добавил:

— Лика сказала, что правильно…

Ваня пошарил в кармане штанов. Когда они с Ларисой Олеговной покупали этот костюм, продавщица подарила Ване рекламную карточку швейной фирмы «Капитан Грант». На карточке был синий земной шар и корабли с пузатыми парусами. Все это имело отношение к Жюлю Верну, и Ваня с удовольствием сунул карточку в карман. Так и ходил с ней… А теперь вытащил.

— Смотри. Хочешь такую?

— У-у… — Тростик весь прямо засветился. — А ты… тебе не жалко?

— Немножко жалко, — сказал Ваня, чтобы добавить ценности подарку. — Но это ничего. Тебе нужнее…

Тростик не стал отказываться. Взял карточку на ладонь, бормотнул «спасибо» и уперся в нее коричневыми глазами-пуговицами.

Ваня придвинулся к Лорке, шепнул:

— А Лика, она кто? Его сестра?

— Нет… но почти. Она его отыскала в прошлом году…

2

Год назад Анжелика Сазонова поспорила с учителем рисования — из-за отраженного солнечного луча на звездном глобусе.

Глобус был блестящий, лимонный, размером с маленький арбуз. Расчерченный тонкой градусной сеткой, усыпанный черными веснушками звездных отметин и мелкими надписями (Лика специально подходила вплотную, чтобы разглядеть). Его оплетали никелированные кольца и дуги. А держался этот симпатичный шарик на лакированной подставке с четырьмя точеными столбиками.

Герман Ильич поведал шестиклассникам, что глобус был подарен ему в давние времена дядюшкой, штурманом дальнего плавания.

— В ту пору он был заключен в обшарпанный деревянный ящик…

— Дядюшка? — сказал Тимофей Бруклин.

— Глобус, — оч-чень терпеливо уточнил Ильич. — Мне ящик не понравился, и я смастерил вот эту подставку. Сам вытачивал в школьной мастерской ножки на токарном станке…

— Вы умеете? — простодушно удивилась Иринка Иванова (она нравилась Лике, потому что всегда говорила, что думала).

— Естественно. Художник с детских лет должен владеть не только кистью и карандашом…

Герман Ильич был не просто учитель рисования, а именно художник. И в душе, и снаружи. Его крупную, плотно посаженную на плечи голову окутывала курчавая, очень светлая (почти седая) шевелюра. На орлином носу косо сидели (и часто срывались) старомодные очки. Маленькие черные глаза всегда блестели — видимо, от вдохновения. Вместо пиджака носил Ильич широкую, как колокол, вельветовую куртку. Его движения были порывистыми, характер — неровным. Впрочем, во всех случаях жизни Германа Ильича не покидала учтивость. К ученикам он обращался на «вы».

— Выглядит как старинный, — похвалил глобус Иринкин брат-близнец Стасик. — Будто с «Санта-Марии».

— Нет, это, разумеется, не древность. Такие глобусы есть на судах и сейчас. Хотя, скорей всего, просто по традиции. В нынешний век спутниковой навигации это уже анахронизм…

— Чего-чего? — сказал Тимофей Бруклин.

— Повторяю для… любителей простоты: устаревший прибор.

Герман Ильич предложил «уважаемым коллегам» изобразить глобус в своих альбомах. С натуры.

— Удачные работы могут положительно сказаться на ваших годовых оценках.

Большинству эти оценки были по фигу. Поставят «зачет» — ну и ладно. Однако почему бы и не порисовать такую интересную штуку? Тем более что можно во время урока и языком почесать, и даже анекдоты порассказывать (иногда такие, за которые пацанам доставалось от одноклассниц учебником по темени).

Ильич не требовал тишины, он был демократичен. Кстати, выглядел он старше своих лет, а было ему немногим за тридцать. Лика считала, что прозвище Ильич ему совсем не подходит. Но что поделаешь — прилипло…

Закончить рисунки, конечно, никто не успел.

— Дорисуете дома и принесете на следующий

урок. Кстати, последний в этом учебном году, с чем поздравляю заранее. И надеюсь на вашу сознательность…

Шестой «В» шумно распихал мятые альбомы по рюкзакам: радостный май цвел за окнами, все рвались на улицу. Насчет сознательности Ильич это зря. Большинство и не вспомнит про задание, а на последнем уроке каждый что-нибудь наврет о потерянных красках, забытом альбоме или нехватке времени…

Лика, однако, дома закончила рисунок. Потому что глобус ей нравился. Она подождала, когда высохнет желтая акварель, белой гуашью мазнула на ней блик, а тушью раскидала черные звездочки и линиями-ниточками небрежно наметила градусную сетку. Решила, что Ильичу понравится…

Герман Ильич на последнем уроке и правда одобрил ее работу. Но…

— Должен, однако, заметить, сударыня, что вы проявили некоторую небрежность. Мастера акварели добиваются бликов на предметах тем, что оставляют частичку незакрашенной, белой бумаги. Вы же решили как проще и прибегли к гуаши. Поленились…

Лика буркнула, что она не мастер акварели, и

добавила «подумаешь». Поскольку Ильич оказался прав.

— А кроме того, здесь налицо досадная ошибка…

— Какая? — взвинченно сказала Лика. Потому что кто же любит критику.

— Повторяю: досадная. Смотрите… — Он поднял рисунок к плечу — Тени от ножек у вас протянулись вправо, а…

— Сазонова, встань, — попросил Тимофей Бруклин. — Где у тебя тени от ножек?

— Тени от ножек глобуса, Бр-руклин, — изобразил героическую сдержанность Ильич. — Они направлены вправо. Следовательно, источник света, в данном случае окно, расположен слева. Как оно и было в действительности. И вам, коллега, следовало свой гуашевый блик нанести с левой стороны шара.

Лика откинулась к спинке стула (Ильич позволял беседовать с ним не вставая). Она теперь знала, как возразить.

— Вы забыли, Герман Ильич, что в тот раз лучи падали на дверь, и она их отбрасывала (смотрите, какая блестящая). Их отражение на глобусе и блестит.

— Гм… Но отражение окна в данном случае

все равно должно иметь место. Это во-первых. А во-вторых, зрителю, который станет рассматривать рисунок, неведомо, что где-то поблизости наличествует блестящая дверь. И он будет иметь право на недоумение…

— По-моему, вы просто придираетесь!

— Вот как? В вашем утверждении нет логики. С какой стати мне к вам придираться?

— Не знаю. Может быть, от плохого настроения, — заявила Лика. В классе хихикнули.

Ильич поймал упавшие с клюва очки, почесал ими заросший белыми кудрями висок. Спросил безукоризненно светским тоном:

— Не кажется ли вам, сударыня, что вы начали слегка хамить?

Лике казалось. И хамила она сознательно. Потому что Ильич сладковатостью манер и неожиданно плавным поворотом головы вдруг напомнил ей Феодосия Капканова. И она сказала, что если считать хамством правдивые слова, то конечно…

Ильич бросил на стол рисунок, уронил очки и скрестил руки.

— Я заметил, Сазонова, что с недавних пор, когда вы странным образом изменили свою внешность, ваши манеры подверглись измене-

нию тоже. Не в лучшую сторону…

Вот это он зря. Не следует сыпать соль на порезы души. В душе сразу шевельнулись твердые, похожие на стеклянные шарики, слезинки. Лика сердитым глотком загнала их в самую глубину. И поняла, что Ильич стал похож на Капканова еще больше.

…Феодосий Капканов, как известно, знаменитый певец. Выражаясь по-современному, поп-звезда, но Лика терпеть не могла это выражение. Для нее он был «гений волшебных струн» (мысленно, конечно, не вслух). Лику никоим образом не трогало то, что по Феодосию сохнут и млеют миллионы других девиц. «*Мой* рыцарь», — тайно говорила она, когда на экране Капканов летящим прыжком выскакивал под свет прожекторов. Он плавно взмахивал волосами, локоны взлетали и мягко падали. Так же взлетало и падало Ликино сердце. Феодосий, изогнув талию, ударял по струнам, и Ликина душа отзывалась томительным аккордом.

Ты одна у меня, ты одна, —

пел Феодосий ей, Лике, —

Ты живи, ты не у-ми-рай!

Я тебя с глубокого дна
Унесу в свой ласковый рай…
Ты одна,
Ты одна-а-а…
На-на-на,
На-на-на…

Лика не так уж стремилась улетать в какой-то ласковый рай, ей и дома было неплохо. Но вот оказаться пусть на минутку рядышком с Феодосием, потрогать его рукав, глянуть в продолговатые бархатные глаза… Конечно, и это было невозможно. И тогда Лика решила: пусть Феодосий Капканов хотя бы узнает, что *она* есть на свете.

Лика нарисовала Феодосия на альбомном листе — в полный рост, в его желто-вишневой рубахе и узких блестящих штанах, с разлетевшимися волосами, со взмахом тонких пальцев над сверкающей голубой гитарой, с ярким, широко раскрытым на слове «одна-а-а» ртом… Чудо что за портрет получился! На областной выставке Лика точно заработала бы первое место. Но она этот рисунок не показала ни одной живой душе. Написала на обратной стороне сдержанные слова: «Феодосий Ренальдович! Вы — радость моего сердца. Спасибо. Анжелика Сазонова (или просто

Лика)». Обложила его с двух сторон картонками, запечатала в большой конверт и отнесла заказную бандероль в почтовое отделение номер три на Красинской. Пакет приняли, хотя адрес был очень даже приблизительный: «Москва, Союз концертных деятелей, Феодосию Ренальдовичу Капканову». Правда, Лике показалось, что девица-приемщица, прочитавши надпись на конверте, хмыкнула, но она, Лика, не стала унижаться до скандала. Молча взяла квитанцию и удалилась с ощущением исполненного долга любви.

Это было в марте. Ответа Лика, разумеется, не ждала. Но ответ пришел в конце апреля.

Лучше бы он не приходил, такой ответ!

Когда Лика, обмирая, разорвала конверт, из него выскользнула бумажка, похожая на уведомление «Энергосбыта», с типографским текстом.

> «Дорогая *Анжелика*!
>
> Благодарю тебя за добрые слова в мой адрес. Желаю тебе успехов в учебе и личной жизни.
>
> ***Феодосий Капканов».***

«Анжелика» было коряво вписано шариковой ручкой. Подпись-тоже от руки, но явно размноженная заодно с текстом на ксероксе.

Лика со всем своим ярким воображением тут же увидела секретаршу, похожую на хмыкавшую почтовую девицу. Как эта девица, сжавши рот, лихорадочно вносит девчоночьи имена в тысячи одинаковых бумажек. А Феодосий стоит у нее за спиной и морщится: «Сколько опять понаписали!.. Давай-давай, торопись, пусть эти соплячки знают, что я не забыл ни одну...»

Успехов в личной жизни он желает, животное!

Прежде всего Лика мысленно (жаль, что нельзя по правде!) в клочья изодрала свой рисунок.

Затем засунула в видак диск с Феодосием — чтобы убедиться, какой дурой была она, когда обмирала об этом сладкоголосом кривляке! И убедилась, что в самом деле дура (она) и кривляка (он)! Изгибается, колотит по гитаре неприличным местом, вертит своей тощей блестящей... задом и не поет, а блеет! Господи, где были ее глаза? И это при том, что на свете есть «Битлз», Хворостовский, Высоцкий, Визбор, Виктор Цой... Ну, пусть некоторых уже нет, но все равно же они — *есть*!..

Надо было избавляться от заблуждений и начинать жизнь заново. А для этого — изменить себя. Лика начала с внешности. Раньше она тщательно подбирала платьица, колготки, воротнички,

туфельки, сережки — по цвету, по фигурке (а фигурка — все это подмечали — была просто балетная). Потому что казалось: он будто стоит рядом и внимательно смотрит: хороша ли девочка сегодня? Теперь все это барахло полетело по дальним углам. Лика выволокла на свет летний джинсовый комбинезон с бахромой у колен, отыскала старые разлапистые мокасины, заменила серебряно-янтарные сережки простыми серыми камешками, подвязала волосы скрученной в жгут косынкой-банданой. И, оставив маму в обморочном состоянии, отправилась в школу.

Новый облик Сазоновой вызвал у девочек неоднозначные реплики и шумные пересуды, а у мальчишек — сдержанное одобрение. Начитанный Тимка Бруклин (безжалостно переиначив Александра Сергеича) возгласил:

А девочке в тринадцать лет
Штаны такие не пристали!

Лика не стала его гонять и бить, только снисходительно заметила, что ей еще, слава богу, нет тринадцати.

Учителя не обратили на Ликину «смену имиджа» особого внимания. Только классная Инна Юрьевна подняла к потолку усталый взор:

— Ох, Сазонова…

Школа, к счастью, была нормальная — никакая не «гимназия», не «лицей», не «элитное учебное заведение». Младшие ребята еще носили кое-какое подобие формы, а после пятого класса ходили кто в чем хочет. И Лика скоро поняла, что нынешний костюм — самый для нее подходящий. «По Сеньке и шапка», по одежке — поведение. Ликина речь лишилась прежней напевности (не всегда, кстати, натуральной), обрела мальчишечью краткость и даже некоторую резкость.

Эти изменения и отметил со свойственной педагогу и художнику зоркостью Герман Ильич.

Замечания Ильича и его неожиданное сходство с Феодосием весьма раздосадовали Лику.

А он еще добавил:

— Правдивые слова, мадмуазель, можно говорить по-разному… Но вернемся к нашей профессиональной теме. Если вы не считаете нужным исправить свою работу, я в свою очередь не могу поставить за нее отличную оценку. А без отличной годовой оценки я никого не могу рекомендовать в вечерний художественный лицей, куда вы, как мне кажется, собирались…

Это было уже свинство! Это была уже война!

Лика, усевшись прямо, сообщила, что: «а» (со

скобкой) — она никогда ни в чьих рекомендациях не нуждалась; «бэ» — поступать в лицей она и не помышляла; и «цэ» — если бы захотела поступить, то ее взяли бы в любом случае, поскольку у нее диплом зимней областной выставки.

Это был, пожалуй, не очень благородный прием, но «на войне как на войне». Дело в том, что в этой выставке участвовали и взрослые художники, и школьники (в разных, конечно, залах и отделах). Лика получила диплом за серию рисунков «Тени старого города», а живописец-профессионал Герман Ильич Суконцев за свои пейзажи в стиле постмодернизма не получил ничего. Лика это знала. И Герман Ильич знал, что она это знает. С полминуты он дышал, укрощая в себе непедагогические эмоции. Затем бесцветным голосом сообщил:

— В таком случае я внесу в годовую ведомость оценку «зачет». Вас устроит?

Лика сказала, что вполне.

— На этом будем считать, что программа за шестой класс по нашему предмету вами благополучно завершена. Не вижу для вас резона томиться дальше в этом помещении…

Можно было заспорить: мол, выгонять школьников с уроков запрещено. Однако в самом деле

— зачем томиться-то?

Лика собрала рюкзак. Сказала голосом Инны Юрьевны:

— До свиданья, Герман Ильич. До свиданья, дети…

«Дети» завистливо смотрели ей вслед.

На улице Лика поразмышляла: куда идти? Ну, не домой же в такую чудную погоду! Май стоял — просто радость жизни. Сплошное лето. Мальчишки в классе говорили, что уже купались. И, вспомнив про это, Лика отправилась к реке… Вот не прими она такого решения, и не было бы у нее Тростика…

3

К реке вели несколько улиц. Если налево, к музею и монастырю, то не так уж далеко до берега. Но Лику тянуло в тихие места, и она пошла от школы на северо-восток, по улице Орджоникидзе, где современные офисы стояли вперемешку с деревянной стариной. Лучи были удивительно теплыми, и от этого тепла замечательно пахло клейкими тополиными листьями.

Минут через пятнадцать улица закончилась у пристанских съездов, где еще сохранились булыжные мостовые. Мимо длинной стены кир-

пичного склада Лика спустилась к лестнице, которая вела на станцию портовой железной дороги. У деревянной коричневой станции было богатое прошлое (о нем сообщали мраморные дощечки на облупленных дощатых стенах). Но сейчас жизнь здесь еле теплилась. Густо летали над репейником желтые и коричневые бабочки. Лениво шевелилась над причалом стрела единственного портового крана — видимо, переправляла с платформы на баржу груз, который, не торопясь, доставил с товарной сухопутной станции очнувшийся от дремы состав. Между рельсами солнечно горели одуванчики.

Лика не пошла к портовому причалу, а свернула направо, вдоль рельсов. Пахло теплой ржавчиной и речным песком. Справа от путей подымались откосы, а слева тянулся низкий берег, заросший всякими невысокими травами — с клевером и опять же с одуванчиками (сейчас было самое их время). Среди травы, у самой воды, лежали вверх дырявыми днищами заброшенные катера. Между катерами белели песчаные проплешины. На одной такой проплешине прыгали с ноги на ногу и прижимали к щекам ладони тощие, успевшие слегка «обуглиться» мальчишки — наверно, только что искупались и вытряхивали из ушей воду.

— Как водичка?! — крикнула им Лика.

Самый маленький, в облипших разноцветных трусах до колен, показал ей через плечо большой палец. А другой купальщик посоветовал:

— Ныряй, не пожалеешь!

Но Лика пошла дальше.

Она обогнула шершавую от ржавчины баржу, которая лежала на песке и кормой уходила в воду. Здесь, у промятого высокого борта с заклепками, Лика увидела еще одного мальчишку.

Мальчишке было лет семь. Он стоял на самом краю плоского берега — так, что кончики пальцев в воде. Рыжеватая короткая стрижка на круглой голове рассыпала искорки. Полосатые плавки были сильно перекошены, словно он хотел их сдернуть и раздумал. Неподалеку валялись белая, с травяными пятнами, футболка и куцый комбинезончик с блестящими пряжками на лямках. И растоптанные (явно прошлогодние) босоножки.

Склонность к образным сравнениям сразу подсказала художнице Лике: «Если бы Винни Пуха превратили в ребенка, получилось бы как раз такое человеческое создание».

Нет, «создание» не выглядело толстым, но была в нем этакая плотность и кругловатость. И — так показалось Лике — основательность суждений

и поведения (хотя мальчишка не двигался и не говорил). Стоял «Винни Пух» к Лике спиной, обхватив себя за плечи.

Пацанятам столь небольших лет в общем-то не следует гулять в одиночку, времена неспокойные. То и дело слышишь в новостях и читаешь в Интернете: такой-то ушел и не вернулся, такого-то ищут уже который день… А уж купаться, когда никого нет рядом, это совсем надо быть без головы… Впрочем, от существ такого возраста чего ждать?

Лика спросила у крепкой спины мальчишки:

— Ты чего тут делаешь?

Он не удивился, не обернулся. Сказал без выражения:

— Стою.

— Ага… На берегу пустынных волн… Ты — юный философ? — Лика встала с ним рядом.

Мальчишка глянул искоса. И вдруг сказал — устало и с ноткой безнадежности:

— Нет. Я — юный трус… Ты не могла бы дать мне по шее?

Искренность обескураживала. Но Лика сохранила спокойствие. Ответила, что могла бы, конечно, только надо знать: зачем?

— Ты же ничего мне плохого не сделал…

— Я себе сделал… много раз… — коричневые глаза-пуговицы затянулись влажной пленкой. — Я… уже устал…

— От чего?

— Я же объяснил… что я трус.

— Я помню. Но в данный-то момент в чем твоя трусость?

— Я хотел прогнать ее… всю за один раз…

— Как? — сказала Лика, слегка раздражаясь.

— Ну, вот так… прыгнуть оттуда… — Малыш подбородком показал на корму баржи (впрочем, не такой уж малыш; похоже, что закончил первый класс). Округлая корма возвышалась над водой метрах в двух. — Я думал, что, если переборю себя и прыгну, другие всякие страхи у меня пропадут сами…

«Если бы все так просто», — подумала Лика. И пообещала:

— Хорошо, я дам тебе по шее. Но только для того, чтобы ты больше никогда не придумывал таких глупостей… Вот балда! А если расшибешь пузо о воду? Или вдруг там коряги? Или захлебнешься и не выплывешь?

На «балду» и на «пузо» печальный мальчик не обратил внимания. И объяснил:

— Я же умею плавать, наш класс целый год

водили в бассейн… А коряг там нету, я видел, как ребята тут ныряли…

— Все равно балда!

— Может, и балда, — согласился он на этот раз. — Но теперь-то как быть? Я же дал себе честное слово, что прыгну… И если не смогу, тогда что делать? Себя-то не обхитришь…

«В самом деле философ», — подумала Лика. И даже слегка зауважала его. И сказала безжалостно:

— Раз дал слово, прыгай.

— Но у меня не получается! Я уже два раза туда забирался! Как посмотрю вниз, ноги будто отнимаются…

Да, удивительно было. Какой помощи он, такой малек, ждал от большой девчонки? С какой стати начал откровенничать? Может, просто больше не с кем?

— Подумаешь, ноги! Прыгай с отнявшимися…

— Не выходит…

— Идем… — Лика опустила на песок тяжелую папку и взяла мальчишку за локоть. Потянула к хлипким сходням, которые вели с берега на борт.

— Ой… — Он слабо заупирался и, кажется, даже хныкнул. «Будто поймали в чужом саду и ведут в закуток с крапивой», — усмехнулась про себя Лика.

— Не тормози, если дал слово… А то и правда получишь по шее.

Он будто обрадовался:

— Давай!

— Там, на палубе.

Ржавая палуба оказалась горячей от солнца. Мальчишка начал переступать и потирать подошвы.

— Горячо? Вот и хорошо, скорее прыгнешь…

— Все равно не получится… Ты только не толкай. Я, может, сам наконец…

Она не стала его толкать и сбрасывать. Подошли к самой кромке, Лика глянула вниз, поежилась и двумя движениями скинула комбинезон и тельняшку. То, что было под ними, вполне могло сойти за купальный комплект. Сдернула кроссовки и носки. Мальчишка следил за ней, округлив глаза и пухлый рот. Потом выговорил:

— Ты… зачем?

— Затем… — Она опять крепко взяла его за локоть. Снова глянула на воду. «А снизу казалось, что совсем невысоко… Ой, мама…» — Прыгаем на счет «три». Не вздумай упираться, а то худо будет… Раз, два…

— Ой, подожди! Я…

— Три! — Она со страху растопырила глаза,

дернула мальчишку за собой, он взвизгнул, и оба неуклюже плюхнулись под кормовым свесом.

МУЗЫКА ИЗ ПРОШЛОГО

1

Вода оказалась удивительно холодной. Напрасно самоуверенный пацан в цветных трусах показывал большой палец… С этими мыслями, не отпуская мальчишкин локоть, Лика левой рукой выгребла к берегу вдоль борта. Ее напарник тянулся следом, как выловленный в воде буек.

На берегу он сразу вскочил, закашлял, затряс головой, потом замер. Вытянулся (стал даже слегка худощавый) и тонким голосом выговорил:

— Это не считается…

— Что не считается? Почему? — Лика мотала волосами, сердито вытряхивая из них брызги (а сердце прыгало).

— Потому что я не сам. Ты меня дернула!

— Я?! Тебя?! Ненормальный… Это ты меня дернул, когда я сказала «три». Я опомниться не успела…

Он смотрел с недоверием и надеждой.

— Да? По-моему, ты врешь…

— Я никогда не вру! — решительно соврала в ответ Лика.

Он поморгал. Подумал. Кивнул:

— Я тоже… То есть стараюсь, чтобы никогда… Значит, я по правде прыгнул сам?

— Куда уж «самее», — ворчливо подтвердила Лика. — Рванул меня… Иди за трап, выжми плавки…

— Ага… — Он ушел за наклонные доски и сказал оттуда: — А ты отвернись…

— Подумаешь… Тебя и не видно ни краешка.

— Все равно отвернись.

— Пожалуйста… Слушай, ты лучше не надевай выжатые плавки, они все равно будут сырые. Дома высушишь. А сейчас надень сразу штанишки… — Она сказала детское слово «штанишки» нарочно, чтобы «Винни Пух» чувствовал ее взрослость.

— Ага! — Он (все еще в плавках) выскочил, схватил с песка комбинезончик и снова укрылся за досками. — Ты отвернулась?

— Ну, чудо природы… Да отвернулась, отвернулась! — Лика встала спиной к барже и запрокинула лицо. Солнце загорелось на мокрых ресницах, разбросало тонкие лучи. Согрело щеки…

За спиной послышалась возня. «Борец со стра-

хом» — в штанах с лямками, но без футболки — застегивал на ступнях босоножки. Глянул слегка виновато.

Лика вспомнила нагретую палубу.

— Слушай, принеси мне сверху имущество. А то не хочется босиком по печке…

— Сейчас! — он охотно рванул вверх по сходням и тут же вернулся с ее штанами, тельняшкой и обувью. Лика отнесла одежду к островку зелени, положила там.

— А ты… почему не одеваешься? — неловко спросил мальчишка. Видно, просто не знал, что сказать.

— Посижу еще на солнышке, все на мне и обсохнет… И, может, хоть немножко загара прилипнет… — Лика шевельнула плечами.

— А тогда… можно я тоже посижу?

— На здоровье! — обрадовалась Лика. Почему-то не хотелось расходиться вот так сразу. «А может, сделать с него набросочек? Да нет, он застесняется. Или решит, что это в уплату за помощь…»

Мальчик оставил сохнуть на сходне полосатую тряпицу, кинул в одуванчики футболку, уселся на нее, обняв коленки. Оттянул у футболки далеко в сторону ее край.

— Садись рядом…

Но свободного краешка было мало, Лика бросила рядом тельняшку.

— Вот так… — И села бок о бок с пацаненком, от которого пахло речной сыростью (от самой Лики, наверно, тоже). Тогда он потерся ухом о плечо и спросил, глядя перед собой:

— Тебя как зовут?

Лика дернула травинку.

— Ужасно неуклюже меня зовут. Родители сделали подарочек… Ан-же-ли-ка…

— Почему неуклюже? — серьезно заспорил он. — Это хорошее имя. Есть такие толстые романы про Анжелику. «Анжелика и король» и еще всякие… Мама любит читать…

— Вот и мои мама с папой любили в молодости. Так и назвали…

— А если по-простому, коротко, то как? Все равно Анжелика?

— По-простому Лика. Это все же терпимее… А тебя как? По-простому и по-всякому…

Он разъяснил обстоятельно:

— Полное имя — Трофим. Дедушку так звали… А если неполное, то по-разному. Можно Троша, но я не люблю. Лучше Трошка. Но в классе дразнятся: «Трошка-картошка»… Мама зовет «Тростик», но

сама же говорит: «Ты не Тростик, а кочерыжка». Это она про тело-сло-жение…

— Нормальное у тебя тело-сло-жение. Имя тоже нормальное… Ты, наверно, в первом классе?

— Ну да… Все еще не пускают на каникулы, хотя на уроках делать ну совершенно уже нечего. Сидим, маемся… А ты в каком?

— Шестой дотягиваю… Сегодня вот с урока прогнали…

— Почему?! — Тростик даже привстал. Наверно, в уме первоклассника не укладывалось: как можно прогнать с урока такую большую, храбрую и умную ученицу?

— Поругалась с учителем рисования… То есть не совсем поругалась, а разошлась во мнениях. Ну, он и сказал, чтобы гуляла…

— По-моему, это большое свинство… с его стороны, — убежденно сказал Тростик.

— Нет, он, в общем-то, ничего дядька. Но тут нашла коса на камень… Из-за звездного глобуса.

— Из-за чего?! — весело изумился Тростик.

— Сейчас покажу… — Лике не хотелось уходить из-под солнечного тепла и мягкого ветерка, не хотелось прощаться с забавным Тростиком. И она потянула к себе папку.

Картинка со звездным глобусом вызвала у Тро-

стика тихий восторг.

— Это ты сама нарисовала?!

— Ну, не Суриков же…

— А это морской глобус, да? Я такой видел на картинке. Это чтобы по звездам проверять путь корабля… У меня разные картинки про корабли есть, я собираю всякие вещи про все морское…

— Умница, — сказала Лика.

— А ты можешь меня нарисовать?

«Надо же! Сам напросился!»

— Могу. Хоть сейчас…

— А с таким глобусом можешь? Будто я его держу и разглядываю…

— С глобусом… с ним сложнее… Надо, чтобы ты держал в руках что-нибудь круглое. Мяч хотя бы. А то будут неестественно…

Тростик тут же нашел выход:

— А давай тогда встретимся снова! Я приду с мячом! Или… тебе, наверно, некогда? — Он, кажется, вспомнил о разнице между собой и этой почти взрослой художницей.

Но она сказала:

— Да почему некогда? Можно…

В самом деле, мог получиться забавный рисунок: серьезный первоклассник Глобусенок с желтым шаром, на котором вся Вселенная. Будто

пытается проникнуть в звездные загадки…

Минут через двадцать они шагали вверх по Пристанскому спуску, где среди булыжников на дороге тоже цвели одуванчики. Лика уже знала, что Тростик живет в Ершовском переулке, не очень далеко от нее.

— А почему ты оказался в такой дали от дома?

— Гуляю… Ты ведь тоже оказалась…

— Но мне же не семь лет!

— Мне уже семь с половиной…

— Да, это существенно… а дома не попадет?

— Мама же на работе…

— А если спросит, где был днем? Ты же никогда не врешь…

— А я скажу: гулял. Без подробностей. Это не вранье.

— А если спросит подробности?

— Ну… расскажу тогда, — вздохнул Тростик. — Что делать…

— Вот за такие одиночные прогулки точно полагается по шее, — назидательно сообщила Лика.

— Ага! А мама говорит, что по другому месту! — весело признался Тростик.

— Это еще полезнее. А… — Она чуть не спросила, что говорит по этому поводу папа. Тростик понял

и объяснил — скучновато, но без задержки:

— Мы с мамой сейчас вдвоем. Отец выбрал «свободный образ жизни». Он теперь в Сургуте…

— Что же, дело понятное, — сказала Лика. — Мой еще дальше. В Австралии…

— Вот это да! Насовсем или в командировке?

— Да нет, не в командировке… Ух ты! Он идет навстречу!

— Приехал из Австралии? — обрадовался Тростик.

— Да не отец идет, а Ильич! Герман Ильич… Тот учитель, с которым я сегодня… — И разойтись было нельзя на узком Пристанском спуске. — Здрасте…

2

— Добрый день, Сазонова, — светски произнес Герман Ильич. — Хотя мы уже виделись сегодня… но все равно. Чудесная погода, не правда ли? Какими путями оказались в наших краях?

Лика быстро пришла в себя.

— Погода изумительная. Мы купались… А это, значит, *ваши края*? Вы здесь живете?

— Естественно. С детских лет. А что здесь удивительного? Я из туренской породы «пристанских пацанов»… Значит, купались?

— Ага… — вдруг сказал Тростик. Герман Ильич быстро взглянул на него.

— И как вода? Теплая?

Лика хихикнула.

— Сазонова, — со сдержанной печалью сказал Герман Ильич. — Беседуя с вами, я всегда ощущаю себя на минном поле. Боюсь: скажу что-то не так и опять почувствую вашу иронию…

— Да нет, Герман Ильич, что вы! Я просто вспомнила… Есть такие стихи, подражание английскому юмору…

— Любопытно…

— Ага, — сказала Лика тоном Тростика. — Там два профессора, Джон и Буль. Буль тонет в речке, а Джон восклицает на мосту: «Не может быть! А теплая ль вода?» — «Буль-буль», — сказал профессор Буль, что означало «да»…

Ильич запрокинул голову и засмеялся от души:

— Великолепно!.. Ну и как вода? «Буль-буль»?

— Холодноватая пока, но терпеть можно…

— Я в этом году еще не купался. Не то что в юные годы… — Он рассеянно поболтал у ноги клетчатой матерчатой сумкой, которая топорщилась от какого-то груза.

— А я знаю, что у вас в сумке, — вдруг заявил

Тростик.

— Не может быть!.. И что именно?

— Там желтый глобус со звездочками…

— С ума сойти!.. Сазонова, вы посвятили ребенка в суть нашего конфликта?

— Я показала ему рисунок…

— Па-анятно… А кем приходится вам это юноша? Уж не брат ли?

— Это… мой верный друг, — сообщила Лика с запинкой, но и с капелькой гордости. — Он сегодня учил меня нырять с баржи. Без него я никогда не решилась бы прыгнуть…

Она ощутила, как Тростик затеплел от благодарности.

Герман Ильич вдруг стал очень серьезным.

— И… как зовут храброго верного друга?

— Его зовут Трофим. А в обиходе — Тростик…

— Изумительно… Будем знакомы, Тростик. Я — Герман Ильич…

— Ага, я знаю… — Тростик без смущенья протянул прямую ладошку. А Лика вдруг поняла, что надо ловить момент.

— Герман Ильич! У меня просьба… Если очень нахальная, так и скажите, я не обижусь…

— Ну… и что за просьба? — Он, кажется, не удивился.

— Если можно… дайте мне минут на пятнадцать ваш глобус. Тростик просил нарисовать его с ним… То есть Тростика с глобусом. Он обмирает по всему такому… морскому. Я бы сделала набросок. Можно прямо здесь…

— О чем разговор! Да ради бога!.. Но зачем здесь-то? Зайдем ко мне, это рядом…

Жилище Германа Ильича было удивительным. Вот уж в самом деле «художественная натура»!

Среди пристанских переулков громоздился над крышами заросший кленами, шиповником и крапивой откос. На середине его краснело похожее на развалины здание — старинный кирпичный склад. Видимо, не совсем развалины, поскольку над крышей белела тарелка телеантенны.

Герман Ильич объяснял на ходу:

— Мы с моим коллегой, Дмитрием Сабуровым… он занимается керамикой, может, вы слышали его имя… — (Лика кивнула) — мы откупили у городских властей этот древний пакгауз пароходовладельца Колокольникова. Вернее, откупил в основном Дмитрий и обитает здесь с многочисленным семейством, но и мне кое-что откололось. И комната для жилья, и мастерская… Вход отдельный, так что не стесняйтесь…

Дверь была на торце здания. Рядом с ней

валялись четырехлапый ржавый якорь и полуметровая чугунная шестерня неизвестно от какого механизма. Кованый засов был украшен амбарным замком девятнадцатого века. Но Герман Ильич не обратил на замок внимания и воткнул в незаметную щелку над засовом плоский ключик.

Изнутри пахнуло кирпичной прохладой. Окна в комнате оказались узкими, проделанными в стенах крепостной толщины. Стены были без штукатурки. Их пересекали толстенные железные полосы со шляпками могучих болтов. «Наверно, чтобы пакгауз не рассыпался», — мелькнуло у Лики.

— Ух ты… Как в замке людоеда, — выдохнул Тростик.

— Спасибо, — сказал Герман Ильич.

Тростик слегка смутился.

— Но я же не про вас. Я недавно мультик смотрел про Кота в сапогах, и там вот так…

— У ребенка точный взгляд и образное мышление… Вот вам глобус, господа, а я займусь пропитанием. Не обедал сегодня. Боюсь, что и вы тоже… Вас устроит глазунья с колбасой и зеленым луком? Ничего другого предложить не могу, такова холостяцкая жизнь…

Лика вдруг ощутила, что помирает с голоду. Не было сил отказаться.

— Ой… Но мы, наверно, разорим вас со своими аппетитами…

— За один раз — нет…

А Тростик ничего не сказал. Он неотрывно смотрел на метровое рельефное панно, косо висевшее среди полок с книгами (тоже косых). На нем среди ультрамариновых волн с пузырящимися гребешками тяжело кренился корабль времен Магеллана.

Герман Ильич исчез.

— Садись, моя радость, — велела Лика. — Вот сюда…

Тростик послушно взгромоздился на скрипучий табурет — пятки на сиденье.

— Развернись ко мне… Представь, будто получил глобус в подарок и разглядываешь его… Руку положи на подставку.

— Ага… — Он положил. Но смотрел не на глобус, а поверх желтого шара, на панно с кораблем.

«Ну и пусть. Может, так даже лучше. Будто подарок уже рассмотрел, а теперь глядит куда-то за горизонт, задумался о звездах… Забавно так, юный Коперник…»

Лика вытащила из папки листы и карандаш…

При ее-то способности к стремительным наброскам ничего не стоило в десять минут сделать три картинки — каждую несколькими легкими линиями. Настоящим рисунком она займется дома, а сейчас главное — схватить вот эти напряженные плечи, пальцы, сжавшие подставку, взгляд круглых глаз, приоткрывшиеся пухлые губы… И она схватила — в то короткое время, пока за дверью что-то шкворчало и потрескивало (и доносился о-о-о какой запах!).

Герман Ильич высунул голову из-за косяка.

— Сеньоры, лопать подано. Прошу…

В похожей на крепостной чулан кухоньке (без окон, с яркой лампочкой под потолком) шипела и пузырилась на столике яичница с множеством желтых глазков. Герман Ильич широченным ножом разложил ее по разномастным тарелкам. Этим же ножом стал резать батон.

— Хлеб вчерашний, подсох малость, не взыщите…

— В самый раз, — бесцеремонно отозвался Тростик, вцепился зубами в горбушку и налег на глазунью. — Ух ты, вкусно как…

— Я рад…

С полминуты они жевали молча, потом Герман Ильич вскинул глаза (он теперь казался гораздо

моложе, чем в школе, энергичный такой, без своей вечной вельветовой тужурки, в малиновой футболке с черным Дон Кихотом на груди).

— Ну что, Сазонова, преуспели в набросках?

— Думаю, да, — отозвалась она без лишней скромности.

— Покажете?

— М-м… да. Только сначала закончу… Герман Ильич!

— Что? — он даже вздрогнул.

— Ну, пожалуйста! Не говорите мне «вы»! А то… ну, как-то не в своей тарелке…

Герман Ильич почесал висок черенком вилки.

— Да?.. Вообще-то я со всеми так, школьная привычка. Традиция общения между творческими людьми… А впрочем, ладно, как скажете… тьфу! Как скажешь… Сейчас чай налью…

Чай оказался не очень горячий, и Тростик быстро выхлебал его из большой фаянсовой кружки. Раньше всех. И зашевелился:

— А можно мне еще в ту комнату? Посмотреть…

— Сколько угодно. Смотри и даже трогай все, что захочешь.

— Не, я только глазами… — Тростик слез с гнутого жиденького стула (уронив и поставив

его). — Большое спасибо за обед… — И скрылся за дверью.

— На здоровье… — задумчиво сказал ему вслед Герман Ильич. И перевел глаза на Лику. — Где ты отыскала это чудо?

Она ответила с пониманием:

— На берегу. Два часа назад. Он чуть не рыдал, что боится прыгнуть в воду, пришлось прыгать вдвоем… Я там едва не померла…

— Ты… не оставляй его…

— Ну… раз уж познакомились, то конечно…

— Похож он… — выдохнул Герман Ильич.

— На кого? — осторожно спросила Лика.

— На моего Витьку…

— А он… где?

— Не поверишь… В Австралии.

«С ума сойти!»

— Почему же не поверю, — сумрачно сказала она. — Очень даже… А вы это всерьез?

— Вполне… Домашняя обстановка, теплая еда размягчают и склоняют к откровенности… Заурядная история. Была жена, рос сынишка. А потом, как у многих: «Мне надоело это богемное существование!» Судьи решили, конечно: сын должен остаться с матерью. Да и сам он… Мама всегда мама… И все бы ничего, но приехал сюда

по каким-то делам преуспевающий бизнесмен из-за моря-океана. Ну и вот… Недавно прислали карточку: этакое заграничное дитя в белых бермудах и невероятной панаме… А глаза все те же… Извини…

— Они все будто посходили с ума! — вырвалось у Лики.

— Кто?

— Эти… разведенные супруги… Мой папá год назад тоже отбыл на австралийский континент. Искать удач и разнообразия жизни…

— Надо же! Выходит, мы товарищи по несчастью…

— Ага, — сказала Лика опять, как Тростик.

— А папá… он не звал тебя?

— Звал. Я сказала, что терпеть не могу кенгуру. Это надо же — сумка на брюхе! Извращение природы…

3

Они вдвоем вымыли тарелки и кружки. Потом Герман Ильич прислушался:

— А что делает наш юный друг? Притих…

«Юный друг» делал, что обещал, — смотрел. В комнате было на что посмотреть: маски, этюды с пейзажами и рыцарскими башнями, гипсо-

вый череп великана, коряга с висящими на ней колокольчиками, бутыли с разноцветными жидкостями, старинные подсвечники и всякие другие неожиданные вещи. Например, столетней давности пишущая машинка, а рядом с ней снарядная гильза с торчащими из нее кистями. Но Тростик на все это не глядел. Он не отрывал глаз от корабля на стене. И спросил, не оглянувшись:

— А вот это… эти паруса… вы сами лепили?

— Нет, дорогой. Это мой сосед, Дмитрий Львович. Он вручил мне данное произведение искусства на новоселье… Я бы подарил тебе эту каравеллу, да Дмитрий обидится… И тяжеленная она, гипсовое литье. Но вот что! У меня есть другая картинка. Маленькая, но тоже с корабликом. Хочешь?

Тростик без церемоний сказал «ага» и весь засветился любопытством и ожиданием. Прижал растопыренные пальцы к перемазанным желтком щекам. Герман Ильич с натугой выдвинул ящик письменного стола с львиными головами. Выудил из ящика стеклянный прямоугольник размером в два спичечных коробка. Стекло было в металлической рамке. На нем угадывался рисунок.

— Смотри на просвет… — Герман Ильич поднес

стекляшку к носу Тростика. — Парусник. Жаль, что надпись стерлась… Зато вся оснастка — как на фото… Ну, что?

— Уй… — Тростик часто дышал. — А это… вы мне насовсем, да? — Он не решался взять.

— На веки вечные…

— Тогда… вот такое громадное спасибо… — Тростик развел ладони шире плеч. Герман Ильич коротко рассмеялся, одной рукой прошелся по его щетинистой стрижке, а другой осторожно опустил стеклянную картинку в карман на джинсовой грудке с пряжками.

— Только осторожно, не раздави.

— Ага, я буду осторожно…

— Наверно, это картинка от старинного проектора, — догадалась Лика. — Были раньше такие, назывались «волшебный фонарь».

— Совершенно верно!.. Я нашел остатки такого фонаря в здешней кладовке, когда перебрался сюда. Вместе с этой картинкой… Ни механизма, ни объектива уже не было, просто ящик без крышки. Стенки потом отвалились, а подставка осталась. Я на ней только что резал лук… Любопытная, кстати, вещица, сейчас покажу…

Он принес из кухни деревянную дощечку со следами красноватого лака. Размером с развер-

нутую тетрадь. С медными угольничками, с выступами по краям. Довольно толстую.

— Вот… Зажигали внутри ящика лампу, вертели перед объективом прозрачные картинки, и при этом играла музыка.

— Граммофон? — догадалась Лика.

— Нет. Внутри было устройство с пружинным заводом… Пружина водила по кругу ползунок, он цеплял музыкальные штучки…

— Как «Городок в табакерке»? — вдруг вмешался Тростик. — Нам в школе читали…

— Похоже… Только там были мальчики — колокольчики, а здесь просто жестяные лепестки. Они, кстати, сохранились. И ползунок. Смотрите…

Герман Ильич подцепил ногтем край дощечки, и оказалось, что она раскрывается, будто книга.

На одной половинке обнаружились железные полосочки, размещенные по кругу. Внутри круга был шпенек с головкой и торчащим плоским рычажком.

— Это все и сейчас работает… — Герман Ильич взялся за головку шпенька. — Только пружины нет, вертеть надо вручную. И плавно, чтобы получилась мелодия…

И он завертел. И мелодия получилась… То есть

сначала было просто дзеньканье, но потом оно сложилось в простенький мотив.

— Знакомое что-то… — сказала Лика.

— Да. Миленький такой вальсок. Из тех, что сто лет назад играли на детских праздниках и на катках. Милая эпоха первых аэропланов и журналов «Нива»… И… как в старом анекдоте: «Кому все это могло помешать?»

Тростик не очень заинтересовался старинной музыкой, по-прежнему поглядывал на панно с каравеллой и гладил на груди джинсовый карман.

Лика покусала губу.

— Герман Ильич…

— Что… сударыня?

— Вы… пожалуйста, не обижайтесь, что я… так иногда на уроках… ну, лезла в бутылку…

Он коротко посмеялся и сказал тоном Тимки Бруклина:

— Ладно, Сазонова, проехали…

Потом проговорил уже иначе:

— А вы, ребята… раз уж побывали у меня, заглядывайте еще… Договорились? «Поговорим за жизнь и за искусство», как выражаются в Одессе.

— Мы заглянем, — пообещала Лика. — Да, Тростик?

— Ага. Естественно, — подтвердил он. — Мы

же обещали принести картинку. Ту, которая со мной… — И разъяснил Герману Ильичу: — Лика никогда не врет… И я тоже…

— Я счастлив, — сказал Герман Ильич.

Они принесли рисунок «Мальчик и звездный глобус» через неделю. Герман Ильич всячески одобрил его и попросил оставить на несколько дней, чтобы сканировать. В следующий раз они увидели увеличенную копию рисунка в рамке на стене. Лика застеснялась и говорить ничего не стала. Учитель тоже.

Впрочем, сейчас он уже не был ее учителем. Рисование кончилось в шестом классе, с седьмого начиналось черчение, а там — другой преподаватель. Но друзьями они остались. Летом не раз Лика грузила Тростика на багажник велосипеда, и они катили в Пристанский район. Они помогали художнику мыть накопившуюся грязную посуду, прибирались в его «берлоге», обсуждали новый пейзаж — «Корабли в Лиссе». Тростик безоговорочно хвалил (потому что корабли), а Лика позволяла себе критические высказывания. Автор их выслушивал внимательно, однако порой огрызался… Иногда сидели на стонущем от любых движений диване и смотрели кому что нравится: Лика альбомы с рисунками Гойи

и гравюрами Доре, а Тростик — мультики про капитана Врунгеля и корабль-призрак… А Герман Ильич — те этюды и наброски, которые приносила Лика.

Она много бродила по улицам и переулкам, по старым дворам и пустырям над логом — с твердой папкой и карандашами. Тростик почти всегда сопровождал ее. В ту пору они и познакомились с Трубачами. «Мальчики, можно мы порисуем у вас во дворе? Такие дымники над крышей, такая колокольня над забором…»

Федя и Андрюшка согласились с радостью и даже угостили художницу и ее оруженосца клубникой. Потому что в ту пору они были счастливы. Потому что как раз пришло письмо от Никеля…

Здесь же была и белобрысая спокойная девочка по имени Лорка. Она позволила нарисовать себя — как сидит на качелях…

А потом наступила зима, и Лика увлеклась акварельными пейзажами. На них были ранние закаты, черные ели Городища и яркий месяц, от которого серебрится снежная пыль, поднятая лыжами и полозьями санок.

Герману Ильичу акварели нравились, хотя порой он позволял себе критику. Тогда они спорили, и Тростик непременно вступался за Лику:

— Ну, чего же вы! У нее же все правильно нарисовано! Сами выпросили мой портрет, где я в сугробе, а теперь…

И Герман Ильич сразу соглашался.

— Ты справедлив в своей мудрой непосредственности. Абсолютнейшим образом справедлив…

А Лика удивлялась: «Почему мне однажды показалось, что он похож на дурака Феодосия?»

И снова пришло лето, и в день солнцестояния Лика в очередной раз появилась во дворе Чикишевых. Чтобы увидеть там «это несносное существо, с которым сплошные недоразумения».

Существо получило в подарок серебряную монету достоинством в полтора евро. На одной стороне был трехмачтовый многопушечный фрегат, на другой — непонятный герб — солнце и какие-то ветки.

— Что за страна? — спросил Андрюшка, сунувшись носом к монете.

— Спорить могу, что Гваделупа, — сказал Ваня. Он, конечно, не думал так. Просто сумрачно пошутил. Но…

— В самом деле, — согласилась высокая и симпатичная девочка Лика. — Французская территория, остров Гваделупа. Вот, написано… Это

мне отдал Тимка Бруклин из нашего класса…

— Он был на Гваделупе? — удивился Тростик.

— Нет, монету его отец привез из Франции. Евро чеканят в разных странах, а ходят они по всему свету, без границ. Вот эта денежка и попала в Европу с Карибского моря.

…Глубоко оттиснутые буквы не оставляли сомнений: GUADELOUPE. Ваня обмяк.

Никель шепотом попросил Тростика:

— Можно я подержу?

Взял монету, шагнул назад, позвал негромко:

— Ваня, посмотри…

— Посмотрел уже…

— Ты посмотри еще. Ведь красивая же. Значит, ничего страшного нет в таком совпадении. От красоты не бывает несчастий. Бывает наоборот…

От шепота его сперва прошел по Ване тревожный холодок, но сразу — пушистое тепло.

В самом деле, зачем он изводит себя непонятными страхами? С какой стати? Ведь ничего же плохого не случилось!.. То есть был дурак Квакер, но о нем-то сейчас думалось без всякой боязни… Зато сколько за один день хороших встреч!

Он посмотрел на Лорку. Она улыбнулась в ответ.

А день — самый длинный в этом году — сверкал

солнечными бликами, шелестел кленами, курчавился в высоте белыми облаками. И до конца его было еще далеко…

Часть II
ПОВИЛИКА
ГРАФ

1

Когда Ваня вернулся после всех приключений и знакомств, хозяин квартиры был уже дома. Лариса Олеговна значительно сказала: — Иди поздоровайся с дедушкой. Вы сегодня еще не виделись…

Ваня кивнул. И пошел. По широченному, с нишами и поворотами, коридору. Лариса Олеговна шла следом и говорила:

— Он уехал, когда ты еще спал, у них с самого утра какие-то совещания и летучки, а потом ученый совет, потому что на днях почти все руководство разъезжается в отпуска: кто на свои ректорские дачи, а кто на заморские курорты, и только *некоторые* остаются в лабораториях, потому что работа для них единственный свет в окошке, а дач все равно нет и никогда не будет,

поскольку…

Ваня набрал скорость, чтобы оторваться от собеседницы…

Дверь в кабинет была распахнута. Профессор Евграфов сидел посреди комнаты в нелепой, но любимой позе. Поперек кресла. Согнутые ноги в шлепанцах свисали с пухлого подлокотника, а в другой подлокотник профессор упирался поясницей. Правую руку он возложил на спинку кресла, а в левой держал листы — похоже, что недавно взятые из принтера.

— Здрасте, Константин Мак… Матвеевич, — слегка дурашливо сказал Ваня с порога. Он позволял себе иногда так подшучивать: называть (или «чуть не называть») деда Константином Макарычем — как в рассказе Чехова про Ваньку Жукова. Ведь Ваня мог бы и сам оказаться Жуковым — если бы мама настояла, чтобы сына записали под ее фамилией. Однако настоял папа.

«Что такое Жуков? Ну ладно, ну маршал… А Повилика — старинная фамилия представителей русской интеллигенции…»

«Представитель… — сдержанно негодовала мама. — Ты даже не знаешь в точности, кем был твой прадед!»

«Потому и не знаю, что он был интеллигентом.

В тридцатых годах их, голубчиков, первыми отправляли на лесоповалы… Тем не менее известно, что он писал музыку. Даже в лагере…»

Ваня стал Повиликой. Иногда казалось, что Жукову жилось бы проще, без всяких там перевираний и подначек (были даже и учительские шуточки: «Языком не мели-ка, милый друг Повилика…»). Но в общем-то он привык. По крайней мере ни с кем не спутают… Про это у Вани как-то зашел разговор с дедом — профессором. Тогда тот и спросил: «А сам-то ты Чехова читал? Или знаешь про несчастного Ваньку понаслышке?» Ваня сделал вид, что обиделся. Сообщил, что не только читал, но даже учил рассказ наизусть, почти целиком. В третьем классе. Для выступления на посвященном Антону Павловичу утреннике. И не выдержал, хихикнул:

«Милый дедушка Константин Матвеич… то есть Макарыч… Сделай божецкую милость…» — Посмеялись тогда…

Сейчас профессор благосклонно глянул поверх бумаг.

— Здравствуй, племя младое… Знаешь, что такое Большой адронный коллайдер?

— Не-а, — беспечно отозвался Ваня. — Мы не проходили… — И добавил из вежливости: — А

что это?

— Такой бублик… а точнее, кольцевая труба длиною в двадцать семь километров. На границе Франции и Швейцарии. Ускоритель атомных частиц, радость и надежда многомудрых ученых-атомщиков. Если верить статье, они готовят крупнейший в истории человечества эксперимент. Разгон и столкновение встречных пучков протонов, которые движутся фактически со скоростью света… Утверждают, что число столкновений достигнет миллиардов раз в секунду…

— С ума сойти, — искренне сказал Ваня. Число «миллиард» всегда поражало его воображение.

— Да… И всерьез принялись за это. Вот послушай: «Охлаждение обмоток сверхпроводящих электромагнитов коллайдера подходит к завершению. Большинство из них уже достигли рабочей температуры всего на два градуса выше абсолютного нуля, минус двести семьдесят один по Цельсию, и ученые надеются начать разгон первых пучков частиц уже в следующем месяце…»

— Хорошо им там…

— Ты уверен? — профессор приподнял клочковатую бровь.

— Конечно. Такая прохлада. А здесь, как в пу-

стыне Гоби. Рубашка приклеивается к спине…

— Кое-кто опасается, что и от этого опыта станет жарко, — с непонятным ехидством разъяснил Константин Матвеевич. — На месте столкновения частиц может возникнуть черная дыра, вроде тех, что наблюдаются в глубинах космоса. Она в один момент пожрет всю округу, а затем и планету… Предполагают разные варианты. Один из них такой. Зародившаяся «дырка» для начала проникает в центр планеты, потом разрастается и съедает внутренность Земли до самой верхней оболочки… — Он опять глянул поверх листов. — Представьте, идет наша баба Лара… то есть Лариса Олеговна… идет она на рынок, ни о чем не ведает, и вдруг все под ногами и вокруг превращается в беспросветную пустоту. То есть в черную дыру…

Лариса Олеговна, которая стояла в дверях за Ваней, не дрогнула. Сообщила, что она давно уже в черной дыре, каковой является эта квартира. Только сегодня она внесла очередную квартплату, которая почему-то оказалась на двести рублей больше прежней. И это при всем при том, что и раньше приходилось отдавать немыслимые суммы — такие, на которые можно было бы снять на все лето дачу в деревне Падерино, где живет

ее знакомая Эльвира Даниловна, с которой они в прошлом году были в профилактории и чей племянник… нет, двоюродный брат… нет, племянник… недавно уехал в Швецию, потому что там открылась фирма, в которой…

— О Создатель… — сказал Константин Матвеевич, укрываясь за бумагами.

— И Создатель здесь ни при чем, потому что надо самим проявлять инициативу, как, например, комендантша этого дома Алевтина Григорьевна, которая ухитрилась за полцены приобрести участок у озера Малая Колыбель, поставила там щитовой домик и сдает его в аренду рыбакам, поскольку в озере еще есть рыба, хотя местные газеты, которые всегда пишут разную чепуху, утверждали, что…

— У тебя молоко всплыло на плите, — сообщил профессор.

— Не сочиняй, Граф, я не включала плиту. Просто ты не хочешь слушать, когда тебе говорят дельные вещи. Если бы у нас был загородный домик, внук не торчал бы в пыльном городе, а отдыхал на природе, как все нормальные дети и, кстати, как его родители, которые сплавили мальчика в эту дыру, а сами разъезжают по заграницам и…

— Да не дыра здесь, мне здесь хорошо! — взвыл Ваня.

— Но ты неделю назад сам сказал «захолустье», когда мы ехали в магазин «Лира» за твоей кроватью…

— Ну так это тогда! Дождь был, и улицы в лужах, и заборы мокрые, и… не привык еще. А сегодня познакомился с ребятами…

— Приличные ребята все с родителями на юге или на дачах. Остались всякие беспризорники. Не хватало еще, чтобы ты связался с такими…

— О Создатель, — выговорил Ваня в точности как профессор. И Лариса Олеговна снова сказала, что Создатель ни при чем, и… Но в этот момент снаружи позвонили. Кажется, пришла соседка и собеседница Софья Андреевна, и Лариса Олеговна поспешила в прихожую.

Ваня прыгнул в кресло напротив деда. Сел в той же позе — ноги снаружи подлокотника. Откинулся.

— Константин Матвеевич, у вас книги по всем комнатам. Столько тысяч. Вы их все читали?

— Нет, конечно. Многие нужны, как справочная литература. Хотя в общем-то читал немало. Ради дела и ради удовольствия…

— Но ради дела… сейчас же почти всё можно

отыскать в Интернете…

Дед был не против беседы с мальчиком. Наверно, кого-то переспорил на ученом совете и теперь пребывал в благодушном настроении.

— В Интернете есть далеко не все, дорогой мой, не обольщайся. К тому же книга — вещь незыблемая. Она придает прочность бытию. Даже любезная Лариса Олеговна никогда не пыталась оспорить эту истину…

— А тогда… можно я еще спрошу?

— Да на здоровье!

И Ваня спросил то, что с самого начала ему было непонятно:

— Бабушка… Лариса Олеговна… она хорошая. Но она же… не такая, как вы. И вы с ней… все время спорите. Как получилось, что вы решили пожениться?

— Ха! — отозвался профессор Евграфов. Кажется, с удовольствием. — Ты усмотрел частные несогласия, но не уловил сути. Твоя бабушка — стержень моего бытия. Именно такая, какая есть. Наше с ней существование отражает диалектику природы. То есть противоречия, без которых невозможна жизнь… — Он вдруг спохватился: — Я понятно говорю?

— Понятно… — кивнул Ваня. Без особой, впро-

чем, уверенности.

— Объясняю проще. Вот мы с ней малость поругаемся, и мир обретает привычные формы. Прочность… Это как с частицами разных зарядов. Они соединяются, и возникает крепкая атомная структура… Уяснил?

— Вроде бы да… А тогда можно я еще спрошу?

Константин Матвеевич хмыкнул:

— Валяй, пока я добрый.

Ваня решился на этот вопрос не сразу. Но дед и правда был сегодня добрым. В такие моменты он позволял и шутить с собой, и задавать всякие вопросы. Порой даже нахальные.

— А Марго… — выдавил Ваня (все же с опаской). — Она… какая частица?

— Че-во? — сказал профессор и подобрал ноги.

— Ну… — Ваня тут же струхнул. — Я просто подумал… Ба… Ларисе Олеговне, наверно, не очень нравится, когда Марго смотрит на вас… влюбленными глазами…

«Сейчас прогонит. И поделом…»

2

Марго — это была очень грузная и решительная дама лет тридцати. Профессор Евграфов за всю жизнь так и не обзавелся своей машиной, но в Ту-

рени университет выделил ему слегка помятую «Волгу» табачного цвета и заодно — «водительшу» Маргариту Павловну, которую все за глаза и в глаза именовали Марго.

Марго смотрела на жизнь сумрачно и в то же время бодро. Была немногословна и решительна. И безотказна в делах. Это она (вместе с Ларисой Олеговной) встретила Ваню в аэропорту. Она же несколько дней подряд возила внука и бабушку по магазинам (поскольку «ребенка прислали сюда в лохмотьях и даже без зубной щетки»). Обе женщины были друг с другом подчеркнуто вежливы. Говорили «любезная Марго» и «милейшая Лариса».

Была Марго мастером на все руки («не чета всяким там пьяницам-мужикам»), а громадное профессорское жилище требовало мастера постоянно: то труба протекла, то розетки греются, то жалюзи следует укрепить на балконах…

— Будет исполнено, Граф, — каждый раз отвечала Марго, не теряя величия. (Лариса Олеговна улыбалась.)

Когда Ваня впервые оказался в «дедовой» квартире, он задумчиво сказал, что здесь можно ездить на велосипеде. Константин Матвеевич согласился:

— Стоит попробовать… — И выволок из кладовки складной велосипед «Кама» образца семидесятых годов прошлого века. — Прихватил из Новосибирска, думал тряхнуть стариной на родных улицах, да не собрался… Марго, сможешь наладить этот экспонат?

— Нет проблем… — сказала Марго, но тут же неодобрительно глянула на Ваню: — А что, дитя само не справится?

Ваня честно сказал, что никогда не чинил велосипеды. Потому что их у него не было. Потому что мама отчаянно боится, что «ребенок свернет шею или угодит под колеса».

Константин Матвеевич глянул с жалостью:

— Так ты, значит, и ездить не умеешь?

Ваня сказал, что умеет: учился на чужих великах. Есть добрые души, давали покататься. Мама не знала, иначе схватила бы инфаркт.

Лариса Олеговна не одобрила дочь:

— Однако, отсылая ребенка за тридевять земель, она инфаркт не схватила.

— Она знала, что ты такая же перестраховщица, — объяснил профессор. — Что не спустишь глаз с бедняги…

Лариса Олеговна подтвердила, что да, она перестраховщица. Но тем не менее запрещать внуку

ездить на велосипеде она не станет. Потому что мальчик должен расти мальчиком. А то может случиться, как с сыном ее знакомой Риммы Даниловны… это та, которая недавно переехала из нашего квартала в новый микрорайон… Там оборудована специальная площадка для велосипедистов, а он…

— Микрорайон или племянник? — спросил профессор.

Лариса Олеговна посмотрела на мужа долгим взглядом. И сообщила, что, если любезная Марго не справится с ремонтом «этого экспоната», внуку будет куплен новый велосипед.

— Я починю, Граф, — пообещала Марго.

И починила через день. И Ваня в самом деле прокатился по квартире. А потом и по ближним кварталам. Но потом почти не катался, потому что сперва была слякотная погода, а после оказалось, что гулять пешком интереснее.

Но вот теперь велосипед очень даже пригодится! Во-первых, на нем за пять минут можно добраться до Кольцовского переулка, где двор Андрюшки Чикишева. Во-вторых, можно улизнуть от Квакера и компании, если те возникнут в опасной близости…

Такая вот мысль мелькнула, когда Ваня, обми-

рая, спросил профессора про Марго. Но главной была другая мысль: не разгневается ли Константин Матвеевич?

Тот не разгневался. Сказал назидательно:

— Никакой влюбленностью тут не пахнет, потому что Марго закоренелая мужененавистница. Переживши несколько сердечных драм, она пришла к твердому убеждению, что все мужчины — ничтожества… Своего последнего супруга она выставила прямо с балкона второго этажа. Подержала на весу и отпустила… Кстати, он был генерал-майор…

«Она может!»-подумал Ваня со смесью испуга и веселья.

Профессор продолжал:

— А на меня она смотрит не как на предмет обожания, а с пониманием моей роли в жизни и науке. Марго считает, что в мужской части человечества осталось лишь несколько достойных представителей и я — один из них… Если же Лариса Олеговна усматривает во взглядах Марго нечто иное, то и пусть. Это даже полезно… Давай в шахматишки, а?

— Давайте! — дрыгнулся Ваня.

Вообще-то он не очень хотел играть (знал, что продует). Но с дедом было интересно. Кроме того,

Ване нравились тяжелые костяные фигуры в виде русских воинов и крестоносцев. Дед купил эти шахматы в антикварной лавке «Та эпоха», он любил старинные вещи.

— Расставляй, а я сейчас… — велел он.

Ваня подтащил к креслам перламутровый столик, а профессор пошел из кабинета. Высокий, худой, сутулый. С нестрижеными пегими волосами-под ними на макушке едва угадывалась лысинка. Походкой своей дед слегка напоминал страуса, у которого побаливает нога. И в лице было что-то птичье. Не хищное, а как у журавля-парикмахера из старого мультика. Большой нос у лба был прямым, но потом плавно изгибался и остро торчал вперед. Когда Константин Матвеевич шагал, казалось, будто он хочет что-то подцепить носом перед собой. Это, однако, не делало профессора смешным. Была в его походке и внешности этакая устремленность…

Ваня знал, что сейчас, дошагав до кухни (расположенной за тридевять земель), Константин Матвеевич откроет там полированный шкафчик, достанет плоскую бутылку, нальет из нее в рюмку коричневое зелье и опрокинет в горло. И Лариса Олеговна скажет «дежурную фразу»:

— В конце концов ты сопьешься окончатель-

но.

И муж привычно ответит ей, что, во-первых, выражение «в конце концов окончательно» — это тавтология. А во-вторых, если за шестьдесят восемь лет своей каторжной жизни он не спился, то опасаться этого в оставшиеся годы бессмысленно…

Видимо, все так и произошло. Потому что Константин Матвеевич вернулся с бодрым блеском в глазах. Ваня протянул ему два кулака с зажатыми в них пешками-воинами. Дед угадал белого витязя, взгромоздился опять поперек кресла и сделал первый ход. Ваня двинул по клеткам черного крестоносца…

Они играли не спеша, без большого азарта. На часах был вечер, но солнце за окнами жарило все еще крепко. Мимо шторы проникало в кабинет, серебрило профессорские волосы и теплой полосой накрывало Ванины ноги. Дед скользнул по ним глазами и заметил:

— Я смотрю, ты сегодня изрядно обуглился…

— Еще бы! Весь день на солнцепеке… Константин Матвеевич, а в черной дыре какая температура?

— А фиг ее знает, — отозвался профессор тоном пятиклассника. — Я там не бывал. К счастью…

Смотри, прозеваешь коня…

Ваня в свою очередь, сказал, что «фиг с ним, с конем». У него зрела хитрая комбинация.

— Дело не только в черных дырах, — сообщил профессор Евграфов. — Могут в этом (не к ночи будь помянут) коллайдере возникнуть и другие эффекты. Например, вспухнет так называемый пузырь «истинного вакуума», начнет стремительно расширяться, и атомные ядра в пределах всей Вселенной превратятся в «странное вещество» (это такой специальный термин). И, конечно же, для нас там не найдется места…

— Жуть какая… Шах… А это по правде может быть? Дыры и пузырь? И вещество…

— Физики утверждают, что шансы не велики… Но и не равны нулю. Вот запустят свои пучки — поглядим, если успеем… Я же предупреждал про коня… Ай, нет! Я перехожу!

— Ладно уж, — великодушно согласился Ваня… — Константин Матвеевич, а к вашей работе этот кол-брайтер… или как его… имеет отношение?

— Слава богу, никакого… Слушай, дитя мое, я предлагаю…

— Ничью, что ли? Не-а… — У Вани в кои веки проглядывался шанс на победу.

— Не о том речь… Ты в какой-то степени мой внук. Если не в родственном, то хотя бы в социальном плане…

— Ага… То есть как это?

— В системе нынешних семейных отношений… А потому обращайся ко мне на ты и… «дедушка» звучит сентиментально, поэтому можешь говорить «дед»… А еще лучше…

— Уж куда лучше-то, — с удовольствием вставил Ваня. Предложение ему понравилось.

— Лучше — это как в старом анекдоте про Сталина. Когда какой-то генерал или маршал начал однажды свой рапорт: «Товарищ генералиссимус Советского Союза, Верховный главнокомандующий…», Иосиф Виссарионович, который был в добром расположении духа, махнул рукой: «Давай, братец, без церемоний. Зови меня просто „Вождь“». А ты зови меня просто «Граф». Так меня зовут все на свете. И знакомые, и ненаглядная супруга, и даже родная дочь, обитающая нынче во Франции… Идет?

— Ой… ладно… То есть «идет»! Кон… то есть Граф! А я сегодня слышал, что ва… тебя так звали еще в школе! От твоей одноклассницы слышал. То есть не совсем одноклассницы, а из параллельного… Она говорит, что ты ее, наверно, не

помнишь, но она тебя помнит. Это Любовь Петровна Грибова…

— Ва! Как это не помню! Синяпка!.. Она всегда смотрела на меня влюбленным взором. Только ответных чувств у меня она не вызывала, поэтому наши отношения оставались… так сказать, поверхностными… Слушай, я сдаюсь. Зачем продлевать агонию, ты меня зажал…

— Ага! — восторжествовал Ваня. — То-то же!.. А Синяпка, то есть Любовь Петровна… она хотела тебе сегодня позвонить и спросить, почему ты ни разу не пришел в клуб школьных ветеранов…

Граф слегка затуманился:

— С «ветеранами» я и без клуба встречаюсь иногда. С отцом Николаем, например, настоятелем ближней церкви… А в том клубе одни дамы, даже пива не выпьешь… Да и где взять время?.. А ты как познакомился с… кто она теперь? Любовь Петровна?

— Да…

И Ваня подробно изложил историю с помидорами. А затем, не пощадив своего самолюбия, признался, что его спасала десятилетняя «Синяпкина внучка». И что она тоже, наверно, до конца не спасла бы, если бы не тот выстрел…

Граф сидел, почесывая макушку белым шах-

матным королем (вернее, славянским князем в шишаке). Смотрел куда-то мимо Вани. Потом усмехнулся:

— Надо же… Вот уж не думал… Неужели стреляют до сих пор? Не утеряли обычай…

— Конечно! Бабахает эта штука так, что во всем университетском центре слыхать… А ты не слышал сегодня?

— Не обратил внимания. Мало ли нынче пальбы! То автомобильные выхлопы, то молодожены фейерверк пускают посреди бела дня…

— Но этот выстрел был погромче… А ты сказал «неужели». Значит, ты слыхал про такой обычай раньше?

— Само собой, — усмехнулся профессор. — Еще в ту пору, когда пребывал в твоем счастливом возрасте.

— Ух ты!.. Граф, расскажи!

— Ну… начало теряется в глубинах истории…

Однако продолжить Граф не смог. Опять появилась Лариса Олеговна.

3

Она увидела рассыпанные на столике шахматы и обрадовалась:

— Отрадно застать мужчин за умным занятием!

Говорят, шахматы усиливают гибкость мышления. Это я слышала от…

— А я выиграл у Графа! — воскликнул Ваня. Не столько, чтобы похвастаться, сколько из опасения услышать историю о племяннике Софьи Андреевны, который однажды участвовал в коллективной игре против Каспарова и обязательно бы выиграл, если бы…

Константин Матвеевич в свою очередь сообщил, что ничего особо умного в шахматной игре нет. Так, механические упражнения для ума среднего уровня…

— Ну, что ты такое говоришь! Совсем недавно в передаче программы «Интеллект» рассказывали, какое это древнее искусство и какое бесконечное число комбинаций возможно на шахматной доске, а у нас на работе есть старший агент Илья Зиновьевич, так он читал, будто…

— Не бывает бесконечных комбинаций! — рассердился (или сделал вид, что рассердился) Граф. — Нынешние чемпионы еще могут кое-как состязаться с компьютерными игроками, но искусственный интеллект ближайшего будущего в короткое время рассчитает все мыслимые шахматные варианты. И в количественном и в качественном плане. Игра потеряет смысл…

Профессор знал, что говорил. К созданию искусственного интеллекта (то есть электронных супермозгов) он имел прямое отношение. И об этом у них с Ваней раза два уже случались беседы. Однажды, тоже за шахматами, задребезжал подаренный дедом мобильник (звонила мама), и раздосадованный перерывом в игре профессор тихо помянул черта. И сказал, что мобильные телефоны — несчастье всепланетного масштаба. Ваня возразил, что не представляет, как раньше люди жили без мобильников. Без возможности в любой момент позвонить куда хочешь и кому хочешь. Ну… маме, например. А то можно ведь с ума сойти от неизвестности.

Константин Матвеевич возразил, что жили земляне в прошлые времена без телефонов и радио и были не менее счастливы, чем теперь. Уходили в долгие плавания на месяцы и на годы и с ума не сходили. Да, неизвестность и тревоги — это испытания для души. Но зато сколько радостей приносили моменты возвращений и встреч!

— А если при встрече вдруг узнаешь… о какой-нибудь беде? — осторожно сказал Ваня.

— Ну а телефоны что? Щит от беды, что ли? — хмыкнул дед. — Где-то они полезны, а где-то наоборот…

Ваня был не согласен. И спросил: может, и от компьютеров где-то «польза наоборот»?

Константин Матвеевич буркнул, что это «как посмотреть». Мол, человечество существовало долгие тысячелетия без всяких там микрочипов, которые придуманы буквально в ближайшие десятки лет.

— Да, конечно, здорово, когда элемент размером с рыбью чешуйку хранит в себе уйму информации. Но ведь этого добились совсем недавно. А раньше…

Он вдруг вспомнил какого-то друга детства, который участвовал в монтаже первых советских ЭВМ.

— Чего? — не понял Ваня.

— Электронно-вычислительных машин. Предков нынешних персоналок и ноутбуков… Я-то в ту пору занимался еще историей и ничем больше, а он… — Потом он рассказывал, какие у тех машин были размеры. — То, что сейчас в одной «чешуйке», тогда занимало объем кабинетного шкафа. Схемы на радиолампах… Они грелись, как голландские печи…

— А как это получилось? Ну, чтобы утолкать целый шкаф в одну такую пластиночку?

Профессор Евграфов увлекся. Начал толковать

про полупроводники, электронные микросхемы… Ваня моргал и не понимал.

— А как их делают-то, такие крохотные?

Дед начал объяснять про громадные цеха с великанскими линзами высочайшей точности (и безумной стоимости). Рассказал, как изображения десятиметровых, сделанных компьютерами (а то и вручную) схем с помощью этих линз уменьшают до небывалой крохотности, проецируют на «чешуйки» со специальным покрытием, а точнейшие лазеры на этом покрытии гравируют схемы…

Он увлекся, вытащил папку журналов с фотографиями этих линз и цехов, со статьями, у которых Ваня не мог понять даже названий… Но кое-что Ваня все же понял. Вернее, ощутил нервами — все это соотношение громадности и крохотности. Он так и сказал:

— Просто жуть берет. Сколько всего можно утолкать… в один миллиметрик…

Константин Матвеевич с удовольствием (словно сам это придумал) сообщил:

— «Миллиметрик», друг мой Ваня, в иных случаях может быть объемом не меньше космического пространства. Что люди знают о микромире? Знают кое-что многомудрые физики-теоретики, но и

они — не всё… Микромир — такая же вселенная, какую мы видим, когда смотрим в супертелескопы. Только с обратным знаком…

— Как это?

— Здесь нужен, так сказать, «взгляд под ноги». На звезды и туманности мы глядим, задрав головы… А у нас под ногами не меньше загадок. Что мы знаем о природе земных глубин? До сих пор не можем колупнуть кожуру планеты глубже нескольких километров. А тайны океанов? То же и в микромире: до фига неясного…

Это «до фига» сразу поставило Ваню на должный уровень понимания (так ему показалось). А дед продолжал:

— Есть такой научный труд: «Масштабная гармония Вселенной». Автор берет там за среднюю величину сравнения живую белковую клетку. Вроде тех, из которых состоим мы, грешные. Их, кстати, можно увидеть лишь в микроскоп… Затем упоминает самую крохотную микрочастицу — ей ученые дали условное название «максимон»…

— А почему условное?

— Потому что ничего о ней толком не знают… Но кое-что все же знают… И вот оказывается, что этот максимон меньше белковой клетки во столько раз, во сколько клетка эта меньше всей

известной человечеству Вселенной со всеми ее галактиками…

— Обалдеть можно… — искренне изумился Ваня. — Это как-то… не влезает в голову.

— В голову не влезает, но расчетам подчиняется. Математикам все едино — что цифра «один», что «один» с триллионами нулей… И вот, пишет автор книги, оказывается, что белковая клетка находится как раз в середине масштабной гармонии мира. От нее как бы расходятся два измерения: одно в бесконечную громадность, другое в бесконечную малость. И возникает вопрос: может, не случайно клетка, образующая жизнь — в том числе и жизнь разумного человека, — оказалась в центре мирового измерения?

— Можно я схожу, суну голову под кран? — спросил Ваня. Наполовину всерьез.

— Ясно! Задурил я тебе мозги, да? Ничего не понятно?

— Нет… кое-что понятно… — И Ваня не пошел мочить голову. — Значит, иногда молекулу можно считать громадной, как земной шар, да?

— Талантливое дитя!.. Кстати, ты слышал про нанотехнологии?

— Нано… что? А! Это про нанороботов? Такие крохотные роботы размером с молекулу! Их мож-

но будет запускать в больного человека, и они там смогут уничтожать все причины болезней! Да?

— В частности, так… — Дед неожиданно помрачнел, рассеянно объявил Ване мат и уточнил: — Можно запускать в больных… А можно и в здоровых. Ты, может быть, слышал, что у людей разных рас есть некоторые генетические различия? И вот вполне можно будет взять нанороботов, задать им программу, чтобы прекращали жизнедеятельность у представителей той или иной расы, запустить над армией противника беспилотники с распылителями… Никакой взрывчатки, никаких термоядерных зарядов. Тихо и культурно…

— Но… Это, наверно, все-таки фантастика? — нерешительно сказал Ваня. Стало неуютно.

— Сегодня фантастика… Смотрел «Звездные войны»?

— Конечно! У меня на дисках все серии…

— Вот сейчас покажу одну штуку… — Константин Матвеевич выбрался из кресла, шагнул к столу с большущим компьютерным экраном. Надавил кнопки. Запрыгали цифры, картинки рекламы (и, конечно, голые девицы). Потом Ваня увидел взрыхленное коричневое поле с чахлыми кустиками и редкими деревьями. Среди кусти-

ков двигалась машина, похожая на заморское животное «броненосца». То ли на гусеницах двигалось, то ли на воздушной подушке. Взбиралось на горки, вращало на спине плоскую башенку со стволами, башенка плевалась тонкими красными лучами. От лучей загорелась кривая сосна. Потом «броненосец» встал на членистые ноги, подошел к другой сосне, выпустил клешни. Цепляясь клешнями, ловко забрался до середины ствола, лучом срубил над собой древесную верхушку, превратился в бронированный мяч, упал на землю, прокатился, снова выпустил ноги, зашагал, грянул из короткого ствола — вдали вырос грибообразный взрыв…

Показались еще несколько механических чудовищ. Разных. Но одинаково зловещих. Тоже плевались огнем, карабкались, прыгали через овраги, тонули в ручье и легко выбирались на берег…

«И правда как „Звездные войны“…» — мелькнуло у Вани. А дед сказал:

— Это новые разработки военных американских роботов…

— Разве… они не секретные?

— Может, какой-то самонадеянный лаборант уволок диск со служебной съемкой и запустил в

Сеть, чтобы похвастаться. У янки с дисциплиной не всегда ладно… А может, решили показать специально: вот, мол, ничего не боимся… Смотри, эти механические твари действуют не хуже дрессированных животных. В них наверняка зачатки искусственного интеллекта… Похоже, что на данный момент они неуязвимы. Разве что прямое попадание атомного снаряда… Но где возьмешь столько снарядов? И что после этого останется от матушки-планеты…

— Граф, ты совсем спятил, да? Хочешь, чтобы ребенок не спал ночью? — Оказалось, что Лариса Олеговна стоит у них за спиной. — Вы там у себя в лабораториях путаете друг друга, а дети при чем?

Профессор встряхнулся:

— Баба Ла… Олеговна то есть… права. Не бери в голову, это ведь так, пропагандистский ролик, скорее всего…

Как ни странно, в тот раз Ваня этот разговор и телекадры в самом деле не очень «взял в голову». Его ждал «спрятанный» в ноутбуке роман Жюля Верна…

А вот сейчас, после шахматного выигрыша у Графа (казалось бы, радоваться надо!) и после нового разговора про искусственный разум, Ваня

вдруг ощутил беспокойство. Смутное такое. Вроде как днем, при упоминании о Гваделупе.

— Кон… Граф, а в тех роботах, которые ты тогда показывал. Ну, в американских… правда, есть искусственный разум?

— Смотря что называть этими словами…

4

— Смотря что назвать интеллектом, — усмехнулся Граф. — Если способность набитой чипами консервной банки рассчитывать, как проще и дешевле уничтожить часть человечества, то конечно… А если способность осознать глубину Семнадцатой сонаты Бетховена, то увы… Впрочем, жестянкам — роботам Бетховен до лампочки. Как и тем, кто их клепает…

Ваня потер переносицу и решился еще на один вопрос. Сказал с опаской:

— Граф… но ты же говорил, что сам занимаешься постройкой… то есть созданием искусственного разума. И компьютерных сетей нового поколения, в которых этот разум будет развиваться… Зачем ты тогда…

— Потому что процесс познания остановить невозможно. Человек постоянно старается докопаться до сути разных явлений. Расковы-

ривает неведомые ему игрушки природы. Как дошкольник, нашедший гранату времен Второй мировой… И в результате-то Хиросима, то Чернобыль, то глобальное потепление климата… Или пузыри абсолютного вакуума… И то, и другое, и десятое можно использовать для укрепления власти одних людей над другими…

— Граф, а зачем? — тихо спросил Ваня.

— Что *зачем*, дорогой мой? Расковыривание «игрушек»? Или власть над людьми?

— Ну… вообще… Всё такое… Я как-то лежал вечером и думал. Почему, если у человека есть миллиард долларов, ему нужны еще миллиарды? Ведь он и так может получить все, что хочет…

— Кроме полной власти…

— А зачем эта власть? Ведь те люди, которыми властелин командует, они же не будут его любить. Наоборот…

— А ему и не надо, чтобы любили. Надо, чтобы подчинялись. Чтобы «чтили» его…

— Это как Наполеона, да?

— Ну, не только… Наполеон был еще не самой большой сволочью… Кстати, многие его и чтили, и любили. Некоторые находят в пресмыкании радость…

— А почему?

— Потому что ничтожества. Не могут сами по себе чувствовать себя личностями и подпитывают свое мироощущение за счет чужого величия. А величие это чаще всего без души и смысла… И самое поганое, что ничего не меняется из века в век. Вот смотри, сколько всего придумано и открыто за последние два столетия. Электричество, генетика, тайны атомного ядра… А разве люди стали душевнее, добрее, чем во времена Платона и Аристотеля? Собираемся на Марс, а что мы туда принесем? Умение грызть друг другу глотки?

Ваня поежился и обхватил поднятые колени.

— Граф… но тогда и правда *зачем*?

Константин Матвеевич глянул с каким-то новым интересом.

— Сформулируй точнее. Что *зачем*?

— Вообще… все открытия, все науки… если добра на свете не становится больше…

— Умница, — скучновато отозвался профессор Евграфов. — Наконец-то вижу человека, который озадачен тем же вопросом, что и я…

Ваня спустил с кресла ноги. Он смотрел недоверчиво, с обидой даже.

— Но ты же сам…

— Что «я сам»?

— Сам занимаешься этим… Компьютерные

суперсхемы, искусственный мозг… а говоришь «зачем»…

— Но я же объяснял: это не остановить. Просто нужны тормоза… Нужно понимание: к чему все это может привести. Прежде, чем изобретать телегу, надо подумать о последствиях: куда можно на ней приехать и сколько увечий заработать, если загремишь с ней в овраг… Ты знаешь, как называется моя основная научная тема?

— Не-а, — сказал Ваня. Откуда он мог знать?

— Называется она «Анализ рисков развития современных компьютерных технологий, ведущих к созданию искусственного интеллекта»… Меня за эти рассуждения долбали и на прежнем месте работы, и начинают долбать на нынешнем. Пока, правда, осторожно…

— Почему?

— Почему осторожно? — хмыкнул Граф. — Наверно, боятся Марго. Она как-то во весь голос пообещала спустить моих оппонентов с балкона. Подобно своему генерал-майору…

— Она может… — хихикнул Ваня. — А почему долбают-то? За что? Такое умное название…

— Потому что переводится оно на нормальный язык одним простым словом. Которое ты, друг Ваня, произнес только что: «Зачем?..» То

есть зачем мы творим без оглядки то, что может обернуться всепланетной бедой?.. А мне говорят: «Ваш подход к вопросу — дилетантский». Ну, то есть ненаучный. Намекают, что первое-то образование у меня — не физик, а историк. Я столько времени провел на раскопках древних городов… Но дело в том, что руины Херсонеса дают пищи для ума не меньше, чем компьютерные построения. И главный философский вопрос в этой пище все тот же…

— Который «зачем?», да.

— Иван Повилика, — слегка торжественно произнес Константин Матвеевич. — Ты воистину внук профессора Евграфова. Если не по крови, то по духу…

У Вани мелькнуло, что рюмка с коричневым зельем, которое профессор проглотил на кухне, была двойного объема. Впрочем, это не мешало беседе.

Профессор сообщил:

— Логикой и образностью суждений ты похож на одного молодого лаборанта. Недавно он изложил мои взгляды очень своеобразно и просто: «Константин Матвеевич предупреждает всех, словно неандертальца по имени Гы-Убоба, который придумал и мастерит каменный топор. Ты,

мол, мастери, но не забывай: рядом пасется твой соплеменник Гы-Кукумба, который может твой топор выхватить, огреть тебя по темечку, а сам с помощью нового оружия сделаться верховным вождем…» Только сейчас речь идет уже не о кремневых топорах… Впрочем, неважно. Одинаково погано, когда люди начинают мастерить топоры и роботов, не осознав смысла жизни.

Ваня уже неоднократно слышал разговоры о смысле жизни. И в телепередачах, и даже был такой диспут у пятиклассников. Правда на диспуте все свелось к утверждениям Клавдии Михайловны, что смысл в отличной успеваемости и почтительном отношении к старшим (остальное приложится). А в телестудиях волосатые и лысые спорщики почему-то сводили диспуты к решению жилищных проблем и борьбе с терроризмом (вопросы серьезные, но все же не по теме — так думалось Ване).

И сейчас Ваню дернуло за язык:

— Граф, а ты знаешь смысл жизни?

Он думал, что дед пустится в долгие («философские») рассуждения. Но тот сказал обыкновенным тоном:

— Конечно.

РЕМКА

1

— Конечно, — сказал Граф. — А чего здесь хитрого? Смысл в общей гармонии мира. А гармония эта-то есть стройный, радующий душу порядок во Вселенной — невозможна без красоты и без доброго отношения людей друг к другу.

— Ага… — буркнул Ваня (поскольку не узнал ничего нового). — Красота спасет мир. Это какой-то знаменитый писатель высказал, я забыл кто. А мне высказывал не раз мой папа. Это когда я отлынивал от музыкальных занятий. Но я все равно…

— Не надо иронизировать, сударь… — Граф сердито повозился в заскрипевшем кресле. — Слова о спасительной красоте мира сказаны Достоевским, а он был не самым глупым человеком на свете. Почитай когда-нибудь его «Братьев Карамазовых», там есть немало о твоих ровесниках… А идея о всеобщей любви принадлежит не кому-нибудь, а Иисусу Христу. Без ее понимания развитие человечества невозможно. Причем понимания обычными человеческими мозгами, а не элек-

тронными… Пока что люди всей глубиной этой идеи проникнуться не сумели. И если не сумеют и дальше, нашей цивилизации будет крышка. И не спасут никого никакие нанороботы…

— Ну… а что делать-то? — спросил Ваня. Как-то зябко ему сделалось. — Всех ведь не заставишь любить друг дружку. Вон что делается на Земле…

— В том-то и беда. Да и невозможно это *заставить*. Вопрос без начала, без конца… Мы над этим ломали головы, когда были еще такими, как ты…

— Кто это «мы»?.. — хмуро сказал Ваня. Просто чтобы не молчать.

— Ну… я и мои друзья-приятели. Прежде всего мой друг Ремка…

Ваня вопросительно молчал: что, мол, за Ремка?

— Ты помнишь карточку, которую тебе показывала Синяпка… то есть Любовь Грибова? Ремка там с краешка, сидит на перевернутом ведре, щеки подпер. В этакой позе мыслителя…

— Не… я не помню, — признался Ваня. — Там ведь много ребят…

— Ну, тогда я тебе покажу… — Константин Матвеевич неожиданно резво выбрался из кресла, прошагал к высоченному книжному шкафу, открыл его нижние глухие дверцы (худые лопатки

Графа нервно двигались под полосатой рубахой). Вынул канцелярскую папку, начал что-то перебирать в ней. Ворчал при этом. Потом оглянулся: — Не могу найти тот снимок. Ну, ладно, покажу другой, он даже лучше… Вот… — И вернулся к Ване. Протянул квадратную карточку размером с конфетный фантик.

На бледноватой, но четкой фотографии были двое мальчишек. Среди заснеженных рябин. В широченных валенках, в мятых шапках с распущенными ушами. Один — в куцей овчинной шубейке, другой — в большой, не по размеру, стеганке до колен. Тот, что в шубейке, держал в отведенной руке и разглядывал птичью клетку. В ней угадывалась птаха с растопыренными крыльями.

— Вот он, мой друг Рем Шадриков. То есть Ремка… — в голосе Графа ощутилась пушистая такая усмешка. — Любил он охотиться за птичьей мелочью: за щеглами, за жуланами и чечетками… Зимой ловил, а весной выпускал. Говорил, что двойная радость от такой охоты: и когда поймаешь, и когда потом распахиваешь клетку. Птица летит на свободу, а ты делаешься счастливым вместе с ней… Он, Ремка, любил радоваться с другими…

«А что с ним сейчас?» — хотел спросить Ваня, но не решился. Дед пальцем провел по краешку снимка.

— Это Ремка сам снял. Аппаратом «Любитель», были тогда такие. Закрепил в развилке ствола, привязал к спуску нитку, дернул потом… А здесь и незаметно, что дергает… Помню, как мы проявляли и печатали у него в подполье, под кухней. Бабушка его, Анна Васильевна, потом удивлялась: отчего у квашеной капусты непонятный привкус? А это мы в щель крышки на бочке нечаянно проявитель вылили… Потом уж, лет через пять, признались, смеху было… А увеличителя у Ремки не было, поэтому карточка такая маленькая. Контактным способом напечатана…

— Зато очень резкое изображение, — вежливо заметил Ваня.

— Да… Однако это зимний снимок, а познакомились мы с Ремкой летом, когда было нам по десять лет… Наше семейство перебралось тогда из района под названьем Затуренка ближе к центру, на Смоленскую. Отчиму его контора дала наконец казенное жилье… Да, был у меня отчим, потому что отец-то погиб под Москвой, зимой сорок первого, через полгода после того, как я родился. Он меня и не видел даже… Ну вот,

переехали мы, а ребят, что годились бы в приятели, рядом не оказалось. И повадился я уходить в ближний лог, играть там в одиночестве. Запруды строил на протоках Туренки, мальков ловил (и отпускал потом, потому что на уху не годились), индейцем себя воображал в зарослях бурьяна… Туренка бежала по дну лога — из-под насыпи у вокзала к земляному мосту, что на Первомайской. И там ныряла в широченную трубу под мостом и выскакивала из нее с другой стороны. Труба казалась таинственной: крикнешь в нее — и отзывается с этаким железным отголоском…

…И вот однажды зашел десятилетний Костя Евграфов в Туренку по щиколотку и крикнул в трубу:

— Эгей! — и приготовился услышать привычный отголосок. И услышал. Но следом за глухим эхом прилетел живой отклик:

— Эй! Ты кто? — тонкий такой и веселый.

Костик был не из тех, кто легко знакомится с первым встречным. Однако здесь что было делать? Не убегать же!

— Я… Костик… — Ответил негромко, а разнеслось, как в таинственном трюме.

— А я — Ремка! — долетел жизнерадостный ответ. И не было в этом голосе ни капельки на-

смешки или ощетиненности, которую Костик не раз встречал среди знакомых пацанов.

Костик видел теперь в дальнем округлом конце туннеля, среди ярких лучей и блеска воды, тонкоплечую фигурку со взъерошенной головой. И, как бы подавшись всем своим существом навстречу неизвестному ровеснику, он крикнул:

— Хочешь, я пошлю тебе свой корабль?!

У Костика был с собой полуметровый кораблик из обрезка доски, с оструганной мачтой, проволочными вантами и парусом из бязевой салфетки.

Ответ был по-прежнему звонкий и чистый:

— Конечно, хочу!

И Костик послал кораблик.

Он видел, как неуклюжий парусник-то носом, то бортом, то кормой вперед — побежал по бурливым струям все дальше, дальше. И нигде не зацепился, а был схвачен тонкими, темными на фоне солнца руками.

— Какой хороший! — донеслось через трубу. — Давай я к тебе приду!

— Давай!

Костик думал, что мальчик Ремка взберется по насыпи, пройдет через мост поверху и спустится в лог с этой стороны. Однако тот смело шагнул

навстречу потоку. Зажатая железом Туренка бурлила непримиримо. Была она неглубока и все же порой выше колен. Но Ремка, с корабликом Костика у груди, шагал храбро и без задержки, как морской пехотинец в десанте. И вышел наконец в сырую лебеду рядом с Костиком. Улыбчивый, скуластый, с облупленными ушами и мелкими конопушками медового цвета. С такими же золотисто-желтыми глазами. С капельками в пеньковых торчащих волосах. Поставил кораблик у босых мокрых ног — между собой и Костиком. И похвалил от души:

— Хороший фрегат… — Будто он не принес его в руках, а приплыл на нем.

А Костик улыбался, переступал в траве и не знал, что сказать. Тогда Ремка продолжил разговор:

— А ты прямо настоящий моряк… — Не было в этих словах ни крошки насмешки, только похвала.

— Почему? — бормотнул Костик.

— Ну, вот же… — И Ремка мизинцем скользнул по обвисшей майке Костика.

Они были в одинаковых сатиновых трусах «парашютной» ширины, только на Ремке, кроме трусов, — ничего, а на Костике — тельняшка.

Мама купила ее весной на толкучке (уже тогда не новую, полинялую) и перешила, оставив для запаса некоторую ширину и длину. Теперь, если бы не трусы, а матросские клеши, Костик был бы, как юнга из фильма «Мы из Кронштадта»…

Костику очень понравилось, что Ремка оценил его «моряцкую» внешность. И, слушаясь толчка благодарности, он выпалил:

— А хочешь поносить? Тоже будешь как моряк!

И Ремка снова не отказался:

— Конечно, хочу!

…Потом они два лета подряд (пока она не изодралась вконец) носили эту тельняшку по очереди.

Ремка жил недалеко от Смоленской, в одном из тупиков рядом с Орловской улицей. В деревенском доме с огородом (Костик с мамой и отчимом жил почти в таком же, только огорода там не полагалось, потому что квартира была казенная). Оба осенью поступили в пятый класс и, поскольку мужская средняя школа во всей округе была единственная, оказались в одной школе. И — вот удача-то — в одном классе. И робкий, «с домашним воспитанием», Костик Евграфов впервые обрел ощущение радостной безопасности — от

того, что рядом всегда крепкое дружеское плечо.

Нельзя сказать, что их дружба оказалась безоблачной. У Ремки был взрывной характер. Маленькие кулаки с облупленными костяшками сжимались, а с ресниц летели колючие искры, если он, Ремка, видел, что кто-то другой не так, как надо, понимает справедливость. То есть не по его, не по-Ремкиному. А Костик, хотя и послабее был характером, тоже иногда понимал ее по-своему. И у него же, у Ремки, научился не уступать. Бывало, что ссорились и несколько раз даже подрались. Костик всегда боялся драться с другими мальчишками, но с Ремкой не боялся. Потому что даже в драке Ремка был справедливый — как увидит, что противник выдохся, сразу опускает кулаки. И Костик в этих стычках страшился не боли, а того, что будет потом: вдруг они больше не помирятся?

Однажды показалось, что так оно и случится. Разодрались крепко. Наедине, позади сарая в Ремкином дворе (теперь-поди вспомни, из-за чего!). И Костик — совсем не желая того — раскровянил Ремке губу. Ремка вдруг обиделся всерьез. Сказал: «Иди ты в ж… змею горынычу. Не буду я больше с тобой». И начал стаскивать закапанную красным тельняшку, чтобы на веки вечные кинуть ее Ко-

стику и никогда не иметь с ним никакого дела. И когда тельняшка упала в подорожники, к ногам Костика, тот заплакал. Взахлеб.

И Ремка уронил руки. И сказал:

— Ну, Кот… Ну, ты чего…

Как будто не понимал «чего»!..

Но он понимал, и он снова выговорил:

— Ну, Кот… — А потом: — Хочешь, я тебе рогатку подарю? Ту, что у Борьки Лысого в чику выиграл?

Рогатка была — просто чудо. С отшлифованной ручкой из сиреневой развилки, с мягкой красной резиной, с хромовой кожанкой…

Костик всхлипнул и сразу сказал:

— Хочу! — но не ради рогатки, а потому что это было концом ссоры…

2

Да нет, не могли они поссориться навеки. Потому что слишком хорошо понимали друг друга.

Еще в начале дружбы их объединило опасное приключение и тайна…

Как-то в конце июля, после недели бурных дождей, когда Туренка превратилась в неукротимый поток, Ремка и Костик нашли у воды два связанных бревна. Ну, просто готовый для путе-

шествия плот (если не очень плясать на нем и не нарушать равновесия). И путешествие началось сразу. Было решено от моста на Первомайской одолеть расстояние до моста на Перекопской, что рядом с превращенной в склад польской церковью, которая называется «костел». И половину маршрута проплыли благополучно, хотя и не без риска. Толкались длинными палками, балансировали, вопили от восторга, иногда спрыгивали в воду, но тут же снова заскакивали «на палубу»… Они были Томом Сойером и Геком Финном на Миссисипи, индейцами в горном потоке, капитанами пиратской шхуны и потерпевшими крушение (но не потерявшими мужества) кругосветными путешественниками. Всеми сразу… А скоро пришлось ощутить себя беззащитными мореплавателями, за которыми гонятся головорезы капитана Флинта…

Когда проплывали мимо полуразрушенной будки с высокими мостками, из-под этих мостков выдвинулся неуклюжий дощатый бот. Этакий дредноут. В нем приплясывали и махали кольями пятеро полуголых «пиратов».

— А ну, тормози, салаги! — заорал самый длинный, в натянутой на уши черной пилотке. Сразу видно — атаман.

Ага, тормози! Как остановишься в таком потоке? А если бы и можно было, то с какой стати? Добровольно прыгать в лапы злодеям? (А в том, что это злодеи, не было сомнения.)

— Кот, держись! — сказал Ремка.

— Ага! Врагу не сдается наш гордый «Варяг»! — согласился Костик, старательно накачивая в себя жиденькое бесстрашие.

Его расслышали на «дредноуте» и пообещали, что «щас будет вам „Варяг“». «И „Кореец“ заодно», — добавил злодей в тельняшке, как у Костика. А самый маленький пират — в голубой рубашечке, в отутюженных парусиновых штанишках с лямками и в испанке снежного блеска — вежливо предупредил:

— Лучше остановитесь сразу, а то потом будет гораздо хуже!

Судя по всему, это был «мальчик из культурной семьи». Костик читал, что иногда на разбойничьих судах специально заводили таких вот образованных членов команды, чтобы те грамотно вели записи в корабельном журнале, правильно подсчитывали добычу и учили неотесанных флибустьеров вежливо обращаться с пленными дамами. Но Костик и Ремка дамами не были и на вежливое обращение рассчитывать не

могли. А это тонконогое существо в испанке могло оказаться ничуть не менее безжалостным, чем остальные. Несмотря на аккуратные сандалики и васильковые носочки (не боится промочить, что ли?).

«Дредноут» вышел в кильватер плоту и пустился в погоню. На тихой воде легонький плот, конечно, сразу ушел бы от тяжеловесной, почти квадратной посудины. Однако здесь главная скорость была от течения, а воде все равно, какую тяжесть она несет. Нажимать на палки-весла и вообще проявлять излишнюю резвость на вертких бревнах было рискованно. А «дредноут» отличался изрядной остойчивостью, и его команда размахивала самодельными гребками и жердями изо всех сил. Расстояние было метров десять.

— Лучше отдавайте наши бревна по-хорошему! — снова закричал атаман. — Тогда немного напинаем и отпустим!

— С чего это они ваши?! — с остатками отваги откликнулся Костик.

— А потому что вы их стырили на берегу.

Обвинение было липовое. Как «ихние» бревна могли оказаться выше по течению, так далеко от хозяев?

— Врать-то — не изюмом какать, — изящно разъяснил в ответ Ремка. Он мог бы, конечно, сказать не «какать», а… Но все же люди на «дредноуте» не казались окончательной шпаной и настоящей войны пока не было. Так, полуигра. Если и поймают, лупить, наверно, не станут. Разве что измажут глиной да покормят репьями…

Еще один из пиратов — стриженый и большеухий — крикнул, вытянув шею:

— Лучше сдавайся, Шадрик! Все равно не уйдешь! Это тебе не дедушкин пароход!

«Что за пароход?» — мелькнуло у Костика. Он собрался даже спросить Ремку, хотя и не до того было. Но Ремка быстро сказал:

— Кот, слушайся теперь меня, я знаю протоку. Вон там, за желтыми кустами…

Впереди подымались заросли могучей травы. В рост человека. С большущими лимонными цветами на верхушках. Их, таких цветов, было множество в логу (Костик ни в ту пору, ни потом не знал их названия; да и никто, кажется, не знал).

— Застрянем, — сказал Костик.

— Зато не сдадимся…

Они дружно толкнулись влево и на скорости ушли с главного потока в узкое (и тоже с бурливой

водой) ответвление Туренки. Великаны-желтоголовики обступили их. Ширина была всего-то метра полтора. Листья зачиркали по плечам и по щекам, запахло болотом и сладкой пыльцой, взметнулись стрекозы.

— Джунгли Укаяли, — сказал начитанный Костик (чтобы скрыть страх погони). Ремка отозвался непонятно:

— Ривьер-Салé. Враг не пройдет…

Да, враг не мог сюда пройти на своем «броненосце». Но и беглецам делалось все труднее. Бревна царапали по дну, утыкались концами в береговую траву и глину. Скоро стало ясно, что плаванию конец.

Ну и ладно! Главное, что «врагу не сдается…». Они прыгнули в заросли, проломились через тугие стебли, оказались на открытом месте. Здесь виляла среди травы тропинка. От нее отходила еще одна — вверх по откосу. Там начиналась полуразваленная лесенка — не с самого низа, а метрах в пяти от начала подъема… Огибая татарскую крапиву, Ремка и Костик взбежали к лесенке, встали на нижнюю ступеньку. Видно было, что на упустившем врагов «дредноуте» царит растерянность — вертели головами и, потеряв скорость, бестолково дергали гребками. Наконец,

заметили беглецов.

— А-а! Ребя, вон они!

— Лови их!

Костик и Ремка засмеялись. Ничего не стоило взбежать по остаткам лесенки, а наверху двумя пинками обрушить с откоса гнилые ступеньки. Попробуйте догнать тогда! «Пираты», когда выбрались из посудины и подошли кучкой, сразу поняли дохлость своей позиции.

Чтобы утешить себя и команду, атаман в пилотке заявил:

— А бревна-то все равно у нас!

— Ну и засуньте их себе в… — Костик взглянул на мальчика в испанке. — За шиворот. Они нам и не нужны. А боевой флаг все равно с нами.

— Нету у вас никакого флага! — заявил бритоголовый пират в клетчатой рубахе до колен.

— А вот и есть! Морской! — Костик сдернул тельняшку, нацепил на палку (они с Ремкой так и отступали — не бросив палки).

— Ну и махайте им… — отозвался атаман уже добродушно. — А мы пойдем ваши бревна перегонять к себе…

— Далеко не перегоните, — сказал Ремка. — Течение не пустит.

— А на фиг далеко? Там чуть повыше узкое ме-

сто есть, мы их положим с берега на берег. Вместо мостика. Для людей польза, а для нас память о победе…

— Не было у вас никакой победы! — сообщил с высоты Ремка. — Нас-то вы не схватили! А два бревешка — это тьфу… Мы и сами хотели их в том месте положить, да вы гнались, как пчелами покусанные…

— Сам ты покусанный! — обиделся бритоголовый.

А мальчик в испанке разъяснил:

— Покусанные ни за кем не гоняются, а сами убегают. Вы не правы…

— Ты, Вовчик, самый умный из этой гоп-компании, — похвалил его сверху Ремка. Видать, встречался он с Вовчиком не впервые.

Атаман сдвинул на затылок пилотку и вдруг переспросил:

— А вы чего? В натуре, что ли, хотели мост из бревен сделать?

Ремка ответил:

— А ты думал, вы одни такие умные?

— Ну, тогда чего? — опять сказал атаман. — Тогда, может, айда с нами? А то бревна-то не легкие, мы четверо пупы посрываем. А Вовчику надрываться нельзя, он после аппендицита…

Вовчик в ослепительной испанке виновато развел руками.

Ремка глянул на Костика, увидел в его глазах нерешительное согласие и бодро согласился:

— Айда!

Когда спустились к пиратам, один из них — тот, что в клетчатой рубахе — задумчиво проговорил:

— А все-таки, Шадрик, надо бы тебе дать пенделей. За то, что тогда в лагере ты…

Ремка подобрался:

— Ну, дай! Только пошли один на один, а то храбрый среди корешей…

— Отбой… — серьезно сказал атаман. — На сегодня все, повоевали. Сейчас — как после пушки.

— Какой пушки? — шепотом спросил Костик у Ремки.

— А ты не знаешь? Ладно, я вечером расскажу…

ЛЕГЕНДЫ О КАПИТАНЕ БУЛАТОВЕ

1

На огороде в Ремкином дворе был уютный уголок. Две лавочки под старой яблоней, тут же

— столик на вколоченных в землю ножках. Рядом — железная бочка с водой для поливки грядок. Когда жаркая погода, приятно было макнуться в бочку головой…

Здесь вот, под яблоней, после приключений с плотом и «пиратами» Ремка много чего рассказал Костику.

Сначала про пушку. Оказалось, что есть у пацанов на Большом и Малом Городищах обычай: двадцать второго июня в двенадцать часов дня палить над логом из самодельного орудия. И после этого целый день не должно быть между ними никаких обид и драк. Назавтра — пожалуйста, а сегодня до заката — полный мир!.. Не все, конечно, такой обычай признавали, всякой шпане он не указ, однако обычные мальчишки этот закон помнили. И, если надо было объявить перемирие, говорили: «Сегодня — как после пушки…»

Костик, когда жил в свой Затуренке, ни о чем таком не слыхал и теперь удивлялся.

— А где эта пушка? Кто ей командует?

Оказалось, что нынче пушка хранится в сарае Гошки Лаврова, он за нее отвечает вместе со своим другом Толиком Юхиным по прозвищу Юх. А вообще-то она переходит из рук в руки. Ребята вырастают и передают орудие тем, кто помладше.

Надежным людям, которые обещают раз в году обязательно выпалить над логом в положенный день и час. И с давних пор не было такого года, чтобы выстрел не прозвучал. Ну, случались нарушения на минуту — две (не всегда ведь есть у мальчишек часы), но все равно орудийный сигнал полдня раскатывался над заросшими откосами в самый длинный день лета…

— Это потому, что день начала войны, да? — понятливо сказал Костик. И оказалось, что ошибся.

— Многие так думают. А на самом деле стреляли еще совсем в старые времена, когда наши дрались с колчаковцами…

— Рем, а почему?

Ремка помолчал, зажал пальцами ноги́ и дернул головку подорожника. Задумчиво сказал:

— Кот, я расскажу. Только ты про это — никому. Никогда… Если даже поссоримся навеки, все равно про это молчи… Обещаешь?

Костик обещал, тем более что был уверен: ссор навеки у него с Ремкой не будет никогда в жизни…

И вот что он узнал.

Оказывается, когда-то был у Ремки дед. Или прадед. По фамилии Булатов. Не совсем даже родной, а какой-то двоюродный. Про него Ремке расска-

зывала мамина тетушка, которая приезжала из Тобольска и жила у Шадриковых позапрошлой осенью. Малость сумасшедшая тетка (мама и бабушка были счастливы, когда уехала). Она любила поболтать о старине, а поскольку взрослые не очень-то ее слушали, рассказы свои обращала к Ремке. Тому было иногда интересно… И вот рассказала однажды тетушка про дальнего родственника, старого речного капитана, который во время Гражданской войны увел из-под носа у белых пароход «Охотница», чтобы спасти мирных жителей, укрывавшихся на этом пароходе. Белые запросто могли расстрелять их… И вот капитан Булатов повел «Охотницу» вниз по сибирским рекам. Иногда отстреливались. Иногда шли под самодельным парусом, потому что не хватало угля… Но это было лишь начало приключений…

В Обской губе «Охотницу» должны были встретить красные канонерки, но почему-то не встретили, а белые преследовали беглецов. И капитан принял отчаянное решение: идти Северным морским путем в Архангельск.

Не было в истории мореходства случая, чтобы этим путем проходил хлипкий плоскодонный речной пароход. Но капитан Булатов, хотя и был очень стар, провел свое судно до цели. Но

оказалось, что в Архангельске тоже белые. И англичане. Капитан сдаваться не захотел, и многие не захотели. Тех, кто измучен был путешествием, тайно высадили на берег, а остальные решили плыть дальше. Куда? Кто-то предложил переплыть океан и высадиться на острова у Америки, в тропиках. На этих островах постоянно шла борьба негров за свободу, и повстанцы, конечно же, помогли бы русским революционерам…

— И переплыли? — выдохнул Костик. Он облизывал губы, на них от волнения выскакивали мелкие пузырьки. Такой приключенческий роман!

— Ага, — кивнул Ремка. — Но там у одного острова их опять догнала беда. В тех водах оказался русский клипер. Учебное парусное судно. Оно ходило вокруг света, и революция застала его далеко в иностранных водах… Даже книжка есть такая — «Клипер „Зевс“». Правда, в ней ничего нет про «Охотницу», но все-таки ясно, что клипер *был*…

— А что там должно было быть про «Охотницу»?

— В то время все на «Зевсе» были еще за белых. Это потом они подняли красный флаг, а тогда еще не понимали даже, кто такие большевики. По

радио они узнали об «Охотнице» и решили взять ее на абордаж. А капитан Булатов опять принял отчаянное решение…

— Рем, какое? — Костику и в голову не приходило, что все это могло быть выдумкой.

— Этот остров, он совсем небольшой и состоит из двух частей. Они соединены перешейком. А через него проходит узкий-узкий и мелкий пролив… Помнишь, я сегодня крикнул «Ривьер-Салé»? Это он по-ихнему, по-островитянски, так называется, а по-нашему — «Соленая река»…

— И «Охотница» прорвалась через пролив?!

— Ну да! «Зевс» запер пароход в бухте, но сам в нее войти не мог, не давала глубина. И капитан решил уходить через Соленую реку. Уж в нее-то клипер бы и не сунулся… Для «Охотницы» это было тоже очень опасно, только куда деваться-то? У капитана была старинная карта острова, и он на нее надеялся… Ну, и они прошли — через мели, через джунгли, впритирку к берегам…

— А потом что?

— А потом… точно уже неизвестно. Тетушка не знала. Вроде бы «Охотница» пришла на Кубу, и капитан там умер от старости. А остальные — кто куда… Но главное, что они ушли от врагов и прорвались!

— Как мы сегодня!

— Да. Только мы застряли, а они вырвались в океан… И когда вырвались, наступил день летнего солнцестояния. И капитан Булатов велел дать салют из их маленькой пушки, которая стояла на носовой палубе… И с тех пор пошел этот обычай…

— Рем… а как здесь-то узнали про такой обычай?

— Вот это самый непонятный вопрос, — очень серьезно откликнулся Ремка. — Я спросил у тетки: как такое могло случиться? А она: «Ой, не знаю, Ремочка, не пытай меня больше…» Потом все же вспомнила, будто кто-то из пассажиров «Охотницы» вернулся в Турень с Кубы. Вроде бы совсем еще мальчишка. И рассказал про то, что было…

Пока Константин Матвеевич излагал эту историю, Ваня сидел тихо и угрюмо. Он ничему уже не удивлялся. И даже не пытался избавиться от тоскливой боязни, рожденной новым совпадением. Она опять затянула серой пленкой то хорошее, что случилось сегодня…

Дед наконец глянул внимательно:

— Иван, а ты чего… скисший такой? Тебе неинтересно?

— Мне интересно… только… Граф, я сейчас, наверно, завою, — честно сказал Ваня.

Профессор Евграфов как бы клюнул пространство: носом, глазами, плечами, кадыком на шее, сильно качнулся к Ване:

— Я… что-то не так сказал?

— Ты все *так* сказал… Только не сказал названия острова. Но я и без тебя знаю. Это Гваделупа…

— Ну… да. Ну и что? Почему ты испугался?

Надо было огрызнуться, что ничуть он не испугался. Но Ваня хмуро объяснил:

— Потому что он меня достал…

— Остров? — изумился дед.

— Да! — со слезинкой сказал Ваня. И вдруг начал рассказывать про все. Как одно «клеилось» к другому. Роман «Юные путешественники» (по правде говоря, не самый интересный у Жюля Верна), где захватившие судно «Резвый» пираты не решились пойти через Ривьер-Сале. И тут же — мамина путевка, круиз с заходом на Гваделупу. И выстрел… И рассказ Никеля о кровавых делах на Гваделупе… Был, правда, светлый зайчик — сверкающая гваделупская монетка с кораблем. Но сейчас — опять какая-то тревога… Окрошка событий, от которой холодеет внутри.

Граф шевельнул бровями и догадался о главном:

— Ты просто боишься: не случилось бы чего-нибудь с мамой.

Ваня, словно очнувшись, поморгал. Почти с облегчением согласился:

— Кажется, да… Но и что-то еще тут…

— С мамой ничего не случится. Она по своим делам летает в разные страны каждый месяц. Не один год уже. Почему именно Гваделупа должна принести какую-то беду? Чушь… Слушай, а ты что? Боишься летать?

— Да нет… не очень. Если сам, то не страшно…

— Вот и о маме думай без страха. Это ей поможет… Но ты сказал «что-то еще тут»?

Ваня стыдливо кивнул. И дед кивнул:

— Про это «что-то еще» я тебе объясню по-наручному. Сыграл роль закон стержня.

Ваня поднял слегка намокшие глаза.

— Закон… чего?

— Магнитного стержня. Множество событий и фактов, связанных с чем-то одним, существуют до поры до времени по отдельности, сами по себе. Вот представь себе рассыпанные на столе мелкие винтики, канцелярские кнопки, скрепки, булавки. Валяются просто так. И вдруг на столе

появляется сильный магнит. Сразу вся железная мелочь напрягается. Если какие-то штучки и не могут подъехать и приклеиться к магниту, они все равно располагаются вдоль силовых линий. Булавки и шурупчики — головками к стержню, кнопки пытаются встать на ребро… Все теперь подчинено магнитному сердечнику, он определяет обстановку… Так же и в жизни. Ты вот зацепился раз-два памятью за Гваделупу, и теперь будет каждое лыко в строку — газетная статейка, новости в телевизоре, песенки бардов, мимоходом брошенное слово…

— Но ведь это же не случайно!

— Нет, конечно. Я же говорю — стержень…

— Но какой? — нервно сказал Ваня.

— Опять двадцать пять! Маг-нит-ный!.. В переносном смысле, конечно…

— Вот именно, что в переносном. А где он?.. Ну, не на том же дурацком острове в Карибском море! И при чем тут я?

— Законный вопрос, — важно отозвался Граф. — И точного ответа пока нет. Надо поразмышлять. И подключить интуицию… Видать, прошел этот стерженек через дальний остров, и через Турень, и через разные времена. И через нас с тобой… Тут надо не лелеять в себе суеверные страхи, а

докопаться до сути…

— А почему он… и через тебя прошел? Ты сказал…

— Здрасте! Я же тебе только что рассказывал! Про Ремкиного деда, про Соленую реку…

— Но это Ремкин дед, а не твой…

— Но Ремка-то мой друг!.. Ты, может быть, устал слушать?

— Не-е-е!..

— Тогда слушай, что было дальше, — сказал Граф. — За год до нашего знакомства Ремка поехал в пионерский лагерь. Первый раз в жизни. А там, известное дело, — по вечерам, после отбоя, болтовня в палатах. Всякие истории — про привидения, про приключения, про невиданные и неслыханные дела… Была самая середина прошлого века, война кончилась недавно, поэтому немало было историй о фронтовых и партизанских подвигах. В том числе и таких, где героями были отцы и старшие братья…

…А у Ремки брата не было никогда. А отец пропал без вести в сорок первом году, в окружении под Киевом… Тогда это было страшное дело. Те, кто пропал, считались чуть ли не изменниками, перебежчиками к немцам. Если оказался в плену — значит враг народа. Поди докажи, что это не

так! Особенно, когда нет никаких известий…

Поэтому сперва Ремка помалкивал, только слушал других и томился от зависти. А потом вспомнил теткины рассказы о легендарном деде или прадеде. И выдал историю про пароход «Охотницу». Ну, сперва-то ее принимали с интересом, два вечера подряд. А потом нашелся дотошный вредный слушатель, постарше Ремки — из тех, кто любит всех разоблачать, — и поднял рассказчика и ребят на смех. Мол, вам плетут всякую фигню, а вы уши развесили! Никогда речные пароходы не ходили Северным морским путем! И не было ни «Охотницы», ни Булатова, потому что, если бы они были, про них бы висели всякие фотографии в музее и рассказывали бы на пионерских сборах и даже улицу назвали бы где-нибудь рядом с пристанью! Есть там улица Булатова? Нету! Есть фотографии в музее? Нету! Слышал кто-нибудь про такого капитана и такой пароход? Ни фига никто не слышал!..

Ремка отругивался, как мог, а потом разревелся от обиды.

Реветь в «крепком мужском коллективе», если тебя даже ни разу не стукнули, — это «западло». Ремкин авторитет съехал вниз, как ртутный столбик на морозе.

Ремка не был трусом, он отстаивал свою правду и самолюбие изо всех сил, кидался в драки без оглядки, но получал за это и от ребят, и от вожатых. «Этот несносный Шадриков! Совершенно не вписывается в лагерные нормы!» Была, правда, одна вожатая, он попыталась разобраться. И посоветовала: «Ты, Рема, поговори с мальчиками, объясни, что сочинил свою историю просто для общего интереса…»

А он разве мог предать капитана Булатова? Он сказал этой вожатой, что она дура, и лишился последней поддержки…

Путевка была на две смены, однако после первой Ремка заявил матери, что больше в лагере не останется. Она раскричалась, пустила слезу, дала ему несколько подзатыльников, потом велела «рассказать всю правду».

Если не маме, то кому ее, правду, расскажешь-то (даже после подзатыльников)? Ремка повсхлипывал и честно изложил про все, что было. И мама… она вдруг очень испугалась. Она согласилась не отправлять Ремку на вторую смену («Вернем путевку!»), но категорически запретила рассказывать кому-нибудь «эти бредни про капитана». Потому что «хватит нам неприятностей из-за отца». Потом объяснила уже спокойнее: может

быть, капитан Булатов и правда жил на свете, но кто знает, за кого он воевал? Чей пароход угнал и у кого? И, если уплыл на Кубу (или еще куда-то), то с кем? А что, если с англичанами и беляками? И если это узнают *там* (то есть на улице Семакова, где МГБ), что тогда будет?

— А что будет? — наивно спросил Ремка.

— Дурень, — сказала мама. И напомнила, как ее дважды вызывали *туда*, чтобы выяснить: владельцы заречных мельниц Шадриковы не являются ли маминым-папиным родственниками? А ведь эти Шадриковы жили тоже в незапамятные времена…

Мама была учительница в начальной школе, образованный человек, разбиралась в политике и знала, что говорила…

Бабушка (мама отца) была не такая образованная, бывшая работница пимокатного цеха. Поэтому она пожалела внука и вскоре посвятила его в кое-какие «дополнительные» тайны. Призналась, что да, был у них в прежние времена дальний родственник по фамилии Булатов, капитан речных пароходов. Но про его плавание на «Охотнице» — это все байки. А в дальних краях, за океаном, Булатов (Гришей его звали) побывал вроде бы еще в мальчишечьи годы, со

своим дядюшкой, капитаном парусного корабля. Подробностей бабушка не помнила, знала только (с чужих слов, конечно), что вернулся Гриша не один, а с иностранным мальчонкой — они подружились там где-то, в чужих краях. Что за мальчонка, бабушка не ведала, только слышала, будто он умер вскоре после приезда в Турень — не вынес здешних холодов… А расспрашивать про все про это никого больше не надо, потому что Гриша-то Булатов был из богатой купеческой семьи Максаровых. Приемный, но все равно, что свой. А купеческих детей в Советском Союзе не жалуют и их родственников, даже далеких, — тоже…

— Так что ты, Ремушка, лучше помалкивай, не тревожь былое…

И Ремка помалкивал. Но полусумасшедшей тетушке в Тобольск послал письмо: нельзя ли, мол, приехать к вам на осенние каникулы, чтобы кое о чем поговорить?

Известно, что люди «с некоторым сдвигом» иногда лучше понимают ребятишек, чем трезво мыслящие взрослые. Тетушка откликнулась охотно. Правда, она писала, что приезжать Ремке не надо, потому что «я, голубчик, что-то совсем плоха стала», но зато она прислала ему старин-

ную карту и письмо с понятными только Ремке словами: «Это та самая, по которой ОН прошел через *соленую воду*».

Не оставалось сомнения — карта Григория Булатова!

Ну да, женщины всегда много путают! Конечно, мальчишка Булатов не мог быть капитаном, но участником плавания был наверняка. Скорее всего, юнгой. И карту эту кто-то подарил ему на память… И то, что она именно его, — доказывала слабо различимая карандашная роспись на обороте:

Г. Булатовъ

А на лицевой стороне карты было еще одно рукописное слово, помельче. Кто-то бледным карандашным грифелем провел через перешеек острова кривую черту, закончил стрелкой и у стрелки извилисто написал:

Артемида

— И эта карта у тебя? — с жалобной надеждой спросил Костик. Он и верил, и не верил. А кругом пахло уже не помидорной ботвой, а смоленными снастями…

Ремка молча ушел в дом и сразу вернулся. Вытащил из-под майки желтоватый лист. Развернул. Ширина была с раскрытую «Пионерскую правду». Тонкий нецветной оттиск напоминал гравюры из старинного журнала «Нива» (у Ремки много было таких). Чернело иностранное название:

GUADELOUPE

Они расстелили шероховатую бумагу на обугленных солнцем коленях.

— Видишь? — тихо спросил Ремка.

— Да-а…

Все так и было: черта, стрелка, слово…

— Рем, а что такое Артемида?

— Я думаю — название. Зашифрованное… Я сперва не догадывался, а недавно стал смотреть новый учебник по истории Древнего мира и увидел: там картинка, статуя такая. Написано, что греческая богиня Артемида-охотница… А на карте, наверно, тетушка написала, с намеком на пароход…

— Ну да, правильно! Она же не знала про парусное плавание! Думала, что Булатов по правде был здесь, у острова, на пароходе «Охотнице»…

— Только вот что… — как-то неловко сказал Ремка и погладил карту. — Я иногда думаю:

вдруг это не тетя Глаша, а сам Булатов написал? Григорий… Почерк-то здесь и на обороте, в его фамилии, одинаковый. Завитушки похожи…

— А… зачем ему это? Ведь там, на паруснике, он же не знал, что потом будет у него пароход «Охотница».

— А может, это не шифр, а просто название того корабля? А пароход сам по себе…

Как-то опять все запуталось. Костик наморщил лоб.

— Рем… а если еще раз написать ей… тете Глаше? Попросить, чтобы объяснила…

Ремка тихо сложил карту.

— А тети Глаши уже нет. Она умерла той осенью… У старых людей дурацкая привычка: они то и дело умирают… Кот!

— Что, Рем?

— Давай никогда не делаться старыми!

— Давай!

— Честное пионерское?

— Честное пионерское!

3

Они долгое время сохраняли верность детской клятве. Даже когда их начали скручивать всякие остеохондрозы и ревматизмы, они при встречах

держались прямо и вспоминали песню студенческих времен: «Главное, ребята, сердцем не стареть…» Но именно сердце однажды изменило Рему Васильевичу Шадрикову. Отключилось в один миг, когда он во дворе своей фанерной дачки вздумал наколоть дрова…

Это случилось за полгода до переезда Графа и Ларисы Олеговны в Турень.

— Я-то надеялся, что вместе отпразднуем новоселье, — сказал Константин Матвеевич Ване. — А получилось вон что… Иногда езжу в гости к его вдове, к Валентине, сидим, вспоминаем. Бывает, что она дарит мне его старые письма и фотографии…

— Граф, а карта… — нерешительно сказал Ваня. — Она сохранилась?

— Нет, — насупился дед. — Исчезла, когда Рем учился в Ленинграде, а родня затеяла ремонт их древней халупы… Кстати, у Рема тогда, как и у меня, был отчим, мать надумала вторично выйти замуж. С отчимом Рем не очень ладил, было там немало всяких коллизий…

Ваня досадливо подумал: «Ты прямо как Лариса Олеговна». Вежливо помолчал и напомнил:

— А карта…

— Я же говорю: пропала… Наверно, ее сожгли

случайно с бумажным мусором. Она ведь хранилась на полке в сарае… Жаль, конечно. У нас с этой картой столько было связано. Мы играли в путешествия на «Артемиде» и «Охотнице», в схватки с пиратами, в опасное прохождение по Ривьер-Сале. Сочиняли всякие истории… Ну, потом появились другие увлечения. Ремка начал строить что-то вроде вычислительных машин и говорил, что в них живет особая, волшебная душа. Нечто вроде космического разума. И приохотил меня… Мы мастерили невероятные конструкции из проволоки, костяшек от канцелярских счетов, всяких шестеренок и гаек. Двигали эти гайки, стараясь найти какие-то фантастические комбинации. Сами не знали какие… А началось все с красавца Евсея…

— С кого?

— С петуха Шадриковых…

Костик и Ремка сидели тогда в огороде и чертили схему парусной лодки, чтобы построить ее и отправиться в плавание до Тобольска. (Идея в общем-то авантюрная, оба не очень верили в ее исполнение, но фантазировать и чертить было интересно.) Потом они проголодались. Ремка принес из дома четыре яйца и краюху. Протянул из сеней провод-удлинитель, поставил на столик

электроплитку со сковородой… Шипящую глазунью смели в один миг. И поняли, конечно, что такая порция — «слону дробина»… В этот момент на забор взлетел черно-красный, с царским гребнем, Евсей. Клокотнул горлом…

— Может, и его на сковородку? — мрачно предложил Костик.

Ремка не отвечал. Смотрел на петуха с какой-то печальной задумчивостью. А тот — на мальчишек.

— Да я же пошутил, — быстро сказал Костик. — Евсеюшка, ты хороший, не обижайся…

Ремка скребнул вилкой по пустой сковороде, почесал черенком подбородок.

— Было яйцо… вроде тех, что мы стрескали… И вдруг из такого яйца появился живой цыпленок и превратился в такое вот чудо… По каким законам? Отчего? Ты про это не думал?

Костик, по правде говоря, не думал. Он принимал законы развития как данность… Они с Ремкой были уже не те, что в дни первого знакомства, успели изучить в школе, как из икринок выводятся головастики и мальки, как человеческий зародыш превращается в крупного ревущего младенца. И знали, откуда берется такой зародыш. Но задуматься, почему это происходит, как-то не

случалось. А тут вдруг…

— Какое-то яйцо для глазуньи, и вдруг — такой вот Евсей… — продолжал Ремка. — И так миллионы раз, одинаково. Почему одинаково?

— Закон природы… — неуверенно отозвался Ремка.

— А что такое *закон природы*? Откуда эти законы берутся? Кто их выстраивает?

И они принялись размышлять. Рыться в самой глубокой сути. Их не интересовала всякая там биология, клетки и эмбрионы. Хотелось докопаться до изначальных причин: *откуда все это*? И они, семиклассники из портового сибирского городка, докапывались своими силами, не ведая, сколько во всем мире философов, генетиков и кибернетиков ломают над этими загадками головы. Они строили хитрые «думающие» машины, в надежде, что те помогут. Может, машины и правда слегка помогали…

Потом, конечно, у каждого отыскался в жизни свой путь. Ремка сперва всерьез был занят компьютерами, но потом вдруг увлекся полиграфией. В ней тоже было не обойтись без компьютерного дела, но главным для Ремки оказался сам процесс печатанья газет и книг. Потому что «в начале было Слово…». Он сперва работал в Ленинграде, на

заводе «Полиграфмаш», потом вернулся в Турень: отчим помер, бабушка еле дышала, нельзя было оставлять мать одну…

Костика потянуло к философии (не зря так много рассуждали в огороде под яблоней), а от философии — к истории. Он изрядно «покопался» в Аркаиме и Херсонесе, обрел среди археологов некоторую известность. Но однажды в университете завел знакомство с людьми из группы «Новые компьютерные технологии». Со своих философских позиций Граф азартно раскритиковал некоторые их идеи, предложил свои, влез «в это дело» с головой, окончил заочно физический факультет, и вот… профессор-доктор, автор монографий, специалист по компьютерным сетям, один из вдохновителей проекта «Искусственный разум» и… в то же время рьяный противник такого проекта. Вернее — противник безоглядных экспериментов с этим самым разумом. Потому что «вставить его можно куда угодно, хоть в… змею-горынычу. А что потом?» То же самое он говорил и про опыты в разных других науках…

Два года назад много шума наделала статья профессора К. М. Евграфова «Мальчик и бомбочка». Написана она была не совсем в академическом стиле. А свою идею Граф изложил в двух строчках

«устного школьного творчества»:

Бомбочку мальчик на грядках нашел —
Тихо в деревне и все хорошо…

Заканчивалась статья словами: «Прежде чем развлекаться такими игрушками дальше, надо поставить четкий вопрос: „Елки-палки, а ЗАЧЕМ?“»

Статья пошла по интернетным сайтам. Был скандал. На ученом совете крупная (во всех отношениях) ученая дама налетала на автора статьи с особенным пылом:

— Но вы же… вы же сами! Столько сделали в этом направлении! А теперь!..

— Я делал, надеясь на человеческую осмотрительность. А что творится в мире? Одно потепление климата чего стоит! Чтобы создавать электронные мозговые извилины, надо не уставать шевелить своими, это и козе понятно… Простите, я имел в виду не вас, сударыня, это студенческая лексика…

Вскоре он закончил семестр и стал думать: «Пора домой». Тем более что звали. Среди тех, кто звал, был ректор Туренского университета — давний Вовчик в белой испанке, с которым Костик познакомился во время плавания на плоту…

Ваня слушал с интересом, хотя интерес иногда окутывала полудрема. Ваня прогонял ее коротким дерганьем головы. Менял позу и опять устраивался поудобнее. Почесывал нажаренные днем ноги. Один раз ему под ноготь попало присохшее к коже томатное семечко — последнее из тех, что прилипли, когда он угодил коленом в помидор. Оно оказалось упрямым, не смылось, не отскочило в течение всего дня. Ваня пожалел его. Семечко заслуживало более счастливой судьбы, чем другие.

— Граф, подожди… — Он побрел на кухню (бесконечно далекую от кабинета Графа), выбрал на подоконнике подходящий горшок с домашним цветком, проткнул пальцем землю, сунул в нее семечко, присыпал. Конечно, плода оно не принесет, но, может быть, прорастет хотя бы…

Ваня вернулся и забрался в кресло. Константин Матвеевич, решивший, что Ваня посетил туалет, понимающе помолчал и продолжил рассказ.

С Ремкой во взрослые годы они виделись нечасто. Раз в несколько лет. Перезванивались, правда, но все как-то наспех… Но помнили…

Однако в студенческую пору, на каникулах, они все же сумели склепать парусную лодку. До путешествия в Тобольск дело не дошло, но

в окрестностях Турени поплавали немало. Называлась лодка «Евсей». В память о любимом петухе-красавце. Евсей прожил у Шадриковых до глубокой старости и умер своей смертью (хотя отчим однажды пробовал начать разговор про бульон).

Собираясь на родину, Константин Матвеевич все чаще звонил Рему Васильевичу:

— Тряхнем стариной наконец…

— Еще бы! — отзывался тот голосом пятиклассника Ремки. — Я по дешевке моторку приобрел. Назвал знаешь как?

— Конечно, знаю! «Евсей»!

— Умница! Сразу видно — профессор!..

Такой разговор случился за день до остановки Ремкиного сердца…

…Граф рассказал про это Ване и замолчал. Потом встряхнулся:

— Ну, не будем кончать на грустной ноте. Хочешь, расскажу, как мы в пятом классе ставили пьесу «Стальной волосок»? Девчонок в школе тогда еще не было, и Ремку уговорили играть принцессу. Он сперва ни в какую, но наша учительница…

В кабинете возникла (не первый уже раз) Лариса Олеговна.

— Граф! У тебя есть совесть? Ты заболтал ребенка до беспамятства! Ночь на дворе!

Никакой ночи не было. Самый длинный день лета расстилал по небу оранжевые сполохи, среди них висели разноцветные облака. Но бронзовые часы на электрокамине и вправду показывали, что уже почти полночь. Лариса Олеговна ухватила внука за локти, подняла над креслом.

— Умываться и в постель!

Ваня не упирался. Он ощутил неодолимую сонливость. И сделался легоньким, как тополиная пушинка — сейчас поплывет по воздуху. Он не поплыл, но и в ванную не пошел. У себя в комнате стряхнул на пол футбольную одежонку и мягко спланировал на кровать. Поверх одеяла, носом в подушку.

И сразу же закачало, плавно понесло его куда-то — среди размытых картин про все, что случилось в этом бесконечном дне. Столько всего случилось… И главным было… Нет, не история с помидорами и Квакером, не выстрел, не знакомства с мальчишками. Не Гваделупа и не рассказы Графа. Главное — это Лорка. Такое понимание сейчас протолкалось к Ване через всю другую память. Щуплая девочка с матросским галстучком, с чуть заметными искрами солнца в белобрысых

прядках тихонько улыбалась и смотрела на Ваню сквозь напластования сна. Легкая такая. Но была в этой легкости уверенность. Потому что все плыло и колыхалось в зыбком Ванином полусне, а Лорка стояла твердо, хотя и непонятно на чем…

А потом она вдруг присела на корточки, еще раз глянула на Ваню и стала что-то рисовать пальцем у своих босоножек.

И сразу вспомнилась девочка из песенки про Гваделупу:

Есть у деда маленькая внучка,
Очень непонятная она.
На песке рисует закорючки,
Чтобы сразу смыла их волна…

И будто припев:

Лорка, Лорка,
Лорка-Гваделорка…

Интересно, есть ли на свете остров Гваделорка? Название вполне подходящее — такое «антильское»… А если нет — еще лучше. Пусть это будет сказка. *Их* остров…

ВОДА, СОЛНЦЕ И ФАНТАЗИИ

1

Прошла неделя…

Вся компания купалась у старой баржи, на том месте, где в прошлом году познакомились Лика и Тростик. Трубачи, Никель и Ваня, как только добрались до песка, скинули одежду и с разгона врезались в теплую воду. Сплавали туда-сюда, поныряли с кормы, окатили друг друга каскадами брызг и встали в воде по пояс. Чтобы отдышаться. И чтобы поторопить девчонок и Тростика.

Лика не спешила-что-то искала в сумке. Тростик преданно ждал ее. Лорка — в пестром сарафанчике и босая — понуро стояла в двух шагах.

— А ты чего ждешь? — спросила Лика. — Иди, радуйся жизни.

Лорка сказала тихонько:

— Я купальник не взяла…

Лика выпрямилась:

— Да ты что? Вчера купалась в мальчишкином виде, а сейчас вдруг… Расплети косы и будешь, как пацаненок, ты же дитя еще. Мне бы твои проблемы…

Лорка вздохнула и повозила пяткой по песку.

— Вот чудо… — укорила ее Лика. — Здесь же все свои, кого ты стесняешься?

— Вон его она стесняется… — Тростик указал кивком на Тимку Бруклина из Ликиного класса. Тощий Бруклин в бело-зеленых полосатых трусах сидел неподалеку, под самым бортом баржи, и дергал проросшие сквозь песок травинки.

— Ну, чего ты опять притащился? — громко спросила Лика.

Тимке следовало бы сказать: «Где хочу, там хожу, ты это место не купила». Но он промолчал, только почесал травинкой ноздрю.

— Зануда, — заявила Лика.

Мальчишки подошли ближе и слушали разговор, стоя по щиколотку в воде. «Лико-Тимкины» отношения не были для них секретом.

Тростик разъяснил:

— Тим надеется, что ты вечером пойдешь с ним на дискотеку «Юные таланты». — Он был беспощаден в своей наивной правдивости.

Тимка поежился и, глядя в заречные дали, сообщил, что вовсе на это не надеется. Потому что у него, у Бруклина, никаких талантов нет, а гениальная Анжелика Сазонова, к тому же, на такие мероприятия никогда не ходит.

— И поэтому ты всюду таскаешься за мной, как дохлая кошка Гека Финна на веревочке.

— Сравнение твое оскорбительно для моей чувствительной натуры, — вздохнул Бруклин, — однако я стерплю и его…

— Иди окунись, — предложила Лика. Бруклин возразил, что примитивное «окунанье» не погасит жар в его груди. Мальчишки захихикали. Считалось, что Тимка валяет дурака, но… понятно было, что за этим «валяньем» есть что-то серьезное.

Лика достала из сумки пеструю косынку.

— Лорка, иди сюда… — Она заслонила ее от Тимки, сдернула с нее сарафанчик и скрученной косынкой обвязала Лоркину грудь. — Ну, вот. Вполне купальный комплект. Даже по цвету подходит к трусикам.

— Ага! — Вмиг забывшая про свои комплексы Лорка ускакала в воду. Там ее встретили воплями и брызгами. Схватили за руки, за ноги и бросили поглубже.

— Беззаботное детство, — с улыбчивой печалью произнес Бруклин.

— А ты уже зрелый мужчина, да?.. Слушай, ты же говорил, что собираешься в Падерино к деду.

— Я не поехал. Это выше моих сил…

— Почему?

— Потому что как у Александра Сергеича…

Я знаю: век уж мой измерен,
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я…

— Можно подумать, ты читал «Онегина»!

— Неоднократно. Первый раз в десять лет. Когда услыхал, что этот роман-«энциклопедия русской жизни».

— Кто тебе сказал про такое?

— Папочка цитировал какого-то классика в споре с соседом Львом Семенычем Браухом. По национальному вопросу… Папочка сказал, что достаточно с пониманием прочитать этот роман, чтобы ощутить себя русским на сто процентов… Я взял идею на вооружение.

— А до этого… ты кем себя ощущал?

— До этого русским и ощущал. Но вдруг узнал, что наполовину я еврей, по папе, а по маме — на четвертинку украинец и на четвертинку белорус. Да еще с дальней примесью польской крови…

— И это тебя потрясло?

— Не так уж… Но все же я решил подкрепить свое российское самосознание.

— Подкрепил?

— Конечно! «Онегина» знаю почти наизусть. Вот…

Судьба Евгения хранила:

Сперва мадам за ним ходила…

— И ты теперь ходишь за мной, как мадам за Евгением…

— Не искажай смысл… Я хожу как я за тобой. И лелею надежду… да нет, не на дискотеку.

— А на что? — Лика беззаботно примеряла розовую купальную шапочку.

— На то, что ты уговоришь вашего Юрия Юрьевича взять меня в вашу рисовальную экспедицию.

— Ты спятил? Ты же рисуешь, как страус левой ногой!

— А я и не буду рисовать! Я буду техническим персоналом. Палатки, костры, каша в ведре… В обмен на счастливую возможность ежедневно лицезреть ваше сиятельство… Могу стать твоим персональным натурщиком. Даже в обнаженном виде.

— Идиот! Больно нужен ты мне в обнаженном виде!

— Не тебе, а искусству. Вспомни традиции Воз-

рождения…

— Идиот, — снова сказала Лика. — Что ты понимаешь в искусстве? Для тебя вообще нет ничего святого…

— Как это нет? А ты?

— Тростик, иди купайся, — распорядилась Лика. — Незачем ребенку слушать дурацкие разговоры… Или вот что. Возьми мою шапку, принеси воды и вылей на голову этому балбесу. Для охлаждения извилин…

— Щас! — Тростик с резиновой шапочкой метнулся к воде и тут же вернулся с ней, мокрой и отяжелевшей.

Бруклин сел по-турецки и с полной покорностью нагнул голову.

— Лей, — велела Лика.

Тростик подумал и насупился:

— Не… я не буду…

— Почему?!

— Ну, он же даже не сопротивляется… — И Тростик вылил воду себе на ноги.

— Вот еще один святой, — сказал Бруклин. — Твоя школа, Сазонова. А ведь ты могла бы и меня сделать таким…

— Поздно, дорогой…

Тростик сказал, осторожно подняв на Лику

глаза:

— А может, еще не поздно? Он ведь еще не совсем большой…

— Вот видишь! — взбодрился Тимка. — Устами младенца… Тростик, ты и правда святой. Только это не к добру. Тебе тяжко будет жить на белом свете…

— Вот еще! — сказал Тростик.

Он был уверен, что жить ему всегда будет хорошо. Потому что хорошо жилось сейчас. Потому что он не требовал от жизни многого.

У него, у Трофима Зайцева, на девятом году жизни было все, что нужно. Была мама… Правда, она все время на работе, в две смены, однако она все равно *всегда есть*. А еще — Лика. На нее мама «просто молилась». Потому что Лика практически освободила маму от забот о сыне. И не ради каких-то там «тимуровских идей», а «что делать, если мы с этим Божьим созданием приросли друг к другу…».

Тростик «прирос» настолько, что без всякой ревности смотрел на Ликиных ухажеров. Он знал, что в душе у Лики занимает особое, ни с кем не сравнимое место.

Итак, чего еще ему оставалось желать? Велосипеда? Ну, это когда-нибудь потом. А пока

его охотно возили на багажниках другие мальчишки. Хорошо бы, конечно, сотовый телефон — чтобы в любое время можно было связаться с Ликой и друзьями. Но всякие желания должны иметь разумные границы, а телефон был явно за пределами таких границ… Зато в течение года Лика заставляла его читать, читать, читать, и он осенью и зимой послушно мучился, а к весне понял наконец, какая это радость — интересная книжка. Один «Конек-Горбунок» чего стоит!.. А ведь в первом классе Трофим Зайцев едва разбирал слова по слогам…

Кстати, растрепанная книга «Конек-Горбунок» была удивительно старинная. На титульном листе красовалась круглая печать со словами: «Изъ библіотеки Максаровыхъ». Книгу отдала Тростику Лоркина бабушка Любовь Петровна. Решила, что мальчику будут интересны большие раскрашенные кем-то картинки. Но интересной оказалась сама сказка. Лика помогла разобраться в тексте, и скоро Тростик уже не обращал внимания на «яти» и другие старинные буквы, которых теперь нет в русском языке. Правда однажды он написал на тетрадке свою фамилию «Зайцев» с твердым знаком на конце и узнал от учительницы, что «иди тогда учиться в лицей с Пушкиным»,

но не огорчился. Он вообще не огорчался досадливыми мелочами жизни…

2

Лика наградила Бруклина *взглядом*, взяла Тростика за руку и повела купаться. И они долго бултыхались, а затем бесстрашно ныряли с баржи и оставались в воде, когда остальные уже развалились на песке.

Погода стояла «палящая», но купающихся рядом было мало. Оно и понятно. Многие обитали на дачах или уезжали на Голубые озера недалеко от деревни Муллашѝ. Это раньше, говорят, здешние берега кишели народом, а теперь все, кто поднакопил деньжат, рвутся в курортные края. На Канары, например… Вот и плескалась в районе пристани застрявшая в городе «неприкаянная» ребятня да несчастные влюбленные вроде Тимофея Бруклина…

Бруклин тоже искупался, но немного. Вылез на сушу, словно разом отощавший, в прилипших трусах, и сел на прежнее место. Он хорошо знаком был только с Анжеликой Сазоновой и ее «оруженосцем», а с остальными — еле-еле. Наверно, поэтому и сидел в сторонке. Ну и ладно, пусть сидит. Тем более что не соскучится — вон

Лика и Тростик вышли из воды…

А Трубачи, Ваня, Лорка и Никель вновь нацелились на нырянье — кувырканье. Но вдруг Федя сказал:

— Ник, а ты бы… это… Ну, понимаешь ведь…

— Ну, чего! — звонко обиделся тот. — Жарища вон какая!

Тогда сказал Андрюшка, негромко так:

— Ник, мы же обещали твоей маме…

Никель хотел обидеться сильнее, но опустил плечи и шепотом проговорил:

— Я только разок окунусь…

Ване стало жаль его. Все знали, что операция была почти год назад и кончилась благополучно, однако врачи рекомендуют «воздерживаться от перегрузок». И спасибо еще маме-папе, что не запрещают Никелю гулять и резвиться с друзьями.

Никель окунулся, вышел на берег и забрался на палубу. Лег у борта, свесив голову.

Ваня тоже вышел, улегся под бортом — так, чтобы тело оказалось на солнышке, а голова в тени. Встретился глазами с Никелем.

— А ты чего выполз? — хмуро спросил Никель.

— Продрог чего-то… Ник! Мы с дедом вчера весь вечер ползали по Интернету. Смотрели: могло ли парусное судно пройти по Ривьер-Сале… Жюль

Верн писал, что не могло, но мы все же решили, что прошло бы, если небольшое. Бриг или бригантина. Если осадка не больше семи футов…

— Это около двух метров…

— Да! Были такие парусники. Например, бриг «Рюрик» у Отто Коцебу, я вчера же выудил это из статьи о парусниках…

Голова Никеля на фоне летнего неба казалась силуэтом. Но Ваня все равно увидел, как Ник напрягся — уши и сосульки волос будто встали торчком.

— Ты думаешь, «Артемида» была как раз такой?

— А почему бы и нет?

…Историю о предке Рема Шадрикова, о старой карте и надписях на ней знали теперь все. Не раз обсуждали на «заседаниях» во дворе Андрюшки Чикишева всё, что «могло быть, а могло и не быть» и что, «скорее всего, было по правде». Так пришли к единому мнению, что обычай полуденного выстрела привез с океана, конечно же, Гриша Булатов. Такой же мальчишка, какими они были нынче. Ничего о нем узнать не удалось, но ведь *существовал же* он когда-то! И, если подсчитать возраст, мальчишкой их лет он был в те годы, когда случилась Крымская война…

Но если война, то почему судно «Артемида» отправилось в другую сторону, подальше от сражений?..

А может, оно было не военное… Или его послали с каким-то специальным заданием… Поди, узнай теперь! В списке военных парусных судов Российского флота ни «Артемиду», ни «Охотницу» отыскать не удалось. Но Константин Матвеевич сказал, что эти списки не учитывали кораблей, принадлежавших Российско — Американской компании. «Там в этом деле был полный кавардак, если не сказать хуже…»

Зато убедились, что в Турени действительно были когда-то купцы Максаровы. Ваня привел всю компанию в профессорскую квартиру, Лариса Олеговна тихо охала, а Граф встретил народ с пониманием и выволок со стеллажа большущий том «Туренская старина» — могучий, как чугунная плита (Ваня уронил его на ногу и взвыл). В пахнувшей древними библиотеками книге нашлась небольшая статья о династии Максаровых, которые были «известными меценатами и одними из основателей Сибирского пароходства».

Была там даже фотография: глава семейства — Платон Филиппович Максаров (в сюртуке с медалями, худощавый, с немного растрепанной

бородой и веселыми глазами), была его супруга и множество детей. В основном девчонки разного калибра, но еще и курчавый мальчонка лет четырех. Про него было написано, что это Илья Максаров, ставший впоследствии достойным наследником Платона Филипповича.

Явно не Гриша Булатов!

Но потом прикинули — снимок-то сделан в пятьдесят девятом году позапрошлого века. Гриша в ту пор был, наверно, уже юношей. Учился или работал где-нибудь, вот и не попал на снимок. Или потому не попал, что все-таки не родня… А уж маленького Гришиного друга и подавно быть не могло — поскольку умер, бедняга, едва оказавшись в Турени…

Да, не было ничего о мальчиках, но обнаружились в статье другие интересные сведения. О том, что первой женой Платона Максарова была женщина из петербургской семьи, урожденная Гарцунова. Платон Филиппович, в порыве сильной любви, тайно увез ее из столицы.

«Дворяне и потомственные моряки долго не могли простить купца Максарова, и примирение двух семейств состоялось лишь после смерти Елены Константиновны, когда капитан второго ранга Гарцунов приехал в Турень на могилу

сестры…»

Это было уже кое-что! Нет, даже «ого какое *что*»! Раз был моряк, значит, приемный сын Максаров мог вполне оказаться на его судне!..

Сразу выстроилась цепь событий, которая у писателей называется «сюжет» (это объяснил друзьям знаток Жюля Верна Ваня Повилика).

В цепи не хватало многих звеньев. Правда ли, что «Артемида» — название корабля? Как там оказался Гриша Булатов? Какими ветрами занесло этот парусник на Гваделупу? От кого он спасался, если рискнул пойти по Соленой реке? Был ли в самом деле у Гриши друг — мальчишка с этого острова?

От загадок разговоры делались еще интереснее.

Всей историей заинтересовался и Граф. Еще бы! Ведь это касалось его и Ремкиного детства. А оно не забывалось. «В старости, наоборот, оно вспоминается все чаще», — признался профессор Евграфов Ване. Это было вчера, когда он вдруг предложил посмотреть на Ривьер-Сале с высоты птичьего полета…

— Понимаешь, Ник, в Интернете, в программе «Гугл» есть специальный сайт с картами. Там схемы и спутниковые снимки. Вообще-то это

дорогая штука — скачивать такие фотографии, но у деда бесплатная сеть… И вот мы вчера сидели полночи… Соленую реку видно так, будто летишь над ней, как чайка. Даже камни на дне удается разглядеть. И всякие лианы и заросли… И город Бас-Тер… Можно даже кошек на крышах увидеть…

— Вот взглянуть бы…

— Граф сказал, что отпечатает снимки! Вчера у него в принтере кончились цветные чернила, но он обещал, что скоро все наладит… Ник, а еще мы нашли форт Дельгре. Тот, который полковник Луи Дельгре со своими солдатами взорвал, чтобы не сдавать войскам Наполеона. Там теперь музей… Камни и разрушенные стены. И памятник на крепостном дворе. Называется «Круг, посвященный Дельгре». Там такая большущая голова из камня — видимо, портрет полковника, — а вокруг еще камни, похожие на людей. Наверно, в память о погибших… Я подумал: вот бы эти снимки в твой реферат! Жаль, что ты его уже защитил…

— А я могу снова! На другом заседании общества. Скажу, что расширенный вариант. Можно и про «Артемиду» сказать…

— Да! Я потороплю деда, чтобы печатал скорее… Только, Ник… будет, наверно, неувязка. Ведь

«Артемида» была через полвека после Дельгре. При чем там одно с другим?..

Ник сел, свесил ноги, постукал пятками о борт.

— А можно что-нибудь придумать! У меня на солнце закипело это… воображение… Вдруг тот дружок Гриши был какой-нибудь потомок Дельгре! А у того остались враги и хотели отомстить этому… внуку или правнуку. И он попросил спасения у русских моряков. А потом помог им пройти через пролив, чтобы они спаслись от погони.

— От какой погони?

— Ну, мало ли… Была же война с англичанами и французами, а Гваделупа — французский остров…

— Прямо роман, как у Жюля Верна! — восхитился Ваня.

— Конечно! В старинной жизни полно всяких романов, — умудренно согласился юный историк Кельников.

3

Мокрая компания снова полегла на песке. Никель прыгнул к ребятам — наверно, чтобы с ходу поведать им о новых идеях и догадках. А Ваню окликнула Лорка. Поманила тихонько в сторону. Когда отошли, шепотом попросила:

— Ваня, затяни потуже узелок… Пожалуйста. А то сползает… — И повернулась спиной.

Он не стал снисходительно хмыкать и говорить: «Вот глупая, зачем тебе все это…» (хотя и подумал так). Зубами распустил между Лоркиными лопатками мокрый узел косынки (при этом ткнулся носом в острый позвонок). Стянул концы, завязал покрепче.

— Хорошо?

— Да, спасибо…

— Не туго?

— Нет, правда хорошо…

— Лор, а откуда этот рубчик? — Он тронул мизинцем коричневый кривой шрамик под левой лопаткой.

— Ой, это давно… Мы с бабушкой вытаскивали из кладовки старые вещи, и я зацепилась за гвоздь… Ух, я ревела. Не от боли, а потому что потрогала, а на ладони кровь…

— Настрадалась… — очень серьезно сказал Ваня.

— Да ну, пустяки…

— Лор, давай я все же распущу тебе косы. А то намокнут, потом замаешься сушить.

— Ну… давай…

И он развязал синие ленточки и ловко расплел

две куцые косички. И не чувствовал при этом *ничего такого*.

…Нельзя сказать, что Ваня Повилика никогда не испытывал интереса к девчоночьей природе. В классе среди мальчишек хватало всяких разговоров и хихиканий и даже книжка ходила по рукам — с картинками и с названием «Девочки и мальчики — в чем разница». И с примечанием: «Для среднего школьного возраста». Но видя и слыша *такое* (например, по телику или в Интернете), Ваня не испытывал замирания. Ну… а если изредка и ощущал опасливое щекотанье нервов, то уж никак не из-за Лорки. Лорку он никогда не сравнивал в мыслях с другими девчонками. Они к Лорке не имели отношения. Никакого! Она была в Ванином сознании сама по себе. Он была — *свет*. Спокойная такая радость, без всяких тревог. Была тем, про кого говорят: «Хорошо, что ты есть». И он знал, что, если она даже рассердится на него, если они вдруг поссорятся, ему все равно будет хорошо. «Потому что *ты есть*…»

Да и не могли они поссориться! С какой стати? Ведь она была частью всего, что Ваня нашел в Турени. Частью этой реки, этих берегов, тополей и кленов, улиц с башнями и колокольнями, с ворчащей в глубине лога Туренкой. Частью сказ-

ки про парусник «Артемиду», про мальчишек, хлебнувших на этом паруснике приключений… Даже частью тревожного острова Гваделупа она была тоже. Но это название в голове у Вани тут же перечеркивалось другим, и все страхи исчезали… «Гваделорка»…

Правда, время от времени начинало точить тоскливое понимание: «Когда-нибудь все это кончится…»

«Но даже если и кончится, мне *все равно* будет хорошо. Потому что она *все равно есть*. Я же всегда буду знать это…» Утешение было, конечно, неполным. Но следом приходило другое: «Впереди еще два месяца…» А два месяца лета, сами знаете, это почти вечность…

ХУДОЖНИК СУКОНЦЕВ

1

Лика достала из сумки батон, помидоры, бутылку кваса и свой голосистый мобильник. Тот сразу и заверещал голосом попугая:

— Дорогая Анжелика! Тебя вызывает планета Марс! — Такой вот сигнал придумала для себя Лика и записала его во Дворце связи на Централь-

ном бульваре.

Вызывал, конечно, не Марс. Говорил Герман Ильич Суконцев, учитель рисования.

— Ненаглядная мадмуазель Сазонова (а заодно и уважаемый Тростик, если он трется рядом)! Дело первостатейной важности… или важнейшей первостатейности — как угодно…

— Ой, здрасте, Герман Ильич! Что случилось?

— Как я знаю, ты близко знакома со всякими там Трубачами и прочими энергичными личностями…

— Что значит «со всякими»?.. — слегка обиделась Лика.

— Значит, что с многочисленными. А у меня кадровый дефицит! Наверно, тебе известно, что меня школьное начальство запрягло для работы в городском летнем лагере…

— По правде говоря, неизвестно, — все еще суховато отозвалась Лика. С Ильичом она и Тростик виделись последний раз в начале мая.

— Меньше знания — меньше печалей… Но мне-то каково! Творческая личность вынуждена тратить время на пряталки-догонялки и хороводы с теми, кто еще не умеет вытирать носы.

— Ну, так научите вытирать. Это ведь тоже творчество. Педагогическое… — не удержалась

от шпильки «мадмуазель Сазонова».

— Ты, как всегда, права, моя радость. Но сейчас у меня конкретная проблема. Дамы из районо возымели желание устроить футбольный матч между лагерями двух школ — нашей и двадцать первой. А наш физрук не сошелся с завучем по некоторым вопросам воспитания и подал в отставку. И на меня повесили спортивную задачу, как на единственного оставшегося мужчину…

— Это большая честь, — сказала Лика.

— Несомненно… К тому же я когда-то играл в футбол. Но нужна команда из мальчишек десяти-двенадцати лет. А таких здесь раз-два и…

— Когда игра? — перебила любимого (хотя и бывшего) наставника Лика.

— Послезавтра!

— Я смогу найти трех или четырех…

— Спасительница!.. Завтра утром тренировка!

— Приказ понял, приступаю к выполнению, — сказала Лика голосом робота из фильма «Тайна железной двери» (вчера показывали по каналу «Культура»). — Вечером позвоню.

Тут же Лика собрала в круг «будущих футбольных звезд».

— Ребята, Ильича надо выручать… И опять же честь школы, как говорится… Сколько нас? То

есть вас… Федя, Ник, Ваня, Андрюшка…

— Нику можно побегать минут пять, — сумрачно напомнил Андрюшка. — А потом — на скамью запасных…

Никель не спорил: был рад, что хотя бы пять минут…

— А я ведь не из этой школы… — сказал Ваня. — Даже из другого города…

— Сейчас это модно — звать в местные команды столичных знаменитостей. И даже заграничных, — сообщила Лика.

— С Гваделупы… — легкомысленно вставил Никель. Без всякого, конечно, умысла. Ваню царапнуло. Никель понял свой ляп, виновато повесил нос.

Лика напористо сказала Ване:

— К тому же ты имеешь к этой школе прямое отношение, в ней учился твой знаменитый дед. Ты сам говорил, что он на одной карточке с Лоркиной бабушкой.

— А я подрежу волосы и надену шорты, — решительно сообщила Лорка. — А фамилия у меня Казанчук, не надо ничего менять… Я в деревне гоняла мяч с мальчишками…

— Только не забудь снять с ребер платочек, — поддел Федя.

Лорка бесстрашно сдернула не успевшую просохнуть косынку и огрела ей Федю. Тот кувыркнулся назад…

— А я? — без надежды спросил подошедший Бруклин. — Я не пригожусь?

Лика сказала, что если даже он обрядится в штанишки Тростика, за пятиклассника не сойдет.

— Но можно сказать, что я акселерат…

— Ага! Будто Ильич не знает, кто ты на самом деле.

— А кто я? — печально спросил Тимка и не дождался ответа.

Вечером тренировались во дворе у Андрюшки.

Ваня честно сказал, что сомневается в своих способностях. В Москве-то он играл от случая к случаю — на школьных переменах да изредка в Воронцовском парке с соседскими пацанами.

Федя утешил его:

— Здесь нет профессионалов. Лишь я один учился в Рио-де-Жанейро у знаменитого Пеле, да и то не был в лидерах…

Никеля уговаривали не бегать, и он почти слушался. Зато по воротам он бил с удивительной точностью. Несколько раз вкатал красивые голы Тимке Бруклину, который взялся побыть нынче вратарем «на общественных началах».

И Ваня бил умело! У него вдруг прорезалось вдохновение — вроде того, когда он вляпал помидором по шее Квакера. (Квакер, кстати, с той поры ни разу не встретился ему.) Вдохновению этому, видимо, помогала Лорка. Ваня то и дело оборачивался к ней. Лорка весело носилась по двору, энергично путалась у всех в ногах и порой попадала растоптанной кроссовкой по мячу. Удары были слабоваты, однако все же Лорка вполне похожа была на десятилетнего мальчишку, который старательно добывает команде победу…

2

Так было и на утренней тренировке.

Команда получилась, конечно, не очень сыгранная, некоторые впервые видели друг друга, но часа за три «все-таки склепался подающий надежду коллектив» (так выразился Герман Ильич). А еще он высказал надежду, что и команда соперников — «не сборная России».

«Ихняя» команда называлась «Юпитер», и Федя Трубин предложил, что пусть «наша называется „Артемида“». Никто не спорил. Про капитана Булатова большинство не слыхало, но рассудили, что имя — красивое и «древнемифическое», как у соседей…

Герман Ильич был прав: обе команды оказались одинаковые. В меру шумные, в меру бестолковые, но не драчливые и не обидчивые. Судью (физрука соседней школы) слушались, подножек нарочно не ставили, сильно не толкались… Таймы длились по полчаса. Никелю давали побегать пять минут в первом и втором таймах, а потом заменяли Лоркой. Он не обижался. А Лорка… в конце первого тайма она вдруг ловко увела мяч у толстощекого нерасторопного «юпитерца» и удачно пнула его Ване. А Ваня так же удачно издалека послал его Феде, который пасся у ворот соперников. Тот вмиг вогнал мяч мимо растерявшегося вратаря.

— Ура-а!! — взлетело над школьной спортплощадкой.

— Вне игры! — вопили болельщики «Юпитера».

— Сам ты «вне игры»! Там их защитник торчал!

Так был открыт счет. Правда, почти сразу «Юпитер» вмазал «Артемиде» ответный гол, но было уже ясно — соперники не сильнее.

В перерыве Федя хлопнул Ваню по плечу:

— Иван, ты герой! Такую передачу мне засветил! После этого как не забить!

— Это Лорка герой! Прямо в ноги мне мяч подала…

— И Лорка, — великодушно согласился Федя. Та с тихой гордостью улыбалась. Ваня не удержался и растрепал пятерней ее новую, мальчишечью стрижку.

Во втором тайме каждая команда вкатила соперникам по два очка, все изрядно запыхались, и казалось, что будет результат под названием «Победила дружба». Но за минуту до свистка неудачливый игрок «Юпитера» (тот, которого обвела в прошлом тайме Лорка) вмазался в мяч рукой. Ну, и сразу у «Артемиды» разгорелась надежда. Шанс! Пенальти! Ситуация — как в каком-нибудь международном матче!

Бить надо было Никелю или Ване — оба одинаково меткие «бомбардиры». Но Никель только что «отбегал» свое, а Ваня весь был в азарте, в инерции схватки и, конечно, вдарил бы как надо… Но он посмотрел на Никеля. Тот на своей скамейке запасных сидел скромный такой, поглядывал исподлобья и колупал кроссовкой гравий.

— Ребята, я не попаду. Правда… — выговорил Ваня. — Нога опять заболела. Это все еще от того ушиба книгой…

Все с пониманием приняли его неуклюжее

вранье. Ваня старательно захромал, объявили замену, и Никель вышел на поле.

Щуплый такой, в похожем на Ванин костюмчике (впрочем, все были в похожих, только у «юпитерцев» для отличия — красные повязки). Нерешительный.

— Ребята, я, наверно, промажу.

— Это будет катастрофа, — сказал Андрюшка Чикишев. — Земля сойдет с орбиты, и межпланетный кубок окажется на Венере… Бей, Ник, без оглядки.

И Ник ударил «без оглядки». И не промазал…

Неудачливый игрок «Юпитера», из-за которого назначили пенальти, всхлипывал. Его утешали. Свои и соперники. И Лорка… Потом она подбежала к Никелю, которого поздравляли друзья и оказавшийся рядом снисходительный Бруклин.

Никель тихо светился и говорил:

— Это я нечаянно… Сам не ожидал…

Лика налила для него в пластмассовый стакан минералку.

Подошел Герман Ильич.

— Что вы наделали, друзья! Теперь на меня взвалят должность организатора спортивной работы… Хорошо, что до отпуска неделя…

— Куда-нибудь поедете? — спросил Ник.

— Едва ли. Учительский оклад — не для туризма. Буду готовить холсты к осенней выставке… Кстати, любезная Анжелика, не могла бы ты заглянуть ко мне? Давно не была. Мне интересно твое прямодушное, хотя порой излишне саркастическое мнение…

— Прямо сейчас?

— Ну… если можешь…

Тростик сразу ухватился за Ликин локоть.

— Ну, разумеется, разумеется, — сказал Герман Ильич. — Да пошли хотя бы всей компанией. У меня есть вполне съедобный клубничный джем…

Тимофей Бруклин тут же молча поклонился и отошел.

Федя сказал, что они с Андрюшкой обещали помощь Евдокии Леонидовне на грядках.

— А то она полотенцем…

— И я… — сказал Никель. — Хватит меня делать инвалидом.

Ване тоже следовало сказать «и я». Ведь его уже считали своим в этой компании. Но Лика опередила:

— Герман Ильич, пусть Ваня с нами пойдет! Он москвич. Ему здесь все интересно. И… как живут здешние художники…

Ваня решительно взял за локоть Лорку:

— Тогда и она…

— Ради бога!.. Значит, москвич Ваня?.. А как зовут этого юношу? — Он перевел взгляд на Лорку.

Лика хихикнула:

— Это не совсем юноша… Она записалась, как Ларик, а на самом деле она Лорка… Лариса.

Герман Ильич пятернями взялся за щеки:

— Мамочки мои… Вы меня подведете под монастырь! Это же запрещено… Такие подставки…

— Мы будем молчать, как партизаны! — поклялся за всех Федя Трубников. Затем он, Андрюшка и Никель помахали руками и отправились «на огородную барщину». Ваня вслед им пообещал присоединиться позже. И Лорка…

3

Учитель и его гости тоже двинулись пешком. Пристанский район был не близко, но… и не так уж далеко. Автобусы же туда ходили «через пень-колоду». Герман Ильич на ходу все поглядывал на Лорку.

— Ты похожа на одного моего юного соседа. Правда, он уже вырос… Лет семь назад я писал его… на одном своем полотне. «Мальчик и Дон Кихот» называется…

— Я не видела такого, — вставила Лика.

— Ну, ты много еще не видела… Картина была в кладовке, я вытащил недавно… А Лорка… ну, действительно, Ларик. Носилась по полю, как истинный мальчишка. Уж не в твою ли честь команду назвали «Артемидой»? Резвая Артемида-охотница..

— Не-е… — смутилась Лорка. — Это корабль.

— Что за корабль? — спросил Герман Ильич. И будто споткнулся слегка.

Лорка испуганно глянула на Ваню: «Кажется, я выдала секрет?» И, чтобы не огорчать ее, Ваня быстро сказал:

— Тут закрутилась вокруг нас одна загадка. Столько всего в ней…

— Секретная загадка? — серьезно спросил Герман Ильич. — Мне знать не следует?

— Да не секретная! — Художник Ване нравился, чего было таиться! — Вы случайно не слышали о речном капитане Булатове?

— М-м… подожди. Надо подумать… О речном?

— Да… Ну, может, и не только о речном. Говорят, он плавал и в океанах, но когда был не капитаном, а юнгой… Но это все так не точно. Запутанно…

— А можно подробнее?

— Можно. Только подробностей-то мало… Мне

дед рассказывал…

— Ванин дед — профессор Евграфов, в университете, — вставила Лика.

— Ого! — сказал Герман Ильич. — Статья «Мальчик и бомбочка» — не его ли произведение?

— Да, его… А вы разве читали?

— Твое «разве» вполне объяснимо. Это, мол, для ученых написано, а не для всяких там художников. Но в кругах, так сказать, творческой интеллигенции данный текст тоже обсуждался. В основном сочувственно…

Ваня виновато засопел.

— Ну, а подробности-то? — напомнил художник. — Что поведал тебе Константин… Матвеевич, если не ошибаюсь?

— Матвеевич… — вздохнул Ваня. — А поведал вот что…

И стал рассказывать, что знал. Историю, где были Ремка Шадриков с картой Гваделупы и сама Гваделупа со страшным фортом Дельгре на склоне вулкана Матуба, и капитан «Охотницы», и Гриша Булатов на таинственной «Артемиде», и его маленький дружок — туземец, и…

— Все неизвестно, все непонятно, — признался Ваня. — И хочется разузнать… Хотя, может быть, ничего не было…

— Не бывает, чтобы совсем *ничего не было*, — как-то недовольно отозвался Герман Ильич. — Булатов наверняка был. Полковник Дельгре-тоже. И Гваделупа. И были мальчики Рем и Костик, тоже любившие тайны… И тайны эти, кстати, не рождаются на пустом месте… Ну вот, мы почти пришли…

Конечно, жилище художника Суконцева понравилось Ване. И картины понравились. Он же был сын своей мамы, которая имела дело с выставками живописцев и графиков. И в искусстве кое-что (хотя бы чуть-чуть) понимал. Или, вернее, чувствовал.

Была картина с нагромождением бурых скал под кучевыми облаками, с зелеными, как стекло, волнами, которые рассыпали по всему полотну клочья прибоя. И был маяк на кромке скал, а рядом с ним — рыжая лошадь, которая оглядывалась и словно ждала кого-то. (Уж не Гваделупа ли это? Та, старая, времен Дельгре…) А рядом, на скамье, стоял холст с очень яркими плодами, отчаянно зеленой ботвой и гирляндами желтых луковиц. из-за луковиц торчал узкогорлый белый кувшин, из которого выглядывала пластмассовая лысая кукла.

Красные плоды напомнили Ване *те самые*

помидоры. Он смотрел, не зная, что сказать. А стоявшая рядом Лика сказала:

— Маяк и лошадь — это здорово. А натюрморт, извините уж, сплошной кич. Будто и не ваша работа.

— А она и не моя, — слегка злорадно отозвался Герман Ильич. — Соседа. Он принес, чтобы похвастаться… Я передам ему твое мнение. Только не советую потом с ним встречаться…

— Куклу жалко… — вполголоса произнес Тростик.

— Да? Значит, не все потеряно! Значит, какое-то эмоциональное воздействие холст оказывает! Это я тоже передам автору…

— А где мальчик и Дон Кихот? — тихо спросила Лорка.

— Сейчас… это здесь… — Герман Ильич поманил ребят и в кирпичном закутке напротив окна отдернул зеленую занавеску…

Рыцарь сидел на солнцепеке, скрестив длинные ноги в порванных чулках и стальных наколенниках. Ощущалось, что его мятый железный панцирь нагрет солнцем. Рядом валялся такой же помятый шлем-тазик. Худое лицо было утомленным. Но… оно не было печальным. Рыцарь явно радовался отдыху. Он держал у подбородка

надкусанную горбушку, а свободной рукой жестикулировал-что-то объяснял сидящему перед ним мальчику. Тонкорукий мальчик в белой маечке и подвернутых джинсах слегка откинулся, упираясь сзади ладонями в песок. Слушал, подняв лицо. Видны были только щека и позолоченное солнцем ухо. И тем не менее Ване сразу представилось мальчишкино лицо (тот был явно похож на Лорку).

Мальчик слушал рыцаря с интересом. Даже не шевелился (это понятно было потому, что на пальце голой ступни сидела, не улетала красно-черная бабочка).

Ваня вдруг подумал, что под майкой у мальчика есть, наверно, такой же коричневый шрамик, что и у Лорки.

Был желтый песок, желтые камни, желтое от солнца небо. Неподалеку пасся худой Росинант, чуть подальше пилил по дороге бело-зеленый автобус, широко шагала к горизонту линия электропередачи. Отбрасывала разлапистую тень ветряная мельница.

Рыцарю и мальчику не было жарко на солнце. Не было страшно оттого, что перепутались эпохи. Им было хорошо друг с другом. Между ними царило *понимание*…

— Вот это да… — сказала Лика после молчаливой минуты. — А почему вы *это* прятали?

И Ваня сказал «вот это да», только молча. И, кажется, Лорка тоже. А Тростик заметил:

— Лошадь жалко. Отвели бы в тень под мельницей. — Он всегда про все судил по-своему.

— Лошадь скоро отойдет туда, — успокоил его Герман Ильич. И объяснил про картину: — Я ее… не то чтобы прятал. Просто не выставлял, не показывал… Были причины. Возможно, даже какие-то суеверия. И сложные законы бытия… Вы, друзья мои, ведь тоже знаете, что такие законы есть. Ваня вот недавно рассказывал про закон магнитного стержня… Да?

Ваня кивнул. С тревожным непониманием…

— Пойдемте, кое-что покажу… — Герман Ильич задернул картину и поманил ребят обратно в большое помещение. Там в простенке между окон-бойниц стоял квадратный стол с перемазанными краской картонами, палитрами, листами помятого ватмана, рисунками… Художник начал перемещать эти напластования на пол, ребята кинулись помогать. Когда осталось лишь несколько картонов и листов, Герман Ильич положил на них ладонь.

— Подождите… Я купил *это* лет пятнадцать

назад. В ту пору сносили немало деревянных кварталов. Хозяева, когда переезжали, понесли в антикварные магазины всякую старину. Журналы «Нива» и «Родина», фарфор с трещинами, древние фотографии, разлохмаченные атласы, гравюры… Да, «закон стержня»… Если бы не он, лежала бы эта вещь здесь еще неизвестно сколько времени. Не нужная никому…

Герман Ильич отбросил еще один лист. Под ним оказалась старая желтоватая бумага размером с газетный лист С похожей на большую бабочку гравированной фигурой. С буквами:

CARTE GENERALE
DE LA GUADELOUPE

И с бледной карандашной царапиной, перечеркнувшей перешеек. И со словом «Артемида» — полустертым, но различимым в упавших на карту лучах.

Ваня удивился тому, что почти не удивлен.

Да, что-то *такое* должно было случиться! В этом удивительном, похожем на старую крепость доме. Среди зеленых откосов и глинистых обрывов, нависших над заброшенными рельсовыми путями. В этом городе, где столько загадок и друзей (в городе, похожем на столицу острова

Гваделорка)…

— А на той стороне? — шепотом спросил Ваня.

— На той-то *самое*… — Герман Ильич перевернул карту.

Витиеватое слово *Булатовъ* тоже было полустертым, но все же читалось разборчиво.

— Ладно, дома рассмотришь как следует, — сказал Герман Ильич. — С дедом рассмотрите. Передай эту вещь ему. Скажи — в подарок…

— Но… — Ваня смотрел смущенно и даже опасливо. Он догадывался, каких денег стоит вот такой антиквариат…

— Ни слова более… — слегка торжественно возгласил хозяин карты. — Всякая вещь должна быть у того, кому она дорогá. Это один из законов разумного бытия…

Они шли по Капитанской улице, и Ваня прижимал карту к груди с эмблемой «Ivanhoe» (слегка поблекшей уже).

— Граф обалдеет от счастья, — говорил он. — Даже не поверит сперва. Столько про нее рассказывал…

— И пусть еще рассказывает, — велела Лика. — Может, выплывут новые подробности.

Они были счастливы — от победы в матче, от картины «Мальчик и Дон Кихот», от удивитель-

ного подарка, от густых листьев, желтых цветов и солнца. От лета, которое еще больше, чем наполовину, впереди…

Мог ли Ваня ждать, что все это рухнет через полчаса…

ПОВИЛИКА

1

— Лариса Олеговна, Граф дома?

Он узнал, что, конечно же, Граф на работе (несмотря на отпуск!), у него заседание, которое неизвестно когда кончится, хотя профессор обещал прийти на обед час назад, и ей уже надоело разогревать кастрюли, и что Ваня с дедом два сапога пара — обещают появиться к половине второго и проваливаются неизвестно куда, и, если у Графа хотя бы отвечает телефон, то «у тебя он молчит, как деревяшка, и я хотела уже идти искать, потому что думала, будто случилось то же самое, что с племянником Софьи Андреевны, когда он…».

— Да просто аккумулятор сел! Я же не виноват, что его хватает на полдня! Сейчас подзаряжу… Мы выиграли у «Юпитера», Никель им такую

банку вклепал — просто все вопили от восторга! Нам обещали грамоты дать, только позже, потому что сейчас нет бланков… А потом мы зашли к одному учителю, к художнику, и он…

Ваня поймал себя на том, что на радостях стал разговорчивым, как бабушка. Нет, про карту не стоит говорить, а то Лариса Олеговна выложит про нее Графу раньше срока…

Ваня пошел в свою комнату — просторную и полупустую, но с «персональным» телевизором, вытащил из-под кровати чемодан со своим имуществом, которого почти не касался уже две недели (о джинсах и свитерах можно было думать лишь как об орудиях пытки). Разгладил на паркете карту, осторожно свернул ее вчетверо (складки все равно уже были) и уложил поверх одежды. Здесь же он увидел торчащую из-под вязаной безрукавки ручку ракетки для настольного тенниса. Вытащил ракетку — старенькую, с чуть отклеившейся накладкой из коричневой резины. Заодно вытащил и белый пластмассовый мячик. Ваня прихватил их из Москвы, чтобы иногда, вместо зарядки, стукать мячиком о стенку — нравилась ему такая забава. Но в Турени оказалось не до тенниса: Лариса Олеговна выгоняла внука из кровати и сразу — умываться, завтракать,

пошли на рынок, поехали в магазин: «у тебя развалилась обувь, у тебя нет ни одной приличной майки...» А когда очухаешься — опять дела: или тянет бродить по улицам, или ждут друзья... А вот теперь пришла минута поразмяться.

Ваня постукал мячиком у себя в комнате, а потом подумал: Граф, наверно, захочет повесить карту у себя в кабинете. Но найдется ли там, среди книг, место? Надо посмотреть. И пошел в «логово» деда.

Логово было обширное, но место для карты-поди отыщи! Везде стеллажи. Только над электрокамином, над бронзовыми часами с крылатой девицей (кстати, вполне раздетой, поэтому Ваня не смотрел на часы при деде) найдется пространство, если чуть подвинуть настенный календарь с непонятными разноцветными схемами...

Ваня запустил несколько раз мячиком в это пространство, потом оглянулся: куда бы еще? По книгам — неинтересно, не будет отскакивать. К тому же перед книгами полки были уставлены сувенирами: пивными кружками, статуэтками, кубками, корабликами, шкатулками, фляжками, фигурками всяких заморских идолов... Все эти штучки дед привозил из заграничных командировок или получал в подарок от знакомых.

Ну, музей, да и только! Ваня часто разглядывал диковинки, но рассмотреть и запомнить их все пока не сумел…

Стойки стеллажей были облицованы ореховыми накладками шириной в ладонь. Ваня подумал: попадет ли мячиком в такую? И два раза попал! На радостях запустил мячик выше, но тот решил, что хватит баловать мальчишку. Улетел на верхнюю полку. Ой-ей-ей! Может, не доставать? Но стало жаль мячик — такой давний, привычный. Получится, что бросил малыша.

Идти за стремянкой? Но сразу, «ах что случилось, ах, ты расшибешься», и новая история про племянника Софьи Андреевны…

Ваня подкатил к стеллажу кресло. Босыми ступнями встал на пушистое сиденье, потом на податливый широкий подлокотник. И наконец — на упругую, как диван, спинку. До верхнего ряда тяжеленных книг все равно было не достать. Ваня потянулся, понимая заранее, что бесполезно, встал на цыпочки… Кресло на роликах поехало назад. Ваня правой рукой ухватился за стояк, левым локтем зацепил что-то на полке и под бряканье и звон очутился на прохладном паркете (Граф не терпел ковров). Он сел, раскинув ноги. «Цел?.. Кажется, цел… А что не *цело*?»

На желтых паркетинах между Ваниных ступней лежали фаянсовые осколки. То ли от какой-то вазочки, то ли от кубка. Синие с выпуклой стороны, белые — с изнанки. Крупные и мелкие…

«Ой-ей-ей… Откуда эта штука взялась? Кажется, я ее раньше не видел… Граф, наверно, расстроится… А может, не очень? У него вон сколько этого добра…»

Граф появился в кабинете, когда Ваня еще не собрал вместе разбитые, как осколки, мысли. Граф встал над Ваней бесконечно длинный — голова под потолок, — с полуседыми волосами, встрепанными, как у Дон Кихота на картине Германа Ильича.

— Негодяй! — сказал он деревянным голосом. Стремительно согнулся, ухватил Ваню за шиворот, вздернул высоко над полом. В руках у деда оказалась ракетка. Этой ракеткой он огрел Ваню между лопатками — раз, другой, третий! Выволок его за дверь и толчком направил вдоль коридора.

Слезы были, как кипяток. Они разлетались брызгами, обжигали руки, ноги, сыпались на паркетины. Ваня снова сидел на полу, но уже в своей комнате. Ногами обнимал чемодан, прижимал к нему крышку и пытался задернуть тугую мол-

нию. Задернул! Встал! Через коридор и прихожую бросился из квартиры, к лифту. Сзади замирали крики Ларисы Олеговны. Лифт помчался вниз со скоростью падения…

Нет, Ваня не был наивным мальчиком и не собирался уйти в леса, чтобы построить там хижину и жить вдали от всех несправедливостей. И топать в Москву по шпалам тоже не собирался. И проникать зайцем на самолет или поезд не думал. Конечно же, он сделает все просто: сейчас пойдет к Трубачам и попросит у них на пять минут мобильник. (Свой-то он выложил в комнате, потому что это был не «свой», а профессора Евграфова, с которым Ваня Повилика не желал иметь никакого дела.) Ваня позвонит маме и потребует, чтобы та немедленно, сию минуту, ехала в аэропорт и садилась на первый же прямой рейс до Турени. Или послала отца. Раз они запихали сына сюда, к этому… этому садисту… пусть и забирают немедленно! Он в проклятые профессорские хоромы не вернется, дождется мать или отца у ребят…

Да, все полетело, как от взрыва. Как в кино, когда едет по шоссе мирная машина, и вдруг — мина под колесом! И все теперь уходит, откатывается в другой мир: друзья, этот город, тайны «Артемиды». И Лорка, Лорка… Но как оставаться здесь,

когда случилось *такое*! Это унижение, этот бешеный гнев старика, эти удары и хватка костлявой руки!.. Сам говорил: «Ты воистину внук профессора Евграфова», а потом вышвырнул из дома… Ну, не из дома, из кабинета, но какая разница!

Вот так, в один миг, ломается все хорошее и начинается… неизвестно что… Да, неизвестно, только понятно, что все впереди — безрадостно…

— Стоять… — услышал Ваня. Голос был не грозный, даже бархатисто — ласковый. Но безжалостный. — Руки за голову, ноги на ширину плеч. Вы имеете право не отвечать на вопросы и требовать адвоката. Но его все равно не будет. При попытке к бегству — выстрел в затылок. Гнилым помидором.

Перед Ваней стоял Квакер.

2

Квакер был не один, а с теми же двумя «ковбоями», что при первой встрече. Один — пухлощекий, другой — похожий на гусака. «Ковбои» ухмылялись, как мультяшные коты, загнавшие в угол мышонка. И Квакер улыбался, но не столь откровенно, интеллигентнее как-то.

— Сопротивление бесполезно, — сказал Квакер.

Ваня и сам это понимал. Они на великах, а он пеший, не убежать. Ваня поставил к ноге свой небольшой чемодан и скрестил руки. Он ничуть не боялся. Страшнее того, что случилось, быть уже не могло. Может быть, даже наоборот? «Чем хуже — тем лучше…»

Гусак потянулся к чемодану.

— Лапы долой, — сказал Квакер. В его «болотистых» глазах блестела азартная искорка. — Имущество осужденного неприкосновенно. Его вернут родственникам после исполнения приговора.

Ваня, как и в первый раз, подумал, что у Квакера неплохо подвешен язык. И снова ничего не сказал. Квакер глянул на него с каким-то новым интересом.

— Пойдешь сам… навстречу судьбе? Или будешь орать и сопротивляться? Но здесь все равно никого нет.

Они стояли у моста на Перекопской. По нему проскакивали машины, а прохожих не было. Видать, никому не хотелось топать в середине дня по солнцепеку. Хоть лопни от крика. Да и зачем кричать? И стыдно…

— Ведите несчастного, — со вздохом велел Квакер. «Щекастый» и «Гусак» взяли Ваню за локти.

Он слегка дернулся:

— Не хватайте, у вас лапы немытые…

— Да, я же велел: лапы долой, — подтвердил Квакер. — Московский мальчик Ваня разумен, он пойдет сам.

«Имя разведал, скотина», — мелькнуло у Вани.

Они отцепились, Ваня взял чемодан и пошел, подчинившись кивку Квакера. Гусак и Щекастый двинулись по бокам, а Квакер чуть в сторонке и впереди. Оглядывался. Он был в чистых белых бриджах и немыслимо драной полосатой фуфайке на голое тело. Его помощники в блеклых джинсах и сизых ковбойках выглядели рядом с командиром тускло.

Через мост не пошли, а повернули вдоль лога, мимо спортивной площадки и общежития. И вышли на улицу Герцена. Над крышами сахарно сверкала Михаило-Архангельская колокольня, привычная такая. Ваня посмотрел на нее, будто попрощался…

Сильно пахло нагретыми лопухами и досками заборов, а еще — теплой ржавчиной от ближней свалки в логу. Прошли полтора квартала, и Квакер толкнул калитку рядом с косыми воротами.

— Добро пожаловать в замок Иф, — произнес Квакер тоном светского злодея.

— Можно подумать, ты читал «Графа Монте-Кристо», — сказал Ваня.

— Конечно, нет! Толстые книжки — они для образованных мальчиков из московских колледжей. А для остальных — кино. Важнейшее искусство для тупого российского населения…

Ваню подтолкнули к длинному двухэтажному сараю в глубине двора. По сараю тянулась на уровне второго этажа галерея. Кривая, из точеных столбиков и перекладин. Под крышей кривился и обвисал полуразрушенный, но все равно красивый узорчатый карниз. Явная старина. «Кому приходило в голову так украшать конюшни и дровяники?» — мелькнуло у Вани. Мысль была секундная, равнодушная, разбавленная досадой, которую вызвало слово «Граф» при упоминании книги.

Поднялись по шатким ступеням, оказались в низком широком помещении — наверно, бывшем сеновале. По крайней мере, Ване почудился запах сенной трухи. Воздух был прорезан плоскими лучами из щелей в стенах и крыше. Светились два оконца без рам. У стены, под скосом крыши, стоял длинный верстак. Были еще несколько табуретов и среди них — как король среди бедных подданных — стул с резной спинкой и точеными

ножками.

Этот стул Гусак деловито вытащил на середину. Спросил:

— Привязывать?

— Само собой, — сказал Квакер. И вдруг обратился к Ване: — Может, сводить тебя в туалет? Чтобы мальчик не описался от ужасов, которые его ждут.

— Потерплю, — буркнул Ваня. И вдруг подумал: «А чего я им подчиняюсь, как теленок?» Быстро оглянулся. У выхода на лестницу стояла облезлая метла с крепким черенком. Ваня метнулся, схватил метлу, замахнулся:

— Только подойдите! — И хотел выпрыгнуть на лестницу. Но его вмиг схватили, обезоружили, ловко усадили на стул. Толстый капроновый шнур взметнулся и обмотал пленника от плеч до лодыжек. Ваня даже не понял: почему так быстро это случилось? Видать, умелые ребята. Или он такой тюлень?.. А в общем-то, конечно, тюлень. Это другие ходят в секции карате, а он что видел? Фортепьяно и флейту да еще, в течение двух месяцев, хоккейную клюшку…

Гусак за спиной у Вани (судя по движениям) затянул узел. Щекастый потрогал шнур, врезавшийся в ногу под коленом.

— Слабовато. Развяжется, паразит…

— Да и хрен с ним, — сказал Квакер. — Все равно сейчас приведу зверя.

Он сбежал по лесенке и почти сразу вернулся с большущим серым псом. Беспородным, кудлатым и бородатым.

— Лежать!.. Видишь этого мальчика? Мы уйдем, а ты карауль. Если будет дергаться, можешь скушать его вместе с портретом Айвенго на рубашке…

«И это разглядел, гад…»

Пес послушно лег. Положил морду на лапы.

«Наверно, это Каштан, которого Квакер приютил год назад», — вспомнил Ваня рассказ Лорки.

— Вот собачка, — ласково сказал Квакер Ване. — Она любит пробовать на вкус московских мальчиков. Если будешь сидеть спокойно, она не тронет. А если… Как говорил майор Мак-Наббс, «джентльмены не должны иметь претензий, я предупреждал…».

«Кино „В поисках капитана Гранта“», — вспомнил Ваня.

Квакер продолжал:

— Мы сходим на часок, попьем чайку и обсудим твою участь. Потерпи. Утешай себя, что пока тебе

гораздо лучше, чем будет потом…

И они скатились по лестнице. Слышно было, как похохатывают.

Что это всё? Игра? Или сперва игра, а потом… В Интернете и по телику не раз появлялись сообщения: «Подростки замучили своего сверстника в подвале… Группа школьников забила одноклассника на пустыре за гаражами…» А зачем они так? Что за радость мучить людей? *Зачем*? Ваня вздрогнул. Это был вопрос его и Графа… Они тогда так хорошо говорили друг с другом. А теперь Граф… ЗАЧЕМ он так?

Из-за какой-то стекляшки… Ну пусть даже не стекляшки, а драгоценности. Ну, разбилась… А теперь всё разбилось…

Ваня всхлипнул. Неожиданно для себя. Пес поднял голову. Они встретились глазами. Глаза у пса были желтые, как янтарь.

— Каштан, — сказал Ваня.

Пес шевельнул ухом.

— Ты ведь Каштан, да? Тебя Квакер подобрал на улице… Значит, он не совсем гад? Каштан…

Тот больше не реагировал на имя. То ли позабыл его, то ли это был другой пес…

Ваня огляделся. На краю верстака была закреплена железная полоса с зубчиками. Наверно,

пила, чтобы делать разметки на досках. Если подобраться, то перепилить веревку-раз плюнуть.

Ваня заерзал на стуле. Каштан (или не Каштан) чуть вздыбил затылок и приподнял губу. Клыки под ней были — ого-го…

— Дурак ты… — вздохнул Ваня. — Хотя нет, не дурак. Наоборот. Делаешь, что велит хозяин, потому что любишь его… Молодец… Вот если бы меня кто-нибудь так любил…

Пес перестал скалиться. Кажется, даже глянул сочувственно.

— Я ведь не хотел его обижать, — объяснил Ваня. — Он же сам был виноват… А тебе я вообще ничего плохого не сделал. Давай так: ты подремли, а я подвинусь.

Но пес не был на это согласен. Только Ваня двинулся со стулом, как собачья губа снова поднялась и раздался тихий рык.

— Нет, все-таки ты балда, — сказал Ваня. — Ну, подумай. Я же не вор, не бандит. Я здесь ничего не трогаю. Только хочу уйти. Меня же сюда притащили насильно…

— Хр-рл-р… — отозвался пес. Но не со злостью, а как-то вопросительно. Ваня двинулся еще. Пес рыкнул уверенней и приподнялся.

Ваня стал вспоминать, какие специальные

команды применяют воспитатели собак, чтобы те слушались. Толком ничего он не знал, дома никогда не водилось даже крошечной болонки. Помнил только что-то из кино. Кажется, «пиль»? Или «фас»? Ой, нет, «фас» — это, вроде бы, «нападай!»… А еще? Шевельнулась в голове команда «тубо!» (тоже из какого-то кино). Похоже, что означает «нельзя!».

— Тубо… — сказал Ваня. Негромко и ласково. Мы же, мол, понимаем друг друга. И клыки снова исчезли. Пес мигнул и наклонил набок голову.

— Вот видишь. Ты славный… Нам же незачем ссориться, да?.. Ту-убо… — Ваня снова двинулся со стулом к верстаку. Пес больше не рычал. Но и не садился. Глядел будто бы с интересом: что, мол, еще надумаешь?

— Ту-убо…

Пес… он вдруг шевельнул хвостом. Подошел к Ване, поднял морду. Словно спрашивал о чем-то. В янтарных глазах не было никакой сердитости.

У Вани внутри мелко дрожала боязливость, но большого страха не было.

— Умница… Ты же хорошая собака. Просто замечательная… Мы с тобой вполне могли бы подружиться… — Ваня говорил тем же тоном, что со знакомым ньюфаундлендом Плутоном. Плутон

жил у Владика Савицкого, Ваниного одноклассника. Ваня иногда заходил к Владику и любил пообщаться с громадным добродушнейшим псом… — Ты ведь не злой, только претворяешься… Ту-убо…

Пес вдруг провел теплым языком по Ваниной щиколотке с засохшей ссадиной. Потом лизнул ему колено. И снова посмотрел мальчишке в лицо.

— Хороший… Тубо… — Ваня привстал со стулом и семенящими шажками подобрался к верстаку. Сел боком к полоске с зубчиками (ну, будто специально она здесь!). Завозил по зубчикам капроновым шнуром, притянувшим к стулу кисть правой руки… Шнур был прочный, но зубчики — острые. Через минуту веревка упала на пол. Пес все это время смотрел на Ванины действия с любопытством и, встречаясь глазами, помахивал хвостом. Похоже, что он одобрял Ваню…

— Спасибо… Эх, если бы у меня была такая собака… — Ваня смотал шнур в аккуратное кольцо и положил на верстак. Словно сказал Квакеру: «Спасибо, попользовался…» Потом встал.

— Ну, я пойду, ладно?

Пес не возражал. Хотя в глазах появилась мысль: «Жаль, что уходишь…»

Ване и самому было как-то жаль. Тем более что впереди не светило ничего хорошего. Но не сидеть же здесь, не ждать Квакера с дружками…

Ваня осторожно погладил пса между ушами и пошел к выходу. Пес двинулся следом, стуча когтями по доскам. Потом обогнал Ваню и снова глянул ему в лицо: «Только подружились, и уже расстаемся?»

Ваня сел на оказавшийся рядом табурет.

— Иди сюда…

Пес подошел и положил морду со щетинистой бородкой Ване на колени. Тот запустил ему руку в густую шерсть загривка. Совсем как Плутону…

Быстро застонали ступени, и в дверном проеме возник слегка запыхавшийся Квакер. Пес махнул хвостом, но морду с Ваниных коленей не убрал. А Ваня вообще не двинулся. И совершенно не знал, что будет дальше.

3

Квакер взялся разведенными руками за косяки. Растянул улыбку.

— Ну да… Я ждал чего-то похожего… — И крикнул назад, через плечо: — Гоша, Лёнчик, гуляйте!.. Ну, гуляйте я сказал, сам тут разберусь!.. Да все в порядке, не трепыхайтесь!.. Рубику скажите, что

никуда не пойду сегодня!.. Вот так и не пойду, у меня переэкзаменовка по нюркамату, заниматься буду… Ну, ладно, свободны, я сказал…

Он прошел мимо Вани к верстаку, сел там на «тот самый» старинный стул, глянул оттуда уже без улыбки и с любопытством. Спросил деловито:

— А чего не сбежал-то?

— Побоялся, — вздохнул Ваня.

— Правильно, — кивнул Квакер. — Все равно поймали бы…

— Я не за себя. Я за него испугался…. Думал, ты прибьешь его за то, что плохо караулил… — Ваня опять потрепал псу загривок.

— Да не-е… — дружелюбно разъяснил Квакер. — Чего это я буду обижать любимого зверя?.. Зверь, иди сюда…

Зверь оставил Ваню и пошел к хозяину. Теперь положил голову на колени ему.

— Хороший… — шепотом сказал ему Квакер. — Только слишком добрый… — Потом опять глянул на Ваню. — А как ты… это… вошел с ним в контакт?

Было уже ясно: не ожидается ни драки, ни «мучений». Видимо, правду говорила Лорка: Квакер «знал закон».

Ваня пожал плечами:

— Ну, как… стал говорить по-человечески. Он стал слушать… Он, видать, вспомнил, как его в беспризорные времена кормили разные люди. Это ведь Каштан, да?..

— Это *бывший* Каштан, — сказал Квакер назидательно и потрепал пса по ушам. — Теперь он забыл свое старое имя. И теперь кормлю его только я…

— Понятно… — кивнул Ваня.

Квакер вдруг спросил:

— А что, в Москве, наверно, нет таких собак? Небось, только всякие породы с дипломами?

— Есть и такие. Только все больше бродячие.

В парках и на пустырях. Их стараются ловить, да всех не переловишь…

— Бродячие тоже хотят жить. Имеют право.

— Да… Старушки их жалеют, подкармливают… — И вырвалось:-Не помидорами, конечно…

Квакер хмыкнул и потер шею:

— Помидор был скользкий и холодный. Где ты взял такой?

Ваня тоже хмыкнул:

— Я не выбирал. Какой попал под руку…

— Метко бросаешь…

— Это не всегда, — признался Ваня. — В редкие

моменты. Бывает, что накатит такое…

— А с чего накатило? За Лорку решил отплатить?

— Я тогда еще не знал Лорку, — сипловато объяснил Ваня (как вспомнил ее, зацарапало в горле).

— Лорку тут все знают… — задумчиво проговорил Квакер. — Это человек… Я не думал, что та тетка — ее бабушка…

— А если бы не ее? Можно пиратничать?

— Я нарочно, что ли? Так вышло… А извиняться не обучен, не столичное воспитание…

— В столице тоже не все обучены, — утешил Квакера Ваня.

— А я думал, там все такие тимуровцы… — ехидно заметил Квакер.

— Нет, что ты! — тем же тоном отозвался Ваня. — Квакиных тоже полно… — И охнул про себя: перекличка имен получилась не нарочно.

Квакер будто не заметил. Поднялся, зевнул:

— Ладно, гуляй, Ваня. Больше никто не тронет, пока ты тут… Долго еще будешь гостить в наших краях?

И сразу все, что случилось, опять навалилось на Ваню.

— Недолго, — переглотнув, проговорил Ваня. —

До завтра или послезавтра…

— Что? Не понравилось в нашей деревне?

— Наоборот… — честно сказал Ваня. — Еще как понравилось… Только… так получилось…

— Понятно. Столица зовет… А я вот ни разу не был в Москве… Вообще не был нигде на западе дальше Екатеринбурга…

— Успеешь еще, — утешил Ваня.

— А что, интересно жить в Москве?

Ване не хотелось уходить. Потому что ничего хорошего впереди его не ждало. И он не стал обрывать разговор.

— В Москве-то? Я не знаю…

Квакер возвел брови: этакая смесь насмешки и любопытства.

— Как это не знаешь? Там живешь и…

— Но Москва же не город!.. Что такое *город*, я только здесь и понял впервые. Когда чувствуешь границы. Когда… все одно к одному… А там… ну, это как страна или материк. Неизвестно, где край, где какие районы, никогда там не бывал… будто в Питере или Одессе… А живешь на своей улице, знаешь только школу да ближний магазин…

— А ты где там живешь?

— В Воронцове, на улице Пилюгина… Рядом парк есть, можно покататься на лыжах, на са-

мокате. Ну и все… До ближнего метро надо на автобусе. А оттуда, если в центр, еще целый час… Да одного и не пустят. «Ах, в метро люди на рельсы падают… Ах, опять были сообщения о маньяках, они крадут детей…» Будто под каждым деревом сидят по два маньяка, только и ждут…

— Здесь про них тоже были слухи, — хмыкнул Квакер. — Одного поймали даже. Но оказалось, что просто пьяница…

— Даже когда в школе, и то звонки: «Ванечка, не ходи домой пешком, папа или я заедем…» А идти-то четыре квартала…

Ваня говорил, и пространство словно заполнялось беспросветным серым веществом, которое должно было возникнуть из-за опытов на Большом адронном коллайдере… «Ну и пусть возникает, черт с ним!»

— А в Лужниках был? — спросил Квакер.

— Ни разу. Там все равно сплошная ярмарка. А если матч какой-нибудь, то не попадешь… Некоторые думают, что москвичи только и делают, будто каждый день ходят то в Третьяковку, то в Большой театр. Или гуляют по Красной площади. А я в Третьяковке был все два раза. Один раз с экскурсией, а другой — на выставке, которую мать там устраивала… А в Большом театре — один раз.

Отец провел. Просто так туда тоже билет не купишь, не кино… Да и когда? Большинство людей только и знает: работа да дорога туда и обратно…

Квакер молчал (с сочувствием, кажется). И Ваня замолчал наконец. Поднял чемодан.

— Ладно, пошел я… — И посмотрел на оглянувшегося пса. Сказал неожиданно для себя: — Пока, «бывший» Каштан… Ту-убо…

Пес толчком встал. Махнул хвостом. А Квакер изрядно удивился:

— Ты… это что за слово?

— Команда такая. Вроде как «нельзя». Я вспомнил, сказал ему, он и не стал рычать. А потом совсем… как свой…

— Тогда понятно…

— Что понятно? — Ваня опять поставил чемодан.

— У него имя похожее… Матуба…

Бывший Каштан снова махнул хвостом. Раз, другой. Посмотрел на Ваню так, словно хотел сказать: «Понял теперь, в чем дело?» А Ваня… он ничего не понял, но ощутил, будто рядом опять шевельнулся «магнитный стерженек». Тот самый…

— Почему… Матуба?

— Семейный обычай, — охотно объяснил Ква-

кер. — Был в роду у нас, у Григорьевых, давний предок. Сразу и не подсчитаешь какой. Вроде как прадед моего деда. С причудами мужик. Было у него любимое ругательство: «У, Матуба чертова!» В старости нашел он на улице черного бродячего кота, вредного, кусачего, и приручил. И назвал Матубой… Говорят, померли в один день… А потом в родне повелось называть Матубой то кошек, то собак…

Динькнула в душе у Вани мелодия…

Два дня назад бродили с Лоркой по Центральному бульвару, лизали мороженки, говорили про детей капитана Гранта. Ваня, когда узнал, что она не читала эту книжку, почти обиделся: «Столько всего читала, а эту… Она у Жюля Верна самая знаменитая!» — «Я кино смотрела, много серий…» — «Сравнила! Кино и книга!» — «Вань… ну, я не успела. Мне же всего десять с половиной лет…» Его щипнула совесть. «Лорка, да ты не горюй. Кино тоже интересное. Там начало, как в книге. Тоже про бутылку с письмом…» А она вдруг тихонько засмеялась. «Ты чего?» — сказал Ваня. «Песенка снова придумалась…» — «Небось, про волосок?» — понял он. «Да… вот…» — И пропела тихонько:

Тронет пружинку стальной волосок,
Бросит бутылку волна на песок.
Чей там листок?
Сколько там строк?

Ваня…

«Чё?» — сказал он не по-московски, а по-здешнему. От неожиданной неловкости.

«Ты, когда приедешь в Москву, напиши письмо сразу…»

«Я ведь уже обещал…»

«Ты не по электронке, а рукой. Своим почерком…»

«Ладно…» — И сразу защемило от того, что «ведь когда-то и правда я уеду». Но сразу утешил себя: «Еще не скоро…»

А вот теперь оказалось, что скоро. Почти сейчас… Конечно, он успеет попрощаться. А дальше что?

Серое вещество…

Но в мелодии, которая вспомнилась, была не только тоска. Было напоминание. Про бриг «Артемиду».

— На острове Гваделупа есть вулкан Матуба, — сказал Ваня, переглотнув соленый комок. Он готов был объяснить, что это за остров и какая

ниточка связала Гваделупу с Туренью. Пусть только Квакер спросит…

Но Квакер сказал без удивленья:

— Вот оно что. Может, и правда…

— Что правда?

— Пра-пра-прадед этот… Павел Кондратьевич Григорьев… вроде бы любил рассказывать, что родом он из каких-то южных краев. Чуть ли не с экватора. Вроде бы его совсем маленьким привезли в Россию какие-то моряки. Ну, никто не верил, конечно. Мол, с фантазиями мастер…

«Неужели…» — словно сказал кто-то рядом с Ваней. И застукало сердце.

— А… по чему он мастер?

— Был он резчик по дереву, дома украшал. Он и этот сарай строил, его узоры на нем. Видел, небось, сколько тут всякой резьбы на старых домах? Но это уже остатки. Почти все рассыпалось, или строители посносили под новые дома… Музейные работнички подбирают обломки, где сумеют… Мы с моим дедом тоже, пока жив был… Вот, погляди, если охота… — Квакер пошел в дальний полутемный угол. Ваня подумал — и за ним… Квакер отодвинул лист фанеры. За этой загородкой оказались прислоненные к стене доски и просто куски дерева. Черные от старости.

Все — покрытые глубокой резьбой. Сплетение цветов, солнечных дисков, кистей винограда, листьев и птичьих голов с гребешками…

— Но это все уже не его, — насупленно сказал Квакер. — Это его учеников или… так, других мастеров. А от Павла Кондратьича остался только этот сарай, да еще вот… — Квакер с натугой раздвинул два узорчатых карниза и вытащил на свет столб. Ростом с себя, диаметром с трубу для чертежей. Тоже черный, щелястый. Вокруг столба вьюнком обвивался вырезанный из того же дерева стебель с цветами-колокольчиками. Снизу доверху. Лишь кое-где колокольчики оказались обломаны.

Была в этом стебле, в этих цветках удивительная живость, словно мастер не вы́резал их, а вырастил в саду и оплел древесный ствол…

— Еле спасли с дедом, — хмуро сказал Квакер. — Отобрали у тех, кто ломал неподалеку дом купцов Максаровых. Даже не дом, а беседку в саду… Такая резьба сохранилась только в одном еще месте, на музее городского быта, два столбика у крыльца. Но там тоже не Павла Кондратьича, а тех, кто повторял его работы… А это его собственная. Сперва это была здесь у меня подпорка для крыши, а потом я убрал, чтобы не намокала от дождя, потому

что щели вверху…

— Это, наверно, в музей надо… — осторожно сказал Ваня.

— А вот фиг им! У них там места нет. Засунут куда-нибудь в подвал… А этот рисунок резьбы у мастера был самый любимый. Называется «Повилика»…

— Как?! — тонко спросил Ваня.

— Повилика… Цветок такой. Не слыхал?

Ваня ладонью осторожненько провел по деревянным колокольчикам. Потом тронул колючий лепесток щекой. Путаница мыслей, загадок и догадок снова смешалась с мотивом «Стальной волосок». «И надо уезжать, да?..» Он глянул на удивленного Квакера, сказал виновато:

— Будто родственника встретил… У меня фамилия такая: Повилика…

Он не успел больше ничего сказать. А Квакер, видимо, не успел удивиться. Матуба прыгнул к верстаку и поставил на него передние лапы. Над ним, в крыше, разошлись доски. В широкую щель увесисто упал на верстак Тростик.

СНОВА ПОВИЛИКА

1

Он упал и, не вставая, обнял пса за шею.

— Матубушка, не рычи! Они все — свои!..

«Свои» падали через щель следом за Тростиком. Первой — Лорка во вздувшемся, как пестрый парашют, сарафанчике. Затем — с деловитостью бывалых десантников — Федя, Андрюшка и Никель. Потом, изящно свесив ноги в дырявых кроссовках, — Лика. И... наконец — Тимофей Бруклин в камуфляжных штанах до колен и белой рубашечке концертного фасона. Прыгая с верстака на пол, он светски подал руку Анжелике (та хлопнула его по пальцам).

Остальные тоже прыгали на пол. И вставали по сторонам от Вани. Только Тростик продолжал сидеть и обнимать Матубу. Матуба не пытался освободиться, махал хвостом. Он не удивлялся вторжению. Видимо, потому, что не удивлялся Квакер. Стоял, скрестив руки, и наблюдал за налетчиками со своей лягушачьей улыбкой. Потом сказал:

— Но комбатант...

— Чего? — удивился Федя.

— Говорит, что он — невоюющая личность, — разъяснил Тимофей Бруклин.

— Да, мы помирились, — сказал Ваня.

— Как «после пушки»? — понятливо спросил Тростик и наконец отпустил Матубу.

— Нет, насовсем, — сказал Ваня с горькой ноткой. Потому что сколько этого «насовсем» еще оставалось у него?

Лорка оказалась с ним рядом. Взяла за рукав, встала на цыпочки, щекочуще шепнула в щеку:

— Вань, ты, что ли, правда решил уехать?

«Господи, а что делать-то?»

— А что делать-то? — сказал он, кашляя, чтобы не разреветься.

Что делать — лучше всех знала Лика. Протянула Ване свой мобильник и велела вполголоса:

— Позвони Ларисе Олеговне… балда.

— Зачем?

— Еще раз балда. Если ты поругался с неродным дедом, зачем доводить до инфаркта родную бабушку? Она обзванивает всех мальчишек и девчонок: куда сбежал любимый внук? Ты знаешь, что у нее повышенное давление?

Ваня про это знал, но не помнил. Зато сразу вспомнил: у Ларисы Олеговны, конечно же, есть

номера всех его знакомых ребят. И понятно, какой она подняла тарарам. И понятно, как поднялись друзья по тревоге!

— А как вы узнали, что я здесь…

— Это нетрудно, — разъяснил Никель. — Малыши на Герцена видели, куда тебя… куда ты пошел…

— Звони немедленно, — повторила Лика. — Она ждет…

Голос Ларисы Олеговны был необычайно сух. А речь — на удивление лаконична.

— Иван! Если ты решил покинуть наш дом, надо вести себя разумно. Дождаться кого-то из Москвы, никуда не убегая и не устраивая драм, как в киносериале…

— Я не устраивал… — буркнул Ваня. — Я поживу у ребят, пока не приедет мама… Не хочу я с ним…

— Дело твое… А может быть, вы все-таки попробуете объясниться?

— Как? Опять с помощью ракетки?.. Меня сроду никто пальцем не трогал! А он… размахался… из-за какой-то паршивой стекляшки…

— Не из-за какой-то… Впрочем, не в этом дело. Граф старый человек, и можно было бы пощадить его нервы…

— Вот я и решил пощадить. Не буду больше мозолить глаза…

— Ты безжалостное существо, — твердым голосом известила внука Лариса Олеговна.

— Да? А он «жалостное»?.. А руку подымать на того, кто слабее, это «жалостно»? А унижать человеческую личность?..

Ваня вдруг ощутил, что говорит не то. Вернее — не так. Без настоящей убедительности. Будто на переменке в перепалке с одноклассниками. А Лариса Олеговна сообщила:

— Вы с дедом — два сапога пара. Он куда-то ушел, а перед уходом сказал… знаешь что?

— Что? — вырвалось у Вани, хотя следовало ответить: «Мне это неинтересно».

— Он сказал, что идет на помойку, к мусорным контейнерам. Туда выбрасывают золу из каминов. А зола — это пепел. И он сказал, что будет пеплом посыпать себе голову…

— Еще и издевается!

— Ничуть не издевается. Иногда под горькой шуткой прячется печаль и виноватость… Как, например, у моего знакомого, это дядя Софьи Андреевны, у которой племянник недавно поехал в Сочи и…

— О-о-о… я приду! — сказал Ваня.

Разговор слышали все — Ликин мобильник был известен своей горластостью. Лорка все держала Ваню за рукав. И теперь улыбнулась:

— Не уедешь, да?

— Не знаю… Раз уж пепел… — И повернулся к вежливо молчащему Квакеру: — Можно, я еще к тебе приду? Надо кое-что спросить…

— Сэр, — отозвался Квакер. — Мой за́мок всегда готов принять вас… — Он обвел глазами остальных. — Как и вас, господа. Только… лучше через дверь, а не там… — Он поднял глаза к раздвинутым доскам. — Хотя, если нравится, можно и там… пока не починил крышу.

Все, кроме Квакера и Матубы, проводили Ваню к дому. Лорка так и держала его за коротенький рукав у плеча.

— Я не понял, — сказал прямолинейный Федя Трубников. — Дед тебя отлупил, что ли?

— Ну… — буркнул Ваня. — Распустил руки…

— Подумаешь, — утешил его Андрюшка. — Дело семейное. Нас бабушка то и дело мешком охаживает…

— Дрюша, это не то, — мягко возразил Никель. — Это же не обидно. Как игра…

— Когда игра, а когда как вмажет по затылку…

— Все равно… — усмехнулся Никель.

— А почему вы через крышу прорвались, а не в дверь? — спросил сразу у всех Ваня.

— Это Тростик… — объяснила Лорка. — Мы забрались, чтобы посмотреть в щель, что с тобой. На разведку. А он вдруг говорит: «Доски еле держатся». Двинул одну, вторую — и вниз. Нам куда деваться-то?..

— Герой, — сказал Тимка Бруклин.

— Вот кого надо было взгреть, — вмешалась Лика. — За лишнее геройство. Только и показывает, что ничего не боится…

— Кроме гусей, — сказал Андрюшка.

— Зато все окрестные собаки у него в друзьях, — заметил Федя. — Не только Матуба…

Остановились у шлагбаума, который загораживал въезд в «профессорский» двор. Никто не давал Ване советов. Считали, видимо, что все у него утряслось. «А на самом деле?..»

— Я тебе позвоню, — шепотом сказал он Лорке. А остальным просто помахал рукой. И пошел к подъезду. И поднялся на лифте на пятый этаж. И позвонил. Потому что свои ключи оставил в этой квартире вместе с мобильником.

Лариса Олеговна — прямая и с припухшими глазами — растворила дверь.

— Входи…

Он вошел. Встал посреди коридора.

И что теперь?

2

И правда — что теперь?

Помолчали.

— Ты нас чуть не свел с ума, — сообщила наконец Лариса Олеговна. И стало легче.

— А где… Константин Матвеевич?

— Если бы я знала, где…

«Может, правда на помойке?» — мелькнула дурацкая мысль. В это время в коридоре опять зашумел лифт: кабина уехала вниз, лязгнула там дверью и полезла обратно. Ваня быстро прошел в свою комнату, сел на кровать (купленную специально для него, широкую, в стиле «ретро»). Уперся локтями в колени. Стал смотреть перед собой.

Дед бесшумно появился на пороге. Взялся за косяки (как недавно Квакер). Ваня на него не смотрел.

— Ну?.. — сказал профессор Евграфов.

— Чего «ну»? — сказал Ваня, глядя на широченный календарь с видом города Праги.

— Значит, решил уезжать? — спросил профессор.

— А что еще делать? — спросил Ваня.

— Ну… есть другой вариант…

— Какой? — глядя на башни города Праги, сказал Ваня.

— Простой. Не уезжать…

— Ага! Чтобы ты воспитывал меня ракеткой? — Ваня наконец искоса глянул на Графа.

Профессор взял себя за плечи. Покачался.

— Однако, друг мой, ты проявляешь изрядное недомыслие. Разве это был воспитательный момент? Считай, что мы просто подрались. Ну… или почти подрались. Я сгоряча стукнул тебя тем, что попало под руку. А ты по благородству характера не стал отвечать старому больному человеку и гордо хлопнул дверью… оставив меня и родную бабушку в горестной неизвестности…

— Ага, в горестной… — Ваня глянул повнимательней, и тут его дернул за язык насмешливый бес: — А где пепел?

Граф не стал притворяться, будто не понял. Ответил сразу:

— Посыпать голову можно и на помойке. Зачем таскать мусор в дом?

Бес опять насмешливо дернулся, но Ваня успел ухватить его за хвост. Прогнал пинком. И не спросил: «А там ты ее посыпал, голову-то?» Вместо этого сказал:

— Никакой ты не старый и не больной. Вон как вздернул за шиворот!.. Думаешь, не обидно?

— А мне, думаешь, не обидно?! — взвинтился дед. Шумно, почти обрадованно. — Ты хоть понял, *что* ты разбил? Пойдем, пойдем!..

Ване что делать-то? Пошел за дедом в кабинет.

Осколки разбитой вещицы лежали на широком столе, рядом с монитором. Словно куски расколотого кокоса, только блестяще — синие снаружи и матово-белые внутри. А еще какая-то медная палочка с кружком на конце. Граф оглянулся на хмурого Ваню.

— Это голландский глобус восемнадцатого века… был… Да фиг с ним, что голландский и что восемнадцатый век. Но это память о Реме Шадрикове! Вчера его жена… вдова то есть… Валентина позвонила и сказала: «Приходи, хочу тебе кое-что передать, пока не померла». И отдала вот это. Говорит, что глобус Рем раздобыл где-то года три назад. Будто обещал: «Вот приедет Граф, буду хвастаться перед ним…» Мол, эта штука имеет отношение к капитану Булатову… Вот и отдала… А ты…

— А что я?! — старательно вознегодовал Ваня (Господи, хорошо-то как! Не надо уезжать!). — Что я?! Разве я нарочно?! Я его даже и не заметил!

Зацепил нечаянно, когда полетел с кресла… А ты ворвался сразу…

— И не так уж сразу! — возразил Граф тем же тоном. — У тебя хватило времени поразмышлять и поразглядывать осколки. Хладнокровно и даже с некоторым цинизмом.

— С чем?! С чем я их разглядывал?..

— С цинизмом. Ибо как иначе назвать мироощущение, с которым человек берет разбитую ценную вещь и оставляет на ней свой автограф?.. Тоже мне Герострат…

— Кто?! Что оставляет?! — завопил Ваня с новой обидой.

— А это что? Не твоя роспись? — дед взял крупный осколок. На белой изнанке виднелся бледный, но различимый след грифеля:

Повилика

Ваня с полминуты смотрел на витиеватую надпись. Потом взглянул на деда. Снова на карандашный след. Снова на деда.

— Граф, — с чувством сказал Ваня. — Вот провалиться мне… в черную дыру Коллайдера. Не писал я этого. И даже не видел… И где бы я взял в ту минуту карандаш? Да и ЗАЧЕМ?

Граф узловатыми пальцами вцепился в под-

бородок.

— Но в таком случае… откуда?

— Ты взгляни! Это и почерк не мой! С завитушками! Сейчас так даже и не пишут!.. — И тут же вспомнилось карандашное слово «Булатовъ» на обороте карты!.. Он же совсем забыл про нее в нынешней круговерти!

— Граф! Я сейчас! Тебе… Ты завоешь от радости! — Ваня метнулся в коридор, дернул крышку чемодана, выхватил карту. Двумя скачками вернулся в кабинет. — Вот! Смотри! — И развернул перед дедом.

Тот не сразу взял карту. Сначала просто нагнулся и смотрел. И, кажется, не дышал. Потом ухватил обтрепанный край бумаги кончиками пальцев, повернул карту к свету, к окну…

— Глазам не верю… то есть верю, но… столько всего сразу. Это провидение…

— Или *магнитный стержень*…

— Не все ли равно… — Дед покачал карту перед собой, посмотрел на обратную сторону, опять перевернул. И спросил наконец: — Где взял-то?

И Ваня стал рассказывать.

После всех переживаний слова рвались из Вани потоком. Как из Ларисы Олеговны. Чтобы все было понятно, он рассказал и про купанье

у баржи (где Никель вспоминал Гваделупу), и про звонок Германа Ильича, и про футбольный матч, и про таинственное жилище художника. И только после этого — про карту. Дед понимающе кивал, не перебивал. И лишь когда Ваня выдохся, дед спросил:

— У тебя есть номер Германа Ильича?

— Что?.. Ой, нету. У Лики есть! Сейчас спрошу. Дай твой телефон, мой не заряжен… Ага… Лика! Это я… Да все в порядке!.. Да мы и не ссорились, а просто подрались чуть-чуть… — Хихикнув, он мельком глянул на Графа. — Лика, дай номер Германа Ильича, дед хочет позвонить!.. — Ваня пощелкал пальцами, Граф подсунул ему ручку и лист из принтера. — Да пишу… Спасибо… Что? У тебя? Позови, я как раз хотел ей звонить! — Это Ваня соврал с уколом совести, потому что про Лорку в тот момент не помнил. — Лор, давай завтра утром! Да, приеду!.. Я тебе столько всего расскажу!.. Да нет, не секрет, потом расскажу всем. А тебе — первой… Да!..

Потом звонил Граф:

— Добрый день. Могу я поговорить с Германом Ильичом?.. Добрый день еще раз… хотя скорее уже вечер… Это профессор Евграфов… Герман Ильич, ну что я могу сказать? Слов нет… Это не

просто «спасибо», это… всем сердцем… Вернулся в сказку детства. Я вообще-то несентиментален, однако сейчас… Хотелось бы увидеться. Можно?.. Я найду… Господи, не надо мне объяснять, кто такой художник Суконцев! Ваше полотно «Город на острове» висит в университетском холле рядом с моим кабинетом… Спасибо еще раз, до встречи…

Дед сидел у стола, подперев кулаком острый подбородок. На щеках — длинные вертикальные морщины. Он казался печальным. Снова вспомнил, наверно, разбитый глобус. Карта картой, а как взглянешь на осколки…

— Граф, — мягко сказал Ваня. — Ну, чего такого-то? Осколки никуда не девались, можно склеить. Клей «Момент» схватывает намертво и быстро… Ну, может, останутся щелочки, но чуть заметные. Все равно глобус опять будет целый… Только ты купи клей сам, а то ребятам не продают. У нас в классе есть два изобретателя, они однажды пошли за клеем, чтобы собрать корпус робота, а их в магазине продавщицы ухватили за шиворот: «Токсикоманы!.. Милиция!»

— Дитя мое, — вздохнул дед. — Ты стал разговорчив, как твоя бабушка…

— Я не всегда разговорчива, — откликнулась Лариса Олеговна. Она, оказывается, стояла в

дверях. — Я бываю, когда нужно, деловита и молчалива. И докажу это, когда склею ваш глобус. У меня есть «Момент», и мне не привыкать. Я склеила как-то вазочку и две розетки от нашего сервиза, а когда у Софьи Андреевны… Тьфу! Глупый смех… Давайте ваши осколки…

3

Они провели над картой несколько часов.

— Странный остров, — говорил профессор, словно слегка обижаясь на Гваделупу. — Все задом наперед… Мы с Ремкой еще в школьные годы специально купили французский словарь (в классе-то учили английский) и кое-как разбирали надписи. Удивлялись. Правая часть острова называется Гранд-Тер, то есть «высокая земля», хотя там низины. А горная часть с вершинами и хребтами именуется Бас-Тер, то есть «Низменная земля»…

— Граф, а почему так?

— Кто их знает, островитян… Может, чтобы сбить с толку злых духов?.. Сперва-то остров назывался Карукера. То есть Остров прекрасных вод. Это его столь поэтически наименовали индейцы-караибы, когда выгнали оттуда коренных жителей, тоже индейцев, не помню как их звали…

Во́ды там, говорят, и в самом деле прекрасные, только крови было гораздо больше, чем воды́. Я на работе недавно полистал Википедию…

Ване говорить о крови не хотелось. Он спросил:

— А почему — «Гваделупа»?

— Колумб открыл ее в конце пятнадцатого века. И назвал Санта-Мария Гваделупская Эстремадурская. В честь испанского монастыря. А потом название укоротили…

— Ну а что такое именно «Гваделупа»?

— Я не знаю. В романских языках весьма слаб… Постараюсь выяснить…

— А почему посреди Бас-Тера такое белое пятно? Будто лагуна… И надпись длиннющая…

— Не лагуна это, о пытливый отрок, — возвестил профессор Евграфов голосом старика Хоттабыча, — а покрытая непроходимыми лесами горная область. В ту пору совершенно неисследованная. Да и сейчас не очень… Вроде как «Затерянный мир» Конан Дойла…

— Почему Конан Дойла? Жюля Верна!

— О, дремучесть нынешнего юношества! Стыдись!.. Смешать двух таких писателей!

— Ой, да! Я перепутал… Но у Жюля Верна тоже есть про такое, похожее…

— А надпись… Мы с Ремкой пытались перевести когда-то, и получилось примерно такое: «Ядро острова, или Недоступные горы, покрытые деревом»…

— Туда уходили повстанцы, которые воевали с французами, Никель рассказывал… А почему нет форта Дельгре? И вулкана Матубы? Это ведь рядом с городом Бас-Тер!

— Ну, мало ли чего здесь нет. Это же генеральная карта, то есть общая. Она не морская, а из какого-то исторического атласа. Наверняка там были и более подробные карты, отдельных мест…

— А если не морская, как оказалась на бриге «Артемида»?

— Н-ну… а что мы знаем об этом бриге? Был ли он? И тем более — что знаем о людях и событиях? Вы с друзьями начали сочинять историю в духе Жюля Верна, только ведь фактов-то кот наплакал…

— Граф! Вы с Ремкой… с Ремом… тоже сочиняли историю!

— Ну да, я не спорю… Фантазировать не грешно. Мы уже тогда понимали — карта не морская, и решили, что она попала в плавание с каким-нибудь ученым…

— С каким? — напряженно сказал Ваня.

— Ну… ты не хуже меня знаешь из Жюля Верна, что на парусниках часто оказывались всякие ученые чудаки. Паганель, кузен Бенедикт, доктор Клоубонни… Вот Ремке и пришло в голову, что на «Артемиде» мог отправиться в экспедицию такой доктор. Может, думал побывать на Гваделупе и прихватил карту. На всякий случай…

— Доктор Повилика… — вполголоса сказал Ваня.

— Что?.. Кто?

— Доктор Повилика… Такой вот ученый… Если придумывать, то почему бы и не так? — Ваня смотрел с вызовом. Он готов был отстаивать идею, которая вырастала стройно и убедительно.

— Да, но почему Повилика?

— А кто, по-твоему, написал в глобусе эту фамилию?

— Но как? Засунул карандаш в дырку у подставки?!

— Загнал в глобус нанороботов, — улыбнулся Ваня. — Да нет же, конечно! Наверно, глобус раскрывался на две половинки, ты просто этого не разглядел. Надо спросить у Ларисы Олеговны…

— Лариса-а! — заголосил Константин Матвеевич. Но профессорский зов угас в недрах

необъятной квартиры: кухня была в дальнем конце изогнутого коридора. Пришлось идти туда самим.

Лариса Олеговна колдовала над осколками, включив настольную лампу, хотя за окнами не гасло солнце. Она сказала, что да, глобус, безусловно, раскладывался на два полушария. Отвинчивалась головка на макушке, вынимался стержень с подставкой, и…

— Но похоже, что его не раскрывали очень долго. Вот, кусочек одной половинки присох к выступу другой, я еле его отсоединила… Это как фаянсовый абажур у нас в конторе, он однажды грохнулся на пол, и наш заведующий начал подбирать кусочки, а Софья Андреевна…

— Ларочка, мы тебе очень благодарны, — заспешил Граф. — Не будем мешать, у тебя еще много работы. А мы пойдем дальше копаться в карте…

И они продолжили «копанье».

Дед вытащил через «Гугл» на монитор современные карты острова, где были и форт, и Матуба, а над ними — высочайший вулкан Гваделупы — Суфриер. На снимках было видно, что он дымит и в наши дни. Стали сравнивать старину с нынешними днями… Сейчас Гваделупа представлял собой не очень знаменитый, но благоустроен-

ный курорт — с пляжами, яхтами, прогулками к вершине вулкана и в лесные джунгли, с посещением разрушенного форта и музеев… Понятно, что нигде в музеях не найдется упоминания, как однажды смелый русский бриг прошел по проливу Ривьер-Сале перешеек между Бас-Тером и Гранд-Тером… Но Ваня твердо верил, что это было. И Граф, видимо, верил тоже.

Граф сомневался в другом:

— Но с чего ты взял, что глобус, как и карта, был на судне? У этого… твоего предка?

— Я не говорю, что он предок! Может, однофамилец! Но глобус там точно был!

— Докажи! — профессор Евграфов, кажется, впал в полемический азарт, как в споре с коллегами об искусственном интеллекте.

— А вот смотри! Был на бриге Гриша Булатов. Потом появился у него друг, с Гваделупы. Везти на паруснике двух мальчишек в какие-то дальние края капитан не решился. Одного еще туда-сюда, потому что родственник, а тут целый детский сад… Да и война не стихала. Вот капитан и решил отправить их в Россию. А в спутники дал доктора Повилику…

— Гм…

— Ну и что же, что «гм»?! А разве так не могло

быть?.. И когда расставались, уже в России, Грише доктор подарил карту, а второму мальчику, который с острова, тоже надо было что-то подарить, верно ведь? Вот он и отдал глобус…

— Непонятно, однако, — сказал дед, — с чего вдруг таинственный доктор Повилика решил оставить свою подпись внутри глобуса…

— Может, на память тому мальчику. Когда вздумал сделать подарок…

— Но тогда логично было бы ожидать, что он распишется и на карте. На память Грише Булатову… А расписался на ней сам Гриша…

— Ну, Граф… — умудренно вздохнул Ваня. — Что мы можем знать, как они рассуждали тогда? Доктор и те ребята… Вдруг доктор подумал: на бумаге буквы сотрутся, а внутри шарика останутся на много лет… Может быть, он и не для того мальчика писал…

— А для кого?

— Ну, вообще. Может быть, для нас… — И прошел по Ване этакий холодок. Будто морской ветерок из девятнадцатого века…

Профессор Евграфов кивнул:

— Ну да… Чтобы мы сейчас ломали головы… Ну а что, по-твоему, дальше случилось с глобусом? Почему он сразу не оказался у Гриши? Ведь ма-

лыш-то… его очень рано не стало в живых…

— А может, «стало», — сказал Ваня.

— То есть?..

— Ремкина тетушка могла и ошибиться! С чего она взяла, что Гришин друг умер? Это же были просто слухи!

— Но, кроме слухов, у нас ничего и нет. Никаких фактов.

— А вот и есть, — с пружинистым торжеством заявил Ваня. — Слушай…

4

Он помнил о сегодняшнем главном открытии все время, но ждал самой подходящей минуты, чтобы выложить его. И эта минута пришла.

— Граф, представь себе! Вот есть туренское семейство, в котором помнят одного пра-пра-пра… какого-то пра-дéда. Странного такого. Он рассказывал внукам, будто родом не отсюда, а с дальнего острова. Привезли его совсем маленьким. И он любил ругаться непонятным словом «Матуба»… Подожди… И он был резчиком по дереву, украшал дома. Один кусок такого украшения даже сохранился, и узор на нем называется «повилика». Это был любимый узор того мастера… Граф, почему? Просто по имени цветка? Или еще

в память о ком-то? Может, о докторе, с которым они дружили?.. А?..

Дед потискал подбородок и потребовал:

— Излагай подробно.

И Ваня стал излагать: как повстречался с Квакером и что увидел и узнал у него…

Дед слушал, не перебивал. Кивал только (и кивала его тень на оранжевой от закатного солнца стене). Наконец он сказал:

— Тебе могут сказать, что ты — несовременный ребенок. И вся ваша братия — такая же…

— Почему это мы несовременные?! — слегка обиделся Ваня. — Мы что, информатику не изучаем? Или… — (он хихикнул), — не знаем про коллайдер?

— Нет, вы, конечно, дети нынешних дней, — усмехнулся Граф, — кто спорит… Но в то же время вы будто городищенские пацаны из середины прошлого века. Из времени, когда мы гоняли латаные мячи, махали сосновыми шпагами, запускали с крыш газетных змеев и откапывали на речных обрывах старинные монеты и наконечники стрел… Мы были счастливы, потому что все делали своими руками. И думали, что открываем белый свет… Может, это и есть связь поколений?.. Жаль, что староват, а то записался бы в вашу

компанию. Но поздно уже. А Ремке — тем более…

«Граф, ты и так в нашей компании. И Ремка…»-подумал Ваня. И чуть не сказал это, но постеснялся. А когда почти решился, появилась Лариса Олеговна. Она несла на ладонях, как две маленькие чаши, склеенные половинки глобуса.

— Ура… — выдохнул Ваня. — Все готово? — И взял со стола подставку. Медный стерженек на круглом диске, украшенном по краям орнаментом из листьев.

— Подождите, еще не все, — остановила его Лариса Олеговна. — Не хватает кусочка. Надо поискать…

В самом деле, у края одной «чаши» темнела треугольная пробоина. Ваня из кресла бухнулся на паркет, деревянно стукнув коленками. по-пластунски скользнул к стеллажу, зашарил под нижней полкой. Она была низко от пола, но все же руки доставали до плинтуса. Ваня ощупал метр, второй, третий… Наконец под пальцы попал острый кусочек…

Ваня «кормой вперед» выбрался на свет.

— Вот… Кажется, этот…

— Изумительно! — восхитился дед. — Ларочка, вклей, будь умницей…

А Ваня снова плюхнулся на живот.

— Подождите, там еще что-то есть!.. Мягкое, шерстяное…

— Скорей всего, зимний носок Графа. У него привычка раскидывать рваные носки по всему дому…

— Нет… Это вот… — И Ваня вытащил сплетенную из веревочек фигурку.

Круглая головка размером с грецкий орех, глаза-бусинки, мягкое туловище размером с Ванин мизинец, крученые ручки-ножки, ступни и ладошки то ли из дерева, то ли из твердой смолы. Улыбчивый рот из красных шерстяных ниток…

— Дед, это что? — Ваня думал, что нашел один из сувениров, которых великое множество на стеллажах.

— М-м… понятия не имею…

— Да ладно тебе, — усмехнулась Лариса Олеговна. — Небось, подарок от какой-нибудь преданной студентки. Ты ее засунул в дальний угол, а потом уронил и не заметил…

— Студентку? — простодушно спросил Граф.

— Эту куклу, Константин-н Матвеевич-ч!

— *Этой куклы* у меня никогда не было, — размеренно сообщил профессор. — Все свои вещи на полках я знаю наперечет. Помню — какая откуда. *Эта игрушка* — не моя… Ваня, может быть, *ты*

ее притащил?

— Ага! И ломаю комедию, — слегка обиделся Ваня.

— Ну, я так… теоретически… Остается предположить: мой старый носок трансформировался в это существо…

Лариса Олеговна спросила с легким стоном:

— Костя, когда ты перестанешь быть мальчишкой?

— Этот день совпадет с датой моей кончины.

— Не надо, — суеверно сказал Ваня. И, чтобы уйти от вопроса о кончине, дурашливо спросил: — А вдруг это пришелец?.. Правда! Прилетел с альфы Центавра, заблудился, спрятался и притворился игрушкой… Смотрите, какие у него глаза! Умные…

— Давайте так и окрестим его: Пришелец, — усмехнулся Граф.

— Да! Давайте! — обрадовался Ваня.

Граф пригляделся к найденышу в руках у Вани.

— А глаза… во-первых, и правда осмысленные. А во-вторых… странные бусинки. Похоже, что искусственный жемчуг ручной выделки. Не нынешняя работа. И…

— Что? — часто задышал Ваня.

— Вижу, ты уже догадался. Малыш сидел внут-

ри глобуса. И вылетел, когда ты… когда шар нечаянно раскололся…

— Значит, он… *оттуда*? С «Артемиды»?

— Почему бы и нет? Я читал то ли у Конрада, то ли у Мелвилла, что матросы на парусниках плели такие сувениры из пеньковых шнурков. А здесь явная пенька… Друг мой Иван!

— Что? — вздрогнул Ваня.

— Я должен был бы подарить глобус тебе. Поскольку там автограф твоего предка… ну, ладно, пусть однофамильца. Но это выше моих сил: глобус-то от Рема… Ты получишь его потом, в наследство…

— Опять ты об этом! — вознегодовал Ваня.

— Ты получишь его в наследство… через семьдесят лет. А Пришельца забирай сразу. Это твой законный трофей…

Ваня счастливо выдохнул «спасибо» и погладил Пришельца по плетеной макушке. «И никакой ты не трофей. Живых трофеев не бывает, а ты — живой… И ты даже не мой. То есть мой только сегодня. А завтра…»

Ваня знал, *кому* подарит Пришельца завтра…

Лариса Олеговна ушла заделывать «пробоину», Ваня посадил Пришельца на колено и взял со стола подставку глобуса.

— Граф, а на это ты обратил внимание?

— Ну… обрывок проволочки. Наверно, раньше она вся обвивала подставку. Не сохранилась…

— А на проволочке…

— Похоже, что колючки…

— Колючая проволока на старинной вещи? Скажешь тоже! Ты приглядись…

Граф ухватил со стола очки…

— Ух ты… А я раньше и не заметил…

— Дед, это не просто цветы. Это *повилика*…

— Открытие за открытием… Теперь ваша братия получит пищу для новых фантазий. В то время, как нормальные дети киснут над компьютерными играми или греют животы на пляжах, вы будете сочинять истории в духе твоего любимого писателя из Нанта…

— Да! Только нам нужны копии карты! Граф, ты можешь напечатать для каждого?

— На мой сканер не влезет…

— А на работе?

— Но это только завтра.

— До завтра можно потерпеть, — великодушно согласился Ваня. — Кажется, сейчас я уже сплю… — И калачиком свернулся в обширном кресле.

Константин Матвеевич хмыкнул, ухватил Ва-

ню на руки и коридорами понес к постели.

ЗОЛОТИСТЫЙ БРОД

1

Кондиционеров ни в одной комнате не было. Дед оправдывался, что некогда возиться с установкой. Днем стояла жара. К ночи становилось прохладнее (Ване казалось, что прохладу наколдовывает узенький месяц, который проклевывается в лучах заката). Чтобы прохлады стало побольше, во всей квартире открывали окна. И в Ваниной комнате.

— Ванечка, ты не боишься сквозняков? — в сотый раз спрашивала Лариса Олеговна.

Ванечка не боялся сквозняков. Он в одних трусиках дрыхнул поверх одеяла и простыней на своей старомодной кровати. В окно врывался треск сумасшедших ночных автомобилистов — они гоняли по улице Ленина, где мостовая после полуночи делалась почти свободной от машин, однако Ваня спал как убитый. И утром не хотел просыпаться.

У Ларисы Олеговны был увлажнитель воздуха — этакая пластмассовая колба с рычажком. На-

жмешь — и бьет наружу струя густых брызг.

— Ты собираешься вставать?

— М-м…

— Ты обещал сходить со мной на рынок…

— Какой рынок… весь город еще спит…

— Уже восемь часов. Надо спешить, пока не жарко…

— М… не надо…

— Я считаю до трех… Раз… Два… Три!

— А-а-а!!

Но в этом «а-а-а» было больше удовольствия, чем досады. Ваня кубарем летел с кровати и бежал в ванную, чтобы сунуть голову и плечи под струи — более мощные, чем бабушкина брызгалка.

Так было и в этот раз. Только нынче Ваня сказал, что на рынок идти не может: он с Графом собрался с утра в университет — делать ксерокопии с «карты женераль де ля Гваделупа».

Лариса Олеговна возразила, что «карта женераль» никуда не денется, а Граф будет спать до полудня, потому что всю ночь сидел за компьютером.

— Одевайся, лентяй…

Потом она медленно, как-то по-новому, оглядела внука. От макушки до пяток.

— Весь костюм уже истрепал и сжег на солн-

це…

— Ну, не весь еще. До сентября дотянет…

— И тощий до чего…

— Ага… — с удовольствием сказал Ваня. Он всю жизнь боялся потолстеть.

— Елена решит, что я тебя совсем не кормила…

Елена была Ванина мама.

— Ничего она не решит. Она сама бережет свою талию… — Ваня слегка поскучнел. Весь этот разговор напомнил ему, что когда-нибудь придет осень.

Ну да еще не скоро придет! Пока что стояла первая декада июля…

Лариса Олеговна снова медленно посмотрела на внука. И вдруг спросила:

— А чего ты меня по имени — отчеству величаешь?

— Но вы же сами сказали, что «бабушка» не надо!

— Можно «тетя Лара». Деликатно и по-семейному…

— Ладно! — обрадовался Ваня. — Где телега для картошки?

Марго не раз говорила, что могла бы привезти на машине целый мешок картофеля. Или два. Из магазина или с овощного склада. Но Лари-

са Олеговна сухо отклоняла эти предложения. Она считала заботу о продуктах своим личным делом.

Рынок был в четырех автобусных остановках. Туда — доехали, обратно двинулись пешком, чтобы не толкаться в автобусе с тележкой. Ваня мужественно загрузил в нее два ведра свежих розовых клубней. Лариса Олеговна (то есть тетя Лара) жаловалась, что цена совершенно непомерная, но не кормить же внука и профессора прошлогодним гнильем…

Полпути шагали бульваром, который тянулся от рынка до цирка. Ваня бодро толкал тележку, слушал вполуха рассказ тети Лары о какой-то Алине Гавриловне (которая работает в магазине «Белый свет») и мурлыкал мелодию. Это была песенка про «стальной волосок». Только не в медленной вальсовой тональности, а в ритме марша:

Страус уткнулся башкою в песок,
Выставил кверху он зада кусок:
«Весь я в норе —
В черной дыре…»

Слова эти придумал недавно Андрюшка Чикишев — после очередного разговора о коллайдере.

Правда, там не было слово «зада», а имелся более точный термин, за который Андрюшка был слегка побит Лоркой и Ликой. Но Ваня сейчас напевал «цензурный» вариант: у тети Лары был тонкий слух…

На бульваре добросовестно мотались разноцветные качели, вертелись карусели. Правда, почти пустые — «нормальные дети» отдыхали за городом. Только отдельные неприкаянные малыши с бабушками сидели на размалеванных лошадках. Лишь один аттракцион осаждала публика — в основном «тинейджеры» и взрослые. Это была решетчатая мачта немалой высоты. К верхушке подтягивали капсулу с пассажирами и отпускали. Кабина две трети пути летела в свободном падении и лишь потом включала тормоза. Пассажиры вопили…

— Хочешь прокатиться? — спросила тетя Дара, думая, что Ваня загляделся на это дело с удовольствием.

Ваня ответил, что «хочу, конечно, только надо спешить». А на самом деле он как-то попробовал разок (Трубачи уговорили) и больше не стремился. Жуть такая. Мальчишки деликатно не настаивали.

А вот кто совсем не боялся жути, так это Тро-

стик. Бывало, что ему специально наскребали на билет, и он с восторгом мчался «испытывать невесомость».

А Лорка — та и думать боялась о «невесомости». Говорила: «Я иногда во сне падаю, и это такой страх…»

И все равно она была бесстрашная! Вон как ворвалась в сарай Квакера! Почти самая первая!..

Дома Ваня сказал:

— Граф, давай возьмем с собой Лорку.

— Куда? — было заметно, что профессор не выспался.

— Как куда? Делать копии карты! Ну, ты же обещал!..

Дед поморгал и проворчал что-то вроде «назвался груздем…».

— А Лорка…

— Да хоть десять Лорок… Надеюсь, она не такая зануда, как ее бабушка…

Дело в том, что Граф недавно все же побывал в Клубе школьных ветеранов и вернулся недовольным. Люди там оказались не очень знакомые («не из нашего класса»), а разговоры велись скучные… Но это их проблемы, «ветеранские»!

Ваня позвонил Лорке. Та примчалась через десять минут. Легонькая такая, будто сорванная

с газона ромашка. В белой юбочке и желтом топике. Ваня украдкой залюбовался. Тетя Лара сказала:

— Посмотри на Лорочку… А ты? Переоделся бы…

— Нет! — Ваня суеверно боялся, что, если расстанется с нынешней невесомой одежонкой, лето побежит быстрее.

2

Главный корпус университета стоял неподалеку, на тенистой улице Володарского — в квартале от речных обрывов, из которых торчали остатки срубов деревянной крепости. И в само́м, пахнувшем тополями воздухе витала старина. Рядом возвышался Знаменский собор с острыми бело-васильковыми башнями. Он казался Ване семейством великанских рождественских елок, украшенных золотыми шарами. А кирпичное здание университета высотою в два с половиной этажа вполне могло бы называться академией.

До революции здесь была женская гимназия («Жаль, что не мужская», — иногда думалось Ване). На чугунных лестницах и в сводчатых коридорах висела постоянная музейная прохлада — пушистыми крыльями обмахивала голые

руки и ноги. Таинственно светились высоченные цветные витражи…

Поднялись на второй этаж, здесь был кабинет профессора Евграфова.

— Посидите у меня, я пойду в копицентр…

— Мы лучше погуляем. Я покажу Лорке картины…

И они пошли по коридорам. Почти пустым, потому что сессия уже кончилась.

Картин было множество. Прежде всего — про Пушкина. «Пушкин и Наталья Гончарова», «Пушкин и няня», «Пушкин и царь»… Ване картины нравились. Местный знаменитый живописец постарался для родного университета.

Лишь картина «Пушкин и царь» Ване была не по душе. Николай Первый в тугом мундире нависал над поэтом, как глыба, и гневно тискал за спиной снятые перчатки. А Пушкин — маленький, верткий какой-то — небрежно привалился к столу и, вскинув лицо, насмешливо смотрел на самодержца. Здесь ощущалась неправда. Пушкин был, конечно, ироничен и смел, но едва ли он позволил бы себе *так* стоять перед императором. Это была уже не смелость, а… «полная невоспитанность», как выражалась иногда мама (правда, не о Пушкине).

И Лорка понятливо сказала:

— Какой-то он тут… не такой… А здесь — хороший! Только жаль его… — Это она про другое полотно, «Перед Черной речкой». Пушкин в своей комнате на Мойке, одетый уже в шубу, с цилиндром в руке, стоял у окна и смотрел в синее утро. Голова его виделась силуэтом, но все равно было понятно, как поэту тоскливо. Будто все уже знал наперед…

Ване думать о печальном не хотелось, и он потянул Лорку дальше.

Были в освещенном коридоре картины и других мастеров. «Тобольский кремль», «Свято-Троицкий монастырь в Турени» (тоже как кремль), «Яблоневый сад весной», «Первые пароходы у Туренской пристани»… А еще — неожиданный сюжет: «Царевич Алексей и Федор Шаляпин». Артист в оперном костюме Бориса Годунова осторожно принимал рукопожатие десятилетнего наследника… Шаляпин был хорош, а царевич — какой-то кукольный, с фарфоровой улыбкой. Ненастоящий.

Царевич был разве такой? Он был настоящий мальчишка, с веселым характером, храбрый, даже ездил с отцом на фронт, на передовую линию…

А на картину не хотелось смотреть еще и потому, что Ваня помнил о судьбе наследника. «За что они его, сволочи? Ведь уж он-то совсем ни в чем не был виноват…»

Лорка рядом понятливо молчала.

Они пошли обратно, к двери с табличкой «Руководитель научной группы НКТ–101 профессор К. М. Евграфов».

— А теперь смотри… — Ваня мягко взял Лорку за птичьи плечики и повернул к картине, висевшей наискосок от двери. — Я, когда прихожу к деду, обязательно стою перед ней. Только раньше я не знал, что это работа Германа Ильича…

Утреннее солнце врывалось в торцовое окно коридора и косо высвечивало большой горизонтальный холст. На холсте был остров… Нет, не Гваделупа! Совсем другой! Скорее уж он походил на кита и из «Конька-Горбунка». Этакая длинная вспученность коричневых скал с проплешинами зелени, которая кусками спускалась к бирюзовому, с кудрявым прибоем, морю. С обрывов летели в прибой водопады. А выше — среди холмов и деревьев — взлетал башнями к небу невесомый город. Город… ни на что не похожий и похожий на все чудесные города. На город, где жили сказки Андерсена, на Прагу, на Лисс Александра Грина,

на Севастополь (где Ваня побывал однажды) и… да, на Турень. Ваня уже не раз думал об этом. Потому что по некоторым склонам разбегались деревянные улочки, а над ними белели знакомые колокольни. И розовая пена «марсианских» зарослей местами укрывала откосы оврагов…

Каменный кит лежал не прямо, а свернулся почти в кольцо. Между «головой» и вздыбленными скалами «хвоста» виднелся пролив — он вел во внутреннюю бухту. Что в этой бухте-поди угадай! Может, приткнулись к причалам всякие корабли. Может, с этих же причалов удят рыбу местные загорелые мальчишки и девчонки в белых широченных шляпах. Может, они ныряют с каменных выступов и бултыхаются в бирюзовой воде, вздымая радужные всплески… И, наверно, есть в бухте мелкие островки, на которых полно развалившихся замков с дурашливыми привидениями и лабиринтами… и укрытых зарослями скамеек, на которых можно сидеть с кем-нибудь вдвоем и рассказывать друг дружке истории про загадки нездешних пространств…

— Нравится? — шепнул Ваня.

— Еще бы… — выдохнула Лорка.

«Я могу подарить этот город тебе, — хотелось сказать Ване. — Пусть он будет твой навсегда. И

мой… Наш… Где бы мы ни оказались, все равно мы будем *в нем*…»

И конечно, Лорка шепнет «да»… Но потом она спросит:

«А как называется этот город?»

«Гваделорка»…

«А что это значит?»

Ваня не знал. То есть знал, что «Лорка» — это от «лоро». «Золотистый колосок». А «гваде»? Все не было времени выяснить…

Подошел Константин Матвеевич. Насупленный.

— Летом всегда полный кавардак. Заведующая копицентром укатила в отпуск, а заместительница неизвестно где. Сказал бы где, но не при детях… Ну, ладно. Я позвонил Марго, она знает на краю города какую-то фирму, где можно делать оттиски размером со стадион…

— Ура! Прокатимся!

— Кому катанье, а у меня летят тезисы доклада…

— Дед, но они у тебя который день «летят»!

— В том-то и дело… Ладно, идем.

— Дед, я вспомнил! Ты обещал узнать перевод. Что такое «Гваделупа»?

— Я помню, что обещал. Вчера смотрел в онлайн

— словарях. И — ничего. Что такое «гуа́дэ» и что такое «лоу́пэ»? Ни в испанском, ни во французском, ни в латинском. Интернет забит мусором, а нужную вещь не сыщешь.

— А может, есть в университетской библиотеке? Какой-нибудь самый полный словарь?

— Тебе, пытливое дитя, нужны карты или это бестолковое название?

— И то, и другое…

— Ты много требуешь от жизни… Подожди!.. Коллега Васютин! Не откажите в любезности, подойдите ко мне!

Это профессор окликнул тощего лохматого парня в растерзанных джинсах и оранжевой футболке. Коллега Васютин, который явно хотел перед этим улизнуть на лестницу, понуро подошел.

— Здрасте, Константин Матвеевич.

— И вам того же… Вы, надеюсь, помните, Васютин, что у вас передо мной должок?

— Я сдам, профессор! На днях, честное слово! Просто у меня еще задолженность по английскому, а Зинаида Борисовна вот — вот уйдет в отпуск…

— А я, сударь, по-вашему, буду сидеть и терпеливо ждать вашего визита?

— Но я…

— Васютин, хотите «автомат»? — в упор глядя на беднягу, спросил Граф.

— Что? — заморгал тот.

— Вы не знаете, что такое «автомат»?

— Автомат Калашникова, который мне вручат в казарме, когда я вылечу из университета? Но, Константин Матвеич, я же…

— Васютин, я не столь коварен, как вы полагаете. Я предлагаю вам автоматический зачет.

— А… да? Но… — студент изумленно мигал.

— Но — услуга за услугу, — сказал профессор. — Вы сейчас пойдете в библиотеку, перетряхнете книжные и электронные словари романских языков и узнаете, что в точном переводе означает название острова «Гваделупа». Это нужно мне для работы. Причем что означает это слово в целом, а также, что значат обе половинки слова в отдельности. Особенно «гваде». Столько имен с этим «гваде»: «Гвадалахара», «Гвадерама» и так далее, а перевода нет. И времени у меня нет… Я понимаю, сколь далек этот вопрос от тематики вашего зачета, но…

Васютин помигал еще и встрепенулся:

— Профессор, я… Я сейчас! Я узнаю и позвоню!

— Запишите мой номер…

— Он у меня есть! Я сейчас… — И получивший надежду Васютин умчался в конец коридора.

Ваня с сомнением глянул на деда: мол, хорошо ли это — зачет в обмен на личные услуги?

— Он все равно сдал бы, только позже, — усмехнулся дед. — А тут еще какая-то польза… — И вынул из футляра мобильник. — Марго! Радость моя, поедем в ту фирму, которую ты расхваливала недавно. С крупноформатной печатью…

3

И они поехали. На пыльно-табачной «Волге», которая подкатила к университетскому крыльцу. Граф устроился впереди, рядом с величественной Марго, а Ваня и Лорка на заднем пружинистом сиденье (от рывка машины оба завалились назад и задрали колени).

Многие улицы все еще были для Вани в новинку.

— Это новый театр, — говорила Лорка. — Самый большой в России… Это Нефтяной институт… Это фонтан «Вокруг света…».

Фонтан был с большущим каменным глобусом, и Ваня сразу вспомнил вчерашнее. И начал торопливо рассказывать о разбитом фаянсовом глобусе, о надписи на осколке и о своих догадках

про доктора Повилику. И про резчика Павла Кондратьича, который был предком Квакера и ругался словом «Матуба». Ведь вчера-то он рассказать это ни Лорке, ни другим ребятам не успел!

Лорка хлопала белесыми ресницами, и на лице ее читалось: «Вот это да!» Ваня был счастлив, потому что этого и хотел — радостного Лоркиного удивления. Но про Пришельца Ваня рассказывать не стал. Решил, что еще не время.

У деда заверещал телефон.

— Да… — сказал Граф. — А! Ну и что?.. С вероятностью девять и девять десятых? Достаточная вероятность… Так… Хорошо, коллега. Можете считать, автомат у вас… Да нет, не «АКМ», а зачет. Однако все же пройдитесь еще по этой теме, в будущем пригодится…

Он, расшатывая спинку сиденья, извернулся к ребятам.

— В словарях Васютин преуспел больше, чем в общей теории полей. «Гваде» означает «брод на реке». А «лупе» — это, скорее всего, старое романское название волка. Выходит, «Гваделупа» — это «Волчий брод». Видимо, старый испанский монастырь стоял у реки, где имелся брод с таким названием. А потом уж имя перешло к острову…

— Граф, спасибо! — возликовал Ваня.

— Васютину спасибо, — восстановил справедливость профессор Евграфов. — Хотя он и лодырь…

— И ему!

Подкатили к старинному деревянному зданию с чешуйчатым куполом и башенками. И с желто-красной вывеской «Полиграф-плюс».

— Раньше здесь была контора Туренского пароходства, — шепнула Лорка.

Выбрались наружу. Слева, за бывшей конторой, подымался новый квартал (тоже с башенками), справа, за чугунной решеткой, темнел густой сад. Впереди был обрыв, а дальше — заречные дали.

— Погуляйте пока, — посоветовала Марго. — Чего вам торчать в душной конторе.

— Да, мы погуляем! — Ваня этого и хотел.

— Только недалеко, — сказал дед тоном Ларисы Олеговны.

В решетке был пролом, Лорка сразу потянула Ваню в сад. От пролома вела через цветущий иван-чай тропинка. К самому берегу. Под берегом была болотистая низина с мостками и какими-то будками, и лишь дальше блестела речная гладь. Широкая, с катерами, с белым прогулочным теплоходом. За рекой сверкали стеклами белые многоэтажные кварталы, а за ними курчавились

рощи. А в одном месте раскинулась посреди садов нетронутая временем деревенька — с избами, огородами и белой колокольней… И над всем этим висела безоблачная синева — она обещала долгое жаркое лето.

Но Лорка не дала Ване любоваться просторами. Потянула за руку опять.

— Пойдем, что-то покажу…

За кустами цветущего шиповника оказалась травянистая площадка с двумя каменными скамейками. Одна скамейка — пустая, а на другой сидели девочка и мальчик.

Почти как живые!

«Почти» — потому что на самом деле они были из темной бронзы.

Мальчик — босой, в подвернутых до колен штанах, просторной майке и мятой кепке с надломанным козырьком. Такие носили, если верить фотографиям, не очень аккуратные пацаны в середине прошлого века. Костик Евграфов и Ремка Шадриков, наверно, бегали в таких… А девочка была в куцем платьице, венке из одуванчиков и тоже босиком. Но рядом стояли на скамейке сандалетки.

Мальчик и девочка сидели, сдвинувшись плечами, и смотрели на заречный горизонт. И слегка

улыбались.

Ваня обрадованно засмеялся. Тихонько так и с каким-то «пушистым» чувством: словно его щекотнули по лицу одуванчиками. «Как ты и я», — чуть не выскочили из него слова. Но он промолчал. Только взял притихшую Лорку за плечо и… дунул ей в редкие белобрысые завитки на шее. Лорка тоже засмеялась. Так же тихо. Потом шагнула к девочке и мальчику поближе, оглянулась:

— Ваня, знаешь, их в прошлом году украли. Чтобы переплавить на металл. Но не успели, милиция нашла… Усадили на старое место… Давай тоже сядем…

И они сели на соседнюю скамейку. С реки тянул влажный ветерок, пахло травой и песком.

Ваня наконец сказал:

— Лорка, я тебе хочу подарить…

— Ой… что?

— То, что придумал… Помнишь, картину Германа Ильича, ту в университете?

— Конечно!

— Остров и город… и кругом нас тоже город. И за рекой, и там, где мы живем. И в разных местах на Земле. И… *вообще*… Такой Город, в котором должны случаться чудеса… Лорка, пусть он будет

твой…

Лорка не стала удивляться и переспрашивать. Сказала шепотом:

— И твой…

— Да… хорошо… Но прежде всего он твой. Знаешь, почему?

Она смотрела вниз и царапала ноготком скамейку. Шепнула:

— Почему?

— Потому что называется *Гваделорка*…

— Ой…

— Да. Это означает «Золотистый брод»… Ты идешь к острову с этим городом по мелкой воде, а кругом солнечные зайчики. Рябь такая. Будто золотистые колоски под солнцем. Ты их раздвигаешь ногами, а они щекочут… А впереди, у входа в бухту, высоченные стеклянные ворота. Как прозрачный узор. Его почти не видать, но ворота никого не пропустят без нас, потому что надо знать пароль…

— Какой?

— Да все тот же! Гваде-лорка…

— Ой, да!.. А еще можно придумать ключ. Ключи… для тебя и для меня. Чтобы отпирать эти ворота. И они будут звенеть, — сказала понятливая Лорка.

— Мы придумаем, — пообещал Ваня.

Рассказав эту сказку и увидев, что Лорке нравится подарок, Ваня вздохнул с облегчением. Теперь остров Гваделорка и город Гваделорка стали *существующими*, и Ваня ощутил себя строителем, завершившим работу. Ему захотелось откинуться на спинку скамьи. Но спинки не было, и он просто пошевелил лопатками.

Лорка была, конечно, рада подарку. Но она не забывала и о реальности. И в этой реальности была у Лорки спрятанная, но всегдашняя тревога за Ваню: не случилась бы с ним чего-нибудь плохого. И сейчас Лорка забеспокоилась:

— Ты чего вертишь спиной? Что-то болит?

— Да ничего не болит!

— Я еще в машине заметила: ты все время шевелил лопатками…

Ваня прислушался к себе. И наконец понял:

— Под левой лопаткой что-то чешется…

— Ой! А вдруг клещ?

— От клещей не чешется…

— Это когда как…

На острове Гваделорка, конечно, нет никаких опасных насекомых, а в обычной жизни все же следовало проявлять осторожность.

— Дай я посмотрю.

Ваня послушно сел боком, нагнулся. Лорка подняла у него на спине рубашку.

— Ой… У тебя тут кровинка запеклась. Будто зацепился за острое… Ваня, неужели это дед тебя так огрел вчера?

— Да ты что! Плоской ракеткой… Да и не было ничего еще утром. Тетя Лара сразу увидела бы, когда сгоняла с кровати…

— Тогда где?

— Не знаю… Не в машине же, там мягко… Может, о шиповник?

— На рубашке нет ни дырки, ни следа…

— А сильно расцарапано?

— Посмотри сам…

Из кармашка на юбочке Лорка вынула круглое зеркальце. Поднесла к Ване сзади. Он изо всех сил вывернул шею. И увидел в зеркальце на загорелой коже запекшийся, похожий на крохотную подковку шрамик.

— Ерунда какая! Не о чем говорить! — Но тут же понял, что говорить *есть о чем*! — Ой, Лорка, подожди! Это же… как у тебя! Тоже под лопаткой…

— Но я-то знаю, откуда у меня, — смущенно выговорила она. — От гвоздика…

— А я про себя тоже знаю, — обрадованно сказал Ваня. — Это… от тебя.

Она виновато засопела:

— Почему… от меня? — И быстро спрятала зеркальце.

— Потому что есть такая теория. Про Всеобщее информационное поле… Дед рассказывал… Ну, во вселенной много всяких полей-электрических, магнитных, и… этих, гра-ви-та-ци-онных. И еще разных. И некоторые ученые считают, что есть всеобщее информационное поле. ВИП… И бывает, что если где-нибудь в Австралии мальчишка занозит пятку, то у другого мальчишки, в Гренландии или в Монголии, тоже начинает болеть пятка. Такой пример… Или в одной галактике шестилапый динозавр обрадуется неизвестному цветку, а в другой какая-нибудь земноводная горилла улыбается неизвестно почему… Это когда между разными существами или даже предметами находится что-то общее. Возникает резонанс…

— Значит, у нас тоже… резонанс?

— А разве нет?

— Есть, наверно… — Лорка придвинулась ближе. — Только… почему это именно сегодня… ну, твой шрамик?

— Потому что появился остров Гваделорка. Разве непонятно?

— Ой, да… понятно…

— Вот видишь… А у меня есть для тебя еще подарок, — сказал наконец Ваня. — Из давних времен. Вот… — Он задрал на животе рубашку и выдернул из-под резинчатого пояса на шортах крошку Пришельца.

— Какой хорошенький! — умилилась Лорка (в точности как все девчонки на свете).

— Да… Но он не просто хорошенький. Он… с брига «Артемида»… Ну, честное слово!

И Ваня торопливо изложил историю Пришельца.

— И это… мне?

— Конечно!

Лорка шепнула «спасибо», взяла веревочного малыша, посадила на коленку. Покачала.

— Бедненький… Как он там жил, в этом глобусе, столько лет. В темноте, в глухоте…

— Ну… наверно, он ничего и не чувствовал. Это называется анабиоз. Существо засыпает и не знает даже, сколько времени прошло… Вот старик Хоттабыч, например. Думаешь, он три тыщи лет сидел в кувшине и все время стонал от тоски? Спал, как под наркозом, пока Волька не содрал печать…

— Все равно жалко его… Пришельца.

— Зато теперь ему хорошо.

— Да. Только… Ваня, знаешь что…

— Что? — сразу встревожился он.

Лорка опять покачала, погладила Пришельца. Сбоку быстро глянула на Ваню:

— Ты ведь мне уже подарил столько… Целый остров… — она чуть улыбнулась. — А этого малыша… давай отдадим Квакеру… Ты только не обижайся…

У Вани брови полезли на лоб.

— Почему… Квакеру?

— Помнишь, Герман Ильич сказал про карту? Что всякая вещь должна быть у того, кому она дорога… А ведь Пришелец жил в глобусе, а глобус был у пра-пра-прадеда Квакера. Значит, и Пришелец жил у него… у того мальчика с острова. А потом мальчик спрятал Пришельца в глобус. Наверно, когда вырос и состарился… И никто про это не знал. А мы-то знаем… И… Квакер обрадуется… Ты только не обижайся, — опять сказала она.

Ваня не обижался. Лорка в свои десять с половиной лет была мудрее многих. В ее словах ощущалась крепкая спокойная правота. А еще Лорка сказала:

— У Квакера знаешь какая жизнь… без радостей. Он будто один на свете. Думаешь, эти

мальчишки, с которыми он… думаешь, друзья? Да ну…

— А родители? — бормотнул Ваня.

— Родители… Отец, он дальнобойщик, целыми неделями в рейсах. А мать… то на работе, она в швейном ателье работает, то дома по уши в хозяйстве да на грядках. Игорь иногда помогает ей, но все равно он… как бы сам по себе. И ничего не просит от родителей, и ничего ему ни от кого не надо…

— Лорка, ты все про всех знаешь…

— Я не нарочно. Просто вижу, что вокруг… Ваня, понимаешь, ведь Пришелец, если честно рассуждать, не наш, а Квакера. И мы, если не отдадим, получится, что присвоили. А… на острове Гваделорка ведь не должно быть обмана…

— Да… А Квакер… значит, он Игорь?

— Игорь. Но на Квакера он не обижается…

— Игорь все же лучше… Ладно, Лорка, ты умница. Подарим Пришельца…

И, подводя итог беседе, задергался в кармане Ванин телефон. Дед желал знать, в какую черную дыру провалились беспутный Иван Повилика и его хотя и симпатичная, но, видимо, тоже лишенная понятия о дисциплине спутница…

— Граф сказал, что ты симпатичная…

— Ой…
— И что он оторвет нам головы…
— Ай…
— Бежим!

И они бежали из сада, прощально глянув на бронзовых девочку и мальчика. У тех, наверно, был свой Город и свой *резонанс*…

РАКОВИНА

1

Граф сделал с карты десять ксерокопий. Они выглядели даже лучше оригинала. Бумага — белая, гладкая. Все линии и буковки — более четкие и яркие, чем на старой гравюре. И надписи «Артемида» и «Булатовъ» казались будто сделанными вчера…

Ваня решительно отобрал у деда девять листов: себе, Лорке, Феде, Андрюшке, Никелю, Лике, Тростику и Квакеру (Игорю то есть). И еще — Тимке Бруклину — если не будет возражать Лика (неизвестно, какие у нее с Тимкой нынче отношения). Граф не спорил. Про оставшийся лист он сказал, что спрячет его в сейф, на всякий случай. А оригинал вставит в раму под стекло и повесит над

камином — как Ваня и ожидал.

После обеда все сбежались на дворе у Чикишевых (и Бруклин пришел). Ваня раздал карты с ощущением, будто вручает олимпийские дипломы (и Бруклину дал — Лика смотрела на это снисходительно).

Расселись в тени сарая на чурбаках и козлах для пилки дров. И Ваня начал излагать по порядку: что случилось накануне, что обсуждали с дедом, какие сделали открытия и какие появились новые догадки… Но на половине рассказа спохватился: надо бы позвать Квакера.

— Тут же многое касается его… И он… вроде бы уже не противник.

Все согласились, что да, не противник. Только Федя добавил:

— Если больше не будет тянуть на Ивана.

— Да не будет он, — сказал Ваня. — Мы же решили подарить ему Пришельца…

Против подарка никто не спорил. В самом деле, по логике вещей Пришелец был «квакерский». Только Тростик чуть заметно вздохнул. Наверно, он считал, что плетеный человечек с брига был бы не лишним в его морской коллекции. Но этого вздоха, кажется, не заметили (или сделали вид)…

Квакеру позвонила Лика. Они были знакомы

давно, учились в соседних классах.

— Можешь появиться на дворе у Чикишевых?.. Ну да, у Трубачей. Дело есть, касается тебя. Интересное, не пожалеешь…

Квакер сказал, что может прийти, но лучше, если вся «бригада» появится у него на сеновале. Так же дружно, как вчера.

— У меня есть арбуз офигенного диаметра. С нитратами, конечно, да авось не помрем. Я его только что стырил на рынке… Ну, шутка, шутка это, не стырил, а купил по дешевке у одной бабки. Такую громадину тайком не утащишь…

Квакер встретил гостей на лестнице сеновала. Матуба тоже. Он хлестал визитеров хвостом по ногам и улыбался. Квакер был в тех же белых штанах, что вчера, но вместо драной тельняшки натянул новую зеленую футболку.

Арбуз был разбит на многочисленные куски. Они лежали на застеленном «Туренскими известиями» верстаке.

— Налегай, народ, — предложил Квакер.

Народ без церемоний налег. Не опасаясь нитратов. И скоро от арбуза остались только обглоданные корки и семечки, прилипшие к газетам и мокрым щекам. Ваня отколупнул от лица семечко и вспомнил другое — помидорное. Которое

закопал в цветочном горшке. Взойдет ли?

— У, я сейчас лопну, — признался Тростик. В расправе над арбузом он был впереди всех.

— Будочка на огороде, — понимающе сказал Квакер. — Матуба, проводи.

Матуба охотно пошел с Тростиком.

Ваня понял, что теперь самое время сделать подарки — чтобы Тростик не вздыхал лишний раз.

— Игорь… мы раскопали кое-что…

Квакер заморгал, удивленный непривычным обращением. Но Ваня протянул ему Пришельца.

— Вот… Похоже, что это существо было игрушкой твоего пра… в общем, Павла Кондратьича… А вот карта острова, с которого мальчика привезли сюда…

Ваня протянул свернутый в трубку лист, и бумага упруго развернулась перед Квакером.

Квакер взял. Поморгал опять, мотнул головой.

— Чегой-то много, ребята. Сразу не помещается в мозгах. Объяснили бы…

— Ваня, давай, — велел Федя Трубин. — Ты у нас это… главный хранитель истории…

Ваня не стал упираться. Ему и самому хотелось рассказать наконец все, что накопилось. Все, что связано с бригом «Артемида» (хотя, возможно, брига и не было никогда на свете — Ваня порой

рассудительно напоминал себе об этом).

— В общем… у моего деда был в детстве друг, Рем Шадриков, он жил недалеко отсюда, на Орловской. И он рассказывал моему деду, то есть Костику, о своем деде или прадеде, о капитане. А недавно у него появился глобус…

— Ваня, — деликатно сказала Лика, — ты глубоко вздохни. Зажмурься и соберись с мыслями. И говори все по порядку. Иначе будет в голове каша у тебя и у нас…

— У меня и так каша…

— Ты ее помешай и подуй на нее, чтобы остыла, — посоветовал Бруклин. — А мы пока сядем поудобнее. Кто где. Ожидается история, достойная Стивенсона и Сабатини…

Ваня хотел разозлиться на него, но все расселись на верстаке и табуретах (и вернувшийся с Матубой Тростик) и смотрели выжидательно. А Никель еще и ободряюще. Будто обещал помочь в случае чего.

Ну, ладно… Ваня сел верхом на памятный со вчерашнего дня старинный стул. Подбородком уперся в выемку резной спинки.

— Я попробую… рассказать. Только я сам не знаю теперь, что было по правде, а что придумалось…

— Так бывает со многими талантливыми авторами, — вставил Бруклин.

— Тимофей, вылетишь, — ласково пообещала Лика, и Ваня был ей благодарен.

— В общем… сначала вроде предисловия… Среди Малых Антильских островов, там, где Карибское море, есть остров Гваделупа. Небольшой. Ну, его многие знают, благодаря песенке Александра Городницкого. Его открыл Колумб. Сперва там жили индейцы, а потом белые стали их истреблять, а чтобы было, кому работать, стали привозить туда африканских рабов. Ну, как везде в Вест-Индии… А вообще-то там скопилось много всякого народа: испанцы, африканцы, англичане, французы, индийцы. И было много всяких войн. Англичане хотели отобрать остров у французов, те обратно. А рабы дрались за свободу… Ник, я правильно говорю?

— Все правильно, — кивнул Ник.

— Когда случилась французская революция, рабы получили там свободу, но скоро Бонапарт велел снова загнать всех негров в рабство. Ну и пошло восстание за восстанием. Бонапарт послал эскадру с большим десантом. Солдаты убили десять тысяч человек. Негритянская армия не могла справиться с этими… с карателями. И вот фран-

цузы осадили каменный форт недалеко от города Бас-Тер. На склоне вулкана Матуба. Фортом командовал полковник Луи Дельгре. Мулат…

— Он был известный боевой офицер, среди негров и мулатов было много таких, — вмешался Никель. — Ваня, можно я скажу?

— Конечно!

— Недавно прочитал про Дельгре… Он был молодой и храбрый, его считали героем. Он много воевал с англичанами за свободу острова. А потом и с французами, когда они взялись возвращать рабство… Рассказывают, что когда французы пытались штурмовать форт, Дельгре садился в пушечной амбразуре и на скрипке играл военные песни, чтобы солдаты не теряли боевого духа… Ваня, давай дальше…

— А дальше что… Сил уже не было, в форте осталось триста человек, почти все раненые. И они договорились взорвать пороховые запасы, когда в форт пробьются французские солдаты. Потому что лучше смерть, чем рабство. И взорвали. Себя и врагов… Там сейчас памятник и музей… Но я же говорю, это предисловие. А через пятьдесят два года к острову Гваделупа подошел русский бриг «Артемида».

Мы, наверно, никогда не узнаем подробностей,

почему он там оказался… Но известно, что на бриге был туренский мальчик Гриша Булатов. Приемный сын купцов Максаровых, которые жили на Ляминской улице. Вот на этой самой, которая сейчас Герцена. Капитан брига по фамилии Гарцунов был родственник Максаровых, и он взял Гришу с собой. Наверно, чтобы подготовить в моряки. А время было неспокойное, начиналась Крымская война. Похоже, что у перешейка острова… Ква… Игорь, разверни карту… Вот здесь «Артемиду» настигли французские корабли. Иначе зачем ему было пробиваться через пролив Соленая река? Вот этот… Пролив был непроходимый, но бриг пробился. А как?.. Видимо, кто-то ему помог. Тот, кто знал дорогу. И похоже, что это был тот самый мальчик… который потом оказался здесь. Иначе зачем бы его взяли на бриг? Наверно, чтобы французские власти не отомстили ему…

— Ну, а при чем здесь полковник Дельгре? — подал голос Тимофей Бруклин.

— Я не знаю, — честно сказал Ваня. — Но… так кажется. Придумывается… будто мальчик был каким-нибудь правнуком полковника. Потому что он был такой же смелый… И, может быть, за это французские власти не любили его. А он их…

— Не похоже, чтобы маленький пацан знал

хитрые морские проходы, — высказал здравое суждение Тимофей Бруклин.

— Какая зануда… — вздохнула Лика.

— Если это был мальчик — рыбак, он мог знать, — возразил Тимофею Ник. — И к тому же нам ничего не известно. Он мог не один вести судно, а с кем-то из взрослых…

— Я тоже про это думал, — кивнул Ваня. — По крайней мере, известно, что мальчик оказался на бриге… И там же, на «Артемиде», был еще один невоенный человек. Врач или ученый… Тот, с которым ребята вернулись в Россию. И у которого был глобус — тот, что я раскокал вчера…

2

Про догадки Вани о докторе Повилике и про глобус, в котором столько лет провел маленький Пришелец, выслушали, не перебивая. А также и про полуденный выстрел «Артемиды» в день солнцестояния, и про дружбу Костика и Ремки, и про неясную судьбу капитана Булатова…

Наконец Ваня замолчал. И вдруг застеснялся: «Ух и нагородил сколько всякого…»

— Выходит, этот доктор — твой какой-то прапрадедушка… — уважительно заметил Андрюшка.

— Я не знаю… Хотелось бы. Но, может, просто

однофамилец… Зато про мальчика с Гваделупы очень даже понятно, это мог быть Павел Кондратьевич. Смотрите, сколько совпадений: и его рассказ про дальний остров, и слово «Матуба», и «Повилика»…

— Тогда ясно, откуда обычай с пушкой, — неловко проговорил Квакер. — Выходит, это он, мой заокеанский предок, привез его сюда… вместе со своим другом… с Булатовым… Надо же… Вот так живешь и ни про что не ведаешь… Чуть не надавал плюх потомку доктора, который заботился о моем предке…

— Только вот что… — насупленно сказал Ваня. — Есть одно… такое сомнение… — Необходимо было оставаться честным до конца. В этом кругу (как и на острове Гваделорка) нельзя было хитрить и обманывать. — Ведь тетушка Рема Шадрикова говорила, что мальчик с Гваделупы умер почти сразу, как приехал… Она могла ошибаться… А если не ошибалась? Значит, тогда все не так… Игорь, ты не обижайся…

Квакер помолчал и ответил медленно, с растянутым таким раздумьем…

— Чего обижаться-то… Я взвешиваю шансы. И вспоминаю… Надо проверить…

— Что? — нетерпеливо спросили сразу несколь-

ко человек.

— А вот что… Допустим, так… Приехал домой Григорий Булатов, привез с собой названого братишку. Куда? Ну, не в приют же. Значит, к Максаровым. Вроде, еще один приемный сын… А тот, бедняга, помер… А раз так, надо похоронить по-человечески. Не на задворках же, а где-то рядом с фамильными могилами, с родственниками. Ведь он же тоже стал Максаровым. Или Булатовым… А плиты для купеческой родни делались из камня или чугуна. Должны сохраниться, это не деревянные крестики…

— Да того кладбища давно уж следа нет, наверно, — опять проявил здоровый скептицизм Тим Бруклин.

Квакер кивнул.

— Почти что нет… Но кусочек его остался. Это между старой Сетевязальной фабрикой и речкой Бархоткой. Болотце такое, а за ним взгорок со столетними березами, и там несколько могил в чаще. И среди них — Максаровы. Общий такой камень с именами, обелиск. А вокруг еще несколько плит… И, по-моему, есть одна такая… ребеночья…

Все примолкли. А Лорка вдруг спросила негромко, но звонко:

— Квакер, а ты там что делал-то?

Тот медленно посмотрел на нее и на всех. Усмехнулся:

— Интересно, что при Лорке как-то не получается врать… Ладно. У меня секретов нет, слушайте, детишки… Рубика знаете?

Мальчишки хмыкнули и переглянулись: мол, кто не знает Рубика! Даже Ваня слышал о нем не раз. А Лика сказала:

— Еще бы! Я ему однажды… Ну, ладно… И что?

— В прошлом году у нас было что-то вроде идейного союза. Может, помните крики в «Новостях»? Неизвестные вандалы повалили и разбили еще несколько памятников на таком-то кладбище… А это был не вандализм. Ну, не то, когда люди просто дурью маются. Так некоторые молодые выступают против смерти. Думают, что, если разрушат могилы, значит, и нет ее, смерти-то… В общем, такая идея… А я тогда корешил с ним, с Рубиком. Он и говорит: «Айда на Бархотку, там есть купеческий мемориал, устроим бенц…» Ну, пошли. Четыре человека. Рубик, Мокрый, Санька Шапочкин и я. Веревку взяли, чтобы камень тянуть… Ну, пролезли через всякие колючки, огляделись. Я смотрю — почти рядом, но чуть в сторонке одна маленькая плита. Почти вся в

траве. Имя толком не разглядеть, но видно, что детская… Как-то муторно стало. Я говорю:

«Не надо, парни…»

А Рубик:

«Ты чё тормозишь? Зря, что ли, в крапиве маялись? Щас своротим большую бандуру и — до хаты…»

Я опять говорю:

«Не надо…»

А он:

«Сознательный стал, гнида? Ребя, давай привяжем его к этому надгробью, пусть посидит здесь до ночи…»

Мокрый и Шапочкин — они всегда готовые, что Рубик велит. И ко мне… Совсем тупые: Матуба-то рядом гуляет. Я кликнул… Матуба, он добрый, но не тогда, когда тянут на меня. Ну и вот… Матуба, помнишь?

Матуба подмел хвостом половицы: видимо, помнил.

— Мы потом вроде бы помирились, но уже не так, не прочно, — вспомнил Квакер. — Рубик в бизнес ударился: вздумал добывать в логу коноплю да продавать мелким «лаборантам». На этом и погорел, чуть не поехал в закрытое учебное заведение. Папочка спас…

Все понимающе помолчали. Федя спросил:

— А чья плита, ты так и не разглядел?

— А оно мне надо было тогда? Ну, лежит младенец, и пусть… Мир праху… Теперь побываю, посмотрю.

— Побывать надо бы всем, — вдруг тихо сказал Никель.

3

К остаткам древнего Затуренского кладбища пошли следующим утром. Пешком. Квакер сказал, что на великах можно застрять в зарослях, да и Матубе трудно поспевать за теми, кто на колесах. А он, Матуба, в таких экспедициях — не лишний.

Не было в компании только Бруклина — он накануне сказал, что «предки уволакивают меня в гасиенду знакомых, семейная повинность».

Прошли через высоченный мост, под которым впадала в большую реку говорливая Туренка. Обогнули вдоль зубчатых стен похожий на крепость монастырь. Ваня то и дело задирал голову к горящим на солнце куполам — ну, прямо русская народная сказка. От золотых зайчиков — зеленые пятнышки в глазах. За монастырем начались деревянные улочки, на которых Ваня еще не

бывал. Столько резьбы на домах. Может, есть еще и работы Павла Кондратьича?..

Над заборами стояли черные высоченные ели…

Дальше потянулись штабеля бревен с нависшими над ними эстакадами, ангары с лодками на крышах, какие-то строения с башенками, похожими на пароходные рубки. Сильно запахло мокрой древесиной, горькой корой.

— Это старый ДОК, — шепнула Ване Лорка.

— Что?

— Деревообделочный комбинат…

«Я столько всего еще не знаю в Турени…»-подумал Ваня.

За доком попали к излучине реки, от нее по ржавым рельсовым путям взяли влево, оказались между заброшенными кирпичными корпусами, перешли вброд ручей по имени Бархотка, продрались через поросшую исполинским репейником пустошь и наконец вышли к высоким полусухим березам.

Все было, как рассказывал Квакер.

Среди берез был виден каменный обелиск. Вернее, его верхушка. Внизу непроходимо переплелись шиповник, все тот же репейник и похожий на мангровые заросли ольховник. Сре-

ди этой чащи, конечно же, коварно гнездилась крапива нескольких сортов.

— Мамочки! — сразу завизжала сунувшаяся вперед Лика.

— Пусти! — сурово велел Тростик, подобрал палку и, сцепив зубы, начал прорубать для Лики проход. Остальные мальчишки тоже нашли палки и врубились в джунгли (и Ваня тоже взвыл «мамочка!», только про себя).

— Лорка, не суйся в сторону, иди точно за мной.

— Я точно, только… Ай!

Все-таки пробились. Расчесывая ноги, встали перед обелиском. На нем было много имен с одинаковой фамилией: «Максаровъ», «Максарова». Рядом с памятником лежало несколько чугунных и каменных плит. Тоже Максаровы. Ваня — из уважения к семье, которая воспитала Гришу Булатова — попытался прочитать все имена, но было их слишком много. А Квакер поторопил:

— Идите сюда… — Он окликал ребят со стороны. Раздвигал кусты в нескольких шагах от них. — Смотрите, вот…

Но смотреть пока было нечего. Маленькую плиту почти целиком закрывала трава с зонтиками желтых цветов. Цветы и стебли не стали рвать,

лишь сильно раздвинули, чтобы прочитать буквы. Наклонились над чугуном. И стали разбирать полусъеденную бурыми лишаями надпись.

Вот что было на плите:

Отрокъ Аггей Полыновъ

Скончался 18 іюня 1854 года

восьми лѣтъ отъ роду

Господь да пригрѣетъ его добрую душу

А ниже, под похожей на снежинку звездочкой, было написано еще:

Агейка, мы тебя помним

Лорка вдруг встала на край плиты коленками и принялась ладонями стирать с чугуна пятна и пыльный налет.

— Подожди… — шепнул Ваня. Сломил в сторонке несколько ольховых веток. Стал обметать плиту. Потом выпрямился.

Все стояли и молчали. Федя и Андрюшка вдруг разом, как по команде, перекрестились. И Никель вслед за ними. Без всякого смущенья. Тогда перекрестились и остальные. Кто-то привычно, кто-то неумело. Ваня вообще осенял себя крестом первый раз в жизни. Он был крещен во младен-

честве, но его алюминиевый крестик лежал в маминой шкатулке с документами, а в храмах Ваня бывал всего два раза — в кремлевских соборах с экскурсиями. И Бог ему представлялся чем-то вроде единого энергетического поля, о котором иногда говорил дед. Но сейчас Ваня соединился со всеми в подступившей печали и жалости к восьмилетнему мальчишке. Не все ли равно, что незнакомый Агейка жил в позапрошлом веке. У смерти нет времени и нет никаких дат…

— А все же… кто это такой? — шепотом сказала Лика.

— Как кто? Агейка… — тихо отозвалась Лорка.

— Да… но это не мальчик с острова. Не Максаров, не Булатов… Полынов.

— Ну и что? — угрюмо отозвался Квакер. — Могли дать любую фамилию при крещении. Он же был не православный, здесь наверняка крестили заново. Тогда с этим было строго…

Никель, как Лорка, встал коленками на край плиты и словно прислушался к чему-то. Потом оглянулся. Качнул головой.

— Нет, Агейка не мальчик с острова…

— Почему? — сразу спросили Трубачи.

— Ну, посмотрите же. Он умер за три дня до того, как «Артемида» прошла по Соленой реке…

— А ведь и правда… — вырвалось у Вани. И он посмотрел на Квакера. Квакер кивнул, отошел к обелиску и начал там ходить среди плит. «Чего это он?»-подумал Ваня. Но больше никто не удивился. Ждали. Квакер подошел и как-то виновато сообщил:

— Больше здесь нет детских могил. Вернее, одна еще есть, но какой-то годовалый младенец… — И он снова встал над плитой.

— Значит, мастер Павел Кондратьевич в самом деле твой предок, — напомнил Ваня. Квакер глянул исподлобья:

— Ну, да… А этого Агейку все равно жаль… Будто в чем-то виноватые перед ним…

Ваня сказал:

— Наверно, славный был. Написано: мы тебя помним. Наверно, друзья написали. Взрослые ведь не напишут «Агейка»…

— Написали, что помнят… А теперь никто уже не помнит… — Еле слышно проговорила Лорка. И встала поближе к Ване.

— Мы будем помнить, — сказал Федя Трубин. — Он же помог нам разгадать тайну…

— Да и не в этом дело, — добавил Никель. — *Будем*, вот и все…

— И будем приходить, да? — живо спросил Тро-

стик. И посмотрел на Лику. И она кивнула: да…

— А теперь давайте почистим все, — предложила Лика. — Только не рвите сильно траву, пусть растет…

— Не будем рвать, — согласился Никель и присел, раздвинул стебли. — Ребята, смотрите-ка! Повилика…

4

На обратном пути задержались у Бархотки. Долго бултыхали в прохладных струях изжаленными ногами. Потом здесь же, на берегу, расселись на брошенных бетонных блоках — они были теплые, как печки. Буйно цвел иван-чай, в нем гудели шмели. Трещали невидимые кузнечики. Над пустыми цехами висел бледненький, потерявшийся в дневном небе месяц.

Лика раскрыла сумку, которую тащили на палке трудолюбивые Трубачи. В сумке нашлись две бутылки кваса и мягкие пироги с картошкой — гостинец Евдокии Леонидовны, Андрюшкиной бабушки. Пирогов было по штуке на брата. Лишь про Матубу Евдокия Леонидовна не вспомнила, но теперь ему отломили каждый по кусочку, а Тростик отдал половину.

— Я стараюсь есть поменьше…

— Ага, поменьше! Арбуз-то вон как уписывал недавно, — заметил Федя.

— От арбузов не толстеют.

Подниматься и шагать дальше никому не хотелось. Ленивое было настроение и задумчивое такое. И… слегка тревожное. Хотя и непонятно отчего.

Лика раскрыла твердую черную папку, с которой не расставалась нигде. Села в сторонке, стала что-то набрасывать карандашом на листе. Андрюшка осторожно подошел, стал сбоку.

— Брысь, — сказала Лика.

— Ну, я чуть-чуть. Одним глазком…

— Я что сказала!

— Жалко, да?

— Не жалко, а не люблю, когда дышат за шиворот… Нарисую — покажу.

Нарисовала она быстро. Положила открытую папку рядом на бетон, расслабленно откинулась, глянула. Не то чтобы приглашающе, но в смысле «можно». Андрюшка приблизился кошачьими прыжками. Посмотрел.

— Ай… — сказал Андрюшка. — Ух ты… Ребята, посмотрите…

Все и так уже стояли рядом.

У Лики был талант. Двумя — тремя движени-

ями карандаша она умела удивительно похоже изобразить любой предмет, любое существо: бродячего кота на заборе, козу в лопухах, потерянную сандалетку рядом с шиной самосвала, дерущихся воробьев, малышей на качелях, ныряльщиков на палубе баржи… И до того здорово! Всего несколько линий, а точность — как на фотоснимке! Только портреты знакомых ребят она не рисовала, говорила, что не умеет. Хотя Тростика (очень похожего) было у нее полным-полно в альбоме, но он — исключение. На нем Лика «набивала руку»…

А сейчас на листе был именно портрет. Правда, незнакомый. Но… в то же время знакомый. Казалось, что все не раз встречали этого мальчонку — круглолицего, лопоухого, с перепутанными длинными прядками, с дыркой от выпавшего зуба под удивленно приподнятой губой. С крупными конопушками на переносице и на щеках. С глазами, в которых искорка улыбки и… скрытое беспокойство…

— Агейка? — шепотом спросил Андрюшка.

Лика кивнула. Впрочем, и так всем ясно было, что это Агейка.

— В точности такой… — шепнула Лорка. И каждый был согласен, что «в точности такой»

— восьмилетний Агейка Полынов, бегавший полтора века назад по тем же улицам, что они. Он просто не мог быть никаким другим…

— Лика, а ты можешь нарисовать еще такого же? — вдруг напряженно спросил Никель. — Только чтобы он не просто так, а слушал раковину. Морскую. Будто ловит отдаленный шум…

Лика секунды две смотрела Нику в лицо. И ничего не спросила. Взяла еще один лист. Повторить рисунок ей ничего не стоило, две минуты — и готово. Еще один улыбчиво — тревожный Агейка. Только у левого Агейкиного уха карандаш остановился.

— А раковина, она какая?

— Большая, закрученная. С зазубренным краем. Край чуть отодвинут от щеки…

Лика умела рисовать и раковины. Она изобразила такую, о какой сказал Никель. Тонкие Агейкины пальцы придерживали витую раковину у щеки. И Агейкина тревога теперь отражала ту загадочность и отдаленность, которую доносил до него голос прибоя…

— Теперь совсем так… — негромко выговорил Никель.

— Ник, а что *так*? — осторожно спросил Андрюшка. А Федя смотрел на Ника молча, но тоже с

беспокойством. Они с Андрюшкой лучше других улавливали всякие *струнки* Никеля.

— У нас в больнице, напротив операционной, висел похожий фотоснимок. Большой… — вздохнул Ник. — Мальчик и раковина… Его все любили… и рассказывали про него всякие сказки.

— Какие? — ревниво спросил Федя. Похоже, что Трубачи раньше ничего про фото со сказками не слышали.

— Всякие… — Ник, видимо, не очень-то любил вспоминать больницу, но теперь выпал такой момент. — кое-кто говорил, например, что мальчик может заранее услышать в раковине, у кого как пройдет операция… И, если его очень попросить, он постарается, чтобы все кончилось хорошо.

— А ты? — спросил простодушный Тростик. — Просил?

— Нет, — улыбнулся Никель. Виновато и беззащитно. — Я его увидел уже после операции, когда разрешили выходить в коридор. Я только просил, чтобы скорее все вросло и прижилось. И чтобы домой… Но у меня ведь был не самый трудный случай…

— Но и не самый легкий, — насупленно напомнил Федя (мол, не скачи слишком много).

— Ну да… А еще там у ребят была сказка, будто

этот мальчик — волшебный донор… Если кому-то предстоит пересадка сердца, он отдает свое, а у него вырастает другое. И так много раз… А один раз сердце не выросло, потому что кончилась энергия. И осталась от мальчика только фотография… Но про это говорили шепотом и не очень-то верили… Хотя про пересадку там ходило много слухов. Как кого привозят с операции и он начинает ворочать языком, сразу — у меня новое сердце… Я и про себя сначала так же думал…

— Думал, что у тебя пересаженное сердце? — изумился Тростик.

— Ну да… как все, так и я… И было страшно. Не потому, что вдруг не приживется, а потому, что оно *чье-то*… Может быть, такого же мальчишки, как я. И выходит, что теперь я не только *я*, но еще и *он*… И, значит, я отвечаю в жизни за себя и за него. А как, если я и за себя толком не умею…

— Это уж точно, — сказала Лорка. — Недавно опять гонял на велике, как настеганный… Ребята, вы ему внушите…

— Мы попросим Евдокию Леонидовну, она внушит, — сурово пообещал Федя. — Так, что придется пересаживать… одно место…

Ник сделал вид, что обиделся:

— Злодеи… Вот и рассказывай вам…

— А дальше? — попросил Тростик.

— А чего дальше… Ведь по правде-то все знали, что никаких пересадок в той клинике не делают. Только протезирование сосудов и вживление искусственных клапанов. Это доктор Андрей Евгеньевич нам всё про наши дела объяснял. Веселый такой. И разные забавные истории рассказывал… Только про мальчика на снимке не хотел говорить: кто это такой. Отвечал: «Это вы все понемногу. И пока он слышит раковину, с вашими сердцами все будет хорошо»…

— Агейки нет, а он все равно слушает раковину, — будто издалека сказал Тростик.

— Агейка теперь снова есть, — строго, будто вмиг повзрослев, возразил Никель. — Человек всегда *есть*, если про него помнят. Душа-то все чует…

— И он будто с нами, да?

— Слава богу, догадался, — ворчливо заметила Лика. — Вытри лицо, сокровище. Все щеки в картошке и квасе… — Она положила портрет «Агейка и раковина» в папку. — Ник, это чтобы не помялся. А потом отдам тебе.

Никель улыбнулся — опять словно издалека:

— Спасибо, Лика…

И они пошли к дому. И Агейка — лохматый и с

выпавшим зубом — шел среди них…

А другой мальчик? Тот, что стал мастером Григорьевым? Ну, стал, да, но это потом, а каким он был *мальчиком*?

Наверно, смуглым, толстогубым, курчавым…

— Вроде маленького Пушкина, — сказал Ваня. — А на острове у него, наверно, было французское имя Поль. Здесь уж переделали в Павла.

— В Павлика, — сказала Лика. — Или скорее в Павлушку. А Григорьев — это, наверно, в честь друга…

— Лика, ты его тоже нарисуй, — попросил Андрюшка.

— Не знаю, — недовольно отозвалась она. — Может быть, после…

Кто их поймет, художников…

КЛЮЧ

Теперь все чаще говорили про бриг «Артемида». Это было похоже на разговоры о недавно просмотренном хорошем фильме. Но не простом, а как бы про своих знакомых. Про друзей… Фильм вспоминался все подробнее. Там, где случались «обрывы пленки» или «потерянные кадры»,

каждый спешил сделать свою вставку. Лучше всего такие вставки получались у Вани, это все признавали без зависти.

— Потому что он прочитал сто книжек Жюля Верна, — объяснял Тростик.

И трудно было разобраться, что можно принять за правду, а что придумалось в пылу фантазии.

Но главное-то все равно было правдой! Гриша Булатов, Павлушка Григорьев, бриг «Артемида»! Свидетельство тому — карта Гваделупы и деревянный узор под названием «Повилика»!

…Квакер повесил свою карту у себя на сеновале, напротив верстака. Рядом пристроил на воткнутом в щель колышке Пришельца. Дух «Артемиды» жил теперь под щелястой крышей, как внутри старого корабля…

Через несколько дней после похода на кладбище все опять собрались на сеновале. Чтобы поговорить про героев Гваделупы и брига и послушать, как уютно шелестит по щелястой крыше дождик. Погода решила устроить в жаре перерыв и с утра сделалась прохладной и серенькой. Купаться не пойдешь, на бульвар к фонтанам и каруселям тоже не манит, и гонять мяч на студенческой спортплощадке — «не тот климат». А собраться в «подпалубном помещение», где

пахнет сырыми досками и приключениями, — *самое то*…

Правда, хозяин помещения сначала был сумрачен. Он встретил гостей в старой драной тельняшке и с двумя фингалами на левой скуле. Сперва отмалчивался, а потом поведал о случившемся. Вчера вечером некий Шампунь-подручный Рубика — вместе с двумя бывшими адъютантами Квакера, Гошей и Лёнчиком («Ну, вы этих паразитов знаете»), встретили Квакера на углу Перекопской и «завели базар». Мол, почему это Квакер — такой раньше крутой и преданный своей «бригаде» — вдруг пошел на откол и связался со всякими «пионерчиками». Ну, Трубачи — эти ребята еще туда-сюда, а их дохлый дружок и сопливая чувиха Лорка, и другая чувиха — длинноногая художница со своим полудурком-оруженосцем — это же сплошное «тимуровское кино». Не говоря уже о приезжем «мамином красавчике» из Москвы!

Квакер не стал снисходить до объяснений. Лёнчик стоял ближе всех. Квакер спросил: слышал ли тот про Большой адронный коллайдер? «А?» — сказал Лёнчик и на миг потерял бдительность. И спланировал в лопухи. Двое других, однако, не растерялись. Видимо, тень всесильного Рубика

витала над ними и вдохновляла на подвиги. Квакеру пришлось прижаться спиной к тополю. До сеновала, где мирно дремал Матуба, было полторы сотни шагов, и слух у собачки был что надо. Стоило только свистнуть погромче. Но Квакеру помешала гордость. Конечно, вскоре три его противника, прижимая ладони к носам и губам, пошли домой, но Квакеру все же достались две «плямбы», и его самолюбие страдало.

Трубачи, всегда склонные к мобильным действиям, предложили немедленно сыскать обидчиков. Но дождик усилился, и Квакер пробурчал:

— Да ну их на фиг. В следующий раз поймаю по одному, пятки оторву и засуну в слепую кишку…

— Игорь… — светским тоном сказала Лика.

— Ладно, не в кишку. Просто повешу на уши, — смягчился Квакер.

В этот момент появился Тимофей Бруклин. Под рваным сырым зонтом.

Как хорошо в прохладной неге,
Когда не стало вдруг жары!
Мне б позавидовал Онегин,
Коль дожил бы до сей поры…

— Рифмоплет, — с удовольствием сказала Лика. По правде говоря, ей нравилось Тимкино умение

выдавать строчки «под Александра Сергеича».

Бруклин красноречиво описал, как в гостях на даче у «папы-маминых коллег» он удачно симулировал беспокойство примерного школьника. Мол, у него такой громадный список по внешкольному чтению, а он еще не открывал ни одной книги. Это, якобы, чревато большими неприятностями… И его отпустили в город.

И вот, проделав путь неблизкий,
Я снова здесь, у ваших ног…

Лика подтянула ноги в мокрых плетенках под табурет и сказала, что Пушкин корчится в могиле.

Тимофей сменил тон и спросил, нет ли чего нового про «Артемиду». Ему рассказали про Агейку. И Лика даже позволила взглянуть на портрет, который носила с собой (только без раковины тот, где раковина, был у Никеля). Тимка принял важный вид и сообщил, что все тут сидящие обречены на бессмертие.

— Потому что про нас будут говорить: «Они были знакомы с величайшей художницей двадцать первого века». Ай!.. — Он был бит папкой по голове, но не обиделся. — Ты чего, я же правду говорю. Кто-то должен первый во весь голос сказать про

твой талант… Ай… А портрет в самом деле — во! — Тим неинтеллигентно, но выразительно воздвиг перед собой большой палец. — Совершенно удивительный пацан… На Тростика похож…

— И нисколечко… — сказала Лика.

— Я говорю не про внешнее, а про внутреннее свойство. Про качества души…

— Его главные качества — дурь и упрямство, — сообщила Лика. — Мать жалуется, что совсем перестал есть. Решил худеть… Конечно, это экономия в бюджете, но… посмотрите на него. Скоро сделается тощее Никеля…

Тростик и в самом деле за последние две недели вытянулся и заметно потерял округлость. Сейчас он гордо посапывал.

— У меня к Трофиму есть дело, — серьезно заговорил Тимофей. — Мой старый мобильник стал капризничать, и добрый папа отдал мне свой. Потому что купил новый, с наворотами. А я свой старый опять наладил, там все дело было не в нем, а в подзарядник. Ну и оказался я с двумя телефонами. А у Тростика телефона нет, он один во всем сообществе без связи. Нехорошо. Недоброе это дело, когда у кого-то чего-то нет, а у другого оно есть два раза… Трофим, это тебе мой подарок…

Тим вытащил из внутреннего кармана джинсовки завернутый в полиэтилен кирпичик. Развернул…

У Тростика отъехала к подбородку пухлая нижняя губа. Он вопросительно глянул на Лику.

— Не смотри на нее, — сурово сказал Бруклин. — А ты, Анжелика, не распускай перья. Сейчас ты закричишь, будто я подмазываюсь к тебе, делая подарок твоему лучшему другу. А ты здесь ни при чем. Я дарю это Тростику, вот и все. Потому что он — личность…

Тростик все же смотрел на Лику. И она снисходительно разрешила:

— Да бери на здоровье. От подарков не отказываются… Тимофей иногда совершает разумные поступки… хотя и не часто…

Тим возвестил:

Онегин, радостные клики
Звучат души моей внутри!
Ведь похвалу от Анжелики
Я слышу раз, и два, и три…

— Всего раз, — уточнила Лика.

— «Три» — это для рифмы, — пояснил Бруклин. — На самом деле от тебя много не дождешься… Тростик, садись рядом, я покажу, где

что нажимать на этой штуке…

Они вспрыгнули рядом на верстак, закачали ногами, и Тимофей начал обучение. Тростик не раз пользовался Ликиным телефоном, а Тимкин старенький аппарат был похожий. Небольшие отличия Тростик понял быстро.

— А кнопки, чтобы их не нажать случайно, блокируются вот так. Сначала большая клавиша, потом — «звездочка»… Попробуй сам…

Тростик попробовал, поморгал и сказал «ой».

— Что? — придвинулся к нему Тим.

— Смотри. Ключ… — В уголке дисплея чернел крохотный значок — ключик.

— Ну и что? Это значит, что блок включен…

— Здесь ключик и там… — Тростик подбородком показал на карту — она висела на другой стене, метрах в пяти. — Похожи…

Тимофей присмотрелся.

— Тростик, у тебя глаз. Не зря ты правая рука великой художницы… Ребята, идите сюда!..

И все столпились рядом.

— Смотрите… Тростик это разглядел. Географы привыкли повторять: Гваделупа похожа на бабочку. А она — ключ! Вот кольцо, вот стержень, вот бородка…

Остров на карте и вправду напоминал массив-

ный ключ. Белое пятно на Бас-Тере создавало ощущение пустоты внутри кольца. Вправо отходил короткий стерженек, дальше он принимал форму конуса, от которого торчала вверх «бородка». Она похожа была на круглую голову с шеей.

— А ведь точно ключ… — сказала Лика. И все наперебой закивали: мол, и в самом деле так. Как раньше-то не разглядели?

— Это знаете что? — задумчиво проговорил Никель. — Это… наверно, ключ ко всем загадкам. Про «Артемиду»…

— У сообщества появился свой знак, — усмехнулся Квакер (у которого, как известно, был «подвешен язык»). — Клуб друзей «Артемиды», и у него символ — серебряный ключ в виде острова…

— А почему серебряный? — спросил Андрюшка.

— Не знаю. Так подумалось… Ну, пусть не серебряный. Только чтобы из чего-то такого… связанного с Гваделупой.

— Из чего? — сказал Федя. — Где *такое* возьмешь?..

Квакер хмыкнул, предложил то ли шутя, то ли по правде:

— Отрезать от карты угол, наклеить на картон,

вырезать ключ…

— Карту жалко, — возразил Федя.

Ваня сказал:

— Копия же. Лишнюю копию сделать не трудно, я попрошу деда, если надо… Только ключ, по-моему, должен быть твердый. Из металла… Вот соберутся все, чтобы поговорить… *про все про это*… и кто-нибудь колупнет ключом. Будто дверцу… И тогда откроются новые загадки… Правда ведь?

— А что это за хвост торчит из ключа? — Вдруг недовольно спросил Тростик. — У меня на телефоне такого нет…

Справа, от оконечности Гранд-Тера тянулся к востоку тонкий, как жало, полуостров. Похожий на хвост морского ската.

— Это мыс Шато, — объяснил Ваня. — На нем раньше были крепость и маяк… Может быть, есть и сейчас…

— Это стальной волосок, — вдруг сказала Лорка.

Все удивленно примолкли.

— Ну, не помните разве? — звонко заговорила Лорка. — Как в песенке: «Тронет пружинку стальной волосок…» Этот волосок — на ключе. Заденет пружинку, она толкнет шестеренки, и начнется

сказка…

— А где она, пружинка-то? — слегка обиженно спросил Федя. Он любил точность и реальность. — И в чем колупать ключиком?

— Хоть в чем, — сказал Ваня. — Можно в пространстве. Дед рассказывал, что вокруг полно всяких пространств. Наверно, есть и сказочные. С пружинками… Был бы ключик…

— Через неделю поеду в Каменск, — сообщил Квакер. — У меня там дядька ювелир. Сяду на него и не слезу, пока не сделает ключик с волоском… Вот знать бы только, из чего. Чтобы работал как надо…

Все опять замолчали. Символ ключа, явившийся с карты, требовал серьезности. Все было не случайно, не просто так. Гриша Булатов, Павлушка Григорьев, Агейка Полынов, доктор Повилика — они словно стояли рядом и ждали…

Тростик соскочил с верстака. Запустил руку в глубокий карман на бедре — с такое энергией, что трикотажные шортики съехали до опасной черты и он едва успел подхватить их. Подхватил и всем показал открытую ладонь: на ней отражала дождливый свет серебряная монета с кораблем, Ликин подарок.

— Вот из нее… можно?

— Да ты что… — пробормотал Квакер. — Это же…

— Это же для всех, — увесисто объяснил Тростик.

А серьезный Никель подвел итог:

— Тим точно сказал: Тростик — личность.

Часть III
ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ
СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

1

Человек привыкает ко многому. Привыкла и Лариса Олеговна (тетя Лара!) к «беспутной» жизни внука. Она уже не терзала по вечерам телефон жалобами и тоскливыми вопросами: «Ваня, я схожу с ума: куда ты пропал? Ты носишься где-то с обеда (а то и с утра) до позднего вечера! И наверняка голодный!» Теперь фразы ее — вопреки обычной многословности — стали четкими и краткими. Первая: «Где ты?» Вторая: «Ты где-нибудь обедал?» Третья: «Когда явишься домой?»

Ваня, чтобы сделать тете Ларе приятное, отвечал подробно.

«С утра мы были на реке… Ой, да никуда я не

потону, мы же не купаемся в одиночку, смотрим друг за другом. Да там и глубины-то не больше, чем до пупá!» (Это был некоторый отход от истины, однако надо же было утешить любимую бабушку.)

«А потом мы ходили на дневное представление в цирк… Ну, я же говорил, нам всем дали билеты в школе — это приз за победу в футбольном матче… Даже Тростику дали, считается, что он запасной… А Тимка и Квакер купили билеты за свои деньги и тоже пошли… Знаешь какие клоуны! Даже в Москве таких нет! У меня чуть кишка не выпала от хохота… Да что ты, нормально я выражаюсь!»

«Да обедал я, обедал, у Лорки! Любовь Петровна молока дала и шанежек, я чуть не лопнул… Ну, что ты говоришь: „кормиться у чужих людей“! Какие же они чужие!»

«А потом немножко потренировались на площадке у общежития и полезли в лог на раскопки… Вдруг еще что-нибудь найдем!»

На откосах лога, где когда-то стояла столица ханства Чинги — Тумен (так и не раскопанная археологами), найти удавалось немало. Неровные черные монетки с непонятными знаками, обглоданные окисью наконечники стрел, витые ручки медных кувшинов, спекшиеся в ржавчине

обрывки кольчуг… Трубачи знали места, где среди обычных свалок можно было добраться до «древних пластов».

Однажды нашли пуговицу с якорем. Конечно, не столь старинный экспонат, но и явно «не из нашего времени». Решили, что она с флотской одежды времен Гражданской войны. Из той поры, когда жил в этих местах старый капитан Булатов. Находку отдали Тростику, для его морской коллекции. Он булькал от радости…

А один раз юным археологам несказанно повезло. Нащупали полукруглый край какой-то металлической штуки. Откопали и выволокли из глины… боевой щит из черной меди! В полметра диаметром. По краю щита тянулась полоса арабской вязи, а на гладкой выпуклой середине светились четыре отверстия. Всякому было ясно, что сюда с внутренней стороны прикреплялись ручки щита.

Находку эту отрыли впятером: Никель, Лорка, Ваня и Трубачи. И торжественно понесли на сеновал Квакера.

У Квакера «паслись» Лика и Тростик. Лика срисовывала в альбом резьбу «Повилика», а Тростик боролся на половицах с Матубой, и оба были счастливы. Квакер чинил велосипед и шепотом

поминал всю нечистую силу Антильских островов.

Щит все (даже Матуба) оценили по достоинству. Начали отскребать от «наслоений времени». Отскребли (кое-где добрались даже до желтой меди). Пришел Тимофей Бруклин и спросил:

— А что вы с этой штукой будете делать?

Лорка сказала, что есть смысл отдать находку в школьный музей. Под щитом повесят табличку с именами тех, кто его нашел и подарил.

Квакер возразил, что не стал бы этого делать. Школьным музеем заведует учительница истории Анна Леонтьевна Гауф по прозвищу «Княжна Нюра». Всем известно, какая это… ну, ладно… Он припаяла ему, Квакеру, переэкзаменовку на осень, хотя ни в одной четверти двоек у него не было, а было только то, что он с Нюрой то и дело препирался на уроках. «За то, что весь год вел себя вызывающе, будешь отдуваться в августе или загремишь на второй год!» Конечно, Княжна не имела права поступать так, и перед сентябрем Квакер пойдет к завучу и директору, чтобы откачать свои права. Но пока что незаконная переэкзаменовка висела у него над душой и портила настроение…

— Хотя щит-то не мой, делайте, что хотите, —

спохватился Квакер.

Общее мнение склонилось к тому, что зловредную Княжну Нюру не стоит радовать ценной находкой…

Тим Бруклин сказал:

— И вообще в наши дни бескорыстие ценится наравне с дурью. Лучше оттащить эту штуку в краеведческий музей, там, глядишь, деньжат отстегнут за такой товар…

— Держи карман, — сказала Лика. — В музее всегда денег нет, они об этом во всех передачах трубят… Люди, знаете что? Отнесите этот тазик Герману Ильичу! Он понимает в древностях. Сразу определит, какой век, какая ценность, и посоветует, куда ее девать.

Федя сказал Лике, что «сама ты тазик», и они впятером (той компанией, что отрыли щит) двинулись в Пристанский район, к старому пакгаузу.

Щит несли на тонкой палке, которую продели в одно из отверстий. Палку держали с двух концов Федя и Андрюшка, а Никель и Ваня стукали по медному краю обломками той же палки. Щит гудел. Это был «голос иной эпохи», как выразился Никель. Лорка легонько пританцовывала впереди. Она была в своем «ромашкином» наряде. А

остальные — в «футбольных одежках», таких же, как у Вани, только разных цветов. Было похоже на мини — карнавал или шествие маленького туземного племени. Прохожие поглядывали со стороны и одобрительно хмыкали.

Герман Ильич встретил веселых гостей недалеко от дома, узнал, в чем дело, и решил вернуться с «юными археологами» в свое жилище («Поскольку я никуда особо не спешу…»).

В комнате среди картин, коряг и масок он внимательно рассмотрел находку. И… разочаровал ее хозяев. Оказалось, что Лика в своем определении «тазик» была близка к истине.

— Это, друзья мои, не щит, а старинное восточное блюдо для плова. Скорее всего, из Бухары, с которой торговало здешнее ханство. Вещь интересная, но вполне мирного назначения…

— А дырки? — не захотел сдаваться Федя. — Они же для ручек, как на щите! Получается что же? Как детский горшок для малогабаритной квартиры?

Герман Ильич с интересом наклонил голову:

— Поясни…

— Ну, анекдот такой. Одна фирма для экономии места придумала ночные горшки с ручками внутри…

— Блистательная идея!.. Но здесь не было ручек ни внутри, ни снаружи. В эти отверстия вставлялись ножки, чтобы блюдо не качалось на столе и не сыпало рис и баранину на расшитые халаты гостей… А иногда хозяева вешали такие блюда на стены, чтобы похвастаться утварью… — И Герман Ильич прошелся глазами по своим стенам, словно подыскивая место…

Лорку осенило:

— Герман Ильич! Вот вы и повесьте это блюдо здесь! А мы будем приходить к вам и смотреть. А то ведь у себя-то, у всех сразу, мы его повесить все равно не сможем…

— Правильно! — завопили Трубачи. И Ваня с Никелем сказали, что правильно (хотя и не так громко, потому что дома их учили быть воспитанными).

— Да ну, ребята, что вы… Такой подарок…

— А подарок и должен быть *такой*, — мудро рассудила Лика. — А иначе это просто мелочь, которую дарить даже неприлично… А вы нас сфотографируйте с этим блюдом всех вместе, ладно? А мы карточки повесим у себя…

— Я давно заметил, девочка, что ты умна не по годам, — с удовольствием заметил художник. И достал мобильник с аппаратом. — Берите эту

штуку и становитесь плотнее…

Затем они «приспособили» блюдо на железном штыре — он торчал между этюдом «Спящие баркасы» и деревянной маской улыбчивого пирата.

— Вписалось, — покивал Герман Ильич. — Хотя привередливая Анжелика Сазонова сказала бы, конечно, что композиция «не та»… А теперь вот что, друзья — следопыты. Я вам сделаю ответный подарок… Я вообще-то хотел сделать его безвозмездно, без подношения с вашей стороны, а раз уж так вышло, то одно к одному… Я выпросил эту вещь у одного своего приятеля специально для вас. Учитывая ваш интерес к бригам…

Он сходил в другую комнату и вернулся с плоской, потрепанной по углам книжкой. Сразу видно — не нынешней. У нее был потертый кожаный корешок и серо — пятнистые корочки. Герман Ильич откинул обложку. На сероватом титуле выделялись крупные слова:

Кругосвѣтное Путешествіе
на бригѣ Рюрикъ
Флота лейтенанта Отто Коцебу
в 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ

— Ни фига себе… — шепнул воспитанный Никель. И восторженно задышал.

— Этот бриг, насколько я помню, чем-то был похож на «Артемиду», — сказал Герман Ильич. — Можете сравнивать, когда строите… свои гипотезы…

— Когда придумываем напропалую, — высказался прямолинейный Федя.

— В придумывании порой больше истины, чем в не окрашенных фантазией фактах, — сообщил Герман Ильич и поднял коричневый палец с мелкими пятнышками белил…

Главным читателем книги про «Рюрика» сделался самый юный член «Артемидовой команды» — Тростик. За прошедший год он так приохотился к чтению, что любая книжка была для него удовольствием. Пускай даже «Справочник по уходу за комнатными растениями» или мемуары княгини Дашковой. А уж если про бриг!.. Подначитавшись на старинном «Коньке — Горбунке», он глотал станицы с «ятями» и допотопными «і», выбирал на свой вкус наиболее интересные места, а потом — на сеновале Квакера или во дворе у Чикишевых — эти отрывки читали вслух. Нельзя сказать, чтобы всегда было очень увлекательно, однако приобщение к морской старине превращало такое чтение в обычай. И паруса «Артемиды» незримо вырастали над куд-

латыми, украшенными репейными шариками головами…

Такими вот пятиминутными чтениями чаще всего и заканчивались долгие, прожаренные солнцем, пропахшие уличными травами дни. Когда солнце уходило за решетчатые вышки недалекого стадиона, команда разбегалась. Ваня шел провожать Лорку. Дорога была не длинная, велосипеды оставляли в Андрюшкином сарае или на дворе у Квакера и шли пешком. Раздвигали ногами теплую лебеду, от которой на коричневых ногах оставалась алюминиевая пыльца…

От Лорки Ваня вещал по телефону тете Ларе:

— Ну, не могу я бежать сразу, Любовь Петровна оставляет пить компот. И Лорка вцепилась… Кто «безответственная особа»? Любовь Петровна?.. А, Лорка! Ладно, передам. — И он показывал Лорке язык. А она пританцовывала у стола, расставляя запотевшие от холода кружки…

Любовь Петровна смотрела на внучку и Ваню и напевала привычную мелодию. Про стальной волосок. Ваня в этом доме совершенно не стеснялся, поэтому однажды продолжил мотив.

— По-моему, ты исполняешь данную тему несколько в иной тональности, — заметила Любовь Петровна.

— Ну, конечно! Я ее протянул дальше, а она вдруг поехала на Бетховена. На вторую часть Восьмой сонаты! Там похоже немножко…

— Ну уж… — сказала Любовь Петровна с сомнением и в то же время с любопытством.

— Нет, в самом деле! Немножко по мелодии, а главным образом по настроению… Но вообще-то у меня «чудовищно субъективные музыкальные ассоциации», это папа однажды сказал. Когда я довел его до «состояния барабанной колотушки».

— За что ты так папу?

— А мы поспорили. По каналу «Культура» передавали «Ленинградскую симфонию», и я «осмелился сделать наглое заявление», что Шостакович главную тему позаимствовал из Пятой симфонии Чайковского. Папа сказал, что я безмозглый цыпленок и что надо различать заимствование и развитие музыкальных традиций… Я обиделся на «цыпленка» и добавил, что романс Шостаковича из фильма «Овод» похож на «Итальянское каприччио»… Папа раскричался, велел мне убираться на кухню и не выходить до вечера… Это давно было, когда мы жили вместе и я ходил в музыкалку…

— А почему ты не стал ходить в музыкальную школу?

— Ну, Любовь Петровна, никаких же способностей! Кроме умения барабанить гаммы и пиликать простенькие песенки на флейте. Вроде бетховенского «Сурка»…

— Тогда почему же папа хочет устроить тебя в музыкальный кадетский корпус?

— Потому что «сын, достигший подросткового возраста, должен быть как-то определен в жизни»…

— А ты не противишься?

— Я пробовал… слегка. А мама с папой говорят: «Предлагай тогда альтернативные варианты». А у меня нет пока никаких вариантов. Я еще ничего не выбрал… Да там не совсем настоящий корпус, а вроде продленного дня. Сначала общие занятия, потом музыкальные. А вечером — домой. Главное отличие от школы в том, что форму носят. из-за этой формы туда многие и хотят попасть… Ну, интересно же: погоны, аксельбанты, участие в парадах…

— А тебе это неинтересно?

— Не знаю… Иногда как представишь, то вроде бы интересно… Только я ведь этого еще не пробовал…

Лорка слушала разговор молчаливо и грустновато. И Ваня понимал ее: «Вот кончится лето,

уедешь в Москву…» Эта грустноватость проникала и в его настроение. Одно утешало: «Еще не скоро». Стоял конец июля…

2

Как-то снова заговорили про пушку, про обычай полуденного выстрела, попавший сюда из далеких времен, с «Артемиды». Бывший при разговоре Тимофей Бруклин вдруг заявил, что обычай этот исполняется туренскими пацанами неправильно.

— Ведь на самом-то деле солнцестояние настает не точно в полдень, а в каждом году по-разному. Это надо смотреть в астрономических сборниках.

— А нам по фигу, — заявил Квакер. — У нас тут свое время отсчета. Да, ребята? Шарахнули в двенадцать часов — и гуляй дальше.

— Ну, ладно, пусть в двенадцать, — не унимался Тим (и украдкой поглядывал на Лику). — Но полдень-то должен быть астрономическим. А не тем, что нам предписывают всякими указами, когда назначают часовые пояса да летнее — зимнее время… Истинный полдень — это когда тени смотрят строго на север…

Занудного Бруклина готовы были снова оспо-

рить, но Никель вдруг сказал:

— Ребята, а Тим, наверно, в чем-то прав… Истинный полдень — это… как-то честнее. С точки зрения природы… Ведь выстрел-то — в честь солнца. Значит, надо, чтобы все было по его закону…

Ваня уже не первый раз подумал, что у Ника есть право на такие суждения. У мальчика, который в неполные одиннадцать лет побывал на границе жизни и смерти. На этой границе, наверно, приходит особое знание законов мира…

— А как определить, чтобы строго на север? — недовольно сказал Квакер. — По компасу нельзя, там всякие магнитные уклонения, нам на географии толковали про это.

— Очень просто, — вмешалась Лика. — Надо понаблюдать перед полуднем. Когда тень станет самой короткой, это и есть направление на северный полюс.

— А есть еще примета, — напомнил Андрюшка. — У церковных крестов один конец всегда смотрит на юг, другой на север. Такой обычай…

Линию истинного полдня искали и определяли три дня. И никто не сказал «да на фиг мозги себе пудрить, айда купаться». Проверяли направление и по крестам, и по длине тени (а полуденное солн-

це жарило макушки и плечи). Отдельно работал Тим, с помощью своего туристического компаса, в который вносил какие-то таинственные поправки. И когда все собрались на краю лога, на береговом выступе, куда в день солнцестояния выкатывали пушку, оказалось, что Тимкина линия и линия остальных совпадают! Ура! Бруклин удостоился Ликиной снисходительной улыбки…

Выяснилось, что истинный полдень с теперешними двенадцатью часами не имеет ничего общего. В Турени он наступает на два часа с минутами позже.

— Оно и понятно, — разъяснил Тимофей. — Еще давным — давно, в Советском Союзе, ввели декретное время — добавочку на час. Мол, так удобнее вставать на работу. Когда на небе полдень — в стране уже час дня. А сейчас добавляют еще «летнее время» — с весны по осень. Кому это надо, непонятно, однако добавляют. И получается, что солнце доезжает до зенита у нас только в два часа. Да плюс еще минутные поправки из-за часовых поясов и меридианов. А мы живем и ничего не знаем о таком безобразии…

Лика сказала, что это еще не самое большое безобразие. Два дня назад на улице Чюрленица повырубили старые яблони. Говорят, чтобы

«расширить полосу движения». Квакер сказал, что надо сделать с теми, кто отдал такой приказ. Лорка и Лика деликатно притворились, что не расслышали… Тимофей напомнил, что ни чиновников, ни законы времени переделать не хватит сил. А вот построить солнечные часы с линией истинного полдня — вполне по силам.

За эту идею он удостоился еще одного благосклонного взгляда Анжелики Сазоновой.

На том самом выступе, на обрыве у лога, выложили из обломков кирпичей окружность. Набрали в логу несколько ведер мягкой глины (надо сказать, была работка!), выстелили глиной внутри окружности площадку. Из собранных на свалках фаянсовых осколков — разноцветных и блестящих — стали выкладывать циферблат. Получался пестрый, непонятно что изображающий узор.

— Дикий абстракционизм, — сказала Лика. Но она руководила укладкой черепков, и «абстракционизм» вышел красивый. Что-то вроде неземных, перепутавшихся крыльями птиц.

По кругу разместили вверх блестящими донышками пустые консервные банки. На них черной нитрокраской написали римские цифры. Это для «нормального» времени. А для истинного полдня

выложили чисто — белую тонкую полоску.

Посреди круга решили поставить гладкий двухметровый шест — нашелся такой в Андрюшкином сарае. Покрыли той же нитрокраской. А для верхушки Квакер вырубил из тонкого дюраля силуэт петушка.

— В честь петуха Евсея, — усмехнулся он.

Евсей отражал солнце, как серебряный.

Встали вокруг часов. Тонкая тень шеста подползала к белой сияющей черте. И наконец закрыла ее.

— Ребята… — сказала Лорка. И взяла за руки с одной стороны Ваню, а с другой Квакера. Квакер, видать, слегка застеснялся, но другой рукою взял за ладонь Тростика. А тот — Лику. А Лика — Тимофея… В общем, все сцепились руками, и получился ребячий круг.

— Все здесь, да? — спросила Лика, хотя и так было ясно, что все.

— И Агейка, — вдруг тихонько сказала Лорка.

— И Гриша Булатов, и Павлушка Григорьев… — откликнулся ей Никель.

— И Костик, и Ремка, — проговорил Ваня, и у него щекотнуло в горле…

Помолчали, ощущая толчки крови в ладонях.

— В общем все мы тут… — вздохнул Андрюшка

Чикишев.

— И всегда… — сказал Никель…

А через день часы оказались разломаны, растоптаны, разбиты. И опять собрались все. И стояли молча. Просвеченные солнцем уши Квакера пылали, как два сигнала боевой тревоги. Наконец Квакер выговорил:

— Ну, Рубик, ну, с — су… сволочь…

— А что теперь будет с часами? — спросил Тростик. Он успел слазить под откос и храбро отыскал в кусачих травах помятого, но уцелевшего Евсея.

— Сделаем снова, — сказал Квакер. — У меня на дворе. Даже лучше будут. Вместо глины я приготовлю цементный раствор. На века…

И за два дня сделали часы снова. Почти такие же. Тростик сказал, что «даже лучше».

— И пусть теперь эти гады сунутся, — добавил Квакер. — Матуба оборвет им штаны и… все остальное…

— Игорь… — сказала Лика. — Здесь дети…

— Ну, не всё. Частично, — уступил Квакер.

Затем опять встали вокруг часов. Опять дождались *настоящего* полдня и вспомнили тех, кто был здесь незримо. Все равно эти мальчишки *были*!..

И старый профессор по прозвищу Граф сейчас тоже был мальчишкой, хотя, наверно, не знал об этом…

Стоял самый конец июля. Солнце палило, как в июньские дни. Закаты стали наступать чуть раньше, но пока на это никто не обращал внимания.

«Еще целый месяц…» — думал Ваня. Лорка была рядам и держала его за пальцы. На реке ритмично вскрикивал буксирный катер…

САША ЮХМАНОВ

1

— Изверги! — слезно возглашала Андрюшкина бабушка Евдокия Леонидовна. — Как я буду теперь смотреть соседкам в глаза?!

— А ты смотри мимо глаз, — посоветовал Андрюшка. — На уши или еще куда…

— Молчи, паршивец!.. Степанида Игнатьевна сама не своя. Говорит: всю смородину ободрали в огороде.

— А ты скажи ей, что вранье — это грех, — посоветовал Андрюшка. — Мы в огород и не совались. А если смородина свои ветки вывешивает за

плетень, прямо к дороге, кто виноват? Какой нормальный человек пройдет и не сорвет ягодку?

— «Ягодку»! — ахнула Евдокия Леонидовна. — Небось, полпуда!

— Да какие полпуда! — постарался отстоять истину Федя. — Она уже перезрела давно, там остатки… А зачем вывешивает? Провоцирует прохожих…

— Ты умными словами не закрывайся!.. Про… ци… Я вот вас сейчас процитирую! Где мой мешок?

— На балконе твой мешок, на перилах, — напомнил внук. А Федя попросил:

— Баба Дуся, только вы его сначала выхлопайте. А то в прошлый раз столько пыли было, не продохнешь…

— Вот о вас, о двоих злодеев, и выхлопаю, — пообещала Евдокия Леонидовна.

— А почему о двоих! — возмутился Никель. — Опять неравноправие! Я тоже…

— Святые силы, да тебя-то, Никитушка, за что?! — изумилась Евдокия Леонидовна. — У тебя ангельская душа…

— Ага, «ангельская», — заметил Федя. — Трескал больше всех.

— И не больше, а столько же, — уточнил Ни-

кель.

— А я! — востребовал справедливости Ваня. — Я ведь тоже там был, мы одинаково…

— Ванечка, да тебя-то как можно! Ты же гость, не чета этим иродам!.. Вы, небось, там в вашей Москве настоящих ягод и не видите. Одна какая-нибудь синтетика, вроде черной икры из нефти…

Ваня хотел заступиться за Москву, но Евдокия Леонидовна твердыми шагами покинула комнату. И скоро вернулась. Однако не с мешком, а со смородиной в большой стеклянной миске. И с ложками.

— Лопайте, мучители… Сейчас молока принесу…

— Вот это настоящая педагогика, — сообщил Андрюшка, двигая к столу табурет. — Воспитание добром и любовью. Наша бабушка — настоящий Макаренко. «Заслуженная макаренка России первой степени»…

— Доберусь я, узнаешь «макаренку», — пообещала Евдокия Михайловна. — Больше не вздумайте к чужим ягодам соваться…

— Куда там соваться-то, — сказал Никель, отправляя в рот полную ложку. — Все равно уже ничего не осталось…

— Ох, Никита. И тебя они переделали на свой манер, — пригорюнилась Евдокия Леонидовна. — Такой был мальчик… Хорошо, что хоть Ванечку не успеете испортить, уедет скоро…

Ничего хорошего Ваня в этом не видел. И тоскливое предчувствие отъезда заглушил двойной порцией смородины и глотком холодного молока. И утешительной мыслью, что «еще три недели»…

Это происходило на даче у Чикишевых, где Трубачи, Никель и Ваня проводили августовские дни. Ваня отпросился сюда у Ларисы Олеговны, и та после долгих наставлений и после консультаций с Андрюшкиной бабушкой отпустила внука. Потому что пора ей, Ларисе Олеговне, было выходить после отпуска на работу в свою страховую компанию «Ариадна» (в контору, где, по словам Графа, заняты двумя делами: обсуждением новостей и отчаянными попытками ни за что на свете не выплачивать клиентам законные вознаграждения).

— Но только ты должен мне обещать, что не будешь там… — И дальше следовал бесконечный перечень того, что Ваня «не будет». Ваня охотно обещал исполнять все пункты, которые тут же забыл.

Дача была в тридцати километрах от Турени, на краю деревни Черкишево. Мальчишек отвезла туда на машине Графа неутомимая Марго.

И началось дачное существование. Неспешное, беззаботное и почти беспечальное. Слегка (а временами и не слегка) Ванину жизнь омрачали только два обстоятельства: то, что время движется к осени и что рядом нет Лорки.

Лорку родители наконец самым решительным образом затребовали из Турени на свой загородный участок. Ее старшая сестра готовилась поступать в институт, и «должен же кто-то помогать престарелым отцу и матери!». Правда, Лоркины мама и папа были не столь уж престарелые, они бодро трудились какими-то агентами в компании «Стройпланета» и обладали решительным характером. Много не поупрямишься. Но Лорка шепнула Ване: «Все равно удеру…» И это его слегка утешило.

Квакер уехал к дядюшке в Каменск.

Лика (в сопровождении Тростика, разумеется) отправилась в недельную экспедицию с юными живописцами из Дворца школьников — «на пленэр», как изящно выражались эти растущие таланты.

Тимофея Бруклина, по некоторым слухам, роди-

тели увезли на самолете в Геленджик. По другим слухам, он заперся дома и сочинял поэму, где были такие слова:

Онегин, если б мы однажды
Зашли с тобою в Интернет,
То пересохли бы от жажды,
Поскольку там киосков нет.
Нет ни воды там, ни ответа:
Как быть, коль рядом вовсе нету
Моей возвышенной любви?
Увы и ах, и се ля ви…

Впрочем, не исключено, что эти незабываемые строки он сочинял, валяясь на приморском песочке. Приятное с полезным…

В дачном домике было тесно (в нем обитала не только бабушка, но и Андрюшкины родители, и появившаяся в гостях тетушка), поэтому Трубачам, Никелю и Ване отвели под жилье пустой сеновал над сараем. Конечно, сначала заставили поклясться, что «ни свечек, ни спичек и вообще ничего *такого*…». Андрюшкина тетушка, дама весьма образованная, особенно нажимала на меры безопасности. Утверждала, что пубертатный период мальчиков (откопала где-то неслыханное

Ваней словечко!) характерен для них «повышенным интересом к никотину». Но для этих четырех мальчиков он не был характерен. Ваня сроду не помышлял о курении, а Федя и Андрюшка, если и помышляли, то все равно не стали бы пробовать. Из солидарности с Никелем, для которого курение было «все равно, что головой о бронепоезд»…

По ночам заглядывали в щели редкие звезды и молодой месяц, орали на ближнем болоте лягушки (хотя, вроде бы, и не сезон был), пищали комары и вякали на краю леса «музоны» заезжих туристов.

Все четверо, еле волоча ноги от усталости, в сумерках являлись на двор, плескались под душем, ужинали молоком и свежей картошкой и у себя на сеновале валились на тощие надувные (вернее, полунадутые) матрацы. На слушанье лягушек и любованье мерцающими звездами не оставалось времени. Мохнатый сон тут же накрывал прожаренные солнцем тела и лохматые, выгоревшие под лучами солнца головы.

Вроде бы никаких особых дел и не случалось, а к концу дня все мышцы сладко ныли от усталости. из-за чего? Ну, гоняли футбол с местными пацанами (славными, недрачливыми), бултыхались в деревенском пруду (довольно чистом,

в нем даже рыбки водились), загорали на песке (вернее, просто валялись кверху пузом, потому что загорать уже было некуда), ловили рыбу в речке Тараскульке (никого не удавалось поймать, но все равно было интересно). А еще собирали в ближнем лесу грибы. Ваня научился отличать маслята и грузди от поганок и гордился этим знанием природы. Ну и на грядках приходилось иногда проявлять усердие (а то «где мой мешок?»). И вот глядишь — еще один день пролетел.

Да, сон пытался сморить моментально, и все же Ваня ухитрялся урвать у него минуту — другую. Чтобы повспоминать. Когда вспоминаешь — время растягивается, заново дарит человеку прошлые часы и дни…

Ваня вспоминал, что было до отъезда на дачу.

2

До отъезда был Ванин день рожденья, в самом конце июля. Ваня про него почти не помнил и уж совсем не думал, что про него вспомнят другие.

Ну, поцелуи и объятия тети Лары (и новая алая футболка с корабликом на пузе в придачу) — это понятно. Торжественное рукопожатие деда и его старый складной нож («Еще в студенческие годы в колхоз ездил с ним») — это не только понятно,

а просто замечательно! Мамин «специально — поздравительный» звонок и обещание подарка «когда встретимся»-тоже хорошо (хотя для встречи *там* придется уехать *отсюда*, а это не очень весело).

А вообще-то мама звонила регулярно два раза в неделю. Один раз тете Ларе, другой — сыну. Тетя Лара подвергалась допросу: здоров ли Ваня, занимается ли чем-то полезным и как себя ведет. Лариса Олеговна сначала давала многословные отчеты, а затем стала отвечать более лаконично и с долей иронии. Мол, занимается археологическими раскопками, футболом и ныряньем с баржи за пристанью (а это для мальчиков очень полезно, особенно в летнее время). Читает ли? Да, они отыскали какую-то невообразимо древнюю книгу про путешествия и на своих сборищах штудируют ее по вечерам. Что за сборища? Ну, Ванечка свел тут знакомство с несколькими растрепанными мальчишками, двумя обаятельными девочками и длинновязым подростком, который пользуется славой хулигана и обалдуя… («А что я могу сделать? Ты сама всегда была сторонником демократического воспитания…») Какие отношения с дедом? Кажется, прекрасные. Обсуждают проблемы черных дыр, в которые ско-

ро все мы скатимся. Один раз, правда, подрались, но потом помирились.

Ваня слышал в трубке отдаленные мамины восклицания и просьбы «не шутить так». И возгласы, что футбол и нырянье могут привести к травмам…

Сам он маму успокаивал и говорил, что купанье — безопасное, ребята — замечательные, Квакер (то есть Игорь Григорьев) никакой не хулиган, а наоборот: недавно он трем здешним хулиганам так начистил портреты, что те больше носа не кажут в окрестностях… «Ну, как я выражаюсь? Нормально выражаюсь. Раз начистил…»

— Вот когда ты окажешься в корпусе, там тебе быстро укрепят навыки дисциплины… Плохо только, что папа вернется с гастролей лишь к октябрю и лишь тогда может заняться твоими делами. Но в корпус, говорят, можно быть принятым и в середине осени, если есть связи…

Ваня морщился и «переводил стрелки»:

— Ма-а! А когда ты отправишься в свой круиз? А ты успеешь вернуться из него к сентябрю?

— Нет, Ванечка. Тебе придется пожить первую неделю учебного года под присмотром тети Жанны, я договорилась. И походишь в прежнюю школу. А уж потом…

— Ма-а, ну тогда у меня к тебе просьба! Когда будешь на Гваделупе, раздобудь несколько серебряных монеток с кораблями… И узнай поподробнее про вулкан Матубу… Ма-ту-бу… И про форт, которым давным-давно командовал полковник Дельгре… Лу-и Дель-гре… Туда сейчас водят туристов… Ну, мне это очень надо!.. Что?.. Хорошо, буду… Хорошо, не буду… Хорошо, не забуду…

Похожим был и разговор в день рожденья. Все то же. И лишь одно уточнение. В Москву Ваню отвезет бабушка Лариса Олеговна. Это гораздо лучше, чем лететь со случайным знакомым, как было на пути в Турень. Но все равно радостного мало…

Вот так. А то, что про день рожденья знают ребята, Ваня и не догадывался, Как-то давно он упомянул о нем Лорке, но не думал, что она запомнила. А она… То есть «а они»…

Нет, не было ни подарков от каждого, ни шумных попыток «двенадцать раз дернуть за ухи, чтобы рос большим». Просто на сеновале у Квакера Лика выставила на верстак пластмассовую бадью с украшенным кремовыми узорами мороженым. Ване дали большущую деревянную ложку с выжженной надписью «Лопай, именин-

ник!». А остальные взяли обычные ложки. Ване велено было зачерпнуть первому и побольше…

Мороженого хватило всем. И даже Тростик, обычно не желавший ничего есть, нынче не отказывался. Потому что «от мороженого, как и от арбуза, не толстеют».

Он за последний месяц изрядно отощал, его просторные шортики то и дело грозили съехать вниз. И особенно сегодня, потому что в кармане лежала большущая линза. Эту линзу Тростик нашел среди мусора на краю лога (какой балбес ее выбросил?) и нынче разглядывал сквозь выпуклое стекло всякие мелочи: сучки на досках, вяло бредущую по верстаку муху, собственный сбитый ноготь, а больше всего — стеклянную картинку с парусником, которую подарил в прошлом году Герман Ильич.

Тростик рассмотрел на паруснике много деталей, но, к сожалению, понял и то, что судно это — не бриг «Артемида». Во — первых, под бушпритом не было женской фигуры, а красовался усатый дядька в чалме. А кроме того, парусник был трехмачтовым, что никак не соответствовало понятию «бриг».

— Жалко, — вздыхал Тростик, очередной раз хватаясь за резинку на поясе.

И тут Ваню осенило:

— А может быть, и не надо жалеть! Может быть, эта картинка все равно имеет отношение к нашим делам… То есть к нашей истории!

— Это как? — спросил Тростик. А остальные (даже Матуба) глянули на Ваню с молчаливым вопросом.

— А вот так! — вдохновился Ваня. — Можно ведь представить, что у Максаровых, у которых жил Гриша Булатов, был волшебный фонарь, старинный фильмоскоп. Ну, вроде того, от которого у Германа Ильича есть подставка! И что эта картинка — от того фонаря!.. Вот они сидели по вечерам, рассматривали, а этот кадрик был у Гриши самый любимый… Может, с него все и началось…

— А может, и не с него… А может, и не было ничего, — кислым голосом сказал из угла Бруклин.

Лика издалека проткнула его взглядом.

— Для человека, сочиняющего стихи (пускай даже совсем бездарные), полезно иметь хоть капельку воображения.

— Я понял. Я молчу, — отозвался Бруклин. И уныло замолчал. Его поняли и простили. Знали причину его мрачности. Ему не удалось проникнуть в состав экспедиции юных художников.

Лика пыталась хлопотать за него, но ей намекнули, что хватит, мол, и одного не склонного к рисованию участника — юного Трофима Зайцева…

Зато у других воображения хватало. Тут же заговорили, что волшебный фонарь у Максаровых вполне мог быть и даже что подставка с музыкальными лепестками (на которой художник Суконцев режет луковицы) вполне могла принадлежать именно этому фонарю. И если бы подставку принести сюда и перед началом «Артемидских фантазий» крутить валик и слушать музыку про стальной волосок, это было бы «самое то».

Никель негромко проговорил:

— Будто бы вернулись *те времена*. И будто бы *те ребята* приходят сюда, в наш кружок. Как тогда, у часов…

«А музыкальные лепестки на подставке — это будто мы все…» — появилась у Вани мысль. Но он постеснялся высказать ее вслух и лишь позже поделился с Лоркой. И она сказала: «Ты молодец…»

Если есть идея, чего тянуть время! Оседлали велосипеды, покатили к Герману Ильичу. Застали его за «ужасно занудной работой» — грунтовкой холста. Он помахал испачканной в белилах пя-

терней.

— А у Вани сегодня день рожденья, — без подготовки сообщила Лика.

— О-о! Мои поздравления… А почему не сказали заранее? У меня даже заварки для чая нет…

— А не надо чая, — объяснила Лика. — Ваня приехал выпросить у вас подарок. — (И Ваня чуть не провалился в подвал пакгауза, но заспорить не успел).

Герман Ильич осведомился с некоторой осторожностью:

— А что за подарок? Надеюсь, это не лучшая моя работа «Мальчик и Дон Кихот»?

— Не-е! — вмешался Тростик. — Нам нужно вашу дощечку от волшебного фонаря. Ну, ту, с музыкой… Для игры в «Артемиду».

— И всего-то! — воскликнул художник, явно счастливый, что отделался столь малой жертвой. — Сейчас принесу!

И принес.

Валик в окружении лепестков работал исправно. Тонкие жестяные пластинки без фальши воспроизвели мотив:

Тронет пружинку стальной волосок…

«Артемидная» команда не очень дружно, одна-

ко от души прокричала «спасибо».

— На здоровье… А не будет ли нескромностью с моей стороны поинтересоваться: в чем суть предстоящей игры?

Начали объяснять. Порой бестолково и сбивчиво, но в общем-то понятно. Как это здорово: сидеть в дружном кругу и открывать заново те события, которые случились давно. «С такими же, как мы, пацанами, только без компьютеров и мобильников… Они будто приходят и садятся рядом…»

— Да-а… вы творческий народ… Никита Кельников, а тебе эта тема для нового реферата.

— Нет! — Похоже, что Никель испугался.

— Почему нет?

— Это Ванин сюжет.

— Почему мой? — удивился Ваня. — Это общий…

— Не спорь, — строго сказал Никель. — Я понял: он твой. От начала до конца.

Может, Никель был прав. Когда собирались поговорить о Грише, о Павлушке, об «Артемиде», само собой получалось, что начинал Ваня. И часто — с таких эпизодов, которых раньше и сам не знал, но вдруг «обнаруживал» в своей голове. И они вплетались в цепочку уже известных

событий…

Когда вернулись на сеновал и несколько раз прокрутили дребезжащий вальсок, к Ване пришла еще одна догадка:

— А наверно, у фонаря и в самом деле был ключик. Со стальным волоском. Волосок трогал пружинку, все заводилось, а на экране листались картинки… Не хуже, чем телевизор…

— Но пружинки-то нет, — заметил Федя.

И вдруг вмешался Квакер, который в общем-то не был склонен к фантазиям:

— Ну и что же, что нет. Можно ведь считать, что есть. «Как будто»… В книгах тоже многое «как будто», а читаешь и видишь, словно все по правде…

— Можно сделать картонную стенку, а в ней щелку для ключа, да, Ваня? — сказала Лорка и придвинулась ближе. — Игорь привезет из Каменска ключик, мы его будем поворачивать… и все получится по правде. Будто колдовство…

Ваня хотел сказать что-то похожее, Лорка опередила. И он благодарно взял в ладони ее пальцы. (И опять скользнуло тоскливое опасение: а как я буду через месяц… совсем без нее… И он прогнал его сердитым толчком.)

3

А самый удивительный подарок Ваня получил в тот же день вечером. Он проводил Лорку до дома, и она не отпустила его, сказала чуть загадочно:

— Бабушка просила зайти…

— Зачем?

— Ну… *зачем-то*…

— Какой ты сегодня «именинный», — заметила Любовь Петровна, увидев его. Ваня был в этот раз не в потрепанной спортивной униформе с портретом Айвенго, а в новенькой алой футболке и светлых брючках до колен. И даже слегка подстриженный (стараниями Ларисы Олеговны).

— Самому удивительно, — улыбнулся он.

— Подходящий вид для получения подарка…

«Ну да, я так и думал…»

— Это подарок не только от меня, а еще и от моей давней подруги, с которой мы проработали вместе тридцать лет… Я как-то рассказывала ей про Лорочку и про то, как она подружилась с тобой, и упомянула, что ты необыкновенный читатель: увлекаешься Жюлем Верном. И Вера Михайловна дала мне для тебя одну редкую книгу… Вот…

— Ва-а… — шепотом сказал Ваня, взяв книжку в ладони.

Она была толстая, но меньше обычного формата. Растрепанная по углам, в темно-сером коленкоровом переплете. Со стертой позолотой узорчатой рамки и чуть заметной надписью «Библиотека приключений» наверху. Внутри рамки — слабо различимый рисунок с матросами и мачтами, а под ним надпись:

Жюль Верн
ЗАВЕЩАНИЕ
ЧУДАКА

— Возможно, у тебя есть этот роман, — сказала Любовь Петровна. — Но наверняка в другом издании. А это… оно вышло в сорок первом году, за два месяца до начала войны… И небольшим тиражом. Едва ли до нашего времени сохранилось много экземпляров…

Ваня и без объяснений понимал, *что* это за издание. Довоенный выпуск «приключенческой рамки»! При одном взгляде на такую книжку у знатоков замирала душа…

А Любовь Петровна продолжала:

— И обрати внимание на экслибрис…

На левой странице титульного разворота, выше

слов «МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД», был оттиснут лиловый знак: восьмиконечная роза ветров, а повыше ее — кучевые облака и пробивший их острокрылый самолет. По нижнему края оттиска шла мелкая надпись:

«*Из книг Александра Юхманова*».

— Ой… У меня такой, конечно, нет… — выговорил Ваня. — Я этого романа даже и не читал. Только слышал про него… Не мог найти ни в библиотеках, ни в сети… Любовь Петровна, спасибо вам во-от такое, до потолка… И… Вере Михайловне… А кто такой Александр Юхманов?

— Это старый дядюшка Веры Михайловны. Он умер в Ленинграде около двадцати лет назад. Кстати, оставил после себя прекрасную библиотеку. Вера Михайловна привезла книги сюда. И эту вот выбрала для тебя. Сказала: «Пока мальчики читают Жюля Верна, есть еще надежда на будущее…»

— Спасибо… — опять выдохнул Ваня.

Лорка заглядывала ему через плечо.

— Там такие интересные картинки. Старинные. Я смотрела…

— Да, иллюстрации прекрасные, — подтвердила ее бабушка тоном старого библиотекаря.

— Любовь Петровна, а почему на экслибрисе самолет? Александр Юхманов был летчик?

— Да, летчик северной авиации. Во время войны он сопровождал караваны союзников, которые везли нам по морю оружие и продукты. Его подбили, он спасся, но потерял ногу. Однако воевать не перестал, сделался корреспондентом флотской газеты. А после войны выпустил несколько книжек… У этого человека вообще любопытная судьба. Оказывается, он наш земляк…

— Из Турени? — уточнил Ваня.

— Да, — улыбнулась Любовь Петровна. — Но ты ведь теперь тоже немножко *из Турени*, не так ли?.. Маленький Саша Юхманов родился здесь и рано остался сиротой, его воспитывала тетушка, музыкантша кинематографа. В семь лет она увезла Сашу в Тобольск, там их застала Гражданская война, и тетушка, чтобы спастись от всех невзгод, села с мальчиком на пароход «Охотник»…

«Ой-ой-ой… — толкнулось у Вани предчувствие новых загадок — разгадок. — Ой, не может быть…»

— Я знаю, — опять улыбнулась Любовь Петровна. — В тебе сейчас звенит нетерпеливая струнка «ой-ой-ой»… Да, это тот самый пароход, которым командовал капитан Булатов. В прошлом — юнга

с «Артемиды»…

— Значит, «Охотник», а не «Охотница»… — бормотнул Ваня. И снова «раскрыл глаза и уши».

— «Охотникъ». С твердым знаком на конце… Капитан Булатов сумел вывести пароход в Обскую губу, там его встретил корабль экспедиции Вилькицкого. Война войной, а полярные исследования шли своим чередом… Моряки пересадили к себе экипаж и пассажиров «Охотника». Всех, кроме капитана. Когда пришли к нему в каюту, он лежал на койке неподвижный. Не выдержало сердце…

— А где его похоронили? — прошептал Ваня (и вспомнил почему-то Агейкину плиту).

— С пароходом, — вздохнула Любовь Петровна. — «Охотник» был изношен, остался без топлива, его решили затопить. Сделали пробоину выстрелом из пушки. Он пошел на дно со своим капитаном…

— Как «Наутилус» с капитаном Немо, да? — шепнула у Ваниного плеча Лорка.

Ваня кивнул, а Любовь Петровна сказала:

— Именно так. И маленький Саша Юхманов был свидетелем этого… И вот еще — добавление к подарку. Осталась Сашина фотография той поры. Ее сделали в Архангельске, вскоре после того, как

Саша и тетушка приплыли туда на корабле…

Любовь Петровна достала из плотного конверта снимок. На нем — на фоне размытой декорации с водопадом и скалами — стоял мальчик лет девяти. В матросской курточке, в брючках до колен (почти таких же, как у Вани, только с пуговками по бокам), в ботинках с высокой шнуровкой. В большом берете…

— Это слегка увеличенная копия, — объяснила Любовь Петровна. — Довольно четкая… Обрати внимание: с краю на берете отверстие. Летчик Юхманов утверждал потом, что это пробоина от пули. «Охотник» во время плавания обстреляли с берега, и мальчик едва не погиб. Он не разрешал штопать берет, потому что гордился этим приключением… Вот, держи…

— Это… тоже мне?

— Разумеется… В Архангельске были белые и англичане, и с ними можно было уйти за границу, но Саша и его тетя не захотели. Каким-то образом они потом оказались в Ленинграде, и Саша сумел сделаться летчиком, хотя, как говорится, происхождение у него было «сомнительное» и «непролетарское»… И вот еще факт — весьма интересный для вашей «артемидовской» компании. Александр Юхманов во время войны

познакомился с пилотом транспортной авиации по фамилии Булатов. И говорил, что это был внук капитана Булатова. Потому они и подружились. Но после госпиталя Юхманов потерял следы Булатова. Кажется, тот погиб…

— Опять столько всего… набралось… — прошептал Ваня.

— Закон магнитного стержня, не так ли, — улыбнулась Любовь Петровна. — Мы недавно обсуждали его с твоим дедушкой. Виделись на днях. Он иногда все же заглядывает в наш клуб…

— Выходит, он все знает про капитана Булатова?! А мне ничего не сказал!

— Не хотел портить книжный сюрприз… Я и Лоре ничего не рассказывала до сегодняшнего дня. У моей внучки масса хороших качеств, но есть один недостаток: она не очень умеет хранить секреты…

— Я умею, если знаю, зачем хранить, — разъяснила Лорка. — А если непонятно зачем, то зачем?

Они посмеялись втроем, и Любовь Петровна сказала:

— Зато сегодня у тебя и у дедушки будет, о чем поговорить…

И они говорили. До ночи. За окнами время от

времени трещал и рассыпался цветными гроздьями фейерверк. В честь Дня Военно-морского флота. Турень не был морским городом, и официальный салют ему нынче не полагался, но какие-то клубы и общества все равно отмечали праздник «огненными потехами». И правильно! Во время войны в Турени строили бронекатера. Отсюда уходило на флот множество народа. И на гербе города был кораблик с вытянутыми по ветру флагами…

А в углу у электрокамина бормотал портативный телевизор — просто так, чтобы не прошла мимо какая-нибудь новость. Но ничего нового не было. «Грузия, Абхазия, Осетия, Кодор, полеты над территориями… НАТО, Украина, Крым… Америка, террористы, Ирак…»

— Граф, — сказал Ваня. — Ты вот живешь на свете столько лет. Столько видел и помнишь. Неужели так было всегда? Стрельба, стрельба, стрельба…

— Всегда, — сказал дед. — Всем заправляют политики. То есть те, кто очень любит власть. Больше, чем тайны мироздания, творчество и радости человеческих отношений… Вот и создавай для таких искусственный интеллект.

— Ты вот создаешь все-таки…

— Не столько создаю, сколько стараюсь, чтобы он не попал в руки дураков… И мерзавцев…

— Граф, а кого на свете больше? Тех или других?

— Поровну, — сумрачно сказал Граф. — К тому же одно не исключает другого…

— Граф, а что делать?.. Ну, чтобы не становилось все хуже?..

Дед усмехнулся:

— Любовь Петровна тебе сегодня объяснила: мальчики должны больше читать Жюля Верна…

— Граф, я ведь серьезно…

— И я…

— Сейчас мало читают, — неохотно сказал Ваня.

— Но ваша-то компания читает… Особенно этот удивительный Трофим Зайцев… Пришли тогда толпой, расселись в комнате, а этот субъект — сразу к стеллажам с раритетами. Я говорю: «Сударь, это старинные книги, вы не разберете…» А он: «Делóв-то…» И смотрю: уткнулся в «Дон Кихота» конца девятнадцатого века…

— Тростик может… Он «Путешествие на бриге „Рюрик“» осилил за несколько дней… — Ваня потянул со стола и снова повернул к себе снимок Саши Юхманова. — Граф, а вот он тоже, наверно,

с малых лет книжки любил. Иначе не стал бы собирать библиотеку…

— Само собой… — сказал Граф.

— Вот… стоит и смотрит, как живой…

У Саши Юхманова было дружелюбное и в то же время смелое лицо. Пухлые губы и оттопыренные уши. «Наверно, как у Квакера в начальных классах», — подумал Ваня.

— Граф… его мы тоже запишем в нашу компанию…

— Кого? Этого морячка?

— Ну да!

Дед смотрел непонятно. Чуть печально и вроде бы с вопросом. Ване показалось, что он понял вопрос:

— Граф, а тебя мы давно записали! И Рема… Только не такими, какими вы стали потом, а такими, когда были, как мы…

Дед потянулся, взял у Вани фотографию, подержал перед собой. Уголком почесал подбородок.

— Ну, что ж… Спасибо за честь…

На следующий день Константин Матвеевич отсканировал и распечатал десяток снимков Саши Юхманова. Ваня раздал их каждому из друзей…

…Вот это все и вспоминал Ваня на дачном сеновале, прежде чем провалиться в кружение

спутанных снов…

КРАСНЫЕ КАПЕЛЬКИ

1

Иногда хотелось одиночества. Не только Ване. Даже неразлучные Трубачи и Никель вдруг расходились по сторонам и бродили каждый сам по себе. Наверно, чтобы лучше впитать в себя лето, запахи созревших трав и звон кузнечиков. И подумать каждый о своем, вспомнить что-то…

Пошел Ваня однажды по лугу, сплошь поросшему высокой травой с зонтиками желтых соцветий. Луг полого спускался к Тараскульке. Оттуда доносились голоса местных ребятишек. Ване сейчас не хотелось встреч, он повернул на север, спиной к солнцу. Солнце привычно поджаривало плечи сквозь выгоревшую ткань. Она стала совсем белесой, куда девалась ее ультрамариновая окраска! И портрет Айвенго на груди стал почти бесцветным, из него торчали разлохматившиеся нитки. Трава гладила ноги, цветы оставляли на штанах и рубашке золотисто-серую пыльцу. На плечи садились невесомые пушистые семена. Все это говорило, что от лета

остается лишь четвертушка, не больше. Вот и густой иван-чай отцветает — вместо розово-лиловых свечек появились мохнатые длинные головки. А теплые кучевые облака теперь уже с животами пепельного цвета — признак того, что не за горами осеннее ненастье…

А придет оно, ненастье это, и тогда — что? Где будет шестиклассник Повилика, с кем?.. С прежними ребятами, в привычном классе? Ну что, ребята как ребята, никогда с ними Ваня не ссорился, делить было нечего… А чем делиться — было? Тайнами старых карт, загадками давних плаваний? Послушают, покивают, скажут с пониманием: «Про это игрушка есть на ди-ви-ди, „Открытия Колумба“. Хочешь, дам? А ты мне что-нибудь про звездных флибустьеров…» А если с кем-нибудь куда-нибудь вместе? С кем, куда? Разве что на экскурсию в Бородинскую панораму или в Зоологический музей…

А что будет в музыкальном корпусе?

Квакер однажды смотрел, смотрел на Ваню как-то непонятно и вдруг сказал строчку старой песни:

Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты…

— Что? — не понял Ваня.

— Говорю: не твое это дело — военная музыка.

— С чего ты взял! — ощетинился Ваня. Как-то обидно стало: почему Квакер вдруг полез в его дела? Те, в которых Ваня и сам еще не может разобраться…

— А чего хорошего? Думаешь, сделают тебя дирижером кремлевского оркестра? Научат пиликать на флейте, и станешь рядовым капельдудкиным в гарнизонной музыкальной команде…

Ваня ощетинился еще старательнее:

— Ну и что? Не всякий музыкант — Башмет или Ростропович. Обычные тоже нужны. Что здесь плохого?

— Да ничего, — миролюбиво согласился Квакер. — Только если человек любит это дело. А тебе оно, как я понимаю, по фигу…

Квакер явно не хотел сказать плохого. И Ваня не хотел ссориться. Он ответил:

— А что делать-то? Меня и не спросят…

— Упрись…

— Ну, упрусь… А что взамен?

В самом деле — что? Если обычная школа, то ведь все равно…

«Эй, Повилика, там за тобой приехали!» И домой… И вечер все с теми же уроками. Или с дисплеем Интернета, где, как ни старайся, не най-

дешь родную душу. И к тому же: «Ваня, я много раз объясняла, что это очень дорого. А твой папа, как всегда, не спешит с алиментами…» Или телевизор с осточертевшей стрельбой, набившими оскомину мультиками и задерганными гитаристами, которые понятия не имеют о музыке. И с обязательными девицами без юбок…

Ваня перешел желтый луг и оказался у электромачты с оборванными проводами. Под мачтой лежал в клевере бетонный блок. На блоке сидел Никель.

Он сидел, наклонив плечи и голову и в опущенных руках, между колен, держал книжку «Мифы Эллады». У Вани с собой тоже была книжка. Разумеется, «Завещание чудака». Никель и Ваня разом посмотрели друг на друга. Никель улыбнулся. Не из вежливости, а хорошо так: видно, по правде был рад, что они встретились.

Ваня спросил:

— Можно, я тут посижу?

Никель торопливо подвинулся, хотя места на плите было на десятерых. Оба сразу поняли, какой получился анекдот. Засмеялись. Ник даже откинулся назад, вскинув колени. Книжка раскрылась, в клевер упал из нее фотоснимок. Тот самый — Саша Юхманов, мальчик в простелен-

ном берете. Никель, кажется, смутился, но Ваня тут же сказал:

— А у меня тоже… вот… — Потому что в книгу Жюля Верна вложена была такая же фотография.

Сели рядом. Оба положили снимки себе на колени. Саша смотрел приветливо и словно ждал чего-то.

— Мы будто втроем, да? — сказал Никель.

— Да. И мы, и он… или его душа…

Почему Ваня сказал про душу?

Другому бы не сказал, но Никелю… Ване всегда чудилась в нем загадка. Словно Никель, побывавший *на краю*, больше других понимал в тайнах бессмертия душ, в загадках вечности…

Ник не ответил, только кивнул — понятливо так. И опять согнулся, опустил снимок между колен.

Ваня набрался смелости. Показалось, что подходящая минута для вопроса:

— Ник… а страшно было перед операцией? Ведь будто… уходишь куда-то…

Никель посмотрел сбоку и ответил… вполне легкомысленно:

— Да ни капельки! Делают успокоительный укол, говорят, что все будет в порядке, и тебе — до лампочки… Я даже и не помню, как давали нар-

коз. Запомнил только, как везли по коридору в операционную, а потом проснулся уже в палате. И врач говорит — все в порядке…

Ваня разочарованно молчал. Не оказалось никакой тайны.

Никель, кажется, понял его.

— Я ждал знаешь чего? Думал, что, когда операция на сердце, серьезная такая, душа взлетает под потолок и наблюдает оттуда. И ты видишь себя будто со стороны. Про это много всяких историй… Я потом спросил Андрея Евгеньевича, нашего доктора. А он засмеялся. Говорит, что такое бывает лишь в состоянии клинической смерти, когда человек больше, чем наполовину, уже на том свете… «А у тебя, — говорит, — душа крепко сидела внутри, расставаться с телом не хотела, поэтому и кончилось все хорошо…» Я говорю: «Но значит, душа все-таки есть?» А он засмеялся опять: «У хороших людей обязательно есть. А у кого нет — они не люди, а биороботы…»

— Дед говорил, что существуют всякие энергетические поля, — вспомнил Ваня. — Их природа еще неизвестна, но они есть. И, может, как-то связаны с нашими душами… Например, Всеобщее информационное поле…

— Конечно. Он зря не скажет, — согласился

Никель.

Они посидели молча минуты две, слушая всякое стрекотанье в траве и гудки на недалеком шоссе. И девчоночий сердитый голос на берегу Тараскульки:

— Витька, я скажу маме, что ты опять лазал на тот берег!

— Ну и что? Тут глубина меньше, чем по пузо!

— Вот мама даст тебе по пузу! С другой стороны!

— Ябеда!..

Никель и Ваня подняли глаза, чтобы глянуть друг на друга и улыбнуться по поводу такой перепалки. И улыбнулись. И увидели, что через желтые цветы к ним идет Лорка.

2

Лорку привез Квакер. На багажнике своего велосипеда. Потому что Лоркин велик «стал совсем утиль и надо горбатиться неделю, чтобы довести его до ума». Так объяснил Квакер. Но, скорее всего, он просто понимал, что путь в тридцать километров по ухабистым обочинам — это не для «девицы, похожей на кузнечика в юбке». Впрочем, Лорка приехала в мальчишечьих бриджах и не менее мальчишечьей майке — безрукавке — с

пиратской рожей на животе.

Остатки ее расплетенных и остриженных косичек лохматились и курчавилась. А плечи крупно шелушились от загара. Ваня пошел навстречу. Снял с Лорки невесомый пластик кожи и пустил по ветру.

— Хочешь, я всю шелуху с тебя счищу, как с молодой картошки?

— Хоть бы «здрасте» сказал, — притворно надулась Лорка.

— А это и есть «здрасте»...

— Лорка, ты как нас нашла? — спросил с плиты Никель.

— Да я еще с прошлого года знаю, что это твое любимое место!

— Вот как! И теперь всем звонишь об этой тайне!.. Убирайтесь отсюда оба! — Ник прекрасно понимал, что Ване и Лорке хочется побыть вдвоем.

— Может, вместе побродим? — сказал Ваня из вежливости.

— Идите, идите. Не мешайте читать про древних греков. Это были благородные герои, не то что некоторые...

Лорка и Ваня посмеялись и пошли. По плечи в желтых цветах.

Лорка сказала, что вернулась в Турень вчера утром. И в это же время приехал из Каменска Квакер.

— Теперь он болтает с Трубачами, а я, Ваня, сразу пошла искать тебя…

— Ты молодец!

— Да… Ваня, Квакер ключик привез. Такой замечательный…

— Ух ты! Пошли скорее, я хочу посмотреть!

— А не надо идти, он у меня… — Лорка вытащила из брючного кармана спичечный коробок, выдвинула ящичек.

— Ух ты… — опять сказал Ваня. Серебристый ключик сверкал, будто в кадре фильма про всякие волшебные шкатулки. Разлетались маленькие лучи. Длиною ключик был сантиметра три, а еще на полсантиметра торчало из стерженька тоненькое прямое жало.

— Стальной волосок. Да, Лор?..

— Конечно. Как в песенке… Теперь все будет…

— Что будет? — шепнул Ваня.

— Ну… как мы хотели. Повернул ключик — и всё по правде…

Ваня осторожно выложил ключик на ладонь. Покачал, как бабочку.

— Ваня… — сказала Лорка щекочущим шепот-

ком.

— Что?

— А пусть это будет ключик не только для волшебного фонаря. А?.. Пусть еще для острова Гваделорки…

Сперва радость прокатилась по Ване горячим шариком. Однако почти сразу выскочило опасливое «но»…

— Но…

— Никому ведь это не помешает, — чуть виновато объяснила Лорка. — Бывают ведь ключики, которыми можно открывать не одно, а много волшебных дверок. Никто не обидится, если узнает… Мы будем брать его иногда, а потом возвращать всем… А можно просто считать, что он *всегда у нас*…

«В самом деле… И я буду так считать — там… когда уеду».

— Лорка, ты правильно придумала! Пускай так и будет…

Они еще полюбовались ключиком и спрятали в коробок.

— Лорка, видишь тот пригорок? С березкой. Давай поднимемся на него.

— Зачем?

— Поглядим вокруг. Я там еще не бывал.

— Тогда пойдем! Конечно… только… через речку же надо…

— Ну и что? Скинем штаны — майки и перейдем.

— Ваня, это нехорошо…

— Ох и бестолковая…

— Ну, правда же нехорошо. Мы же обещали дома, что купаться будем только все вместе…

— Мы и не будем купаться! Там по колено!

— Если по колено, зачем скидывать?

— Ну… а вдруг споткнемся и нечаянно плюхнемся по плечи?

— Хитрый…

— Ага… — засмеялся Ваня.

У воды они сбросили все, кроме трусиков, ухватились за руки и ступили в речку. Но Лорка вдруг качнулась назад:

— Ой, а ключик…

— Он же в твоем кармане. Никуда не денется. Здесь не бывает жуликов…

— Но мало ли что… Вдруг…

В самом деле! Если пропадет одежда — полбеды, а если ключик… страх подумать! Ваня выскочил назад, вытряхнул из Лоркиных бриджей коробок, сунул в кармашек на плавках.

— Серебро не ржавеет…

И они пошли через пятиметровую речку, и на середине Ваня «нечаянно» запнулся и шлепнулся животом и дернул за собой Лорку. Она радостно завизжала. И сказала в воспитательных целях:

— Совершенно бессовестный…

— Ага, — опять согласился Ваня.

Мокрые, они опять пошли среди высоких соцветий, и желтая шелуха лепестков липла к плечам. Поднялись на плоский пригорок с подсохшей травой и редкими ромашками. Остановились у притихшей в теплом безветрии березки.

Солнечные, но с сероватыми животами облака неподвижно висели над лесостепью — словно поднявшиеся с океанов и приплывшие сюда острова…

Ваня и Лорка встали, прижавшись друг к дружке плечами, и сделались частью этого громадного лета. И… распахнувшейся среди облаков Гваделорки…

— Ваня… достань ключик, а?

— Сейчас, — заспешил он, чтобы сказочное чувство не ушло.

Ключик улегся поперек коробочки, воткнулся волоском, не хотел почему-то наружу. Ваня колупнул его, дернул сильнее. Ключик выскочил, Ваня поймал его на лету и…

— Ой… — стальная колючка ткнула его в указательный палец. Ваня потянул палец к губам, чтобы слизнуть красную капельку.

— Подожди… — шепнула Лорка. Легонько взяла его за кисть руки, притянула палец с капелькой к себе. Лизнула. И засмеялась. И сказала опять: — подожди… Дай…

И девочка, которая всегда боялась царапин и порезов, отважно ткнула свой мизинец стальным волоском. И выжала каплю, похожую на божью коровку. И глянула Ване в глаза.

Он, конечно же, понял сразу. Нагнулся и вмиг слизнул «божью коровку», ощутив на языке секундную солоноватость…

Это не было ни клятвой, ни обрядом, ни колдовством. Лизнули — и дело с концом. Что такого? Просто теперь в них было по капельке крови друг друга… Спасибо ключику…

Они постояли еще, помолчали, взялись за руки и пошли обратно. И, едва спустившись с пригорка, попали в плен.

Навстречу выскочили четыре размалеванных глиной и вареньем индейца с перьями в рыжих волосах. То есть рыжими были только двое — братья Ишимцевы, Петька и Кирилл, Ванины ровесники. А два других — по годам вроде Трости-

ка — белобрысые. Шурик и Митька. Все четверо грызли огурцы (явно не со своих огородов).

— Руки вверх! — сипло потребовал круглоголовый Митька и натянул самострел с бельевой резинкой.

Ваня и Лорка послушно подняли руки, лизнув при этом уколотые пальцы.

— Вы сразу будете наши скальпы снимать? — спросила Лорка. — Или подержите в плену?

— Конечно, подержим, — пообещал рыже — кудрявый Кирилл. — Сразу — какое удовольствие?

— Дайте тогда по огурчику. Пленных надо кормить…

Кирилл счел требование Лорки справедливым. Вытащил из кармана обвисших трикотажных штанов огурец, протянул ей. А его брат Петька дал такой же Ване.

Пленники сказали «спасибо» и захрустели.

Кирилл спросил у Вани, кивнув перьями на Лорку:

— А это что за храбрый бледнолицый? Раньше не встречали тут…

— Братишка, — сказал Ваня.

— Тоже из Москвы, что ли?

— Нет, в Турени живет…

— Ребя, он врет, — разоблачил Ваню белобрысый Митька и снова натянул самострел, в котором не было стрелы. — Это Лорка Казанчук, она в прошлом году приезжала к Чикишевым. Только у нее были косы. Вот такие… — он показал согнутый мизинец.

— Ну и что же, что Лорка, — не растерялся Ваня. — Значит, сестренка. Не все ли равно?

— Никакая не сестренка, не заливай! — возмутился белобрысый Шурик. — И живет не в Москве, и не похожи вы вовсе…

— Мало ли кто где живет, — сказал Ваня. — Всякое бывает. А то, что не похожи, зря не говори. Погляди, у нас даже родинки одинаковые. На спине. Он повернулся спиной к «индейцам» и повернул за плечи Лорку. Знал, что у нее и у него под левыми лопатками до сих пор темнеют шрамики размером с ноготь.

— Правда… — согласился Кирилл, когда они повернулись опять.

А его брат Петька пригляделся и пришел к выводу:

— В лицах тоже есть такая… одинаковая портретность…

— Ну, вот видите, — подала голос Лорка. — Индейцы всегда судят справедливо. Они знают

закон…

— А вы родные или двоюродные? — спросил Митька с самострелом.

— Кровные, — объяснил Ваня. — Ладно, мы пойдем. Снимете скальп в другой раз. Пока…

Квакер уехал в тот же вечер, а Лорка осталась. Она обещала Любови Петровне вернуться с остальными мальчишками. Через несколько дней.

За эти несколько дней они сыграли с «индейцами» в футбол, помогли им соорудить и запустить змей сложнейшей конструкции (Федя был специалист), придумать вечером на сеновале кое-какие подробности про «Артемиду», а также поймать в лесу, принести домой и приручить рыжего одичавшего кота. Евдокия Леонидовна дала ему имя Туркин (почему — неизвестно). Кот не возражал.

Домой в Турень поехали автобусом, все вместе — ребята, Евдокия Леонидовна и кот. В дороге Туркин вел себя хорошо…

ДИВЕРСИЯ

1

Оказалось, что Лика и Тростик уже вернулись из экспедиции. Это была хорошая новость. Но была и плохая: кто-то отравил Матубу.

К счастью, не насмерть.

Матуба лежал на сеновале, почти не двигался, смотрел мутными глазами. Иногда его сотрясала рвота. Эту жуткую картину Ваня и Лорка увидели, когда прибежали на сеновал Квакера. Квакер сидел над Матубой и беспомощно гладил его кудлатый бок. Здесь же были Тростик и Лика. Тростик всхлипывал в уголке, а Лика терзала мобильник, пытаясь узнать в справочном адреса ветлечебниц. В справочном говорили «девочка, не мешай работать» или давали адреса у черта на куличках. Никакие выездные бригады не отзывались…

Ваня выхватил свой телефон.

— Граф, помоги спасти собаку! Нашу! Общую!.. Ну да, Матубу! Какая-то сволочь отравила!.. Ну, пожалуйста! Пусть Марго приедет и отвезет в лечебницу. Нам самим его туда не утащить! А домой врачи не едут!..

Марго примчалась на улицу Герцена, к воротам Квакера, через десять минут. Деловитая. Ничуть

не сердитая на ребят. Помогла уложить Матубу на застеленное мешковиной заднее сиденье. Квакер сел рядом с псом. Ваня — на переднее сиденье. Остальные остались ждать и мучиться неизвестностью (и Лорка тоже — некуда было посадить).

Марго знала все. В том числе и адреса лечебниц. Покатили в тот же район, где был копировальный центр и Загородный сад (Ване в этом почудилась хорошая примета). Затормозили у белого двухэтажного дома с синими крестами на дверях. Марго решительно ушла внутрь, вернулась через две минуты и сказала Квакеру:

— Понесли…

И они вдвоем потащили беднягу в полутемный вестибюль с запахами йода и горьких снадобий. Ваня беспомощно шел следом. Потом пса укатили на длинной тележке за белую дверь, а Ваня остался на клеенчатой, противно-теплой клеенке, которая липла к ладоням.

И сидел, и ждал, и отвечал на робкие звонки, что «ничего еще не известно». Вышла Марго и сказала, что вернется через час, раньше тут не справятся. Затем вышел Квакер. Объяснил, что «там всякие промывания и уколы» и что «просили не мешать».

Выглянул дядька в белом халате, поманил

Квакера. Тот испуганно ушел и скоро вернулся с озадаченным лицом.

— Спрашивают, сколько мы можем заплатить за лечение. У них процедуры разных уровней… Я не знал, что за собак тоже платят.

— Дед, — опять сказал Ваня в трубку. — Тут, оказывается, деньги нужны. Сколько можно пообещать?

— Сколько угодно! Марго привезет с запасом… И больше не мешай работать, у меня совет!

— Скажи, что я потом отдам… — шепнул Квакер.

— У него совет, — объяснил Ваня.

…О том, что Квакер обещает вернуть деньги, Ваня сказал Графу позже. Узнал в ответ, куда «вся ваша антильская банда» должна с этими деньгами идти, и с удовольствием передал адрес Квакеру.

— Ну, профессор… — уважительно сказал Квакер.

Но это было потом. А в тот вечер — всякие беспокойства и хлопоты. Привезли Матубу обратно, бегали по всяким аптекам с рецептами — не везде ведь есть лекарства для зверей. Не смогли купить одноразовые шприцы. («Это вы чего еще надумали! — орала грузная аптекарша. — Я вам

покажу шприцы! Я вам покажу собаку! Я вас в милицию!..») Пришлось идти в аптеку маме Квакера.

Квакер сам делал Матубе уколы. Матуба два дня лежал пластом, не ел, потом стал приходить в себя: шевелить хвостом и улыбаться розовой пастью…

А в первое утро после ветлечебницы, сидя рядом с псом, Квакер повторял:

— Ну, кто мог подсунуть ему отраву? Он же ничего не берет у чужих!

— Может, съел чего-нибудь на помойке? — сказала Лика.

— Не ест он на помойке, он же не бродячий!.. Это какие-то гады его обманули! Поймать бы хоть одного!..

«Хоть одного» поймали в тот же вечер. В сумерках. Вечера августа были уже звездные и темные. В девять заходило солнце, в то же время пряталась и полная луна. А расходиться не хотелось. Жаль было оставлять Квакера с беспомощным Матубой. Сидели на темном сеновале, изредка помигивая фонариками, чтобы не казалось, что ты в «полной дыре коллайдера». (Лишь Бруклина не было, не приехал еще.) Перекидывались словами. И услыхали на дворе шуршанье, бряканье

и шорохи.

Это явно был злоумышленник. Видимо, он считал, что грозный пес Матуба совсем уже не дышит, а хозяин его сидит дома, потому что ни в сарае, ни в окнах — ни лучика. И был этот злодей схвачен бесшумно и стремительно, когда замахивался охотничьим топориком на циферблат солнечных часов.

Ну, прямо кадр из кино! Слепящие вспышки фонарей, быстрые тени, перепуганные глаза, круглый рот и глупый вопль: «Я больше не буду!»

— Да это Косой, — брезгливо сказал Андрюшка Чикишев. — Из Рубиковой мелкотни…

— Я больше не буду!..

— Конечно, не будешь, — устало согласился Квакер. — Потому что пришел конец твоей никчемной жизни. Люди, как вы думаете? Сразу утопить под мостом или сначала выпороть?

— Сначала… — сказал Федя, который во всем любил полноту и завершенность. — А родителям отнести кроссовки, они новые…

— Я бо…

— Иди и не дрыгайся, — велел Квакер.

Пленника привели на сеновал. Он обмяк и не мыслил о сопротивлении. Включили яркую лам-

пу. Косой оказался костлявым пацаном, похожим на зайца с прижатыми ушами. Его прислонили к косяку.

— Говори, — велел Квакер.

— А чё…

— Говори! — рявкнул Квакер. — Кто отравил собаку?!

— Это не я! Я не знаю!.. Я ничего не знаю, только часы! Рубик сказал: ты тощий, ты пролезешь в любую щель. Пролезь и расколоти… А собаки, говорит, не бойся, она сдохла… Ну, не я это, правда!

Было его жаль. И кажется, больше всех — Тростику. Тот смотрел круглыми глазами и словно хотел что-то сказать, но не решался.

И все же сказал:

— Ребята, отпустите его…

— Живого? — ехидно спросил Квакер. И опять рявкнул: — Слушай меня, ты! Инфузория… И скажи своему Рубику… — Он качнулся к «Инфузории». Тот закрыл лицо локтем. Ване вдруг показалось, что сейчас у Косого намокнут спереди его обвисшие трикотажные треники. Нет, пока такого не было. Ваня поднял глаза и увидел другое — острый локоть Косого весь был в крови. И Лорка увидела. И раньше Вани подскочила к пленнику.

— Это у тебя что?

— Что? — бормотнул из-за локтя Косой.

— Кровь. Откуда?

Косой опустил руку.

— Да это бзя… Коросту в щели содрал…

— Сам ты бзя, — сказала Лорка. — Ребята, где коробка с бинтом и йодом?

— Не на-а…

— Не вякай, — приказал Квакер. — А то и правда выдерем.

Напутанный Косой больше не вякал. Ему замотали руку, и он ждал, что будет дальше.

— Мотай отсюда, — велел Квакер. — А Рубику скажи: кто еще сунется к моему двору, может считать себя фаршем для крабовых палочек… Понял, ты?!

— А… ага…

— Вот и хорошо, что «ага»… Гуляй, на фиг, террорист долбаный… А если полезешь снова, возьми с собой капсулу с цианидом…

— Чего?.. — заморгал несчастный.

— Моментальный яд. Чтобы не мучиться, когда поймаем…

— Не! Я не…

— Ну и сгинь…

Все раздвинулись, чтобы дать Косому пройти

к ступеням. И он пошел, обвиснув плечами. Но у самого выхода вдруг оглянулся.

— А можно я…

— Чего еще? — угрюмо сказал Квакер. — Гуляй, пока живой…

— А можно я… еще к вам… приду?

Ну, кто мог ожидать такого?

— На фиг? — спросил прямодушный Федя.

— У Рубика… только пинают и лаются…

— А здесь будут кормить мороженым, — сказала Лика. — Пусть приходит. Мне нужен типаж для одной композиции. Затюканный юнга на пиратской шхуне.

— И что ты будешь у нас делать? — спросил Ваня. Со смесью интереса и жалости.

— Не знаю… Что скажете…

— Ты всегда делаешь все, что скажут? — спросил Никель. — Лишь бы не пинали?

— У него жизнь такая, — рассудил Андрюшка. — А может быть, мы выстругаем из него человека? Как буратину…

— Ладно, гуляй… — опять сказал Квакер. — Если заглянешь в гости, сразу не застрелим… А будешь шпионить — позавидуешь тем, кто в пекле…

— Не… я не буду…

Косой постоял еще секунду и стал спускаться.

Ступени под ним скрипели, как под грузным дядькой.

— Может, правда придет?.. — как-то виновато проговорила Лорка.

— Да не придет он, — веско возразил Квакер. — Сейчас его пожалели, и захотелось сюда, где хорошо… А Рубик возьмет его в работу, даст накачку, и пойдет Косой снова творить, что велено. Своего-то ничего у него нет…

— Я вот иногда думаю, — заговорил из своего угла Никель. — Почему они такие? Ну, которые вредят без всякого смысла… Если когда нападают из-за денег, грабят, это можно хоть как-то объяснить… А когда просто ради зла…

— Чего непонятного, — сказал Квакер. — Жить-то хочется с интересом. Преодолевать трудности… Тот, кто что-то умеет… он и делает, что умеет. Картины рисует, вроде Анжелики, или истинный полдень ищет, вроде нас, ненормальных… А *те* умеют лишь ломать. Уменья не надо, а интерес тот же самый. Подзуживает, как при игре в партизаны. Развалил песочницу, нагнал страху — и вроде как победитель. Знаю по опыту…

Все неловко примолкли, и, чтобы пригасить эту неловкость, Ваня спросил:

— А когда Тимофей приедет?

— Скоро, — сообщила Лика. — Утром он продиктовал мне дурацкие стихи:

Гонимый знойными лучами,
Я оставляю Геленджик.
От смеси радости с печалью
Внутри душа моя дрожит…

— С чего печаль-то? — хмыкнул Квакер.

— Боится, что Лика опять будет гнобить его, — объяснил Андрюшка.

— Вот как стукну… — пообещала Лика.

2

Тимофей Бруклин был вроде бы не полностью в этой компании. Так, сбоку припека. Но все же карту ему в свое время подарили и теперь считали, что без него начинать действо с волшебным фонарем не следует.

Потерпели два дня, и Бруклин вернулся.

— Ничуть не больше загорелый, чем был, — заметил Тростик.

— Я всю жизнь привык держаться в тени…

— Да, всю жизнь мы это видим, — заметила Лика.

После такого обмена мнениями еще раз обсуди-

ли, «как все должно быть».

То есть как станут развиваться события после поворота ключа со стальным волоском.

Люди со стороны вполне могли бы обхихикать все это дело. Сказать про старинные пионерские сборы и детсадовские утренники. Напомнить, что нынче век электронных технологий, а не «пластмассовых кубиков для игры на веранде». Но… это те, у кого не было «Артемиды». Здесь же чувство *соединения* накрывало каждого, когда собирались для разговора о давних приключениях. У Вани — каждый раз холодок по спине. И он догадывался, что у других-тоже.

«Может быть, и правда действуют какие-то еще не изученные поля, — думал он. — Может быть, тот самый ВИП…»

Они должны были проколоть пространство ключиком со стальным волоском, задеть им *ту самую* пружинку (пускай ее даже и не было), чтобы пружинка запустила ход событий.

Ведь до сих пор все, что случилось в жизни с Гришей Булатовым и с другими героями «артемидовской» истории, в памяти было перепутано, не всегда события сцеплялись друг с дружкой, не всегда получали объяснения. Теперь полагалось внести ясность и такой вот ясностью убедить

себя окончательно, что *всё это было*.

Собрались у Квакера в середине дня, девятнадцатого августа. На церкви Михаила Архангела и на других колокольнях-то в одном краю, то в другом — слышны были колокола. Праздник Преображения Господня, так объяснил Андрюшка Чикишев. Его бабушка знала все церковные праздники наперечет.

Посреди сеновала стоял на табурете самодельный «волшебный фонарь». Вернее, просто подставка от старого фонаря с приколоченной фанерной стенкой. В стенке была выпилена замочная скважинка. Кто-то должен был вставить в нее ключик и повернуть его в пространстве. В этом виделся особый смысл… А кто-то другой повернет на подставке головку стерженька, и ползунок пробежит по звонким полоскам, разбудит мотив старенького вальса…

На этот мотив было сложено уже множество строк. Не всегда ласковых и чувствительных, порой и дурашливых. Но сейчас у всех в голове были те, что недавно сказал Тим Бруклин (и тем поставил себя наконец в общий ряд):

Тронет пружинку стальной волосок,
Ветер соленый заденет висок.

Ветер с утра —

Значит, пора…

— А кто будет поворачивать ключ? — сказал Федя. — Не всей же толпой…

— Пусть самый младший, — предложил Тимофей. — Тем более что он же самый отважный. Я всегда говорил, что Тростик — это личность…

Ключик висел сейчас на гвоздике рядом с Пришельцем — *настоящим* свидетелем прошлых времен. Квакер снял ключик, протянул Тростику.

Тростик спрятал руки за спину и попятился. Замотал головой. И… заплакал. Все сильнее…

— Что с тобой? — ахнула Лика. Подскочила, присела на корточки. Но Тростик попятился опять.

— Я не буду… Я не могу…

Над ним наклонились Лорка и Никель. Никель проговорил с необычной строгостью:

— Не реви. И объясни.

Тростик перестал реветь, но всхлипывал так, что у губ лопались пузыри.

— Вы сказали «самый»… А я самый гад… Это я отравил Матубу…

Ну вот, воистину как удар грома…

И с минуту были слышны только всхлипы. Да еще осторожно дышал у стены почти выздоровевший Матуба.

И вдруг Квакер грозно приказал:

— А ну, прекрати молоть фигню! Отравитель! Говори все, как было!

Было, конечно, не так. Это выяснилось из перемешанных со слезами признаний Тростика. Разумеется, Матубу он не травил. Разве он совсем идиот и злодей?

В тот день, когда вернулись они с Ликой, Тростик в одиночку побежал к Квакеру — чтобы тот объяснил ему, как вносить в мобильник новые адреса (Лике все было некогда). Квакера дома не оказалось, а по пустому двору лениво гулял Матуба. Тростик поманил его от калитки, и пес подбежал, чтобы поздороваться. Тростик обнял его за шею, они вместе перешли улицу Герцена, мимо заборов пробрались к логу и сели над обрывом. Матуба щелкал пастью на пролетающих бабочек, Тростик смотрел на стрижей… И тогда вот подошел тот самый Косой.

Полузнакомый пацан. Тростик с ним как-то был одну смену в городском лагере, еще до знакомства с Ликой. «Привет», — вполне по-хорошему сказал Косой. И Тростик сказал: «Привет». Косой

кусал большущий пирог (кажется, с капустой). «Хочешь?» — спросил он. Пирог был аппетитный с виду, и Тростик сказал: «Ну, дай кусочек…» Косой дал. И спросил, кивнув на Матубу: «А ему можно?» Тростик, балда такая, совсем забыл, что Матубе ничего нельзя брать от чужих. А Матуба… наверно, он не забыл, но решил, что Косой — свой человек, поскольку он и Тростик беседуют так по-доброму. И тоже сжевал кусок, даже больше, чем Тростик. И вежливо помахал хвостом. А Косой, набравшись храбрости, погладил пса по загривку…

— Тростик, ты в своем уме? — сказал Андрюшка. — Если бы пирог был с отравой, Косой загнулся бы раньше всех. А потом ты и Матуба…

— Ну, не был же он с отравой! Тогда… — опять завсхлипывал Тростик. — Но потом-то Матуба решил, что Косой — такой же, как мы! А тот пробрался ко двору, поманил его и дал кусок… Вечером, наверно…

— Бзя какая-то, — сказал Федя. — Зачем Косому было травить пса, если они познакомились? Он и так мог пролезть во двор и раздолбать часы. Матуба не гавкнул бы.

— Наверно, гавкнул бы. Одно дело пирогом угощаться, а другое смотреть, как рушат добро

на дворе… — сказал Квакер. — Так они, видать, и рассудили у Рубика. Кидай, мол, Косой, отраву, а через день — марш на диверсию… Небось крысиный яд намешали…

Тростик всхлипывал, обняв себя за плечи.

Ваня вздрогнул, подумав, сколько времени маялся Тростик своей виной, вертелся ночью в кровати, обмирал от стыда и страха, прежде чем решил признаться… Мог бы и не признаваться. Тем более что Матуба-то вон, живой…

— Дурень, — сказал Квакер. — Чего ты нюни-то распустил? Разве ты виноват? Ну, попался на удочку, с кем не бывает? А ревешь, будто отравил нарочно… Это Косой, гнида, виноват во всем. Зря отпустили по-мирному… А почему ты про него сразу не сказал, когда поймали?

Тростик поднял мокрые глаза.

— А он… может, тоже… не совсем гад. Может, потом пожалел… Он так смотрел тогда, будто просил не выдавать… Я и не смог… А он ведь тоже… меня не выдал…

— Сил моих нету… — простонала Лика и, сидя на корточках, взяла себя за щеки. А Квакер велел Тростику:

— Иди к Матубе, давно с ним не обнимался. Он на тебя зла не держит… а мы тем более…

Тростик ушел к поднявшемуся навстречу псу. Тот облизал ему мокрые щеки.

— Видишь, он ни капельки не сердится, — утешила Тростика Лорка.

Тот оглянулся со слабенькой улыбкой — виноватой, но уже без большой горести.

— Только я… не буду сегодня… ключиком… Ладно?

— Но кто же тогда? — с драматической ноткой вопросил Бруклин.

Себя сомненьем изводить
Устала бедная Татьяна…

— Да, конечно же, Лорка! — заявил Никель (мол, о чем вопрос).

— Почему это я?

— Потому что самая младшая… после Тростика, — объяснил Никель. Не ей, а всем. — И… тоже личность.

— Остальные разве не личности? — возразила она.

— Остальные тоже… А ты… еще больше «тоже». И пусть Ваня с тобой…

— Я-то с чего?! — Он даже испугался.

— С того, что вы всегда вместе…

Ваня сказал:

— Я буду крутить музыку. А Лорка пусть вертит ключ.

КРУГ ДРУЗЕЙ

1

Квакер поглядывал в окошко на двор. На спасенные вчера вечером часы. Ждал, когда подберется к линии истинного полдня тень от шеста.

Остальные ждали, усевшись на табуретах перед волшебным фонарем. Тростик устроился вплотную к Лике, словно она излучала обещание полного прощения. Матуба сидел рядом с Тростиком. И будто говорил: «Да ничего же не было, все просто привиделось!»

— Ну, приготовились. Отключите мобильники… — напряженно сказал Квакер. — Сейчас… Раз! — И он дернул длинную нитку.

Нитка была привязана к большому колокольчику, что висел у стены рядом с картой. Понятно, что не корабельный колокол — меньше во много раз. Но… возможно, он был из тех, с которыми носились на лихих тройках ямщики давней поры, в том числе и родной отец Гриши Булатова. Хотелось так думать. Квакер недавно отыскал

эту «мини — рынду» в закутке своего древнего сарая.

Колокольчик ударил неожиданно громко. Квакер шагнул к ребятам, сел между Федей и Бруклиным. Сказал, слегка стесняясь:

— Ну, чего? Поехали, что ли…

— Подожди, — остановила его Лика. — Все собрались?

— Конечно, все, — нетерпеливо отозвался Федя. Мол, не видишь разве?

— И… Гриша Булатов? — сказала Лика. И на миг стало тихо. Потом торопливо откликнулся Никель:

— Да. Здесь…

— И Павлушка Григорьев?

— Здесь… — серьезно отозвался Квакер и кашлянул.

— И Агейка Полынцев?

— Да… — выдохнул Андрюшка Чикишев. И следом за ним тихонько сказал «да» Тростик.

— А Ремка Шадриков? Костик Евграфов? Саша Юхманов?

— Да! Все трое! — откликнулся Ваня с полным ощущением, что так оно и есть. (Интересно, Всеобщее информационное поле не задело ли в этот миг старого Графа?)

Лорка, не дожидаясь ничьей команды, вдвинула ключик в фанерную скважину. Будто отпирала кукольный домик. Плавно повернула в пустоте. (В пустоте ли?)

Ваня завертел головку штырька над звучащими лепестками. Он все-таки имел отношение к музыке, знал, как создать нужный ритм.

Тронет пружинку стальной волосок.
Ветер соленый заденет висок.
Ветер с утра —
Значит, пора…

— Раз все мы здесь, у волшебного фонаря, — медленнее, чем обычно, заговорила Лика, — надо наконец рассказать по порядку все, что мы узнали… Тростик, не сопи…

— Это не я, это Матуба…

— Оба не сопите. Вы нарушаете торжественность обстановки…

— А зачем торжественность? — вдруг звонким голоском сказала Лорка. — Повернули ключик, значит, все хорошо. Теперь Ваня начнет…

— Почему я? — Ваня перестал вертеть «музыку».

— Потому что с тебя все началось, — мрачновато напомнил Квакер. — Забыл?

— Что?

— Помидор…

— Хватит вам, — жалобно попросила Лорка. — Нашли, когда сводить счеты…

— Я не для счетов, а для точности, — объяснил Квакер. — Когда потомок доктора Повилики москвич Иван вляпал мне раздавленным скользким помидором по шее, я…

— Сам был виноват… — дернуло за язык Ваню.

— Ребята, хватит! — прикрикнула Лика. — Разве мы для этого здесь?

— Они просто выстраивают цепь событий, — объяснил Бруклин.

— Да, — оч-чень терпеливо подтвердил Квакер. — Я не о том, кто был виноват. Кстати, я как-то на улице извинился перед Лоркиной бабкой… бабушкой. Я о том, что помидор был противный… не перебивайте… и поэтому мы с Лёнчиком и Гошкой (не к ночи будь помянуты) стали караулить приезжего мальчика. Увлекательное дело. А благородная Лорка, которая всегда отстаивает справедливость, стала мальчику помогать, и это послужило началом их трогательной дружбы… Лика, не надо бить меня папкой! Что я такого сказал?

— Ты сказал то, что и так все знают… Чего бол-

тать попусту!

— Не все знают… — вдруг высказался Никель. Задумчиво так. — Гриша Булатов не знает. И другие, которые *оттуда*… Пусть тоже услышат, как появилась вся наша команда…

— Во-от… — Квакер поднял палец. — Поэтому я и начал с корней… Лорка стала уводить мальчика Ваню от нас, злодеев, но мы настигли беглецов, и могла случиться ужасная драма, но Трубачи в этот миг грохнули из карронады… Закон есть закон, пришлось повременить с кровопролитием… А любопытный Ваня Повилика взялся расспрашивать Лорку: что за выстрел? Так? Ну, вот. И познакомился со всем народом… А дома рассказал про пушку деду, а дед начал вспоминать, откуда пошел этот обычай, поведал о капитане Булатове и карте… А там уже одно к одному: карта, глобус, Пришелец… И куча всего другого… Про эту кучу пускай рассказывает Иван. И больше не упирается, а то я опять вспомню помидор…

— Хоть целую сумку, — отозвался Ваня и почуял, как исчезло напряжение. Как стало вдруг опять хорошо всем вместе (и тем, кто *оттуда*, — тоже). Больше ничто не сковывало, не мешало.

— Давным — давно, — сказал Ваня, — в середине позапрошлого века на этой улице, совсем

недалеко отсюда, стоял дом купца Платона Филипповича Максарова… Ну, про это каждый уже знает, но я снова, чтобы по порядку… У него было несколько дочерей и один приемный сын, Гриша… И у них дома был «волшебный фонарь», проектор, чтобы рассматривать стеклянные картинки. Вроде той, что у Тростика… А может быть, она и есть от того фонаря… Гриша любил смотреть картинки, и корабль нравился ему больше всех…

Он говорил и сам удивлялся, как легко выстраиваются фразы. Нет, бывала в них и сбивчивость, но не было долгих остановок, слова находились почти сразу. И главное — тут же появлялись в голове подробности, о которых он сам не знал раньше. Что это было? Разыгравшаяся фантазия? Или великодушная помощь таинственного ВИПа? Или неслышные подсказки незаметно сидевших рядом Гриши, Агейки, Павлушки, Ремки, Костика, Саши?..

Он чувствовал на лице снежную пыль, когда Гриша и Агейка лихо слетали на санках со склонов лога. Слизывал с губ штормовые соленые брызги. Ощущал в руках тяжесть раковины, которую подарила Грише девочка Анна… (Откуда она взялась в памяти у Вани, эта Анна? Потому

что была на свете Лорка? Или в самом деле жила на острове Флореш такая девочка — среди ребят, которых однажды мальчик из далекой страны научил делать бумажных голубков?.. Гриша кивал: жила…)

Долго он говорил. Порой обсыхали губы, и Лорка совала ему в руку пластмассовый стаканчик с теплым квасом. Ваня кивал и продолжал рассказ, он боялся, что оборвется нить. Но, слава богу, она не обрывалась. Все слушали, почти не двигаясь. Только Лика быстро водила карандашом в раскрытой папке. Бруклин сунул было нос, но Лика показала ему кулак. Тим принял смиренный вид.

…У Вани в горле несколько раз царапались слезы. Когда Гриша уезжал в дальний путь, буквально отдирая себя от родного дома. Когда он умолял, чтобы капитан Гарцунов не отдавал в приют гваделупского мальчика Павлушку. Когда Саша Юхманов поднес к простреленному берету ладонь, видя, как уходит под воду пароход «Охотникъ»…

А потом… Ваня понял, что рассказ окончен. Он сказал о знакомстве летчиков Юхманова и Булатова и…

— Ну, вот и все…

Не сразу зашевелились, заговорили. Наконец Квакер известил:

— Вот это да. Ты рассказывал больше часа…

— Жалко, что все кончилось, — вздохнул сдержанный Федя Трубин…

— А ничего еще не кончилось, — сообщила Лика, захлопывая папку. — Завтра… нет, послезавтра соберемся снова. Есть еще одно дело. О том же…

— Какое дело? — недоверчиво сказал Квакер. — Да нет, хорошо, что оно есть, но…

— Я знаю какое, — перебил его Бруклин. — Только я скорее провалюсь сквозь пол, чем выдам тайну…

Половицы крякнули, и ножка табурета под Тимом ушла между ними в щель.

Сеновал застонал от хохота…

4

День прошел обыкновенно. Будто он и не был одним из последних для Вани в Турени. Ваня старательно гнал от себя эту память, это ощущение. Утром он привычно сходил с Ларисой Олеговной на рынок — с тележкой для овощей. После обеда он, Лорка, Трубачи и Никель дурачились на дворе у Чикишевых, поливали друг друга из шланга

— все еще было очень тепло, хотя и не знойно. Лика и Тростик не появлялись, Бруклин тоже. И Квакера не оказалось дома, только Матуба, спустившись с сеновала, помахал гостям хвостом.

Вечером беседовали с дедом об энергетических полях, бессмертии душ, коллайдере, искусственных мозгах и умении делать рогатки (каковое умение, по словам Графа, было в нынешние времена полностью утрачено). На этом день кончился. Они, дни-то, стали заметно короче, в десять часов вместо заката висело за окнами звездное небо…

А назавтра… Дожидаться истинного полдня не стали, собрались с утра.

На этот раз поворачивать ключик велели все-таки Тростику. Чтобы он понял наконец, что нет на нем никакой вины. Он посопел, потоптался и согласился.

Снова серьезно сделали перекличку: здесь ли Гриша и другие герои прошлых лет?

Ваня опять покрутил музыку про стальной волосок. Но ни он и, кажется, никто другой (разве что Тим) не знали, *что* собирается делать Лика.

А она принесла, кроме всегдашней папки, плоский чемоданчик. Оказалось — ноутбук.

Откинули крышку, поставили ноутбук на вер-

стак, сели к экрану лицом. Никто не спрашивал: что будет? Понимали — что-то *такое*…

Лика включила компьютер. На экране появился сделанный быстрыми линиями рисунок. Заснеженная одноэтажная улица со знакомой колокольней Михаила Архангела. Потом — один дом, во весь экран. Снежные валики на карнизах с резьбой… И вдруг прозвучало:

— Давным — давно, в середине позапрошлого века на этой улице, совсем недалеко отсюда, стоял дом купца Платона Филипповича Максарова… Ну, про это каждый уже знает, но я снова, чтобы по порядку…

— Ой… — сказала Лорка рядом с Ваней. А он ничего не сказал, потому что не понял. Не узнал свой голос. И лишь после нескольких фраз будто очнулся.

— Это ты… значит, ты записала меня на диктофон?

— Конечно, — спокойно согласилась Лика. — А ты хотел, чтобы *все это* пропало?.. Я включила запись в мобильнике, и вот… А ты что, обиделся?

Да ни чуточки он не обиделся! Просто не ожидал… Он слушал теперь свой рассказ вместе с остальными и будто смотрел кино. Конечно, легкие штриховые рисунки не были похожи на

кадры фильма, но… они все равно были живыми! Потому что удивительно живою была рука Анжелики Сазоновой, умеющей двумя штрихами набросать эпизоды и портреты.

…И был Платон Филиппович Максаров с семейством у волшебного фонаря…

…И лицо Гриши, увидевшего парусник на экране.

…И портрет конопатого Агейки.

…И капитан Гарцунов с густыми эполетами.

…И стройный, окутанный снастями бриг у архангельского причала.

…И тот же бриг под парусами, в океане.

…И шторм, когда Гриша удерживает развязавшиеся весла.

…А еще — офицеры Артемиды, гардемарин Невзоров, девочка Анна, малыши с бумажными голубками, старый полковник Шато, прижавшийся к нему мальчонка.

…И тот же мальчонка — Павлушка — снова, снова, снова. С тревогой в глазах и несмелой радостью от неожиданной дружбы.

…Потом французский капитан фрегата, непроходимые заросли Ривьер-Сале, выбросившая клуб дыма пушка.

…Светлоголовый мальчик и черная девочка

— друзья Гриши на Кубе.

…Добродушный и решительный доктор Повилика…

…И Гриша — как он бежит по знакомой Ляминской улице к родному дому.

…И Павлушка с девочкой Соней Луковой — рука в руке.

…Самодельная пушка в окружении растрепанных мальчишек на берегу.

…И наконец тоненький Саша Юхманов с ладонью у берета. На фоне пылающего, уходящего под воду «Охотника»…

Рисунков было не меньше полусотни. Конечно, Лика сейчас не прокручивала всю звукозапись подряд. Быстро проматывала куски без картинок и включала звук перед очередной иллюстрацией. Но все равно осталось впечатление «потрясного кинопоказа», как выразился Федя…

И все с Федей согласились. И канючили, чтобы Лика для каждого сделала на дисках копии. Только Ваня не канючил. Потому что Лика сказала сразу:

— А тебе я сделаю не только эту запись, но и отдельно твой рассказ и сами по себе картинки. И даже добавлю те, которых здесь нет…

— Лика, когда же ты успела… все вот это?.. —

изумленно пробормотал Ваня. — За одни сутки…

Лика сказала, что не за сутки. Рисовала она давно. А вчера сделала лишь несколько последних рисунков. Потом они с Тимом у него дома (там был сканер) перевели их на диск. И Ванину речь. Труднее всего было поместить иллюстрации и рассказ на одном диске…

— Но папа у Тимы такой специалист!.. Непонятно даже, в кого такой непутевый сын… Ай! Я же пошутила!

Квакер задумчиво вертел перед собой малыша Пришельца. И вдруг сказал:

— Вань, а ты, значит, придуривался тогда?

— Когда? — Ване стало тревожно.

— Ну, помнишь разговор? Я сказал: «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты». А ты ответил, что все равно не знаешь, кем быть…

— Ну… и что?

Квакер пожал плечами. Сказал, как о вещи, понятной давно и всем:

— Ты же готовый писатель. Твой Жюль Верн отдыхает…

— Да ну тебя… — выговорил Ваня. — Бзя…

Но Лорка шепнула у его щеки:

— Ваня, не спорь…

И он не стал спорить. Не потому, конечно, что

принял слова Квакера всерьез, а потому что… Лорка иногда говорила так, что могла обидеться, если ей не поверить…

Лика же продолжала всех удивлять сюрпризами. Каждому подарила его портрет. Сделаны портреты были тоже несколькими штрихами, но удивительно похоже. И не шаржи, серьезные. В каждом схвачено что-то самое главное. У Никеля — его взгляд, направленный в глубину, в самого себя. У Тростика — удивление перед находкой: он держит в пальцах выпуклую линзу. У Квакера — грустноватый и в то же время прицельный взгляд (и большие уши ничуть не кажутся смешными)… Федя — деловитый, со стамеской. Андрюшка, удивленно оглянувшийся (возможно, опять поспорил с Евдокией Леонидовной — «чё я сделал?»).

Тимофей Бруклин на рисунке жевал стебелек (может быть, что-то сочинял про Онегина).

А Лорка, а он, Ваня, — где?

Они оказались вместе. То есть на двух рисунках, но одинаковых, будто копии. Они улыбались и смотрели перед собой, но понятно было, что улыбаются они друг другу…

Оба разом вопросительно взглянули на Лику.

— А что? Разве не так? — спросила она.

Они опустили глаза и весело посопели: все было так…

Лика наклонилась к Ване и полушепотом пообещала:

— Потом я еще нарисую вам на память карту Гваделорки…

Ваня вздрогнул:

— А ты… откуда знаешь про нее?

— Вот те на… — сказала Лика. — Все, по-моему, знают про вашу сказку.

По дороге домой, когда шли вдвоем, Ваня спросил:

— Откуда же они знают?.. Лор, ты кому-нибудь говорила про наш остров?

Она ответила беззаботно:

— Вань, я не помню. Кажется, нет… Может, однажды Никелю? Там, на даче… Но я правда не помню. А ты обиделся?

— Да нисколько. Просто удивился… Но вообще-то я думал, что это лишь наша тайна…

— А она и есть наша, — сказала она чуть удивленно. — Разве нет? Никто ведь в нее не вмешивается… А если знают, то что плохого? Наоборот…

— Может, и наоборот… Вот, карту получим…

— Многие ведь знают друг про дружку… Квакер никому не говорил, что хочет пойти в училище

спасателей, а про это всем известно…

— Мне неизвестно! — удивился Ваня.

— Было неизвестно. А теперь знаешь, — улыбнулась она, почти как на портрете. Глядя перед собой. И сказала еще: — Про тебя тоже не знали, что станешь писателем. А теперь…

— Смеешься, да? Вот надергаю за бывшие косы!

— Бе — е… — ответила она. Высунула круглой лопаткой язык и на всякий случай отпрыгнула в сторонку…

ПРОЩАНИЕ ВУЛКАН МАТУБА И ЧЕХОВ

1

С детсадовских времен Ваня мечтал о чудесной игрушке — о железной дороге. Не о кукольной, с размалеванными вагончиками и побрякушками на паровозе, а о настоящей. То есть маленькой, но в точности похожей на настоящую. Это была в общем-то и не игрушка, а набор моделей. Такими увлекаются и взрослые: коллекционируют тепловозы и вагоны разных видов, составляют длинные поезда, пускают их по путям из

множества рельсов со стрелками, переездами, семафорами и виадуками… У Вани даже был один такой тепловозик, он стоял на полке, на кусочке рельсов длиною в полметра…

Ваня знал, что, если бы он просил долго и отчаянно, родители могли бы наскрести денег на дорогой подарок. Ну, хотя бы на одну коробку, на самый начальный набор. Но он не просил. Не имело смысла. Все равно разложить рельсы и пустить поезд было негде. Ваня, мама и папа всегда обитали в тесноте. Пока жили вместе, половину одной из двух комнат занимал рояль. На оставшихся квадратных метрах негде было повернуться. Когда родители разошлись и разменяли жилплощадь, стало не лучше. В новых двух комнатках, где поселились мама и Ваня, места оказалось, как в каютках брига «Артемиды» (правда, Ваня о бриге тогда еще не знал). К тому же мама зачем-то (наверно, с досады) купила громоздкую мебельную стенку и большущий телевизор, хотя в такой тесноте вполне хватило бы и старого, маленького. Старый она отдала Ване, и он кое-как пристроил его в своей комнатушке, где с трудом помещались кушетка, стол и стеллаж…

А в квартире у деда было — хоть в футбол играй (хорошо, когда ты знаменитый профессор!). У

Графа — свой кабинет, а еще — большущая спальня, столовая, соединенная с обширной кухней, и комната, где поселили Ваню. А самое главное — великанская библиотека. Здесь, кроме книжных шкафов и полок, важно располагались несколько диванов и кресел.

Библиотеку Ваня любил больше всех комнат. В ней было *пространство*. Он даже ночевал иногда именно здесь, а не в своей комнате. Выключал свет, устраивался на одном из диванов, слушал тиканье большущих настенных часов и скользил глазами по широкому, будто ледяной каток, паркету. Паркет отражал вечерние блики, а Ваня прикидывал: как можно было бы разместить на нем рельсы *самого полного набора*. Такого, который он видел однажды на выставке в «Детском мире»…

Эти воображаемые рельсы, насыпи, мосты и поезда были частью города Гваделорки. Который на острове Гваделорке…

Дед, конечно, не стал бы спорить против дороги. Он не спорил даже тогда, когда в библиотеку вваливалась вся «артемидовская» компания (вместе с Матубой). Так случалось несколько раз. Народ мог без препятствий разглядывать книги и сувениры, обсуждать, сидя на полу, разные

события и строить догадки, спорить о Гваделупе и галдеть у Ваниного ноутбука, подключенного к Интернету. Тетя Лара иногда поглядывала косо, но ничего не говорила. Наверно, утешала себя тем, что все это — ненадолго.

Ох, совсем уже ненадолго…

А еще Ване нравились в библиотеке стекла. В стеклах была одна из стен. Высокие многостворчатые двери, выходившие на балкон, за ними окно балкона, похожего на великанский фонарь. Когда створки и двери были открыты и повернуты под разными углами, их сочетание напоминало многогранный кристалл. Он отражал в себе необычный город.

За окном, через двор, виден был кирпичный финансовый факультет с полукруглыми, как в средневековых домах, окнами. Над крышей поднимались несколько белых башен ближней церкви. Их подсвечивали прожектора, башни как бы вырастали из нездешнего пространства. Горели маковки и кресты. А неподалеку подымались другие башни — со шпилями и флюгерами — корабликами. Кораблики — это эмблемы города и университета. Позади башен громоздилось удивительное здание во много этажей. Построили его не очень давно, однако и оно казалось

старинным-тоже башенки, балконы, террасы, галереи. Словно собрали в горстку целый городок…

И бывало, что среди башен висела полная луна. Большущая, похожая на пятнисто-белый воздушный шар…

Все это отражалось в путанице стеклянных граней, повторялось, дробилось. Вот уже полдесятка лун висят среди шпилей, двигаясь от кораблика к кораблику. А подсвеченные закатом облака превращаются в узоры калейдоскопа. А башен уже столько, что позавидовал бы и город Прага… И все это — город Гваделорка. Не придуманный в те минуты, когда Ваня смотрел на облака, и не тот, который обещала нарисовать Лика, а настоящий.

Ваня знает, что, если выйти во двор, справа, за спортплощадкой, начинается иной, тоже удивительный мир. Косые заборы в зарослях уличных трав, покосившиеся дома с резьбой и кружевными дымниками, ворота с коваными кольцами, откосы лога в темной шубе бурьяна и полыни, журчанье Туренки под мостами, пестрота цветов, у которых названия известны лишь местным бабкам…

И если окажешься на стыке нескольких улиц у лога, рядом с бревенчатыми двухэтажными до-

мами и церковью Михаила Архангела, у выхода к насыпному мосту, — отсюда начинаются дороги, тропинки и деревянные тротуары, ведущие к друзьям. Направо и вперед — к Лорке. Направо и назад — ко двору Квакера с его обширным сеновалом. Назад и налево, через мост — на зеленый двор Чикишевых, где всегда Трубачи и Никель (а над мостом — слюдяные стрекозы и болотистый запах речки). Если же пойдешь совсем назад, то через три квартала — Лика и Тростик (а недалеко от них и Тим)…

Всего этого не видно сейчас, через стекла, с дивана. Однако видно луне (или дюжине лун). И Ваня смотрит на луну, как на сообщницу. Она-тоже часть Гваделорки…

Наверно, и Лорка смотрит. Ей с третьего этажа тоже видно луну и разноцветные облака…

Было бы чудесно, если бы не саднящее напоминание: «Этого скоро не будет…»

А что будет?

Ну да, он хорошо представляет свою московскую комнатку — привычную и вполне уютную. И старую знакомую мамину подругу тетю Жанну, которая будет его опекать, пока мама не вернется из-за океана. (А папа — он вообще неизвестно где, на каких гастролях.) Тетя Жанна — она не менее

заботливая, чем тетя Лара. «Ванечка, ты уже сделал уроки? Не сиди долго у телевизора, это вредно для глаз…» И все будет хорошо. Дома и в школе… «Повилика, привет! Куда ездил?.. В Сибирь? Там, небось, холод?.. А я в Анталию… Да ну, скучища, каждый день только песок и море…»

А один раз Ваня не сумел представить и этого. В голове появилась только серая пустота. Вроде той, которая может появиться во вселенной, если что-то не так сработает в Большом адронном коллайдере. Он даже малость испугался. Не за вселенную, а за себя. Вспомнил какую-то фантастическую книжку, где герои умели предвидеть будущее. И если старались, но не видели ничего, кроме пустоты, значит — скоро крышка… А что, если самолет, на котором он полетит в Москву, возьмет — да и бабах…

Но страх был не сильным и коротким. Гораздо больше пугало прощание. Особенно с Лоркой…

Билеты были заказаны на двадцать шестое. И Ваня утешал себя, растягивая время: «Еще ведь не завтра. И даже не послезавтра…»

Но вот пришел день, когда уже «послезавтра».

И когда уже «завтра»…

2

Если про это «завтра» забыть, то снова день был как день.

С утра Ваня в одиночку прошелся по ближним улицам. Постоял на речном обрыве. Посмотрел, как горят купола и маковки белых церквей. Как важно движется вверх по течению прогулочный теплоход. (Они с Любовью Петровной и Лоркой однажды проехались на таком до села Верхний Бор и обратно). Отыскал глазами дома и краны Пристанского района, за которыми зеленел Загородный сад (тот, где бронзовые девочка и мальчик)…

Потом пошел к Лорке.

Они погуляли вдвоем и говорили о всяких пустяках — ни о чем важном. Потому что о всякой переписке, звонках и всем таком прочем было сказано заранее.

Затем пошли к Квакеру. Там собралась уже вся компания. Дни стояли все еще очень теплые, и Никель предложил искупаться (и с некоторым вызовом глянул на Трубачей: да, я самостоятельный!). Хорошая была мысль. Купанье — это лучше, чем сидеть просто так и вздыхать, повторяя то, что уже много раз сказано. Сбегали

за велосипедами и покатили на старое место, к барже.

Вода была уже холодноватая, но все храбро прыгнули по разу с железной кормы, поплавали, побултыхались на отмели. Вылезли. Загорать на ветерке не хотелось. Вытерлись единственным (нашлось у Лики) полотенцем. Поехали обратно. Заглянули к Герману Ильичу, но его не оказалось дома.

И опять собрались на сеновале.

И как-то само собой получилось, что сели вокруг волшебного фонаря с фанерной стенкой и скважиной. Никто не стал вставлять в скважину ключ, хотя Квакер вертел его в руках. И Ваня не стал крутить стерженек с музыкой, только зазвенело тихонько в голове:

Тронет пружинку стальной волосок…

— Ну, чего, ребята… — неловко выговорил Квакер. — Надо ведь, наверно, что-то сказать Ивану… раз уж завтра ему в дорогу…

— Жалко, — выдохнул Тростик. И, пожалуй, этим было сказано все. Но не кончать же напутственную речь таким словом.

— Жалко, — согласился Квакер. — Но что делать… Зато мы открыли «Артемиду». И все, что с

ней было. Благодаря Ивану…

— Да, — важно подтвердил Бруклин. — Можно сказать, что Ваня превратил для нас воображаемые события в реальность. Ничего не было — и вдруг…

— Как это ничего не было! — возмутился Андрюшка Чикишев. — Все было!

— Да. И бриг, и приключения. И… те ребята, — подтвердил Никель.

— Были и есть, — строго сказала Лика.

— Ну да, — снисходительно согласился Тимофей. — Но это же так… символически. Игра. А с точки зрения фактов…

Возможно, Тим нарочно затевал спор. Чтобы отвлечь всех от грусти расставания. Лучше уж слегка поругаться, чем дружно погружаться в печаль. Ваня этого не понял. Он сказал с колючей досадой:

— А карта разве не факт? Вот… — Отскочил к стене и, рискуя обломать ногти, отколупнул на углах карты кнопки.

— Вот! — Он принес карту к верстаку. Белый лист спланировал на доски. — Тут же всё! И подпись Булатова, и название брига!..

Бруклин кивнул с видом взрослого человека, не желающего спорить с детьми:

— Ну да, ну да… Я разве против? Наоборот… Но карта и надписи — это ведь просто карта и надписи. И, между прочим, на ней нет даже Матубы… Того места, где был форт… Тростик, дай свою лупу!

Тростик, посапывая, достал из кармана тяжелое стекло.

— Вот… — Тимофей повел увесистой линзой над бумагой с мелкими буквами. — Где Матуба?

Да, конечно, он просто «заводил» народ. И, может быть, себя. Чтобы разогнать горечь прощания. Но заводил по-глупому (это Ваня обдумал и понял позже). А сейчас Ваня злился все сильнее:

— Потому что карта мелкомасштабная! На ней и вулкана Суфриер нет! Может, его нет и по правде?

…Они ведь уже не раз обсуждали этот вопрос. Что такое Матуба? Почему в одних данных написано, что форт Дельгре был на *склоне вулкана Матуба*, а в других, что Матуба — это селение на склоне вулкана Суфриер. Поди разберись! Съездить бы туда и выяснить на месте!.. Это могла бы сделать Ванина мама, но едва ли ей там будет до географических поисков. День — два туристической беготни по намеченным маршрутам — и поехали дальше…

Как-то Андрюшка Чикишев предположил:

— Наверно, Матуба — это еще одно жерло вулкана Суфриер, недалеко от главного. Только заглохшее. Вроде как бывает главный фурункул, а рядом головка поменьше, случайная. У бабушки как-то был такой на шее…

На этом и сошлись. В тот раз. А сейчас опять начал проклевываться спор. И спор этот прекратил Квакер.

— Нет Матубы? Будет Матуба! Ваня, она ведь вот здесь? — И он ткнул острием ключика в карту на нижнем крае левой половины острова, чуть повыше города Бас — Тер.

— Немного южнее, — сказал Ваня, испытывая странное, сердитое удовольствие.

— Вот и хорошо! — Квакер проколол стальным волоском бумагу. — Получайте!

Все сдвинули головы над картой, словно решался какой-то важный вопрос. Словно ждали чего-то особенного. Какого-то доказательства. Но увидели только крошечный прокол.

— Незаметно… — вздохнул Федя.

Тогда Ваня спросил:

— Игорь, можно мне? — И потянулся к острому карандашу, который накануне забыла на верстаке Лика.

Квакер кивнул.

И Ваня воткнул грифель в след прокола. Словно ставил точку в истории «Афродиты» и ее героев. Хотя вулкан Матуба был в этой истории не концом, а самым — самым началом.

Грифель сквозь карту попал в щелку между досками и оставил в бумаге отверстие, похожее на маленький кратер.

Теперь никто уже ни о чем не спорил. Даже Бруклин.

А Квакер покачал на ладони ключик (маленький, но увесистый) и вдруг сказал:

— Дай-ка… — Он потянулся к Ване и выдернул у него из ворота полураспущенный шнурок. Затертый, серый. Пропустил его в колечко ключика, завязал концы и надел ключик на Ваню. — Вот так…

— Это… зачем? — пробормотал Ваня.

— А затем… — сказал Квакер.

— Мы давно уже договорились, — объяснил из дальнего уголка Никель. — Чтобы ты ничего не забыл. Мы-то будем вместе, а ты… там. Чтобы помнил…

Лорка шепнула у Ваниного плеча:

— И чтобы записал всю историю на бумаге. Как книжку…

Зацарапало в горле. Ваня закашлял. А Квакер вдруг заулыбался и сообщил:

— Это не все. Еще я награждаю тебя орденом. От себя лично… — Он потянулся через верстак и вынул с полки, из-за коробки с железной мелочью, крупный помидор с продетой в него суровой ниткой. — Вот. Орден Красного томата высшей степени. На память о первой встрече.

Нитку он надел Ване на шею, и все зааплодировали. Весело и шумно. Может быть, даже излишне шумно, потому что заметили, что Ване-то не до веселья…

Он так и пошел домой — с помидором и с ключиком на шее. Провожать его не стали. И всяких пожеланий говорить не стали. Потому что условились: завтра прибегут к профессорскому дому, когда Ваня будет садиться в машину, чтобы ехать в аэропорт.

А пока с ним пошла только Лорка.

И пошли они не прямым путем, а тропинками по берегу лога. Там, где их когда-то подкараулил Квакер с дружками. Ноги сами понесли их по этим дорожкам.

Они шли, сцепившись пальцами и помахивая руками. С виду — вполне беспечные. Тропинки были узкие, всякие колючки и крапивные ли-

стья чиркали по ногам, но теперь уже не могли ужалить кожу — прокаленную и темную, как у мальчишек и девчонок с Антильских островов.

Обошли старую трансформаторную будку и оказались на краю откоса. Пестрело разнотравье с поздними цветами. Висели над крышами Городища желтые набухшие облака.

— Лор, ты дальше не ходи меня провожать, — сипловато попросил Ваня. — Я один… Я вечером позвоню…

— Ладно, — кивнула Лорка. Понимала, что еще одно прощание, у ее крыльца, — это было бы чересчур…

Ваня с трудом улыбнулся:

— А давай… вот это… — Он снял с шеи орден Красного томата и крупно откусил алый бок. И протянул Лорке. И она откусила от него. И так они, улыбаясь, сжевали подарок Квакера и посмотрели друг другу в лицо.

Ваня заплакал.

Он, большой мальчик, почти шестиклассник, открыто заплакал, не выдержал прощания с Гваделоркой. Без рыданий и всхлипов, но неудержимо, крупными слезами. Слезы горошинами сыпались на выцветшую футбольную рубашку с затертым портретом Айвенго и оставляли на

ней темные полоски. Падали на сандалеты и проскальзывали между ремешками.

Лорка не стала говорить «ну что ты» и «не надо». Подняла его подол и стала вытирать щеки. И вытирала, пока он не перестал ронять слезы. Сама она не плакала, только покусывала губы. Затем шепнула:

— Ты ведь еще приедешь…

И не было в Лоркиных словах уверенности, что он приедет. И что, если и приедет, *все будет по-прежнему*.

Ваня решился. Сделал то, о чем думал еще на сеновале. Он снял с шеи ключик, положил на ладонь. Ключик был очень похож на крошечную карту Гваделупы. Левая часть, Бас-Тер, — колечко. Правая, Гранд-Тер, — стерженек с бородкой и острым выступом мыса Шато. Со стальным волоском. А узкий, как осиная талия, перешеек перечеркнут был тонкой, но заметной канавкой — проливом Ривьер-Сале. Соленой рекой (соленой от Ваниных слез?).

Ваня взял ключик за два конца. Надавил. Ключик без труда, охотно даже, разломился пополам-точно по щелке пролива.

— Ой… — тихонько выдохнула Лорка.

Ваня поднял с ее босоножки упавшую нитку от

помидора. Затянул ее петелькой на стерженьке ключа. Надел себе на шею. А шнурок с оставшимся на нем серебряным колечком надел на Лорку.

— Ой… — опять шепнула Лорка. — А… разве так можно?

— Теперь уже все равно, — сказал Ваня. И еще раз всхлипнул.

Потом он повернулся и без оглядки побежал к дому…

3

Рядом с общежитием была водонапорная колонка. Ваня умылся у нее, налегая животом на рычаг. Снова вытер подолом лицо. Прерывисто вздохнул и по улице Красина пошел к своему подъезду.

Лифт не работал, и по дороге на пятый этаж Ваня успокоился еще больше. Или внушил себе, что успокоился.

— Наконец-то, — сказала тетя Лара. — Я уж хотела звонить. Завтра улетать, а еще ничего не собрано…

Это у нее было что-то не собрано. А у Вани давно был уложен чемодан. Тот самый, с которым он прилетел.

— Граф дома? — спросил Ваня. Беспечно так,

даже небрежно.

— Дома. Но почему-то сердитый. То ли что-то случилось на работе, то ли… не знаю…

Ну, сердитый так сердитый. Ваня видал деда всяким и не боялся. А тем более сейчас. Не все ли равно? Так или иначе вот — вот наступит *завтра*…

Он хотел зайти к деду, спросить: что случилось? Может быть, утешить даже (раньше иногда получалось такое). Но Константин Матвеевич сам высунул голову из кабинета.

— А-а!.. Ну-ка ступай сюда!

Ваня удивился такому тону и пошел. Дед прикрыл позади него дверь.

— Если бы тебе не улетать завтра… я бы взгрел тебя, паршивца, не ракеткой, а чем-нибудь покрепче! И не стал был посыпать пеплом голову…

— Граф, что с тобой? — устало спросил Ваня. Он почему-то не очень удивился. Только снова шевельнулись слезы.

— Он еще спрашивает! Зачем ты испортил карту?!

— Я?.. Карту?!

— Я хотел вставить ее под стекло, купил рамку! Смотрю — а на карте дыра! Карандашная пометочка, й-ёлки-палки! На раритете!..

— Граф, что за бзю ты говоришь? — сказал Ваня, проглотив слезинки (и шевельнулась надежда, что со скандалом улетать будет легче).

— Я?! Бзю! Это ты мне, старому человеку, смеешь заявлять такое! Сосунок!..

— Ладно! Пускай я сосунок! А карта-то при чем?!

— Смотри! Разве это не твоих рук дело?! — Дед сунул Ване под нос развернутый лист. — Вот!..

На нижней части острова Бас-Тер темнела дырка с черными краями. Как от выстрела раскаленной дробиной.

— Дед… это не я… Ну, честное слово, не я!

Еще не шевельнулось у Вани догадки. Никакой.

Но… будто кто-то шепнул: сейчас может что-то измениться в жизни. Шепнул и пропал…

— Дед! Но это *правда* не я!!

— А кто? Я?.. — Константин Матвеевич опустился на стул. Карта легла на колени. — Зачем это мне?

— А мне?! У нас у всех свои карты есть!

И непонятно почему прозвучало в голове:

В карту воткнется стальной волосок,
Лава польется на черный песок…

Это как на острове Флореш (где жила девочка Анна). Ваня читал, что там песок черный от вулканических извержений…

Дед сказал чуть миролюбивее:

— Может быть, ты перепутал карты? Хотел отметить что-то на своей, а под руку попала моя?

— Как я мог перепутать? Бумага разная на ощупь и на вид!.. Вот, смотри! — Он кинулся в свою комнату и приволок чемодан, уронил его на пол, отбросил крышку…

Карта лежала на самом дне. Сверху — разноцветные штаны и футболки, которые дарила тетя Лара и которые он почти не надевал. Белье и полотенца. Книжка «Завещание чудака» (Ваня дочитал ее до середины, а потом слегка охладел, не стало времени; ладно, закончит потом…). Папка с рисунками Лики — его и Лоркин портрет и схема острова Гваделорка, выполненная «под старину»: многобашенный город над морем, кораблики, пальмы, киты и морские драконы… И вот, наконец, Гваделупа.

Ваня рывком развернул ее на паркете.

— Вот!.. Ой…

Тот же обугленный след от «дробины» чернел и здесь. На том же месте, на южной оконечности Бас-Тера.

— Понятно, — хмыкнул Дед. — Игра еще в одну тайну? На прощанье?

Ваня, сидя на полу, вытащил из нагрудного кармана телефон.

— Андрей! Федя и Никель у тебя? Вот хорошо! А ваши карты? Я помню, они лежали на твоей полке! Посмотри!.. Посмотри, нет ли на них такой же пробоины, как на карте Квакера?.. Да, жду… — И стал ждать, глядя мимо деда. И дождался. — Есть?! Ну и ну… Да я ничего не знаю!.. Ладно, завтра поговорим!..

И еще:

— Лика!.. Помнишь дырку в карте Квакера? На твоей есть такая?.. Что? Я так и знал!.. Сам не понимаю! Завтра!..

Константин Матвеевич смотрел на Ваню без прежней сердитости. Даже с оживлением.

— Остальной вашей братии можешь не звонить, ясно и так…

— Мы отметили вулкан Матуба на карте Квакера, — сумрачно объяснил Ваня. — Другие карты не трогал никто. Ни наши, ни твою…

— Удачно придумано, мистика всегда щекочет нервы. Кстати, неплохой эпилог к истории про «Артемиду»…

— Граф… — сказал Ваня.

— Что? — усмехнулся дед.

— Граф… Была еще одна копия карты. Твоя. Ты сразу спрятал ее в сейф. И шифр сейфа знаешь только ты…

Константин Матвеевич посидел, подавшись вперед и тиская подбородок. Смотрел куда-то перед собой. Словно решал: поддаваться ли игре? Потом схватил со стола мобильник.

— Марго! Давай ко мне, очень срочное дело!..

Тут и пешком-то было до главного корпуса десять минут. Но дед решил, что на колесах быстрее. Жгла нетерпением каждая минута.

И Ваню жгла. Хотя в общем-то он уже *знал*…

И вот академическая прохлада лестниц и коридоров. И Пушкины, Пушкины со стен… И удивленный взгляд секретарши Танечки в прихожей кабинета…

Палец деда, тыкаясь в отверстия, рывками завертел черный диск. Сейф запищал. Пудовая дверца отошла. Дед с размаха раскрутил на столе бумажную трубу.

— Великие силы…

— Ну? — с сумрачным торжеством сказал Ваня.

Дед посмотрел на него через плечо.

— Это разнесет вдребезги множество аксиом… Впрочем, все равно никто не поверит…

— А ты? — сказал Ваня.

Профессор Евграфов сел на стул, вытянул ноги и пошевелил обшарпанными туфлями, которые любил. И, глядя на эти туфли, проговорил:

— Несокрушимый ВИП…

И здесь Ваня понял, что наступил *единственный* момент. Тот, который ни за что нельзя упустить. Тот, в котором — *надежда*.

Ваня встал перед дедом прямо. Даже навытяжку. Стиснул пальцы, скомкал ими на бедрах тонкую ткань обветшавшей летней одежонки. В пальцы попал репейный шарик, прицепившийся к нижней кромке на шортах. Рассыпался в труху…

— Граф… у меня к тебе разговор…

— Да? — сказал профессор с усталым интересом. — Какой?

— Такой… литературный…

— Да? Это как понять?

— Ну… так. Чеховский… — Ваня облизнул пересохшие губы. — Помнишь, я рассказывал про утренник… где читал рассказ о Ваньке?

Дед молчал. И смотрел неотрывно.

— Милый дедушка… — с трудом сказал Ваня, глядя на пуговки его рубашки. И повторил громче. Со звоном даже: — Милый дедушка Константин

Макарыч… То есть Матвеич… То есть… ну, все равно… Пожалуйста… Сделай божецкую милость. Милый дедушка, не отправляй меня в Москву! Пожалуйста, пожалуйста!.. — В голосе его прорезалось отчаянье, которое, наверно, было у Гриши Булатова, когда он умолял капитана Гарцунова не отдавать в приют Павлушку. — Христом Богом тебя молю, не отправляй… Я… — Ваня криво улыбнулся, не зная, что еще сказать, и опять вспомнил Ваньку: — Я буду тебе табак тереть… А если не стану слушаться, дери меня, как Сидорову козу… — И понял вдруг, как нелепо сочетание этих книжных строк с его настоящей тоской. И всхлипнул, и прошептал: — Ну, не могу я без этого… без всего… что здесь…

Дед подался вперед, смотрел, смотрел и вдруг шепнул:

— Ну-ка подойди…

И Ваня шагнул. И дед взял его корявыми пальцами за голые локти, придвинул еще.

— Я не понимаю… Ваня… Это опять игра?

— Какая игра… — тихо ужаснулся Ваня.

— Тогда… По правде говоря, я… хотел чего-то такого. Только не надеялся… Нет, но это *всерьез*?

— Граф… — сказал Ваня. Прикусил губу и распахнул мокрые ресницы.

Тогда профессор Евграфов толчком встал. И начал превращаться в великана — головой под потолок. И смотрел уже с фантастической высоты — настоящий Могучий Граф, повелитель многих сил во вселенной, соратник великого ВИПа.

Ваня глядел на него не дыша, снизу вверх.

Всесильный дед опять взял телефон. И сказал, укрывая в мягкости интонации незыблемую решимость:

— Ларочка, радость моя… Сейчас ты съездишь с Марго в аэропорт и сдашь Ванин билет… Вот так и сдашь… Да, не полетит… Да нет, совсем не полетит, останется здесь… Что значит «на какой срок»? На какой захочет… Что значит «кто решил»? Он решил, я решил… Мы решили… Ларочка, с мамой его объяснишься сама. Она твоя дочь и должна слушаться родительницу… Умница…

Ваня не верил. То есть верил, но…

— Дед, а что она сказала? Тетя Лара…

Дед улыбнулся, спускаясь из-под облаков к Ване.

— Твоя бабушка иногда умеет быть лаконичной. В юности она учила испанский язык и сейчас ответила: «Муй бьен». Что означает также «олл райт» и «зер гут».

НЕСКОЛЬКО ПОСЛЕСЛОВИЙ

Да, все остальное — уже послесловия.

Первое
СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ АВГУСТА

…А потом… Но все эти «потом» почти не касались мальчика Вани Повилики. Это было дело взрослых. «Ох, а как же со школьной формой?»… «А учебники?»… «А документы?»…

«Но Лара… Ты слетаешь в Москву и все там выяснишь, все привезешь. Ты ведь давно хотела побывать в столице»…

«А если здесь в школе другая программа?»…

«Ну, не в Австралии же он оказался!»…

«Я сойду с ума… Имей в виду, если ты не будешь учить уроки и слушаться…»…

«Тетечка Ларочка, я буду!.. Я тебя люблю!.. И не забудь привезти мой тепловозик с рельсами»…

Вся эта суета была не главной. Даже разговор с мамой оказался не таким трудным, как опасался Ваня.

«Я понимаю… Наверно, я в чем-то виновата

перед тобой…»

«Да никто ни в чем не виноват! Все хорошо!»

Главная задача была — не расплескать то большущее счастье, которое Ваня носил перед собой, как живую воду в широком блюде. Блюдо похоже было на бронзовый таз для плова (только с запаянными дырками), который подарили Герману Ильичу…

Впрочем, не только взрослые заботились о школьных делах шестиклассника Вани.

Лика:

«Герман Ильич, родненький! Ну, громаднейшая просьба! Поговорите с директором, он же вас уважает! Пусть Ваню запишут в тот же класс, где Трубачи и Никель!.. Да, конечно! Не поехал! Да!.. Язык такой же, английский!.. Герман Ильич, я весь год буду мыть ваши кисточки и грунтовать холсты!.. Да ничего я не вру!..»

Последние дни августа оставались очень теплыми, а небо по вечерам было удивительным. С него ручьями катились звездопады…

А теперь — отдельные эпизоды. Как рассыпанные картинки от волшебного фонаря.

Щуплый «диверсант» по кличке Косой как-то снова появился на сеновале Квакера. Его не стали

прогонять, хотя поглядывали: шпионит, небось. Но он не шпионил. Они часто разговаривали с Тростиком. Несколько раз парни Рубика ловили Косого в глухих переулках. За это Квакер и Трубачи дважды ловили парней Рубика. Ну, потом как-то все устоялось…

Однажды Квакер пришел к Чикишевым с Матубой, и там пса увидел кот Туркин. Думаете, были шум и драка? Ну да, сперва Туркин шипел и раздувался, но вскоре притих, подошел боком… И смотрите-ка, Матуба уже лижет рыжую кошачью шерсть. И скоро стали такие друзья — каждый день друг к дружке в гости…

И все было хорошо, только однажды Ваню скрутила острая тоска по маме. Мама приснилась ему, и он проснулся в слезах. Давно он так по ней не скучал, с детсадовской поры. Ваня выхватил из-под подушки телефон.

— Мама!.. Это я…

— Господи, что случилось?

Она всегда так говорила, если Ваня звонил неожиданно.

— Ничего не случилось. Просто соскучился…

— Но ведь у вас ночь!

— Ну, я и соскучился ночью… А ты сейчас на теплоходе?

— Да, посреди Карибского моря. Такая красота… Но я по тебе тоже соскучилась… Скажи правду, у тебя все хорошо?

— Совершенно хорошо. Только… знаешь что? Когда вернешься, прилети в Турень, а? Хоть на денек! Тогда будет… еще больше, чем совершенно хорошо… А?

И мама не сказала «нет». Она сказала, что «может быть», что «надо подумать» и «если не будет полного безденежья».

— Ура! — гаркнул на всю туренскую ночь Ваня.

— Сумасшедший! Ты там перебудишь всех!

— Ма-а! Я тебя обнимаю! Изо всех сил…

— И я тебя… Только я перед тобой все же немного виновата…

— А что случилось? Да нет, ты ни в чем не виновата!

— Дело в том, что я ничего не смогу узнать про Гваделупу. Туда не будет захода, агентство сократило маршрут. Говорят, там активизировался какой-то вулкан. Та самая Матаба или Тутуба… Сейсмическая опасность… Но монетки я тебе достала. Гваделупские, с кораблями…

— Ура!.. — выдал Ваня громким шепотом.

…А на следующий день Тимофей Бруклин сказал:

— Вот что значит совать карандаши в жерла уснувших вулканов…

— Не карандаши, а волшебный ключик, — уточнила Лорка. Ей не нравилось, когда нарушают сказочность.

— Ключик — сначала, а потом толстый карандаш…

— Сам ты толстый, — сказал Ваня гибкому стройному Тиму. — Еще неизвестно, что там такое. Может, это проснулся не Матуба, а Суфриер, он всегда дымит…

— А Матубы, может быть, вообще нет. Просто деревня с таким названием. На склоне Суфриера… — уточнил Никель.

— А скорее всего, это вообще бзя, — вмешался Квакер. У него было хорошее настроение, потому что он отмотался от переэкзаменовки по «нюркамату» (и «Княжна Нюра» даже получила замечание от завуча). — Скорее всего, агентство пудрит мозги туристам, чтобы сократить маршрут и нагреть лапы…

Не исключено, что так оно и было. Но возможно, что сюда снова приложил руку великий ВИП. Чтобы у Ваниной мамы выбрался лишний денек для прилета в Турень…

В то же утро Квакер отобрал половинки клю-

чика у Вани и Лорки. Спаял их и повесил ключик на прежнее место, рядом с Пришельцем. Сказал, что незачем давать глупым младенцам такую игрушку, раз они решили не разъезжаться.

Ваня и Лорка не обиделись. Только Лорка сказала, что это «бзя».

— А еще воспитанная девочка, — укорил Квакер. — Знаешь, как я поступаю с вредными Дюймовочками? Кладу на одну ладонь, а другой сверху — плюх! Была трехмерная Дюймовочка — станет двухмерная, как тень.

— Бе-е, — сказала Лорка и высунула язык-лопатку. А потом добавила, что у ее бабушки много спелых больших помидоров. Здешнего урожая…

Тростик выменял у соседского мальчишки на свою линзу крупную раковину рапана, привезенную с Черного моря.

— Ну и правильно, — сказал практичный Федя. — Стекло, оно что? Так… А раковина как раз для твоей коллекции.

Похудевший большеглазый Тростик мотнул головой:

— Нет. Отнесем Агейке.

И отнесли раковину Агейке. Положили у плиты в путанице осота и повилики. Это было в первое воскресенье сентября. Все еще трещали кузне-

чики…

Второе
ДИПЛОМ

Читателю, видимо, понятно уже, что «Бриг „Артемида“», первый роман этой книги (или первая книга этого романа), есть дипломная работа студента Ивана Повилики — из того времени, когда Иван закончил отделение литературного мастерства на Туренском филфаке.

Наиболее придирчивые воскликнут: «Как это может быть?!» Вся книга «Стальной волосок» написана в том самом году, когда Ваня пошел в шестой класс! И дальше пока ничего еще не было! Не могло быть!

Ну, это объясняйте как хотите. Сам Ваня — превращаясь из тощего длинноволосого студента обратно в привычного шестиклассника — разводит руками:

— Сам не знаю, как такое получилось…

И мы не знаем. Но книга-то есть, никуда от этого не денешься…

Кстати, на защите диплома случились некоторые осложнения. Руководитель, профессор Жанников, настаивал на пятерке. То есть на

оценке «отлично». Однако Ванин оппонент, профессор Иванов, уперся. Говорил, что в лучшем случае — «жидкая троечка». Потому что работа слабая. Ну, не в смысле стиля и литературных образов, а в своей философии. Мол, там какие-то непонятные взгляды.

— Простите, профессор, в чем непонятные? — спросил Ваня (возможно, чересчур независимо).

— Вы пытаетесь убедить читателей, что придуманные вами события имеют право на ту же оценку, что и реальные факты… А в литературе фантастические измышления всегда ценились меньше, нежели факты, взятые из реальности.

— В самом деле? — удивился Иван.

— Коллега Повилика… — мягко сказал руководитель Жанников.

— Извините, — сказал Ваня.

Профессор Иванов, двинувши вперед бородку-лемех, заявил:

— В вашей так называемой «исторической повести»…

— Это повесть-сказка…

— Потрудитесь не перебивать!.. Придумать можно что угодно. Но во всякой выдумке должна лежать реальная основа. А вы не привели ни одного аргумента, подтверждающего ваш… сюжет.

— Аргументов множество, — возразил Ваня. — Хотя бы история детства профессора Евграфова…

— Мне кажется, не следует козырять своими родственными связями, — оттопырил над бородкой губу профессор Иванов.

— Ну, ладно, — покладисто отозвался Ваня. — Тогда один, совсем свежий аргумент, я не успел приложить его к работе… Мой друг, лейтенант спасательной службы Игорь Григорьев, недавно вернувшийся из училища в наш город на службу, месяц назад ремонтировал свой старинный дом. Под истлевшими обоями он увидел газетную прокладку. Из какой газеты лист, пока неизвестно, однако понятно, что это местная хроника семидесятых годов девятнадцатого века… Если позволите, я процитирую по памяти. Вот что написано на оборванном листе:

«…как стало известно из источников, близких к ученой общественности нашего города, в среду в Турень прибыл академик и профессор Петербургского университета Пэ А Повилика. Он был рад навестить своих старых друзей — капитана Туренского пароходства Гэ Вэ Булатова и мастера-резчика Пэ Ка Григорьева, с которыми в пятидесятых годах участвовал в рейсе по Атлантике. Академик выступил перед учащими-

ся городского училища и рассказал им об этом плавании. Среди слушателей нашелся молодой преподаватель, который несколько вызывающим тоном подверг сомнению факт прохода брига „Артемида“ по проливу Ривьер-Сале на перешейке острова Гваделупа. Он ссылался на утверждения писателя Жюля Верна, что такой проход невозможен.

„Такие сомнения высказывались и ранее, — сообщил Петр Афанасьевич Повилика. — Мне известен инцидент в Севастополе, когда мой знакомый капитан-лейтенант Невзоров вызвал на поединок другого офицера, Малахова, и прострелил ему плечо за то, что Малахов излагал суждения, напоминающие ваши…“ — После чего академик улыбнулся, давая понять, что его слова можно расценивать, как шутку…»

— Вы опять козыряете вашими родственными связями, — заявил профессор Иванов.

— Отнюдь, — возразил дипломник Повилика. — Полагаю, мы с академиком просто однофамильцы. Хотя я счел бы за честь считать себя потомком Петра Афанасьевича… А если бы я хотел коснуться нашей фамилии более подробно, то мог бы привести более любопытные факты…

— Например? — спросил руководитель Жан-

ников.

— Если позволите, такой… Когда мне было около двенадцати лет, я посадил в горшок с геранью семечко помидора. Пожалел его и сунул в землю, чтобы не засохло. К осени оно дало росток. Но стал тянуться вверх не томатный побег, а непонятное растение — стебелек с крошечными розово — лиловыми колокольчиками. Моя бабушка Лариса Олеговна воскликнула: «Да это же повилика!» Вьюнок обвился вокруг стебля герани, сросся с ним и образовал единый цветущий куст. Он растет до сих пор, хотите — верьте, хотите — нет. Бабушка называет его помидорно-геранной повиликой… Впрочем, я понимаю, что это не имеет прямого отношения к защите…

— Косвенного тоже, — непримиримо сказал оппонент профессор Иванов.

В комиссии разгорелся спор об оценке. Профессор Иванов был настырен и к тому же состоял в каком-то родстве с проректором по учебной части. Поэтому Ивану Повилике поставили за дипломную работу не «отлично», а «хорошо». Ваня пожал плечами — ему было все равно. Роман «Бриг „Артемида“» готовился к печати уже в двух издательствах и в толстом журнале для детей…

Третье
О РАДУГАХ

Когда Ваню в университетском коридоре шумно поздравили друзья, он отказался пойти в студенческое кафе, чтобы «обмыть» защиту. Он пошел на берег, на обрывы, где густо разрослись молодые клены. Шел и постепенно превращался из дипломника в того, кем был на самом деле — мальчика Ваню, перешедшего в шестой класс. В полинявшем добела футбольном костюме и плетеных башмаках на босу ногу.

А июль превращался в август.

Недавно прошел теплый дождик. Сейчас опять сияло солнце, но листья еще не высохли. Стараясь не задевать веток, Ваня пробрался на крохотную лужайку у самого обрыва. Здесь торчал пень от векового тополя. На пне, сдвинувшись плечами, сидели Гриша и Павлушка. Грише предстояло скоро ехать в Тобольск, в гимназию, и они грустили.

— Да хватим вам, — сказал Ваня, садясь сбоку. — У Павлушки тут Соня Лукова, а Гриша… ты выучишь там кучу корабельных наук. А к Рождеству приедешь на каникулы…

— Утешать легко, — насупленно сказал Гриша. — Сам-то забыл уже, как лил слезы, когда чуть не расстался с Лоркой?

— Ну, так что теперь… — пробормотал Ваня. Не знал, как тут возразить…

— Вань-я, а Лорка теперь кто? — примирительно спросил Павлушка.

— Кто *когда*? Сейчас или…

— Когда ты уже студент, — усмехнулся Гриша.

— Вы не поверите! Она окончила театральную школу при драмтеатре и работает в местном ТЮЗе.

Играет Дюймовочку, Буратино, Герду и принцессу Турандот!.. И девочку Женю в новом спектакле «Стальной волосок». Зрители от двенадцати до семидесяти лет влюбляются в нее по уши…

— И ты ть-ерпишь? — хихикнул Павлушка.

— А что делать… Вы думаете, у нас в будущем никаких проблем?

Гриша помолчал и сказал:

— Ладно, ребята. Все равно — все хорошо…

— Потому что *мы есть*, — уточнил Павлушка.

— Да. Потому что *мы были, мы есть, и мы будем всегда*, — слегка назидательно сказал Ваня. Тут же застеснялся этой назидательности и виновато

засопел.

— Агейка вчера нам долбил то же самое, — заметил Гриша. — Когда мы качались на досках у шадриковской лесопилки.

Вверху раздался похожий на россыпь колокольчиков смех, и с веток покатились частые капли.

— Агейка, не балуйся! — взвизгнул Гриша. — Вот беспутная голова!

— Иди к нам, — сказал листьям Ваня. — Посидим вместе.

Но опять посыпались капли, прозвучал смех, прошумели сырые ветки.

— Совершенно несносный «гарсон». Фи… — сказал Гриша голосом учительницы французского языка (ее недавно пригласили Максаровы).

— Агейке нь-екогда, — объяснил Павлушка. — Он построил над логом три радуги и катается по ним на мь-едном блюде. Ну, на том, похожем на шит…

23 августа 2008 г.

ТЮМЕНСКИЙ КРАТОКРАФАН

Словарь «Кратокрафан (Краткий толкователь крапивинской фантастики)» неоднократно публиковался в сочинениях Владислава Крапивина. Он служит для того, чтобы читатели лучше ориентировались в «толпе» фантастических персонажей и в разных пространствах, на которых развиваются события, придуманные этим автором.

Первый вариант Кратокрафана был написан в девяностых годах прошлого века. Затем он расширялся, потому что автор никак не мог остановиться — писал все новые сочинения, в которых так или иначе присутствовала фантастика. Весной 2007 года писатель переехал из Екатеринбурга, в котором жил много лет, в родной город Тюмень. Мотивировал этот легкомысленный (по мнению многих) поступок тем, что «старых капитанов после долгих плаваний всегда тянет в родную гавань». Переезд, видимо, способствовал повышению творческой активности. За полтора года, проведенных в Тюмени, автор закончил четыре книги: «Трофейная банка,

разбитая на дуэли», «Дагги-Тиц», «Бриг „Артемида“» и «Гваделорка». Ни в одной из них (даже в абсолютно реалистической «Трофейной банке») не обошлось без той или иной доли фантастики. Поэтому возникла необходимость расширять и словарь.

Поскольку основной «Кратокрафан» уже печатался в этом Собрании, автор написал «тюменское» добавление, которое и предлагает вниманию читателей. В нем, как и в основном словаре, — четыре раздела.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА

А

Агейка. Мальчик, живший в Турени в середине девятнадцатого века. В восьмилетнем возрасте он умер от простуды. Это очень опечалило других ребят. Память о конопатом ласковом Агейке была такая, что он навсегда остался жить в волшебной, сказочной Турени, которая образовывала душу земного города. И бывало, что встречался с друзьями. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок).***

Д

Дагги-Тиц. Маленькая серая муха, с которой подружился четвероклассник по имени Инки. На их долю выпало немало суровых испытаний, но все-таки Дагги-Тиц вернулась к Инки. ***(Дагги-Тиц).***

Ж

Желька. Крохотная девочка — акробат. Ее и мальчика Сима придумал школьник Иннокентий Гусев (Инки), чтобы не так скучно жилось на свете. ***(Дагги-Тиц).***

Жужу (он же *Пришелец*). Сплетенный из прядок пенькового троса человечек размером с детскую ладонь. Попал к мальчику Грише Булатову на бриге «Артемида», а потом переходил из рук в руки. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок).***

М

Матуба. Злобный дух, получивший свое прозвище от имени вулкана (или поселка) на острове *Гваделупа*. Существовал он на самом деле или

только в ребячьем воображении, трудно сказать, но он сумел изрядно попортить жизнь мальчику Полю (Павлушке), уроженцу Гваделупы.

С

Сим. Маленький акробат, товарищ (а возможно, что и братишка) *Желъки*.

КОРАБЛИ

А

АН-2. Аэроплан местной авиалинии, на котором летел в Брюсово мальчик Инки. ***(Дагги-Тиц)***.

«Артемида». Русский бриг водоизмещением около двухсот тонн, построенный в финском городе Або. Весной 1854 года отправился в рейс через Атлантику, на Кубу, со специальным заданием русского правительства. На бриге вместе со взрослыми пошел в плавание одиннадцатилетний мальчик из города *Турени* Гриша Булатов. *(Бриг «Артемида»).*

Б

Баржа, вытащенная на берег у Туренской пристани. На ее палубе загорали и с ее высокой кормы

ныряли туренские девчонки и мальчишки. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок).***

Баркентина из экспедиции Вилькицкого. Она встретила в Обской губе пароход «Охотникъ», который уходил на север под командой старого капитана Булатова. ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок).***

Британский корвет у берегов Кубы. Он безуспешно караулил «Артемиду» в бухте Гаваны. ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок).***

«Брюн торо» ***(«Коричневый бык»)***. Французский фрегат, перекрывший бригу «Артемида» выход из бухты Пти-Кю-де-Сак-Марен у острова Гваделупа. Бригу пришлось преодолеть почти непроходимый пролив Ривьер-Сале, чтобы уйти от фрегата в другую бухту — Гран-Кю-де-Сак-Марен. «Коричневый бык» преследовать бриг, разумеется, не смог. ***(Бриг «Артемида» — дилогия «Стальной волосок»).***

Д

«Дредноут» в Туренском логу. Тяжелая дощатая посудина на речке Туренке — судно мальчишек-«пиратов», которые преследовали плот с двумя путешественниками — Ремкой Шадриковым и

Костиком Евграфовым. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок).***

«Дыра». Придуманный пароходик, о котором любили петь юные актеры детского театра «Штурманята» в городе Брюсово. ***(Дагги-Тиц).***

Е

«Евсей» (1). Парусная лодка студентов Кости Евграфова и Рема Шадрикова, которую два друга, исполняя детскую мечту, построили для своих путешествий. Названа по имени старого и любимого петуха. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок).***

«Евсей» (2). Моторная лодка, которую в старости купил Рем Шадриков, друг профессора Евграфова. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок).***

«Ермаковецъ». Пароход, отбитый колчаковцами у красных в Омске. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок).***

И

«Иртышъ». Пароход, отбитый у красных колчаковцами в Омске (вместе с *«Ермаковцем»*). ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок)***.

К

«Каталония». Испанское парусно — паровое судно, пакетбот. На нем Гриша Булатов, его названный брат Павлушка и доктор Петр Афанасьевич возвратились из Гаваны в Европу. ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок).***

Кораблики из сосновой коры. Их мастерил на радость туренским ребятишкам мальчик Павлушка, уроженец острова Гваделупа. В ту пору и появился в городе Турени обычай — устраивать гонки игрушечных корабликов по весенним лужам. ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок)***.

О

«Охотникъ». Речной пароход, на котором капитан Григорий Васильевич Булатов вывез из Тобольска беженцев, спасавшихся от бедствий Гражданской войны. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

«Охотница». Такого парохода не было, но это название часто употребляли, путая его с именем настоящего парохода «Охотникъ». ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

П

Плот Костика и Ремки, на котором они однажды пустились в путешествие по Туренке. Во время этого рискованного плавания Костик впервые услышал от своего друга о проливе *Ривьер-Сале на Гваделупе.* ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Прогулочный речной теплоход. На нем московский мальчик Ваня Повилика и его подружка Лорка однажды прокатились у берегов Турени. Это еще больше привязало Ваню к старому сибирскому городу. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Р

«Резвый». Трехмачтовый парусник в романе Жюля Верна «Юные путешественники». О нем вспоминал Ваня Повилика, когда размышлял о Гваделупе. «Резвый» был захвачен пиратами, которые не решились пройти проливом Ривьер-Сале — в отличие от моряков «Артемиды». ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

С

Судно (голландский парусник) на стеклянной картинке для волшебного фонаря. Им любовался Гриша Булатов, когда мечтал о дальних плаваниях. Судя по всему, это же судно на той же картинке спустя полтора века разглядывал и мальчик Тростик. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Ф

Фрегат, сделанный из обрезка доски. Игрушечный корабль, который Костик Евграфов пусти по Туренке, через туннель под мостом. Это событие положило начало дружбе Костика с Ремкой Шадриковым. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок).***

ГЕОГРАФИЯ И КОСМОГРАФИЯ

Б

Бас-Тер (1). Один из двух островов (западный), образующих двойной остров Гваделупа. Название переводится как «Низменная земля», что не очень-то логично, поскольку на острове преобла-

дают высокогорные области. ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок)***.

Бас-Тер (2). Город на южном побережье одноименного острова. Там одно время жил и даже учился в школе семилетний мальчик Поль, один из главных героев романа. ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок)***.

Бехукаль. Городок на Кубе. Между ним и Гаваной в 1837 году была построена железная дорога, одна из первых на Земле (точнее — третья по счету). Под мостом этой дороги прятались — не желая, чтобы их разлучили, — Гриша Булатов и Павлушка (Поль). ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок)***.

Брюсово. Город районного масштаба. Сюда из поселка Столбы переехал четвероклассник Инки и здесь подружился с ребятами из детского театра «Штурманятз». ***(Дагги-Тиц)***.

В

ВИП (Всеобщее информационное поле). Это не совсем географическое понятие, но имеет отношение к космографии. По утверждению профессора Евграфова, данное поле пронизывает все пространства Вселенной и может оказывать влияние на жизнь разных разумных существ в

самых отдаленных областях мироздания, если между такими существами возникает особого рода резонанс. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Г

Гавана. Всем известный, замечательный, красивый город, столица Кубы. Здесь закончилось путешествие Гриши Булатова на «Артемиде», здесь они с Павлушкой добились осуществления своей мечты — всегда быть вместе. ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок)***.

Гваделорка. Сказочный остров (с одноименным городом на нем). Его выдумал мальчик Ваня Повилика, чтобы подарить девочке, с которой подружился в *Турени*. Название составилось из испанского слова «гваде» (что, по некоторым данным, переводится как «речной брод») и имени девочки — Лорка. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Гваделупа. Небольшой остров в цепи Малых Антильских островов. Был ареной многих кровавых войн и мятежей. Местное население не раз подымало восстания против рабства, которое окончательно было отменено в 1848 году. Состоит из двух островов, соединенных нешироким

перешейком, который рассечен узкой, почти непроходимой даже для небольших судов протокой. Географы любят отмечать, что по форме Гваделупа напоминает бабочку. Однако маленький Тростик Зайцев разглядел на старинной карте, что двойной остров напоминает массивный ключ. Это послужило одним из толчков для развития сюжета книги. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Гранд-Тер. Один из островов (восточный), образующих Гваделупу. Вопреки названию («Высокая земля») отличается низменным рельефом.

Гран-Пти-де-Сак-Марен. Бухта между Бас-Тером и Гранд-Тером, с северной стороны перешейка. Туда пробилась после рискованного плавания по Ривьер-Сале «Артемида». ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок)***.

З

Земляной вал. Застроенная причудливыми домиками улица на дамбе, которая тянется через болото в городке Брюсово. Приехавший в Брюсово мальчик Инки понял, что эта улица очень похожа на другую — сказочную улицу «Строительный вал», которую он безуспешно искал в поселке Столбы. Возможно, здесь произошло слияние

двух соседних пространств. ***(Дагги-Тиц)***.

Л

Ляминское озеро. Так жители *Турени* именовали небольшой водоем (по мнению скептиков — просто обширную лужу), который до сороковых годов прошлого века «украшал» маленькую площадь на стыке трех улиц недалеко от Михайло-Архангельской церкви. Одна из улиц по имени озера так и называлась — Ляминская. А в советское время стала улицей Герцена. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Лисья гора. Холм на окраине городка Брюсово. На его склоне летним утром Инки и его друг Гвидон дожидались проезда по шоссе машины бизнесмена Молочного. Задумавший мщение Гвидон держал в ладони пульт дистанционного взрывателя. ***(Дагги-Тиц)***.

М

Матуба. С этим географическим названием — путаница. Некоторые историки и авторы туристических проспектов пишут, что Матуба — вулкан (и получается, что расположен он по-

чти вплотную к другому вулкану — известному, действующему, высокому Суфриеру). По другим сведениям Матуба — просто поселок на склоне Суфриера. Карты не дают объяснения. Название есть, а что под ним кроется — непонятно. По крайней мере, герои «Стального волоска» разобраться толком не смогли. Однако это не помешало старинной карте Гваделупы проявить относительно Матубы кое-какое волшебство… ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Мушкетерские дворы. Территория в историческом центре Турени. В середине двадцатого века была занята старинными зданиями, пустырями и живописным дворами. Начитавшийся Дюма герой «Трофейной банки…» Лодька Глущенко называл эти места «Мушкетерскими дворами» и любил бродить по ним, мечтая о приключениях. ***(«Трофейная банка, разбитая на дуэли»)***.

П

Пти-Кю-де-Сак-Марен. Бухта у *Гваделупы*, с южной стороны перешейка, соединяющего *Бас-Тер* и *Гранд-Тер*. Именно в нее ураган занес *«Артемиду»*, что привело ко многим неожиданным событиям. ***(Бриг «Артемида» — дилогия***

Стальной волосок).

Пуэнт-а-Питр. Город у северной оконечности бухты *Пти-Кю-де-Сак-Марен* (во время действия романа — небольшой и со следами землетрясения). Именно сюда чуть не отправили Гришу Булатова, когда возникла опасность сражения с фрегатом *«Коричневый бык»*. ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок)***.

Р

Ривьер-Сале. Узкий и мелкий, почти недоступный для плавания пролив в перешейке на *Гваделупе*. По нему, несмотря на трудности и громадный риск, прошел бриг «Артемида», чтобы оторваться от противника и доставить на Кубу важные документы. ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок)***.

С

«Сталинская смена». Пионерский лагерь под *Туренью*, в котором летом 1951 года переживал свои горести овладевал мастерством фотографа Лодька Глущенко. ***(Трофейная банка, разбитая на дуэли)***.

Столбы. Поселок, где Инки познакомился с

Дагги-Тиц, где искал *Строительный вал*, и встретился с Борисом Голицыным, руководителем детского театра «Штурманята», приехавшим из Брюсова. ***(Дагги-Тиц)***.

Строительный вал. Фантастическая улица, которую Инки Гусев однажды увидел в поселке *Столбы*, а потом никак не мог найти. ***(Дагги-Тиц)***.

Суфриер. Действующий вулкан на *Гваделупе*, самая высокая точка острова. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Т

Туренский лог. Глубокий разветвленный овраг, который тянется по всей территории старой *Турени*. По некоторым данным, часть лога в давние времена служила крепостным рвом татарской, а затем русской крепости. В прежние годы склоны лога были покрыты лишь высокими травами и мелким кустарником, здесь было раздолье для любителей лыж и санок. В наше время лог сильно зарос, да и число любителей зимних катаний поуменьшилось — многие нынешние школьники предпочитают компьютеры. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Турень. Так в некоторых своих книгах автор

называет родной город, настоящее имя которого — *Тюмень*. К такой маленькой хитрости писатель прибегает для того, чтобы дотошливые краеведы и знатоки старины не придирались, если обнаружат неточности. То есть в *Турени* больше простора для фантазий. ***(Дилогия Стальной волосок и ряд других книг)***.

Туренка (в реальности — Тюменка) — речка, протекающая по дну *Туренского лога*. Кстати, на самом деле таких речек две и сливаются они лишь недалеко от впадения в большую реку. Но почему-то носят одно название. ***(Дилогия Стальной волосок и ряд других книг)***.

Ф

Флореш (Флориш). Самый западный из Азорских островов. На его берегу Гриша Булатов познакомился с местными ребятами, среди которых была девочка Анна, подарившая русскому мальчику раковину. ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок)***.

Форт Дельгре. Укрепление, построенное недалеко от города *Бас-Тер* (по некоторым данным — на склоне вулкана Матуба). В 1802 году, когда французская армия по приказу Бонапарта восстанавливала на Гваделупе рабство, триста человек

местного гарнизона под командой полковника — мулата Луи Дельгре впустили в форт французов и взорвали его. Погибли и защитники, и осаждавшие. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Ш

Шато. Мыс, которым заканчивается узкий острый полуостров, протянувшийся на восток от Гран-Тера. Именно он напомнил ребятам о стальном волоске, которым следовало снабдить волшебный ключик. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

ТАЛИСМАНЫ И ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ВЕЩИ

Б

Бляшка из расплющенной пули. Амулет Лодьки Глущенко. Лодька смастерил его из пули от самодельного пистолета, которая едва не оказалась роковой в дуэли двух бывших друзей. ***(Трофейная банка, разбитая на дуэли)***.

Ж

Жужу. Сплетенный из прядок пенькового троса человечек, который в давнее время был игрушкой мальчика Павлушки, потом обитал внутри фаянсового глобуса, а в двадцать первом веке нашел пристанище у туренского подростка по прозвищу Квакер (и получил имя *Пришелец*). ***(Бриг «Артемида» — дилогия Стальной волосок)***.

К

Карта Гваделупы. Карта работы французского гравера Амбруаза Тардье. В середине девятнадцатого века ее купил в Париже русский ученый Петр Афанасьевич Повилика. Похоже, что карта обладала фантастическими свойствами. Именно ими (да еще резонансом *Всеобщего информационного поля*) можно объяснить случай с карандашным проколом, продублированным копиями этой карты. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Ключик со стальным волоском. Ключик, сделанный из серебряной *монеты* в полтора евро, отчеканенной на острове Гваделупа. Служил

своего рода талисманом, когда герои романа собирались, чтобы поговорить о приключениях, связанных с бригом «Артемида». Стальной волосок на конце ключа словно задевал воображаемую пружинку, которая раскручивала сюжет. Как в старой песенке: «Тронет пружинку стальной волосок…». ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

М

Медное блюдо для плова. Плоская старинная посудина, украшенная по краям арабской вязью. Ребята нашли ее в осыпи на склоне *Туренского лога* и сначала приняли за воинский щит… Потом на этом блюде катался по радугам, выстроенным над логом, бессмертный и неунывающий мальчик Агейка. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Монета с Гваделупы. Серебряная, с изображением французского парусного корабля. Юная художница Лика подарила ее своему другу Тростику, а тот пожертвовал для общего дела — чтобы изготовить ключик со *стальным волоском.* ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

П

Пришелец. См. *Жужу*.

Пушка для полуденных выстрелов. Самодельная пушка на колесах от телеги, которую с друзьями смастерил Гриша Булатов, когда вернулся в родной город после путешествия по Атлантике. Раз в году, в день летнего солнцестояния, в полдень, мальчишки стреляли из нее, чтобы поддержать традицию, с которой Гриша познакомился на бриге. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Р

Раковина с острова Флореш. Ее подарила при коротком знакомстве Грише Булатову девочка Анна… Потом раковина не раз меняла форму и своих владельцев и, видимо, обретала волшебные свойства. Судя по всему, именно она была на фотографии с мальчиком, которая висела в хирургической больнице и помогала маленьким пациентам сохранять бодрость духа. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

С

Стеклянная картинка для «волшебного фонаря». Диапозитив для старинного проекционного фонаря. Парусник, изображенный на картинке, сначала будил мечты о плаваниях в Грише Булатове, а через полтора века радовал маленького Тростика Зайцева, который любил все, что связано с морем. ***(Бриг «Артемида», Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Т

Тополиный свисток. Самодельная свистулька из сучка тополя. Ее подарили однокласснику Никите Кельникову (Никелю) Федя Трубин и Андрюша Чикишев, когда тот уезжал из Турени, в хирургическую клинику. Не исключено, что этот маленький талисман помогал Никелю в трудные минуты. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Ш

Шарики из волокнистого хрусталя. Два шарика, которые Никель оставил Андрюше и

Феде перед отъездом на операцию, когда уговаривал этих ребят прекратить вражду и стать друзьями. Шарики, безусловно, способствовали примирению и дружбе. ***(Гваделорка — дилогия Стальной волосок)***.

Ф

Фаянсовый глобус. Маленький старинный глобус, сделанный в Голландии. В давние времена принадлежал доктору Повилике, а в конце этого повествования оказался у профессора Евграфова — деда московского школьника Вани Повилики, приехавшего на каникулы в Турень. Внутри глобуса, дожидаясь лучших времен, много лет обитал игрушечный человечек *Жужу (Пришелец).*

Сентябрь 2008 г.